ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1996

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

том II

518 - 602

ГОДЫ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1996

ББК Кул. (Рос.)
Кулаковский 14

Основатель и руководитель серии:

Абышко О. Л.

Ю. А. Кулаковский (1855-1919) — выдающийся русский антиковед, археолог и византинист, впервые в русской историографии создавший обобщающий труд по истории Византии в 3-х томах. В первом томе после обширного введения изложение истории начинается с момента разделения Римской империи в 395 г. до конца правления Анастасия. В сочинении Ю. А. Кулаковского прекрасно изложена внешнеполитическая история и духовная эволюция Византии, описана жизнь столицы, императорского двора, достаточно много говорится о церковных делах и государственных учреждениях. По словам автора, он «ведет читателя своим изложением в самый templum historiae byzantinae (храм истории Византии)». Ярко и талантливо написанная работа адресуется как специалистам, так и всем интересующимся историей и культурой государства, которому столь многим во всех отношениях обязана Россия.

Текст книги заново отредактирован, значительно дополнен разнообразными вспомогательными материалами и хронологическими таблицами. Приведены очерк жизни и творчества Ю. А. Кулаковского, дана новейшая библиография по отдельным разделам.

«История Византии» открывает новую серию издательства «Алетейя» (г. СПб) — «Византийская библиотека», в рамках которой будут опубликованы основные первоисточники и исследования современных византинистов по истории и культуре Византии.

ISBN 5-89329-003-14

© Издательство «Алетейя»(г. СПб) — подготовка текста, составление, художественное оформление, 1996 г.
© «Византийская библиотека» — название серии © А. Г. Грушевой — научная редакция, 1996 г.

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ТОМ II

Юстин. Юстиниан. Юстин II.
Тиверий и Маврикий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.
Предисловие....VII
Источники и литература....IX

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Юстин

Избрание на царство. Юстиниан. Прекращение раскола с римской церковью. Преследование монофизитов. Север и Юлиан. Преследование еретиков. Христианские мученики в Аравии....15
Отношения империи к персидской державе. Колхида и Боспор....29
Жизнь столицы. Общественные бедствия. Брак Юстиниана и венчание его на царство....38

Юстиниан

Царский свиток Агапита. Императрица Феодора. Двор и этикет. Церковное законодательство. События первых лет правления в Сирии и в придунайских областях....44
Заботы об усилении восточной границы в Армении и Сирии. Сношения с арабами. Война с Персией. Смерть Кавада и вступление на царство Хосрова. Вечный мир....56
Кодификация римского права....67
Бунт Ника....73
Святая София....80
Разгром царства вандалов....88
Падение остготского царства в Италии....101
Дела на Востоке и война с Хосровом....117
Дела в Африке....130
Вторая война с остготами....139
Дела на востоке. Война с персами в Лазике. Мирный договор с Персией....159
Северная граница империи. Отношения к эрулам, гепидам и лангобардам. Славяне на Дунае. Гунны и их набеги....176
Турки и сношения Юстиниана с аварами....190
Церковные дела....193
Законодательство Юстиниана в области государственного управления....216
Финансы и финансовое управление при Юстиниане....224
Армия и военное дело при Юстиниане....241
Жизнь столицы. Общая оценка правления Юстиниана....256

Юстин II

Вступление на царство. Начало правления....273
Разгром царства гепидов. Утверждение аваров в придунайских землях. Лангобарды в Италии. Дела в Африке и Испании....279
Дипломатические сношения с персами и турками. Покорение Хосроем южной Аравии.
Восстание в персидской Армении. Война с персами и взятие Дары Хосроем. Болезнь Юстина....287
Церковные дела. Жизнь столицы....299

Тиверий

Провозглашение Тиверия кесарем. Семейные его отношения. Начало правления....306
Дипломатические сношения с персами и возобновление войны. Смерть Хосрова и воцарение Ормузда. Ход войны под начальством Маврикия....310
Дела на Балканском полуострове. Нашествие славян в придунайские области. Сношения с аварами. Утрата Сирмия. Сношения с турками. Дела в Италии и Африке....319
Патриарх Евтихий. Эдикт Тиверия о еретиках. Дело о язычниках. Борьба в недрах монофизитской церкви. Царь Мундар. Смерть Евтихия. Смерть Тиверия....326

Маврикий

Семейные отношения Маврикия. Бракосочетание, консулат, рождение наследника. Семейство императора. Сооружения Маврикия....338
Дела на Востоке....342
Отношения империи к аварам. Походы на славян за Дунаем....360
Дела в Африке и Италии....378
Церковные дела....386
Низвержение Маврикия....389

Дополнения

Экскурс к критике сведений о восстании Бахрама-Чобина....398

ИСТОЧНИКИ и НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

(продолжение представленного в I томе списка)

ИСТОЧНИКИ

Procopii Caesariensis opera omnia, ree. Ilaury. I—II. Lipsiae. 1905, vol. Ili, 1.
Historia, quae dicitur arcana. Lipsiae. 1906.
— De aedificiis, ed. Dindorff. Bonnae. 1838.

Agathiae Myrinei Hisloriarum libri quinqué, graeca recognovit Niebuhrius. Bonnae. 1828. Corpus iuris civilis, Novellae, ed. Scholl-Kroll. Berolini. 1899.

Theophylacti Simocattae Historiae, ed. de-Boor. Lipsiae. 1887.

Die Kirchen-Geschichte vou Johannes von Ephesus. Aus dem syrischen ubersetzt von Schònfclder. München. 1862. johannis episcopi Ephesi, syri monophysitae, Commentarli de beatis orientalibus et Historiae Ecclesiasticae fragmenta, latine verterunt van Douwen et Land. Amstelodami. 1889. Geschichte der Perser und Araber zur Zcit der Sasaniden, aus dem arabischen iibersetzt und mit ausfiirlichen Erlâuterungen und Ergánzungen versehen von T. Noldecke. Leyden. 1879.

Ссбеос, История императора Иракла, перевод с армянского (Патканова). С.-Пб. 1862. (Histoire d'Iléraclius par l'Eveque Sebeos. trad. par. Frédérik Mader. Paris. 1904).

Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, ed. Gelzer. Lipsiae. 1890.

Mauricii Ars militaris, ed. Johannes Schefferus. Upsaliae. 1664.

Gregorii episcopi Turonensis Historia Francorum (Mon. Germ, hist.) 1884.

Pauli Historia Langobardorum (Mon. Germ, hist.) 1878.

Liber Pontificalis, ed. Duchesne. Paris. 1886- Vigilii Papac Epistalae et decreta
(P. L. 69).

Facundus Hermianensis, Pro defensione trium capitulorum conciJii Chalcidonensis libri XII ad Justinianum impcratorem (P. L. 67, 527—863).

Gregorii Papae Registrum epistolarum, ed. Ewald-Hartmann. I—II. Berolini. 1891—1899. (Mon. Germ. hist.).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1) ПО ИСТОРИИ ИМПЕРИИ

Groh, Geschichte des ostrômischen Kaisers Justin II nebst den Quellen. Lpz. 1889.

Diehl, Justinien et la civilisation Byzantine au VI-e sfecle. Paris, 1901.

Lebeau, Histoire du Bas Empire, nouv. éd. par De Saint Martin, t. X. Paris, 1829.

Bury, The constitution of the later Roman Empire. Cambridge, 1910.

Hartmann, Untersuchungeu zur Geschichte der byzantinischen Verwaltune in Italien. Lpz. 1889.

Diehl, Etudes sur l'administration Byzantine dans l'Exarchat de Ravenne. P. 1888. L'Afrique Byzantine. Paris. 1896.
Manuel d'Art Byzantin. Paris. 1910.

Güterbock, Byzanz und Persien. Ber. 1906.

Gasquel, L'Empire Byzantin et la Monarchie franque. Paris. 1888.

Zachariae von Lingenthal, Geschichte des griechisch-rômischen Rechts. 3-ter Aufl. Berlin. 1892.

Monnier, Etudes sur le droit Byzantin (Nouvelle Revue du droit français et étranger. 1892.
125—164; 330—352; 497—542; 637—672.

Панченко, О тайной истории Прокопия (Виз. Врем. II 24—164, 340—371; III (1896) 96—117, 300—316; 461—527; IV (1897) 402—451).

Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, 2-ter Theil. Berlin. 1901.

C. Benjamin, De Justiniani imperatoris aetate quaestiones militares. Berolini. 1892. Aussaresses, L'armée Byzantine a la fin du VI siede. Bordeaux. 1909.

Chapot, La frontiere de l'Euphrate de Pompée a la conquête arabe, Paris. 1907. Duchesne, Vigile et Pelage (Rev. des Quest, hist. 1884, 36, 369—440).

Доброклонский, Сочинение Факунда, епископа германского, в защиту трех глав. Москва. 1880.

V. Gutschmid, Verzeichniss der Patriarchen von Alexandrien (Kleine Schriften II 395—525).

2) О ИСТОРИИ ВОСТОКА

Григорьев, Землеведение К. Риттера. География стран Азии. Восточный или Китайский Туркестан. Выпуск второй. С.-Пб. 1873.

Cahun, Introduction á l'histoire de l'Asie Turcs et Mongols des origines a 1405. Paris. 1898.

Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Petersburg. 1895.
— Neue Folge. Petersburg. 1897.
— Zweite Folge. 1899.

Chavannes, Documents sur les Ton-Kiue (Turcs) Occidenteaux. (Сборник трудов Орхон- ской экспедиции. VI). Петерб. 1903.

Marquardt, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig. 1898.
— Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften (Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenl. XII). 1903.
— Osteuropâische Streifzüge. Leipzig. 1903.

П. Мелиоранский, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями (Жур. Мин. Проев. 1898, июнь).

V. Gutschmid, Geschichte Irans und seiner Nachbarlânder. 1888.

Nôldecke, Die Ghassanische Fürsten aus dem Hause Gafna's (Abhandl. der Beri. Akad. 1887).

Rothstein, Die Dynastie der Lahmiden in al-Hira. Berlin. 1899.

Saint Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. I—II. Paris. 1818—1819. Brosset, Histoire de la Géorgie. I—II, S.-Pet. 1849—1856.
— Additions et Eclaircissements a l'Histoire de la Géorgie. 1851.

Адонц, Армения в эпоху Юстиниана. Петерб. 1908.

Lehmann—Haupt, Armenien einst und jetzt. Erster Band. Berlin. 1910

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская ныне в свет второй том Истории Византии, позволяю себе предварить читателя, что я, как и в первом томе, старался дать по возможности полную и цельную картину последовательного хода судеб государства на основании непосредственного изучения материала источников. Богатая событиями эпоха Юстиниана с обилием разнообразных свидетельств заняла по необходимости много места в моем изложении, и чтобы дать этому тому приблизительно такие же размеры, какие имеет первый, я остановился в изложении судеб Византии на трагической кончине императора Маврикия. Это событие и последовавшее затем кровавое царствование Фоки составили эпоху в жизни империи, которой вслед затем пришлось пережить страшный кризис, явившийся последствием появления на арене мировой истории нового деятеля — арабов с их новой религией. Заканчиваю этот том с надеждой обозреть в следующем период двух династий, в правление которых империя, под воздействием тяжких внешних условий, перерождалась внутренне в греческое национальное государство, сохраняя по традиции свой старый гордый титул.

Ко второму тому для удобства читателя приложены четыре карты. Две из них, общая карта Италии и окрестностей Рима, заимствованы из IV тома сочинения английского историка *Hodgkin'a* (Italy and her invaders), третья карта, Африка, — из Orbis Antiquus Киперта, и четвертая, Армения, из специальной статьи того же Киперта, помещенной в издании: *Monatsberichte der K. P. Akademie der Wissenschaften aus dem J. 1873.* Хотя эта карта не обнимает всей Армении, но в ней изображена та часть территории армянского и сирийского племени, где совершались описанные в этом томе события. Карта была уже отлитографирована, когда я имел возможность познакомиться с прекрасным сочинением *Lehmann—Haupt,* Arménien einst und jetzt. B. I (Berlin. 1910), в котором, между прочим, дана одна существенная поправка в топографической номенклатуре, нанесенной Кипертом на свою карту. Новые эпиграфические находки доказали, что древнюю столицу Тиграна следует помещать не там, где сделал это Киперт, а на месте города Мартирополя (Майферкат или Майафарикин). Так как эта поправка не имеет, в данном случае, значения, то я оставил для этого издания карту в том виде, как она скопирована с карты Киперта. Я очень хотел приложить также карту Западного Кавказа, в пределах которого в правление Юстиниана совершались важные события, но мне не удалось найти подходящего оригинала.

Для событий, совершавшихся на Балканском полуострове, читатель может обращаться к карте Иллирика и Фракии, помещенной в первом томе.

Изображения Юстиниана и Феодоры по снимкам с мозаик церкви S. Vitale в Равенне представляют уменьшенную копию тех, которые дал Hodgkin в II и IV томах своего сочинения.

В заключение мне остается принести глубокую благодарность Правлению Университета Св. Владимира, которое нашло возможным оказать мне щедрое пособие на издание этого тома, покрывшее более половины типографских расходов.

Ю. К.

8 Ноября 1911.
Киев.

ЮСТИН

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО. ЮСТИНИАН. ПРЕКРАЩЕНИЕ РАСКОЛА С РИМСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МОНОФИЗИТОВ. СЕВЕР И ЮЛИАН. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕРЕТИКОВ. ХРИСТИАНСКИЕ МУЧЕНИКИ В АРАВИИ

В конце правления императора Льва явились в столицу искать счастья три брата-селянина. Рослые и хорошо сложенные, привычные к труду земледельца, они пришли пешком с мешками за спиной, в которых несли хлеб из родного дома в селении Бедериана в провинции Дардании в верхнем течении реки Аксия (Вардар). Их имена были Юстин, Зимарх и Дитибист. Император зачислил их в придворные полки[1].

Ничего не известно о том, как шла служба двух братьев Юстина, но сам он постепенно поднимался в ранге и в начале правления Анастасия был в числе вождей той армии, которая действовала в Исаврии под главным начальством Иоанна Кирта. Впоследствии рассказывали, будто Юстин во время этой войны за какой-то военный проступок был отдан под стражу, и ему грозила смертная казнь; но грозное видение, повторявшееся три раза кряду, предсказало Иоанну о высокой судьбе, ожидающей Юстина и его родственников. Подчиняясь высшей воле, Иоанн освободил Юстина от ответственности за проступок[2]. После подавления исавров, Юстин был одним из командиров армии, которая была направлена на восточную границу для войны с персами, а в конце правления Анастасия, занимая видный пост комита экскувитов, Юстин отличился в подавлении бунта Виталиана. За свою долгую боевую и военную жизнь Юстин не имел возможности позаботиться о своем образовании и до конца жизни не выучился писать. Когда впоследствии ему приходилось давать свою подпись на государственных актах, он пользовался для этого дощечкой с прорезанными на ней буквами legi (читал) и, водя по ней кисточкой, получал нужную подпись. Человек военный и верный слуга императора, Юстин не имел никакого знакомства с делом государственного управления; но судьба судила именно ему стать преемником на троне Анастасия. Об избрании Юстина на царство Константин Багрянородный сохранил официальную запись, в которой это событие предстает в таких чертах.[3]

Когда ночью на 9 июля скончался Анастасий, силенциарии немедленно дали знать о том магистру оффиций Келеру и комиту экскувитов Юстину. Явившись во дворец, они стали внушать солдатам, чтобы те поскорее сошлись на каком-либо лице, которое могло бы занять опустевший престол. Келер обращался к кандидатам и схолам, а Юстин к экскувитам и трибунам других полков. На рассвете явились во дворец высшие сановники, одни в трауре, а другие, не знавшие о смерти государя, в светлых платьях. Народ наполнил ипподром и, возглашая многолетия сенату, побуждал его скорее выбрать государя. Сановники вместе с патриархом составили заседание в портике около большого триклиния (обеденной залы). Келер побуждал собрание скорее остановить на ком-либо выбор, чтобы не пришлось признать чужого кандидата.

Между тем, в ипподроме экскувиты первые назвали имя кандидата на трон. То был трибун Иоанн.[4] Экскувиты стали уже поднимать его на щите в свидетельство избрания. Но партия венетов, недовольная кандидатом, напала на экскувитов и разогнала их камнями. В происшедшей свалке было несколько убитых. Схоларии со своей стороны, овладев каким-то патрицием, имевшим сан магистра армии, — имя его не названо в описании, — стали провозглашать его императором.[5] Тогда экскувиты бросились на них и едва не убили их кандидата. Присутствовавший здесь Юстин отдал этого человека под стражу и приказал увести его под арест, чем и спас ему жизнь. Устранив кандидата схолариев, экскувиты стали настойчиво предлагать императорский сан Юстину, но тот отказывался. В огромной толпе препиравшихся между собою людей, наполнявших ипподром, выкрикивали имена разных кандидатов на трон, и приверженцы того или другого стучали в двери слоновой кости, ведшие во внутренние покои, требуя от кубикулариев царского облачения. Среди этой суматохи сенат, получавший, очевидно, оповещения о том, что происходило на ипподроме, склонился на сторону Юстина и вышел просить его на царство. Юстин продолжал отказываться. Его упрашивали и с особенным задором делали это некоторые схоларии, причем один из них так крепко толкнул его в лицо, что раскроил ему губу. Наконец Юстин уступил и вышел в сопутствии синклита на ипподром. Обе главные партии, прасины и венеты, сошлись на нем с полным единодушием. Юстин в сопутствии высших сановников и патриарха Иоанна вступил на кафизму. Он встал на щит, и кампидуктор Годила, из полка ланциариев,[6]

---

[1] Прошлое Юстина было подробно описано и, по-видимому, снабжено иллюстрациями хартуларием Марином. Этим сочинением пользовался Захария Ритор и привел некоторые данные. *Zacharias,* 8, 1 p. 138—140; *Procop.,* h. arc. 6. — Так как родина Юстина и его племянника Юстиниана стала впоследствии славянской страной и местные предания о сооружении церквей в городах Иллирика прославляли имя Юстиниана, то рагузский ученый конца XVI и начала XVII века, Марнович, сложил апокрифическое житие Юстиниана, в котором придал ему славянское происхождение и придумал славянские имена для Юстиниана (Управда) и его ближайших родных (Исток, Бегленица, Лада). Эти апокрифические свидетельства были оглашены Алеманном в его комментарии к изданной им *Historia arcana* и получили большое распространение в научной литературе. Авторитет Шафарика упрочил веру в них у славистов. Повторил их и проф. Ф. Терковский (Греко-вост. церковь в период Вселен, соб., стр. 310). Английский ученый *Bryce* в своем исследовании: Life of Iustinian by Theophilus *(Engl. Histor. Reu.,* II. 1887, № 8. 657—684) разобрал этот вопрос и блистательно доказал апокрифический характер измышлений Марновича. Обстоятельный и полный отчет об исследовании Брайса представил проф. Васильев в статье: О славянском происхождении Юстиниана. *Виз. Врем.* (1894), 469—490.

[2] *Procop.* h. a. 6. 5—9. Позднейшие хронисты относили сказание об аресте Юстина, грозившей ему казни (вместе с Юстинианом) и видении к последним дням правления Анастасия**.** *Cedr.* 1, 635. См. т. I. Тот же мотив развит в другой связи в *Vita Justiniani* Барберинской библиотеки.

[3] *Constant. Porphyrogen.,* De cerim. p. 426—430.

[4] Автор описания не называет имени, но замечает, что он впоследствии стал епископом.

[5] Позволю себе высказать предположение, что этот патриций, имевший сан магистра армии, был не кто иной, как Ипатий, племянник Анастасия. Его арест Юстинианом был не столько спасением его от опасности, сколько искусным маневром, устранившим нежелательную кандидатуру.

[6] Полк этого имени упоминается в нашем историческом предании вместе с маттиариями. Имя Годила несомненно готское.

возложил на него свою шейную золотую цепь. Опущенные прежде на землю знамена поднялись, и ипподром огласился громкими криками в честь новоизбранного императора. Солдаты окружили Юстина, построившись черепахой. Он облачился в царские одежды, а патриарх возложил на него венец. Взяв в руки щит и копье, Юстин через глашатая обратился к войску и народу с такими словами: «Император кесарь Юстин, победитель, всегда август. Вступив на царство с соизволения всемогущего Бога по общему избранию, мы взываем к небесному промыслу, чтобы он дозволил, по своему милосердию, свершить все на пользу вам и государству. Наша забота устроить вас, с Божьей помощью, во всяком благополучии и со всяческим благоволением, любовью и беспечальностью хранить каждого из вас. Ради праздника моего благополучного воцарения я подарю каждому из вас по пять (золотых) монет и по фунту серебра». Эта речь прерывалась много раз многолетиями и возгласами восторга и радости присутствующих, в том самом роде, как те, которые приведены были выше в описании воцарения Льва. Дальнейший ход церемонии восшествия на царство Юстина не описан у Константина, причем сделана ссылка на тот порядок, который был изложен в описании восшествия на престол Анастасия.

По случаю начала нового царствования объявлены были разные щедроты отдельным городам, очевидно, с желанием заручиться расположением населения. Город Антиохия получил тысячу фунтов золота.[7]

Официальная запись о возведении Юстина на престол, вполне достоверная в смысле фактической стороны события, выставляет избрание его на царство делом случая, событием совершенно непредвиденным и неподготовленным заранее. Иначе представляют дело хронисты. Так как Анастасий не обеспечил престола никому из близких лиц, то верный его слуга, препозит опочивальни Амантий, сделал попытку выдвинуть кандидатуру своего племянника Феократа. С этой целью он передал большую сумму денег Юстину, чтобы тот подействовал на настроение экскувитов, состоявших под его начальством, и дворцовых схол. Юстин воспользовался этими деньгами, чтобы расположить солдат в свою пользу. И когда это было достигнуто, сенат, не имея своего кандидата, дал согласие на выбор армии.[8] Последовавшая вскоре казнь Амантия и Феократа делает вероятным сообщение хронистов и открывает некоторый просвет на те интриги, которые доставили трон Юстину.[9]

Простой, не получивший никакого образования, не сведущий в деле государственного управления, уже старый человек, не мечтавший о высоком положении, честный и прямой по характеру, Юстин лично совершенно не соответствовал тем требованиям, какие ему предъявлял его высокий пост.[10] Но за ним стоял его племянник, сын его сестры и некоего Савватия, Юстиниан. Он родился, как и Юстин, в деревне (483 г.) и вырос в простой обстановке. Юстин вызвал его в столицу, где он и получил блестящее образование. Богато одаренный от природы, Юстиниан усвоил школьную науку у лучших учителей того времени. Латинский язык, близкий ему с детства в форме народной речи, он имел возможность изучить в его литературной форме под руководством таких учителей, как Присциан, автора грамматики, которая жила затем в течение долгих веков, а неизвестные нам по имени коллеги Присциана ввели Юстиниана в глубокое уразумение римского права. Философский элемент образования сводился тогда к усвоению диалектики, которая являлась служебным средством к высшей цели — ораторскому искусству. К старым элементам образования присоединилось, по условиям того времени, знакомство со Священным Писанием и творениями богословов. Борьба между приверженцами Халкидонского вероучения и монофизитами вызывала в то время живую полемическую литературу и вносила в настроение тогдашнего общества тревожное искание богословской истины. Юстиниан стоял на высоте всех вопросов и задач своего времени и явился направителем государственной политики при своем немощном старом дяде.

Реакционный характер нового правительства выразился прежде всего в том, что было немедленно возвращено из ссылки несколько видных людей, устраненных от дела Анастасием. Таков был Аппион, пользовавшийся некогда большим доверием императора, но впавший в немилость и сосланный в 510 году. Он был назначен префектом претория. Возвращены были также Диогениан, назначенный магистром армии Востока, и Филоксен, удостоенный консульства в 525 году.[11]

Партия, сплотившаяся вокруг нового трона, была единодушна в осуждении религиозной политики покойного императора и стояла за восстановление церковного общения с римским престолом. К ней принадлежали и все более видные члены рода Анастасия, занимавшие высокое положение в составе придворной знати. Протест монахов столичных монастырей подготовил настроение городского населения, и раньше чем правительство успело предпринять свои первые шаги в этом направлении, народное движение охватило столицу. На шестой день по смерти Анастасия, 15 июля, огромная толпа народа наполнила храм св. Софии, и когда туда явился патриарх, раздались грозные требования изречь анафему на евтихиан и манихеев, а также на главу монофизитского движения на востоке — патриарха Антиохии Севера. Приверженцы Халкидонского собора чествли в ту пору манихеями всех людей примирительного настроения и тех, кого подозревали в сочувствии учению Нестория. От патриарха требовали далее, чтобы он формально заявил о признании им Халкидонского собора, внес в церковные диптихи имена папы Льва, низложенных Анастасием патриархов Евфимия и Македония и назначил на завтрашний день собор епископов для восстановления церковного единства. Патриарх заявил о своем согласии назначить на завтрашний день собор. Толпа этим не удовлетворилась и угрожала запереть двери храма и не выпустить его, пока он не изречет анафемы на Севера. Хотя патриарх Иоанн при вступлении на кафедру отрекся в угоду Анастасию от Халкидонского собора, но, не

---

[7] *Theoph.* 165, 19.
[8] *Malala,* 410, 9—411,5; *Chron. Pasch.* 611.
[9] В официальном извещении папы об избрании Юстина на царство, в письме от имени самого Юстина, дана такая версия этого события: ...quod primum quidem inseparabilis Trinitatis favore, deinde amplissimorum procerum sacri nostri Palatii et sanctissimi senatus. nec non electione fortissimi exercitus, ad imperium nos, licet nolentes ac recusantes, electos fuisse atque firmatos... *Mansi,* 8, 434. Письмо датировано 1 августа 518 г. (консульство Магна).
[10] Характеристика Юстина современниками см. *Procop.* h. a. 6, 18; *Johan. Lyd.* De mag. 3, 51.
[11] *Malala,* 411.

будучи тверд в своих религиозных воззрениях, почел за лучшее изменить свои мысли и удовлетворил требование толпы.[12] 16 числа в храме св. Софии повторилось то же, что было накануне, причем среди возгласов в честь императора, императрицы и патриарха, поношений Севера раздавались грозные крики против Амантия, «нового Тцумма», т. е. Хрисафия. Патриарх распорядился во время литургии помянуть имена папы Льва и патриархов Евфимия и Македония, и народ мирно разошелся из храма. 20 июля состоялся собор, на котором присутствовало свыше сорока епископов. Патриарх не явился на собор лично, но послал от себя представителя. Как только открылось заседание, монахи подали составленную ими петицию со следующими требованиями: 1) внесение в диптихи имен Евфимия и Македония и кассация всех постановлений, принятых против них, 2) восстановление в правах всех осужденных по приговорам суда по делам об этих патриархах, 3) внесение в диптихи соборов Никейского, Константинопольского, Эфесского и Халкидонского, 4) внесение в диптихи имени папы Льва в равной чести с Кириллом Александрийским и 5) анафематствование и низложение Севера. Это были те самые требования, которые сформулировал папа Гормизд в своей инструкции легатам, ехавшим в надежде на собор в Гераклее, кроме пункта о восстановлении чести патриархов Евфимия и Македония.

Собор принял без возражений требования монахов, составил текст решения и за подписью всех участников собрания представил его патриарху Иоанну.[13] Патриарх, очевидно, с согласия двора, утвердил это постановление. Верные слуги Анастасия, препозит Амантий и Марин, имевший сан иллюстрия, протестовали против измены патриарха. Их поддержали несколько кубикулариев и племянник Амантия Феокрит. По свидетельству Захария и автора «Тайной истории», дело имело вид резкого протеста против измены патриарха. В кратких заметках хронистов ясно выступает политический характер этого события. Новое правительство отнеслось весьма строго к своим противникам. Заслуженный старый Амантий, друг покойного императора, кубикуларий Андрей Лавсиак были немедленно казнены в самом дворце; Феокрит был заключен в тюрьму, завален камнями и труп его брошен в море; Ардабурий и Мисаил были сосланы в Сардину.[14] Что касается Марина, то он сохранил свое видное положение и в следующем году занимал пост префекта претория.[15]

Царский указ, составленный на основании соборного решения, был разослан по всему Востоку с требованием принять изложенные в нем определения. С особенным сочувствием его встретили в Палестине. В Иерусалиме 6 августа при огромном стечении монахов был торжественно обнародован царский указ и «определения четырех соборов были внесены в священные постановления», как выражается Кирилл Скифопольский в Житии св. Саввы.[16] Савва принял на себя поручение отправиться в Кесарию и Скифополь, чтобы объявить там царский указ. Иначе было в Сирии. Монахи провинции Сирии Второй стояли, как и палестинские, за Халкидонский собор, резко враждовали с Севером и обращались с жалобами к папе на обиды, которые от него терпели.[17] Но в Первой Сирии с ее центром Антиохией, столицей Востока, господствовало монофизитство, и Север пользовался там огромным авторитетом. В своих посланиях к единомышленному с ним патриарху Александрии и к другим иерархам он решительно и резко обличал Халкидонский собор. Опираясь на преданную ему паству, Север удержал за собой положение до осени 519 года и только тогда бежал в Египет, опасаясь грозившего ему ареста, который должен был произвести комит Востока Ириней.[18]

Когда император и патриарх по почину столичного населения положили конец расколу с римским престолом, явившемуся последствием издания Энотикона, патриарх Иоанн отправил послание к папе Гормизду. Он сообщил ему о принятых на соборе решениях и извещал о внесении его имени в церковные диптихи. Письмо это было получено в Риме 20 декабря 518 года.[19] Патриарх просил папу прислать легатов для скрепления восстановленного единства церкви.[20] Император со своей стороны просил папу о том же.[21] Писал папе и Юстиниан, приглашая приехать или прислать уполномоченных.[22] Посольство к папе исправлял сенатор Грат, прибывший в Рим в декабре 518 года. Папа созвал поместный собор для обсуждения совершившейся перемены в отношениях к восточной церкви.

Одновременно с тем, как были начаты сношения с папой, при дворе вспомнили о защитнике православия против имп. Анастасия, с которым недавно сражался Юстин, Виталиане, скрывавшемся где-то в Скифии. Он был вызван из своего убежища, и в храме св. Евфимии в Халкидоне произошло свидание между ним и Юстином в присутствии Юстиниана. Обе стороны дали клятву взаимной верности, Виталиану был предоставлен пост магистра армии in praesenti и консулат на 520 год. Он жил во дворце и принимал живое участие в текущих делах по утверждению православия. Особенное раздражение он проявлял против Севера и, не считая достаточным лишить его епископской кафедры, требовал, чтобы ему был отрезан язык за его богохульные речи.

Посольство, снаряженное папой Гормиздом в ответ на обращение к нему императора и патриарха, состояло из пяти членов клира. То были епископы Герман и Иоанн, пресвитер Бланд и дьяконы Диоскор и Феликс. Высадившись в Авлоне, послы папы направились по старой дороге на города Скамнию, Лихнид в Фессалонику,

---

[12] Подробный отчет об этом событии был доложен на соборе 536 года и сохранился в его актах. *Mansi,* 8, 1057—65.
[13] Ib. 8, 1142—47.
[14] *Jord.* Rom. 30; *Malala.* De ins. c. 43; *Marc. Com* s. a. (Chr. min. II); *Procop.,* h. a. 6; *Theoph.* 165, 24—27. Прокопий сохранил сведение, что казнь произошла на десятый день по смерти Анастасия.
[15] *Cod. Just.* 5, 27, 7; 2, 7, 25.
[16] *Житие св. Саввы,* гл. 61.
[17] Из Сирии пришла жалоба на Севера от монахов. Его обвиняли в разных насилиях над православными и хищениях. Изображения Святого Духа в виде голубя он конфисковывал, если они были из драгоценного металла. *Mansi,* 8, 1038—39.
[18] Письма Севера были в обращении и в то время, когда писал Евагрий. *Evagr.* 4, 4.
[19] *Günter,* Collectio Avellana, 146 (11. 592).
[20] *Mansi,* 8, 436.
[21] Ib. 435.
[22] Ib. 488.

а оттуда в столицу. Навстречу им были посланы два придворных чина, Стефан и Леонтий, которые встретили их в Скамнии.[23] Епископы и народ встречали их повсюду с торжеством. За десять римских миль от столицы народ встретил их в процессии со свечами, их приветствовали Виталиан, Келер, Помпей и Юстиниан с другими членами синклита и с торжеством ввели в столицу при ликовании всего населения (25 марта 519 г.). На следующий день состоялось свидание с императором во дворце, где они были приняты с большим почетом. Послы предъявили папскую грамоту (libellus), в которой, кроме изложения правой веры, был возглашен целый ряд анафем не только на еретиков, какими были давно признаны Несторий и Евтихий, но также на всех врагов Халкидонского собора, патриархов Диоскора, Тимофея Элура, Петра Монга, Петра Кнафея, Акакия, Фравиты, Евфимия, Македония. Папа ставил непременным условием воссоединения личную подпись епископов под своей грамотой. В многочисленных ответных письмах папа настаивал на этой форме воссоединения востока с Римом.[24] На приеме у императора по настоянию легатов была прочитана папская грамота и предъявлено требование личной подписи. Это вызвало некоторые затруднения и споры, но после переговоров с патриархом на следующий день грамота папы была подписана с прибавленным к ней вступлением от имени патриарха. Затем были вычеркнуты из церковных диптихов имена патриархов, а равно исключены из церковного поминания имена императоров Зенона и Анастасия, как требовали того легаты на основании данной им инструкции. Многие епископы и архимандриты монастырей не хотели давать личной подписи, считая достаточной подпись патриарха; но легаты настаивали на этом требовании папы, и после препирательств дело было улажено. 27 марта в день Пасхи в храме св. Софии при всеобщем ликовании народа совершилось церковное служение. В своих донесениях легаты сообщали папе, что «по словам местных людей, никто не помнит такого ликования и такого множества приобщавшихся, как то было в этот день».[25]

В заботах о том, чтобы привести к церковному единству весь восток, папские легаты оставались в Константинополе более года. Вопреки своему желанию, они были втянуты Виталианом в обсуждение одной спорной формулы, за которую стояли монахи из Скифии, близкие Виталиану люди. В противовес формуле, введенной сирийскими монофизитами, «распныйся за ны», эти монахи ввели другую: «один из Троицы плотью пострадал». Этой формулы не одобрил епископ города Том, Патерн, на него и принесли жалобу монахи. Легаты папы отнеслись с осуждением к этой формуле. Монахи не подчинились их решению и отправились сами в Рим, чтобы предоставить свое дело на суждение папы. 29 июня 520 года легаты писали папе по этому вопросу.[26] О том же писал папе и Юстиниан.[27]

Во время пребывания легатов в Константинополе скончался (25 февраля) патриарх Иоанн. Его преемником был его синкелл, пресвитер храма св. Софии, Епифаний. 19 января того же года погиб защитник православия и ревностный приверженец единства с Римом Виталиан. 1 января он вступил с обычной торжественностью в предоставленный ему консулат, а 17 января он был предательски убит во дворце при выходе из бани. Вместе с ним погиб его доместик Келер и нотарий Павел. Летописная запись об этом событии сохранила свидетельство, что это убийство было делом мести столичного населения за те беды, которые когда-то причинил Виталиан столице во время бунта против имп. Анастасия,[28] а монофизит Захария видел в его гибели кару Божию за клятвопреступническую измену Анастасию.[29] Это кровавое дело не обошлось, по-видимому, без участия Юстиниана.[30]

Требование папы предать анафеме целый ряд патриархов вызывало протест на востоке, и после отъезда легатов Юстин обратился к папе с письмом, в котором просил его удовольствоваться анафемой Акакия и не простирать ее на других патриархов.[31] О том же просил папу и Юстиниан.[32] В декабре к папе было отправлено посольство от патриарха, состоявшее из епископа Иоанна, пресвитера Ираклиана и дьякона Константина. От императора к папе поехал сенатор Грат. Посольство папы покинуло столицу только в апреле 521 г. Папа твердо стоял на своих требованиях и не сдавался ни на какие увещания и просьбы.

По всему востоку начались преследования не признававших Халкидонского собора. Многие епископы, предваряя изгнание и заточение, поспешили сами покинуть свои кафедры и укрыться от глаз правительства. Сирийские пустыни представляли для этого особые удобства. Захария сохранил имена многих бежавших епископов: Петр Апамейский, Фома Дамасский, Иоанн Тельский (Константина), Антонин Беройский, Константин Лаодикейский и многие другие. Фома, епископ Дары, благовременно скончался как раз в то время, когда к нему явился магистриан с требованием признать Халкидонский собор и «томос» папы Льва. То был тот самый заслуженный человек, пользовавшийся доверием имп. Анастасия, который заведовал сооружением этой крепости. Число всех бежавших и сосланных епископов доходило до 54. Преследованию подверглись также монахи по всему востоку. Они были тверды в своем осуждении Халкидонского собора и «нечестивого» послания Льва. Монахов разгоняли военной силой, и специальным распоряжением префекта было запрещено давать приют изгнанникам в своем доме под угрозой конфискации имущества и уголовных наказаний. Монахи рассеялись по всем пустыням Сирии и образовали пять весьма многолюдных монашеских общин.[33] В Эдессе епископ Асклепий, немедленно по своем вступлении на кафедру, изгнал за два дня до наступления праздника Рождества Христова монахов из большого и славного монастыря Иоанна. Монахи не хотели уходить, ссылаясь на неудобное время, старость и болезнь многих сочленов. Но Асклепий был неумолим. Дукс Фарасман

---

[23] Стефан был родственник Виталиана.
[24] *Mansi*, 8, 447 сл.
[25] Письма еп. Германа и диакона Диоскора. *Mansi*, 8, 453—456.
[26] *Mansi*, 8, 480—482.
[27] Ib. 8, 482—83.
[28] *Malala*, 412; *Theoph.* 166, 180. *Marc. Com.* s. a. Chr. min. II 101 mense séptimo consiilarus sui.
[29] *Zacharias*, 8, 2. p. 142. Это свидетельство воспроизвел и Евагрий, h. eel. 4.3.
[30] *Procop.* h. s. 6 , 27—28; *Vici. Tonn.* s. a. 523 (Chr. min. II 197).
[31] *Mansi*, 8, 509—510.
[32] Ib. 8, 503—504; *Coll. Avel*, 232 (II 701—703) дата 2 сент., а у Mansi 13.
[33] *Zacharias*, 8, 5, p. 157; *Mich. Syr.* 9, 13, II 170—171.

сжалился и распорядился доставить верблюдов для больных и слабых.[34] Скитальцы терпели холод, дождь и снег зимой, страдали от зноя летом, но оставались тверды в своей вере.

Север и после бегства в Александрию не слагал своих функций по управлению церковью, поддерживал живые сношения с приверженными к монофизитству членами свой паствы и оставался руководителем движения. Другой видный вождь монофизитства, Ксенайя Филоксен, был сослан в Гангры, где и провел остаток своей жизни под стражей.[35] Преемником Севера был назначен Павел, по прозванию Иудей, бывший раньше стражем церкви св. Евфимии в Халкидоне. При нем начались преследования. Но так как он сам подвергся обвинению в несторианстве, то и был смещен в 521 году. Преследования продолжал затем его преемник Евфрасий, занимавший кафедру до 526 года, когда он погиб во время землетрясения.[36]

Если в Сирии монофизитство еще не достигло преобладания и новая политика двора могла рассчитывать на успех, применяя меры насилия, то иначе было в Египте, где монофизитство, имевшее за себя в прошлом авторитеты Диоскора и Тимофея Элура, невозбранно утвердилось во время правления Анастасия. В 519 году (8 октября) александрийскую кафедру занял Тимофей IV. При нем бежали в Египет столпы монофизитства Юлиан Галикарнасский и Север. Пребывание этих иерархов в Египте явилось событием весьма важным по своим последствиям для будущего. Еще в то время, когда Север занял антиохийскую кафедру, Юлиан обратился к нему с посланием, в котором он, излагая свое исповедание веры, коснулся в частности вопроса о природе тела Христова, которое он считал нетленным. Север не признал этого мнения правильным, но в интересах церковного единства не возражал ему и вступил с ним в общение. Но так как Юлиан хотел добиться согласия Севера в этом пункте вероучения, то Север вынужден был разъяснить свои мысли по этому частному вопросу, и между ними началась полемика.[37] Север признавал тело Иисуса Христа тленным (φθαρτός) и доказывал это положение ссылками на свидетельства из творений общепризнанных богословских авторитетов старого времени (χρήσεις). Но возражения Севера не убедили Юлиана, и он отстаивал свое положение о нетленности тела Христова (αφθαρτος). То и другое учение нашло себе живой отклик в Александрии, и церковь разделилась на два враждебных лагеря. Партия единомышленников Юлиана получила название автартодокетов, ἀφθαρτοδοκέται. Так возник в Александрийской церкви раскол, который имел тяжкие последствия и внес немало тревог в жизнь Александрии.

Значение Египта, как житницы Константинополя и наиболее доходной провинции империи, требовало особенной осторожности со стороны центрального правительства. Хотя патриарх Тимофей, несмотря на понуждения из столицы, твердо стоял на непризнании Халкидонского собора, но никаких мер насилия в отношении к нему принято не было, и он невозбранно остался на своем троне до самой своей смерти, последовавшей уже при Юстиниане в 535 году. Так подготовлялось то обособление Египта, которое впоследствии облегчило его отторжение от империи.

Глубоко проникнутый сознанием истины христианства и верный принципу церковного единства Юстиниан, руководитель своего дяди в вопросах государственной политики, оживил борьбу против разных еретических учений, существовавших с давнего времени в лоне церкви. Запретительные законы прежнего времени пришли в забвение, и общины еретиков разных толков и направлений невозбранно продолжали свое существование в разных местах и даже в самой столице. Ревнуя о славе церкви, Юстиниан возобновил политику преследования еретиков. Так как арианство было национальным исповеданием готов, то Теодорих вступился за своих единоверцев и пригрозил, что если ариане будут подвергаться преследованию, то он с своей стороны начнет преследование православных в пределах своей власти. Для более непосредственного воздействия на церковную политику императорского двора Теодорих отправил в Константинополь своим послом папу Иоанна. Встреча главы церкви была обставлена с большой торжественностью. Юстин выехал за десять римских миль от столицы и поклонился папе до земли. С великим торжеством папа въехал в Константинополь и в день Пасхи 525 года (30 марта) служил на латинском языке обедню в храме св. Софии в сослужении с патриархом Константинополя и другими епископами и вместе с ними причащался Св. Даров. Во время служения папа восседал на самом почетном троне с правой стороны.[38] Папа находился в общении со всеми епископами востока, кроме патриарха Александрии Тимофея, который оставался тверд в своем отрицании Халкидонского собора.

Дело об арианах было улажено, и они были изъяты от действия запретительных указов. Те чрезвычайные почести, которые были оказаны папе во время его пребывания в Константинополе, вызвали подозрительность Теодориха, и папа Иоанн по возвращении в Равенну был заточен в тюрьму, где и окончил свои дни.[39]

В силу запретительных указов о еретиках повсюду в империи начались преследования. Многие из членов еретических общин присоединялись к господствующей церкви, другие спасались бегством, а монтанисты во Фригии доходили в своем фанатизме до самосожжения. Собираясь в своих церквах, которые подлежали передаче православным, они поджигали их и погибали сами в огне.[40] С особенной жестокостью шли преследования манихеев. Их религиозные убеждения были давно признаны заслуживающими смертной казни. Императорским указом от 527 года манихейство было вновь воспрещено, и в случае упорства в ереси виновным грозила смертная казнь.[41] За несколько лет до того (523 г.) против тех же еретиков вел жестокую беспощадную войну персидский царь Кавад в пределах своей державы. Он истреблял их тысячами, предавая смертной казни или сжигая на кострах. Поводом к тому было совращение в манихейство сына Кавада по имени Фтасаарсана, рожденного им от родной дочери Самбики.[42] Манихеев обвиняли в том, будто они побуждали этого

---

[34] *Iohan. Ephes.* Hist. Eccl. fragmenta II, A, 217 и сл.
[35] *Zacharias*, 8, 5, p. 158; *Theoph.* 165.
[36] *Iohan. Ephes.* h. e. fr. II, A, p. 217; *Johan. Ephes.* Kirchen—Cesch. 1, 41, p. *38; Epagr*. 4, 4.
[37] *Zacharias*, 9, 10—13, p. 178—188 (послания Севера и Юлиана).
[38] *Marc. Com.* s. a. (Chr. min. II 102).
[39] *Anon. Ran.* 15, 93 (Chr. min 329).
[40] *Procop.* h. a. 11, 23.
[41] *Cod. Just.* 1, 5, 12.
[42] Браки с матерью и собственной дочерью были обычны в роде Сассанидов.

отступника от учения Зороастра убить Кавада.[43] Таким образом, преследования манихеев в Персии имели политические мотивы. Их не было в империи, где манихейство никогда не имело значения крупной и опасной для государства секты.

Времени Юстина принадлежит радостное для христианского мира событие, прекращение всяких преследований православных в Африке. В 525 году, по смерти царя вандалов Трасимунда,[44] власть перешла к ставшему теперь старшим в роде Гильдериху, сыну Гунериха и Евдокии, дочери имп. Валентиниана III. Сознавая себя внуком римского императора, Гильдерих поддерживал живые сношения с византийским двором и нередко обменивался щедрыми дарами с Юстинианом. Немедленно по вступлении во власть, Гильдерих отменил все указы своих предшественников против православных, вызвал из изгнания томившихся в ссылке и водворил полную свободу исповедания христианской веры. Как сын дочери римского императора, он чувствовал себя в иных отношениях к туземцам, чем его предшественники, и внутренняя политика вандальского царства получила иное общее направление и другой характер.

Несколько раньше этой доброй вести император Юстин, как глава христианского мира, принял живое участие в судьбе христиан, потерпевших жестокое гонение за веру в далекой стране, лежавшей вне пределов его власти, в земле химьяритов. На свет истории этот народ вывели торговые сношения Египта с Индией. Имя химьяритов носило население юго-западной приморской части нынешнего полуострова Аравии. Эта область выделилась из царства сабеев, плативших некогда дань Ассирии. Занимая весь край полуострова до Музы (н. Моха) и Аданы (н. Аден), химьяриты вели торговые сношения с побережьем Африки до Занзибара, а также и с Индией, откуда приходили корабли в Адану. Центром их царства был город Сафар (н. Джафар).[45] Уже Август помышлял об установлении зависимости южной Аравии от империи, в целях обеспечения торговых сношений с дальним востоком. С начала христианской эры здесь была пропаганда иудейской религии, вытеснявшей первобытный политеизм, носивший имя сабеизма; с течением времени иудейство стало здесь господствующей религией. Рано начало проникать сюда и христианство из страны Аксум на африканском материке (Абиссиния). Епископ, назначенный в Аксум, имел поручение от императора добиться у химьяритов свободы христианского исповедания как для прибывавших в эту землю купцов, так и для туземцев, принимавших христианство. Туземная династия придерживалась иудейства, но в Сафаре возник христианский храм. При Анастасии христианская община настолько упрочилась у химьяритов, что к ним был назначен епископ, по имени Сильван. Он имел свою кафедру в другом важном городе стране, Негране, лежавшем к северу от Сафара.

В 523 году царь, по имени Зу-навас,[46] вознамерился истребить христиан в городе Негране. Будучи сам ревностным исповедником иудейского закона, он находил повод к гонению христиан в преследованиях, которым подвергались иудеи в империи. Он перебил римских купцов, которые ходили в Индию через страну химьяритов, и со страшной яростью обрушился на своих соплеменников, исповедовавших христианство. Самым видным из множества погибших в это время христиан был Арефа.[47] Зу-навас дозволял себе всякий обман и коварство в отношении христиан и проявлял дикую жестокость. Когда в Константинополе было получено известие об этих зверствах, император отправил посла к Аламундару, царю арабов, подвластных персам, с целью достигнуть его содействия к прекращению преследований. Императорского посла сопровождал к Аламундару Симеон, епископ персидского города Бег-Аршама.[48] Свое путешествие и добытые им сведения о деяниях Зу-наваса он изложил в послании, обращенном к архимандриту монастыря в городе Габале, Симеону.[49] Захария Ритор сохранил этот драгоценный и оригинальный документ.[50]

Одновременно с посольством к Аламундару Юстин отправил посла к александрийскому патриарху, чтобы тот озаботился доставить его письмо к царю аксумитов. Просьбы и угрозы Юстина возымели свое действие, и царь Эла-Ашбех,[51] собрав большие силы, переправился на противоположный берег и после упорной борьбы взял в плен и казнил врага христиан Зу-наваса. На место убитого он поставил царем христианина, по имени Эсимфей, обязав его платить дань аксумитам. Рабы, а также и многие солдаты аксумского войска, пленившись богатством края, не вернулись на родину и остались жить в земле химьяритов. Вскоре эти люди возмутились против царя Эсимфея, заточили его в крепость и поставили царем некоего Авраама, также христианина, который был рабом одного римского купца, жившего в приморском городе Адулисе в земле аксумитов. Царь Аксума послал против Авраама три тысячи воинов, но войско изменило и осталось жить у химьяритов. Новый поход, предпринятый из Аксума, окончился поражением, и Авраам остался царем, а при преемнике своего врага вступил в даннические отношения к Аксуму. Впоследствии Юстиниан имел сношения с Авраамом по вопросу о торговле шелком. — Так рассказывает Прокопий о внешней стороне отношений. Его не интересовал вопрос о мучениках, потерпевших от Зу-наваса; точно так же и Малала лишь кратко помянул об этой стороне дела, не назвав даже имени Арефы, которое сохранили агиографические источники.[52]

---

[43] *Theoph.* 169, 27—170 . 24.

[44] Западные современники предшественника Гильдериха писали его имя Trasimundus, но в византийских источниках господствует написание Τρασαμοϋνδος. Приведя это имя здесь и несколько ниже в латинской форме, я перешел к греческой со стр. 88.

[45] *Kiepert,* Lehrbuch der alten Geographie, стр. 186 и сл.; *Duchesne,* Missions chrétiennes de l'Empire Romain (Mélanges d'Archéologie, 16, p. 90). Кроме указанных сочинений, см. о химьяритах: *Mommsen,* Rôm. Gesch. B. V 604—614, *Dareste,* Les lois des Homérites. *Nouv. Reu. du droit fr. et étr.* 1905, 157—170; *Хвостов,* История восточной торговли, т. 1. Казань, 1907 г., стр. 260—270.

[46] Δίμνος — у Малалы, Δουνκάς — v. s. Grigcntii. *Васильев, Визант. Врем.,* XIV (1907).

[47] День мученичества — 24 октября 523 г. *AA. SS.* Oct. X, p. 70.

[48] Близ Селевкии — Ктесифонта.

[49] Город в провинции Сирия Первая.

[50] *Zacharias,* 8, 3, p. 142—152.

[51] Ἐλεσβαάν — *Cosmas Indicopleustes,* Topog. Christ. 1, *Migue,* P. G. 88, 101; Ἐλεσβόας — *Malala,* Ἑλλησίεαῖος — *Procop.*

[52] *Procop.* b. p. 1, 19—20; *Malala,* 433—434. Полные и подробные сведения сохранились в арабских и абиссинских источниках. Они обработаны в специальной статье: *Fell,* Die Christenverfolgung in Südarabien und die himiaritisch-âthiopischen Kriege nach abessinischer Ueberlieferung *(Zeitschrift d. deutsch. Morgenlând. Gesellschaft,* 35.

ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ К ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ. КОЛХИДА И БОСПОР

Война, которую вел царь Кавад с императором Анастасием в 505— 507 годах, не была закончена установлением прочного мира. Военные действия прекратились, но персы считали незаконным самое существование крепости Дары, воздвигнутой Анастасием в пограничной полосе. В договоре, заключенном Феодосием Младшим с царем Бахрамом V, обе державы обязывались не возводить новых укреплений поблизости от границы, а за охрану кавказских проходов империя должна была платить персам по пяти кентенариев золота в год. Внутренние смуты и тяжкие войны с ефталитами ослабили Персию, византийский двор прекратил платежи, и Анастасий в своем отказе Каваду мог сослаться на то, что его предшественник ничего не платил персам. По смерти Анастасия Кавад предъявил Юстину требование платы за охрану проходов, но столь же безуспешно. На границах обеих держав опять происходили взаимные набеги. Персидские арабы делали время от времени вторжения в сирийские области, а римляне отвечали на них набегами в персидскую Армению и грабежами в окрестностях Нисибина. Во время одного из набегов попали в плен два римских вождя, Тимострат, брат Руфина, и Иоанн. Авраам, отец дипломатического агента времени Юстиниана по сношениям с востоком, Нонна, ездил к Аламундару по поручению Юстина и выкупил пленников.[53] Дворы обменивались посольствами, и царь Кавад сам предложил назначить уполномоченных для выяснения пограничных затруднений. — Таково сообщение Захарии Ритора.[54]

Прокопий дополняет наши сведения о тогдашних отношениях к Персии сообщением о других мотивах, какие были у Кавада, когда он искал сближения с империей. Как все персидские цари, он имел много сыновей от разных жен. Право первородства не соблюдалось в Персии и высшая знать имела особые права при решении вопроса о престолонаследии по смерти царя. Кавад не любил своего старшего сына Каоса и хотел отстранить его от престола. Второй его сын, Зам, был слеп на один глаз и, по старым обычаям, тем самым лишался права на престол. Третий сын, Хосров, рожденный от брака с сестрой аспебеда, пользовался большой любовью отца, и Кавад хотел обеспечить ему преемство своего трона. Так как Зам был человек храбрый и уже пользовался большой популярностью в народе, то Кавад опасался, что он, по его смерти, поднимет восстание. Желая усилить шансы Хосрова, Кавад отправил к Юстину посла с просьбой, чтобы император усыновил его (521 год). Это предложение вызвало сначала полное сочувствие со стороны Юстина и Юстиниана, видевших в этом сближении залог мира; но влиятельный в начале правления Юстина сановник Прокл, занимавший пост квестора, восстал самым решительным образом против предложения Кавада и убедил всех, что усыновление будущего персидского царя может дать повод усыновленному заявить претензии на замещение императорского трона и вызвать тяжкую войну. В своем письме Кавад спрашивал, в какой форме Юстину будет угодно произвести усыновление, и предлагал ему прислать на границу уполномоченных для выяснения спорных вопросов и выработки условий прочного мира на будущее время. По настоянию Прокла, ответ был дан в том смысле, что император со своей стороны искренно желает заключить мир и пришлет уполномоченных, а что до усыновления, то ответ гласит: «не хартиями усыновляются варвары, а снаряжением оружия».[55]

В ту пору, когда шли эти переговоры, явился новый повод для взаимного недовольства обеих держав: империя приняла под свою верховную власть царя иверов. Издавна утвердившиеся близкие отношения между иверами и империей держались еще в силе в начале правления императора Льва; но затем, как вследствие внутренних волнений в стране, так и вмешательства персов в дела кавказских народов, старые связи ослабли, и Иверия вошла в зависимые отношения к персидской державе. Одновременно с тем власть царя иверов претерпела ограничения в смысле территориальном, и за царем осталась лишь западная часть области, которую римляне называли Колхидой или Лазикой от имени племени, заселявшего ее. Она обнимала широкую горную область по течению реки Фазида (Риона) до берега моря. Прокопий называет лазов иверами, т. е. грузинами, и этим свидетельствует, что в то время византийское дипломатическое ведомство было хорошо осведомлено о племенном единстве грузин, имеретин и мингрельцев, как теперь называются главные племена картвельской народности.[56] Главный город страны лежал близ моря на устье реки Фазида и носил имя реки. Доступ в Лазику из Иверии закрывали две крепости — Сканда и Сарапаний, воздвигнутые на таких крутых утесах, что провиант и военные припасы приходилось носить людям на спине.[57] Страна производила мало хлеба, население в большинстве вело пастушеский образ жизни и довольствовалось самой простой пищей. Дорог в стране не было, и сообщения были вообще очень затруднены. Соль и хлеб лазы получали с моря, и торговлю с ними вели греческие купцы из Трапезунта. Самая цветущая часть земли лазов лежала на среднем течении Фазида; здесь находились города Кутаиси (или Котаисий, как называет Прокопий), Мухерезий,

---

1881, 1—74). См. также *Dallmann,* Zur Geschiche des Axumitischen Reichs im vierten bis sechsten Jahrhundert *(Abhandl. d. Beri. Akad.* 1880, 1—51). Греческое житие с обширным комментарием Acta Sanctorum. Octobris X (1869), De ss. Aretha et Ruma, 661—762; XII (1884), De s. Elesbaa rege, 296—337. — К тому же вопросу относится изданный проф. *Васильевым* текст жития св. Гиргентия с предисловием *(Виз. Врем.* XIV. 1907, 23—67).

[53] *Nonnosi* frg. p. 179 a Müller; *Procop.* b. p. 1, 17, 43.

[54] *Zacharias,* 8, 5, p. 175; *Barhebraei Chr. Syr.* 78, 5—14.

[55] *Procop.* 1. p. 1, 11. Значение этих слов остается загадочным. Римский закон не знает такой формы усыновления. *Güterbock,* Byzanz und Persien, стр. 30 — высказывает предположение, что подарок вооружения мог иметь значение не только союза, но и как бы усыновления.

[56] *Шухардт,* О географии и статистике картвельских языков. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Вып. 26 (1899), 47—114 (с картой).

[57] *Procop.* b. p. 4, 13 — Σκάνδα καί Σαραπανίς; *Menandri* frg. 11, p. 216, Σκάνδεις καί *Σάρακα; Novel. Just.* XXVIII — Scandis et Sarapanis. — Оба имени живут и по ныне — Шаропань, станция жел. дор. в 40 верстах от Кутаиси, Сканда между реками Шкарулой и Зузой. *Brosset,* Add. et. Ed., 103—104.

В объяснении топографических имен в Лазике и локализации их я следовал Броссе, на которого и сослался. Лишь после того, когда была напечатана глава о сношениях царя лазов с империей, я, благодаря любезному содействию Л. К. Лопатинского, ознакомился с изданием Кавказского отдела Императорского русского географического общества — «Царевич Вахушти, География Грузии». Тифлис. 1904, которая дает очень полный и точный образ водных систем, гор и населенных мест страны.

Археополь (в расстоянии одного дня пути от Мухерезия) и Родополь, расположенный на равнине; на северо-восток от Кутаиси лежала крепость Ухимерий, закрывавшая дорогу в область, населенную племенем сванов (Сванетия).[58] Христианство издавна проникло в Лазику из Иверии, которая дала в начале IV века такого стойкого и самоотверженного борца за истину монофизитства, каким был Петр Ивер, епископ Маюмы, окончивший жизнь в конце правления Зенона.[59]

Власть царя Колхиды не ограничивалась территорией, заселенной лазами, а простиралась к северо-востоку в горные местности, занятые племенем сванов и скимнов, и по побережью на апсилов, мисимиан и абазгов. Области абазгов и апсилов лежали к северу от Лазики, а еще дальше на север жили мисимиане, граничившие с аланами.[60] Земля абазгов делилась на два царства: одно по морскому побережью, другое в горах, к востоку от моря. В случае смены на троне в этих зависимых царствах царь Колхиды утверждал преемника. К югу от Колхиды между нею и горною областью, занятою племенем цаннов, жил независимый народ, исповедовавший христианство и состоявший в духовной связи с лазами, так как он получал от них епископа.

Царь Колхиды, современник императора Анастасия, Дамназ, получил утверждение во власти от Кавада и пользовался большим расположением с его стороны. Когда он умер, сын его Цафий,[61] опасаясь, чтобы Кавад не заставил его принять религию Зороастра, вступил в соглашение с императорским двором и, с разрешения императора, явился в Константинополь с большой свитой местной знати. Он встретил самый почетный прием, принял крещение, получил в жены знатную женщину, дочь патриция Нома, Валериану, и был объявлен сыном императора. Из рук императора он принял внешние отличия своего сана и тем признал свою зависимость от империи. Император зачислил его в штат силенциариев своего двора и положил определенный оклад. Событие это записано в хрониках под 522 годом.

Малала сохранил описание того царского орната, который получил царь Цафий от императора. То была облегавшая тело одежда, стихарь, белый, шелковый, с золотыми клавами и портретом императора на груди; плащ из той же белой материи (χλαμύς) с золотой полосой и портретом императора, приходившимся на грудь. Убранство дополняли золотая диадема, золотой пояс, украшенный жемчугом, красные сапоги, также расшитые жемчугом. Со своей благородной супругой из старого рода патрициев империи Цафий отправился в свое царство, обласканный и щедро одаренный императором.

Узнав о крещении Цафия и измене его персам, Кавад заявил претензию Юстину, что он принял в подданство царя народа, который с незапамятных времен находился под властью персов. От византийского двора был дан ответ, что Цафий явился в столицу без всякого зова, чтобы принять христианство, и император, просветив его светом истины, отослал на царство.[62] Кавад не был удовлетворен таким ответом.

Уполномоченными в комиссию для выяснения спорных вопросов и выработки трактата мирного договора были назначены с римской стороны племянник императора Анастасия Ипатий, магистр армии Востока Патрикий и Руфин, сын Сильвана.[63] С персидской стороны то были высший сановник в царстве Сезоис и военачальник Мебод. Уполномоченные съехались на границе и приступили к обсуждению условий договора. Хосров прибыл из столицы и выжидал в двух днях пути от Нисибина окончания переговоров, чтобы затем ехать в Константинополь. Но на совещании немедленно вышла взаимная обида, так как Сезоис упрекнул римлян за захват Лазики, а персы обиделись тем, что Хосров будет усыновлен как варвар. Резкий тон, который приняли объяснения, устранил с самого начала надежду на возможность соглашения, и уполномоченные разъехались во взаимной вражде. Вину такого печального конца комиссии члены собрания взваливали друг на друга. Мебод обвинял Сезоиса, а Руфин—Ипатия. Над Сезоисом был наряжен суд. К числу возводимых на него обвинений присоединилось и то, что он предал погребению свою умершую жену и тем нарушил закон Зороастра, по которому воспрещалось предавать мертвых земле. Он был казнен. В Константинополе также было следствие о виновности Ипатия. Пытка, которой были подвергнуты близкие ему люди, ничего не выяснила, и он остался на свободе, хотя и был отстранен от двора.

По сообщению Захарии, царь Кавад в досаде на неудачный исход дела приказал царю арабов Аламундару сделать набег в римские пределы, и тот прошел с грабежом и разбоем области городов Эмессы, Апамеи и Антиохии. Он увел много пленных, в числе которых было 400 монахинь из монастыря св. Фомы в Эмессе. Все монахини были зарезаны в честь богини Уцца. Это страшное событие видел собственными глазами отшельник, по имени Дада, который был также уведен в плен и, вернувшись впоследствии, сам рассказывал об этом автору.[64] У Прокопия в его последовательном обзоре отношений к персам нет упоминания о вторжении арабов, но он относит еще ко времени Юстина вторжение персидской армии под начальством вождя Боя в Колхиду. Царь лазов укрылся со своим семейством в неприступных горных ущельях, и персидская армия, ввиду отсутствия дорог и трудности сообщений, не могла предпринять никаких военных действий. Император прислал на помощь лазам вождя Петра с небольшим отрядом гуннов. Петр был скоро отозван в столицу, и на помощь лазам прибыл вождь Ириней с большими силами. Ему было приказано занять гарнизонами пограничные крепости Лазики с Иверией. Но так как лазы тяготились доставлять туда провиант, то римские войска оставили эти неудобные стоянки. Персы воспользовались этим, заняли крепости и поставили в них свои

---

[58] Прокопий пишет Κοτατίσιον, Агафий — Κοταΐσιον. По определению Броссе, Мухерезий — Мухура, на истоках реки Зузы. Имена Археополь и Родополь являются переводом на греческий язык туземных названий, Даба-Цвели, т. е. старый город, на истоках рек Дзеврулы и Варцихе (Вардис-цихе), крепость роз, на реке Ханис-Цхвали.

[59] Ср. 1. 317.

[60] *Agath.* 3, 15, p. 173.

[61] Прокопий называет его Гургеном, Малала — ΖτάίΗος, Феофан — Τζά^ης.
Царь лазов назван у Малалы Τζάθης , а у Феофана — Τζαδ ιος. Я транскрибировал это имя — Цафий, но усомнился в правильности и в дальнейших упоминаниях этого имени читатель встретит написание «Тцафий».

[62] *Malala,* 412—414; *Theoph.* 168, 14—159, 12.

[63] Захария называет Ипатия и Фарасмана.

[64] *Zacharias,* 8, 5, p. 158.

гарнизоны. Ответом на враждебные действия персов в Лазике было вторжение в персидскую Армению, организованное под начальством бывших оруженосцев Юстиниана, молодых тогда людей, Велизария и Ситты, которые недавно прибыли из Константинополя. Не встречая сопротивления, войска проникли далеко вглубь страны и воротились назад в Дару с огромными стадами награбленного скота.[65]

Второе вторжение, предпринятое Велизарием и Ситтой в ту же область, окончилось неудачей: они потерпели жестокое поражение от персидских войск, состоявших под начальством братьев Нарзеса и Аратия, принадлежавших к армянской знати. В тот же год римские войска из Дары предприняли поход в направлении Нисибина под командой дукса Либелария. Не покушаясь на осаду этой сильной крепости, Либеларий прошел к укреплению Тебету, в 15 парасангах от Дары (около 75 верст), и обложил этот город. Ему удалось сделать брешь в стене; но страшная жара и болезни, появившиеся как результат неумеренного употребления мясной пищи в жарком климате, заставили его отступить, не доведя дела до конца. За этот неудачный поход Либеларий получил отставку, и дуксом Дары был назначен Велизарий.[66]

В такой связи рассказаны события у Прокопия. В хрониках поход Кавада в Колхиду отнесен к первому году правления Юстиниана. Малала сообщает, что Юстиниан, по просьбе царя лазов, послал значительные силы под командой вождей Гильдериха, Кирика и Иринея. Вследствие несогласия вождей, войска понесли тяжкое поражение. Юстиниан сместил провинившихся командиров и отправил стратилата Петра, который, приняв начальство над войсками, увел их назад.[67] У Феофана вместо Гильдериха назван Велизарий, и Петру приписана блестящая победа над персами, которую он одержал вместе с лазами.[68]

Утверждение римской власти в Лазике имело огромную важность для империи в ее старом, веками ожесточенном соперничестве с Персией. В пору могущества империи все восточное побережье Черного моря состояло под верховной властью императора. В первой половине II века при имп. Адриане Арриан объезжал побережье и в описании своего путешествия дал ясную картину тогдашних отношений зависимости племен и царей кавказского побережья от центра верховной власти.[69] Тревоги времени «тридцати тиранов», утверждение готов в черноморских степях и Тавриде и их морские предприятия, последовавшее затем нашествие гуннов ослабили престиж империи в тех пределах, и в V веке только в двух крепостях удержались римские гарнизоны. То были Питиунт (Пицунда) и Севастополь (Сухуми). Так было и в начале правления Юстиниана.[70] Через эти два пункта шли сношения империи с племенами внутреннего Кавказа и, в частности, с аланами (предками нынешних осетин), сидевшими к северу от перевала через Кавказский хребет, который ныне носит название Военно-Грузинской дороги.[71] От времени Юстина нет сведений о сношениях с аланами;[72] но они есть от времени Юстиниана, и, очевидно, не прерывались. Утверждение римлян в Колхиде облегчало сношения с сильным племенем гуннов-сабиров, занимавшим широкие степные пространства к северу от нын. Дербентского прохода, носившего тогда имя Тцур, Τζούρ.[73] Об оживлении сношений с ними свидетельствует следующее событие, записанное в хрониках под годом смерти Юстина (527). В союз с империей вступила вдова хана Балаха, по имени Боа (Βώα ρήγισσα — Малала). Ее склонили к тому присланные ей щедрые дары. В ее улусе насчитывалось до ста тысяч кибиток. Когда два хана из расположенных далее к северу улусов, Тиранкс и Глом, шли на службу к Каваду с ордою в 20 тысяч человек, она преградила им путь. Глом пал в битве, а Тиранкс попал в плен. Боа препроводила его в Константинополь, где он и был предан позорной казни в Сиках близ церкви св. Конона.[74]

Для характеристики отношений к закавказским варварам двух культурных держав, пользовавшихся за деньги их грубой силой и воинственным духом, интересно отметить эпизод, занесенный в хроники под третьим годом Юстина (521).

Юстин просил за деньги помощи у гуннского хана Зилигда, и тот обязался клятвой помочь ему в войне с персами. Но когда явилось посольство от Кавада с такою же целью, то хан, приняв деньги, дал и персам такую же клятву. Свое обещание персам он выполнил и явился на помощь с 20 тысячами соплеменников. Узнав об этом вероломстве, Юстин, чтобы отомстить хану, пользуясь случаем отправления посольства для выработки условий мирного договора, послал царю письмо, в котором сообщал, что хан взял от него большие деньги за помощь против персов, и если он теперь явился как бы на помощь Каваду, то в душе, вероятно, замышляет предательство. «Нам, как братьям, — писал Юстин, — надлежит вступить в дружбу и не допускать, чтобы эти псы издевались над нами». Получив это письмо, Кавад спросил хана, брал ли он деньги от римлян, и тот признался. Тогда Кавад, заподозрив его в злом умысле, ночью послал на гуннов отряд персов. Хан и большая

---

[65] *Procop.* b. p. 1, 12.
[66] *Zacharias* — 9, 2, p. 169 — называет вождем этого похода Тимострата.
[67] *Maiala*, 427.
[68] *Theoph.* 174, 19—26.
[69] *Arriani Periplus.* Gcogr. gr. min. I, 370—380. Кавказское побережье §§ 1—16, 21—29.
[70] *Novel. Just.* XXVIII (от 535 г.): Pytionta enim et Sebastopolin inter castra magis adnumeramus quam civitates. — Севастополь — древняя колония Милета, Диоскурия. *Arriani Peripl.* § 25. По свидетельству Арриана, Питиунт, Πιτυοῦς, отстоял от Севастополя на 350 стадий, т. е. ок. 70 верст.
[71] Свидетельства древних писателей собраны в моем исследовании: Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев. 1899. — Многочисленные сообщения Прокопия о событиях на Кавказе, а также данные Менандра, позволяют с уверенностью утверждать, что из земли алан был тогда проход к морю через страну апсилов, т. е. нынешняя Военно-Осетинская дорога, и другой, отклонявшийся к северу, более прямой, но менее удобный, через землю мисимиан. В Иверии господствовали персы; проход по Арагве на север был в их руках и оставался совершенно неизвестным римлянам. Никак не Военно-Осетинская дорога, как по ошибке напечатано, а другая — Военно-Сухумская, которая идет из Кисловодска через Цебельду к берегу моря, в Сухуми, а тогда выводила на Севастополь, оставшийся во власти императора от старых времен.
[72] Оживление сношений с аланами при Юстиниане засвидетельствовано в Новелле XXX от 536 года, с. 11, 2, где царственный автор исчисляет успехи своей внешней политики.
[73] Так он назван у Прокопия, у Менандра, frg. 11, Хорουτζόν, Джора — у Моисея Каганкатваци.
[74] *Maiala*, 430—431; *Theoph.* 175. 17—33. Имена ханов переданы различно; Βλάκ — Βαλάκ, Τύραγξ — Στύραξ, Γλώμ — Γλώνης.

часть его воинов были убиты, и на родину вернулись лишь те, кому удалось бежать в темноте.[75]

Раньше чем случилось сближение с Лазикой, возобновил свои старые связи с империей город Боспор, носившей прежде имя Пантикапея, с которым он начал свою историю еще в VI веке до н. э. Город этот возник как греческая колония, на западном берегу пролива, за которым было установлено имя Босфора Киммерийского (Керченский пролив). Распространяя свое господство по побережью на запад и восток, он стал центром царства под династией царей Спартокидов. Митридат VI Евпатор, царь Понта, включил его в свою державу, охватывавшую оба берега Черного моря, и в нем окончил свою бурную жизнь в 63 г. до Р. Х. При Августе Босфорское царство вошло в кругозор римской политики, и в течение первых веков здесь правили цари с династическим именем Тиберий Юлий. В половине III века сюда надвинулись готы и воспользовались боспорским флотом для своих морских грабительских предприятий на малоазиатский берег и побережье Кавказа. В начале IV века прекратилась местная династия царей Тиберием Юлиев. Археологические находки позволяют предполагать, что при Констанции Боспор был в руках готов; но это временное господство чужого народа не отразилось на составе местного населения, пользовавшегося греческим языком.[76] Этот центр культурной жизни, уцелевший на далекой окраине, восстановил свои отношения к империи при Юстине. Одна эпиграфическая находка 1888 года дала неожиданное свидетельство, что этому предшествовало восстановление старой династии Тиберием Юлиев.[77] Это событие относится, быть может, еще к концу V века и во всяком случае не позже начала VI. Гунны, занявшие степные пространства Таврического полуострова, понимали значение старых торговых городов на побережье, где они могли получать предметы производства культурной жизни в обмен на сырые продукты своего простого хозяйства, кожи, сало, шкуры зверей, получая в обмен соль, вино, ткани и предметы роскоши.

Восстановление старых отношений Константинополя с Боспором случилось незадолго до принятия Лазики под верховную власть императора. Желая оказать помощь лазам в неизбежной борьбе с персами, Юстин послал на Боспор племянника имп. Анастасия, Проба, чтобы за деньги навербовать гуннов на службу империи. Но на этот раз деньги не прельстили гуннов, и Проб уехал назад, не добившись успеха.[78]

Так в правление Юстина восточное побережье Черного моря вошло в более близкие отношения к империи. Если прежде в обладании империи находились только две крепости, Питиунт и Севастополь, то теперь между ними и Херсоном на южном побережье Крыма явился вновь подчиненный империи город Боспор с его старым торговым значением, а на юго-востоке в кругозор византийской политики вошло побережье лазов и абазгов.

ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЕДСТВИЯ. БРАК ЮСТИНИАНА И ВЕНЧАНИЕ ЕГО НА ЦАРСТВО

В правление Юстина жизнь столицы и больших городов империи вновь оживилась. Анастасий запретил бои людей с дикими зверями по всей империи и изгнал танцоров из столицы, запретил это увеселение и в других городах империи. Хотя по давно сложившимся обычаям император не мог стоять вне партий ипподрома, и Анастасий принадлежал к партии красных, а тем самым к прасинам, вследствие попарного соединения партий; но покровительствуемая партия не имела того преобладания, как бывало то раньше. Так как деление на партии окрашивалось политическим оттенком и связывалось с текущими религиозными разногласиями, то с переменой правителя произошло изменение в отношении партий, и вместо прасинов партией императора стали венеты. Соперничество партий усилилось под воздействием большого интереса к увеселениям со стороны двора, чем то было при Анастасии, а вскоре отменены были те ограничения, которые провел этот император в целях воздействия на нравы населения. В 520 году во время ристаний вышли большие беспорядки. Правительство не поколебалось сразу принять очень строгие меры: были выведены войска, и много димотов было перебито. После этого партии побратались между собой, и когда префект Феодот давал театральные зрелища, народ вышел из театра и не стал смотреть представления. На следующий день димы собрались на ипподроме и обратились к императору с просьбой сделать выход на кафизму и смотреть на ристания. Из толпы стали раздаваться возгласы о плясунах, которые веселили их раньше. Прасины требовали себе Карамалла, венеты — Порфирия александрийца, красные и белые — своих прежних.[79] Юстин дал соизволение на просьбу народа и воротил партиям плясунов, как было при Зеноне и в начале правления Анастасия. Явившись опять в столицу, плясуны веселили народ на ипподроме особым видом танцев с плащами (μετά παλλίων), выходили на улицы, продолжая ту же забаву и гоняясь друг за другом. Эти увеселения не всегда кончались благополучно, и нередко случалось, что разбушевавшиеся димоты бросали людей в море.[80]

Широкий тон жизни города не поддерживал ни старый Юстин, ни его скромная супруга Лупицина, переименованная, как августа, в Евфимию. То было делом Юстиниана. Он любил и понимал великолепие и роскошь, а богатства, скопленные в казне мудрой политикой Анастасия, дали ему возможность придать широкий тон жизни столицы. Свое первое консульство, 1 января 521 года, он отпраздновал с невиданным дотоле великолепием. На щедрые подарки, обычные в этой церемонии, и на великолепные игры, дававшиеся по этому случаю, было потрачено 288 тысяч солидов, т. е. до 4 тысяч фунтов золота. В отмену проведенного Анастасием запрета кровавых зрелищ, Юстиниан прибавил от себя 20 львов и 30 пантер. Избалованное население столицы имело свои претензии и в этот раз, так как Юстиниан отказал в еще одном выпуске возниц на состязание, которого требовал народ.[81]

Пульс столичной жизни повысился, и в 523 году произошли очень крупные беспорядки на почве борьбы

---

[75] *Malala,* 415; *Chron. Pasch.* 614; *Theoph.* 167, 4—23.
[76] *Кулаковский,* Керченская христианская катакомба 491 года (Мат. изд. И. А. К., вып. 6). СПб., 1891.
[77] *Latyschev,* Inscr. orae mar. Ponti Euxini, II, p. 491.
[78] *Procop.* b. p. 1, 12.
[79] См. 1 том.
[80] *Malala,* De Ins. c. 43.
[81] *Marc. Com.* s. a. 521 (Chr. min. II 101).

партий ипподрома. Префект города Феодот, желая положить конец бесчинствам, принял самые строгие меры и, по приказу императора, многих казнил. Записавший в свою хронику это событие комит Марцеллин помянул о множестве казненных разными видами казни: мечом, огнем, петлей и прибавил от себя замечание, что эти казни представили приятное зрелище для добрых граждан.[82] Но для префекта дело не обошлось благополучно. В числе виновных в беспорядках оказался весьма богатый и знатный человек, некто Феодосий Стикка, имевший сан иллюстрия. Префект казнил и его, не испросив на то специального приказа. Он был смещен, лишен сана и сослан на Восток.[83] Боясь за свою жизнь, он скрылся и два года спустя появился в Иерусалиме.[84] Вместо Феодота был назначен префектом города Феодор, по фамилии Тегенист. Хотя, таким образом, префект сам оказался виноватым и пострадал, но его строгости не прошли бесследно. Феофан сохранил свидетельство, что в шестой год правления Юстина настало успокоение бесчинства, которые позволяли себе раньше венеты по всей империи, пользуясь своим положением партии правительства.[85] Современные свидетели приписывают Юстиниану оживление жизни партий. Завзятые члены партии венетов заводили особые моды. Носили волосы на гуннский лад: брили голову, оставляя усы и запуская бороду; щеголяли гуннским и персидским покроем платья. Венеты позволяли себе нередко всякого рода бесчинства, вплоть до убийств и похищения жен своих противников, что приводило иногда к самоубийствам пострадавших. Деление на партии ипподрома захватывало широкий круг людей, и так как только венеты попадали на всякие посты, то прасины не могли добиться правды даже в судах.[86]

С особенной резкостью и разнузданностью оживление борьбы партий сказывалось в Антиохии. Дело доходило до убийств на улицах и в домах, и власти оказывались бессильными покарать виновных. Еще в 520 году дело дошло до крайности. В наказание за совершенные тогда бесчинства запрещены были игры, называвшиеся Олимпийскими, и комит Востока Ефрем, родом из Амиды, обуздал партию венетов строгими карами, так что на некоторое время настало успокоение. В Антиохии в эту пору, как и по всему Востоку, действовал запрет плясунов (ορχησταί), проведенный Анастасием, и только в одной Александрии был в ту пору допущен этот вид народных увеселений.[87] Слава александрийских плясунов шла по римскому миру, и столичное население выпросило себе возвращение этой забавы.

В правление Юстина многие местности империи были посещены тяжкими землетрясениями. В 522 году страшно пострадал город Диррахий, родина императора Анастасия, который он богато украсил церковными и общественными сооружениями. На отстройку этих городов были отпущены большие суммы денег.[88] В 525 году был совершенно разрушен землетрясением город Аназарб, административный центр Киликии. Юстин отстроил его и назвал Юстинополем.[89] Тогда же пострадал главный город провинции Месопотамии, Эдесса, от страшного разлития протекавшей через город реки Скирта. Вода поднялась так высоко, что смыла множество зданий и в волнах погибло большое число жителей.[90] В октябре того же года начались страшные пожары в Антиохии, не прекращавшиеся в течение шести месяцев и уничтожившие большую часть города. Огонь появлялся часто прямо на крышах и исходил из кирпичей. Во время этих пожаров погибло много людей. Император прислал патриарху Евфразию двести фунтов золота на помощь погорельцам.[91] Но еще более тяжкое бедствие постигло Антиохию 20 мая,[92] в день вознесения, 526 года. Земля сотрясалась в течение целого года. Весь город был разрушен, много людей было засыпано развалинами или погибло в разверзавшейся земле; огонь появлялся снизу, падал и сверху. Погиб во время землетрясения и патриарх Евфразий. Все церкви и все здания оказались разрушенными.[93] Юстин сложил диадему и царский пурпур, и много дней пребывал в трауре; в таком простом виде ходил он и в храм; весь сенат облачился в трауре. Император плакал перед сенатом, и сенат плакал с ним вместе, моля Бога прекратить свой праведный гнев. При первом известии о бедствии, постигшем столицу Востока, Юстин послал комита Карина, дав ему 500 фунтов золота, для принятия мер к спасению людей, откапыванию их и охране от грабителей. Затем были посланы еще два сановника, Фока и Астерий, снабженные огромными суммами для отстройки города.[94] Малала считает число погибших в 250 тысяч человек. Несчастье одних толкало других на грабеж и разбои. Летописец свидетельствует, что все, повинные в этом грехе, зло погибли. На третий день после первого страшного подземного удара, на небе с северной стороны был виден сквозь облако крест, и в течение часа со слезами молились люди, прося Бога о

---

[82] Ib. s. a. 523.

[83] Прокопий в своем рассказе об этом эпизоде жизни столицы — h. a. 9, 35—42 — выставляет виновником бесчинств, которые совершали венеты, Юстиниана и Феодору. Меру терпения преисполнило убийство в храме св. Софии днем знатного человека Ипатия. Юстиниан в ту пору был болен, и опасались за его жизнь. Возмущенные злодейством люди нашли доступ к Юстину и поставили его в известность обо всем, что делалось раньше. Император отдал приказ префекту Феодоту произвести следствие, и тот, пользуясь болезнью Юстиниана, произвел много арестов и казнил многих. Когда Юстиниан выздоровел, он хотел отомстить Феодоту и возбудил против него обвинение в отравительстве и чародействе. Сенаторы были безгласны; но квестор Прокл отстоял невинного. Тем не менее, Феодот был сослан в Иерусалим. Опасаясь, что его убьют подосланные Юстинианом люди, Феодот укрывался в храме до самой смерти.

[84] *Malala*, 416.

[85] *Theoph.* 170, 24—30.

[86] *Procop.* h. a. 7; *Evagr. 4, 32.*

[87] *Malala,* 416—417; *Theoph.* 166, 26—33.

[88] *Theoph.* 168, 8.

[89] *Theoph.* 171, 14—17.

[90] Ib. 171, 18—28. Живые подробности со слов очевидцев см. *Zacharias,* 8, 4 p. 154 сл. Эдесса также получила имя Юстинополя. *Malala,* 418. О разливе Скирта и сооружениях Юстиниана в Эдессе — *Procop.* De aed. 2, 7; *Mich. Syr.* II. 180.

К цитатам следует прибавить: *Procop.* h. a. 18, 38.

[91] Ib. 172, 11—19; *Marc. Com.* s. a. (Chr. min. II 102).

[92] 20 число мая дано у Феофана; но это неверно и, мне кажется, что *De-Boor* мог это поправить в своем прекрасном тексте. 29 число дано у антиохийца Евагрия, который заимствовал дату из полного Малалы.

[93] *Theoph.* 172; 173. *Mich. Syr.* II 180—183.

[94] *Malala,* 419—423; *Barhebraeus,* Chron. 1, 44, p. 200 — в живых осталось только 1250 человек. *Evagr.* 4, 6.

милосердии. Когда раскапывали развалившиеся здания, было много случаев чудесного спасения после 20 и даже 30 дней, проведенных под развалинами. Некоторые женщины разрешались под землей от бремени, и найдены были живыми и с живыми младенцами. Отстройка города началась при Юстине, а довести дело до конца пришлось Юстиниану после смерти Юстина. Он и Феодора построили в Антиохии много церквей и общественных сооружений. Комит Востока Ефрем так расположил к себе уцелевших антиохийцев заботами о доставлении всего нужного, что они выбрали его своим епископом вместо погибшего Евфразия. Малала, сам антиохиец, считает нужным прибавить, что после этого страшного несчастья местные димы были некоторое время в мире.[95] Но застарелые и крепко укоренившиеся нравы вызвали вновь вражду и побоища димотов, и опыт, вынесенный из уличных свалок, сослужил в 540 году свою службу Антиохии в роковом несчастье, постигшем ее по воле царя персов Хосрова.

Юстиниан, направлявший государственную политику при Юстине, пленился одной красавицей, выросшей с детства в атмосфере ипподрома. То была Феодора, красоту которой, по свидетельству современника, бессильно описать человеческое слово. Дочь смотрителя медведей партии зеленых, по имени Акакия, Феодора рано осталась сиротой вместе с двумя сестрами, из которых Комитó была старше ее, а другая, Анастасия, моложе. По смерти Акакия мать Феодоры вышла замуж за другого, и дочери были предоставлены сами себе. Старшая стала актрисой и жила так, как было обычно у женщин этой профессии в то время. Живя с сестрой, Феодора еще в годы детства узнала всю грязь жизни своего круга. Рано начала она выступать как плясунья на ипподроме, и ее пленительная грация стяжала ей большую известность. Она выступала в пьесах, носивших название мимов, которые по старой традиции имели особый характер. Живя, как другие актрисы, Феодора изведала на себе все глубины падения женской нравственности.[96] Префект Пентаполя Гекеболий увез ее в Ливию; но скоро она его бросила, жила в Александрии и других городах Востока. После этого путешествия она воротилась в Константинополь. Юстиниан увлекся дивной красотой Феодоры, страстно влюбился в нее и решил жениться на ней. Темное прошлое ее не являлось препятствием к браку ни в глазах самого Юстиниана, ни его старого и простого дяди. Но благочестивая жена Юстина, простая и непритязательная женщина, чуждая всякого честолюбия и не вмешивавшаяся вовсе в политику, Лупицина, принявшая имя Евфимии, воспротивилась этому браку с точки зрения требований христианской нравственности, и лишь после ее смерти в 524 году Юстиниан отпраздновал свое бракосочетание с Феодорой с подобающей торжественностью.[97]

Когда Юстин стал слабеть и почувствовал приближение кончины, он венчал на царство Юстиниана и объявил его своим соправителем. Это событие совершилось 1 апреля 527 года, по показанию Пасхальной хроники, или 4 апреля, как сообщена эта дата у Константина Багрянородного. Юстин хворал от разболевшейся старой раны, полученной в давнее время на войне, и ввиду его болезни сама церемония возведения на царство была упрощена. Она совершилась не на ипподроме, а во внутреннем зале дворца, Дельфике, куда был созван весь сенат, схолы и войско. Молитвы читал патриарх, он же возложил и венец на голову Юстиниана.[98] Соправительство продолжалось шесть месяцев. 1 августа скончался Юстин и началось единодержавие Юстиниана.

---

[95] *Malala,* 422, 20.

[96] Современник Юстиниана, монофизитский писатель Иоанн Эфесский, знавший, что Феодора была верна монофизитским воззрениям на природу Богочеловека, лично ее уважавший и отдававший ей должное за покровительство монофизитам, является в отношении ее непреложным свидетелем о ее темном прошлом. *Commentatione*s, p. 68; Theodoram την ἑκ πορνείου, quae ilio tempore patricia erat (речь идет о ее помощи епископу Амиды Марасу освободиться от ссылки в Петру в Аравии в первые годы преследований монофизитов в правление Юстина). Позднее монофизиты обелили Феодору, и в хронике Михаила Сирийца она является дочерью благочестивого монофизитского священника в городе Маббуге (Иераполь). *Mich. Syr.* IX, 20, p. 189.

Следует прибавить к ссылке на Малалу — *Johan. Lyd.* De mag. 3, 54.

[97] *Procop.* h. a. 9, 1—28. Сведения, сообщаемые Прокопием, носят сплетнический и злостный тон.

[98] *Constant. Porphyr.* De cer. 1, 95, p. 432—433.

ЮСТИНИАН

«ЦАРСКИЙ СВИТОК» АГАПИТА. ИМПЕРАТРИЦА ФЕОДОРА. ДВОР И ЭТИКЕТ. ЦЕРКОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. СОБЫТИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ В СИРИИ И В ПРИДУНАЙСКИХ ОБЛАСТЯХ

Со смертью Юстина началось единодержавие Юстиниана. Искушенный уже в делах государственного управления, он был преисполнен сознания величия императорского сана. Современники понимали настроение своего владыки и один из них, дьякон храма св. Софии Агапит, поднес ему изложение идеала верховной власти в форме изящно изложенных определений обязанностей государя и его высокого положения. Характер посвящения выражен в том, что 72 параграфа, на которые разделен текст, начинаются с букв, которые составляют такую фразу: Τῷ θειοτάτω καί εὐσεβεστάτω βασελεῖ ἡμών Ἰουστινιανῷ Ἀγαπητός ὁ ελάχιστος διάκονος, т. е. божественнейшему и благочестивейшему царю нашему Юстиниану смиреннейший дьякон Агапит.[99] «Имея сан превыше всякой чести, о государь, — так начинает Агапит, — почитай превыше всего Бога, который тебя им удостоил, ибо Он, наподобие небесного царства, дал тебе скипетр земного владычества, чтобы ты научил людей хранить правду и удержал лай хулящих его, повинуясь сам его законам и правосудно повелевая подданными». «Уподобляясь кормчему, многоочитый разум царя бодрствует непрерывно, крепко держа руль благозакония и мощно отражая волны беззакония, чтобы корабль вселенского царства не впал в волны нечестия». «Мы, люди, научаемся первейшей и божественной науке — знать себя самих, ибо знающий сам себя познает Бога, а познавший Бога уподобляется Богу, становясь достойным Бога. Достойным Бога является тот, кто не делает ничего такого, что недостойно Бога; но, помышляя божеское, изрекая то, что помышляет, делает то, что говорит». «Выше всех красот царства украшает царя венец благочестия. Богатство уходит, слава проходит, а хвала богопроникновенной жизни живет бессмертные века и ставит ее обладателей превыше забвения». «Существом тела царь равен всем людям, а властью своего сана подобен владыке всего, Богу. На земле он не имеет высшего над собою. Поэтому он должен, как Бог, не гневаться и, как смертный, не возноситься. Если он почтен Божиим образом, то он связан и земным прахом, и это поучает его соблюдать в отношении всех равенство». «Как глаз прирожден телу, так миру — царь, данный Богом для устроения того, что идет на общую пользу. Ему надлежит печься обо всех людях, как о собственных членах, чтобы они успевали в добром и не терпели от зла».[100] В таких афоризмах, часто весьма риторичных, идет это поучение царя в его великом призвании. Умножая свои изречения по числу нужных для акростиха букв, автор развивал идею императора как наместника Бога на земле. Так был настроен и сам Юстиниан, когда заявлял в своем указе, что «Бог подчинил императору самые законы, посылая его людям как одушевленный закон».[101]

Преисполненный сознания величия императорской власти, Юстиниан встал у кормила правления и с присущим ему чувством великого поднял блеск особы императора и его ближайшего окружения. Его супруга, императрица Феодора, разделяла с ним его высокое понятие об императорском достоинстве и сумела в полной мере осуществить прерогативы своего сана августы. За предшествующее время из всех носительниц этого титула только одна Пульхерия деятельно и непосредственно участвовала в государственном управлении. Живая в ту пору идея единства империи, при географическом делении на две половины, нашла свое внешнее выражение в постановке в здании сената статуй трех носителей сана август, Гонория, Феодосия и Пульхерии.[102] Как непосредственно участвовавшая по праву в осуществлении верховной власти, Пульхерия имела свой придворный штат, которого не было у Евдокии, хотя она также пользовалась титулом августы после рождения Феодосия. Обет безбрачия, который Пульхерия принесла вступая в управление государством, она верно несла во все время правления Феодосия, и ее глубокое христианское благочестие смягчало значение столь высокого положения женщины в центре государственной жизни и вносило новую струю в обиход двора и придворной жизни. Положение, какое занимала Пульхерия, не явилось прецедентом для последующих носительниц сана августы. Иначе стало при Юстиниане. Феодора, женщина исключительных дарований и огромного честолюбия, одаренная красотой, порабощавшей людей, сумела разделить с своим царственным супругом его высокое положение. Она принимала непосредственное участие во всех вопросах текущей государственной политики и проявляла свою личную инициативу в тревожных и тяжких вопросах религиозной жизни империи.

Выросли и осложнились старые условия придворного этикета. Форма приветствия высочайшей особы на выходах и приемах, так наз. поклонение, προσκύνησις, заимствованное Диоклетианом у персов, установилось до Юстиниана в том виде, что сановники высших рангов, имевшие звание патриция, подходя к императору, целовали его в грудь с правой стороны и он отвечал на это приветствие поцелуем в голову; остальные чины, являясь на очи государя, склоняли правое колено и так приветствовали высочайшую особу. Супруга императора, даже если имела титул августы, не пользовалась правом на «поклонение». С Юстиниана этикет изменился. Все сановники, являвшиеся к императору или императрице, не исключая и патрициев, падали ниц и целовали обе ноги высочайшей особы, выражая тем свое состояние верноподданных земного владыки.[103] Жены сановников высших рангов являлись во дворец к императрице и совершали поклонение по новому способу. Среди них она избирала себе сотрудниц в разных своих личных делах.[104] Приемы у императрицы были редки, но чрезвычайно многолюдны. Ее выезды из дворца обставлялись с большой торжественностью. При посещениях церквей, монастырей и больниц императрица давала щедрые подарки и делала большие вклады из своих средств. Когда в 528 году Феодора предприняла поездку на воды в Пифии, в провинции Вифинии, ее сопровождал префект

[1] *Procop.* h. a. 10, 13—17.

---

[99] Применение слова θεῖος — божественный — к особе императора является традицией старого времени. Слово это есть перевод латинского sacer, которое придавалось, как постоянный эпитет, ко всему, что относилось к особе императора: sacrum Palatium, sacra constitutio, sacra vestís и т. д.

[100] *Agapeti* Expositio cap. admon. (P. G. 86, 1), 1, 2, 3, 15, 21.

[101] Novella 105, 4: imperatoris fortuna, cui et ipsas deus leges subiecit, legem animatam eum mittens hominibus.

[102] См. том 1.

[103] *Procop.* h. a. 15, 11—18; 30, 21—34.

[104] О приемах императрицы и выходах см. *Procop.* h. a. 14, 13—16.

города Мина, и в ее свите было много высших чинов и патрициев, огромный штат кубикулариев и военная охрана. В общем свита доходила до четырех тысяч человек.[105]

Гнев императрицы имел роковые последствия для тех, кто навлекал его на себя. В летописях под 534 годом записано о невзгодах Приска, занимавшего пост комита экскувитов. За неуважительный отзыв об императрице он был подвергнут конфискации имущества, сослан в Кизик и заключен в тюрьму. Ему удалось бежать оттуда, но он был схвачен, пострижен в клир и проживал затем в звании дьякона в Никее.[106] Во дворце императрицы была своя особая тюрьма. В ней однажды отсидел 2 года и 8 месяцев заслуженный военачальник Буза за смелое слово во время тяжкой болезни Юстиниана о праве армии указать своего кандидата на императорский престол. Прокопий сообщает, что многие знатные лица побывали в этой тюрьме.[107]

Императрица принимала послов иностранных государств, делала им подарки, вела дипломатическую переписку от своего имени, посылая от себя подарки царственным особам.[108] Новое положение императрицы, как высочайшей особы наравне со своим супругом, было закреплено и упрочено в формуле присяги на верность, которую должны были приносить все чины, как предварительное условие назначения на должность. Они клялись «сохранить чистую совесть и верную службу» (καθαρὸν συνειδὸς καί γνησίαν δουλείαν) «святейшим и благочестивейшим нашим владыкам Юстиниану и Феодоре, супруге его величества» (τῆ ὁμοζύγω τού αύτοϋ κράτους).[109]

Жизнь двора замкнулась при Юстиниане в сложный этикет, в котором многое прибавилось к старому наследию в соответствие с личными свойствами императора и императрицы. Один образованный и ученый современник, магистр двора Петр, составил целый трактат о придворных обычаях, в котором давал точное описание отдельных церемоний для руководства преемникам по должности. Константин Багрянородный в своем Обряднике Византийского двора сохранил отрывки из этого сочинения.

Назначения на высшие должности и звания происходили в торжественной обстановке царских выходов по строго выработанному церемониалу. В сохраненных Константином отрывках дано описание церемониала возведения в звание комита приемов, комита схолы, т. е. полка придворной стражи, куропалата, префекта Египта (августала), проконсула, силенциариев и других чинов. Другие назначения совершались во внутренних покоях (ἐν τῷ κουβικουλείω). О церемониях этого рода делались заранее объявления. Силенциарий во время назначения на эту высокую придворную службу получал из рук императора золотой жезл (βέργη). Если же он удостаивался чести быть избранным в число четырех, которые состояли при особе императрицы, то она на торжественном приеме повторяла передачу жезла. Получившие лично от императора дипломы на придворные звания падали ниц и лобызали стопы императора и императрицы. Зачисление в кандидаты, некогда рассадник офицеров, а теперь придворное звание, с блестящим мундиром, совершалось на кафизме ипподрома. Магистр, стоя направо от государя, подавал ему золотую цепь, держа ее на обеих руках. Получавший цепь новый кандидат падал на землю и целовал ноги императора. Кроме чинов и должностей, связанных с действительной службой, были также почетные, различавшиеся в окладе жалованья. Так, из числа референдариев два состояли при императоре, один при императрице, и только эти три получали оклад по должности; остальные были уравнены с трибунами нотариев.[110]

Самым точным образом был выработан церемониал приема послов от других держав. Прибытию посла предшествовал запрос от того двора, откуда он являлся, угодно ли будет его принять; а по приезде посол должен был предварительно повидаться с магистром двора. В сношениях с Персией, где было в обычае обмениваться щедрыми дарами, аудиенции предшествовали точный осмотр и регистрация подарков. Прием послов обставлялся с большой торжественностью. Сенат присутствовал во всем своем составе в парадных шелковых одеждах. В зале стояли кандидаты со своими пажами. Когда посол входил в зал, он повергался ниц перед императором и повторял это трижды, раньше чем предстать перед ним и облобызать его ноги. Лишь тогда начинался обмен любезностями. Император спрашивал о здоровье государя, приславшего посла, тот передавал подарки, которые принимали от свиты посла силенциарии. На этом обыкновенно кончался первый прием, и император милостиво отпускал посла отдохнуть, заявляя, что для обсуждения дел будет назначен другой день. Выражением благодарности со стороны посла заканчивался первый прием, и по команде магистра «transfer» декурион уводил кандидатов. Император поднимался с трона и удалялся во внутренние покои. Посол заходил в сходу магистра, куда являлся вскоре сам магистр и отпускал посла в отведенное ему помещение.

Жизнь двора осложнилась. Высочайшие выходы в тронный зал и ипподром имели характер великолепных и блестящих церемоний. Двор непосредственно участвовал во всенародных увеселениях, и кроме того имел свои торжества. Таковы были обеды, которые давались как по случаю пребывания послов дружественной державы, так и независимо от таких внешних поводов. Старый римский праздник Сатурналий превратился теперь в целый ряд обедов в самые короткие дни года. На них приглашались сановники, имевшие доступ ко двору, по очереди букв алфавита, с которых начинались их имена. Эти пиры требовали больших расходов. В знак траура они отменялись, и деньги шли на другое назначение. Так, по случаю тяжкого землетрясения в декабре 557 года обеды были отложены, и деньги были направлены на пособие пострадавшим от стихийного бедствия.[111]

Принимая империю в единоличное правление, Юстиниан ознаменовал это событие исповеданием веры в форме указа, обращенного ко всему населению империи. Изложив в краткой формулировке соборное учение о св. Троице, Богочеловеке и Богородице, император предавал анафеме учение Нестория, Евтихия и

---

[105] *Malala,* 491; *Theoph.* 186, 8—13.
[106] *Malala,* de ins., c. 45. Несколько иначе*Theoph.* 186,16—18. *Procop.* h. a. c. 16, 6—10.
[107] *Procop.* h. a. 4, 8. Кроме указанного места Тайной истории, см. 3, 9; 3, 21—30.
[108] Кассиодор сохранил упоминание о письме Феодоры к царице Годеливе, *Var.* 10, 20.
[109] *Novella* VIII, p. 90 Sch.
О письме Феодоры к персидскому вельможе Забергану поминает Прокопий, h. a. 2, 32-35.
[110] *Constant. Porphyr.* De cer. 1, 84—90, p. 386—410.
[111] *Theoph,* 232, 5.
Церемонию встречи императора при его возвращении из поездки в Азию см. *Const. Porphyr.* Cer. p. 497—498.

Апполинария, объявлял свою веру единой истинной и для всех обязательной, а всех разномыслящих — еретиками, подлежащими немедленной каре.[112] Забота о насаждении единого истинного богопочитания и вероучения была в сознании Юстиниана первою обязанностью императора перед Богом и людьми. Этому принципу он остался верен во все свое долгое царствование. Еще совместно с Юстином он издал указ о еретиках, в котором было выставлено следующее положение: «Справедливо лишать земных благ того, кто неправильно поклоняется Богу (τοῖς μή τον θεόν ὀρθῶς προσκυνοῦσι καί τά των ανθρωπίνων ἀγαθῶν ἐπέχεται)». В том же указе выражено твердое решение не только искоренить язычество и манихейство, но и всякую ересь вообще, а также иудейство и самаритянство. Законодатель заявлял, что он не будет довольствоваться существующими законами, но пойдет дальше в изыскании мер борьбы во славу апостольской церкви.[113] Всем еретикам был предоставлен трехмесячный срок на возвращение в лоно православной церкви, а все храмы еретических общин подлежали передаче православным. Исключение было сделано только в пользу ариан, эксакионитов, как их называли в Константинополе, ввиду соглашения с Теодорихом во время приезда папы Иоанна в 525 году, а равно и того обстоятельства, что арианство было национальным исповеданием готов, которые занимали первое место в составе федератов империи. Еретики были лишены права занимать какие бы то ни было должности на государственной службе, и, как условие приема на службу, была установлена присяга на Евангелии в присутствии трех свидетелей.[114] Все еретики, состоявшие на службе, должны быть немедленно уволены.[115] Только обязанности декуриона та и служба когорталинов, имевшие характер наследственных повинностей, были доступны для еретиков.[116] Закон устранял еретиков от профессии адвоката и преподавателя.[117] Им было запрещено всякое отправление культа — собрания, совершение таинств, избрание священников.[118] Они были лишены права быть свидетелями на суде против православных, ограничены в праве наследования,[119] и, за отсутствием православных родственников, имущество еретика должно было переходить в казну.[120] — Так твердо и определенно ставил Юстиниан вопрос об обязательном для всех его подданных правоверии.

Наряду с этими мерами очищения церкви Христовой от «скверны еретических учений» Юстиниан, начиная с первого года своего единовластия, ревностно трудился над регламентацией прав и обязанностей епископов и членов клира. Вошедшие вскоре в его Кодекс указы дают точные определения о посвящении в клир и обязательном для членов клира образе жизни, а также о разного рода благотворительных учреждениях, состоявших в церковном управлении.[121] Указы, касавшиеся церкви и церковного управления, издавались императором на имя патриарха. Хотя содержание их было, по всему вероятию, предметом предварительного соглашения, но с формальной стороны дело имело такой вид, что патриарх, наравне с префектами, получал от императора личные повеления к исполнению и руководству. Начавшееся с первого года правления живое и непосредственное отношение Юстиниана к делам церковным, как в смысле установления догмы христианского верования, так и церковного благоустройства, продолжалось затем непрерывно во все течение его продолжительного царствования и было в его собственном сознании наиболее важной заботой государя.

Приняв по старой традиции консульство на ближайший год после провозглашения императором, т. е. 1 января 528 года, Юстиниан выразил свое понимание величия императорского сана такими великолепными играми и столь щедрыми подарками народу в день вступления в сан, каких не давал доселе ни один из его предшественников на троне.[122] Разделяя с населением своей столицы пристрастие к играм, Юстиниан проявил свой широкий вкус и любовь к роскоши новыми сооружениями на ипподроме. Он перестроил и богато украсил императорскую кафизму и портики, из которых смотрели на игры члены синклита.[123] Свои заботы о благоустройстве столицы он проявил в сооружении огромной цистерны в здании, носившем имя Базилика Илла, и провел в нее воду из старого водопровода, сооруженного некогда Адрианом, который был заново отстроен и расширен.[124] Тогда же были открыты для общественного пользования бани Дагистея, отстройка которых начата была еще при Анастасии. В заморской части города, отделенной Золотым Рогом, Сиках, он построил стены и соорудил театр. В ознаменовании этих своих щедрот он переименовал Сики в Юстинианополь, хотя впрочем это новое имя не вошло в живой оборот речи и осталось лишь воспоминанием, занесенным хронистом в свою летопись.[125]

Год второго консульства Юстиниана отмечен тяжким землетрясением в Сирии. Антиохия, только что начавшая оправляться после ужасного землетрясения 526 года, пострадала вновь от того же бедствия (29 ноября 529 г.). По свидетельству местного летописца, в этот раз погибло 5 тысяч человек. Землетрясение охватило значительный район, и от него пострадали города Селевкия и Лаодикея, где погибших было еще больше, 7 тысяч человек, по преимуществу иудеев, составлявших издавна значительную часть городского населения на Востоке. По старому обычаю, который так часто применялся при императоре Анастасии, Юстиниан освободил население пострадавших городов от прямых податей на три года и отпустил 200 фунтов золота на отстройку общественных зданий. Юстиниан и Феодора приняли также и личное участие в расходах на восстановление Антиохии, которая

---

[112] *Cod. Just.* 1 , 1 , 5 (ссылка на этот указ в 533 году — ib. 1, 1, 6, 3).
[113] *Cod. Just.* 1, 3, 42. Quoniara omnera curam gerimus sacrosanctarura ecclesiarum, quibus et nostrum imperium sustineri et communes res clementissimi Dei gratia muniri confisi sumus. (528 г.) Ср. 1, 3, 41.
[114] *Cod. Just.* 1. 5, 12, 5.
[115] Ib. 1, 4.
[116] Ib. 1, 5, 12, 9 (527 г.).
[117] Ib. 1, 5, 12, 6. Ib. 1, 5, 14; 20.
[118] Ib. 1, 5, 18, 4.
[119] Ib. 1, 5, 21.
[120] Ib. 1, 5, 18, 9.
[121] Ib. 1, 3, 42 (527 г.) 55; 1, 4, 20—34.
[122] *Theoph.* 174, 16—18.
[123] *Com. Marc.* s. a. 528.
[124] Эта цистерна является и ныне одной из достопримечательностей Константинополя и носит имя Бин-бырдирек.
[125] *Malala,* 430; 435.

получила теперь новое имя Теополь, Божий град. Свое внимание к пострадавшим городам Востока Юстиниан выразил также и тем, что предоставил сан иллюстриев знатнейшим гражданам (τοῖς κτήτορσιν).[126]

В следующем, 529 году, религиозная нетерпимость Юстиниана вызвала тяжкие последствия в Палестине. Угроза искоренения, которую возвестил Юстиниан иудеям, не могла быть приведена в исполнение; но она возымела свое действие относительно такой сравнительно немногочисленной и местной по своему характеру иудейской секты, какой были самаритяне в Палестине. Ограничение в правах, как личных, так и имущественных, которому подверглись самаритяне, вызвало наружное присоединение к христианству очень многих членов секты преимущественно из городских жителей. Но сельское население оказалось более стойким, чем их единоверцы-горожане. В мае 529 года началось восстание, центром которого был город Неаполь.[127] Восставшие истребляли огнем и мечом христианские селения, захватили самый город и провозгласили своим царем известного в стране разбойника, Юлиана, сына Савара (или Саварона). Юлиан облачился в царское одеяние и диадему и дал в городе ристания под своим председательством. Один наездник-христианин, по имени Никита, был казнен, вместо награды, которую заслужил своей победой. В городе были разрушены все пять церквей, епископ Саммона́ был убит, несколько схваченных священников были изрезаны на куски и сожжены вместе с мощами, какие были в городе. Восстание охватило всю страну и по всем дорогам шел жестокий разбой и грабеж. Самаритяне отправили посольство к царю Каваду, звали его на помощь и сообщали об огромных богатствах, которые находились в Иерусалиме. Против Юлиана выступили войска под начальством Феодора, дукса Палестины,[128] и Иоанна, с ними были также и арабы со своими филархами. В кровопролитном сражении самаритяне потерпели поражение, пал их царь Юлиан, и голова его с диадемой была отослана в столицу, как трофей победы. Число погибших самаритян исчисляли в 20 тысяч человек и столько же было продано на рабских рынках в Персии филархами арабов. Феодор был смещен за то, что не сумел потушить восстание в начале и дал ему разгореться. На его место был назначен антиохиец Ириней, который с помощью арабов продолжал кровавую расправу с самаритянами. Войска окружали их в горах, избивали начальников и всякими мерами насилия принуждали остальных принимать христианство. Император отдал приказ разрушать все синагоги самаритян в стране и воспретил под страхом смертной казни восстанавливать их. Благосостояние страны было надолго подорвано как самим бунтом, так и кровавыми репрессиями, последовавшими за ним.[129]

После подавления восстания христиане совершали всякого рода насилия над самаритянами. Так, в городе Скифополе погиб ужасной смертью один именитый гражданин, по имени Сильван. Он вернулся в город без специального разрешения от императора; христиане схватили его и сожгли на площади.[130] Сын Сильвана Арсений принадлежал к составу столичного сената и пользовался расположением императрицы Феодоры.[131] Иерусалимский патриарх опасался последствий этого злого дела и в то же время считал нужным возбудить ходатайство о податных льготах для христианского населения Палестины, пострадавшего от восстания самаритян. Он обратился с просьбой к знаменитому представителю палестинского монашества Савве отправиться в Константинополь и походатайствовать за христиан. Хотя Савве шел тогда уже 92-й год, но он принял это поручение и отправился в столицу в апреле 530 года. О пребывании Саввы в столице дает самый точный отчет его биограф, Кирилл Скифопольский. Он приписывает воздействию Саввы все строгие меры против самаритян.[132] После первого приема у императора Савва посетил императрицу. Она приняла его ласково и просила его молитв о том, чтобы Бог дал ей сына. Но Савва сказал ей в ответ: «Бог славы да сохранит ваше царство в благочестии и победе», и этим отверг ее просьбу. Старый монах был осведомлен о монофизитских убеждениях Феодоры. Савва просил не только об освобождении от податей населения Палестины, а также о сооружении в Иерусалиме больницы для странников, отстройке новой церкви, заложенной еще патриархом Илией, и возведении новой крепости для защиты созданных им монастырей. Император удовлетворил личные ходатайства Саввы, и в течение 12 лет созидался новый великолепный храм во имя Богородицы. Во время пребывания Саввы в столице к нему явился Арсений с несколькими соплеменниками и принял от него крещение.[133]

В тот самый год, когда восстали на защиту своей религиозной свободы самаритяне, было возбуждено в столице обвинение многих лиц из высшей служебной знати в принадлежности к язычеству. Между ними были квестор Фома, патриций Фока, бывший префект Асклепиодот, бывший референдарий Македоний и многие другие. Все обвиняемые были подвергнуты конфискации имущества и, по-видимому, покончили сами с собою.[134] Тогда же было обращено внимание на духовный центр язычества, каким являлся афинский университет.[135] Объявив в своем указе запрет всем исповедующим «безумие язычества» обучать кого-либо каким-нибудь наукам,

---

[126] *Malala,* 442—443. Тут есть неясность: сначала Малала говорит об отпуске двух кентинариев золота городу Лаодикее, а затем о 200 фунтах на все три города вместе.

О почетных префектурах свидетельствует 70-я новелла Юстиниана (от 538 г.).

[127] В отрывках Малалы (De ins. 44) поводом к восстанию является следующее обстоятельство. — По всему Востоку был обычай, что христианская молодежь после церковной службы в субботу, выходя с Евангелием из храма, направлялась к синагогам самаритян и бросала камни в их дома. Эта грубая забава обыкновенно обходилась мирно. Весной 529 года случилось так, что самаритяне дали отпор: бросились с ножами на обидчиков, убили многих и в пылу преследования искали спасавшихся в храме св. Василия, причем предавали смерти и тех, кто прятался под св. престолом. — Называя храм, автор, очевидно, разумеет определенный город. Но была ли то Кесария Палестинская, или Неаполь (оба города названы в начале текста), остается неясным.

[128] *Exc. de ins.* c. *44* — Феодот Μάγαλας.

[129] *Malala,* De ins., c. *44; Chronogr.,* 445—447; *Procop.* h. a., c. 11; De aed. 5, 7; *Житие св. Саввы,* гл. 70—72; *Zacharias,* 9, 8, p. 176—179.

[130] *Житие св. Саввы,* гл. 70. — По словам автора, Савва предсказал эту участь Сильвану.

[131] Прокопий, h. a., 27, 6, — видит причину расположения Феодоры к Арсению в его большом богатстве.

[132] Впоследствии, в указе от 551 года, Novella 129, Юстиниан облегчил положение самаритян; но позднее, в 569 г., самаритяне были вновь ограничены в правах Юстином. Nov. 144.

[133] *Житие св. Саввы,* гл. 71.

[134] *Malala,* 449; *Theoph.* 180, 11—2.

[135] См. том 1.

Юстиниан закрыл эту старую школу высших знаний. Умолкла эллинская мудрость, конфисковано было накопившееся в течение долгих веков имущество, и последние представители кафедр в числе семи человек решили искать себе места деятельности на чужбине. То были люди, происходившие из восточных областей империи: Далмаций — из Сирии, Евнапий — из Фригии, Присциан — из Лидии, Гермия и Диоген — из Финикии, Исидор — из Газы. Решение афинских профессоров искать почвы для своей деятельности в Персии было вызвано тем, что царевич Хосров имел репутацию глубокого знатока Платона. Хосров не оправдал надежд философов, и вскоре они пожелали вернуться на родину. В текст мирного договора между империей и Персией в 532 году была включена статья о разрешении философам вернуться в империю.[136] С язычеством Юстиниану пришлось ведаться и после 529 года.

Год консульства Юстиниана отмечен в придунайских областях нашествием гуннов, которые перешли через Дунай в большой массе под предводительством двух ханов. Состоявший тогда магистром армии во Фракии Бадуарий выступил против них вместе с начальником гарнизонов Скифии, Юстином. Но битва была неудачна, и Юстин пал в бою. На помощь военным силам Фракии явился со своими войсками магистр армии Иллирика, гунн Акум, недавно принявший крещение и имевший своим восприемником императора. С ним соединился дукс Мезии Константциол и Годила, вероятно, тот самый кампидуктор, который возлагал шейную цепь на голову Юстина. Совокупными усилиями им удалось разбить гуннов, и в этой битве нашли смерть оба хана. Награбленная гуннами добыча была отнята. Римские вожди считали дело оконченным и в полной беспечности возвращались на свои стоянки. Их подстерегла другая орда гуннов и напала на них врасплох. Во время бегства все три вождя были изловлены на аркан. Годила перерезал веревку и ушел; Константциол и Акум попали в плен. Первого гунны выдали за 10 тысяч солидов, а Акума увели на родину как изменника.[137] Слабость охраны дунайской границы побудила Юстиниана деятельно приняться за отстройку и усиление старых крепостей, служивших убежищем населению во время нашествий. На следующий год явился в придунайские местности бывший враг империи, Мунд,[138] создавший некогда в запустевших землях северного Иллирика разбойничье царство, которое Теодорих принял под свою охрану. По смерти Теодориха Мунд вступил в сношения с византийским двором, был принят на службу и назначен магистром армии в Иллирике.[139] Большой опыт в военном деле и личная храбрость Мунда сказались в смелых выступлениях против вторгавшихся в пределы империи гуннов и славян, которые совершали в те области свои грабительские набеги и, не встречая отпора, безлюдили окраинные местности.

С самого начала своего правления Юстиниан проявил заботу о поднятии благосостояния своей родины, провинции Дардании, в пределах которой лежал город Бедериана. Старое незначительное укрепление, в округе которого находилась деревня, где он родился, было превращено в цветущий город. Он украсил его общественными зданиями, дал ему имя Первой Юстинианы и хотел сделать его административным и церковным центром северного диоцеза Иллирика. Он отстроил также стены другой старой крепости в тех местах, носившей имя Ульпианы, и переименовал ее во Вторую Юстиниану. Тогда же удостоились внимания императора и другие города Дардании и Дакии.[140] Так как префектура Иллирик входила в церковную юрисдикцию римского папы, то в течение долгих лет шли сношения с римским престолом о соизволении папы на изменение старых церковно-административных отношений в тех областях, и желание Юстиниана сделать кафедру епископа Юстинианы митрополией для соседних провинций встречало возражения и противодействие. Не уладив окончательно дела с папой, Юстиниан издал в 535 году эдикт, которым предоставлял права митрополита епископу Первой Юстинианы.[141] В круг его церковной власти были отведены провинции: Вторая Македония, Дардания, Превалитана, обе Дакии, Средиземная и Прибрежная, Первая Мезия и Вторая Паннония — с частным обозначением: quae in Bacensi est civitate. Так как этим распоряжением умалялась территория митрополии Фессалоникийской, то римский престол долго не давал согласия, и только уже в 538 году папа Вигилий утвердил, в угоду тщеславному желанию императора возвеличить свою родину, его распоряжение 535 года, и епископ Первой Юстинианы стал митрополитом по праву. Провинция Вторая Паннония, давно уже вышедшая из-под власти императора, помянута в указе как входящая в состав империи. Под civitas Bacensis следует признать старый город Бассиану, округ которого лежал между Сингидоном и Сирмием.[142] Восстановление власти над этим уголком старой провинции было, очевидно, результатом военных предприятий храброго Мунда. В том же указе император с гордостью отмечает восстановление своей власти на левом берегу Дуная в двух пунктах: Репидава и Литтерата.[143] По всей вероятности, сообщенные Прокопием в сочинении «О постройках» без указания хронологии заботы Юстиниана об укреплении дунайской границы относятся к тому времени, когда Мунд действовал в Иллирике, а во Фракии был магистром армии храбрый и предприимчивый Хильбудий. Совместными усилиями они отражали напор варваров с севера и закладкой новых укреплений и отстройкой старых старались обеспечить давно оскудевшее земледельческое население в придунайских областях.

ЗАБОТЫ ОБ УСИЛЕНИИ ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ В АРМЕНИИ И СИРИИ. СНОШЕНИЯ С АРАБАМИ. ВОЙНА С ПЕРСИЕЙ. СМЕРТЬ КАВАДА И ВСТУПЛЕНИЕ НА ЦАРСТВО ХОСРОВА. ВЕЧНЫЙ МИР

---

[136] *Malala,* 451, 16—18; *Agath.* 2, 31.
[137] *Malala,* 437—438.
[138] Называю Мундом то самое лицо, которому в первом томе давал имя Мундон. Mundo — его называет комит Марцеллин в своей хронике, во всех же греческих источниках он зовется Μοῦνδος. Так как Марцеллин мог иметь с ним и личное знакомство, то это побудило меня принять сначала его форму имени этого человека.
[139] *Malala,* 451 — возвращение Мунда дано с точной хронологией: консульство Декия, т. е. 529 год.
[140] *Proco p.* aed. 4, 1, p. 267—268.
[141] *Novella* XI.
[142] В географическом обзоре империи, принадлежащем времени Юстиниана, Synecdemus Иерокла, числится провинция Паннония с обозначением, что ее правитель носит титул презида (ἡγεμών) и имеет два города: Сирмий и Бассиану — изд. Burckhardt'a vv. 651,7—9. — Но Сирмий не принадлежал империи при Юстиниане.
[143] Прокопий помещает Литтерату (Ледерата) на север от крепости Новы.

Военные тревоги на персидской границе, начавшиеся еще при жизни Юстина, вызвали с самого начала правления Юстиниана ряд мер, направленных к усилению средств обороны. В северных областях восточной границы была проведена реформа организации военного управления. Доселе все военные силы на восточной границе находились в ведении одного магистра армии. В самой северной области, называвшейся некогда Великой Арменией, власть императора была представлена военным сановником с титулом комита, который не имел под своей командой полков имперской армии и довольствовался местными военными силами для охраны страны и крепости Феодосиополя (Эрзерум). Лежавшая к юго-западу от Великой Армении армянская территория, ранее вошедшая в пределы империи, была разделена на две провинции: Армения Первая с административным центром в Севастии и Армения Вторая — в Мелитене. Приморская область, с городами Трапезунтом и Неокесарией, составляла провинцию, носившую название Понт Полемона. Армянские земли по верхнему течению Тигра и левых его притоков делились на пять сатрапий, которые имели свое национальное управление. Всю эту обширную территорию Юстиниан выделил в отношении военного управления в новый округ и предоставил его в заведование особому магистру армии. Первым носителем нового звания был знатный армянин Ситта, состоявший в числе оруженосцев Юстиниана, когда он занимал пост придворного магистра армии.[144] В последний год жизни Юстина Ситта действовал на границах персидской Армении вместе с Велизарием. Юстиниан вызвал его в Константинополь, приблизил к трону браком с сестрой императрицы Феодоры, Комито́,[145] и предоставил ему новый пост. Его официальный титул был — vir illustris magister militum per Armeniam et Pontum Polemoniacum et gentes. Указ о назначении Ситты на эту должность вошел в Кодекс (1, 29 5). В его тексте определена территория нового округа и даны общие указания касательно полков имперской армии, переведенных под начальство нового магистра из числа состоявших под начальством магистра армии Востока и обоих придворных (praesentales)[146]. Малала сохранил точное указание на то, что из армии Востока было переведено четыре полка. Ему же мы обязаны свидетельством о том, что с разрешения императора Ситта организовал свой штаб (scrinium) из местных людей ввиду удобства сношений с населением, из которого комплектовались местные военные части.[147] Ситта принялся за усиление существовавших крепостей и возведение новых. Ближайшим к границе важным стратегическим пунктом был город Мартирополь, отстоявший в 240 стадиях (около 50 верст) от Амиды, к северо-востоку от нее. Он был расположен на притоке реки Нимфия, впадающей в Тигр.[148] Стены города были утолщены втрое и надстроены в высоту до 40 футов.[149] Гарнизон его составил один полк из восточной армии. В городе было отстроено много новых общественных зданий и, в ознаменование забот императора, ему было дано новое имя Юстинианополь, которое, однако, не вытеснило старого. Тогда и в ближайшее затем время было отстроено много укреплений в разных местах, и одна из новых крепостей, Анасарф, получила имя Феодориады в честь императрицы.[150]

Предприимчивый и деятельный Ситта не только упрочил власть императора на армянской территории, но распространил ее на горную область по течению реки Чороха, заселенную племенем ценнов. Некогда, в пору расцвета римского могущества, ценны платили дань императору. Когда при имп. Адриане они вышли из повиновения и стали производить грабительские набеги на соседние области, Арриан, объезжавший, по поручению императора, восточное побережье Черного моря, вставил в свой отчет гордое слово: «если ценны (Σάννοι) не покорятся, то они будут истреблены».[151] Впоследствии ценны поставляли свои контингенты в римскую армию, и их отряды с национальным именем помянуты в Списке чинов империи от времени Феодосия Младшего.[152] Ко времени Юстиниана они не признавали над собой ничьей власти, получали денежные дары как от империи, так и персидской державы в обеспечение спокойствия соседних областей, но, поддаваясь своим разбойничьим инстинктам, нередко выходили из своих горных трущоб на грабеж соседей.[153] Ситта сумел смирить этот дикий народ, и ценны признали обязательство ставить свои ополчения под знамена императора. Через горные дебри прошли дороги, в восьми важных стратегических пунктах возникли укрепления, занятые гарнизонами имперских войск, воздвигались церкви, шла проповедь христианства,[154] и в своем эдикте 535 года Юстиниан гордо свидетельствовал о подчинении новой области римской державе.[155]

Одновременно с заботами об усилении римской власти в пограничных с персидскими владениями областях на севере, Юстиниан не упускал из вида интересов империи в сирийских пустынях. В первый год его правления вновь назначенный комит Востока, знатный армянин Патрикий, получил приказание отстроить стены старого города Пальмиры, поставить там гарнизон и организовать на этой окраине службу пограничных солдат из

---

[144] Ситтой называет его Прокопий, Tzitta — комит Марцеллин, Малала и Новелла XXII, в указе Кодекса он назван Zeta.

В изданном г. Лопаревым *Житии св. Феодора,* основателя монастыря Хоры *(Зап. клас. отд. И. Р. А. О.,* т. 1, 1904, приложение) Ситта носит римское имя Урсикий. Но во всяком случае это не есть его «настоящее имя», как полагал г. *Адонц* (Армения в эпоху Юстиниана, *СПб.,* 1909, стр. 138), а переименование, которым не пользовался сам Юстиниан, называвший его в официальном языке указов Zeta и Sitta.

[145] *Malala,* 427. Венчание произошло в церкви Антиоха близ ипподрома.

[146] Юстиниан счел нужным отметить, что он не ослабил других армий, так как были сформированы новые полки.

[147] *Malala,* 429, 16—430, 8.

[148] Сирийцы называли эту реку Каллат, ныне она зовется Батман-су.

[149] *Procop.* b. p. 1, 12, 6; aed. 3, 2.

[150] *Malala.* 444.

[151] *Arriani Periplus* § 15.

[152] Notitia diga., *Oriens, 8, 49; 31, 62, b. p. 1, 15, 18—25; b. g, 4, 13.*

Ценны участвовали в походе Юлиана в Персию в виде целого полка, legio Ziannorum, как называет его Аммиан Марцеллин, 25, 1, 19.

[153] *Procop.* b. p. 1, 15, 18—25; b. g. 4, 13.

[154] Id. aed. 3, 6.

[155] Novella I (от 1 января 535 г.), praef. — Tzani nunc primura sub Romanorum facti república inter subiectos habeantur. В августе того же года, Nov. XXVIII, praef. — Deinde Tzannorura succedit provincia, nunc primum a nobis Romanis acquisita et civitates et ipsa alias quidem modo factas suscipiens, alias autem quantum fuerit faciendas susceptura. — Неведение императора о прошлых судьбах ценнов разделял и Прокопий. Агафий был лучше осведомлен об этом (4, 13).

местного населения.[156] Город был заново отстроен и в достаточном количестве снабжен водой. Поставленный там гарнизон имел своей главной заботой следить за движениями персидских арабов, находившихся под властью смелого и предприимчивого царя Аламундара.[157] Разделенные между Персией и империей арабы были в постоянной взаимной вражде. Еще с 502 года филарх Арефа состоял в союзе с империей, и это до известной степени обеспечивало границы империи от нашествий. В 528 году вследствие ссоры с дуксом Палестины Диомидом, он откочевал с небольшой частью своих сил далеко на восток. Враждовавший с ним Аламундар напал на него и убил. Дуксы Евфратизии и Финикии, по приказанию императора, соединили свои силы и вместе с другими филархами арабов направились против Аламундара. Опасаясь встречи с многочисленным неприятелем, Аламундар бежал далеко на юг в пустыню. Вожди вторглись в его стоянки, захватили его ставки, забрали стада и с большой добычей воротились назад.[158] В марте следующего года Аламундар сделал набег в Сирию и, грабя и разоряя все на своем пути, дошел до области города Антиохии. Раньше чем вожди успели собрать силы для отражения, Аламундар ушел с добычей и множеством пленных.[159] Целый год томились пленники в ставках Аламундара. Заподозрив некоторых из них в злых умыслах, он предал их смертной казни в устрашение другим. Желая получить выкуп за остальных, он разрешил им послать доверенных лиц в Антиохию с просьбой о помощи к патриарху Евфрему, назначив 60-тидневный срок для возвращения. Патриарх прочел в церкви воззвание пленных и объявил денежный сбор во всех церквах города. Для той же цели собралась всенародная сходка. Деньги были собраны в нужном количестве, и пленники получили свободу.[160]

В заботах об обеспечении мира на сирийской границе Юстиниан после смерти Арефы положил начало новым отношениям к филархам подвижного и тревожного арабского племени. Персидские арабы были объединены под царской властью. Юстиниан воспользовался этим примером и предоставил одному из филархов, Арефе, сыну Габалы, царскую власть над соплеменниками в пределах Сирии, признал за ним титул царя и ввел его в состав имперской знати, дав ему сан патриция.[161] Христианство, являвшееся могучим фактором политического и культурного воздействия на варварские народы, давно уже проникло в среду арабов. Аламундар оставался язычником, несмотря на попытки воздействовать на него в этом отношении еще при Анастасии.[162] Арефа, как и его соплеменники, исповедовал христианство и впоследствии принимал непосредственное участие в примирении раздоров, возникших в недрах монофизитской церкви, к которой он принадлежал.[163] Свою службу императору он нес до самой своей смерти (569 год). Как союзник на войне, он был, по свидетельству Прокопия, не всегда надежен и не мог соперничать с Аламувдаром в смелости и удаче наездов на противника.

К востоку от северной оконечности Черного моря, за широкими и труднопроходимыми пустынями, лежала плодородная область, носившая название страны Пальм (Φοινίκων). Юстиниан вступил в сношения с обитавшими там арабами, и филарх Абукариб отдал свой недоступный оазис под власть императора, за что и был вознагражден званием филарха всех палестинских арабов.[164] К югу от страны Пальм, на полуострове, который в настоящее время носит имя Аравии, на плоскогорий Неджд, жили два арабских племени, Кинда и Мааб. Сношения с ними начались при Анастасии, когда к ним был послан с дипломатическим поручением дед Нонна. Юстиниан посылал к ним отца Нонна, Авраама. Маабиты находились в зависимых отношениях к химьяритам. Филарх маабитов Кайс, сын Арефы, убил родственника Эсимфея, царя химьяритов, и бежал в безводную пустыню. Юстиниан принял в его судьбе участие и помог вернуться на царство. В 530 году было снаряжено посольство к химьяритам. Его исправлял Юлиан, брат Руфина. Путь его лежал через Александрию по Нилу до пределов Египта, оттуда в приморский город Аду лис, от которого химьяритский берег отстоял на пять дней плавания. Посол был принят с почетом и Кайс был возвращен на царство.[165] Впоследствии Юстиниан имел с ним сношения и вызывал его в Константинополь. Посольство 530 года имело и другие, более реальные интересы. Оно было направлено не только к химьяритам, но и в Аксум. Малала сохранил точное описание приема императорского посла царем Аксума.[166] Торговля китайским шелком шла в ту пору через Персию, и война с персами расстраивала этот оборот. В Византии не имели ясного представления о торговых путях, по которым шли в Персию караваны с шелком, и самое производство шелка связывали с Индией. Император просил царя Аксума и химьяритов захватить караванные пути и направить торговлю шелком в Александрию. Этого они не могли сделать, и Прокопий, имевший также смутные понятия об Индии, возлагал вину на их нерадение.

Захватывая в свой политический кругозор всю территорию арабского племени, Юстиниан воспользовался обращением к нему Аламундара в 531 году, чтобы завязать с ним дружественные сношения, которые скреплялись денежными дарами и вызывали впоследствии нарекания со стороны Хосрова.[167]

Военные действия на восточной границе имели такой же неопределенный и нерешительный характер, как и во время Анастасия. Дело сводилось к вторжениям небольшими силами на территорию противника. В 528 году персы вторглись в римскую Армению под начальством Мермероиса. В его войске было много гуннов-сабиров. Ситта был хорошо осведомлен о месте расположения отдельных частей вторгшейся армии и напал врасплох на лагерь гуннов. Гунны бежали, и лагерь их достался на разграбление победителю. Мермероис стянул свои силы и подошел к городу Сатале, к западу от Феодосиополя. Здесь произошла битва, в которой победа досталась Ситте,

---

[156] *Malala,* 433—434 — с точным указанием, что это случилось в октябре 527 года.
[157] *Procop.* aed. 2, 11.
[158] *Malala,* 435. — Неясность географических представлений о Дальнем Востоке сказывается в том, что Малала заставляет Арефу бежать в Индию. Столь же неясны представления об Индии и у Прокопия.
[159] *Theoph.* 178.
[160] *Malala,* 460—461.
[161] *Procop.* b. p. 1, 17, 47.
[162] *Theod. lect.* 2, 35.
[163] О христианстве у арабов см. *Acta sane.* Oct. X, 669 и сл. *Duchesne,* Miss, chrét. *Mél. d. Arch.* 1896, 112—122.
[164] *Procop.* b. p. 1, 19, 8—13.
[165] Ib. 1, 20, 9—11.
[166] *Malala,* 457—459.
[167] *Procop.* b. p. 2, 1, 12.

и персы отступили.

Вскоре после того недавние победители Велизария и Ситты, Нарзес и Аратий, перешли в подданство императора. Посредником в этом деле был чиновник финансового ведомства Нарзес, который обменялся с ними клятвой верности и выдал им щедрое вознаграждение. В пограничных местностях к северу от Феодосиополя, поблизости от земли ценнов, были золотые россыпи, для охраны которых было сооружено укрепление Фарангий. Разрабатывавший эти россыпи от имени царя Кавада, некто Симеон, сдал крепость Ситте, удержав золото в свою пользу.[168] Младший брат Нарзеса и Аратия, Исаак, узнав о переходе братьев на службу императору, последовал их примеру и сдал Ситте укрепление Болон, находившееся также невдалеке от Феодосиополя. Впоследствии все три брата верно служили императору в его войсках на западе.

Весной того же года Велизарий, командовавший в Даре, получил приказание воздвигнуть новое укрепление в местности к северу от этой крепости по дороге к Нисибину.[169] Еще во время Юстина, когда Тимострат был дуксом Дары, сделана была попытка укрепить это место, но она не удалась.[170] Чтобы обеспечить возможность работ по сооружению крепости, сюда были стянуты войска. Велизарий выступил из Дары, с Ливана пришли вожди Куца[171] и Буза, из Финикии дукс Проклиан, а кроме них были комит Василий, Сабиниан с исаврами и филарх Тафар со своими арабами. Под охраной этой силы воздвигалось укрепление. Чтобы помешать римлянам докончить их дело, персы выступили под начальством Пероза из Нисибина, нарыли рвов и ям и, напав на римские войска, заманили их на приготовленное место, где и нанесли им тяжкое поражение. Велизарий бежал с конницей в Дару. Особенно сильно пострадала пехота. Проклиан пал в битве, Тафар получил смертельную рану, от которой вскоре умер, Василий, Сабиниан и раненый Куца попали в плен. Персы разрушили начатые сооружения и сравняли их с землей.[172]

Получив известие об этой неудаче, Юстиниан немедленно отправил доверенных людей для охраны городов Амиды, Эдессы, Константины, Сергиополя, Берои и выслал затем под командой Помпея, родственника имп. Анастасия, большие подкрепления из гуннов, исавров, фракийцев[173] и иллирийцев. В столице боялись, что персы предпримут нашествие в Месопотамию, но военных действий не было больше в то лето, чему содействовали рано наступившие холода.[174]

Неуспешные действия Велизария в 528 году не ослабили доверия к нему императора, и весною следующего года он был назначен магистром армии Востока. Военных действий с персами в тот год не было. Юстиниан тяготился этой войной, так как она являлась помехой в других его великих делах и замыслах, и отправил к Каваду посольство, поручив его исправление Гермогену.[175] 11 мая Гермоген приехал в Антиохию и, после обязательного предварительного запроса о соизволении царя принять его, отправился дальше. В июле 529 года он был принят царем.[176] Какой характер имели переговоры и какие предложения делал Юстиниан, о том не сохранили сведений наши источники. Но Малала занес в свою хронику текст ответного письма царя Кавада. Царь требовал денег, возлагал на Юстиниана ответственность за те бедствия, которые постигли население областей империи, внушал императору, что он как христианин должен пожалеть ни в чем неповинных людей, уплатить деньги персам и избавить своих подданных от бедствий войны. «Если вы этого не сделаете, — так заканчивалось письмо, — то готовьтесь к войне, располагая годичным сроком, так как я не хочу, чтобы казалось, что я украл победу или получил ее обманом».[177] Мир на восточной границе в течение 529 года облегчил Юстиниану подавление восстания самаритян, разыгравшегося в то лето в Палестине.

На следующий год Пероз, командовавший в Нисибине, выступил с большими силами и подошел к Даре. Велизарий давно поджидал неприятеля и воспользовался спокойствием прошлого года, чтобы усилить оборонительные средства Дары. Его армия, доходившая до 25 тысяч человек, была расположена в укрепленном лагере под стенами Дары. В большой битве, на которую население смотрело со стен крепости, персы понесли тяжкое поражение и отступили в Нисибин. Прокопий, находившийся тогда в Даре, исчисляет потери персов в пять тысяч человек.[178] Вскоре после того Кавад дал разрешение посольству императора явиться к нему. Переговоры шли успешно, и в сентябре месяце Руфин и Александр вернулись в Константинополь с выработанными условиями мирного договора. Юстиниан принял с радостью готовность Кавада заключить мир, и Малала сохранил нам его ответное письмо царю.[179] Но надежды императора на скорое заключение мира не осуществились. Отправленный на Восток Руфин тщетно ожидал разрешения явиться к царю для заключения мира. Перемену в настроении Кавада приписывали тому, что к нему успело найти доступ посольство самаритян, отправленное к нему в начале восстания. Самаритяне звали царя в Палестину, говорили о богатствах Иерусалима и обещали стать на сторону персов, если царь пошлет туда свои войска. Кавад отложил переговоры об условиях мирного договора и заявил претензию насчет золотых приисков, которые находились на пограничии между персидской и римской Арменией, разрабатывались когда-то обеими державами совместно, а в настоящее время

---

[168] Прокопий помещает Фарангий в верховьях реки Боаса — b. p. 2, 29, 14—16. Эту реку необходимо, по данным Прокопия, отождествить с Чорохом. Но сам Прокопий видел в ней верхнее течение реки Фазида, т. е. Риона. Это смешение ведет ко многим неясностям в его изложении о событиях в Колхиде.

Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 24—26 — отождествляет Болон с крепостью Буа-кала в Каргабазарских горах, а Фарангий — с армянским Спером.

[169] *Procop.* b. p. 1, 13, 2—ἐν χωρίῳ Μάῤδαυος, *Zacharias,* 9, 2, p. 169—in der Wiiste Tannunrin.

[170] О неудаче прежнего времени сообщает Захария.

[171] По свидетельству Прокопия, то был сын Виталиана.

[172] *Malala,* 441—442; *Procop.* b. p. 1, 13; *Zacharias,* 9, 2.

[173] Фракийцами Прокопий называет готов по месту их жительства в империи.

[174] *Malala,* 442.

[175] Скиф по происхождению, Гермоген верно служил Виталиану во время его бунта против Анастасия и с ним вместе вернулся в столицу. Он был в большой чести при дворе, а в 535 году занимал пост магистра оффиций.

[176] *Malala,* 447, 22—448; 3; *Theoph.* 178 , 27—29.

[177] *Malala,* 449, 29—450, 15.

[178] Битва подробно описана Прокопием b. p. 1, 13—14. Ср. *Zacharias.* 9, 3, p. 170—171; *Malala,* 152—153.

[179] *Malala,* 454, 16—455, 6.

находились в исключительном владении империи.[180] Вина самаритян была доказана, так как их послы были пойманы на обратном пути близ Дары и допрошены Велизарием.

Ранней весной 531 года большие силы персов перешли через Евфрат близ Киркезия, вступили в провинцию Евфратизию и, дойдя до города Габалы, в 110 стадиях (ок. 20 верст) от Халкиды, сделали остановку, разбили укрепленный лагерь и рассыпались на грабеж страны. Получив известие о вторжении, Велизарий выступил из Дары с 8-тысячным войском и прошел до Халкиды.[181] К нему присоединились 4 тысячи человек из войск, стоявших в Сирии. Велизарий ограничивался наблюдением за врагом, не пытаясь его отразить. Между вождями не было согласия. Храбрый гунн Суника, отличившийся в битве при Даре в прошлом году, начал действовать самостоятельно и имел успех в стычках с грабительскими отрядами, бродившими по стране. Персы построили осадные машины, разбили стены Габалы, взяли город и перебили население. В Антиохии началась паника, и население бежало на берег моря. Но неприятель не пошел дальше Габалы и, захватив всю награбленную добычу и пленных, двинулся назад в направлении к Евфрату. Неподалеку от Каллиника персы и арабы стали лагерем, подготовляя переправу. Велизарий со всеми силами следовал за отступавшими и окружил их стоянку, имея в виду затруднить им переправу, и вызвал из Каллиника флотилию. Между вождями продолжалось несогласие и раздоры. Уступая настоянию других, Велизарий напал на врага накануне Пасхи, 19 апреля. Боевая линия имперского войска была вытянута по берегу реки. Персы расстроили боевое расположение римлян притворным отступлением и начался ожесточенный бой. Первыми бежали с поля битвы арабы; началось замешательство, окончившееся бегством в Каллиник. С той и другой стороны были в числе павших в бою известные вожди. Из состава римских войск особенно тяжко пострадали исавры, составлявшие пехоту; гунны потеряли 800 человек с храбрым вождем Асканом, много людей потонуло в Евфрате во время бегства. Персы беспрепятственно переправились через Евфрат и продолжали свой поход через Осроену. По пути они осадили и взяли укрепление Абгерсат и истребили весь гарнизон.

Весть о неудаче Велизария была с большой тревогой принята императором, который надеялся на скорое заключение мира. Уполномоченный для соглашения об условиях мирного договора Руфин с весны находился в Иерополе и, известив персидский двор о своем прибытии, тщетно ждал разрешения явиться к Каваду. Немедленно был послан в Антиохию магистр армии во Фракии Константиол с поручением на месте расследовать дело. Ситта получил приказ перейти на юг, чтобы поддержать расстроенную поражением армию, и перешел в Самосату на Евфрате.[182]

Когда Константиол вернулся из Константинополя и доложил императору о результатах следствия, Юстиниан отрешил Велизария от командования и отозвал в столицу. Магистром армии Востока был назначен Мунд. Юстиниан считал необходимым продолжать войну, и в июне месяце вожди обсуждали план военных действий. Но в это время Аламундар попросил прислать к нему диакона Сергия для сообщений, которые он хотел сделать императору. Его просьба была немедленно удовлетворена, и Сергий, побывав у Аламундара, отправился в Константинополь с письмом от него. Юстиниан послал Аламундару щедрые подарки, и с тех пор между ними начались сношения, которые продолжались до смерти Аламундара (554 г.). Время от времени Юстиниан посылал ему щедрые денежные дары, предупреждая тем его вторжения.

Военные действия на южном театре войны не возобновились после весеннего набега, окончившегося поражением Велизария. С большей настойчивостью действовали персы в тот год на армянской территории. Персидское войско в шесть тысяч человек вступило в римскую Армению и стало лагерем на территории Амиды. Целью военных действий был Мартирополь. В происшедшем поблизости от города сражении победа осталась за римлянами, и два персидских вождя со своими знаменами попали в плен. Дорофей, заменивший Ситту в командовании, сделал сам вторжение в персидскую Армению и овладел укреплением, которое служило складом для товаров персидских купцов. Он известил императора о ценных сокровищах, находившихся во взятой им крепости, и Юстиниан прислал евнуха Нарзеса, чтобы принять их и доставить в столицу. Первая неудача под Мартирополем не остановила персов. Вскоре они подошли к городу с большими силами и начали правильную осаду, действуя осадными машинами и подрывая стены подкопами. В Мартирополе были искусные инженеры, которые умели справляться с предприятиями врага.[183] Дуксом Мартирополя состоял храбрый вождь Бесса, происходивший из тех варваров, которые после разгрома державы Аттилы поселились близ города Лагерь Марса в Иллирике.[184] Все попытки персов овладеть городом были тщетны. Осада прекратилась, когда в лагерь пришла весть о смерти царя Кавада (13 сентября).[185]

Еще раньше того, во время сношений с Аламундаром, Юстиниан приказал Руфину употребить все усилия, чтобы добиться заключения мира, и послал щедрые подарки Каваду, а императрица со своей стороны жене Кавада, которая была его сестрой.[186] Но после получения известий об успешных действиях в Армении Юстиниан задержал своего уполномоченного. Воротившийся из Самосаты Ситта, как только в лагерь пришла весть о смерти Кавада, выдал персам заложников ввиду предстоящего заключения мира.

Старания Кавада обеспечить наследование Хосрову увенчались успехом. Желание царя принял к сердцу Мебод. В собрании персидской знати, имевшей право голоса в решении вопроса о престолонаследии, Мебод прочел завещание Кавада, и Хосров был возведен на царство. Но дело не обошлось без протеста. Среди магов и знати составился заговор в пользу Зама. Так как он сам вследствие своего физического недостатка не мог быть

---

[180] Ib. 455, 16—469, 9.
[181] Цифра эта дана у Малалы. Прокопий считает 20 тысяч, но, по его словам, Велизарий оставлял по дороге гарнизоны.
[182] *Malala,* 461—467; *Procop.* b. p. 1, 18; *Zacharias,* 9, 2—6, p. 170—175. Прокопий, желая обелить Велизария, изложил весьма пристрастно эти события, а изложение Малалы восходит, вероятно, к подлинному отчету, который был представлен императору Константиолом.
[183] *Malala,* 468, 10—470, 18.
[184] *Jord.* Get. 265.
[185] Ib. 471, 8—10.
[186] *Malala,* 467.

царем, то заговорщики хотели посадить на трон Сассанидов его сына, а ему предоставить опекунство. Заговор был открыт, и Хосров расправился со своими врагами с обычной у персов жестокостью. Он казнил Зама, всех его братьев по матери и также своих, беспощадно покарал смертью всех лиц, замешанных в заговоре, и в их числе отца своей матери, истребил и потомство Зама, кроме младшего сына, Кавада. Его укрыл один сановник, которому он был доверен,[187] а впоследствии его приютил Юстиниан. Благородный спаситель Кавада через десять лет после того был казнен Хосровом за свое милосердие. Ни Прокопий, ни другие наши источники не сказали нам точно, когда Хосров расправился со своими братьями; но более чем вероятно, что это произошло непосредственно после вступления его на царство и не позднее начала 532 года.

После окончания военных действий, когда время шло уже к зиме, явились в большом числе гунны, которых поджидали персы на помощь во время осады Мартирополя, и в стремительном налете дошли до окрестностей Антиохии. Когда они возвращались с набега, Бесса нападал на отдельные их отряды и отбивал награбленную добычу. По поводу этого набега Юстиниан запрашивал персидский двор, и Хосров заявил о своей непричастности к этому нарушению мира.[188] Переговоры о выработке условий мирного договора приняли решительный характер лишь к осени 532 года. Уполномоченными с римской стороны были Руфин, Гермоген, Александр и Фома. Хосров требовал уплаты 110 кентенариев золота[189] (по 500 фунтов за 22 года, истекшие со времени последней уплаты), сдачи крепостей, взятых во время войны в Армении, Фарангия и Болона, и перенесения резиденции магистра армии из Дары в Константину; крепости в Лазике, Сканду и Сарапаний, он желал удержать за собой. Уполномоченные императора соглашались на все условия, кроме вопроса о крепостях в Лазике. Руфин был отправлен в Константинополь для переговоров с императором и прибыл туда в ноябре.[190] На поездку в оба конца ему было предоставлено 70 дней. Прокопий сообщает, будто император дал согласие на все требования Хосрова. Но когда Руфин уехал с деньгами, которые следовало уплатить Хосрову, он передумал и послал вдогонку Руфину письмо, в котором настаивал на очищении Лазики персами. Посланный нагнал Руфина уже тогда, когда он перевез деньги на персидскую территорию. Хосров, узнав о несогласии Юстиниана на этот пункт условий, оскорбился, и дело было близко к разрыву; но Руфин, имевший большой опыт в обращении с персами, ценой личного унижения побудил Хосрова уступить. Мир был заключен без указания на срок и его называли вечным.

Персы очистили крепости в Лазике, а лазы срыли их до основания, чтобы они не могли служить персам на будущее время; римляне со своей стороны сдали персам захваченные ими укрепления в персидской Армении, и мир вступил в действие.

Хотя условия договора были связаны с тяжкими денежными жертвами и империя признавала себя побежденной стороной, но Юстиниан славил этот мир как знамение благоволения Божия к его державе. Мир на востоке был ему нужен для того, чтобы направить силы империи на запад, где переворот на троне Гензериха в 530 году открыл широкие горизонты для завоевательной политики и восстановления власти римского императора в той римской стране, где православное население томилось под игом иноверных варваров.

КОДИФИКАЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА

Тревоги войны с персами и дипломатические сношения с ними, заботы об искоренении язычества, борьба с самаритянами, церковное законодательство, напряженные усилия осуществить единство веры в империи, роскошная суетливая жизнь двора и всенародные увеселения столицы, все это тяжкое, сложное и многообразное дело правления не поглощало всех сил Юстиниана. Лично руководя всем и все направляя, он был в то же время занят великим делом, создавшим ему навеки неувядаемый венец славы. То была кодификация римского права. Эта колоссальная задача восстала перед ним, по всей вероятности, еще тогда, когда он, сын простых селян, превращался в римлянина по духу во время своего учения в Константинопольской высшей школе. Живой интерес императора Анастасия к делу просвещения и науки в том смысле, как тогда понимали это слово, содействовал высоте ученого уровня представителей кафедр, которые умели сообщить своему талантливому ученику глубокое знание обоих языков империи, развили в нем юридическое мышление и помогли ему сознанием и всем сердцем воспринять миродержавные идеи Рима. Среди сановников, достигших уже высокого положения, Юстиниан нашел целый ряд людей, которые могли явиться сотрудниками в исполнении великой задачи, пленявшей его воображение и блистательно осуществленной в краткий для такого дела срок семи лет.

Действующее право представляло в ту пору огромную и разнородную по своему составу массу памятников, и знакомство с этим материалом во всем его объеме, обязательное для судьи и администратора, было задачей непосильной. Только одна часть этого материала, а именно императорские указы, стала подвергаться общим обработкам со времен Диоклетиана и с 438 года существовал Феодосиев Кодекс.

За прошедшие с тех пор годы число указов значительно умножилось, но попыток свести их в один сборник и дополнить ими действовавший кодекс сделано не было. Кроме этого непрерывно увеличивавшегося в количестве материала имели значение закона писания великих юристов, получавших от императора право давать ответы по обращаемым к ним частными лицами и правительственными учреждениями вопросам. Это право называлось ius respondendi, а люди, получившие его, — iuris prudentes. На практике возникали нередко затруднения в применении старых и устаревших или неполных законов, авторитетные юристы давали свои толкования, и судьи могли руководствоваться этими ответами при постановке решений. Век великих юристов давно миновал, но он оставил по себе огромное наследие, которое обращалось в подлиннике как в западной половине империи, так и на востоке. Наибольшее значение из великих юристов прошлого имели Ульпиан и Папиниан. Им принадлежало

---

[187] *Procop.* b. p. 1, 21.
[188] *Malala,* 472, 15—473, 4; *Zacharias,* 9, 6, p. 174. Прокопий не помянул об этом набеге.
[189] Около 5 миллионов рублей (в ценах начала XX в.).
[190] *Theoph.* 181, 14—22. *Procop.* b. p. 1, 22; b. g. 4, 13, 19—20.—Захария приписывает миролюбивое настроение Хосрова воздействию на него матери. Не будучи христианкой, она прибегала несколько лет тому назад к помощи знаменитого отшельника Моисея, проживавшего на горе Тармель близ Амиды. Он исцелил ее от бесов и дал ей часть мощей св. Кириака, для помещения которых она построила часовню. 9, 6, p. 175—176.

множество ученых сочинений как общего, так и частного содержания, и знакомство с ними было обязательно для всякого практического деятеля, как судьи, так и члена администрации, так как, по старой традиции, функция суда не была отделена от управления. Источниками права были также решения сената, senatus consulta старого времени, начиная с Августа и Тиберия, так как с самого начала империи этим путем восполнялось исчезновение законодательного органа римской республики — народного собрания в Риме. К этому именно источнику права и относились главным образом писания юристов. Этот колоссальный материал, ввиду своей необъятности, не мог быть осилен в период учения в школе. Отсюда, как последствие, всякого рода проволочки в решении дел и неправда в судебных решениях.

С самого начала своего правления Юстиниан вознамерился осуществить великую задачу кодификации действующего права. Подыскав соответственных сотрудников, он начал дело с новой редакции того материала, который уже раньше подвергался общим обработкам, т. е. императорских указов. Эдиктом от 7 февраля 528 года Юстиниан объявил о составе комиссии, назначенной им для редакции нового сборника, который должен был объять материал, сведенный в Феодосиевом Кодексе, устранить из него то, что не имело более практического значения, и включить в новый сборник узаконения, вышедшие после издания Феодосиева Кодекса. В комиссию вошло десять человек. Пять из них были уже заслуженные сановники, удостоивавшиеся консулата и имевшие сан патрициев. То были: бывший квестор двора Иоанн, бывший магистр армии и префект претория Леонтий, бывший магистр армии Фока, бывший префект Востока Базилид и квестор двора Фома. Не столь высокий ранг имели другие пять членов: магистр ведомства имперских агентов Трибониан, магистр канцелярии прошений и судебных дел Константин, комит консистория и профессор права в Константинопольской высшей школе Феофил и два константинопольских адвоката, Диоскор и Презентин.[191] Работа в комиссии шла весьма напряженно и быстро. Из членов комиссии выделился Трибониан, который и был удостоен вскоре назначения на пост квестора.[192] Указом от 7 апреля 529 года Юстиниан возвестил сенату о выходе в свет нового Кодекса права, которому он дал свое имя, назвав его Codex Justinianus. Материал Феодосиева кодекса был переработан самым основательным образом, приняты были во внимание все последующие указы и очень большое число новых, принадлежавших уже Юстиниану. Кодекс был разделен на 12 книг в воспоминание о 12 таблицах, древнейшем и единственном цельном кодексе римского права, finis aequi iuris, как называл его некогда Тацит. При новой редакции указов первой задачей являлось установление строгого единства и последовательного проведения принципов. Юстиниан писал: Nulla itaque in omnibus praedicti codicis membris antinomia (sic enim a vetustate Graeco vocabulo nuncupatur) aliquem sibi vindicet locum, sed sit una concordia, una consequentia, adversario nemine constituto.[193] Ссылаясь на верховенство императорской власти, Юстиниан заявлял свое право устранять и отменять действовавшие прежде законы и установления.[194] Когда дело были приведено к концу, Юстиниан объявил о вступлении в действие нового кодекса указом от 7 апреля 529 г. на имя префекта претория Мины, на обязанность которого он возлагал разослать текст кодекса по всем провинциям и объявить всем подданным императора о вступлении его в действие с 16 апреля.

Общая схема расположения материала резко отличает этот новый кодекс от кодекса Феодосия, и систематизация материала более продумана и гораздо логичнее. Для духа времени знаменательно, что тогда как в кодексе Феодосия указы, касающиеся религии, составляли последнюю, 16-ю, книгу, в кодексе Юстиниана им отведено первое место, и они заполняют 13 глав, tituli, первой книги, а первый титул носит заглавие: «О верховной Троице и вере католической и чтобы никто не дерзал публично состязаться о ней». Так христианство легло в основу правового строя государственной жизни.

Когда было закончено это первое дело, стало на очередь другое, гораздо более трудное и сложное, а именно: сведение в один систематический сборник всех писаний юристов прошлого времени, имевших силу закона. Указом от 15 декабря 530 года назначена была комиссия из 16 человек под председательством Трибониана, который сумел выказать свою удивительную работоспособность при составлении кодекса. Огромный материал был разделен на несколько разделов, а именно: libri ad Sabinum, ius honorarium, т. е. преторское право, ответы Папиниана, Ульпиана, Павла и Сцеволы. Помимо обилия материала, огромную трудность в исполнении этой задачи представляли противоречия между юристами по разным частным вопросам. При обработке материала надлежало устранить их и водворить повсюду строгое единство. В своем рескрипте к комиссии Юстиниан предоставлял ей право опускать и устранять то, что является повторением или создает противоречия, и оставлял за собой право и обязанность верховного решения спорных вопросов. Общее руководство делом было предоставлено Трибониану, по указанию которого была составлена комиссия из 16 человек. В нее вошли члены прежней комиссии Константин и профессор права в Константинопольской школе Феофил, затем вновь вошли профессора права школы в Берите, Дорофей и Анатолий, магистр царских щедрот Кратин и адвокаты Стефан, Мина, Просдокий, Евтольмий, Тимофей, Леонид, Леонтий, Платон, Яков, Константин и Иоанн. Под одушевленным руководством Трибониана, комиссия ревностно принялась за обработку подлежащего материала. Он являлся в виде двух тысяч книг, текст которых исчислялся в три миллиона стихов.[195] Этот огромный материал был сведен на 150 тысяч стихов. В своем рескрипте перед началом этого дела Юстиниан заявлял, что никто до него не надеялся и не смел мечтать о возможности подобного предприятия и сам он сомневался в его осуществимости; но «воздвигнув руки к небу и призвав вечную помощь», он возымел решимость, «полагаясь на Бога, который может даровать и совершенно безнадежные вещи и приводить их к осуществлению величием своей силы (virtutis)».[196] Несмотря на чрезвычайные трудности, какие представляло

---

[191] *Cod. Just.* ed. Krüger, p. 1.
[192] *Cod. Just.* 1.17, 6 — ingenii tui documentis ex nostri codicis ordinalione acceptis — писал ему Юстиниан в рескрипте о составлении дигест.
[193] *Cod. Just.* 1, 17, 1, 8.
[194] Ib. 1, 17, 1, 7.
[195] Т. е. параграфов, как делили связный текст древние, по обычаю, который завели ученые александрийцы и который доселе у нас в обороте в тексте Евангелия.
[196] *Cod. Just.* 1, 17, 1, 2.

составление свода мнений юристов по всей широкой области права, работа шла с одушевленной поспешностью при непосредственном участии Юстиниана. В краткий срок трех лет дело было закончено, и 16-го декабря 533 года вышли в свет Дигесты или Пандекты, как они были названы по-гречески, в 50 книгах.

До издания Дигест около месяца раньше того, 21 ноября, издано было краткое руководство римского права, в четырех книгах, получившее название Институций. Составление этого руководства было делом Трибониана в сотрудничестве с профессорами Феофилом и

Дорофеем. О мотивах его составления Юстиниан говорил так: «Усмотрев, что непривычные люди и те, кто, стоя в преддвериях законов, спешат войти в тайны законов, но не в силах снести такую громаду мудрости, мы нашли, что необходимо дать предварительное образование, чтобы, войдя во вкус и как бы напитавшись начатками всего, они могли проникнуть в глубины тайника и принять не мигающими глазами прекрасную форму законов».[197]

Институции, Дигесты и Кодекс представляли всю полноту римского права во всей его глубине и силе. То был, по словам виновника, — templum iustitiae Romanae, создателем которого по праву считал себя Юстиниан. В столь быстром сооружении этого «храма» Юстиниан видел проявление благоволения Божия и призывал «всех людей всего мира» к возношению благодарения Богу за это спасительное дело.[198] Свое законодательство он признавал завершенным и совершенным, единым источником правовой жизни государства на будущее время, с устранением всех прежних юридических сочинений и сборников, не подлежащим никакому толкованию и расширению, а лишь применению. Считая не нужными какие-либо толкования изданного им права, Юстиниан допускал только дословный (κατά πόδα) перевод на греческий язык и примечания в стиле так наз. παράτιτλα, т. е. истолкований точного смысла более трудных для понимания текстов.[199] Но в ту пору, когда Юстиниан в таких выражениях славил свое творение, выяснились для него и для его сотрудников многие недочеты в тексте его Кодекса. Составлена была новая комиссия под председательством Трибониана, в которую вошли Дорофей, Мина, Константин и Иоанн. Текст Кодекса был тщательно пересмотрен и исправлен, в него было внесено много указов самого Юстиниана за годы, последовавшие за первым изданием. Этот текст repetitae praelectionis, т. е. второе исправленное издание, был объявлен окончательным и совершенным, и с 18 ноября 534 года вступил в силу. В первый его титул вошло, под параграфом 8-м, изложение веры, составленное самим Юстинианом и удостоившееся одобрения папы Иоанна.

Нельзя не отметить в Кодексе одной черты, которая является характерной для личности Юстиниана. Она дана в словесной форме выражения. Тогда как тексты указов предшественников Юстиниана не представляют подлинников в целом виде, а только дают краткие извлечения и самую сущность того или другого законодательного акта, указы самого Юстиниана гораздо полнее в словесном отношении и приведены полностью в том виде, как они издавались. Этого различия в форме нет в Кодексе Феодосия. Очевидно, любитель слова Юстиниан дорожил самой формой своего изложения, и комиссия, обрабатывавшая текст Кодекса, не решалась применить к словесной форме его указов свое право изменять и сокращать первую редакцию.

Закончив кодификацию, Юстиниан занялся регламентацией изучения права в школах. Из пяти существовавших тогда школ он сохранил три: в Риме, Константинополе и Берите. Учение было рассчитано на 5 лет. Первый год полагался на изучение Институций и первых четырех книг Дигест, во второй, третий и четвертый годы шло изучение Дигест, кроме последних 14 книг (от 37 до 50), предоставленных любознательности учащихся, в последний, пятый, год изучался Кодекс. Юстиниан всячески поощрял молодых людей к изучению права и оканчивающим курс в обновленных школах присвоил право на титул Justinianus.

Языком права и суда был латинский на всем пространстве римского мира, но живая действительность вызывала отступления, и в Кодексе есть следы того, что Юстиниан, как и Анастасий, издавал свои законы на греческом языке, и латинский текст был только переводом, а не подлинником, какова была древняя традиция, державшаяся еще при Маркиане.

Великое дело Юстиниана имело значение далеко выходящее за кругозор античного человечества, и новая Европа начала свое историческое бытие с идеалом правового государства, который воздействовал на европейские народы. Прошли века, и право Юстиниана стало живым и действующим во всех западноевропейских государствах. Наряду с единым универсальным исповеданием веры христианской стало единое универсальное римское право, как великое наследие будущему от древнего мира.

Гордые слова Юстиниана о завершении храма римской юстиции были им же самим опровергнуты, так как он продолжал сам законодательствовать по разным общим и частным вопросам. Как дополнительные к существовавшему уже цельному и систематизированному Кодексу, эти новые законодательные акты получили имя leges novellae, новые законы, и назывались в сокращении новеллами. Большая часть их относится к административным вопросам гражданского и церковного характера и не заключает в себе новых принципов и норм права, и лишь некоторые имеют своим предметом новые положения в области наследственного права. Еще при Юстиниане делались попытки свести его новые законы в один сборник. Дошедший до нас наиболее полный сборник составлен не раньше времени императора Тиверия, так как в него введены указы двух преемников Юстиниана, Юстина II и Тиверия.

Великое дело Юстиниана имело значение далеко выходящее за кругозор античного человечества, и новая Европа начала свое историческое бытие с идеалом правового государства, который воздействовал на европейские народы. Прошли века, и право Юстиниана стало живым и действующим во всех западноевропейских государствах. Наряду с единым универсальным исповеданием веры христианской стало единое универсальное римское право, как великое наследие будущему от древнего мира.

Гордые слова Юстиниана о завершении храма римской юстиции были им же самим опровергнуты, так как он

---

[197] Ib. 1, 17, 2, 11.
[198] Ib. 1, 17, 2, 19. Haec igitur omnia scientes, patres conscripti et omnes orbis terrarum homines, gratias quidem amplissimas agite summae divinitati, quae vestris temporibus tam saluberrimum opus servavit.
[199] Ib. 1. 17. 2. 21.

продолжал сам законодательствовать по разным общим и частным вопросам. Как дополнительные к существовавшему уже цельному и систематизированному Кодексу, эти новые законодательные акты получили имя leges novellae, новые законы, и назывались в сокращении новеллами. Большая часть их относится к административным вопросам гражданского и церковного характера и не заключает в себе новых принципов и норм права, и лишь некоторые имеют своим предметом новые положения в области наследственного права. Еще при Юстиниане делались попытки свести его новые законы в один сборник. Дошедший до нас наиболее полный сборник составлен не раньше времени императора Тиверия, так как в него введены указы двух преемников Юстиниана, Юстина II и Тиверия.

БУНТ «НИКА»[200]

Мирное течение жизни столицы и великие труды императора были резко прерваны страшным бунтом столичного населения, который причинил неисчислимые бедствия городу, потряс трон Юстиниана, залил столицу кровью десятков тысяч людей и принес смерть и разорение многим семействам высшей знати. Этот бунт остался в памяти истории с именем «Ника», т. е. побеждай, каков был лозунг восставших димотов. Почвой, на которой разгорелось это движение, была борьба партий ипподрома, достигшая в ту пору высшего напряжения, благодаря участию двора. Конские ристания и театральные представления под председательством императора или высших сановников были, по старой традиции, возмещением суверенных прав столичного населения, и люди времени Юстиниана были глубоко убеждены, что без ипподрома и театра «жизнь была бы лишена радости». Так выражался Прокопий, который и сам признавал в увлечении борьбой партий какую-то непонятную болезнь, своего рода заразу безумия.[201] При Юстиниане, который широко понимал царственное величие и внес в постановку игр такую роскошь, какой раньше не было видано, жизнь и соперничество партий получили особенное напряжение, и синие, партия императора, позволяли себе всякие бесчинства в отношении своих противников, доводя дело до грабежей и убийств. К раздражению, которое вносило соперничество димов, присоединилось недовольство двумя столпами Юстинианова режима — префектом претория Иоанном Каппадокийцем и квестором двора Трибонианом. Этого последнего обвиняли в корыстолюбии и в том, будто он в угоду этой страсти насиловал законы и постоянно менял их по личным мотивам. Отголоски этих зложелательных слухов сохранились у Прокопия.[202] Иоанн Каппадокиец не мог идти в сравнение с высокообразованным Трибонианом. Он еле знал грамоту, но его огромный административный талант позволял ему справляться со всеми трудностями, какие ставил ему его пост. Широкий полет политики Юстиниана требовал огромных средств, и Иоанн умел добывать деньги.[203] Прокопий называет его самым сильным по уму человеком, какого он знал в своей жизни.[204] Небезупречный в частной жизни, корыстный и любивший грубую роскошь стола,[205] ненавистный императрице Феодоре, он был преданным слугой императора и пользовался полным его доверием. Так как в этих двух сановниках общественное мнение видело виновников всех злоупотреблений и неправд, то против них было сильное возбуждение.

11 января 532 года, в воскресенье, были ристания на ипподроме. Зеленые вели себя буйно, шумели и всячески выражали свое дурное настроение. Они имели в виду пожаловаться на обиды и притеснения, в которых винили кубикулария и царского оруженосца Калоподия. Император через глашатая обратился с вопросом к зеленым по поводу их поведения. Между представителями партии и глашатаем начался очень странный диалог, сохраненный нам Феофаном.[206] Начав с возглашений долголетия императору, зеленые перешли в резкий тон упреков и жалоб на притеснения. В ответ на нетерпеливые вопросы глашатая они назвали имя Калоподия; затем последовали выкрики о притеснениях и несправедливостях, перебранка с синими и взаимные обвинения. Раздражение росло, и когда зеленые закричали, что «лучше быть язычником, чем синим», противники стали их гнать вон. Зеленые покинули свои скамьи с криком: «да будут брошены на живодерню кости зрителей» и тем нанесли оскорбление императору.

Одно случайное обстоятельство подняло общее возбуждение. Префект города Евдемон приговорил к казни семь преступников, сидевших в тюрьме по обвинению в убийствах. Их водили по городу с возглашением их вины, как то было в обычае, и привели в Сикки на лобное место. Четверо из них были приговорены к отсечению головы, а трое — к виселице. Над первыми казнь была совершена, а из трех приговоренных к виселице два оборвались с петли, и это повторилось два раза. Случилось так, что один из них был синий, а другой зеленый. Неудача палача вызвала сострадание толпы, которая овладела несчастными, и монахи соседнего монастыря св. Конона увезли их на лодке и укрыли в церкви св. Лаврентия, имевшей право убежища. Узнав об этом, префект послал солдат сторожить спасенных от виселицы и не дать им уйти.[207]

На следующий день, в январские иды (13 число), император, по старому обычаю, угощал обедом во дворце военных чинов, имевших боевые заслуги, и давал им подарки. В тот же день назначены были ристания на ипподроме. Император присутствовал, и обе партии, сблизившиеся между собою на почве сострадания к двум

---

[200] Критическое рассмотрение материала источников, сохранивших сведения об этих событиях, см. *Sotiriadis,* Zur Kritik des Johannes von Antiochia (JJbb. d. cías. Phil., 16 Sup.-Band, 1888), 107—114.

Ход событий бунта Ники критически рассмотрен в статье проф. Бьюри, помещенной в журнале: Journal of Hellenic Studies за 1897 год. Краткое извлечение проф. Бьюри сделал в Appendix'е к своему изданию Гиббона, т. IV, стр. 533. На 13 число, когда был первый пожар, Бьюри помещает гибель св. Софии. Не можем с этим согласиться, так как у Феофана время, протекшее от пожара до освящения храма, указано точно: 5 лет, 11 месяцев и 10 дней, т. е. пожар св. Софии относится к 17 числу, когда солдаты, спасаясь от напиравшей толпы, сами сделали поджог близ Октагона. Бьюри помещает второй пожар на 16 число и третий — на 17.

[201] *Procop.* b. p. 1, 14; h. a. 26, 10.

[202] *Procop.* b. p. 1, 24.

[203] Иоанн Лидиец с возмущением и ужасом рассказывает о чудовищных злоупотреблениях Иоанна. *Johan. Lyd.* De mag. 3, 57—71.

[204] *Procop.* b. p. 1, 24, 12. φύσεως δὲ ἰσχύι πάντων γέγονε δυνατότατος, ὧν ἡμεῖς ἴσμεν.

[205] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 65.

[206] *Theoph.* 181, 33—184, 1.

[207] *Malala,* 473.

спасенным висельникам, все время взывали к милосердию императора. Это продолжалось до последнего 22-го состязания возниц. Император не давал ответа на просительные крики народа, и поднимавшееся возбуждение стало проявляться уже в других грозных возгласах: «Человеколюбивым прасинам и венетам многая лета!» Ристания окончились, и народ повалил с ипподрома. Партии имели общий лозунг, слово Νίκα, в предупреждение вмешательства в толпу солдат и экскувитов. Поздно вечером огромная толпа окружила преторий и с грозными криками требовала освобождения спасенных от виселицы, которые находились в церкви св. Лаврентия, охраняемой стражей. Ответа от префекта не последовало. Разъяренная толпа перебила стражу, взломала тюрьму, выпустила заключенных за разные проступки и подожгла преторий. Огонь распространился и на другие здания. Страшное возбуждение толпы побудило многих зажиточных граждан бежать на азиатский берег Босфора.[208]

На следующий день Юстиниан, желая воздействовать на население в примирительном направлении, приказал дать ристания. Но бунтари ответили поджогом портика ипподрома, и огонь дошел до бань Зевксиппа. Чтобы сдержать буйный напор бушевавшей толпы, из дворца вышли войска под начальством Мунда, Констанциола и Василида. В толпе раздавались грозные крики с требованием удалить префекта претория Иоанна Каппадокийца, квестора Трибониана и префекта города Евдемона. Узнав об этом, император немедленно сменил этих лиц и назначил на их места Фоку, Василида и Трифона. Эта уступка не отразилась на настроении народа и не прекратила возбуждения.

Еще более резкий характер принял бунт на третий день, 15 января. Чтобы оттеснить народ от дворца, Велизарий вышел с отрядом готов и стал действовать оружием. Желая прекратить кровопролитие, из храма св. Софии вышли священники со святыми Дарами. Но среди общей суматохи и давки их затолкали. Это вызвало еще большую ярость толпы, в солдат полетели камни из окон соседних домов, в свалке приняли участие женщины. Толпа подожгла портик, носивший имя Халки. Пожар раздуло ветром, и он распространился на примыкавшие к Халке дворцовые помещения схол, протекторов и кандидатов.[209] Толпа повалила в сторону гавани Юлиана. В этом квартале имел свой дворец Проб, племянник имп. Анастасия, брат Помпея. Народ требовал от него оружия; раздавались из толпы крики: «Проба — римским императором», и кончилось тем, что подожгли его дом, но скоро огонь был потушен, и дом Проба уцелел.

Пожары продолжались и на следующий день. На улицах происходили схватки, толпа врывалась в дома и грабила. Трупы убитых таскали по улицам и бросали в море. Не щадили и женщин. Прошел слух, что император бежал, и это еще более раздражило настроение толпы. В субботу, 17 января, в город вступили войска, имевшие свои стоянки в Евдоме и ближайших городах: Регии, Афире и Калабрии. На улицах началось побоище. Бунтовщики еще более ожесточились. Под натиском солдат толпа сбилась у Октагона. Чувствуя себя слабее толпы, солдаты подожгли портик. Огонь распространился и охватил церковь св. Ирины, построенную Иллом, странноприимницу Сампсона с больницей.[210] Здание это сгорело вместе с больными. Сгорело здание сената на площади Августея; огонь охватил храм св. Софии и он сгорел со всем своим великолепием и богатством. Огонь направился в местность вокруг церкви св. Феодора, охватил дом сенатора Симмаха, портик серебреников и все дома до Форума Константина. Бежавшая толпа подожгла дворец Магнавры, но его отстояли, и пожар не распространился с этой стороны.[211]

Во дворце среди других патрициев, считавших своим долгом находиться при особе императора, были также племянники императора Анастасия, Ипатий и Помпей. Вечером в пятый день восстания Юстиниан потребовал, чтобы они удалились, и настоял на этом, несмотря на их протест. В их упорстве Юстиниан увидел подтверждение своего подозрения против них. Была уже ночь, когда они вернулись в свои дома.[212] На следующий день, в воскресенье, 18 января, Юстиниан сделал рискованную попытку воздействовать на настроение взбунтовавшегося населения. Окруженный чинами синклита и военной охраной, он сделал выход на ипподром, взошел на кафизму и, держа открытое Евангелие в руках, клялся, что не будет никого карать за все происшедшие ужасы, так как виноват он один, не вняв просьбам народа о помиловании на ристаниях 13 января. Ответные крики некоторых венетов: «Юстиниан август, твоя победа» (tuvicas), были заглушены другими: «Ты лжешь! Осел! Ты даешь ложную клятву!» Между прасинами и венетами началась свалка, пошли в дело камни. Вернувшись во дворец через крытый ход, Юстиниан считал все потерянным. Он отпустил окружавших его придворных сановников, советуя им разойтись и охранять свои дома.[213]

Когда бунтарям стало известно, что Ипатий находится в своем доме, к нему нагрянула толпа и овладела им. Тщетно жена Ипатия умоляла оставить ей мужа и не вести его на смерть. Толпа увела *его* на Форум Константина. Там облекли его в пурпурное императорское одеяние, захваченное из дворца Плацидии, вознесли на колонну Константина и приветствовали радостными кликами как императора. С Ипатием был его брат Помпей, бывший префект юрода Юлиан и несколько членов синклита. После первых приветствий пошел спор о том, что делать дальше, и было решено идти на ипподром. Ипатий сам поддерживал это решение. Его провели на кафизму, посадили на трон, и толпа, наполнившая ипподром, возглашала славу новому императору и поношение Юстиниану и Феодоре. Ипатий среди кликов в свою честь думал о другом. Он послал во дворец доверенного человека, кандидата Ефремия, сказать императору, что он привел его врагов на ипподром, где он может с ними справиться. Ефремий встретил во дворце асикрита Фому, и тот сказал ему, что Юстиниан бежал. Судьба, казалось, отдавала трон тому, кого хотел одно время видеть своим преемником Анастасий. 250 прасинов явились с Форума Константина в полном боевом вооружении и собирались возглавить ход во дворец, чтобы водворить

---

[208] *Malala,* 474. — Последнюю подробность сохранил Прокопий в своем описании этого события — b. p. 1, 24.
[209] *Zonara,* 14, 6, 13—19.
[210] Странноприимница Сампсона была расположена между храмом св. Софии и церковью Ирины. Она была сооружена некиим Сампсоном с денежной помощью со стороны имп. Юстиниана, в благодарность за исцеление. *Codin.* De aed. p. 99.
[211] *Chr. Pasch.* 622—623.
[212] Эту подробность дает Прокопий в своем описании события.
[213] *Chr. Pasch.* 623—624.

там Ипатия. Дело Юстиниана казалось погибшим. На схолариев и экскувитов нельзя было уже полагаться. Не примыкая к восставшим, они выжидали исхода событий. В тесном кругу ближайших людей Юстиниан обсуждал план бегства морем. Но Феодора заявила, что она не покинет дворца, так как для императора его порфира есть и саван. Твердость Феодоры придала бодрости Юстиниану. Он прошел с чинами синклита через крытый ход (кохлею) в прилегавшее к кафизме помещение, называвшееся латинским словом пульпита. Отсюда было слышно и видно все, что делалось на ипподроме.

Нарзес через верных людей раздавал деньги венетам, рассорившимся с прасинами. Мунд с эрулами занял вход на ипподром через крытый ход (кохлею), а Велизарий хотел пройти прямым путем на кафизму. Но стоявшие на страже дворцовые солдаты не открыли ему дверей, притворяясь, что не слышат приказания. Вернувшись во дворец, Велизарий сказал императору, что все погибло, так как измена захватила солдат. Тогда Юстиниан приказал ему пройти через Халку в пропилеи ипподрома. По дымящимся развалинам Велизарий прошел на ипподром и стал вблизи портика венетов, направо от кафизмы. Из среды венетов раздались крики: «Юстиниан август, твоя победа». На них бросились прасины, и началась свалка. Мунд, стоя в воротах, выжидал сигнала от Велизария, и когда тот скомандовал своим воинам обнажить мечи, бросился вперед. На помощь к ним ворвались на арену другие отряды.[214] Солдаты начали теснить толпу и рубить всех. Бораид и Юст, племянники Юстиниана, воспользовавшись замешательством, бросились на кафизму, схватили Ипатия и Помпея и увели их во дворец. На арене ипподрома шла кровавая бойня, и в ней погибло более 30 тысяч человек.

Ипатий и Помпей были заключены в дворцовую тюрьму. Ипатий держал себя спокойно и оправдывался тем, что, приведя толпу бунтовщиков на ипподром, он тем самым спасал положение Юстиниана, выдавая ему его врагов. Помпей пал духом и плакал. На утро оба были казнены, и тела казненных были выставлены напоказ. Ипатия разрешили предать погребению его жене, а труп Помпея был брошен в море. По свидетельству Захарии, Юстиниан хотел помиловать Ипатия, но этому воспротивилась Феодора, и по ее настоянию он был казнен.[215] Имущество казненных было конфисковано. Асикрит Фома, давший ложное сведение о бегстве Юстиниана, был также казнен, а Ефремий — сослан в Александрию.[216]

В толпе, провожавшей Ипатия на ипподроме, было несколько членов синклита. Против них было возбуждено обвинение, и 18 иллюстриев подверглись казни и конфискации имущества, другие были отправлены в ссылку [217]. По всем городам империи были разосланы подробные описания бунта и его подавления. Порядок в Константинополе был восстановлен строгими мерами, которые принимал новый префект Трифон, и на долгое время прекратились всякие народные увеселения.[218] Ближайшая к дворцу часть города представляла страшную картину разрушения, и в дымившихся остатках пожара лежала главная святыня города — храм св. Софии.[219]

Со времени восшествия на престол Юстина имя и дело Анастасия подвергались осуждению и притом в полном единодушии правительства с населением столицы. По требованию папы, он был признан еретиком, и его имя вычеркнуто из церковных диптихов. Если такое отношение к заслуженному предшественнику Юстина не вызывало доселе заступничества за память почившего государя, и многочисленные его родственники верно служили новому правительству, то события, сопровождавшие бунт Ника, показали, что в составе населения столицы были люди, которые хранили добрую память об Анастасии, иначе относившемся к религиозным разномыслиям и заботившемся о своих подданных как о родных детях. Толпа, низвергавшая Юстиниана, влекла на трон того самого человека, которого некогда предназначал на него и сам Анастасий. Казнь Ипатия и Помпея приписывается нашим преданием настоянию Феодоры. Но вероятно, и сам Юстиниан боялся оживления памяти Анастасия в видах безопасности своего трона и династических интересов. Юстиниан и Феодора были окружены большим числом родственников, занимавших разные посты в среде правящей знати, и Феодора принимала самое живое участие в судьбе своих близких. Впоследствии дети Ипатия получили назад уцелевшую часть конфискованного отцовского имущества.[220]

Желая смягчить раздражение толпы в начале бунта, Юстиниан пожертвовал двумя верными слугами,

---

[214] В сообщениях Прокопия и Феофана о том, как проникали на ипподром Велизарий, Мунд, его сын Маврикий и Нарзес, даны очень точные топографические указания с терминами, обозначавшими разные входы на ипподром. Попытку выяснить подробности представил *Ласкин*, Зам. по древн. Конст. 4 *(Виз. Врем.* IV, 524—528). Но дело остается далеко не ясным.
Раньше Ласкина следовало назвать проф. Дестуниса, который в своем переводе Персидской войны Прокопия много потрудился над изъяснением топографических данных, сообщенных Прокопием в описании бунта Ника, см. примечание к 24 главе 1 книги Персидской войны.

[215] *Zacharias,* 9, 14, p. 188.

[216] Chr. Pasch. 628.

[217] В числе патрициев, подвергшихся конфискации и ссылке, были Проб, племянник Анастасия, брат Помпея, и Олибрий, потомок римского императора, сын Юлианы и Ареобинда. Через год, в третье свое консульство (533), Юстиниан признал их невиновными, вызвал из ссылки и возвратил им их состояние. *Malala,* 478, 19—21. Отголоском официальной версии отчета о бунте Ника можно признать ту запись, которую включил в свою хронику комит Марцеллин под 532 годом. Hypatius, Pompeius et Probus, genere consobrini divique Anastasii nepotes, imperium, quod sibi singuli indigna ambitione exoptabant, idibus Januariis iam plerisque nobilium coniuratis omnique seditiosorum turba armis donisque ministratis inlectos dolis invadere temptaverunt atque per quinqué continuos dies urbem regiam rapinis ferro igneque per sceleratos cives sine certo interrege discursantes hostili impietate, ipsi se fideles reipublicae in palatio dissimulantur, depopulali sunt. Quinta vero huius nefandi facinoris dies, dum de foro Hypatius sceleratorum comitum manibus torqueque redimitus aurea et Pompeius comes eius sua sub veste loricatus ad invadendum conscendunt palatium. Uterque eorum ante fores palatii captus est statimque piissimi principis nostri nutu catenatus trucidatusque poenas luit et ante inperium perdidit quam haberet, innumeris passim in circo populis trucidatis et tyrannorum sociis continuo proscriptis.

[218] *Malala,* de ins., c. 46; *Theoph.* 185, 31.

[219] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 70 — с ужасом говорит о разрушении города по окончании бунта, сравнивая пожарище с вулканическим островом Липарой и Везувием.

[220] *Procop.* b. p. 1, 25.
Виновница казни Ипатия, императрица Феодора устроила через 15 лет после того брак его внука Иоанна, сына Помпея, с племянницей Юстиниана Проектой, вдовой Ареобинда, убитого в Африке в 546 году, и таким образом породнила его с домом Юстиниана. *Procop.* b. g. 3, 31, 14.

Иоанном Каппадокийцем и Трибонианом. Первого обвиняли в самом беззастенчивом грабеже и разного рода вымогательствах. Действовавшие в империи формы взимания, весьма тяжкие для населения, давали широкий простор злоупотреблениям всякого рода и имели одну цель — обогатить казну деньгами. Иоанн Каппадокиец обогащал не только казну, но и себя лично и вызвал против себя всеобщее ожесточение, которое простерлось и на Трибониана. Его обвиняли в том, будто он изменял законы в интересах частных лиц ради личной наживы. Заменив Трибониана другим лицом на посту квестора, Юстиниан не мог отказаться от его незаменимых услуг в деле кодификации права, которое было теперь в стадии обработки Дигест, и вскоре Трибониан стал опять квестором.[221] В эту пору уже назрела война с вандалами, открывшая новые горизонты для внешней политики Юстиниана. На нее собирал деньги Иоанн. Явилась и новая великая забота об отстройке города, пострадавшего от бунта. Непосредственно участвуя в деле созидания «храма римской юстиции» в роли верховного решителя всех сомнений и затруднений в обработке текста, организуя войну против вандалов, давая простор широким замыслам строительства, Юстиниан находил силы и время отдаваться своей заветной мечте о водворении единства религиозного исповедания в империи. Он пошел в этом деле по новому пути и долгое время питал надежду исполнить этот свой долг пред Богом, наместником которого на земле он сознавал себя как римский император. Широкий размах имперской политики заставил его скоро осознать необходимость услуг финансового гения того времени, каким был Иоанн Каппадокиец, и два года спустя после отставки Юстиниан водворил его опять на том же посту префекта претория.

СВЯТАЯ СОФИЯ[222]

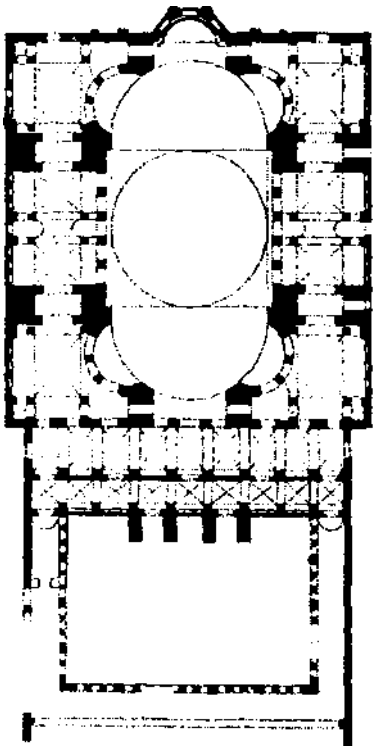
Первым делом, за которое принялся Юстиниан после подавления бунта «Ника», было восстановление главной святыни города, храма св. Софии. Он вложил в него всю свою богатую энергию и в исполнении своих великих замыслов выказал в полном блеске свое чувство грандиозного. Созданный им памятник до сих пор, через полтора тысячелетия, обезображенный снаружи и искаженный внутри, остается чудом искусства. По мысли Юстиниана, новый храм на месте сгоревшего должен был восстать в гораздо больших размерах, чем те, какие имел прежний, и великолепие сооружения должно было соответствовать величию владыки христианского мира и роскоши его столицы. Прежде всего нужно было расчистить место и значительно расширить площадь. Для этого пришлось скупать принадлежавшие частным лицам соседние дома. Это потребовало огромных расходов и сопровождалось различными затруднениями, о чем позднее ходило много баснословных рассказов и легенд.[223]

Святая София

[221] К нему в звании квестора обращены Новеллы 17 и 35 от 535 г. В следующем году Трибониан соединил с квесторством пост магистра оффиций. Nov. 23.

[222] Подробное и основанное на глубоком изучении источников описание храма св. Софии, как здания и принадлежащих к нему сооружений, представил проф. *Беляев* в своем сочинении *Byzantina*, кн. II, гл. 4, стр. 90—149. См. также краткое обозрение *Ласкина* в его примечаниях к переводу Кодина, стр. 160—170. (Сам перевод не был издан за смертью переводчика, а вторая часть труда была издана под заглавием: Георгий Кодин. О древностях Константинополя. Киев. 1905). — Новейшая работа по топографии Софийского собора принадлежит французскому архитектору *Ebersolt*, Sainte Sophie de Constantinople. Paris. 1910. На приложенном плане здания указаны некоторые из примыкавших к нему церковных сооружений.

[223] *Codin*. De structura templi S. Sophiae, 132—134. — В основе повествования Кодина лежит сочинение анонимного автора XII века. Новейшее издание его — *Preger*, Scripf. orig. Cons. I—II (1907). Сказания о св. Софии имели широкое распространение в древнерусской литературе. См. *Вилинский*, Визант.-слав. сказ, о созд. хр. св. Софии Цареградской. (*Лет. И.-Ф. Общ. при Новор. у нив., Виз.-слов. отд.* V, 227—335). Храм св. Софии вызвал различные сказания у турок. Они собраны проф. *Смирновым*, Турецкие легенды о св. Софии. Петерб. 1898.



План храма св. Софии

Благосклонная судьба послала Юстиниану двух великих архитекторов, которые стояли на высоте технического знания и умения тех времен. Оба они были родом из Малой Азии, Анфимий — из Тралл и Исидор — из Милета. По свидетельству Прокопия, Анфимий превосходил своим искусством (σοφία μηχαυνκή) всех своих современников и много возвышался над славными механиками прошлого времени.[224] План огромного храма, как он был задуман его составителями, предъявлял новые задачи строительному искусству, и славные архитекторы сумели победить все выяснявшиеся по мере сооружения трудности, прибегая к новым способам и изобретениям. Юстиниан вел это дело с чрезвычайной поспешностью, и как только место было очищено, совершилось его освящение и закладка здания. Первый камень положил сам император. Под руководством обоих архитекторов состояло сто опытных мастеров, и каждый мастер имел под собою сто рабочих. Таким образом, над сооружением храма трудилось одновременно 10 тысяч человек. Принимая живейшее участие во всем, что касалось храма, Юстиниан отказался от обычного послеобеденного сна и каждый день бывал на постройке.

Желая соорудить новый храм из самого лучшего материала, Юстиниан разослал правителям провинций приказ разыскивать самые ценные материалы и доставлять в Константинополь «для сооружения Богом хранимого дивного храма». Часть материала дали древние языческие храмы. Одна римская патрицианка, Марция, прислала из Рима в дар императору восемь порфировых колонн от храма бога-солнца, построенного при имп. Валериане. Мрамор всех цветов доставлялся из лучших каменоломен Кизика, Троады, Афин, Проконнеса, Фессалии, Лаконики, из Египта и Нумидии. Дукс Константин привез из Эфеса восемь монолитных колонн зеленого мрамора из тамошних каменоломен.

План здания был новый, выказавший в полном блеске таланты создавших его художников. То было своеобразное и оригинальное развитие старого типа базилики. Здание храма закрывало площадь в 77 метров длины и 71,7 ширины. С западной стороны к этому четырехугольнику примыкал обширный двор, окруженный портиками. Между двором и храмом, поперек здания, расположен высокий нарфик, из которого девять дверей ведут внутрь храма. Центральное пространство здания представляет квадрат с двумя полукружиями на восток и запад; боковые корабли отделены от центрального пространства великолепной колоннадой в два этажа. В глубине восточного полукружия устроены три абсиды, и средняя, большая из трех, являлась алтарной. Над центральным квадратом высился огромный купол, 31 метр в диаметре, со множеством окон на нижней полосе. Теперешний купол на 30 футов выше первоначального, и высота его над полом 55 метров. Главную трудность сооружения представляло устройство купола. Он возвышался на двух больших арках, которые опирались на четыре колоссальных столба. Камни этих столбов были связаны железом и уложены для прочности на свинцовых листах, свинцом были залиты и все пустоты между камнями. Чтобы облегчить тяжесть купола, изыскан был особый материал: кирпичи из пористой глины, изготовлявшиеся на острове Родосе.[225] Огромный купол, вознесенный на такую высоту, производил, по словам Прокопия, видевшего его в первоначальном виде, впечатление не лежащего своей тяжестью на субструкциях, а свода, спущенного на золотой цепи с неба.[226]

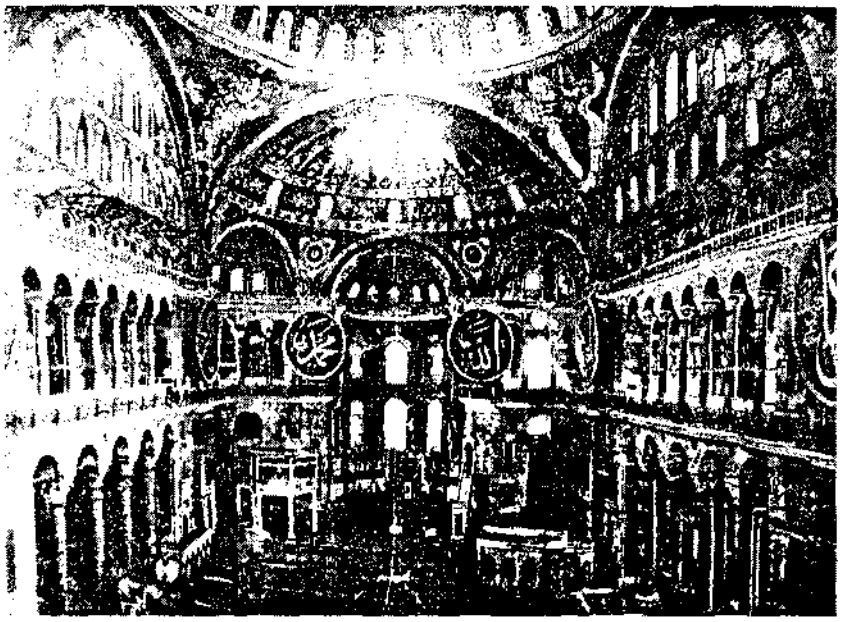
Остававшееся кирпичным снаружи здание блистало внутри всеми цветами разноцветного и разнообразного мрамора в великолепном сочетании тонов и тонкой отделке. Орнаментальная скульптура по всем площадям мрамора и великолепные капители оживляли эту дивную многоцветную декорацию. Мозаика на стенах и плафоне имела по большей части орнаментальный характер из мотивов растительного мира. В куполе красовался большой золотой крест, а в южном портале было изображение Богоматери с младенцем на руках между Константином, который подавал ей город, и Юстинианом, подносившим ей храм. Все здание было залито светом, проникавшим через множество окон в его стенах и целую полосу окон в куполе. Для вечернего освещения служили великолепные серебряные паникадила в виде целых деревьев. Алтарная преграда была вся из чеканного серебра, и над колоннами воздвигались изображения Иисуса Христа, Богоматери, архангелов, пророков и апостолов. Престол был из золота; как верхняя доска, так и ножки, блистали драгоценными камнями. Над престолом возвышался киворий на серебряных золоченых колоннах, и над ним — большой золотой крест. Алтарь был украшен великолепными шелковыми тканями, на которых были вышиты славные дела Юстиниана и Феодоры. В глубине алтаря стоял трон для патриарха, весь серебряный и вызолоченный. На украшение алтаря пошло 40 тысяч фунтов серебра. В середине храма стоял амвон, представлявший из себя чудо ювелирного искусства того времени. Он был весь из серебра. Великолепие храма поражало воображение, и впоследствии ходили рассказы, будто Юстиниан хотел покрыть золотом все стены, но его удержали астрологи, открывшие ему, что если он это сделает, то преемники в далеком будущем ограбят храм и сроют его; это заставило Юстиниана удовольствоваться более скромным материалом, чтобы дать вечность своему созданию.[227] Стоимость сооружения была колоссальна. Когда стены храма поднялись на два локтя над уровнем почвы, он уже

---

[224] *Procop.* aed, 1, 1, p. 174.
[225] *Codin.* 140—141.
[226] *Procop.* aed. 1, 1, p. 77.
[227] *Codin.* 142.

Вместо ссылок на Боннское издание Кодина, можно сослаться и на анонимного автора сочинения Narratio de aedificalione templi S. Sophiae в изд. *Preger,* Scriptores originum Constantinopolitanarum, fase, prior (Lips. 1901): c. 19, p. 97; c. 10, p. 85—88; c. 9, p. 84; c. 11, 88—90; c. 23—24, p. 90—101.

стоил 432 кентенария золота, т. е. около 20 миллионов золотых рублей.[228]



Современники чувствовали величие этого дивного храма, и один из них, Прокопий, выразил это в таких словах: «Всякого входящего в этот храм для молитвы сразу охватывает сознание, что храм не есть создание человеческой мощи или искусства, а творение Божией силы». Благочестивое настроение тех времен создало великолепную легенду об ангеле-хранителе храма. — Однажды во время перерыва работ для обеда мастер Игнатий оставил на лесах смотреть за рабочим инструментом своего сына, 14-летнего мальчика, запретив ему сходить с места. К нему подошел некто в белой одежде, похожий с виду на евнуха, с горевшими огнем глазами, и спросил его, почему встала работа, зачем не спешат строить храм, и приказывал ему пойти позвать поскорее рабочих. Мальчик сказал, что он не может оставить своего сторожевого поста; но прекрасный незнакомец настаивал на своем и дал клятву, что не сойдет с места, пока мальчик не вернется. Спускаясь вниз, мальчик встретил отца и рассказал ему о дивном евнухе. Тот поспешил к императору, обедавшему в то время в баптистерии, и рассказал ему о том, что видел мальчик. Император сейчас же созвал всех придворных евнухов и предложил мальчику узнать, кого из них он видел. Но тот никого не признал. Тогда поняли, что то был ангел с неба. Император отослал мальчика на далекие острова, приказав ему никогда не возвращаться в столицу, чтобы оставить навсегда ангела хранителем воздвигнутого им храма.[229]

Великолепие храма, быстрота постройки и колоссальные расходы, перед которыми не останавливался Юстиниан, поразили воображение современников и ближайших потомков. Сложились легенды о чудесной помощи свыше. — Когда постройка поднялась до вторых катехумений, и стали возводить своды, не оказалось в наличности денег на расходы. Император был этим очень расстроен. И вот к нему подошел однажды евнух с благообразным лицом и сказал ему: «Что ты тревожишься из-за денег? Пошли со мной завтра утром несколько людей, и я тебе дам денег, сколько захочешь». На следующий день евнух явился опять на постройку; император послал с ним Стратигия, заведовавшего расплатой с рабочими, квестора Василида, префекта города и еще несколько патрициев; посланных сопровождали 20 мулов с погонщиками. Выехав за город в Евдом, они увидали за трибуналом великолепный дворец и, сойдя с коней, вошли в него с евнухом. Он открыл одну комнату, всю наполненную золотом. На каждого мула было нагружено по четыре кентенария золота, т. е. 80 в общей сложности, и эта огромная сумма была доставлена императору. Император ждал, что евнух явится на следующий день; но он не появлялся более. Тогда император послал к нему людей, привезших от него золото; но они не нашли на том месте никакого дворца, а лишь видели перед собою пустынную незастроенную местность.[230]

Юстиниан принимал все меры к тому, чтобы ускорить сооружение дивного храма, творческая идея которого принадлежала ему. В короткий для такого колоссального сооружения срок пяти лет, 11 месяцев и 10 дней, считая от дня пожара, здание было закончено во всем блеске роскоши и великолепии внутренней отделки.[231] Освящение было совершено 27 декабря 537 года. В этот день Юстиниан приехал из дворца на колеснице, запряженной четверкой коней, в великолепной процессии на площадь Августей. Там его встретил патриарх с клиром и проводил до храма. Пройдя через двор и вступив через средние двери из нарфика внутрь здания, Юстиниан, в

[228] Ib. 136.—Иоанн Лидиец — De mag. 3, 76 — говорит с похвалой о префекте претория Фоке, преемнике Иоанна, что он выдал сразу 4 тысячи фунтов золота на постройку храма. Но это было слишком скромно по широкому размаху Юстиниана, и, вероятно, возвращение Иоанна на его пост связано было с наставшей нуждой в деньгах.
[229] *Codin.* 137—138.
[230] *Codin.* 139.
[231] Освящение храма св. Софии помещено на 27 декабря в хронике Феофана. Анонимный автор дает другую: 22 число (с. 27, р. 104). Считаю более вероятной датой 27 число, так как празднество освящения храма сопровождалось всенародными увеселениями и угощением, для чего было употреблено 1000 быков, 6000 овец, 600 оленей, 1000 свиней и 10 000 всякой птицы. В последние дни рождественского поста такое угощение в те благочестивые времена было бы невозможно.

восторге от великолепия своего создания, быстро пробежал к амвону и, подняв руки к небу, воскликнул: «Хвала Богу, удостоившему меня докончить такое дело! Я победил тебя, Соломон!»

Освящение храма сопровождалось великолепными всенародными празднествами, на которых народу раздавались щедрые подарки. Храму св. Софии император поднес великолепные сосуды из драгоценных металлов, богатые облачения и отписал 365 имуществ в окрестностях Константинополя в доход на каждый день года.[232] Состав клира при храме был определен в тысячу человек.[233] Общую стоимость здания исчисляли в 3200 кентенариев золота, т. е. около 150 миллионов золотых рублей.

Частые землетрясения, посещавшие Константинополь во вторую половину царствования Юстиниана, повредили здание, купол дал трещины и 7 мая 558 года свалился, похоронив под собою роскошный амвон с его чудесами ювелирного искусства. Архитекторов, создавших храм, уже не было в живых; но искусство, как и ремесло, держалось тогда в семействах по наследству, и восстановление купола было поручено племяннику Исидора. Он скрепил арки, прибавил полукуполы с северной и южной стороны, сузил диаметр купола и поднял его на 30 футов в высоту против прежнего. В этом своем виде купол существует и доселе. Сложные и стоившие немалых средств работы были закончены к концу 562 года, и 24 декабря состоялось вторичное освящение храма. Патриарх Евтихий с клиром встретил императора пением псалма: «Возьмите, князи, врата ваша...»

По поводу этого вторичного освящения придворный поэт Павел силенциарий дал стихотворное описание храма. Начало этой поэмы заключает в себе похвалу императору, и оно было произнесено автором во дворце перед императором. Дальнейший текст, в котором автор описывает архитектуру, материал и художественную отделку храма, был читан перед патриархом в его покоях.[234] Это радостное событие скрасило тяжкие бедствия, угнетавшие в ту пору империю и старца-императора.

Императрица Феодора, разделявшая вкусы и замыслы своего царственного супруга, раньше чем было докончено сооружение св. Софии, начала отстройку храма св. Апостолов, служившего местом упокоения императоров и их близких. Над этой постройкой трудились те же архитекторы, которые строили св. Софию. Они создали новый тип храма с пятью куполами, который впоследствии послужил прототипом для храмов по всему Востоку, перешел к нам на Русь и является в настоящее время у нас самым распространенным типом храма.

Строительная деятельность Юстиниана не прекращалась за все время его правления. Он сооружал храмы и монастыри в столице и ее окрестностях, отстраивал Антиохию после несчастья, постигшего ее в 540 году, сооружал по всей империи гавани, мосты и в наибольшем количестве крепости по всему огромному протяжению границ империи. Строительство стало страстью императора, и он отдавался ей, несмотря на ту постоянную нужду в деньгах, которая отражалась тяжкими последствиями как во внешней, так и во внутренней политике государства. Сокращая расходы на необходимые нужды, не платя жалованья солдатам, расстраивая военную силу империи, относясь с равнодушием к позорным для чести государства событиям, истощая в поисках за деньгами платежные силы населения, Юстиниан продолжал интересоваться строительством до конца своих дней, и время его правления составило эпоху в истории искусства и техники.

В ту пору когда Юстиниан строил св. Софию, он был в расцвете своих сил и одновременно с созданием великого памятника искусства восстанавливал власть римского императора в западных областях, оторванных от римского государственного единства мощью германских племен. За сокрушением царства вандалов последовало отвоевание Италии от готов, затянувшееся на долгое время вследствие осложнений на восточной границе и оживления старой вражды империи с персидской державой. Во внешних войнах Юстиниан своей настойчивой энергией достигал весьма важных результатов, которые создавали новые условия для дальнейшего хода жизни империи.

РАЗГРОМ ЦАРСТВА ВАНДАЛОВ

Низвержение Гильдериха. Снаряжение Велизария в поход и его плавание. Битва при Дециме. Велизарий в Карфагене. Битва при Трикамароне.[235] Осада и сдача Гелимера. Отъезд Велизария в Константинополь и восстановление власти императора в Африке

Со времени заключения мирного договора с вандалами при Зеноне империя отказалась от всяких притязаний на области латинского языка и культуры по всей западной части северного побережья Африки, и византийский двор состоял в дипломатических сношениях с карфагенским, признавая суверенные права вандальских царей над некогда римскими землями. Арианское исповедание христианства, которому оставались верны вандалы, полагало неодолимую преграду для сближения завоевателей с местным населением, а те преследования православных, которые начались еще при Гензерихе и продолжались при его преемниках, поддерживали раздражение туземцев против завоевателей. Византийский двор старался путем дипломатических сношений оказывать содействие туземцам в их духовных нуждах, и гонимые за веру находили приют в Константинополе. Возникновение арианского царства Теодориха в Италии усилило положение вандалов, и при царе Трасамунде дружественные отношения обоих германских государств были скреплены брачным союзом. Трасамунд после смерти первой жены, от которой он не имел потомства, женился на Амалафреде, сестре Теодориха, овдовевшей по смерти первого супруга, царя тюрингов.[236] Теодорих отдал в вено

---

[232] *Codin.* 142.

[233] В 535 году Юстиниан издал указ, в котором определял штат клириков при храме св. Софии в 425 человек и 100 остиариев (привратников). Nov. III, c. 1, 1.

[234] *Malala,* 489, 19—490, 3; 495, 9—16; *Theoph.* 232, 7—233, 3; 238, 18—24; *Pauli Silent.* Descriptio S. Sophiae.

[235] Имя города, близ которого произошла битва с вандалами, передано мною в форме Трикамарон. Кроме этого места Прокопия оно нигде не засвидетельствовано и истинная туземная его форма остается нам неизвестной. Так как Прокопий дает форму существительного среднего рода, то окончание on следует отбросить, и в дальнейшем я писал Трикамар.

[236] *Jord.* Get. 299.

сестре крепость Лилибей на западной оконечности Сицилии и предоставил ей для личной охраны тысячу оруженосцев, при которых состояло пять тысяч воинов.

Время геройских подвигов Гензериха отошло в далекое прошлое, и воинский дух вандалов пал как под влиянием изнеживающего климата, так и той роскоши, которую им дозволяло богатство. По свидетельству Прокопия, который сделал вандальскую кампанию с Велизарием, никакой другой народ не имел такого пристрастия к роскоши, как вандалы. Они наряжались в шелк и золото, жили в роскошных виллах, усвоили пристрастие к играм и всяким зрелищам, со страстью отдавались охоте.[237] Падение воинского духа у вандалов было учтено в Константинополе, равно как и настроение туземцев.

По смерти Трасамунда (523 г.) старшинство в роде перешло к Гильдериху. Немедленно по вступлении на царство, Гильдерих отменил все действовавшие раньше ограничения в правах для православных и лишил арианскую церковь ее господствующего положения, объявив свободу исповедания христианской веры. Добрые отношения с готами были резко нарушены. Амалафреду и ее готов обвинили в каком-то заговоре против вандалов. Готы были перебиты, Амалафреда умерла в заточении, и равеннский двор снес эту обиду.[238] Гильдерих, выросший вдали от военного дела, не был популярен в среде своих соплеменников, и этим воспользовался Гелимер, внук Генцона, старшего сына Гензериха. Он являлся старшим в роде после Гильдериха и предупредил наследование по закону военной революцией. Повод к тому дали внешние обстоятельства. — Поднялись мавры, и опасность была на всех границах. Гильдерих поручил начальство над военными силами Гелимеру. Отразив нашествие, Гелимер заключил с маврами союз и пошел вместе с ними на Карфаген, Гильдерих был низложен и заточен вместе с женой и дочерьми, и на царство вступил Гелимер (530 г.). Новый царь отправил посольство в Константинополь с извещением о совершившемся перевороте; но Юстиниан с позором изгнал послов и требовал от Гелимера, чтобы он немедленно восстановил на царстве Гильдериха. В ответ на это Гелимер перевел Гильдериха в более отдаленное место заточения. На новое требование императора отослать к нему Гильдериха с семейством Гелимер ответил, что он законный царь по избранию своего народа, низложившего Гильдериха за его злоумышления против вандалов. Юстиниан решил начать войну, но главным препятствием к осуществлению этого решения была война на восточной границе империи. Попытки добиться заключения мира с Кавадом были безуспешны. В среде ближайших к особе императора сановников мысль о войне с вандалами не встречала сочувствия. Слишком хорошо были памятны те громадные расходы, которые поглотила несчастная экспедиция Василиска при императоре Льве. Префект претория и оба комита финансов представляли веские возражения, и Юстиниан поколебался в своем настроении. Но идея войны с еретиками была популярна в народе, и враждебные чувства к вандалам были распространены по всему Востоку.[239] 532 год начался страшным бунтом столичного населения, и тревоги настоящего не могли не отвлечь мыслей императора от решенного им великого предприятия. К концу этого года удалось заключить мир с царем Хосровом, и Юстиниан мог приступить к выполнению своего замысла. Когда один епископ, прибывший в столицу с Востока, сообщил императору о посетившем его ночном видении, в котором Иисус Христос повелел ему возвестить императору, что он поможет в войне с неверными и подчинить ему Африку,[240] Юстиниан более не колебался, и война была решена.

Обстоятельства слагались чрезвычайно благоприятно для Юстиниана. В восточной области вандальского царства, в провинции Триполитане, один местный знатный человек, по имени Пуденций, организовал заговор с целью отложиться от вандалов и просил императора о поддержке. Немедленно был отправлен в Триполис отряд войск под начальством Таттимута, и Триполитана была воссоединена с империей. Одновременно с отпадением от вандалов этой удаленной от центра их власти крайней области на востоке, на острове Сардинии поднял мятежное движение гот Года. Гелимер предоставил ему начальство на острове с обязательством доставлять подати, взимаемые с населения. Года задумал создать себе самостоятельное царство и обратился с просьбой о помощи к императору. Отправленного к нему посла он принял уже как царь, желавший вступить в союз с империей. Раньше чем посол успел вернуться, в Сардинию был отправлен вождь Кирилл с отрядом войска в 400 человек. Восстание в Триполисе и узурпация Годы в Сардинии совпали по времени. Ввиду важности острова, откуда получался строевой лес для кораблей, Гелимер решил сначала справиться с Годой и послал туда своего брата Цацона с флотом в 120 кораблей и пятью тысячами войска. Направляясь в Сардинию, Кирилл узнал, что там находится Цацон и изменил курс своего плавания.

Главное командование в войне с вандалами Юстиниан предоставил Велизарию. Транспортный флот состоял из 500 судов водоизмещением от 3 до 50 тысяч медимнов хлеба. Гребцов на судах было 20 тысяч человек. Они были набраны из Египта, с берегов Ионии и Киликии. Военных кораблей типа дромонов было 92, и гребцы на них, числом 2 тысячи, были набраны в самом Константинополе. Общая численность армии была такова: 10 тысяч пехоты и 5 тысяч конницы. Состав армии был обычный по тому времени: регулярные полки составляли только части армии, которую пополняли федераты и варвары-наемники. Под федератами разумелись теперь не исключительно германцы, поселившиеся в империи, а вольные дружины из людей, сделавших военное звание своим промыслом и специальностью. Регулярная пехота находилась под общим начальством Иоанна, иллирийца родом из Диррахия. Во главе конницы стояли доместики Велизария, Руфин и Айган, гунн по племени, Барбат и Папп. Общими начальниками федератов были армянин Дорофей[241] и доместик Велизария Соломон. Отдельные дружины имели своих вождей. Большинство федератов было из Фракии. В составе союзников, σύμμαχοι, были эрулы, в числе 400 человек, с царем Фарой, гунны Балас и Синнион со своими дружинами, числом 6000 человек. Интендантская часть находилась в заведовании Архелая, опытного администратора, занимавшего уже раньше пост префекта претория, а адмиралом флота был опытный в морском деле человек, александриец Калоним. Велизарий получил чрезвычайные полномочия и имел право

---

[237] *Procop.* h. a. 2, 6, 6—9.
[238] *Cassiod.* Var. 9, 1 — письмо Аталариха к Гильдериху.
[239] *Житие св. Саввы* гл. 72.
[240] *Procop.* b. v. 1, 10, 18—20.
[241] О Дорофее см. выше, стр. 67. Он не доехал до Африки и скончался во время остановки в Сицилии.

делать распоряжения на театре войны от имени императора.[242]

В начале июня 533 года флот был готов к отплытию. Раньше чем тронуться в путь, адмиральский корабль подошел к берегу, патриарх Епифаний совершил напутственное молебствие и в благое знамение посадил на корабль только что окрещенного варвара (22 июня). Первая остановка была в Гераклее, где погрузили коней из царских табунов во Фракии. Довольно продолжительную остановку пришлось сделать в Мефоне в Пелопоннесе как вследствие повреждения судов от бури, так и по другой причине. Под действием морской сырости плохо выпеченные сухари загнили и рассыпались в муку, так что хлеб выдавался не счетом, а мерой. Среди солдат начались болезни, и в короткое время умерло 500 человек. Отстоявшись в Мефоне и обновив провиант, Велизарий двинулся на остров Закинф, где суда запаслись водой, и затем на 16-й день плавания флот пристал к берегу Сицилии у подножия Этны в незначительном порте Кавканах, где, по соглашению с Амаласунтой, был открыт рынок для армии. Здесь были собраны сведения о положении дел в Африке, и флот двинулся на юг. Пройдя мимо острова Мелиты (Мальты), флот пристал в гавани Капут-Вада (ныне Рас Кабудия) на африканском берегу в пяти днях по сухому пути от Карфагена. Высадка совершилась вполне благополучно, и Велизарий приступил к укреплению лагеря. Ближайший город на побережье к северу, Силлект, восстановивший свои стены ввиду нашествий мавров, охотно принял имперский гарнизон, и находившийся там прокуратор почты выдал Велизарию всех лошадей этой станции. Велизарий отправил гонца (вередария) к царю Гелимеру с письмом от императора, в котором он писал, что предпринимаемая им война не является нарушением договора, заключенного при имп. Зеноне, так как она направлена лично против Гелимера, нарушившего установленный Гензерихом закон о престолонаследии.

В то время, когда имперский флот достиг африканского берега, Гелимер находился в городе Гермион в провинции Бизацен. Получив известие о высадке имперских войск на территорию Африки, он послал в Карфаген приказ своему брату Аммате казнить Гильдериха и близких ему людей, что и было исполнено. Дав оправиться людям от морского путешествия, Велизарий двинулся на север по побережью. Его путь лежал на города Малый Лептис и Адрумет. Велизарий выслал передовой отряд из 300 отборных всадников под начальством армянина Иоанна и гуннов. Иоанн должен был держаться впереди на расстоянии 20 стадий, а гунны — прикрывать армию с левого фланга. Флот получил приказание двигаться параллельно берегу и, не доходя до Карфагена, занять ближайшую гавань. Делая в день по 80 стадий (около 15 верст), армия дошла до города Грасса в 350 стадиях (около 70 верст) от Карфагена. Во время остановки в Грассе разведчики Велизария столкнулись со сторожевыми постами Гелимера. Продолжая поход, армия направилась к Децию.

Гелимер стянул в Гермиону большие силы вандалов и назначил здесь сборный пункт для мавров. Но мавров было мало, так как эти ненадежные союзники отпали от вандалов по слуху о приближении имперских войск. Осведомленный о движении армии Велизария, Гелимер имел в виду окружить наступавшего противника в холмистой местности неподалеку от Карфагена, носившей название Ad Decimum.[243] Сюда должны были сойтись войска из Карфагена под начальством Амматы, с запада — отряд в две тысячи человек под командой племянника царя, Гибамунда, а с юга сам Гелимер с главными силами. Движения трех армий не были согласованы, и это погубило дело вандалов. Велизарий в четыре перехода от Грасса подошел к Децию и разбил свой лагерь в 35 стадиях (7 верст), от поселения этого имени. Оставив пехоту в лагере, он двинулся вперед с конницей. Вандалы знали только конный строй и не имели пехоты в своем ополчении.

Гунны имперской армии наткнулись в своем движении на отряд Гибамунда в две тысячи человек, когда он подходил к Децию, разбили его и рассеяли. Аммата подходил к позиции, которую должен был занять, с небольшим передовым отрядом. Его войска растянулись по дороге из Карфагена на далеком протяжении и подходили группами по 20—30 человек. Иоанн со своей отборной конницей наткнулся на Аммату и тот немедленно принял битву. Уложив своим мечом 12 человек, он, после этого подвига личной храбрости, пал в бою и его свита бросилась бежать в Карфаген, распространяя панику на встречные отряды, которые также поворачивали назад. Иоанн бросился преследовать убегавших, доскакал со своими людьми до самых стен Карфагена и усеял дорогу трупами. Велизарий, ничего не зная об этих успехах своих передовых отрядов, продвигался вперед. Передовые его всадники наткнулись на трупы товарищей Иоанна на поле битвы с Амматой и стали в нерешительности, не зная, куда им направиться. Поднявшееся облако пыли из-за холма на юге указало им на приближение врага, и когда неприятель показался, они попытались захватить главенствующие высоты. Но вандалы предупредили их и отогнали. Они бежали и увлекли в бегство отряд в 800 всадников, следовавших за ними под начальством Улиариса. В общем бегстве они столкнулись с главными силами, которые вел Велизарий. Остановив бегство и водворив порядок, Велизарий двинулся на врага, желая испытать судьбу конного боя. Между тем Гелимер вместо того, чтобы заняться подготовкой своих сил к встрече с врагом, признав труп Амматы, предался скорби и занялся его погребением. Воспользовавшись этим, Велизарий сделал атаку. Вандалы не устояли, началось бегство, и лишь наступление вечерней темноты прекратило преследование (13 сентября). Вандалы направились на запад и сделали центром своего расположения город Буллу-Регию, в четырех днях пути от Карфагена.[244]

На следующий день войска подошли к Карфагену, и хотя ворота были открыты и город освещен всю ночь, но Велизарий продержал войска в лагере. Раньше чем вступить в город, он отдал строгий приказ по армии, чтобы солдаты не позволяли себе бесчинств и грабежей в Карфагене. Население встретило его с ликованием. Вандалы, остававшиеся в городе в небольшом числе, искали убежища в храмах, и Велизарий давал им ручательство личной безопасности. Солдаты в полном порядке и с соблюдением спокойствия были распределены на постой по частным домам городскими властями и не причиняли никаких обид населению. Велизарий со штабом занял

---

[242] *Procop.* b. v. 1, 11, 1—121.

[243] Топографическое имя Ad Decimum было приурочено к холмистой местности к югу от нынешнего Тунисского озера. Топография места роковой для вандалов битвы детально разобрана в исследовании: *Tissot,* Géographie comparée de la province romaine d'Afrique. II (1888), 114—124.

[244] Ныне Dachla des Ouled bou Salem.

дворец вандальских царей. Радостное настроение туземцев было омрачено появлением купцов с жалобой на грабеж, учиненный Калонимом в Мандракии. Согласно приказанию Велизария, флот не должен был подступать к Карфагену, а держаться вблизи. Так как приближалось время равноденственных бурь, которые носили в Африке славное имя еп. Киприана (середины III века), то флот нашел удобную стоянку в обширном лимане в 40 стадиях от Карфагена. Адмирал Калоним, после получения вести об успехе Велизария, вошел на своем корабле в порт Мандракий и ограбил купцов, как местных, так и чужеземных, корабли которых стояли в этой гавани. Ложная клятва спасла на этот раз Калонима от ответственности, и справедливые жалобы купцов не были удовлетворены.

Первой заботой Велизария по вступлении в город было укрепление стен Карфагена. В сознании своей безопасности от нападения извне, вандалы не ремонтировали стен своей столицы, и они обветшали, а во многих местах развалились. Плохое состояние стен было причиной того, что Гелимер не остался в Карфагене в ожидании войны. Велизарий привел оборонительные средства Карфагена в блестящее состояние, и когда Гелимер, уже как пленник, вступил в Карфаген, он удивился, как смог Велизарий в такое короткое время исполнить такие большие работы, и относил причину всех бедствий, постигших вандалов, к своему нерадению. Брат Гелимера, Цацон, исполнил возложенное на него поручение и справился с Годой. Посланный им вестник прибыл в Карфаген и попал в руки Велизария. Такая же судьба постигла вандальское посольство, возвращавшееся от царя вестготов Тевдиса, которого Гелимер приглашал в союз против императора. Тевдис отклонил предложение и скрыл от послов случайно полученное им известие о взятии Карфагена Велизарием.

Когда Цацон узнал из письма Гелимера о несчастном исходе первого сражения, он немедленно вернулся в Африку и, высадившись на пограничии между Нумидией и Мавританией, прошел со своими войсками в Буллу-Регию.[245] Появление имперской армии в Африке оказало воздействие на мавров. По стародавним обычаям, державшимся в течение веков, их цари получали от императора утверждение в своем наследственном сане и принимали от него внешние отличия царского достоинства. Цари отдельных племен стали отправлять к Велизарию посольства для восстановления старых отношений, и Велизарий, принимая их в союз с империей, посылал им эти отличия. То были — серебряный позолоченный скипетр, серебряный головной убор наподобие венца с серебряными подвесками, белый плащ с золотой застежкой на правом плече, белая расшитая облегавшая тело одежда (хитон) и украшенная золотом обувь. Многие цари выдавали своих детей в заложники, а Велизарий делал им щедрые денежные подарки. На помощь ему мавры не выступали, но не поддерживали и вандалов, выжидая исхода событий.[246]

Сельское население не имело особых причин питать враждебные чувства к вандалам, и Гелимер мог рассчитывать на некоторую помощь с его стороны. Он объявил плату за голову римского солдата, и селяне стали ловить и убивать людей из армии Велизария, когда те выходили в одиночку на грабеж за стены города. Так погибло немало людей; но, по свидетельству Прокопия, то были большею частью не солдаты, а их рабы и прислуга, обычные спутники воина по тогдашним военным нравам. Велизарий высылал конные отряды на разведку в окрестности города. Случалось, что они встречались с вандалами и мерялись иной раз силой, находчивостью и ловкостью.

Стянув все силы вандалов на стоянки близ города Булла-Регия, Гелимер подвинулся ближе к Карфагену и центром своих позиций сделал город Трикамар, в 140 стадиях (около 30 верст) от Карфагена. Отряды вандалов подходили к стенам Карфагена, испортили водопровод и отрезали Велизарию пути сообщения со страной. Агенты Гелимера старались вызвать измену как среди ариан армии Велизария, так и среди местных людей. Они завязали сношения с гуннами и переманивали их на службу к вандалам. Один местный человек был уличен в посредничестве, и Велизарий повесил его на холме близ города в устрашение другим.

В половине декабря Велизарий выслал из города всю конницу, оставив при себе только 500 всадников, и поручил главное командование армянину Иоанну, опытному и храброму вождю, вручив ему и свое знамя. На следующий день он выступил сам с пехотой и конным отрядом. Иоанн вскоре оказался в непосредственной близости к лагерю вандалов близ Трикамара. Позиции врагов были разделены рекой, протекавшей по долине. Видя готовность Иоанна принять сражение, вандалы выстроили боевую линию на противоположном берегу. Иоанн перешел через реку и сделал атаку, но был отбит; то же повторилось и во второй раз, и только после третьей его атаки разгорелась жаркая сеча. Цацон пал в бою, и счастье битвы стало склоняться на сторону войск Велизария. Гунны, стоявшие поодаль и не принимавшие доселе участия в битве, увидев, что вандалы дрогнули, бросились на них и довершили расстройство противника. Вандалы бежали в свой лагерь, оставив на поле битвы 800 павших воинов. Римляне потеряли только 50 товарищей. Все рассыпались на грабеж убитых. Велизарий с пехотой подошел только к вечеру и немедленно двинул все свои силы на приступ. Гелимер, считая дело проигранным, оставил своих и бежал с небольшой свитой. Войска Велизария ворвались в лагерь, началось убийство и грабеж. В лагере оказались огромные суммы денег, доставшиеся победителям. Избивали мужчин, а жен и детей брали в плен. Наступила ночная тьма, и все занялись грабежом. На рассвете Велизарий собрал войска, прекратил убийства и сдававшихся в плен вандалов стал отсылать под военной охраной в Карфаген, равно как и добычу. За Гелимером была снаряжена погоня под начальством Иоанна, но ее задержал несчастный случай. Один пьяный ополченец, целясь на скаку в птицу, нанес смертельную рану вождю и, увидев роковое последствие своего выстрела, бежал в соседнюю церковь. Когда Велизарий подошел к тому месту, над прахом Иоанна был насыпан могильный холм. Не продолжая преследования, он повел войска на побережье и вступил в город Гиппону (Hippo Regius). Вандалы, и в числе их значительные лица, искали убежища в церквах города. Велизарий давал всем ручательство личной безопасности и отсылал их в Карфаген. В гавани стоял корабль с сокровищами Гелимера, который должен был отвезти их в Испанию к царю Тевдису. Препровождавший сокровища прокуратор Бонифаций сдал их Велизарию, выговорив себе неприкосновенность своего личного имущества. В Гиппоне было получено известие о месте, куда скрылся Гелимер. То была крепость на крутой горе

---

[245] Прокопий подробно описывает сцену встречи братьев, где было, по его словам, больше слез, чем слов.
[246] *Procop.* b. v. 1, 25, 1—9.

Папуа в земле дружественного маврского царя. Велизарий послал Фару с его эрулами и приказал ему обложить крепость и держать ее в осаде.

Возвратившись в Карфаген, Велизарий начал принимать меры к подчинению вандальского царства власти императора. Кирилл со своим отрядом был послан на остров Сардинию с головой погибшего в битве Цацона в доказательство победы. Гарнизон Сардинии сдался, и остров был приведен в зависимость от императора. Из Сардинии Кирилл переехал в Корсику и подчинил этот остров. Отряд пехоты под начальством Иоанна был послан для занятия приморского города Цезареи в Мавритании. Оруженосец Велизария Иоанн получил приказание занять крепость Септем на проливе. Аполлинарий, итальянец по происхождению, состоявший прежде на службе у Гильдериха, был послан с эскадрой занять Балеарские острова. Велизарий хотел занять Лилибей в Сицилии, но готы предупредили имперский отряд и не пустили его в крепость. По этому поводу Велизарий имел переписку с готским начальником острова Сицилии.[247]

Фара обложил крепость на горе Папуа и отрезал все пути сообщения. Тяготясь продолжительной осадой, он сделал попытку взять крепость штурмом, но потерял более ста человек из своего отряда, и с тех пор ограничился осадой. Он обратился к Гелимеру с письмом, в котором советовал ему сдаться на милость императора. В ответе на это письмо Гелимер попросил Фару прислать ему губку, чтобы обмывать разболевшийся глаз, лютню, чтобы под ее аккомпанемент распевать песни о своих несчастьях, и один печеный хлеб, которого он не видел со времени своего бегства в крепость. Фара исполнил желание Гелимера. Осада длилась три месяца, когда, наконец, энергию царя надломила сцена страдания от голода детей. — Одна мавританка истолкла горсточку зерна, сделала лепешку и засунула ее в золу, чтобы испечь. Это было на глазах детей, сына мавританки и племянника Гелимера. Едва лепешка испеклась, как ее вытащил второй и засунул себе в рот. Но другой мальчик вцепился ему в волосы, вырвал лепешку из его рта и съел ее. Этой картины страдания детей не вынес Гелимер. Он известил Фару, что готов сдаться, если ему будет обеспечена личная безопасность. Фара сообщил об этом Велизарию, и тот прислал вождя федератов Киприана, чтобы принять царя. Взаимные клятвы обеспечили безопасность Гелимера и его людей, и они были препровождены в Карфаген (в марте 534 года). Свидание Гелимера с его счастливым победителем произошло в предместии Карфагена Акла. Гелимер поразил всех присутствовавших тем, что, приблизившись к Велизарию, вместо всяких слов приветствия громко рассмеялся. Спутники объяснили, что царь, после всех постигших его бедствий, знает только одно отношение ко всем человеческим делам и считает их достойными только горького смеха.

Велизарий считал свое дело в Африке законченным и просил у императора разрешения вернуться в Константинополь. Ближайшим поводом спешить с отъездом было то, что некоторые из его завистников отправили донос императору, будто Велизарий хочет завладеть Африкой для себя лично, и одно такое письмо попало к нему в руки. Юстиниан предоставил Велизарию действовать по усмотрению, и он, снарядив флот, посадил на суда оставшихся в живых членов дома Гильдериха, пленного царя Гелимера и пять тысяч сдавшихся вандалов и, погрузив богатую добычу, доставшуюся ему от этой войны, отплыл в Константинополь. Своим преемником в командовании армией он назначил своего доместика Соломона.

Велизарий вступил в столицу с триумфом на старый лад, ведя с собой пленных и везя добычу. От своего дома до ипподрома он шел пешком вместе с Гелимером, облеченным в порфиру и в золотом венце. Император восседал на золотом троне на кафизме среди чинов двора и свиты. Представ перед императором, Велизарий пал к его ногам. То же должен был сделать и безучастный ко всему Гелимер, повторявший про себя слова Иисуса, сына Сирахова: «Суета сует». С него сорвали порфиру и венец. Велизарий просил пощады пленному царю, как награды себе за победу. Дочери Гильдериха и его родственники были приняты с надлежащим почетом во дворце, как члены императорского дома Феодосия. Император и императрица щедро одарили их, и они вошли в ряды придворной знати. Юстиниан хотел оказать милость Гелимеру предоставлением ему сана патриция: но так как тот был тверд в своем арианском исповедании, то назначение не состоялось. Он получил поместья в Вифинии и там дожил свои дни. Привезенные Велизарием вандалы составили пять полков, которые были включены в имперскую армию и размещены в пограничных укреплениях Сирии. На ипподроме были выставлены на осмотр народу все сокровища, привезенные Велизарием из Карфагена. Иудеи узнали золотые сосуды из иерусалимского храма, увезенные некогда Титом в Рим и попавшие в 455 году в Карфаген. Они объяснили императору, что эти сосуды могут принести несчастье, если будут находиться не там, куда их определил царь Соломон. Юстиниан внял этому совету и отослал эту часть добычи в храмы Иерусалима.

По старой традиции Велизарий был удостоен за победу консульства на ближайший год, и 1 января 535 года совершил свой консульский выезд. Окруженный блестящей свитой, он ехал в колеснице, которую тащили на себе пленные, и бросал народу, в виде обычных подарков, драгоценные предметы из вандальской добычи. То были золотые и серебряные сосуды, золотые пояса и другие предметы убранства.

Во время своего пребывания в Африке Велизарий осведомлял двор обо всем происходившем в стране, и радостные вести вызывали восторг в сердце Юстиниана. Столь неожиданно быстрый успех в борьбе с вандалами Юстиниан приписывал особому благоволению Господа Бога к его державе. Прославляя победу, он выставлял на первое место религиозный момент войны. Приняв в свой титул новые имена Вандальского и Аланского, он издал весною 534 года указ о восстановлении гражданского управления страною в старых формах. Префектом претория Африки был назначен Архелай, сделавший африканский поход в звании казначея армии. Как в старое время, Африка была разделена на семь провинций; правители четырех из них — Завгитана, область Карфагена, Бизацена и Триполитана — получили титул консуларов, а трех — Нумидия, Мавритания и Сардиния — президов. Штат чиновников при префекте претория был определен в 396 человек, а канцелярии правителей отдельных провинций — в 50 человек. Определены были размеры жалованья всем вновь возникавшим чинам, причем положены были также оклады пяти врачам, двум грамматикам и также двум риторам (sophistae). Новые

---

[247] *Procop.* b. v. 2, 5.

штаты должны были вступить в действие с 1 сентября 534 года под руководством Архелая.[248] Так как в ту пору Африка еще не была занята в этих пределах римскими войсками, то этот эдикт определял лишь желательное в будущем положение.

Вскоре вслед за этим указом был издан другой (от 13 апреля) на имя Велизария, в котором император давал указания касательно восстановления старых военных командований в стране. То были пять пограничных военных начальников с титулом дуксов: в Триполитане, Бизацене, Нумидии, Мавритании и Сардинии. Велизарию вменялось в обязанность позаботиться о восстановлении пограничных войск, как они здесь некогда существовали при старых римских условиях управления. Специально упомянуто о гарнизоне в крепости Септем на проливе, отделяющем Африку от Испании, где кроме сухопутных войск должна была находиться военная эскадра. При дуксах были восстановлены старые штаты канцелярий с должностями разных наименований и соответственными окладами жалованья. Новые штаты вступали в действие с ближайшего 1 сентября.[249]

Император оговорил в своих указах, что все расходы по управлению страной, как гражданскому, так и военному, должны поступать из доходов Африки. Старая слава богатства этой страны была, очевидно, учтена в предприятии самой экспедиции, окончившейся столь быстро и удачно. Но имущественные отношения в стране за время господства вандалов были самым резким образом изменены, и восстановление прав прежних собственников представляло весьма серьезные затруднения. В следующем году Юстиниан издал два указа на имя Соломона, который со своим военным званием соединил пост префекта претория Африки, вместо назначенного в прошлом году Архелая. В первом из них иски частных лиц по восстановлению прав собственности были ограничены третьим поколением.[250] Во втором восстановлены права карфагенской церкви на принадлежавшие ей раньше имущества, поскольку они оказались во владении представителей арианской церкви или язычников. Вместе с тем на африканских еретиков, ариан и донатистов, а также на иудеев, были простерты все запретительные законы, действовавшие в империи. Еретикам было предоставлено право воссоединяться с господствующею церковью при условии искренности их настроения, «так как всемогущему Богу ничто не является столь приемлемым, как раскаяние грешников». У иудеев было отнято право иметь синагоги, которые подлежали превращению в церкви, и повторен давний запрет иметь рабов христиан.[251]

Восстановление старых порядков, а особенно имущественных прав, создавало условия для тяжких общественных бедствий. Африканские епископы, чувствовавшие себя теперь победителями старого врага, каким являлось арианское духовенство, протестовали против снисходительности императора, который находил возможным оставлять воссоединяющихся в их сане и правах. Этот протест поддержал своим авторитетом папа, создавая тем новые затруднения для императора.

Помимо всех тех тревог, неправд и бедствий, которые являлись неизбежным последствием восстановления по суду нарушенных вандалами имущественных прав населения, восстановление власти императора над Африкой оказалось гораздо сложнее и труднее, чем это представлял себе Юстиниан. Если с разгромом силы вандалов на полях битв и занятием некоторых пунктов побережья и можно было считать законченным подчинение страны императору, то эта зависимость для огромной части территории была лишь номинальной. Велизарий не располагал для этого ни достаточными военными силами, ни временем. С 1 сентября 534 года должны были вступить в действие новые органы римской гражданской и военной власти и Велизарий должен был приступить к организации военной охраны страны, восстановлению старых крепостей и пограничных войск из туземного элемента,[252] но он не мог приняться за водворение новых порядков, так как еще летом покинул Карфаген. По-видимому, не вступал в новую должность и Архелай, так как в конце сентября 535 года полномочия префекта претория перешли к Соломону, который соединил в своих руках как военную, так и гражданскую власть в стране.[253] Кроме римского и глубоко православного туземного населения, на верность которого можно было рассчитывать, на границах с пустыней и отчасти в пределах провинций было много полудиких и совсем диких туземных племен, которые нередко доставляли серьезные затруднения римской власти в прежнее время, а впоследствии нередко поднимались против вандалов. На западной границе Триполитаны жило несколько племен, и наиболее неспокойными из них были левкаты. На юге Бизацены была целая конфедерация маврских племен, признававших над собою власть царя Анталы. С ним в соседстве были цари Есдиласа, Медисинисса, Куцина. На юге Нумидии в горах Авреса было много племен, высвободившихся из-под власти вандалов. Самым могущественным царем в этих пределах был Яуда. Западная область, Мавритания, была заселена туземными племенами. Здесь были могущественные цари Мастина, Массона, Ортайя. Хотя многие из мавританских царей вступили в союз с империей и приняли от Велизария знаки своего царского достоинства, но это не давало никакой уверенности в том, что союз устоит в силе и верховная власть императора утвердится в стране. Не считаясь с местными условиями, Юстиниан издавал свои эдикты в полной уверенности, что вся Африка находится уже под его верховной властью.

ПАДЕНИЕ ОСТГОТСКОГО ЦАРСТВА В ИТАЛИИ

Положение остготского царства после смерти Теодориха. Смерть Амаласунты. Начало войны. Велизарий в Италии. Взятие Неаполя. Вступление в Рим. Осада Рима готами. События в

---

[248] *Cod. Just*. 27, 1.
[249] Ib. 1, 27, 2.
[250] Novella XXVI.
[251] Novella XXVII.
Следует читать не XXVI и XXVII, а XXXVI и XXXVII.
[252] Настаиваю на том, что Велизарий никаких пограничных войск в Африке не организовывал, и самое упоминание о них в указе есть только архивная справка, не получившая осуществления. Г. Панченко в своей прекрасной работе о Тайной Истории Прокопия совершенно напрасно пользуется эдиктом Юстиниана в смысле свидетельства о лимитанах в Африке. *Виз. Врем.*, III, стр. 477.
[253] Novella XXXVI, изданная 1 января 535 года, носит надписание: Solomoni pp. Africae.

области реки По. Вторжение франков. Переговоры о мире. Велизарий в Равенне. Отъезд его в Константинополь.

Разгром вандалов в Африке явился угрозой для господства остготов в Италии. Теодорих не имел мужского потомства и выдал свою единственную дочь Амаласунту за храброго гота Евриха из рода Амалов, в надежде передать ему царство. Но Еврих пал на поле брани, оставив младенца-сына Аталариха и дочь Метасвинту. Теодорих обеспечил переход своей власти к внуку, и по его смерти (30 авг. 526 г.) «царем готов и римлян» стал 10-тилетный Аталарих, а власть перешла к Амаласунте, принявшей титул царицы. Воспитанная в среде образованных римлян, Амаласунта не пользовалась расположением своих соплеменников. Ее старания дать римское образование сыну, что сказалось в ее первых распоряжениях, встретили резкий протест со стороны готов, и Амаласунта принуждена была уступить. Она отпустила трех избранных ею воспитателей Аталариха и дала ему компанию готских сверстников. Аталарих скоро обнаружил дурные инстинкты, предался разным порокам, очень грубо относился к матери, и среди влиятельных готов явилась мысль отстранить Амаласунту от правления и удалить ее из дворца. Предупреждая враждебные замыслы, она удалила под видом почетных поручений на окраины царства трех своих главных врагов и сделала запрос Юстиниану, может ли она рассчитывать на прием, если ей придется оставить Италию. Император ответил ей любезным приглашением и приказал приготовить для ее приема дворец в Диррахии. Амаласунта снарядила эскадру и отправила ее в Диррахий. На одном из кораблей были погружены царские сокровища и 40 тысяч фунтов золота (около 20 миллионов золотых рублей). Эти предосторожности были приняты на случай неудачи ее замысла справиться со своими врагами. При помощи верных людей она устроила убийство своих врагов, и когда дело обошлось благополучно, приказала эскадре вернуться в Равенну.

Между тем Аталарих впал от беспутной жизни в чахотку. Предвидя неизбежный конец юной жизни сына, Амаласунта приискивала человека, с которым она могла бы разделить власть по смерти сына. Ближайшим ее родственником был сын Амалафреды, сестры Теодориха, Феодагат. То был уже немолодой человек, получивший римское образование и кичившийся знакомством с философией Платона. Устраивая вопрос о преемстве власти, Теодорих оставил его в стороне. Интерес к философии не мешал Феодагату проявлять большую алчность. Обладая огромными земельными имуществами в Тусции, он старался округлять свои владения и захватывал земли своих римских соседей. Обиженные им собственники обратились с жалобой к царице. Она вызвала Феодагата ко двору, нарядила над ним суд, который разобрал дело и признал вину Феодагата. Амаласунта не прежде отпустила его, как тот удовлетворил справедливые жалобы на него соседей. Феодагат воспылал ненавистью к Амаласунте, и у него явилась мысль войти в сношения с императором и передать ему свои владения в Тусции за соответственное денежное вознаграждение и положение члена сената в Константинополе. Об этом он имел беседу с епископами Ипатием и Димитрием, исправлявшими посольство к папе Иоанну по вопросу об исповедании веры. Членом этого посольства был также сенатор Александр, который имел поручение повидаться с Амаласунтой, чтобы узнать о причине замедления ее отъезда в Диррахий. То была секретная часть его миссии. Официальное поручение, возложенное на него, касалось претензий, которые возбуждал византийский двор в связи с событиями войны с вандалами. Император требовал объяснения, во-первых, насчет того, что готы удержали за собой Лилибей, во-вторых, приняли в Неаполе десять гуннов, изменивших императору в Африке, и в-третьих, нарушили границы империи в своей войне с гепидами, захватив одну римскую пограничную крепость. В официальном ответе императору Амаласунта признавала справедливость претензий насчет перебежчиков, оправдывала неведением солдат нарушение границ в Иллирике, но в то же время решительно настаивала на принадлежности готам Лилибея. Тайная беседа с послом имела другой характер, и речь шла о возможности передачи Италии во власть императора. Для продолжения переговоров император отправил в Равенну Петра, человека очень образованного, пользовавшегося большим его доверием.

Когда Петр был еще в пути, произошло событие, имевшее роковые последствия для готов. Аталарих умирал в чахотке. Амаласунта, опасаясь вражды Феодагата, задумала разделить с ним, как ближайшим родственником, верховную власть по смерти сына. Имея много врагов среди готской знати, она надеялась таким путем упрочить свое положение. Переговоры были успешны, обе стороны обменялись клятвами взаимной верности, и по смерти Аталариха (2 октября 534 года) царь и царица известили византийский двор о совершившейся перемене на троне,[254] и послали уведомление о том римскому сенату в отдельных рескриптах. Амаласунта называла Феодагата своим братом, а он прославлял ее справедливость и поминал о том, что она подвергла и его суду по его неправому делу.[255] Это наружное единодушие продержалось недолго. Феодагат, нарушив клятву, воспользовался своим положением, чтобы войти в сношения с родственниками убитых Амаласунтой членов готской знати, казнил несколько близких к царице людей и заточил ее на острове Больсенского озера. Чтобы оправдать в глазах императора этот поступок, Феодагат отправил в Константинополь посольство из двух сенаторов, Либерия и Опилиона. Вместе с письмом Феодагата послам было вручено письмо Амаласунты, исторгнутое от нее силой, в котором она выражала довольство своим положением. Петр встретил по пути послов Феодагата и, узнав от них о положении дел в Равенне, довел обо всем до сведения императора и ожидал новых инструкций. Юстиниан приказал ему оказать царице всякое содействие. Но когда Петр прибыл в Равенну, Амаласунты уже не было в живых, ее убили с ведома Феодагата ее враги.

Убийство Амаласунты давало Юстиниану формальный повод к войне. Магистр армии Иллирика Мунд получил приказ вступить в Далмацию, а Велизарий — ехать морем в Сицилию. Одновременно с тем Юстиниан отправил посольство к царю франков Теодеберту с щедрыми денежными подарками и предложил ему вступить в союз с империей против нечестивых ариан. Деньги сделали свое дело, и союз был заключен. Союза с Теодебертом искал также и Феодагат и предлагал ему за помощь уступку заальпийских владений готов в южной

---

[254] *Cassiod.* Var. 10, 1; 2. — Как проведено было это дело с формальной стороны, об этом нет сведений в источниках.

[255] *Cassiod.* Var. 10, 3; 4.

Галлии и две тысячи фунтов золота. Так как союз с императором был уже заключен, то переговоры с готами затянулись.[256]

Пока Велизарий снаряжался в путь, Мунд вступил в Далмацию, разбил выступивших против него готов и занял Салону, административный центр страны. Велизарий посадил свои войска на суда и отплыл в Сицилию,[257] а в начале декабря высадился в Катании. Дружелюбно встреченный населением, он начал занимать города и лишь в одном — Панорме — встретил сопротивление. Когда вся Сицилия оказалась в его власти, он вступил в Сиракузы. 31 декабря, когда приходился конец консульства Велизария, он справил здесь свой последний консульский выезд и раздал солдатам и народу золотые деньги.[258]

Находившийся в Равенне посол императора Петр вел переговоры с Феодагатом. Напуганный угрозой войны, которую уже начал император, Феодагат готов был не только уступить Сицилию, находившуюся во власти Велизария, но и формально признать верховную власть императора в Италии, поступаясь тем положением царя готов, какое сумел создать себе Теодорих. Он принимал на себя обязательство — посылать ежегодно золотой венец в триста фунтов, выставлять по первому требованию три тысячи воинов, не возводить лично от себя никого в патриции и сенаторы, не казнить без ведома императора и не подвергать конфискации ни сенатора, ни священника, на всех играх и зрелищах возглашать сначала имя императора, ставить свои статуи только вместе со статуей императора и притом свою на втором месте, т. е. с левой стороны.[259] Когда эти условия были выработаны в письменной форме, Петр уехал в Рим для свидания с папой и затем направился в Неаполь. Феодагат потребовал от римского сената ходатайства перед императором о прекращении войны, и сенат красноречивым пером Кассиодора славил Феодагата и просил о мире.[260] Вместе с Петром Феодагат послал своего доверенного человека, пресвитера Рустика. Когда послы уже покинули Рим, их нагнал посланец от Феодагата и вернул их назад. Феодагат опасался, что Юстиниан не примет тех условий и выразил готовность отказаться от власти в Италии. Он сам и его жена принесли в том клятву и заставили поклясться Петра и Рустика, что они сообщат об этом императору лишь в том случае, если он не удовлетворится первыми условиями.

Желая найти авторитетного ходатая за мир Италии перед императором, Феодагат приказал отправиться в Константинополь папе Агапиту, недавно заменившему Иоанна II на римском троне. Папа должен был собраться экстренно, не получил подъемных и взял деньги под залог церковных сосудов.[261] Узнав от Петра о готовности Феодагата сложить власть, Юстиниан отправил в Равенну того же Петра и сенатора Афанасия с предложением Феодагату вызвать Велизария из Сицилии и передать ему двор и власть над страной. Послы имели поручение наделить Феодагата земельными имуществами из государственных домен (patrimonium). Велизарий был поставлен в известность о новом положении дела. Скоро, однако, обстоятельства резко изменились, и Феодагат переменил свое настроение.

В Далмацию вступил сильный отряд готов. Сын Мунда Патрикий, посланный на разведку, встретился с неприятелем, вступил в битву и пал в бою. Пораженный этим несчастьем отец выступил против готов со всеми своими силами, в упорной битве одержал над ними победу и, увлекшись преследованием, получил смертельную рану. Оставшееся без командира войско не вернулось в Салону, а разошлось по своим стоянкам в Иллирике. Салона была свободна, но готы не решились вступить в город, не доверяя настроению жителей, и разошлись по укреплениям Далмации. Феодагат, узнав об этом успехе, резко изменил свое настроение, и когда прибыли в Равенну послы императора, держал с ними иные речи и за напоминание о принятых им обязательствах заключил их под стражу.[262]

Между тем дела в Далмации приняли вскоре другой оборот. Туда вступил Константиан, комит царских конюшен, с новыми силами. Из Диррахия он направился морем в Эпидавр, собрал нужные сведения и, сделав остановку на острове Лиссе, занял Салону с моря. Те готы, которые были расселены в стране, стали принимать присягу на верность императору. В то же время Велизарий получил приказ переправиться в Италию и считать готов врагами. Передвинув войска из Сиракуз в Мессину, он начал подготавливать переправу. На противоположном берегу в Регии стоял отряд готов под начальством Евримута, зятя Феодагата. Евримут изменил народному делу, явился со своей свитой к Велизарию в Сицилию и принял присягу на верность императору. Велизарий отослал его в Константинополь, и Юстиниан наградил его саном патриция.[263] Покинутые своим вождем готы ушли в главный лагерь, находившийся тогда близ Таррацины.

Велизарий беспрепятственно совершил переправу. Местное население встречало его как освободителя от готского ига. Пройдя через Бруттий и Ауканию, он вступил в Кампанию и подошел к Неаполю. Город был сильно укреплен и имел в своих стенах гарнизон в 800 человек. Население вступило в переговоры с Велизарием, но присутствие гарнизона и верность готам некоторых влиятельных граждан и иудеев, составлявших значительную часть населения, помешали осуществиться состоявшемуся уже соглашению. Попытка взять город штурмом не удалась, но скоро, однако, Неаполь оказался во власти Велизария. В темную ночь исавры пробрались в город по водопроводу, подали сигнал ожидавшим его солдатам, и те полезли на стены. Город был взят. Победители избивали всех встречных, врывались в дома и грабили, а гунны не щадили и церквей. С трудом удалось Велизарию восстановить порядок и прекратить кровопролитие. Готский гарнизон сдался и перешел на службу императору, а жители расправились с теми своими согражданами, которые помешали сдать город без

---

[256] *Procop.* b. g. 1, 13.
[257] Ib. 1, 5, 18.
[258] В армии Велизария было 4 тысячи воинов из регулярных полков и федератов, 3 тысячи исавров, 200 гуннов, 300 мавров и личная его дружина. *Procop.* b. g. 1, 5, 2-5.
[259] Ib. 1, 6, 1—5.
[260] *Cassiod.* Var. 11, 13, 4: habui multos reges, sed neminem huius modi literatum, habui prudentes viros, sed nullum sic doctrina et pietate pollentem. Diligo Hamalum meis uberibus enutritum, virum fortem mea conversatione compositum, Romanis prudentia carum, gentibus virtù te reverendum.
[261] *Cassiod.* Var. 12, 20; *Liberat.* Brev. e. 21.
[262] Весьма вероятно, что вести о волнениях в африканской армии приподняли настроение готов.
[263] *Marc. Com.* s. a. 536; *Jord.* Get. 399.

сопротивления.

Феодагат в это время находился в Риме. Весть об измене Евримута вызвала раздражение, а после взятия Неаполя началось открытое возмущение готов. В главном лагере в городе Регате готы низложили Феодагата и подняли на щит старого воина Витигеса, участника всех военных предприятий Теодориха. Новый царь обратился с воззванием «ко всем готам», в котором оповещал свой народ об избрании на царство.[264] В своем обращении к императору Витигес просил мира для Италии и писал о том же магистру двора.[265] Феодагат бежал из Рима в Равенну, но был настигнут на пути своим личным врагом и убит. Вступив в Рим, Витигес взял под стражу сына Феодагата Феодигискла и, собрав на заседание сенат, напоминал о благодеяниях Теодориха и убеждал хранить верность готской державе. Так как Феодагат не сделал никаких приготовлений к войне, то Витегес, взяв заложников от сената и оставив в Риме гарнизон в 4 тысячи человек, направился в Равенну, чтобы из центра готской державы организовать войну. Желая упрочить свое положение на троне, Витигес развелся со своей женой и насильно женился на Метасвинте, дочери Амаласунты. Продолжая переговоры с франками, начатые Феодагатом, он довел их до конца и заключил союз, отказавшись от заальпийских владений и уплатив Теодеберту две тысячи фунтов золота. Вместе с тем были отозваны все гарнизоны, занимавшие укрепления в южной Галлии. В Равенну собирались готы со всех мест своего расселения, получали оружие и коней и организовывались в отряды. Зима 536—537 года прошла в подготовке армии для войны с Велизарием.

Между тем Велизарий вышел из Неаполя на север, оставив в городе гарнизон в 300 человек, и завязал сношения с Римом. Сенат изменил готам, папа Сильверий, недавно занявший престол по смерти Агапита, также стал на сторону императора, и сенатор Фиделий, бывший квестор Аталариха, явился к Велизарию и пригласил его вступить в Рим. Готский гарнизон не считал возможным организовать защиту среди враждебно настроенного населения, и 9 декабря войска Велизария ночью входили в Рим через Ослиные ворота (Porta Asinaria), а готы уходили на север через Фламиниевы. Командир готского гарнизона Левтарид не последовал за своими людьми и предпочел сдаться. Завладев Римом от имени императора, Велизарий отослал в Константинополь ключи от городских ворот.

Предвидя возможность осады, Велизарий позаботился прежде всего об увеличении запасов хлеба. Привезенный им хлеб из Сицилии он сдал в городские магазины и сделал распоряжение, чтобы ближайшее к городу население свозило свой хлеб в Рим. Вскоре к нему явился готский начальник приморской части Самния Пиция и принял присягу на имя императора за себя и поселенных в той области ютов. Велизарий дал под его начальство отряд своих войск и поручил ему охранять эту часть Самния от тех готов, которые остались верны своему национальному делу.[266] Одновременно с тем Велизарий выслал отряды своего войска под начальством Константина и Бессы в Тусцию, и города Сполетий, Перузия и Нарния приняли в свои стены имперские гарнизоны.

Подготовляя войска для войны с Велизарием, Витигес послал в Далмацию небольшие силы под начальством вождей Азинария и Улисигага, предоставив в их распоряжение военный флот. Азинарий должен был привести союзных свевов. Улисигаг был разбит Констанцианом близ Скадроны и отступил к Бурну, где и поджидал Азинария со свевами. Когда тот прибыл, оба вождя подошли к Салоне, чтобы осадить ее с суши и моря. Но действия их были неудачны, а из их флота несколько кораблей было потоплено, другие попали в плен.

Витигес снаряжал армию в Равенне и поджидал тех готов, которые под общим начальством Маркин стояли в гарнизонах в заальпийских владениях, уступленных франкам. По словам Прокопия, готская армия доходила до 150 тысяч человек. Большинство этой силы были тяжеловооруженные всадники с конями, покрытыми броней. Пика и меч, которыми мастерски владели готы, были рассчитаны на бой лицом к лицу с врагом. Искусство стрельбы было заброшено; стрелки их были пешие и во время боя располагались между всадниками. В армии Велизария главную силу составляли легкие конные стрелки. Мастерством в этом деле обладали гунны. Несоответствие тактики и вооружения противников отдавало преимущество имперской армии, как обнаружилось то в дальнейшем ходе событий.

Ранней весной 537 года Витигес двинулся с войсками на юг, не задерживаясь на пути взятием крепостей, занятых гарнизонами имперской армии, и опасался, по словам Прокопия, лишь того, как бы не ушел от него Велизарий. В ожидании наступления готов Велизарий устроил близ Мульвийского моста сторожевое укрепление, но оставленный на охране небольшой отряд бежал, завидев приближение грозной массы неприятельских сил.[267] Когда передовые отряды готов стали подходить к Риму, Велизарий, поддаваясь страсти личного геройства, выступил навстречу с тысячью лучших всадников. В первом налете всадники Велизария опрокинули готов и погнали их. Боевой конь Велизария был темной масти с белой головой. Греки называли таких лошадей словом φαλιός, а готы — балан. Готы признали Велизария, и крики «Балан, Балан» раздавались повсюду. Все выстрелы были направлены на Балана, но верные оруженосцы закрывали Велизария щитами. Переходя то в наступление, то отступая и занимая ту или другую возвышенность, как шел в то время кавалерийский бой лихих наездников, Велизарий оставался среди врагов до самого вечера. Когда наконец под напором большой массы он бежал к воротам, его не узнали и не открыли ворот. Перестроив ряды, он сделал атаку, отразил наступавших и уже в темноте вернулся в город со своими храбрецами. Этот подвиг личной храбрости Велизария с живым чувством восторга описал Прокопий, заимствуя краски из Гомера. Велизарий, подвергая все свое дело страшному риску, знал, однако, что делал. Он поразил воображение таких же храбрецов,

---

[264] *Cassiod.* Var. 10, 31.
[265] Ib. 10, 32; 33.
[266] *Procop.* 1, 15.
[267] *Gregorovius*, Gesch. der Stadt Rom. 1 351 (изд. 1858 г.) не верит Прокопию насчет места охранного укрепления и переносит его на реку Анио, так как, по свидетельству того же Прокопия, готы шли через область сабинов, т. е. по левому берегу Тибра. Но такая важная стратегическая артерия, какой была Фламиниева дорога с давних пор, не могла, конечно, не привлечь внимания Велизария прежде всего, и соображения Грегоровиуса являются гиперкритическими. Ср. *Hodgkin*, Italy and her invaders, IV, 134. *Hartmann*, Gesch. Italiens, 1, 269 и 295 соглашается с Грегоровиусом и говорит о pons Salarius на Анио.

как он сам, поднял настроение своих слабых в численном отношении войск и создал ореол своему имени у храброго противника.

На следующий день готы подступили к стенам Рима всей своей массой и в шести пунктах занялись устройством укрепленных лагерей на левой стороне Тибра. Огромная линия стен Рима, как их создал еще имп. Аврелиан, не позволяла им обложить город со всех сторон. Чтобы обеспечить свои позиции от возможности нападения со стороны Мульвийского моста и обеспечить сообщение с севером, они соорудили седьмой лагерь на правом берегу реки. В стене, окружавшей Рим, было 14 больших ворот, не считая малых. Велизарий назначил особых командиров для каждых ворот и взял на себя самую слабую часть стены близ Пинциевых ворот (Monte Pincio). Готы испортили все 14 водопроводов, которые с давних пор богато снабжали город водой. Население обречено было довольствоваться водой Тибра и колодцами, и стало испытывать тяжкие лишения. Все роскошные термы, дар прежних императоров населению столицы мира, бездействовали. Перестали работать и мельницы на Яникуле, где сила падения воды служила двигателем колес. Это последнее затруднение Велизарий устранил тем, что устроил плавучие мельницы на баржах на Тибре. Готы стали пускать бревна по течению реки, чтобы испортить ими колеса. Тогда через Тибр была протянута цепь, которая задерживала то, что несла река. Зная по недавнему опыту, как исавры проникли в Неаполь, Велизарий позаботился тщательно замуровать каналы во всех остатках водопроводов в пределах города.

Распределившись вокруг Рима и укрепив занятые позиции, готы принялись строить осадные башни. На 18-й день после обложения Рима Витигес назначил приступ по всей линии укреплений, кроме Ватикана с его святыней, храмом Петра, уважение к которому было традицией еще старых времен Алариха. Готы шли густыми массами и подвозили свои башни на волах. Велизарий сделал строгое распоряжение, чтобы никто не смел стрелять ни из лука, ни из расставленных на стенах метательных орудий, пока он сам не даст сигнала. Когда готы приблизились на расстояние полета стрелы к той башне, где находился Велизарий, он выстрелил из лука и пробил шею предводителю отряда; другая стрела столь же удачно поразила другого. Затем он дал сигнал, и стрельба открылась по всей линии штурма. Быки, тащившие башни и тараны, были перебиты, и орудия готов встали на месте. Остановка орудий и большая потеря в людях вызвали замешательство. Попытки штурма в разных местах встречали смелый отпор и повсюду были отбиты. Особенным ожесточением отличался приступ в том месте стены, где в нее вошел еще во время сооружения стен при имп. Аврелиане мавзолей Адриана, превращенный в бастион. В решительную минуту защитники опрокинули на готов мраморную квадригу, стоявшую наверху этого великолепного сооружения. Блоки мрамора, на которые распались изваяния, передавили множество людей и остановили задор нападавших. Выждав удобный момент, Велизарий сделал смелую вылазку через Саларские ворота и поджег стоявшие на месте осадные башни готов. Попытки штурма возобновлялись до самого вечера, и кровопролитие прекратила наступившая темнота. В Риме всю ночь шло ликование, а готы подбирали своих убитых и подавали помощь раненым. Ссылаясь на показания самих готов, Прокопий утверждает, что их потери были огромны: 30 тысяч человек убитых и еще больше раненых.[268] В гордом сознании победы Велизарий написал императору письмо, в котором сообщал о блестящем успехе и заявлял, что пока он жив, Рим не будет во власти готов.[269]

Так как осада грозила затянуться надолго, то Велизарий старался уменьшить численность населения в Риме. Он распорядился, чтобы жители отсылали в Неаполь свои семейства, а солдаты — лишнюю прислугу. Пути сообщения с югом не были отрезаны, и огромное множество народа двинулось по Аппиевой дороге, а многие уехали морем. Оставшееся в городе рабочее население, для которого прекратились все промыслы, он принимал на службу за жалованье для охраны стен и, давая жителям пропитание, усилил тем самым количество защитников. Готы не нападали на уходивших из Рима жителей. Принимая самые тщательные меры охраны, Велизарий перековывал два раза в месяц ключи городских ворот, менял стражу, проверял по ночам караулы на стенах через верных людей и высылал по ночам за стены сторожевые посты, пользуясь для этой службы преимущественно маврами. Тягости, которые терпело от осады население, вызывали жалобы и неудовольствия, и, опасаясь измены, Велизарий арестовал некоторых видных граждан, заподозрив их в сношениях с готами. В числе подозреваемых оказался папа Сильверий. Он был вызван во дворец, арестован, лишен сана и отослан в Константинополь. В отношении папы этот образ действий имел другую причину, и обвинение в сношениях с готами было только предлогом: император имел в ту пору другого кандидата на папский престол.

Неудачи, постигшие Витигеса под стенами Рима, имели тяжкие последствия для сенаторов, которых он увел из города в обеспечение верности готам. Он послал приказ в Равенну предать их смертной казни. Только двум удалось бежать в Лигурию. То были Цервентин и Репарат, брат Вигилия, будущего папы.

Так как по Тибру шла доставка хлеба в Рим, то Витигес послал сильный отряд готов захватить Порт и поставил в этом важном пункте гарнизон в тысячу человек. Хотя города Остия и Анций оставались в руках Велизария, но подвоз хлеба был существенно затруднен занятием Порта.[270] Через 20 дней после взятия Порта готами Велизарий получил подкрепления в количестве 1500 всадников под начальством вождей Мартина и Валериана. Эта конница состояла из гуннов, славян и антов. Пользуясь превосходными боевыми качествами своих дружинников, Велизарий делал вылазки лихими отрядами. Тесный строй всадников, 200—300 человек, вылетал из ворот, занимал те или другие высоты поблизости от лагеря готов и, опустошив свои колчаны, мчался назад под защиту стоявших на стенах орудий.[271] Потери готов от трех вылазок Прокопий исчисляет в четыре тысячи человек. Приподнятое этим успехом настроение армии и римского населения вынудило Велизария выйти из города с большими силами, выведя не только кавалерию, но и пехоту, в составе которой были дружины добровольцев. Войска вышли сразу через Саларские, Пинциевы и Аврелианские ворота. Битва разгорелась на

---

[268] *Procop.* b. g. 1, 23, 26.
[269] Ib. 1, 24.
[270] Расстояние Порта от Рима Прокопий определяет на 126 стадий, т. е. около 25 верст, от Порта до моря было 15 стадий, т. е. около 3 верст.
[271] Ib. 1, 27.

большом протяжении. Она стоила многих жертв, и исход ее подтвердил все опасения Велизария.[272] С тех пор Велизарий ограничивался мелкими выступлениями конных отрядов. Много славных храбрецов умирало смертью героя, оставляя по себе память дикой удали.

В начале зимы в Риме истощились припасы и начались болезни. Велизарий отправил в Неаполь Прокопия с приказанием снарядить оттуда хлебный транспорт. Готы также стали испытывать недостаток в провианте, и нездоровый климат Кампании вызвал у них тяжкие эпидемические болезни, уносившие много жертв. Так как море оставалось в руках римлян, то в Порт не было никакого подвоза, и высылкой конных отрядов на юг Велизарий сумел стеснить сообщения готов с Кампанией. В это время стали прибывать в Италию подкрепления, о которых Велизарий настоятельно просил императора. В Неаполе высадилось три тысячи исавров с вождями Павлом и Кононом, — в Гидрунте 800 всадников из Фракии под начальством Иоанна, племянника Виталиана, и тысяча всадников из регулярных полков. Зинон с 300 всадниками прошел через Кампанию в Рим. Иоанн, захватив в Калабрии телеги, которые в случае нужды могли служить табором, также прошел в Кампанию. Велизарий сделал распоряжение нагрузить их хлебом и направить в Остию.[273] Выслав отряд навстречу Иоанну, Велизарий отвлек внимание готов вылазками, которые причиняли им большой урон.

Зимние непогоды, тяжкие эпидемические болезни и военные неудачи вызвали падение воинского духа у готов, и Витигес прислал к Велизарию послов для переговоров о перемирии. После некоторых проволочек решено было прекратить военные действия на три месяца. Это дело еще не было окончательно слажено, когда Велизарий получил известие о прибытии в Остию хлебного транспорта из Неаполя и обоза Иоанна. Он съездил ночью в Остию, подбодрил своих и к утру вернулся в город. Хлеб был перегружен на лодки и направлен по Тибру. Хотя в ту пору перемирие еще не было окончательно оформлено и обе стороны не выдали еще заложников, но готы не нападали, и Рим был богато снабжен всяким провиантом. Это случилось около зимнего солнцеворота. Когда произошел обмен заложниками, к императору было отправлено посольство от Витигеса и римлян. Не имея возможности снабдить хлебом гарнизоны Порта и Центумцелл, Витигес вывел оттуда своих изголодавшихся людей, и Велизарий немедленно занял эти города своими отрядами, не обращая внимания на протест готов. После прибытия подкреплений он чувствовал себя достаточно сильным и послал Иоанна с его конницей на зимовку в Пицен, запретив ему начинать военные действия.

Не выждав конца переговоров, готы сделали попытку проникнуть в Рим через арки водопроводов. Но каналы были замурованы, о чем Велизарий позаботился еще в начале осады. Два изменника в Риме взялись опоить вином стражу ворот в слабой части стен близ Тибра на правом берегу реки. Они получили снотворный порошок, который должны были подсыпать в вино. Злой замысел открыл один из предателей и выдал своего товарища. Велизарий приказал отрезать ему нос и уши и верхом на осле препроводил его в лагерь Витигеса.[274] Признав в этом нарушение готами условий перемирия, Велизарий приказал Иоанну начать военные действия в Пицене, и тот начал захватывать семейства готов, которые были расселены в большом числе в этой области. Не пытаясь овладеть городами Ауксимом и Урбином, которые были заняты сильными готскими гарнизонами, Иоанн подступил к Аримину, отстоявшему на один день пути от Равенны. Готский гарнизон был слишком слаб, чтобы с успехом отстаивать этот город, и ушел в Равенну. Иоанн занял этот важный пункт и вступил в сношения с царицей Метасвинтой.

Весть о взятии Аримина заставила Витигеса прекратить бесплодную осаду Рима.[275] Предав огню все сооружения в лагерях под Римом, готы двинулись на север. Когда большая часть их войска перешла на правый берег Тибра, Велизарий сделал вылазку и причинил большие потери отступавшим.[276] Так несчастливо для готов окончилась осада Рима, длившаяся год и 9 дней.

Направляясь на север, готы обошли Перузию, где стоял уже имперский гарнизон, усилили свои гарнизоны в отдельных городах и направились к Аримину. Но Велизарий сумел предупредить Витигеса и послал другим путем в Аримин Мартина и Ильдигера. Они должны были взять пехоту из Анконы и организовать оборону крепости, дав возможность Иоанну вывести оттуда свою конницу. По пути они захватили укрепление Петру. Готский гарнизон сдался, был приведен к присяге на имя императора и отослан к Велизарию. Витигес, подойдя к Аримину, оставил часть своего войска под его стенами, а сам ушел в Равенну.

Хотя Италия к северу от Рима была во власти готов, за исключением лишь нескольких пунктов, но Велизарий, со свойственной ему смелостью, не поколебался отправить отряд своего войска в Лигурию. Поводом к тому послужило прибытие в Рим, когда он был еще в осаде, епископа Медиолана Деция, который явился послом от своего города с просьбой принять его под власть императора. Велизарий отрядил тысячу человек под начальством храброго Мундилы и направил его морем в Геную. Не встречая сопротивления, Мундила прошел до Тицина. Готский гарнизон этой сильной крепости выступил против Мундилы, но был разбит. Мундила прошел дальше на север, и Медиолан открыл ему ворота. Оставив здесь триста человек, Мундила занял остальными своими силами соседние города: Бергам, Комум и Наварию. Это смелое предприятие оказалось весьма рискованным. В Лигурию вступил Урайя, племянник Витигеса, с большими силами готов и вспомогательным отрядом бургундов, которых прислал на помощь царь Теодеберт. Медиолан был осажден, и так как имперский гарнизон был очень слаб и запасов провианта не было в этом большом городе, то положение его стало вскоре очень трудным.

В середине лета Велизарий, оставив в Риме небольшой гарнизон, двинулся со всеми своими силами на север. Готские гарнизоны в Клузии и Тудере предупредили осаду заявлением через депутатов о своей готовности перейти на службу императору. Велизарий отослал их в Неаполь и Сицилию и занял эти крепости своими гарнизонами. В это время в Италию прибыл Нарзес с войском численностью до тысяч человек. В городе Фирме

---

[272] *Procop.* 1, 28—29.
[273] Ib. 2, 5.
[274] Ib. b. g. 2, 9.
[275] По словам Прокопия, царица Метасвинта сама вступила в сношения с Иоанном.
[276] Ib. 2. 10.

Велизарий встретился с Нарзесом, и на военном совете было решено послать подмогу Иоанну в Аримин. Часть войска была отправлена морем, а другая шла сухим путем по берегу и по дороге через горы. При приближении имперского войска к Аримину готы оставили свои стоянки и ушли в Равенну. Дальнейшие успехи имперской армии были задержаны разногласиями вождей. Велизарий настаивал на необходимости взять Урбин, но Нарзес не оказал ему поддержки и ушел в Аримин, а Иоанн действовал самостоятельно в Эмилии. Хотя Велизарию удалось принудить к сдаче Урбин, но он уже не пытался овладеть другим важным стратегическим пунктом в Умбрии, крепостью Ауксимом (Озимо), и ушел на зиму в Рим. Из Лигурии приходили тревожные вести о трудном положении Медиолана, осажденного готами и бургундами. Посланный Велизарием отряд не решился переправиться через По ввиду слухов о больших силах готов в тех местах. Велизарий приказал идти на помощь Мундиле Иоанну и Мартину; но они желали получить приказание от Нарзеса. По требованию Велизария Нарзес отдал этот приказ, но вожди медлили его исполнить под разными предлогами. Медиолан был доведен до крайности, и Мундила сдал его готам. Хотя он выговорил личную безопасность гарнизону и населению, но готы, вступив в город, избивали всех мужчин, а женщин отдавали в рабство бургундам за помощь в этом деле. В числе погибших был сенатор Репарат. Его изрубили в куски и бросили на съедение собакам. Стены города были разрушены. Без больших затруднений готы отвоевали и другие города, занятые Мундилой, и Лигурия оказалась в их власти.

Так как причиной этой тяжкой утраты было несогласие вождей, то Юстиниан отозвал Нарзеса и предоставил главное командование Велизарию. Из войск, пришедших с Нарзесом, не подчинились этому приказу эрулы, которых было две тысячи человек с тремя царями. Они заключили сепаратный договор с готами, перешли через По, распродали свою добычу и поселились в пределах провинции Венеции.

Витигес, находившийся в Равенне, изыскивал способы усилить себя новыми союзниками. Он обратился к лангобардам, но царь Вахо не пожелал портить свои добрые отношения с императором и отказался от союза. Тогда явилась мысль воспользоваться враждой к империи персидского царя. Два лигурийских священника взялись за большие деньги исправить это посольство, и один из них, для придания большей важности посольству, присвоил себе епископское звание. Им удалось совершить путешествие через империю, запастись переводчиками, и осенью 539 года Хосров принял их в Ктесифонте.

В ту пору, как имперские войска были заняты осадой крепостей на юге от Апеннин, царь Теодеберт перешел через Альпы с большими силами франков, вступил в Лигурию, взял Геную и вышел на линию реки По.[277] Готы встретили франков как союзников; но, дойдя до Тицина, франки напали на готов Урайи, стоявших в лагере неподалеку от города, разогнали их и овладели их лагерем. Такая же судьба постигла римский лагерь близ Дертоны, где стояли войска Иоанна. Разграбив оба лагеря, франки воспользовались запасами провианта. Узнав о прибытии франков, Велизарий обратился с письмом к царю Теодеберту, напоминал ему о союзе, который он заключил с императором, и упрекал за нарушение договора. Франки недолго оставались за Альпами. Запасы хлеба, захваченного в обоих лагерях, скоро истощились, мясная пища вызвала эпидемические заболевания, началось недовольство на царя, и Теодеберт принужден был отступить на север.

Когда в Константинополе стало известно о посольстве Витигеса к Хосрову, который уже давно искал предлога нарушить мир, Юстиниан немедленно отпустил в Италию посольство Витигеса, которое было задержано более года в столице, и обещал прислать уполномоченных для заключения мира. Велизарий все лето 539 года был занят осадой Фезул и Ауксима, не считая возможным перейти на линию По, оставив в тылу эти важные стратегические пункты в руках готов. Когда после долгой осады эти крепости сдались и их гарнизоны принесли присягу на верность императору, он перевел все свои силы за Апеннины и вызвал из Далмации Виталия, приказав ему занять позиции в Венеции, чтобы совместными усилиями отрезать сухопутные сообщения Равенны с Лигурией. Флот блокировал Равенну с моря и не допускал никакого подвоза. Случайное обмеление По задержало в пути суда с хлебом, которые направлялись в Равенну, и все эти запасы достались имперским войскам.

По слухам о трудном положении, в котором оказалась Равенна, франки отправили к Витигесу посольство, а Велизарий, узнав об этом, послал к нему посольство от себя. Витигес принял сначала посольство франков, а потом Велизария. Франки предлагали готам союз против императора на условии совместного владения Италией. Послы Велизария предостерегали готов от союза с франками, напоминая им о событиях близ Тицина. Долго обсуждали старейшины готов свое положение и склонились к решению отказаться от союза с франками и искать соглашения с императором. Посольство франков было отпущено с отказом, и начались сношения с Велизарием. Чтобы стеснить готов, Велизарий через одного подкупленного человека устроил поджог хлебных запасов в Равенне.[278] Урайя, собрав четыре тысячи готов, хотел идти на помощь Витигесу; но Велизарию удалось расстроить его планы. Через верных людей он снесся с Сизигисом, начальником готов, сидевших в местностях Коттийских Альп, и тот изменил национальному делу и принял подданство императора. Вместо Равенны Урайя направился в Альпы, чтобы покарать изменников. Иоанн и Мартин поспешили туда же, взяли несколько укреплений и стали захватывать в плен семейства готов. В войске Урайи было много готов из тех мест. Они оставили строй и поспешили на защиту своих семейств и имущества. Оставшись с малым числом войска, Урайя должен был вернуться в Лигурию.

В это время прибыли к Велизарию уполномоченные для заключения мира римские сенаторы Домник и Максимин. Император предоставлял готам области к северу от реки По и требовал выдачи половины царских сокровищ. Готы принимали эти условия; но Велизарий хотел и надеялся окончить войну с таким же блеском, как

---

[277] По сообщению Прокопия, франки знали только пеший строй. Их вооружение составляли меч и секира на коротком древке, которая служила метательным орудием и легко пробивала щиты противников. Краткое сообщение в хронике Марцеллина под 539 годом (Chr. min. II 106) существенно пополняет подробный, но не вполне ясный рассказ Прокопия о действиях Теодеберта в Италии.

[278] Сообщение об этом Прокопий дополняет слухами, будто это дело было устроено с ведома Метасвинты, которая еще в 538 году вступила в сношения с Иоанном, когда он захватил Аримин.

и вандальскую, и заявил послам императора, что он не согласен на эти условия и не подпишет мирного договора. Готы стали опасаться обмана и заявили, что согласны на мир только при условии, если договор подпишет Велизарий. Дело затянулось. Между тем в Равенне начался голод. Раздражение, вызванное этим бедствием, обратилось на Витигеса, которого готы считали виновником всех своих неудач. Обаяние, которое произвел на готов Велизарий, подсказало новый выход: предложить Велизарию царство, и Витигес выразил готовность передать ему свой царский венец. Начались переговоры. Велизарий соглашался, но требовал, чтобы его допустили в Равенну, где он будет иметь возможность обсудить дело со старейшинами готов. Так как поведение Велизария вызывало разные неблагоприятные для него толки и у него были зложелатели среди вождей, то он постарался под разными предлогами удалить из армии Бессу, Иоанна, Нарзеса и Аратия с их дружинами. Готским послам он дал клятву в том, что не причинит вреда ни одному готу, и Витигес согласился пустить его в Равенну.

Вступив в город, Велизарий немедленно ввел в его гавань флот с хлебом, разрешил всем готам, имевшим земельные владения на левом берегу По, разойтись по домам и тем уменьшил число готов в городе. Готские командиры из разных мест являлись к Велизарию, считая решенным делом, что он примет царство и власть над готами. Но он стал спешно готовиться к отъезду. Готы сначала не верили, что он их оставит. Когда же это стало вне сомнения, готская знать собралась в Тицине и предложила царский венец Урайе. Тот отказался и указал на Ильдибада. Ильдибад принял власть, но счел нужным напомнить Велизарию об его обещании и отправил к нему посольство. На приеме послы упрекали Велизария, что он предпочитает остаться слугой императора, чем быть царем готов. Окончив свои приготовления, Велизарий уехал и увез с собою Витигеса и Метасвинту, все царские сокровища, детей Ильдибада, которых он задержал в Равенне, и много знатных готов (540 г.).

Приезд полководца, подчинившего Юстиниану другое царство, не сопровождался никакими торжествами в честь победителя.[279] Привезенные им сокровища не были выставлены напоказ народу, их осматривали только чины двора и члены синклита в залах дворца. Витигес получил сан патриция и остался жить в столице. Считая законченным дело завоевания Италии, Юстиниан еще до вступления Велизария в Равенну назначил префектом претория Афанасия, исправлявшего посольство к Витигесу, а начальником финансового управления, логофетом, как стали тогда обозначать этот новый отделенный от префекта претория пост, Александра. Рачительный об интересах фиска, Александр быстро привел в ясность податные списки, стал неукоснительно взыскивать с населения не только подати в полном размере, не принимая в соображение бедствий пережитой войны, но даже и недоимки за время господства готов.[280] Это жесткое отношение к населению Италии вызвало сразу охлаждение того настроения, с которым были встречены освободители от готского ига в начале войны. Несмотря на все строгости взыскания повинностей, денег не хватало для уплаты жалованья солдатам войск, стоявших в Италии, и система реквизиций еще более ухудшала дело. В северных областях Италии оставалось около 12 тысяч войска, но эта армия состояла под начальством 11 командиров, из которых ни один не имел прав главнокомандующего и не пользовался достаточным авторитетом в глазах своих товарищей. Никаких указаний из Константинополя не приходило в Италию. Император был занят другими тяжкими заботами, которые создал царь Хосров своим вторжением в Сирию.

Царь Ильдибад стал собирать силы готов и приводить в зависимость от себя гарнизоны отдельных городов. Виталий, опасаясь быстрого роста его военной силы, выступил против него. Битва произошла близ Тарвизия и окончилась поражением имперских войск. Особенно тяжко пострадали эрулы со своим царем Визандом, который пал в битве. Виталий бежал, и Тарвизий остался в руках Ильдибада. Смелый и решительный Ильдибад поднял настроение готов. Хотя по внушению своей жены, которую оскорбила жена Урайи, он позволил себе убить Урайю, но никто не решился отомстить за этого заслуженного воина, и силы Ильдибада росли. Кроме готов, с ним связали свою судьбу многочисленные дезертиры имперской армии. Вскоре, однако, Ильдибад был убит из личной мести одним из своих оруженосцев, гепидом по национальности. Руги, политически слившиеся с готами в один народ, провозгласили царем после смерти Ильдибада Эрариха. Готы подчинились, хотя Эрарих не внушал им таких надежд, как Ильдибад. Так как положение готов относительно империи было в полной неясности, то Эрарих на собрании войска провел решение отправить к императору посольство и просить его утвердить за готами те права, какие он соглашался предоставить Витигесу. Правление Эрариха продолжалось только пять месяцев. Он был убит, чтобы дать место молодому племяннику Ильдибада Тотиле, который состоял командиром гарнизона в Тавризии. После смерти Ильдибада Тотила вступил в переговоры с вождем Констанцианом, командовавшим в Равенне, и хотел перейти на службу императору. Был уже условлен срок сдачи Тарвизия. Но в это время готы предложили ему царский венец. Он согласился на условии, что Эрарих будет устранен до истечения срока, о котором он сговорился с Констанцианом. Эрарих был убит, и Тотила провозглашен царем (541 г.).

ДЕЛА НА ВОСТОКЕ И ВОЙНА С ХОСРОВОМ

Споры арабов. Дела в Армении. Вторжение Хосрова и взятие Антиохии. Велизарий на Востоке. Потеря Лазики. Второе нашествие Хосрова. Неудачи римлян в персидской Армении. Восстановление мира

Вечный мир, заключенный Юстинианом с царем Хосровом, не имел своим последствием установление дружественных отношений между издавна враждебными державами. Хосров с завистью следил за успехами Юстиниана на западе, и когда ему стало известно о блестящем окончании войны с вандалами, он отправил в Константинополь посольство и, поздравляя императора с победой, потребовал от него части добычи, которая досталась ему благодаря миру на восточной границе империи. Юстиниан исполнил желание царя и послал ему

---

[279] Юстиниан имел все основания иметь претензии к Велизарию за самовольную затяжку войны, так как он сам дал согласие на более легкие условия, считая себя вынужденным удовлетвориться ими, чтобы организовать оборону против Хосрова, угрожавшего войной. Кроме того, в 539 году было нашествие гуннов и славян.

[280] *Procop.* b. g. 3, 1, 28—33.

денежные дары.[281] Изыскивая предлог к нарушению мира, Хосров вмешался в раздоры арабов, разделенных между обеими державами. Аламундар враждовал с Арефой и начал делать вторжения в римские пределы.[282] Предметом спора была пастбищная местность к югу от Пальмиры, носившая латинское имя Страта. Уполномоченными со стороны императора для рассмотрения этого дела были назначены комит царских щедрот Стратегий и дукс Палестины Сумм. Ввиду малого значения Страты, Стратигий соглашался уступить ее Аламундару, но Сумм был другого мнения, и дело затянулось. Хосров принял сторону Аламундара и стал обвинять Юстиниана в нарушении условий мирного договора. В его руках были письма императора к Аламундару, относившиеся, вероятно, к сношениям с ним в 531 году, а также и письмо к гуннам-сабирам, о вторжении их в персидские пределы.[283] Чем и как кончился спор о Страте, об этом не сказал нам Прокопий, отметивший это событие как первый повод к обострению вражды между державами. Другой повод дали дела в Армении.

В той части армянской территории, которая носила название Великой Армении, не было еще в ту пору римского провинциального управления и шли раздоры между представителями туземной знати. Симеон, обласканный милостями императора за сдачу крепости Фарангия Ситте во время войны с персами, вызвал против себя неудовольствие своих соплеменников и был убит сыновьями Пероза, которые бежали затем к персидскому двору и встретили там ласковый прием. Пост убитого Симеона Юстиниан предоставил его племяннику Амазаспу. Против него начал интриговать другой знатный армянин по имени Акакий. Он сделал донос в Константинополь, будто Амазасп находится в сношениях с персами и замышляет сдать им город Феодосиополь (Эрзерум). Император отнесся с доверием к сообщениям Акакия, и с его разрешения Амазасп был убит, и его место в управлении страной занял Акакий.[284] В связи с переменой правителя Юстиниан провел административную реформу в армянских областях. Страна была разделена на четыре провинции. Две прежние армянские провинции с центрами управления в Севастии и Мелитене получили имена Второй и Третьей Армении, причем в пределы Второй были включены некоторые городские округа из соседних провинций. Первую, или Внутреннюю, Армению составляла область, именовавшаяся прежде Великой Арменией, с присоединением к ней приморской полосы с городом Трапезунтом. Опорный пункт римской власти в этой стране, Феодосиополь, получил новые стены, охватившие гораздо более широкое пространство и превратившие старую крепость, воздвигнутую при Феодосии, в акрополь. В разных местах возникли новые укрепления.[285] Новая провинция была предоставлена в управление Акакию со званием проконсула и рангом vir spectabilis. Армянские области за Евфратом и по левым притокам верхнего течения Тигра, находившиеся прежде в управлении туземных сатрапов, составили Четвертую Армению с административным центром в Мартирополе, и правителем этой провинции с титулом презида был назначен армянин Фома, имевший случай доказать свою верность императору. Четыре армянских провинции были соединены попарно с ранговым отношением правителей. Проконсул Первой Армении являлся апелляционной инстанцией для Второй — по всем искам, превышавшим сумму в 500 солидов. Такое же положение имел правитель Третьей Армении для соседней с нею с востока Четвертой. Правитель Третьей Армении, резиденцией которого был город Мелитена на Евфрате, носил новый титул — comes Justinianus и соединял в своих руках высшие функции военной и гражданской власти.[286] Так было реформировано управление армянской территории с целью сблизить эту страну с империей и усилить воздействие римских законов на местное население.[287]

Акакий старался увеличить доходы казны от области, состоявшей в его управлении, и довел их до 400 фунтов золота в год. Против него составился заговор, он был убит, виновные в этом преступлении бежали в крепость Фарангий, и страна была в восстании. Зять императора Ситта проживал со времени заключения мира в столице и занимал пост придворного магистра армии.[288] Юстиниан послал его устроить дела в Армении, и Ситта начал с облегчения податного бремени. Но император воспротивился этому по происках Адолия, сына Акакия, и Ситте пришлось водворять порядок военной силой. При первой встрече с восставшими он был убит Артабаном, сыном Иоанна Арсакида. Подавление восстания в Армении Юстиниан поручил Бузе, который имел знакомства и связи с местной знатью со времени участия в войне с персами. Свидание между Бузой и предводителем восставших армян окончилось убийством Иоанна Арсакида.

В то время как в римской Армении шли эти замешательства, к Хосрову явилось посольство царя Витигеса с просьбой об участии к бедствиям готов. Хосров обсудил в совете персидской знати просьбы готов и армянских беглецов и решил начать военные действия против империи. Вести о враждебных замыслах царя дошли до Константинополя и вызвали большую тревогу. Юстиниан принял меры к скорейшему окончанию войны с готами и отправил к Хосрову посольство в надежде склонить его к сохранению мира. Но посол императора Анастасий не имел успеха в своих стараниях и был задержан при персидском дворе, так как царь хотел сделать

---

[281] *Procop.* b. p. 1, 27.

[282] В дополнении к хронике Марцеллина (*Chr. min.* II 105) под 536 годом записано о вторжении 15 тысяч арабов под предводительством филархов Хабо и Иезида в провинцию Евфратизию, откуда их вытеснил дукс Бесса. Поводом к вторжению послужила страшная засуха, постигшая в тот год владения Аламундара.

[283] *Procop.* b. p. 2, 1.

[284] *Procop.* b. p. 2, 3.

[285] Id. aed. 3, 5, p. 253.

[286] Novella XXXI (от 536 года).

[287] В отношении церковного управления реорганизация армянских провинций не изменила прежнего положения. Вторая и Третья Армении с центрами в Севастии и Мелитене по-прежнему названы Первой и Второй в Синекдеме Гиерокла, p. 702, 9 и 703, 6. Великая Армения и области за Евфратом и по верхнему течению Тигра, составившие Четвертую Армению, не помянуты у Гиерокла. Очевидно, они находились в церковной юрисдикции армянского католикоса, имевшего свою резиденцию на персидской территории в городе Двине. Сохранила свое самостоятельное положение епархия Понта Полемона, p. 702, 3,

[288] В перечислении высших сановников двора в приписке к Новелле XXIII от 535 года Ситта назван магистром армии in praesenti; а в дополнении к хронике Марцеллина под 536 годом (*Chr. min.* II 105) занесена запись об удачной битве Ситты с болгарами на реке Ятре (Янтра).

его свидетелем начала войны.

Ранней весной 540 года Хосров во главе большой армии перешел Евфрат неподалеку от крепости Киркезия. Первый город империи, подвергшийся разгрому, был Сура. Предав его огню и разрушив стены, Хосров отпустил к императору его посла. Епископу соседнего города Сергиополя, Кандиду, Хосров предложил выкупить 12 тысяч пленных за 200 фунтов золота. Но таких денег не было в Сергиополе, и Хосров удовлетворился письменным обязательством епископа представить эту сумму через год, а в случае запоздания уплатить вдвое. Так как Велизарий, занимавший пост магистра армии Востока, затянул войну с готами вопреки настоянию императора, то командовавший в Армении Буза получил приказание принять главное начальство над военными силами по всей восточной границе. Во время разгрома Суры он находился неподалеку оттуда в Иераполе (Бельбек).[289] Наличные военные силы, расположенные в гарнизонах пограничных крепостей, были слишком слабы для борьбы с персидской армией. На совещании с представителями города Буза заявил, что будет вести мелкую войну засадами и неожиданными нападениями на персов, и покинул город, уведя с собой лучших воинов из гарнизона.

В ожидании нашествия в Сирию Юстиниан вызвал своего племянника Германа из Африки и отправил в Антиохию. Стены города оказались в весьма жалком положении, и так как ремонт мог потребовать большого времени, то архитекторы отказались приступить к работам ввиду нашествия Хосрова.[290] На совещании с Германом представители города решили откупиться от Хосрова и послали к нему для переговоров епископа Берои (Алеппо) Мегаса, находившегося в ту пору в Антиохии, а Герман уехал в Киликию. Подступив к Иераполю, Хосров потребовал выкупа и, ввиду сильных укреплений города и готовности гарнизона защищать город, удовлетворился двумя тысячами фунтов серебра. Под стенами этого города он дал ответ епископу Мегасу на ходатайство антиохийцев и заявил готовность прекратить поход за тысячу фунтов золота. Мегас поспешил в Антиохию, но застал там другое настроение. Прибывшие в Антиохию уполномоченные для переговоров с Хосровом не давали своего согласия на выкуп. В город вступили войска с Ливана, паника и бегство населения прекратились, и остававшиеся в городе антиохийцы приободрились и выражали готовность постоять за свою родину. Хосров, продолжая свой путь, взял и предал разрушению Берою. Гарнизон этого города, давно не получавший жалованья, перешел на службу к царю и с ним вместе ушел впоследствии в Персию. Епископ Мегас вымолил жизнь и свободу своей пастве, и несчастные люди, потерявшие все свое имущество, разбрелись по другим городам.

Через несколько дней Хосров подступил к Антиохии и потребовал выкупа. Со стен неслись бранные клики и поношения Хосрову, и он приступил к осаде. Самым слабым пунктом укреплений Антиохии было то место, где над городом поднималась гора. Персы заняли высоты и обстреливали защитников, стоявших на стенах. В обороне приняли живое участие горожане, особенно молодежь, привычная к схваткам, какими сопровождалась борьба партий ипподрома. Чтобы дать возможность большему числу защитников вести оборону, на слабом пункте к стене была приделана деревянная пристройка с широким помостом на столбах. Под тяжестью множества людей, явившихся на защиту родного города, помост рухнул. Произошло замешательство, а тот грохот, которым сопровождалось падение лесов, поддерживавших площадку, был понят на соседних башнях как обвал стены. Оборона приостановилась, защитники сошли со стен. Солдаты, считая свое дело проигранным, бросились к своим лошадям и устремились из города, распуская слух, будто поблизости находится главнокомандующий Буза с войсками. Они мчались, топча людей, по узким улицам и поблизости от ворот передавили много народа. Вместе с солдатами бежали также некоторые антиохийцы. Когда оборона прекратилась, персы влезли на стены и спустились в город. Антиохийская молодежь построилась в ряды и с обычным военным кликом: «Юстиниан август, твоя победа» потеснила персов. Но персы скоро оправились, отразили нападение и запели свою победную песнь во славу Хосрова. Долго длилось избиение жителей взятого города. Взойдя на одну из башен, Хосров потребовал к себе уполномоченных императора, высказал им сожаление о бедствиях, постигших город, и винил во всем Юстиниана. Уцелевших от убийства антиохийцев он приказал собрать и вывести из города. Пройдя затем в главный храм города, Хосров взял из него, как военную добычу, огромное количество церковной утвари из драгоценных металлов, а также и великолепные скульптурные украшения храма. Город был предан пламени. По просьбе послов Хосров пощадил храм, давший ему такую большую добычу. В переговорах с уполномоченными он потребовал единовременной уплаты пяти тысяч фунтов золота и затем ежегодной уплаты по 500 фунтов. Уполномоченные приняли эти условия и выдали заложников. Для выработки мирного трактата царь требовал присылки специального посольства в Персию.

Из Антиохии Хосров проехал в гавань города Селевкию, выкупался в море и принес жертву богу Солнца. Вернувшись в Антиохию, он осмотрел предместье Дафну и приказал разрушить храм архангела Михаила, близ которого был убит один знатный перс. По ошибке было подожжено другое здание, и храм уцелел. Затем он выразил уполномоченным желание посетить город Апамею на Оронте и получил от них согласие. Епископ выехал навстречу и пригласил царя посетить город. Со свитой в 200 всадников Хосров въехал в город, осмотрел храм и взял из него все драгоценности. По его желанию были даны конские ристания и, зная, что Юстиниан поддерживает партию венетов, Хосров устроил победу красинов.[291] На дальнейшем пути Хосров сделал остановку под стенами Эдессы и взял с этого города 200 фунтов золота. В это время прибыл к нему гонец с письмом от императора. Юстиниан соглашался на требования царя, заявленные им в Антиохии. Хосров отпустил заложников и тем не менее взял выкуп с города Константины и сделал остановку под стенами Дары. За время после заключения мира Юстиниан значительно усилил укрепления этой пограничной твердыни. Стены

---

[289] 120 стадий — около 25 верст.

[290] *Malala,* 480. — Герман прибыл вместе с сыном Юстином. По свидетельству Малалы, Герман воспользовался своим пребыванием в Антиохии для денежных спекуляций. Он покупал серебро и платил за фунт по 2 и по 3 номисмы. Нормальная цена была 5 номисм за фунт серебра. — См. письмо *Прозоровского* в переводе Прокопия *Дестуниса, Зап. Ист.-фил. фак. Пет. Унив.* VI (1880), 249—253.

[291] *Procop.* b. p. 2, 11.

были двойные и внутренние имели 30 футов высоты. По условиям грунта подкоп был возможен только с южной стороны, и здесь был вырыт глубокий ров, наполнявшийся водой из реки.[292] Персы попробовали сделать подкоп; но искусный инженер Феодор, находившийся в Даре, выследил направление работ и на пространстве между двух стен крепости провел мину, в которую попали работавшие в подкопе. После этой неудачной попытки Хосров покинул пределы империи, взяв с Дары тысячу фунтов серебра.[293] Враждебные действия Хосрова против Дары, после того как он получил письмо императора и отпустил заложников, были приняты в Константинополе как нарушение состоявшегося соглашения, и Юстиниан не отправил к нему послов для выработки условий мирного договора, считая себя свободным от всяких обязательств.

Антиохийские пленники, приведенные царем в Персию, были взысканы особыми милостями. Хосров построил для них город неподалеку от столицы и предоставил им право жить по греческим нравам и обычаям. В городе был сооружен ипподром и другие общественные здания, какие были в греческих городах, и в знак особой милости царь подчинил эту новую Антиохию непосредственно своей власти.

Велизарий прибыл в Константинополь уже после гибели Антиохии и, проведя зиму в столице, отправился ранней весной на Восток, чтобы вступить в исполнение обязанностей магистра армии Востока. Вместе с ним отправились на Восток все пленные готы, прибывшие в Константинополь. Сборный пункт для войск был назначен в Даре. Лазутчики, которых он послал в Персию, принесли известие, что Хосров выступил с войсками на север по слуху о нашествии гуннов. Обсудив дело на военном совете, Велизарий решил предпринять вторжение в персидские пределы. На первой остановке, на полпути от Нисибина, передовой отряд Велизария подвергся нападению из этой крепости и потерял знамя своего вождя. Готы отогнали персов и преследовали их до самых стен крепости. Не покушаясь на этот сильно укрепленный город, Велизарий продолжал свой путь и сделал попытку захватить Сисавр, отстоявший в двух днях пути от Дары. Персидский гарнизон в 800 человек под начальством храброго вождя Блесхана отбил нападение, и Велизарий решил взять этот город осадой. Чтобы не задерживать всей армии под стенами Сисавра, он отправил Арефу на грабеж персидских областей за Тигром, прибавив к арабам 1200 человек имперской армии под начальством двух вождей, своих соратников по военным действиям в Италии.

Награбив большую добычу, Арефа распустил ложный слух о приближении персидской армии и, не желая делиться добычей, отступил в другом направлении. Имперский отряд он вывел на реку Аборру к крепости Феодосиополю, а сам ушел в свои пустыни. Велизарий не получал никаких известий от Арефы и боялся за судьбу отряда. Между тем страшная жара вызвала повальную лихорадку в его лагере. В осажденном Сисавре начался голод, и персидский гарнизон сдался. Велизарий разрушил и сравнял с землей укрепления Сисавра и, не продолжая дальше похода, отступил в Дару с целым транспортом больных.[294] Сдавшиеся персы с вождем своим Блесханом были отосланы в Константинополь, а затем в Италию, где Блесхан скоро имел случай отличиться на службе императору.[295] На зиму Велизарий уехал в Константинополь.

Гораздо успешнее были в тот год действия Хосрова. По договору вечного мира Лазика осталась за империей, и персы вывели свои гарнизоны из крепостей Сканды и Сарапания. Уже первый представитель римской власти в стране сумел восстановить лазов против империи своими поборами и жестоким обращением с ними. То был некто Петр, родом из персидской провинции Арзанены, попавший в детстве в рабы к Юстину во время войны с персами при Анастасии. Юстин полюбил смышленого мальчика, дал ему образование и сделал своим секретарем, а позднее назначил в Лазику. Его сменил Иоанн Тциба. По его мысли была сооружена в южной части Лазики, поблизости от моря, крепость Петра, чтобы служить опорным пунктом римской власти в стране.[296] Хороший воин, но человек корыстный, Иоанн установил монополию на хлеб, соль и другие продукты, которыми вели торговлю с лазами купцы в обмен на рабов, кожи и другие сырые продукты. Взяв дело продажи в свои руки, он по своему произволу устанавливал цены, наживался сам и своим образом действий восстанавливал лазов против римской власти.[297] Долго терпели лазы его вымогательства и, наконец, решили освободиться от власти императора и просить защиты у Хосрова. Царь дал им ответ, что не уступит их императору против их воли (540 г.). Не оглашая своего решения и поделившись планом действий лишь с ближайшими сановниками своего двора, Хосров снарядил армию и выступил на север, распустив слух о вторжении гуннов. Когда он достиг Лазики, к нему явился царь Губаз и приветствовал его как своего повелителя.[298] Персидские войска двинулись к Петре и обложили город. Сначала гарнизон храбро отбивался, но когда Иоанн умер от раны, персам удалось сделать подкоп под одну башню. Заложив деревом места, откуда был выбран камень, персы подожгли дерево и вызвали тем обвал башни. Гарнизон и жители сдались на условии личной безопасности и сохранения имущества. Чтобы использовать этот успех, Хосров послал отряд своего войска взять два других опорных пункта империи на восточном побережье Черного моря, Севастополь и Питиунт, в которых стояли римские гарнизоны. Командиры обоих фортов, не чувствуя себя в силах оказать сопротивление, подожгли дома, разрушили стены и бежали

---

[292] Procop. aed. 2, 1—3. Советы давали строители св. Софии, а работы производил александрийский механик Хрис.
[293] Граница находилась от Дары в расстоянии 28 стадий, т. е. около 5 верст.
[294] Так рассказывает Прокопий об этом походе Велизария в своей истории Персидской войны. Иначе он объясняет бездействие Велизария и жалкий результат его похода 541 года в Тайной истории (h. a. 2, 18—24). Личные мотивы весьма невысокого свойства заставили Велизария ограничиться таким ничтожным успехом, как взятие Сисавра, когда он имел полную возможность опустошить внутренние области Персии и дойти до Ктесифонта. Это вызвало большие нарекания на него в осведомленных кругах столичной знати.
[295] Во время попытки захватить Верону. — *Procop.* b. g. 3, 2.
[296] Описание укреплений Петры см. *Procop.* b. p. 2, 17. — *Brosset*, Add. et Ed., p. 103—104 — локализует Петру близ нынешних Кабулети.
[297] *Procop.* b. p. 2, 15.
[298] Чей сын был Губаз, этого не сказал Прокопий. Но он помянул, что его дядя Опсит был царем лазов и был женат на знатной константинопольской даме по имени Феодора, которая впоследствии попала в плен к персам, b. g. 4, 9, 7.

Так как брат царя Губаза носил имя Тцафия, то, вероятно, оба они были детьми того Тцафия, который принял свой венец от Юстина, см. выше, стр. 34—35.

морем в Трапезунт.[299] Оставив в Петре гарнизон отборных солдат и искусных мастеров для усиления ее оборонительных средств, Хосров покинул Лазику.[300]

На следующую весну Хосров опять собрался в поход на империю. Епископ Сергиополя не исполнил своего обязательства и не уплатил денег за пленных жителей Суры. Хосров не удовольствовался выдачей всех церковных сосудов, удержал при себе епископа и намеревался сначала взять город силой, но оставил это намерение и направился дальше.[301] Имперские войска, распределенные в гарнизонах по разным укреплениям, не помышляли о возможности сопротивления персидской армии и отсиживались за стенами. Буза, Юст, сын Германа, и некоторые другие вожди собрались в Иераполе. Юстиниан, получив известие о вторжении Хосрова, отправил на Восток Велизария. Спешно отправившись на лошадях государственной почты, Велизарий прибыл в город Европ, близ Евфрата, и приказал явиться туда всем командирам с их наличными силами. Хосров остановил свою армию и отправил к Велизарию Вардана с запросом, почему император не шлет к нему послов для выработки условий мирного договора. Хотя Велизарий не привел с собою никаких войск, но он сумел принять посла среди такой внушительной и грозной военной обстановки, что тот посоветовал Хосрову не вступать в сражение на римской территории. Хосров направился назад к Евфрату и, переправив свою армию по наводному мосту на левый берег реки, известил Велизария о своем отступлении, прося его содействия в том, чтобы император прислал уполномоченных для заключения мира. Велизарий принимал для вида угрожающее положение, сам перешел через Евфрат и просил царя не позволять своим войскам грабить римские области.[302] Хосров потребовал выдачи заложников в обеспечение прибытия послов, и Велизарий, дойдя до Эдессы, отправил к нему Иоанна, сына Василия, того представителя эдесской знати, который был выдан заложником царю Каваду в 506 году.[303] Раньше чем был выдан заложник, Хосров подошел со своими войсками к крепости Каллинику. Как раз в это время там шел ремонт стены и часть ее была разобрана. Гарнизон и жители укрылись в соседних укреплениях, а в Каллиник сбежалось окрестное сельское население. Хосров сравнял с землей укрепления Каллиника, взял в плен и увел в Персию всех сбежавшихся туда людей.[304]

В этот год Константинополь постигло страшное несчастье: занесенная с юга чума со страшной силой свирепствовала в городе в течение нескольких месяцев. Промышленная и торговая жизнь остановилась, люди умирали десятками тысяч в день, и оставшиеся в живых едва поспевали освобождаться от мертвых. Чума не щадила никого, заболел и сам император и был долго в опасном положении. В столице пошли речи о его преемнике. Императрица была лицом наиболее заинтересованным в предстоящей катастрофе и приняла свои меры. Весть о смертельной опасности императора дошла до армии, и некоторые вожди заявили, что в выборе преемника Юстиниану армия скажет свое слово и не даст решить этого дела населению столицы. Но болезнь императора приняла благоприятное течение, и он стал поправляться. Пошли взаимные доносы между людьми высокого положения, скомпрометировавшими себя за время болезни императора. Феодора вызвала в столицу вождей из армии. Петр и Иоанн Фага обвиняли Велизария и Бузу. Феодора заточила Бузу в тюрьму в своем дворце, где он пробыл два года и четыре месяца. Велизарий, который, по словам Прокопия, был ни в чем не повинен, потерял, по настоянию императрицы, свой пост магистра армии Востока. Этот пост был предоставлен Мартину, а личная дружина Велизария была отнята от него и разделена между придворными сановниками. Красовавшийся прежде в столице в блистательном окружении храбрецов, составлявших его личную дружину, из всех племен, служивших под знаменами императора, Велизарий попал в положение опального. Из его огромного состояния три тысячи фунтов золота были конфискованы, остальное предоставлено его жене Антонине, с которой он в ту пору был в раздоре. Через некоторое время Велизарий был прощен и получил пост начальника императорских конюшен. В военных делах на Востоке он больше не принимал участия.[305]

В 543 году чума приблизилась к персидским пределам, и Хосров переехал в Адарбиган (Адзербейджан) и проживал в городе Гензаке, где было центральное святилище огня, главная святыня персидской религии. Он ожидал прибытия послов от императора для выработки условий мирного договора. Исправление посольства было поручено Константциану и Сергию, адвокатам по профессии. Но Константциан захворал в пути, и послы не явились. Так как чума начала угрожать Адарбигану, то Хосров переехал в Ассирию. Начальник персидских войск в Армении, Набед, отправил к Валериану, магистру армии в Армении, епископа Ендубия с запросом о причинах задержки посольства. От сопровождавших Ендубия лиц Валериан получил сведения о тех затруднениях, которые переживал Хосров в то время: в Персии свирепствовала чума, и один из сыновей Хосрова восстал против отца. В константинопольском дворе явилась мысль воспользоваться этими затруднениями для набега в персидскую Армению.

Получив приказание из Константинополя, Валериан быстро снарядил набег. Из войск восточной армии в Армению перешли вожди Мартин и Ильдигер со значительными силами. Целью похода был главный город

---

[299] *Procop.* b. g. 4, 4. Впоследствии Юстиниан отстроил Севастополь. *Procop.* aed. 3, 7.

[300] Прокопий рассказывает о неудовольствии в армии персов и страхе, который вызвали преувеличенные слухи об успехах Велизария и Арефы, а также об отражении Валерианом нашествия гуннов, которых Хосров направил в римскую Армению. — h. a. 2, 26—31.

[301] По сообщению Прокопия — b. p. 2, 20 — большую услугу городу оказал один араб из войска Аламундара, известивший горожан, что Хосров не намерен довести до конца свою угрозу взять город. Этот эпизод указывает на успех сношений Юстиниана с Аламундаром.

[302] Успех Велизария, который сумел внушить такой страх Хосрову, хотя и не располагал силами для борьбы с ним, создал ему новый ореол славы, и Феофан из какого-то другого источника, а не Прокопия, подробно расписал этот эпизод. *Theoph.* 220—222.

[303] См. 1 том. — Иоанн долго пробыл в Персии, так как вопрос о мире затянулся. Хосров требовал за него выкупа, и бабушка Иоанна доставила в Дару две тысячи фунтов серебра, как выкуп за внука. Но Иоанн умер, не дождавшись освобождения. В письме к дуксу Дары он назначил своим наследником императора. *Procop.* h. a. 12, 6—11.

[304] Поведение Велизария и его безучастность к судьбе плененных в Каллинике подвергались осуждению, как видно из упоминания о том в Тайной истории, гл. 3, 32.

[305] *Procop.* h. a. 4

персидской Армении Двин, центр торгового обмена, куда сходились караваны со всего персидского царства и Дальнего Востока. План военных действий не был заранее обдуман. Рассчитывая на большую добычу в Двине, вожди не задерживались по пути, а ложные слухи о бегстве Набеда увеличили их смелость. Между тем Набед стянул свои силы в город Англон, в 120 стадиях (ок. 25 верст) к западу от Двина в предгорьях Арарата, и там поджидал врага. Неожиданным нападением на противника Набед вызвал панику и причинил страшный разгром имперской армии. Римляне загоняли коней, бросали оружие, попадали в горные трущобы и пропасти, и смелый набег окончился тяжким и позорным поражением. Во время бегства погиб Адолий, сын Акакия. Потери имперской армии были весьма значительны, и более других пострадали эрулы, выдержавшие первый натиск персов.[306]

Так прошел еще один год войны на восточной границе. Юстиниан не отправлял посольства для переговоров о мире. Весною следующего года (544) Хосров подступил с большими силами к Эдессе. По всему Востоку было широко распространено сказание, что сам Иисус Христос обещал царю Авгару быть хранителем этого города. Прокопий приписывает Хосрову угрозу разрушить Эдессу и превратить ее место в пастбище для овец. Мартин, заменивший Велизария в командовании восточной армией, стоял в Эдессе с войсками, но его силы не были достаточны для открытой войны в поле, и он отсиживался за стенами. В первый же день, когда персы подошли к городу, была стычка с гуннами, которые пытались отбить стада овец, находившиеся под охраной городских укреплений. Затем в течение нескольких дней велись переговоры с представителями города о выкупе. Но так как уполномоченный царя требовал выдачи всех денежных средств, какие имел город, а город предлагал такую же сумму, какая была уплачена три года назад, то переговоры оказались бесплодными. На восьмой день персы начали насыпать большой холм, укрепив его на деревянных срубах. Сначала римляне делали вылазки и мешали рабочим; но вскоре персы так усилили охрану, что вылазки стали невозможны. Холм рос, жители Эдессы надстраивали стену против холма, но холм становился все выше и грознее. Против огненосных снарядов персы тоже имели свои приспособления, отражавшие опасность для их осадных сооружений.

Римские инженеры нашли способ противодействовать персам. Подкопав мину из города под самую середину холма, они подожгли снизу деревянные части сооружения. Огонь долго не выходил наружу, но скоро стал исходить из-под земли страшный дым, который поднимался такими клубами, что был виден в далеком городе Каррах. Грандиозное сооружение было испорчено изнутри. Попытка взять приступом город была отбита. Хотя в это время прибыл в лагерь Хосрова посланный от императора Рекинарий, но царь, отпустив его в Эдессу, повторил попытку взять город приступом. Когда войска и жители города отбились и на этот раз, возобновлены были переговоры, и Хосров, получив 500 фунтов золота, выдал городу хартию с ручательством не причинять на будущее время никаких обид городу, и направился в свое царство.

Только уже в 545 году прибыли от императора в персидскую столицу послы Константциан и Сергий. Хосров согласился заключить перемирие сроком на пять лет и отложил выработку условий прочного мира до обмена посольствами, которые помогут выяснить взаимные отношения держав. Он был в ту пору болен и просил прислать ему знаменитого врача по имени Трибун, услугами которого он пользовался уже раньше. Юстиниан немедленно отправил врача и послал две тысячи фунтов золота (545 г.). Трибун пробыл у Хосрова целый год. Щедро одарив его на прощание, Хосров предложил ему просить, что захочет, и тот попросил освободить некоторых пленных. Хосров отпустил с ним без выкупа три тысячи человек.[307]

Когда перемирие было заключено и вошло в силу, разразилась ожесточенная война между арабами. Аламундар захватил одного из сыновей Арефы и принес его в жертву богине Узза (Прокопий переименовывает ее в Афродиту). Арефа, собрав свои силы, напал на персидских арабов, нанес им тяжкое поражение и во время преследования причинил им большие потери. Это междоусобное кровопролитие обошлось без вмешательства великих держав.

Вскоре после заключения перемирия Хосров снарядил посольство в Константинополь. Его исправлял представитель высшей знати, которому Прокопий дает имя Издигуна.[308] Посол собрался в путь в сопровождении жены и дочерей, со свитой в 500 человек. Комендант Дары Георгий получил от одного персидского шпиона, римлянина по происхождению, сведение, будто персы замышляют захватить Дару, когда туда вступит посол со своей большой свитой. Георгий отказался пустить в город более 20 человек свиты, несмотря на протест Издигуны, и злой умысел был предупрежден.

В Константинополе Издигуна пробыл почти целый год и удостоился со стороны императора самого милостивого внимания. Вопреки этикету, император приглашал к царскому столу не только посла, но и его переводчика. Щедрые подарки посольству и расходы по приему посла превзошли тысячу фунтов золота, что вызывало зложелательные толки в обществе, нашедшие себе отклик в сочинении Прокопия.[309] Никаких положительных результатов в смысле соглашения относительно спорных вопросов за время пребывания Издигуны в Константинополе достигнуто не было.

ДЕЛА В АФРИКЕ

Борьба с маврами Соломона. Бунт солдат н его подавление. Герман в Африке. Соломон. Сергий. Ареобинд. Бунт Гонтарида. Иоанн Троглита. Заботы императора об Африке

Юстиниан, после первых вестей о победах Велизария, считал всю Африку провинцией империи, но в действительности власть императора была восстановлена только в восточной части вандальского царства и на

---

[306] *Procop.* b. p. 2, 25.
Адолий имел придворное звание силенциария — *Procop.* b. p. 2, 21. В 542 году он был в штабе Велизария на персидском театре войны и помянут, как близкое к нему лицо, во время приема персидского посольства Велизарием.

[307] Трибун был родом из Палестины. *Procop.* b. g. 4, 10, 11—26.

[308] У Менандра записано точнее — Ἰεσδεγουσνάφ, т. е. Izedh Gusnasp.

[309] *Procop.* b. p. 2, 28.

островах. На всем пространстве Мавритании, делившейся некогда на три провинции, были заняты только два пункта, Цезарея и Септем. Зависимость от империи мавров имела весьма условный характер, и это подвижное и неустойчивое племя могла сдерживать только военная угроза. Вандалы за время своего господства в стране несли охрану сами, освободив от военной службы туземное население. Теперь эта обязанность падала на оккупационную армию. Охрана была тем более затруднительна, что вандалы вначале своего владычества срыли стены крепостей в обеспечение покорности туземного населения. Велизарий не успел еще уехать из Карфагена, как из пограничных местностей пришли вести о бесчинствах мавров, которые поднялись по слуху об отъезде Велизария и начали обычное дело грабежа и разбоя среди соседнего земледельческого населения. Велизарий не изменил своего решения, но оставил Соломону, которому передал свои полномочия в Африке, значительную часть своей дружины. Слабые числом отряды, стоявшие в пограничных местностях, были истреблены. Один из вождей, Айган, пал в бою, другой, Руфин, был взят в плен, и царь Мадисиниса увез его отрубленную голову в свою ставку. Соломон старался сначала воздействовать на мавров напоминанием о союзе, который они заключили с империей, но этот путь не привел ни к каким результатам. Тогда он предпринял поход со всеми наличными силами, и ему удалось разгромить насильников и выгнать их из пределов провинции. Но лишь только он вернулся в Карфаген, как мавры повторили свое нашествие в Бизацену с еще большими силами. Во втором походе Соломон проник в горные местности, которым Прокопий дает имя Бургáон, и одержал блестящую победу. Добрые отношения к империи сохранял из маврских царей, соседивших с Бизаценой, лишь один, Антала. Остальные бежали в Нумидию, где в горах Авреса сидел могущественный царь Яуда. В следующем году Соломону пришлось иметь дело с его нашествием в земли, лежавшие к северу от Авреса. Военные действия были успешны, мавры были оттеснены в горы, и имперские войска овладели лагерем Яуды и одной горной крепостью. Солдатам досталось в добычу много женщин и детей мавров.

Успешные действия Соломона против мавров утвердили власть императора в Африке, но в эту пору в армии назревал весьма опасный кризис. — Солдаты переженились на женах вандалов, погибших во время войны.[310] По общему распоряжению из Константинополя земли вандалов должны были отойти в казну, как и богатые имущества арианской церкви, потерявшей теперь право на самое существование. Но солдаты не хотели поступаться правами своих жен и требовали предоставления в их владение земель, принадлежавших первым мужьям их жен. Соломон смотрел на дело иначе, и в армии началось брожение, осложнившееся также и на почве религиозных отношений. В армии было более тысячи ариан, так как арианство было национальным исповеданием готов, живших в империи, и до разгрома вандалов законы о еретиках не простирались на ариан по соглашению с Теодорихом в 525 году. Арианские священники вандалов постарались использовать это положение, и число недовольных росло. Сюда присоединилось еще одно обстоятельство. — Из тех пяти тысяч вандалов, которых увез с собою Велизарий, 400 человек, доехав до Лесбоса, овладели судном, на котором их везли, и направились на родину. Знакомые с морем, они благополучно вернулись в Африку, высадились в одном из портов побережья, прошли в горы Авреса и заняли там самостоятельное положение, поддерживая старые связи как со своими соплеменниками, так и с маврами. Мятежные солдаты вступили с ними в сношения.

Весною 536 года в Карфагене составился заговор на жизнь Соломона. Решено было убить его в первый день Пасхи. Но ни в первый, ни во второй день этого не удалось сделать. Заговорщики рассорились между собой, и часть их бежала из города и стала жить грабежом окрестных мест. Старания Соломона успокоить волнение не имели успеха, и на пятый день пасхальной недели мятежные солдаты собрались огромной толпой в цирке и подняли бунт против Соломона и других вождей. Соломон послал к ним одного из своих офицеров, каппадокийца Феодора, поручив ему воздействовать на них добрым словом. Но мятежники не вняли его речам, провозгласили своим командиром и двинулись на дворец, чтобы покончить с Соломоном. Удерживавший их начальник дворцовой стражи был убит. Соломон скрылся в дворцовой церкви. Солдаты стали грабить дома богатых граждан, а к вечеру перепились. В ночной темноте Соломон вышел из убежища, повидался со своим невольным заместителем, и тот устроил ему возможность бежать из города на корабле. Из порта Массуи Соломон отправил сопровождавшего его вождя Мартина к командовавшему в Нумидии Валериану, чтобы поставить его в известность о том, что произошло в Карфагене, а сам вместе с Прокопием, описавшим впоследствии эти события, уехал в Сиракузы. В ту пору там находился Велизарий, ожидавший приказа перейти в Италию и начать войну с готами.

Бунтовщики, ограбив Карфаген, предпочли выйти из города, направились в Буллу-Регию и организовали там свои силы, находясь в сношениях с вандалами. Начальство над собой они предоставили Стотце, одному из оруженосцев Мартина.[311] Кроме присоединившихся к мятежникам вандалов их силы увеличили беглые рабы и колоны, и у Стотцы скоро оказалось войско в 8 тысяч человек. С этими силами он надеялся изгнать из Африки всех вождей, верных присяге, и завладеть страной на тех правах, на каких держали ее в своей власти вандалы. Сорганизовав свое войско, Стотца подступил к Карфагену и потребовал у Феодора сдачи города. Феодор ответил через посланного, что он держит город от имени императора. Посол Феодора был убит, и Стотца стал готовиться взять город приступом.

Накануне того дня, когда был назначен приступ, ночью прибыл в Карфаген Велизарий. Он привез с собой только сто человек своих дружинников, но его популярность и щедрая раздача денег собрали вокруг него две тысячи человек войска. Весть о прибытии Велизария вызвала панику в лагере Стотцы и началось бегство. Стотца предпочел отступить. Велизарий выступил во главе своего отряда и близ города Мембресы, в 350 стадиях от Карфагена, нагнал отступавших мятежников. Обе стороны построились для битвы. Но так как ветер гнал во фронт Стотцы тучи пыли, то он начал перестраивать свое боевое расположение. Велизарий воспользовался замешательством в рядах противника, ударил на него всей своей силой, и войско Стотцы не выдержало натиска и обратилось в бегство. Лагерь мятежников достался победителям, и Велизарий отдал его на разграбление своим

---

[310] О красоте вандальских женщин Прокопий говорит несколько раз в своем наложении событий в Африке. *Procop.* b. g. 3, 1, 12: ταύτας τὰ πρόσωπα, οἱὰς οὐδε'ις τῶν ἀνδρώπων εἰδεν. Ср. b. v. 2, 4, 3.

[311] У Прокопия он назван Στότζας, у Виктора Тоннунского — Sluzas, у Корриппа — Stutia.

солдатам. Стотца бежал в Нумидию, а Велизарий вернулся в Карфаген и, поручив охрану города Феодору и зятю своей жены Ильдигеру, уехал в Сиракузы к ожидавшей его армии.

В Нумидии Стотца скоро поправил свои дела. Командовавший там Марцелл, узнав о бегстве Стотцы, надеялся захватить его и повел против него все свои силы. Когда противники сошлись, Стотца, выставлявший себя защитником интересов солдат, которые к тому же давно не получали жалованья, своим смелым обращением к войскам Марцелла достиг того, что они перешли на его сторону. Марцелл и другие вожди искали спасения в церкви города Газофил. Стотца дал им ручательство сохранить жизнь, но не сдержал слова и предал их казни.[312]

Когда известия об этих тяжких событиях пришли в Константинополь, император послал в Африку Германа, своего племянника, имевшего уже военный опыт. Вместе с ним прибыли римские сенаторы Симмах и Домник, из которых первый должен был занять пост префекта претория Африки и казначея армии, а второй — принять начальство над пехотой, пост, ставший вакантным за смертью Иоанна. Проверив списки солдат, находившихся в Африке, Герман нашел, что верность императору сохранила только одна треть общего числа, остальные были у Стотцы. Он поспешил выдать запоздавшее жалованье, располагал к себе всех ласковых обращением и выставлял на вид, что он прислан императором со специальным поручением позаботиться о солдатах и удовлетворить их справедливые претензии. Когда слух об этом распространился, в Карфаген стали являться дезертиры, и Герман платил всем жалованье, не взыскивая за прежние проступки. Такой образ его действий скоро сказался на войске Стотцы. Многие покидали своего вождя и возвращались на службу императору. Тем не менее, Стотца двинулся со своих стоянок к Карфагену и стал лагерем на берегу моря в 35 стадиях (ок. 7 верст) от города. Он не решился, однако, принять битву, когда против него выступил Герман, и спешно отступил в свой лагерь близ города Scalae veteres.[313] Здесь к нему присоединилось много мавров, которые обещали ему оказать поддержку. Герман последовал за отступавшим противником и вступил в сношения с маврами, переманивая их деньгами на свою сторону. Противники сошлись, и войска выстроились на правильную битву. Бой был конный. Когда противники перемешались, было трудно отличить своих от чужих, так как все имели одинаковое вооружение и те же приемы боя имперской армии. Только пароль позволял кое-как разбираться. Победа стала склоняться на дорогу Германа. Стотца рассчитывал на помощь мавров, не принимавших сначала участия в битве; но когда он хотел их вызвать, то оказалось, что мавры присоединились к строю его противников. Стотца бежал. Его лагерь достался победителям, и Герман отдал его в добычу солдатам. Большая часть воинов Стотцы сдалась Герману. Он поступал с ними так же, как раньше с их товарищами: принял их под свои знамена, не взыскивая за измену. Вандалы остались верны Стотце и бежали с ним. Стотца нашел приют у одного царя в Мавритании, женился на его дочери и в течение нескольких лет не причинял никаких затруднений правительству.

Герман пробыл во главе управления Африки три года. Настроение армии осталось по-прежнему ненадежным, и только благодаря большой бдительности ему удалось предупредить мятежное движение в карфагенском гарнизоне, которое готово было разыграться в таком же роде, как и раньше.[314] Тревоги, вызванные в 539 году Хосровом, побудили Юстиниана отозвать Германа в Константинополь и отправить в Антиохию. Его преемником в управлении Африкой был Соломон.[315] Он привез с собою новые военные силы и старался улучшить дух армии тем, что отсылал в Константинополь всех ненадежных людей, а также и вандальских вдов, которые являлись весьма опасным элементом для настроения солдат. Соломон приступил к организации охраны границы, занялся возведением стен в пограничных укреплениях в обеспечение населения от нашествий мавров. Самым могущественным царем был Яуда в южных областях Нумидии. Командиром охраны в тех местах был Гонтарид.[316] Яуда разбил его и загнал в крепость Абигу. Мавры испортили ирригационные сооружения и затопили всю местность. Соломон поспешил на выручку Гонтариду, оттеснил мавров в горы Авреса, захватил несколько укреплений и обеспечил за империей всю страну к северу от Авреса. Устроив дела в Нумидии, Соломон занялся определением отношений к империи западной части африканского побережья, Мавритании. С правившими в этой области маврскими царями были заключены союзы, и в течение нескольких лет держались мирные отношения.

Благополучное управление Соломона закончилось тяжкой катастрофой. Во внимание к заслугам Соломона Юстиниан взыскал милостями его племянников, сыновей его брата Вакха. Один, по имени Кир, был назначен правителем Пентаполя, другой, Сергий, — Триполиса (543 г.).[317] Поблизости от города Великий Лептис жило племя левкаты. Большой ордой подошли левкаты к городу для получения обычных подарков и скрепления союза. Сергий, по совету Пуденция, не пустил их в город и пригласил на совещание 80 старейшин. Объяснения по поводу повреждения посевов солдатами гарнизона приняли резкий характер, и когда Сергий хотел удалиться, один из старейшин взял его за плечо. Стоявший подле Сергия оруженосец увидел в этом насилие и заколол виновного. Это послужило сигналом к избиению приглашенных на совещание старейшин, и из 80 спасся только один. Когда в лагере узнали о предательском убийстве старейшин, левкаты осадили Лептис. Сергий и Пуденций выступили против них со всеми наличными силами, разбили нападавших и овладели их лагерем. Пуденций увлекся преследованием и был убит.[318]

Обиженные левкаты нашли союзника в лице Анталы, который поддерживал доселе добрые отношения с представителями римской власти, и наводнили Бизацену. Соломон, собрав все свои силы и союзных мавров,

---

[312] *Procop.* b. v. 2, 11—15.
[313] Cellae Vatari у Корриппа, Joh. 3, 318.
[314] *Procop.* b. v. 2, 18.
[315] *Marc. Com.* s. a. 539.
О событиях в Африке за время управления страной Соломоном и до убийства Ареобинда сохранил очень точные сведения, восходящие к современным записям, Феофан в своей хронике, *Chrongr.* 205, 17—216, 4.
[316] Γόνθαρις — у Прокопия, Guntarith — у Корриппа.
[317] Прокопий — h. a. 5, 29—33 — относится к Сергию с большим осуждением, называет его трусом и хвастливым нахалом (ἀλαζών).
[318] *Procop.* b. v. 2, 21.

выступил против них, и противники сошлись близ города Тевесте (н. Тебесса) в шести днях пути от Карфагена.[319] Соломон не терял надежды покончить дело миром; но мавры отказались от переговоров, выставляя клятвопреступное дело Сергия, и, чувствуя свое численное превосходство, предпочли решить спор оружием. Битва была неудачна для римлян, и покинутый бежавшими войсками Соломон был убит.[320] Военные действия мавров получили теперь еще более решительный характер, и их поддержал Стотца, явившийся на помощь с вандалами и сохранившими ему верность дезертирами.

Пост Соломона Юстиниан предоставил Сергию, человеку еще очень молодому, который не успел заявить себя никакими делами, кроме предательского убийства в Триполисе. Царь Антала в письме к императору выразил свое удивление по поводу этого назначения и просил выбрать более достойного человека; но Сергий остался на своем посту. Мавры и дезертиры Стотцы бесчинствовали в Бизацене и едва не захватили города Адрумета. Неуспешность военных действий побудила Юстиниана разделить командование между двумя лицами, и он прислал в Африку Ареобинда. То был член высшей знати, муж Проекты, племянницы императора, дочери сестры его Вигилянции. Вместе с Ареобиндом прибыли армянские отряды под начальством Артабана и Иоанна, сыновей Иоанна Арсакида, недавно перешедших на службу империи от персов.[321] Ареобинд должен был взять на себя войну с маврами в Бизацене, а Сергий — в Нумидии. Совершенно неопытный в военном деле Ареобинд, получив известие, что близ города Сикка Венерия (Эль-Кеф) стоят лагерем Антала и Стотца, выслал против них небольшой отряд под командой Иоанна,[322] сына Сисинниола, и просил Сергия, находившегося в Нумидии, оказать ему поддержу. Сергий не обратил внимания на эту просьбу, и Иоанн со своим незначительным отрядом встретился с большими силами врагов. Между Иоанном и Стотцой была смертельная личная вражда, и враги, завидев один другого, устремились навстречу. Предстояло единоборство, но Иоанн на скаку пустил стрелу и нанес противнику смертельную рану. Стотца свалился с коня; его солдаты и мавры бросились на римлян и рассеяли их. Во время бегства Иоанн упал с коня, настигавшие враги схватили его в момент, когда он хотел вскочить на коня, и убили. Стотца получил эту радостную для него весть раньше, чем испустил дух. Его дезертиры выбрали себе начальником некоего Иоанна и продолжали поход с Анталой (545 г.).

Когда в Константинополь пришли жалобы на поведение Сергия, Юстиниан отозвал его и послал в Италию, предоставив Африку в единоличное управление Ареобинда. Два месяца спустя после отъезда Сергия, в Карфагене произошло кровавое событие, стоившее жизни Ареобинду и отдавшее власть в стране мятежнику. Виновником нового покушения на Африку был Гонтарид, один из вождей имперской армии, командовавший тогда в Нумидии. Он вступил в сношения с царями мавров: Анталой, Яудой и Куциной, а также с дезертирами Иоанна и побудил мавров предпринять поход против Карфагена. Узнав о приближении враждебных полчищ, Ареобинд, ничего не подозревая о злых замыслах Гонтарида, поручил ему начальство над войсками и защиту Карфагена. Выступив из города во главе войск, Гонтарид поддерживал сношения с Анталой и предложил ему поделить власть в Африке. Он обещал выдать ему половину состояния Ареобинда, область Бизацену и откомандировать под его начальство 1500 солдат имперской армии, а сам брал себе Карфаген и остальную часть Африки с царским титулом. Соглашение состоялось. Когда враги стояли в лагере близ Децима, римские войска в одной стычке разбили мавров. Гонтарид прекратил сражение, делая вид, что его цель — сберечь силы для охраны города. Между тем, Ареобинду удалось переманить царя Куцину на свою сторону и посеять раздор между врагами. Гонтарид, измены которого не подозревал Ареобинд, сумел предупредить последствия этого успеха и, по соглашению с Анталою, надеялся вызвать Ареобинда за стены города, чтобы не брать на себя убийства. Но Ареобинд не вышел из города. Между тем предательские замыслы Гонтарида огласились. Тогда он поднял открытый бунт. Ареобинд искал спасения в церкви. Гонтарид занял дворец и, вступив в сношения с епископом Репаратом, дал через него клятву святым крещением в том, что сохранит жизнь Ареобинду. Но он не сдержал своей клятвы, убил Ареобинда и отослал его голову Антале (март 546 г.). Карфаген был в руках изменника. Многие вожди, и в том числе Артабан, признали его власть и оказали ему поддержку. Своих обещаний, данных Антале, Гонтарид не исполнил, и тот перешел опять на сторону императора и вступил в сношения с начальником гарнизонов в Нумидии Марценцием, не примкнувшим к Гонтариду.

На помощь Гонтариду явились дезертиры Стотцы со своим новым вождем Иоанном, в числе тысячи человек, из которых 500 были римские солдаты, 80 гуннов и остальные — вандалы.[323] Дело Гонтарида было непрочно. На 36-й день после переворота он был предательски убит Артабаном, и в Карфагене была восстановлена власть императора. Вместе с Гонтаридом погибли все наиболее видные его помощники. Иоанн, вождь дезертиров, нашел убежище в церкви. Артабан дал ему и его воинам ручательство личной безопасности и отослал их в Константинополь. Император вознаградил убийцу Гонтарида назначением магистром армии Африки, но он недолго пробыл на этом посту, имея свои виды. Он рассчитывал жениться на вдове Ареобинда и вступить в родство с домом императора, и был отозван в столицу.[324] Его заменил Иоанн, по прозвищу Троглита.[325] То был заслуженный военный человек, участвовавший в первой кампании Велизария в Африке и действовавший затем

---

[319] Об участии союзных мавров сообщает Корипп. Joh. 3, 405—412.

[320] Из рассказа Корриппа — Joh. 3, 412—415, 428—432 —видно, что смерть Соломона приписывали предательству мавров, а также и Гонтарида.

[321] Артабан был убийцей Ситты, см. выше стр. 121. Позднее, в бытность Валериана магистром армии в Армении, он перешел в подданство императора, выдав обманом одно персидское укрепление. *Procop.* b. g. 4, 8.

[322] Прокопий в своей Тайной истории поминает о вражде Иоанна, сына Сисиннола, к Сергию и сообщает, что Иоанн уклонялся от участия в военных действиях в течение того времени, пока Сергию принадлежало главное командование. *Procop.* h. a. 5, 31.

[323] *Procop.* b. v. 2, 27, 8.

[324] Императрица Феодора расстроила эти планы. Артабан был женат, и жена заявила свои претензии, которые поддержала императрица. Проекта была выдана замуж за другого, а Артабан составил заговор на жизнь Юстиниана. *Procop.* b. g. 3, 31—32.

[325] От имени города в Македонии, откуда он был родом. Он был брат Паппа. *Procop.* b. v. 2, 28, 45. Ср. о нем b. p. 2, 14 и 18.

Следует дополнить ссылкой на Иордана, Rom. 385.

на восточной границе. На своем посту он оставался до смерти (около 560 года). За время своей деятельности в Африке Иоанн много потрудился в кровавой борьбе с маврами, и его победы описал африканский поэт Корипп в большой поэме «Иоаннида». Он привлек на свою сторону царя Куцину и с его помощью справился с Анталой, а также и Яудой. Поражения, нанесенные им маврам, были так решительны, что с тех пор, по словам Прокопия, «мавры были покорны, как рабы».[326] Но после его смерти мавры поднялись опять. Новый магистр армии, Иоанн Рогатин, лишил царя Куцину полагавшихся ему денежных даров и устроил предательское убийство заслуженного союзника империи. Сыновья Куцины отомстили за смерть отца вторжением в соседние области и грабежом мирного населения. Юстиниан послал в Африку своего племянника Маркиана, которому удалось, по свидетельству Малалы, отразить нашествие и смирить восставших.[327]

В таких тревогах шла жизнь римской Африки под скипетром императора. Одновременно с кровавой борьбой с варварами шла созидательная работа на пользу населения. Многие города, в ознаменование щедрот императора, возводившего в них стены и общественные сооружения, получили его имя в дополнение к старому. Так, Карфаген, Адрумет, Капса стали называться Carthago Justiniana, Adrumetum Justiniana, Capsa Justiniana. Незначительный приморский городок Капут-Вада, место высадки Велизария, превратился в большой и благоустроенный город, получивший имя Юстинианополя.[328] По свидетельству Евагрия, Юстиниан отстроил в Африке 150 городов.[329] Много точных сведений о сооружениях Юстиниана в Африке дает Прокопий в своем сочинении «О постройках».[330] Если тот же Прокопий в «Тайной истории» представляет дело так, что Африка обезлюдела от восстановления в ней власти императора, который видел в этой богатой стране лишь источник доходов, то современное изучение археологических памятников, которое ведут французские ученые со времени подчинения Франции части римской Африки, дает огромный материал в опровержение зложелательных слов Прокопия. Множество фортов и укреплений, уцелевших под занесшим их песком во время арабского господства, является свидетельством о живых заботах правительства на благо населения и процветание культуры и промысла.[331] Средиземное море, вновь ставшее при Юстиниане римским озером, давало огромные ресурсы для привычного к мореплаванию населения африканского побережья.

Большую тревогу в жизнь африканских римлян внесло восстановление имущественных прав туземцев на земли, отнятые от них некогда вандалами. В некоторое ограждение числа возможных исков, Юстиниан ограничил права заинтересованных лиц третьим поколением и не дозволял идти дальше вглубь прошлого. По хозяйственным условиям, давно сложившимся в Африке задолго до появления в ней вандалов, преобладало крупное землевладение и большинство землевладельцев находилось в крепостной зависимости от собственников земли. Тот перелом в жизни страны, который произвело появление освободительной армии Велизария, вызвал бегство колонов от родного тягла и освобождение от старых уз. Многие сумели устроиться как свободные люди, искали других профессий, вступили в клир. Как частные лица, так и церкви, имевшие земельные владения, ревностно разыскивали беглых и возбуждали иски о возвращении их в прежнее состояние. При всем своем интересе к успехам земледелия, обеспечивавшего исправное поступление податей, Юстиниан стал в этом вопросе на сторону свободы. В двух указах, от 552 и 558 годов, он ограничивал право земледельца искать своих беглых колонов временем утверждения римской власти, отрицая его для предшествующей поры, и все те, кто вышли из крепостного состояния до появления армии Велизария в Африке, не подлежали возвращению под прежнее тягло.[332] В вопросе о правах потомства от смешанных браков между человеком несвободным и свободной женщиной он сделал уступку в пользу землевладельцев и, признавая таких людей свободными, обязывал их оставаться в положении колонов на земле собственника.333

ВТОРАЯ ВОЙНА С ОСТГОТАМИ

Царь Тотила. Возобновление военных действий. Успехи Тотилы и взятие Неаполя. Велизарий в Италии. Осада и взятие Рима Тотилой. Велизарий в Риме. Военные действия в южной Италии. Морские предприятия готов. Вторичное взятие Рима. Тотила в Сицилии. Либерий и поход в Испанию. Герман и его сборы в поход. Нарзес. Битва при Тегинах. Тейя. Битва близ Везувия. Нашествие Бутилина и Левтарида. Италия под властью императора.

Положение Италии после отъезда Велизария с Витигесом и Метасвинтой из Равенны в 540 году не привлекало к себе в течение некоторого времени внимания императора. Назначив представителей гражданской власти еще до отъезда Велизария, Юстиниан не позаботился предоставить кому-либо одному из оставшихся вождей права главнокомандующего. После того как Ильдибад нанес тяжкое поражение Виталию и занял крепость Тарвизий в конце 540 года, войска бездействовали. Численность имперской армии в Равенне и ближайшей области доходила до 12 тысяч человек, но эта сила была разделена между 11 командирами.[334] Когда в Константинополь пришла весть об избрании на царство Тотилы, Юстиниан послал выговор вождям за их бездействие. Съехавшись на общий совет в Равенну, они выработали план военных действий и решили сначала взять Верону, а затем идти против Тотилы на Тицин. Вследствие нераспорядительности вождей, попытка захватить Верону не удалась, несмотря на подвиги удивительной отваги перса Блесхана и армянина Артабана. Имперская армия отступила и, перейдя реку По, стянулась близ города Фавенции (Фаэнца) на Эмилиевой дороге и бездействовала, так как вожди не могли столковаться об общем плане действий. Тотила, который успел

---

[326] *Procop.* b. g. 4, 17, 21.
[327] *Malala,* 495—496; *Theoph.* 238, 24—239, 6.
[328] *Evagr.* 4, 18.
[329] Свидетельство Евагрия не имеет самостоятельного значения, так как оно заимствовано из Прокопия.
[330] *Procop.* aed. 6, 3—7.
[331] *Diehl,* L'Afrique Romaine, p. 139 сл.
[332] *App. Const. 6 (от 552 г.).* Ср. 1 (от 540 г.); App. 9 (от 558 г.).
[333] Общее узаконение относительно смешанных браков дано Юстинианом в указе на имя магистра двора Гермогена в 534 г. *Cod. Just.* 11, 48 , 24. О праве расторгать такие браки — *Nov.* XXII, с. 17 (536 г.).
[334] *Procop.* b. g. 3, 3.

собрать вокруг себя пять тысяч войска, узнав о неудаче под стенами Вероны, решил перейти в наступление. Переправившись через По, он напал на имперские войска и одержал блестящую победу, в которой ему достались знамена всех вождей. Уцелевшие от битвы спасались в соседние укрепления. Блестящая победа Тотилы была началом его дальнейших успехов.

После этой удачи Тотила послал часть своих сил за Апеннины, чтобы осадить Флоренцию. Юстин, сын Германа, занимавший эту крепость, дал знать в Равенну об опасности, и к нему поспешили на выручку Бесса, Иоанн и Киприан со своими войсками. Готы отошли от Флоренции в местность Мукелл. Беспорядочное нападение, которое сделал Иоанн, было отбито, и распространился ложный слух о том, что он пал; началась паника, готы бросились преследовать отступавших, было много убитых, а оставшиеся в живых бежали в беспорядке в разные стороны, спасаясь от погони. Обращение Тотилы с попавшими в плен было таково, что все они перешли к нему на службу. Италия была открыта перед Тотилой. Он прошел в Умбрию, занял города: Цезеннию, Моне Феретриус (Montefeltro), Урбин и Петру-Пертузу[335] и, спустившись на юг, обошел Рим и направился через Кампанию в Самний, разрушил укрепления Беневента и затем подступил к Неаполю с твердым намерением взять этот главный город южной Италии. В Неаполе стоял гарнизон исавров, числом до 1000 человек, под начальством Конона. Тотила разбил свой лагерь под стенами города, послал отряд своего войска в Кумы и овладел этим укреплением. Оставив большую часть своих сил под стенами Неаполя, он обошел Ауканию, Апулию, Калабрию и Бруттий, действовал как царь, собирал подати с населения, конфисковал в свою пользу доходы со скота в огромных сенаторских имениях в этих областях и своим внимательным и великодушным отношением к населению располагал к себе всех. Рабы и подневольные земледельцы толпами бежали в его лагерь; он принимал их на службу и усиливал ими свои войска.[336]

Вожди имперской армии, разбитые Тотилой при Мукелле, распределились по отдельным городам. Иоанн прибыл в Рим, Бесса занял Сполетий, Киприан — Перузию, а Юстин оставался во Флоренции. Не имея никакого общего плана и руководства, вожди бездействовали и хлопотали о личном обогащении, причиняя всякого рода обиды туземному населению. Строгость взыскания податей новым гражданским начальством и обиды от вождей и не знавших никакой дисциплины солдат скоро разочаровали итальянское население в благах свободы, которую возвещал император своим вмешательством в дела Италии.

Когда вести об успехах Тотилы дошли до Константинополя, император послал в Италию Максимина в звании префекта претория, поручив ему взять на себя общее направление военных действий против Тотилы,[337] и назначил магистром армии Димитрия, который в звании командира пехотного полка был в Италии с Велизарием. Димитрий, прибыв в Сицилию и осведомившись о положении дела в Неаполе, снарядил хлебный транспорт. Не имея военных судов для его охраны, он боялся идти в Неаполь и провел свой флот в устье Тибра, надеясь на помощь военных сил из Рима. Но войска римского гарнизона отказались поддержать его, и когда он рискнул нести свой флот в Неаполь, Тотила собрал военные корабли, и флот с хлебом достался готам. Когда вскоре после того Максимин отправил из Сицилии военную подмогу, буря разметала корабли близ Неаполя, и часть людей попала в плен к готам при высадке на берег. Неаполь был доведен до крайности и сдался. Тотила высказал свое великодушие заботами об изголодавшемся населении и отпустил гарнизон в Рим, предоставив ему лошадей для поклажи. Укрепления города он разрушил, чтобы они не могли на будущее время служить войскам императора (весна 543 г.). Овладев главным городом южной Италии, Тотила обратился к римскому сенату с укоризненным посланием, которое доставил один пленник. Указывая на бедствия, постигшие Италию, он упрекал сенат за неблагодарность к Теодориху. Иоанн, племянник Виталиана, старший из командиров, запретил давать какой-либо ответ Тотиле. Вскоре затем на людных местах стали появляться обращения Тотилы к населению, в которых он давал ручательство, что не причинит никаких обид римлянам. Заподозрив в этом деле арианских священников, проживавших в Риме, вожди распорядились изгнать их из города. Тотила отправил часть своих войск на осаду Гидрунта, крепости в Калабрии, занятой имперским гарнизоном, а сам перешел на север.[338] Год падения Неаполя отмечен тяжким бедствием: Италию обошла чума, свирепствовавшая также и в Иллирике.[339]

Тревожные вести из Италии побудили императора обратиться к Велизарию, проживавшему тогда в Константинополе в звании комита царских конюшен. Велизарий принял поручение, но, очевидно, ни он сам, ни император, погрузившийся тогда в богословские вопросы, не имели ясного представления о положении дел в Италии. Никаких военных сил для отправки в Италию не было в наличности, и в распоряжение Велизария не было отпущено никаких средств для снаряжения войны. Его личная дружина была в большинстве занята на восточной границе, и он должен был собрать себе новые силы на свои средства.[340] Он объехал Фракию и набирал добровольцев. Тем же делом был одновременно с ним занят магистр армии Иллирика Виталий, оставивший свои войска в Италии и собиравший подкрепления. Оба вождя вместе набрали около 4 тысяч человек, с которыми прибыли в Салону (544 г.). Осажденный в Гидрунте гарнизон вел уже переговоры о сдаче. Велизарий отправил в Гидрунт одного из своих оруженосцев, Валентина, с транспортом хлеба и свежими войсками на смену изголодавшегося гарнизона. Валентин прибыл за четыре дня до срока сдачи. Готы, в ожидании сдачи Гидрунта, небрежно держали охрану и, не оказав противодействия, ушли к Тотиле. Выгрузив провиант и сменив гарнизон, Валентин вернулся в Салону. Велизарий переправился в Полу, организовал там свое войско и затем переехал в Равенну. Его надежда на то, что к нему перейдут римские дезертиры от Тотилы, не оправдалась, и не-

---

[335] *Marc. Com.* s. a. 542 — Rursus in annonaria Tuscia ad Mucellos per Ruderit et Viliarid Bledamque duces suos Romaimm exercitum superat. Quo proelio Bessas patricius vulneratus evaditi ceteri vero fugientes per quaqua salvati sunt.

[336] О беглых рабах в войске Тотилы см. его речь Пелагию у *Прокопия*, b. g. 3,

[337] По-видимому, то был тот самый сенатор, который исправлял в 539 году посольство к Витигесу. Но он назван у Прокопия в том месте Максимом.

[338] *Procop.* b. g. 3, 9.

[339] *Marc. Com.* s. a. 543 (Chr. min. II 107).

[340] *Procop.* h. a. 4, 39.

значительность сил, которыми он располагал, обрекала его на мелкие предприятия в ближайших к Равенне областях. Виталий и Торимут захватили Бононию и поставили в городе гарнизон из иллирийских войск, давно уже служивших в Италии. Скоро, однако, иллирийцы самовольно покинули Бононию и ушли на родину по слуху о вторжении в Иллирик гуннов, чтобы защищать свои семейства и имущество. Тотила, осведомленный о незначительности сил Велизария, перешел на север и под Ауксимом (Озимо), который Велизарий хотел сделать опорным пунктом для военных действий в тех местах, нанес поражение имперским войскам. Успехи Велизария были весьма незначительны: он занял и укрепил приморский город Пизавр, захватил несколько пунктов на побережье и отправил в Рим двух своих храбрых оруженосцев с небольшим отрядом войска.

Убедившись на месте в полном своем бессилии справиться с таким противником, каким оказался Тотила, Велизарий отправил в Константинополь Иоанна с письмом к императору и, раскрывая положение дел, настоятельно просил войска и денег.[341] Тяготясь своим бесцельным пребыванием в Равенне, он вскоре уехал в Салону, чтобы дождаться там возвращения Иоанна с подкреплениями. Тотила, стоявший лагерем в Пицене, между Фирмом и Аскулом, овладел этими городами, взял Сполетий и Ассизий. Имперский гарнизон держался только в Перузии, и смерть вождя Киприана от руки подкупленного Тотилой убийцы не поколебала настроения солдат.

Обеспечив свое положение на севере, Тотила подошел к Риму и начал осаду. Еще раньше он занял Тибур поблизости от Рима и отрезал сухопутные сообщения с севером, а флотилия, стоявшая у Липарских островов, не допускала подвоза из Сицилии. Смелая вылазка, которую позволили себе храбрые оруженосцы Велизария, окончилась весьма неудачно. Между сенатом и вождями гарнизона шли взаимные неудовольствия, и глава сената Цетег был выслан в Центумцеллы.

Желая помочь Риму, Велизарий прислал в Порт, остававшийся в руках имперской армии, небольшой отряд под командой храбрых дружинников Валентина и Фоки и поручил им, по соглашению с Бессой, устраивать совместные нападения на готский лагерь. Но Бесса имел в своем распоряжении только три тысячи войска и не поддержал смелых выступлений Валентина и Фоки, которые окончились гибелью всего отряда.[342] Вскоре после того в Порт должен был вступить хлебный транспорт, снаряженный папой Вигилием из Сицилии. Но готы на виду у гарнизона, запертого в Порте, заняли берег, овладели кораблями, перебили людей, и хлеб, назначенный для Рима, попал в их руки. Между тем, в Риме начался голод. Дьякон Пелагий, заменявший папу Вигилия в управлении церковью в его отсутствие, явился в лагерь к Тотиле просить милости к бедствиям римского населения. Но его просьбы были безуспешны и положение Рима становилось все ужаснее. Тщетно население молило Бесса и Конона найти какой-нибудь выход и положить конец бедствиям. Для солдат хватало хлеба, но население было обречено питаться, чем кто мог. Ели падаль и всякую нечисть, кормились травой, которую варили. Командиры торговали хлебом из запасов для армии по страшным ценам. Нередки были случаи самоубийства. Бесса и Конон стали, наконец, отпускать из города тех, кому было куда уйти. Многие умирали в пути от истощения.[343]

Когда Велизарий дождался в Диррахии подкреплений, прибывших с Иоанном из Константинополя, он решил немедленно оказать помощь Риму. Иоанн не был согласен с его планом действий, и Велизарий вынужден был уступить.[344] Направившись морем в Италию, он высадил Иоанна с его войсками в Гидрунте, а сам с остальными силами поехал в устье Тибра. Иоанн обещал ему свою помощь в самом важном тогда деле, снабжении Рима провиантом, но занялся отвоеванием южной Италии. Отчаявшись в содействии Иоанна, Велизарий сделал смелую попытку провести хлеб в Рим на лодках, несмотря на разные преграды, воздвигнутые Тотилой на реке и ее берегах. Смелое предприятие было уже близко к осуществлению, когда до него дошел ложный слух, что Порт взят готами. Его горячий помощник Исаак, которого он оставил в Порте, запретив ему выходить и вступать в борьбу с готами, нарушил его приказ. Опасаясь за судьбу своей жены, находившейся в Порте, Велизарий бросил лодки с хлебом и поспешил в Порт. В огорчении и досаде на неудачу своих отчаянных усилий помочь Риму, Велизарий тяжко заболел.

Рим было доведен до крайности, но все-таки держался, и только измена исавров, стоявших на страже у Ослиных ворот, отдала его Тотиле (17 декабря 546 года). Во мраке ночи среди общего замешательства войска бежали и с ними некоторые сенаторы. Другие укрылись в храме св. Петра. На рассвете Тотила прошел в храм. Его встретил диакон Пелагий и просил пощады уцелевшему населению. Во время грабежа в домах знатных лиц найдено было много ценного имущества, а в доме, где жил Бесса, много денег от его нечистых операций по продаже хлеба во время голода.

В беседе с сенаторами Тотила выставлял на вид те ужасы, которые принесло Италии и Риму вмешательство императора, и укорял их за измену готам. Желая положить конец этой ужасной войне и разорению Италии, Тотила снарядил посольство к императору и поручил его исправление диакону Пелагию и римскому адвокату Феодору. Полученный много позднее ответ гласил, что в Италии находится Велизарий, и Тотила может сладить дело с ним.

Тотила пробыл в Риме очень недолго. Он был далек от мысли сделать его опорным пунктом своей власти и хотел отомстить римлянам за измену. Он снес третью часть городских стен, разрушил некоторые общественные здания, предал огню много домов римской знати. Велизарий, находившийся в Порте, обратился к нему с письмом, в котором просил пощады созданию многих веков. Покидая Рим, Тотила увел с собой всех сенаторов и выгнал из Рима оставшееся в нем скудное население[345], и Рим в течение 40 дней представлял страшную картину полного запустения.[346]

---

[341] *Procop.* b. g. 3, 12, 3—10.
[342] Ib. 3, 15.
[343] Ib. 3, 17.
[344] В Тайной истории — 5, 8-14 — Прокопий объясняет поведение Иоанна его опасением интриг со стороны враждебной ему Антонины.
[345] Прокопий говорит, будто простой класс римского населения сократился к концу осады до 500 человек.
[346] О том же сделана запись и в дополнении к хронике Марцеллина: post quam devastationem quadraginta aut

Удачные действия Иоанна в южной Италии и партизанская война в Аукании, которую ему удалось организовать при помощи одного местного крупного собственника, представляли настолько серьезную опасность, что Тотила, оставив на албанских горах под Римом часть своего войска для наблюдения за Велизарием, увел главные силы в Ауканию. Иоанн бежал в Гидрунт, предпринимал оттуда мелкую войну засад и нападений и занял Тарент. Между тем, в Тусции измена помогла имперским войскам отнять у готов Сполетий, а Велизарий, оправившись от болезни, поспешил занять разоренный и опустевший Рим. Со всей своей энергии он принялся за восстановление разрушенной части стен. Громоздили камень на камень без цемента и свинца, и в 25 дней город был опять окружен стеной и не доставало только ворот, уничтоженных Тотилой. Из Порта были доставлены запасы хлеба, и разбежавшееся во время осады населения начало опять стекаться в город «из страстного желания жить в Риме», как выразился Прокопий.

Получив известие о захвате Рима Велизарием, Тотила возвратился назад и подступил к городу. Там, где не было ворот, Велизарий поставил в пустых простенках своих отборных воинов, а на всем протяжении стен выстроились его солдаты и воротившиеся в город римляне. На следующий день готы сделали попытку штурма, и бой в разных местах шел до вечера с большими потерями на стороне готов. Нападение было повторено на другой день, и также безуспешно. Тотила отошел к Тибуру и здесь разбил свой лагерь.[347] Готы упрекали своего царя за проявленную им оплошность относительно Рима, а когда он вскоре затем искал руки дочери царя франков, Теодеберт прислал гордый отказ, прибавив, что тот не царь Италии и не будет ее царем, кто, взяв город Рим, не сумел удержать его и отдал врагу.[348]

Возвращение Рима под власть императора было последним удачным делом Велизария в эту войну. По прямому приказу императора военные действия сосредоточились на юге Италии, куда явился и Велизарий.[349] Хотя Юстиниан присылал подкрепления, но войска было мало для решительных действий и между вождями не было согласия. Тотила осадил крепость Русцию, и все маневры Иоанна и Велизария, имевшие целью отвлечь его оттуда, не имели успеха. Гарнизон, доведенный до крайности, сдался и перешел на службу к Тотиле. Только 80 человек сохранили верность императору и ушли в Кротон. В том же 548 г. готы взяли Перузию.

Велизарий, давно тяготившийся своим бесплодным участием в этой омрачавшей его военную славу войне, после совещания с другими вождями в Гидрунте послал свою жену Антонину в Константинополь просить императора о разрешении покинуть театр военных действий. Разрешение было дано, и Велизарий покинул Италию, похоронив в борьбе с Тотилой свою военную славу (548 г.).

Царь Теодеберт воспользовался тем, что война сосредоточилась на южном театре, и перейдя через Альпы, стал занимать города в Коттийских Альпах, Лигурии и Венеции.[350] Готы не оказывали сопротивления, и франки утверждали свое владычество на занятой территории. В 547 году умер Теодеберт, и его преемником стал Теодебальд. Юстиниан отправил к новому царю сенатора Леонтия, зятя Афанасия. Посол напомнил франкам о союзе, который империя купила за большие деньги у Теодеберта для совместных военных действий против готов, и признавал нарушение прав императора в захвате франками областей Италии. Теодебальд оспаривал права императора на Италию и в занятии ее областей признавал частное дело между франками и Тотилой. В Константинополь вместе с Леонтием отправилось ответное посольство франков. О его результатах в наших источниках известий нет.

Бедствия Италии не привлекали к себе внимания императора. Он был увлечен в ту пору богословскими вопросами в поисках пути к восстановлению церковного единства. Старания папы Вигилия, находившегося тогда в Константинополе, и многих проживавших там римских сенаторов пробудить интерес императора к несчастной стране оставались тщетны. Летом 548 года Юстиниан пережил тяжкое личное горе: скончалась императрица Феодора, властно участвовавшая в направлении важнейших вопросов государственной политики. Ее уже не было в живых, когда в Константинополь приехала Антонина и выпросила у императора освобождение Велизария от участия в войне с готами. Император не заменил его никем и выказывал полное равнодушие к делам Италии. Зимой того же года в среде военных людей, ближайших ко двору, назрел заговор на жизнь Юстиниана. Инициатором его был некто Арсак, знатный армянин, родственник Артабана, убийцы Гонтарида. По подозрению в преступных сношениях с Хосровом он был подвергнут публичному наказанию и желал отомстить за обиду. Артабан, обманувшийся в своей надежде породниться с домом Юстиниана женитьбой на Проекте, занимал пост магистра армии in praesenti и, как человек военный, негодовал на бездействие императора, который просиживал дни и ночи за богословскими занятиями в общении с духовными лицами. Арсак легко склонил его к мысли убить императора и посадить на трон Германа. Привлекши к участию еще одного соотечественника, заговорщики поделились своими мыслями с Юстином, сыном Германа, и тот передал обо всем отцу. Герман открыл эти замыслы Марцеллу, племяннику Юстиниана, сыну его сестры Вигилянции, который занимал пост комита экскувитов. Желая дать окрепнуть замыслам заговорщиков и выяснить истинного виновника, Марцелл не спешил сообщать об этом императору. Герман устроил свидание с заговорщиками, поместив за завесой стороннего свидетеля, Леонтия, зятя Афанасия. Заговорщики хотели дождаться возвращения Велизария, чтобы убить его вместе с императором и не оставить такого мстителя, каким мог явиться Велизарий. Когда все выяснилось, а Марцелл все-таки медлил довести дело до сведения императора. Герман сам открыл Юстиниану все, что знал о заговоре. Дело разбиралось в судебном заседании высших сановников двора. Как ни разгневан был Юстиниан, но он никого не казнил смертью по этому делу, и Артабан отделался заключением под стражу во дворце.[351] Два года спустя Юстиниан предоставил ему командование в Сицилии.

Заговор Артабана не вызвал императора из его равнодушного отношения к позорному для чести империи

---

omplius dies Roma ita fiut desolata, ut nemo ibi hominum nisi bestiae morarentur *(Chr. min.* II 108).

[347] *Procop.* b. g. 3, 24.

[348] Ib. 3, 37, 2.

[349] Ib. 3, 27, 12.

[350] Точная дата этого завоевательного похода не отмечена в нашем предании.

[351] *Procop.* b. g. 3, 32.

положению дел в Италии. Между тем Тотила, обреченный бездействием императора и его нежеланием вникнуть в дела Италии продолжать военные действия, перенес их на море. Один из бывших оруженосцев Велизария, Илауф, человек предприимчивый и смелый, помог ему организовать военный флот. Первым удачным делом нового адмирала был набег на берега Далмации. Он разбил римскую эскадру, вошел в гавань Салоны и увел оттуда транспорт с хлебом, предназначенный для отправки в Италию.[352] Число городов, занятых имперскими гарнизонами, сократилось, и военные силы, которыми располагали вожди, оставшиеся в Италии, не давали им возможности деятельно бороться с врагом. Тотила подступил со всеми своими силами к Риму и во второй раз осадил город. Во главе гарнизона стоял храбрый оруженосец Велизария Диоген. Попытки штурма, которые предпринимали готы, встречали отпор. Тотила занял Порт и не пропускал подвоза хлеба. Запустение города от бедствий первой осады сказалось в том, что в его стенах было много пустырей, и Диоген распорядился засеять их хлебом, чтобы таким образом помочь населению. Исавры, которые давно не получали жалованья от императора, помнили о том, как щедро наградил Тотила их соплеменников за измену в 546 году, и среди них нашлись новые предатели. Дело было слажено, и в одну темную ночь Тотила по уговору с ними стянул свои войска к воротам, носившим имя апостола Павла. Две лодки подошли по Тибру к самым стенам, и трубачи дали громкий сигнал. В городе началось замешательство и тревога, исавры открыли ворота, и готы вступили в Рим. Ближайшим местом, куда могли направиться беглецы, был порт Центумцеллы, и Тотила распорядился занять эту дорогу. Большая часть гарнизона бежала, и много людей погибло в пути. В укреплении, в которое превратился мавзолей Адриана, собралось 400 храбрых воинов под начальством Петра Киликийца, бывшего доместика Велизария. Будучи окружены и не имея запасов провианта, они решили дорого отдать свою жизнь и, давая друг другу взаимные клятвы, лобызались между собой перед тем как идти на смертный бой. Поняв их настроение, Тотила разнял сражавшихся и предложил им свободный пропуск без оружия или же переход на его службу. Храбрецы поколебались, и все, кроме двух начальников, перешли под знамена Тотилы. Не пожелавшим сдаться Тотила выдал деньги на путевые расходы и отправил их в Константинополь.[353]

Овладев Римом во второй раз, Тотила уже не думал покидать его и хотел утвердиться здесь как в своей столице. Он вызвал в Рим сенаторов, которых держал в разных местах под охраной, стал отстраивать общественные здания, которые сам разрушил после первого взятия, заботился о подвозе хлеба в город и, как царь страны, давал под своим председательством конские ристания в римском цирке. Хотя его многократные обращения к Юстиниану оставались без ответа, но он сделал еще раз попытку и отправил в Константинополь посла. Он просил императора положить конец войне и принять готов в союз с империей. Юстиниан не принял посла и не выслушал предложений Тотилы.[354]

И на этот раз Тотила пробыл в Риме недолго. Он задумал поход в Сицилию. По пути он захватил Тарент и осадил Регий. Гарнизоны, сидевшие в городах Сицилии, не выходили за стены своих укреплений, и он, не теряя времени на осаду, прошел весь остров, забрал хлеб и скот и с богатой добычей вернулся в Италию, удержав за собой четыре пункта. Во время его пребывания в Сицилии гарнизон в Регии был доведен до крайности и сдался.[355]

Когда в Константинополь пришло известие о бедствиях, постигших Сицилию, Юстиниан отправил на остров флот над начальством сенатора Либерия, который оставался на Востоке со времен своего посольства в 535 году. Осаждавшие город готы отошли при приближении флота, и Либерий беспрепятственно вступил в гавань. Обеспечив город, он переехал в Панорм.[356] Прокопий не знает ни о каких предприятиях Либерия; но Иордан, издавший свою «Историю готов» в 551 году, и позднейший историк вестготов, Исидор Севильский, дают сведения о крупных успехах завоевательной политики Юстиниана, достигнутых Либерием на территории Испании.

Когда Велизарий занял крепость Септем в Тингитанской Мавритании, царь вестготов Тевдис переправил войско через пролив, чтобы захватить этот город, но дело окончилось истреблением готского отряда.[357] По смерти Тевдиса (548 год) царем вестготов был Феодегискл, а после его убийства царство перешло к Агиле (449 г.). Агила начал военные действия против города Кордуба и оскорбил при этом могилу мученика Ацискла. Этот нечестивый поступок был отмщен гибелью его войска и смертью его сына. Скоро против Агилы поднялся претендент Атанагильд и обратился к императору с просьбой о помощи. Либерий получил приказание отправить флот в Испанию.[358] Имперские войска были встречены населением как освободители от ига ариан, и вскоре целый ряд городов побережья признал над собой власть императора. То были Карфаген, Кордуба, Малага, Ассидона. Войска Агилы потерпели поражение близ Гиспалиса (Севилья). Быстрые успехи Либерия побудили готов убить Агилу и признать своим царем Атанагильда (544 г.). Заняв место Агилы, Атанагильд стал из союзника императора его врагом; но ему не удалось подчинить себе городов, воссоединившихся с империей.[359] Очевидно, население старых культурных центров побережья само по собственным интересам крепко стояло за восстановление старой связи с империей. Обладание этими городами упрочило господство империи на всем пространстве Средиземного моря.[360] В 552 году Либерий был сменен Артабаном в командовании в пределах Сицилии и отозван в Константинополь.[361] Остается неизвестным, кто руководил обо-

---

[352] *Procop.* b. g. 3, 35, 23 — 29.
[353] Ib. 3, 36.
[354] Ib. 3, 37, 2—3; 6—7.
[355] Ib. 3, 39, 1—5.
[356] *Procop.* b. g. 3, 40, 12; 18.
[357] *Isid.* H. Goth. 42.
[358] Хронология этого события определяется датой издания сочинения Иордана. Он помянул о восстании Атанагильда и обращении его к императору — Get. 303.
[359] *Isid.* H. G. 49.
[360] Весьма странно, что Прокопий не отметил этих событий в своем последовательном и столь полном повествовании.
[361] *Procop.* b. g. 4, 24, 1.

роной испанского побережья от Атанагильда.

Тяжкие вести о взятии Рима и успехах Тотилы, настояния папы Вигилия и сенаторов вызвали Юстиниана из его небрежения к бедствиям Италии. Он решил снарядить новую армию и назначил главнокомандующим своего племянника Германа. Этот выбор имел свое основание, помимо родства, и в том обстоятельстве, что Герман, после смерти Витигеса, женился на Метасвинте.[362] Родство с домом Теодориха давало ему как бы право на его наследие, и в Константинополе рассчитывали воздействовать этим на настроение готов. Его военное имя и деньги, которыми он располагал, имели своим последствием то, что дружинники отдельных вождей покидали своих командиров и шли под его знамена. Из полков, стоявших во Фракии, Герман взял лучших людей; задунайские варвары толпами предлагали свою службу, и царь лангобардов обещал прислать тысячу панцирных всадников. Римские солдаты, перешедшие на службу к Тотиле, прислали Герману посла с обещанием перейти к нему на службу, когда он явится в Италию. Поход снаряжался в Сардике.

Когда армия была уже готова к выступлению, ее задержало вторжение славян из-за Дуная. Славяне дошли до Наисса и хотели направиться в Македонию.[363] Юстиниан приказал Герману повременить с походом в Италию и отразить славян. Но они повернули в Далмацию. Герман их не преследовал и объявил выступление в Салону. Но в это время он заболел и умер (конец 550 г.). Юстиниан предоставил командование Иоанну, племяннику Виталиана, зятю Германа. Армия направилась в Далмацию и стала на зимовку в Салоне. Юстиниан скоро изменил свое решение, запретил Иоанну трогаться из Салоны и передал главное командование евнуху Нарзесу, который действовал в Италии в 538 году. То был человек другого склада, нежели Велизарий. Осторожный и предусмотрительный, Нарзес считал недостаточными те силы, которые были уже собраны Германом, и убедил Юстиниана в необходимости новых значительных кредитов для снаряжения армии, которой предстояло сломить такого противника, каким был Тотила, и отвоевать у него Италию. Деньги были нужны не только на снаряжение армии, но также и на выдачу давно не выплачивавшегося жалования войскам, находившимся в Италии. Нарзес собирал лучшие силы из войск столицы и Фракии и увеличил количество союзников. Царь лангобардов Авдуин поставил 2500 тяжеловооруженных всадников и при них более 3000 оруженосцев (ἑπόμενοι). Эрулы дали 3000 воинов под начальством царя Филемута и других вождей; гепид Асбад привел 400 соплеменников; гунны явились в большом множестве со своими вождями. Внук царя Кавада, сын Зама, спасенный в детстве от Хосрова, командовал отрядом персидских перебежчиков. Вождь Дагисфей, находившийся в тюрьме по обвинению в неудачных военных действиях в Лазике, был выпущен из заточения и повел свою дружину. Эрул Аруф, славный воин, давно живший в столице, женатый на внучке Мунда, погибшего в войне с готами в Далмации, вел свою дружину. Иоанн Фага, служивший в Италии под знаменами Велизария, навербовал отряд добровольцев. — Такова была эта сборная армия, в которой главную силу составляли не регулярные полки, а варвары разных племен и языков, шедшие на войну под знаменами императора со своими национальными вождями, в своем военном снаряжении, со своим оружием и приемами военного дела.[364] Цифры отдельных контингентов, которые сохранил Прокопий, недостаточно определенны, чтобы можно было сделать точный подсчет. Но, по-видимому, общая численность армии Нарзеса превышала 15 тысяч человек. В Италии должны были к ней присоединиться находившиеся там войска.

Пока Нарзес формировал армию, война шла своим чередом. Флот Тотилы сделал десант в Сардинии и Корсике и захватил эти острова. Так как они входили в состав африканского диоцеза, то правитель Африки Иоанн отправил свою эскадру, чтобы их отвоевать. Но готы разбили солдат Иоанна и остались в обладании обоих островов. На следующий год флот Тотилы подошел к острову Керкире и, ограбив его, разорял побережье Эпира. Несколько кораблей, направлявшихся из Пелопоннеса с хлебным грузом для армии Нарзеса, были взяты в плен.[365] Попытка Тотилы захватить Анкону с моря и суши окончилась неудачей. Валериан, находившийся в Равенне, снесся с Иоанном, магистром армии Иллирика, и тот прибыл на судах из Салоны. Эскадры соединились, и близ Анконы произошло морское сражение, в котором готский флот был разбит и уничтожен.[366] Артабан, заменивший Либерия в командовании в Сицилии, немедленно приступил к осаде незначительных готских гарнизонов, оставленных Тотилой на острове, и принудил их к сдаче. Тотила сделал еще раз попытку войти в соглашение с императором. Свидетельствуя о разорении Италии, захвате северных областей франками, он заявлял готовность отказаться от Сицилии и Далмации, этих наименее пострадавших от войны областей, и просил о предоставлении ему разоренной Италии с обязательством уплаты ежегодных податей и выставления вспомогательных контингентов по требованию императора. Но Юстиниан отнесся с таким же невниманием к его предложению, как и раньше.[367]

В ожидании перехода войск Нарзеса в Италию, Тотила послал на север своего племянника Тейю, и тот предпринял большие оборонительные сооружения близ Вероны и на реке По, чтобы преградить путь вражеской армии. Но Тейе не пришлось встретить Нарзеса. Дорога на Верону к северу от нее была занята франками. На требование Нарзеса пропустить его армию франки ответили отказом, ссылаясь на то, что с ним идут их враги лангобарды. Оставался один путь — по побережью, перерезанный большим числом рек и болот. Располагая флотом и большими перевозочными средствами, Нарзес беспрепятственно прошел в Равенну. Здесь к нему присоединились вожди Валериан и Юстин. После девятидневной остановки Нарзес двинулся по дороге на Аримин. Переправа через реку на виду Аримина сопровождалась некоторыми затруднениями, которые были благополучно преодолены. Оставив Аримин в руках готов, Нарзес направился на юг по побережью и вступил в Апеннины не по Фламиниевой дороге, а южнее, по долине реки Сены.

---

[362] От этого брака уже по смерти отца родился младенец, получивший имя Германа, — in quo coniuncta Aniciorum genus cum Amala stirpe spem adhuc utriusque generi domino praestante promittit. — *Jord.* Get. 314.

[363] *Procop.* b. g. 3, 40, 1—8. В этом нашествии видели руку Тотилы.

[364] *Procop.* b. g. 4, 26, 10—17.

[365] *Procop.* b. g. 4, 2, 30—32.

[366] Ib. 4, 23.

[367] Ib. 4, 24. 1 — 5.

Тотила, находившийся в это время в Риме, поджидал Тейю с его силами, которые были более не нужны на севере. Когда Тейя прибыл, вся готская сила двинулась в Тусцию и по Фламиниевой дороге вступила в Апеннины. Нарзес успел раньше перейти перевал, и враждебные армии сошлись в горной местности к югу от перевала. Тотила разбил свой лагерь близ города Тетины (н. Тадино), а Нарзес — Буста Галлика. Расстояние между противниками было 100 стадий (около 20 верст). Нарзес отправил посла к Тотиле с предложением сложить оружие, но Тотила выразил готовность принять битву и на вопрос о сроке назначил восьмой день. Усматривая в этой проволочке коварный умысел, Нарзес стал немедленно готовиться к битве. И действительно, на следующий день войско Тотилы приблизилось на расстояние двух полетов стрелы. Ночью Нарзес занял отрядом пехотинцев командные высоты. Увидев это на рассвете, Тотила три раза посылал конный отряд в 500 человек, чтобы отбить эту позицию. Но пехотинцы под прикрытием каменистого кряжа успешно отбились, и готы отступили. Нарзес построил свои войска в боевой порядок. Он сам с Иоанном встал на левом крыле, где были сосредоточены лучшие силы регулярной армии. Вождей окружали их оруженосцы и гунны. В центре стояли лангобарды, эрулы и остальные варвары в пешем строю. Правое крыло составили войска Валериана, Иоанна Фаги и Дагисфея и с ними часть регулярной армии. Полки пеших стрелков, общим числом до 8 тысяч человек, стояли перед строем обоих крыльев в равных отрядах. На левом конце левого крыла стояло 1500 всадников; 500 из них должны были в случае надобности поддерживать отряды боевой массы, а 1000 была назначена для обычного в ту пору маневра — заезда в тыл неприятелю.

Войска готовились к бою и стояли друг против друга. Из готского строя выехал храбрый воин Кокка, служивший прежде под знаменами императора, и вызвал на единоборство противника. Вызов принял армянин Анзала, дорифор Нарзеса. Кокка первый нанес удар, но Анзала уклонился и сразил противника ударом копья в бок. Войска не трогались с места. Тотила, в царском пурпуре и доспехах, блиставших золотом, с золоченым оружием, совершал перед своим фронтом военную пляску. Поворачивая коня на разных аллюрах в разные стороны, он бросал вверх копье, ловил его посредине, перекидывал из одной руки в другую, отклоняя корпус назад и в стороны, сосредоточивая на себе взоры всех. Так прошло утро. Тотила послал сказать Нарзесу, что желает с ним переговорить; но Нарзес отказался от переговоров. Затягивая время, чтобы дождаться прибытия двух тысяч воинов, Тотила приказал своим войскам обедать. Нарзес держал войска в строю, не позволял снять ни оружия, ни узды у коня и приказал обедать, стоя на месте в строю.

Готы расположили свою пехоту позади конного строя, чтобы она могла служить прикрытием для конницы в случае нужды. Из разных видов оружия Тотила избрал для этой битвы пику; лишь ей одной должны были действовать его воины. Атака готской кавалерии, направленная в центр боевой линии Нарзеса, не прорвала густой стены противника. Стрелки причинили большой урон готам, переранив людей и лошадей раньше, чем их строй достиг рядов пехоты. Завязался бой упорный и продолжительный. К. вечеру готы дрогнули, и римский строй двинулся вперед. Готская пехота не принимала участия в сражении, и отступавшая в беспорядке конница сама перемешала свою пехоту. Потери готов убитыми Прокопий исчисляет в 6 тысяч человек. Среди павших было много прежних римских солдат, перешедших на службу к Тотиле. В темноте началось бегство, кто куда мог.[368] О смерти Тотилы ходили разные слухи. По одним — он пал, сражаясь впереди своего строя; по другим — бежал с поля битвы с пятью оруженосцами, за ним неслась погоня и в числе преследующих был гепид Асбад. Один из спутников Тотилы, увидав, что Асбад направил копье в его спину, закричал: «Что ты делаешь, собака! Зачем ты метишь нанести удар твоему господину?» Тогда Асбад со всей силы ударил копьем в спину Тотилы. Сопровождавший царя гот Скипуар ранил Асбада в ногу, и тот остался на месте, остался и раненный кем-то Скипуар. Свита Асбада остановилась, чтобы помочь своему господину, и прекратила погоню. Спутники Тотилы, доскакав с ним до города Капры, стали осматривать рану. Она оказалась смертельной, и Тотила вскоре скончался. Верные его спутники похоронили его и сами бежали дальше. Прискакавшие в Капры римляне узнали от одной готской женщины, что царь умер и погребен; раскопали могилу, чтобы удостовериться, и вновь зарыли труп, сняв с него пурпурный царский плащ и диадему. Летописец записал под августом 552 года, что в Константинополь были присланы пурпурный плащ Тотилы и его диадема и в заседании синклита были брошены к ногам императора.[369] Эта запись удостоверяет, по-видимому, правильность второй версии.

Благочестивый Нарзес торжествовал победу и видел в гибели Тотилы и разгроме готов перст Божий. Битвой при Тегинах дело готов в Италии было решено. Нарзес рассчитывал справиться с предстоявшей ему задачей и с меньшими силами, чем те, какими располагал. Из числа союзников наиболее затруднений доставляли ему дикие лангобарды. Они позволяли себе всякие насилия, грабили и жгли дома, разоряли церкви, бесчестили монахинь. Щедро заплатив за помощь, Нарзес отослал их за Альпы, поручив вождям Валериану и Дамиану проводить их до границы. Исполнив это поручение, Валериан подступил к Вероне, чтобы подчинить этот город императору. Занимавший его готский гарнизон вступил с ним в переговоры о сдаче, но в дело вмешались франки. Заявляя притязания на все области к северу от реки По, они заставили готов прекратить переговоры. Валериан, не чувствуя себя довольно сильным для борьбы с франками, отошел на линию По, где и остался на охране, согласно приказанию Нарзеса.[370]

Отпустив лашобардов, Нарзес двинулся на юг, занял по пути Нарнию, где ему сдался готский гарнизон, поставил свой гарнизон в Сполетии и предложил сдаться гарнизону Перузии. Дело затянулось, так как командиром гарнизона был изменник, убийца Киприана. Товарищи убили его и сдали город. Войска Нарзеса подступили к Риму. Готы стояли на стенах и бились с наступавшим противником. По приказанию Нарзеса, Дагисфей со своими людьми влез на стены в незащищенном месте и открыл ворота. Защитники бежали в Порт, другие собрались в укрепление, сооруженное Тотилой близ мавзолея Адриана. Они были окружены и сдались, выговорив себе личную безопасность. — Так был взят Рим в пятый раз за время этой войны, и в третий раз ключи

---

[368] Разбор данных Прокопия о битве при Тегинах с военной точки зрения см. *Delbrück,* Gesch. d. Kriegskunst. II (1902) 367—379.
[369] *Theoph.* 228, 20—23.
[370] *Procop.* b. g. 4, 33.

города были отосланы императору. Некоторые из сенаторов, проживавшие, согласно распоряжению Тотилы, в Кампании, узнав о взятии города, поспешили в Рим; но большинству это не удалось, так как их перебили готы. Такая же печальная судьба постигла и тех заложников, которых Тотила набрал из знати Рима и других городов и отослал на север. Все это тяжелое время готы нигде не щадили туземцев. Водворившись в Риме, Нарзес выслал отряды в Центумцеллы, где сидели готы, и Кумы, где хранилась их казна.

В то время как Нарзес направлялся в Рим после своей победы, бежавшие с поля битвы готы собрались в Тицине, заменившем, со времен Ильдибада, Равенну, и выбрали преемником Тотилы его храброго племянника Тейю. Сокровищами, которые успел туда собрать Тотила, Тейя решил воспользоваться, чтобы купить союз франков. Но франки не желали связывать себя союзом и предпочитали вести войну на свой страх, в надежде подчинить себя Италию. Большая часть готской казны находилась в крепости Кумы, близ Неаполя, и Тейя решил направиться туда, чтобы иметь средства для войны.

Получив известие о выступлении Тейи на юг, Нарзес послал в Тусцию Иоанна с его войском и Филемута с эрулами, чтобы преградить ему путь. Но Тейя перешел через Апеннины, спустился к Адриатическому морю и оттуда прошел в Кампанию. Нарзес отозвал Иоанна и Филемута, а также Валериана, который только что взял Петру-Пертузу, и со всеми своими силами выступил против готов. Тейя занял мост на реке Драконе (Сарно) близ Нуцерии, выстроил башни для его охраны и стоял в большом лагере на левом берегу реки. На другой стороне реки стояли римские войска. Обрывистые берега делали затруднительной переправу. И битвы не было, а шла лишь перестрелка. Находясь близко от моря и владея флотом, готы были в достаточной степени снабжены провиантом, и противники простояли на виду друг у друга в течение двух месяцев. В Кумах сидел брат Тейи, Алигерн, и храбро отбивался, не имея сообщения с армией Тейи. Но начальник готского флота изменил национальному делу и перешел на службу императора. Когда доставка провианта прекратилась, готы покинули свой лагерь и заняли часть горной группы Везувия, носившую название Молочной горы (Monte Lattere). Нарзес со всеми своими силами двинулся за ними. Истощив запасы провианта, готы решили дорого продать свою жизнь. Сделав атаку на противника, они спешились и, отослав коней назад, в пешем строю приняли бой. Тейя стал впереди, прикрывшись большим щитом. В его щит впивались вражеские копья, а он метал свои, которые ему подавали оруженосцы. После нескольких часов такого боя в тот момент, когда он менял свой щит, обремененный 12 копьями, на новый, который подавал ему оруженосец, вражеское копье впилось в его грудь, и он пал мертвый. Его отрубленную голову носили на пике победители. Но смерть царя не прекратила битвы. Она длилась до ночи, возобновилась и на следующий день и шла до вечера. Тогда только готы послали сказать Нарзесу о своем желании прекратить этот бой и покинуть Италию, чтобы присоединиться к какому-нибудь другому свободному народу. Они просили выдать им те деньги, которые имелись у каждого на месте службы в разных городах. Нарзес, по совету Иоанна, дал свое согласие. Пока шли переговоры, тысяча готов покинула лагерь и ушла в Тицин. Остальные заключили договор, скрепили его клятвой и ушли на север.[371]

Сила готского племени была сокрушена, но покорение Италии не было закончено. Во многих городах Тусции стояли готские гарнизоны, а в Кумах отбивался от осады храбрый Алигерн. Раньше чем Нарзес мог приступить к подчинению отдельных городов, занятых готами, Италию постигло новое нашествие. Два брата, Бутилин и Левтарид, аламанны по крови, из той области, которая была покорена франками, предприняли поход за Альпы, и в начале 553 года привели в Италию большие силы аламаннов и франков.[372] Появление этих варваров приободрило настроение готов в области реки По.

Получив известие о нашествии, Нарзес выслал на север войска под начальством вождей Иоанна, Артабана и Валериана, присоединив к ним эрулов под начальством нового царя Фалькарида, заменившего умершего Филемута. Нападение Фалькарида на Парму, где сидели франки, окончилось крупной неудачей, и войска стянулись к Фавенции на Эмилиевой дороге. Нарзес, между тем, подчинял императору города средней Италии. Сопротивление было оказано в Луке, но после трехмесячной осады город был взят, и к наступлению зимы Нарзес прошел в Равенну. Туда явился к нему защитник Кум Алигерн, привез ключи этой крепости и принял присягу на имя императора, предпочитая зависимость от императора помощи франков. В начале весны аламанны двинулись на юг. Близ Равенны Нарзес причинил им большие потери; но этот успех не задержал нашествия. Варвары направились на юг, грабили и разоряли все на своем пути, совершали всевозможные неистовства и прошли до Самния. Там вожди разделились. Бутилин прошел в Кампанию и оттуда на юг до Сицилийского пролива; Левтарид разграбил Апулию и Калабрию и дошел до Гидрунта. С огромной добычей и множеством пленных Левтарид направился назад. Близ Пизавра Артабан и гунны сделали на него нападение из засады. Происшедшим замешательством воспользовались пленные и бежали из лагеря аламаннов. Левтарид направился дальше на север. Когда он вступил в область, занятую франками, в его войсках начались повальные болезни, свирепствовавшие с такой силой, что никто из всего множества не вернулся на родину.[373]

Бутилин со своей ордой вернулся в Кампанию, где были сосредоточены войска Нарзеса. Летняя жара вызвала эпидемические заболевания среди варваров, особенно когда стал ощущаться недостаток в хлебе. В полчищах Бутилина большинство составляли франки, были также аламанны и готы. Бутилин занял позицию близ города Капуи на реке Казилин, укрепил ее и, захватив мост, выстроил для его охраны сторожевую башню. Численность его полчища доходила до 30 тысяч. Нарзес с армией в 11 тысяч человек выступил против Бутилина и расположил свой лагерь неподалеку от стоянки франков. Фуражиры неприятеля грабили окрестные местности. Один из вождей, армянин Харанг, отбил обоз и поджег воз с сеном. Огонь охватил сторожевую башню, закрывавшую мост. Варвары стали строиться на битву. То же сделал Нарзес, и его искусство и храбрость войска одержали верх над грубым задором гораздо более многочисленных варваров. По рассказам современников,

---

[371] *Procop.* b. g. 4, 35.

[372] Агафий насчитывает 75 тысяч человек. Павел Дьякон (2, 1) приписывает инициативу этого похода царю франков.

[373] *Agath.* 2, 1—3. — Левтарид погиб близ озера Бенака (Комо) между Вероной и Тридентом. *Paul. diac.* H. L. 2, 2.

Озеро Бенак в предгорьях Альп носит ныне имя Lago di Garda, а не Комо, как сказано у меня по недосмотру.

разгром был так жесток, что только пять человек из всего множества варваров Бутилина успели бежать и дали знать соплеменникам о его гибели. В этой битве участвовал в рядах имперских войск и выказал чудеса храбрости Алигерн.[374] Готы, перешедшие на юг вместе с Бутилином, заняли город Компсу, отбивались в течение всей зимы 554 года и лишь весною, после смерти вождя Рагнариса, вступили в переговоры с Нарзесом и, получив от него ручательство личной безопасности, сдали город и были отосланы в Константинополь.

Нарзес опасался, что нашествие Бутилина и Левтарида было только предварением более решительного наступления франков. Ввиду этого он принимал всякие меры к поддержанию военного духа своих солдат, и печальный опыт прошлого служил ему предупреждением. Но царь франков Теодебальд скончался в молодых годах,[375] и у франков началась междоусобная война претендентов на наследие, Хильдеберта и Лотаря. Франки удерживали за собой земли в северной Италии. Предпринятое ими нападение на римские области дало повод Нарзесу начать против них военные действия, которые закончились вытеснением их из занятой ими территории. Событие это занесено в хронику Мария, епископа Авентики, под 556 годом. На север от реки По держались еще в некоторых местах свободные готы. С ними соединился франкский вождь Аминг, сосредоточивший свои силы на реке Атезисе (Эч). Нарзес вел с ним переговоры при посредстве сенаторов Памфрония и Бона, желая уладить дело миром. Но Аминг отверг всякие условия[376] и дело кончилось полной победой Нарзеса. Аминг пал в битве, а гот Видин был взят в плен и отослан в Константинополь. В связи с этими событиями стоит сдача готами городов Бриксии и Вероны. Весть об этом успехе Нарзеса пришла в Константинополь в ноябре 552 года.[377] Но военные тревоги не закончились для Нарзеса. Два года спустя ему пришлось вести войну на крайнем севере Италии со своим прежним верным союзником, царем эрулов Синдвальдом. Эта часть многоскитального племени эрулов сидела еще со времен Одоакра в местностях к северу от Вероны к перевалу в Альпах. Синдвальд, верно служивший доселе Нарзесу, отложился и хотел составить себе самостоятельное положение. Он был разбит, попал в плен и кончил жизнь на виселице.[378]

Так дело восстановления власти императора в Италии было закончено. Но богатая некогда и цветущая страна вышла из тяжкой и столь продолжительной войны разоренной и страшно ослабленной. Множество городов лежало в развалинах, особенно по побережью Адриатического моря, во многих областях население сильно поредело как от ужасов войны, так и нашествий варваров, своеволия солдат, а также постигавших отдельные местности неурожаев, моровых поветрий, голодных годов. Юстиниан, считая уже в 554 году дело возвращения Италии под императорский скипетр оконченным, издал общий указ, получивший название Pragmatica sanctio.[379] Сохраняя в силе все распоряжения касательно имущественных прав на землю, какие были сделаны законным правительством, т. е. во время правления Аталариха, Амаласунты и Феодагата, а равно и все свои распоряжения прежнего времени, император кассировал распоряжения Тотилы, и лица, пострадавшие от них, имели право, как они сами, так и их наследники, восстановить по суду прежние условия владения. Колоны, покинувшие участки, на которых они сидели, или захваченные другими собственниками, подлежали возврату на прежние свои тягла (п. 16). В случаях, если рабы или рабыни успели вступить в брак со свободными людьми, потомство их получало права матери, а рабы и рабыни должны были вернуться в прежнее состояние (п. 15). Монахиням, вышедшим замуж по принуждению за время войны, было предоставлено право вернуться в свои монастыри. Город Рим сохранил свои старые учреждения и органы управления, а также права и привилегии, и в числе последних право на даровой хлеб для беднейшего населения.[380] Римская церковь, лишенная в течение долгого времени своего главы, томившегося в Константинополе, получила в 555 году достойного представителя папского трона в лице Пелагия, пережившего с населением города все ужасы первой осады Тотилы.

Нарзес оставался в Риме, сохраняя свои чрезвычайные полномочия, и соединял в своих руках высшие функции военной и гражданской власти. Оставаясь в своем звании препозита царских покоев, он носил титул патриция. Сохранившиеся в Риме надписи свидетельствуют о его заботах по восстановлению общественных сооружений, пострадавших во время тяжкой двадцатилетней войны.[381] Восстановление власти императора в Италии, встреченное вначале с такими светлыми надеждами, принесло одни лишь тяжкие беды и несчастия. Сенаторское сословие было в значительном большинстве истреблено, старые огромные состояния разорены, и навеки погребено значение сената в роли верховного правительственного учреждения в стране. Римская церковь, являвшаяся самым крупным земельным собственником в Италии, выросла в политическом значении за счет ослабевшего сената. Фактором огромного значения в общественных отношениях того времени стало монашество. Монастыри возникали во множестве в самом Риме и по всей стране, и это бегство от мира являлось одним из элементов, возвышавших значение римского первосвященника. Глава церкви, он был в глазах населения верховным заступником и печальником о его нуждах. Власть императора осталась чужой внешней силой в обезлюдевшей и ослабленной стране.

ДЕЛА НА ВОСТОКЕ. ВОЙНА С ПЕРСАМИ В ЛАЗИКЕ. МИРНЫЙ ДОГОВОР С ПЕРСИЕЙ

Абазги. Готы-тетракситы. Дагисфей в Лазике. Бесса. Взятие Петры. Успехи Мермероиса. Нахораган. Прекращение военных действий в Лазике. Юстин. Мирный договор с Хосровом.

---

[374] *Agath.* 2, 10. — Событие относится к 554 г. В хронике Мария из Авентики оно записано под 555 годом; eo tempore Buccelenus dux francorum in bello Romano cum omni exercitu suo interiit (Chr. min. II 237).
[375] *Marii Avent. Chr.* s. a. (ib. II 237).
[376] *Menandri* frg. 8.
[377] *Theoph.* 237. 12—15.
[378] *Paul. diac.* II 3; *Marii Avent.* Chr. s. a. 568: Sindevala Erolus tyrannidem adsumpsit et a Narseo patricio interfetcus est (*Chr. min.* II 238).
[379] *Nov. Just.* App. 7.
[380] Право на известное количество хлеба для бедных храма Петра было вскоре отнято первым организатором финансового управления после воссоединения с империей, Александром Псалидием. Мне казалось прежде, что 22 пункт Прагматической санкции позволяет не верить Прокопию, но теперь вижу, что текст этот не дает права расширять аннону и на эту статью.
[381] *Corp. Insc. Lat.* VI 1, 1199 — отстройка водопровода.

Заботы императора о Таврическом побережье

Поход Хосрова в Лазику, предпринятый в 514 году, нанес империи тяжкий ущерб. Лазика и связанные с нею в одно политическое целое области кавказского побережья были отторгнуты от империи и оказались в кругозоре персидской политики. Юстиниан не считал дело потерянным и вскоре нашел способ восстановить свое влияние на жизнь прикавказских стран. — Абазги, занимавшие территорию к северу от лазов, оставались язычниками и, по сообщению Прокопия, их религия состояла в почитании деревьев. Разделенные на два царства, одно, обнимавшее приморскую область, и другое — горные местности к востоку вглубь страны до пределов сванов, абазги признавали над собою верховную власть царя лазов, и смена их царей на троне требовала, по старым давно сложившимся отношениям, утверждения от царя лазов. Торг людьми, издавна обычный на Кавказе, имел у абазгов особую форму: отсюда поступали на рабские рынки высоко ценившиеся евнухи, на которых был спрос при дворах и в столицах. Правители абазгов отбирали красивых мальчиков у родителей, скопили их и сбывали за большие деньги. Среди евнухов двора Юстиниана был некто Евфратп, родом из Абазгии. Юстиниан, находивший время думать обо всем, вмешался в это дело и отправил к абазгским властителям Евфрату со строгим приказом прекратить этот гнусный промысел. Вместе с Евфратой отправлены были священники на проповедь христианства. Их деятельность имела успех, и христианство распространилось у абазгов. Царей своих они изгнали и стали жить свободно под верховной властью императора.[382] Старая крепость Севастополь, разрушенная во время нашествия Хосрова в Лазику, была отстроена и получила вид большого благоустроенного города. Там же, по всему вероятию, построил Юстиниан храм во имя Богородицы, о котором поминает Прокопий.[383]

Весть о заботах императора о просвещении абазгов распространилась по кавказскому побережью и дошла до того остатка готского племени, который продолжал свое существование в низовьях Кубани и на соседнем поморье. То были переселенцы с Таврического полуострова, вынужденные к тому гуннами, с которыми они заключили союз. Единственный источник сведений об этих готах, Прокопий, относил их переселение ко времени непосредственно после крушения державы Аттилы, когда часть гуннов отхлынула на восток. Приблизительное указание на малочисленность этого ответвления готов дает Прокопий в своем сообщении о том, что для общих с гуннами военных предприятий они выставляли две тысячи человек. Они оставались христианами, имели своего епископа и, когда он умер, отправили посольство к Юстиниану с просьбой прислать им нового духовного главу. Прокопий относит это событие к 21 году правления Юстиниана (547—548).[384] Император исполнил просьбу готов и дал им епископа. По всему вероятию, отношения, завязавшиеся в эту пору, продолжались и позднее, но наши источники хранят полное молчание и только современные эпиграфические находки позволяют предполагать, что христианство держалось в тех местах непрерывно до тех времен, когда на кавказском побережье появились епархии Никопсийская и Матархийская.[385]

Если, таким образом, заботы императора об абазгах послужили поводом для приазовских готов вступить в сношения с империей, то сами абазги вскоре отложились от империи. Новые налоги, которые стали водворять в их земле представители императора, вызвали неудовольствие и раздражение. Началось брожение, которое привело к тому, что абазги восстановили у себя царскую власть. В приморской части царем стал Скепарна, а во внутренней — Опсит, и цари, опасаясь последствий гнева императора, вступили в сношения с персами и просили Хосрова принять их под свою верховную власть и освободить от императора.[386] Хронология этого события не дана в наших источниках; но с большой вероятностью можно предположить, что это случилось около 550 года. Вскоре, однако, Юстиниан сумел привести абазгов к покорности военной силой, и это случилось в связи с изменением положения дел в Лазике.

Еще во время посольства Константиана и Сергия (545 год) Юстиниан старался склонить Хосрова к уступчивости в вопросе о Лазике. О том же поднималась речь в переговорах с царским послом Издигуной во время его продолжительного пребывания в Константинополе. Но эти старания не привели ни к каким результатам, и Лазика находилась в отчуждении от империи. Три года спустя после заключения перемирия Хосров задумал воспользоваться доступом к морю, который давала Лазика, и послал вождя Фабриза с 300 воинов, поручив ему приступить к сооружению флота. Лесной материал был заготовлен, но случайный удар молнии вызвал пожар, уничтоживший всю заготовку. Кроме этого поручения Фабриз имел еще другое, тайное. Хосров подозревал Губаза в намерении изменить ему и восстановить свои отношения к империи, с которой его связывало исповедание христианской религии, и приказал Фабризу убить его. Прокопий прибавляет, будто Хосров имел в виду переселить лазов во внутрь своего царства и заселить их землю каким-нибудь другим племенем из внутренних областей своей державы, чтобы обеспечить себе обладание этой страной. Фабриз хотел заманить Губаза в Петру под предлогом совещания о делах его царства и надеялся воспользоваться помощью одного

---

[382] *Procop.* b. g. 4, 3, 12—21.

[383] Ib. aed. 3, 7, p. 261. Прокопий говорит только о Севастополе, не упоминая при этом о Питиунте. — Существующий ныне древний храм в Пицунде не является сооружением Юстиниана. См. мою статью: «Где построил Юстиниан храм для абазгов?» (*Археол. Изв. и Заметки*, 1897, № 2).

Абазги служили в имперской армии при Феодосии Младшем — *Not. diga.* Oriens, c. 31, 55. Свидетельство Прокопия, будто они недавно вступили в союз с империей —b. p. 2, 29, — является неточным. Старые связи прекратились под влиянием неблагоприятных условий и были восстановлены «недавно», т. е. уже при Юстиниане.

[384] *Procop.* b. g. 4, 4, 9—13; 5, 17—22; 18, 22. — Прокопий называет этих готов гетракситами. Васильевский сближал этот термин с позднейшим τὰ Μάταρχα, откуда наше — Тмутаракань. Термин тетракситы скорее следует понять в смысле указания на деление на четыре рода, так как и послов было четыре. *Loewe*, в своем исследовании: Die Reste der Germanen am Schwazen Meere (1896) пытался без достаточных оснований превратить этих готов в эрулов (стр. 25—35).

[385] См. мою статью «К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове» *(Виз. Врем.* II. 1895, 189—198).

[386] *Procop.* b. g. 4, 9, 6; 10—12.

личного врага Губаза, Фарсанза,[387] члена местной знати. Но Фарсанз сам предварил царя о грозившей ему опасности, и тот уклонился от всяких сношений с персами. Фабриз со своим отрядом покинул Лазику, а Губаз отправил посольство в Константинополь и просил императора принять лазов в свой союз и помочь им в борьбе с персами. Юстиниан немедленно отозвался на это обращение и послал в Лазику вождя Дагисфея с армией в 7 тысяч человек, к которым должно было присоединиться ополчение ценнов в тысячу человек.[388] Губаз вступил в сношения с гуннами-сабирами и аланами и обещал им от имени императора триста фунтов золота за помощь против персов. Известив об этом императора, он просил также прислать и те деньги, которые причислялись лично ему по должности силенциария, на которую он был зачислен десять лет тому назад. Деньги запоздали, и Юстиниан прислал их лишь в следующем году.

Вступив в Лазику, Дагисфей по соглашению с Губазом приступил к осаде Петры, а лазы взяли на себя охрану проходов со стороны Иверии. С южной стороны был еще один проход, по которому лазы провели Хосрова в 541 году.[389] Дагисфей поставил там отряд в сто человек. Осада Петры велась с большой настойчивостью, и персидский гарнизон терпел большие потери. Римляне начали рыть подкопы, обвалили часть стены и довели защитников до крайности. Начальник гарнизона вступил в переговоры о сдаче, и Дагисфей не предпринимал более приступов, будучи уверен в том, что крепость будет скоро в его руках. Между тем начальник персидской Армении Мермероис собрал большую армию и направился в Лазику с юга. Слабая охрана не могла удержать персов. Когда Дагисфей получил известие о приближении Мермероиса, в его лагере произошла паника и войско бежало на север к Фазиду, бросив свои пожитки в лагере. Ценны не последовали за Дагисфеем, и когда персы вышли из крепости на грабеж лагеря, отразили их и захватив с собою то, что могли унести, направились по побережью на родину. Их путь лежал на Афины и Ризей в Трапезунт.[390]

На девятый день после бегства Дагисфея Мермероис подошел к Петре. Из числа защитников он нашел 350 раненых и только 150 человек вполне здоровых. Он немедленно принялся за исправление повреждений в стенах и, оставив в крепости три тысячи отборных воинов и весь провиант, который привез с собой, направился назад по другой дороге, пролегавшей по населенным местам, где можно было прокормить войско. В местностях близ Фазида он оставил пять тысяч воинов, а с остальными силами ушел на свои стоянки в Двин. Оставшиеся в Лазике персы должны были добывать провиант для доставки его в Петру. Разбившись на мелкие отряды, они занялись фуражировкой и свозили провиант в главный лагерь. Губаз и Дагисфей соединили свои силы и неожиданным ночным нападением захватили лагерь, разгромив персов. Лагерь и весь собранный провиант достался победителям. Так прошел 549 год.

Вскоре император прислал деньги для гуннов и известил Губаза об отправке подкреплений под начальством вождя Рекифанга. На следующую весну персы опять вступили в Лазику, прошли на реку Гиппий и стали лагерем неподалеку от Петры. Дагисфей и Губаз напали на них и в упорной битве одержали победу.[391]

Царь Губаз считал Дагисфея виновником неудачи под Петрой, и его жалобы Юстиниану имели своим последствием то, что Дагисфей был отозван в Константинополь, и по его делу было наряжено следствие. Главное командование в Лазике Юстиниан передал старому воину Бессе, назначив его магистром армии в Армении. Вместе с Бессой прибыли в Лазику вожди федератов Бенил, брат Бузы, Одонах, Баба и эрул Улигаг со своими соплеменниками.[392] Бесса имел поручение восстановить власть императора в земле абазгов и, прибыв в Лазику, немедленно снарядил туда экспедицию. Ввиду трудности передвижения в горных дебрях незнакомого края, войска были отправлены морем. Армянин Иоанн, сын Фомы, и эрул Улигаг справились с возложенной на них задачей и овладели главной крепостью абазгов. Царь Опсит бежал к гуннам, жены и дети обоих царей попали в плен. Много народа было перебито, крепость была разрушена и ее укрепления сравнены с землею. Соседи абазгов, апсилы, отложились от лазов одновременно с абазгами, и один местный человек, по имени Тердат, принял персидский гарнизон в крепость Цибил.[393] Иоанн вступил в Апсилию с тысячью человек римского войска, овладел крепостью и восстановил зависимость апсилов от царя лазов.[394] Главной задачей Бессы было уничтожение опорного пункта персов в Лазике, крепости Петры. Собрав все свои силы, он подступил к этом городу и начал осаду. Существенную помощь ему оказали сабиры, явившиеся за получением денежных даров императора. Они построили несколько легких переносных таранов, с которыми можно было взобраться на крутизны и громить оттуда стены крепости. Гарнизон храбро оборонялся и терпел большие потери. Судьбу города решил приступ. Бесса, старый и тучный человек, первый взлез на стены. Он был сброшен с высоты; оруженосцы подхватили его и унесли, прикрыв щитами. Оправившись от падения, он опять полез на стены. После продолжительного и кровопролитного боя Петра была взята при помощи огненосных снарядов. Из числа уцелевших защитников сдалось 730 человек, из которых только 18 не были ранены. В цитадели заперлись храбрецы, бились до смерти и погибли в огне. Победителям достались огромные запасы оружия и провианта, запасенного на пять лет. Бесса срыл крепость до основания, чтобы она не могла служить персам опорным

---

[387] Имя «Фарсанз» весьма интересно в том отношении, что имеются боспорские монеты с именем царя Фарсанза с середины III века по Р. Х. Царем Боспора из династии, носившей имена Тиберий Юлий, был тогда Рескупорид IV, правивший с 239 по 262 год. Время Фарсанза совпадает с первыми морскими предприятиями готов на римские города кавказского побережья, которые они совершали на судах боспорского флота.

[388] Имя Дагисфей носил один из подначальных вождей Теодориха во время его разбойничьего водворения в Диррахии в 479 году. — *Malchi.* frg. 18, p. 128 м.— Такой же гот из обжившихся во Фракии был, вероятно, и этот Дагисфей.

[389] Вероятно, это тот проход, по которому теперь существует дорога через перевал из Ахалцыха на Аббас-Туман в Кутаиси.

[390] *Procop.* b. p. 2, 30, 14. Ризей — ныне Ризо, Афины—Антика.

[391] В подробном рассказе Прокопий выставляет заслуги гепида Филегага и армян Артабана и Иоанна Гузы, сына Фомы, правителя Третьей Армении (Nov. 31, 2).

[392] *Procop.* b. g. 4, 9, 10—31.

[393] В этом имени Броссе узнает имя реки Цебельды.

[394] *Procop.* b. g. 4, 10, 1—7.

пунктом на будущее время, и отослал в Константинополь пленных персов.[395] Взятием Петры Бесса поправил свою военную славу, омраченную сдачей Рима Тотиле в декабре 546 года. Но вместо того чтобы воспользоваться достигнутым успехом для укрепления проходов в Лазику, он, поддаваясь своей застарелой страсти корыстолюбия, отправился в Армению и Понт и стал собирать полагавшиеся ему доходы по должности магистра армии.[396] Оставшаяся в Лазике армия имела свои стоянки на Фазиде, а три тысячи человек, под начальством вождей Одонаха и Бабы, стояли в крепости Археополе.

Взятие Петры случилось в начале 551 года. Мермероис собрался в поход ранней весной и, узнав в дороге о гибели этой твердыни, изменил направление пути и вступил в Лазику с востока через проход, который персы успели сделать более доступным, проложив в нем дорогу. Он вел с собой значительные силы, а вызванные им на помощь сабиры явились к нему в числе 12 тысяч человек, из которых он удержал только 4 тысячи. В его армии было восемь боевых слонов. Вступив в Лазику, Мермероис отстроил крепость Сканду, а затем, пройдя мимо Археополя,[397] направился по правому берегу Фазида, чтобы захватить неприятеля в главном лагере. По слуху о приближении Мермероиса, имперская армия бросила свой лагерь и переправилась на судах на левый берег реки. Глубина и быстрое течение реки спасли римлян от преследования, так как Мермероис не имел лодок для переправы. Предав огню брошенный лагерь, Мермероис вернулся под стены Археополя и осадил его. Гунны-сабиры изготовили ему много легких переносных таранов, которые помогли Бессе взять Петру. В армии Мермероиса был большой отряд деламитов. То были горцы из области, лежавшей к югу от Каспийского моря, остававшиеся в положении свободного народа и служившие в персидских войсках по найму за плату.[398] Мермероис надеялся с их помощью легко справиться с Археополем. Грозный приступ многочисленной армии поставил крепость на край гибели. Тучи стрел, летевших в защитников, не позволили им удержаться на стенах, но отважные вожди Одонах и Баба сделали вылазку и потеснили нападавших. Один слон был ранен и, придя в бешенство, смешал ряды персов. Началось смятение и бегство. Персы потеряли четыре тысячи человек убитыми и трех вождей. Четыре знамени достались победителям и, как трофей победы, были отосланы к императору.

После этой неудачи Мермероис направился в самую цветущую область Лазики и занял города Мухерезий и Кутаиси, укрепления которого были в развалинах. Мермероис окружил его палисадом и остался здесь на зимовку. Неподалеку от Кутаиси была расположена крепость Ухимерий, занятая гарнизоном лазов и небольшим отрядом имперских войск.[399] Сообщение с этой крепостью было отрезано и вместе с тем возможность сношений с лежавшими к северу областями Сванией и Скамнией, которые получали хлеб от лазов.[400] Сваны вступили в сношения с Мермероисом и просили его принять их земли под власть персидского царя. Выманив хитростью из своих крепостей римские гарнизоны, они впустили туда персов.[401] Вскоре нашелся среди лазов изменник, который, польстившись на щедрые обещания Мермероиса, распустил в Ухимерии ложный слух о гибели царя Губаза и всей римской армии и склонил гарнизон к сдаче.[402]

В том же самом 551 году в Константинополь прибыл посол Хосрова Издигуна. Срок перемирия, заключенного в 545 году, истек более года тому назад. После продолжительных переговоров было решено возобновить его на новое пятилетие с уплатой по 400 фунтов золота в год.[403] Состоявшееся соглашение не касалось Лазики. В эту пору в Константинополе томился в плену один знатный перс по имени Берсабус. Император выдал его без выкупа Издигуне, заручившись от обоих обещанием содействовать тому, чтобы Хосров вывел войска из Лазики. Но Хосров, получив деньги, послал часть их Мермероису на нужды войны.[404]

Самая богатая область Лазики с городами Кутаисом, Родополем и Мухерезием оставалась в руках персов. Мермероис отстроил вторую пограничную крепость, Сарапаний, и, оставив в Кутаиси гарнизон в три тысячи человек, перешел на эту новую стоянку. Бесса, по-видимому, не находился тогда в Лазике и был занят другими делами в пределах своего командования. Оставшиеся без главнокомандующего войска бездействовали. Мермероис сделал еще одну попытку напасть на главный лагерь имперского войска в нижнем течении Фазида; но Мартин, заменявший главнокомандующего, ушел от него на левый берег реки. Царь Губаз оставался верен империи и в трудное время скрывался в неприступные горные ущелья. Значительная часть лазов мирилась с господством персов, тем более, что поведение имперских войск и их командиров не располагало к себе население. Мермероис обратился к Губазу с письмом, в котором настойчиво советовал ему признать верховную власть Хосрова, ручался за милости царя и предлагал выдать ему в заложники персидских вождей. Но Губаз оставался тверд в своей вражде к персам и надежде на помощь императора. Поход, предпринятый Мермероисом в Абазгию, окончился неудачей, равно как и попытка захватить Археополь.[405] Прокопий излагает эти события без точного указания хронологических дат, не выходя в своем сочинении о готской войне за пределы 553 года. Продолжатель Прокопия, Агафий, сославшись на упоминание Прокопия о нападении Мермероиса на Археополь, излагает эпизод, относящийся, по-видимому, к 554 году.

Озабоченный судьбою Лазики император прислал подкрепления под начальством опытных вождей Мартина и Бузы. Вместе с ними прибыл Юстин, сын Германа, человек еще молодой, но имевший уже военный опыт, приобретенный в Италии. После второй неудачи под Археополем Мермероис задумал экспедицию на нижнее течение Фазида с целью захватить в западной части Лазики опорные пункты на левой стороне Фазида. Имперские войска в ожидании неприятеля заняли горную крепость Телефис, которая была окружена

---

[395] Ib. 4, 11—12.
[396] Ib. 4, 13, 11.
[397] *Brosset* отождествляет это имя с грузинским Даба-цвели.
[398] *Procop.* b. g. 4, 14 Δολομῖται. — *Nôldecke,* — Tabari, p. 479, n. 1 — производит их имя от названия области Dêlam, ныне Гилян. По свидетельству Прокопия, их вооружение составляли меч, щит и три дротика.
[399] По определению Броссе—Лечхум.
[400] *Procop.* b. g. 4, 14.
[401] *Menandri* frg. 11, p. 215 M.
[402] *Procop.* b. g. 4, 16.
[403] Ib. 4, 15, 3.
[404] Ib. 4, 15, 8—12.
[405] Ib. 4, 17, 9—19.

труднопроходимыми болотами и обрывистыми ущельями, заросшими густым лесом.[406] Дороги представляли узкие тропинки, по которым трудно было пробираться даже человеку налегке. Осмотревшись на месте, римляне завалили камнями подходы, устроили завалы из срубленных деревьев и бдительно держали охрану. Поблизости от Телефиса в местности, называвшейся Горшечный рынок, стояли войска под начальством Бессы и Юстина.[407] Мермероис, получив точные сведения от своих лазутчиков, сделал остановку в пути и распустил слух о своей болезни, а потом и смерти. Обманутые этим слухом римские вожди ослабили бдительность охраны, а потом сняли сторожевые посты и занялись грабежом окрестных мест. Усыпив внимание противника, Мермероис стал во главе своих сил и быстро прошел трудные места дороги. Мартин, стоявший в Телефисе, не считал возможным отстоять крепость и поспешно отступил, оставив на месте храброго и опытного вождя Феодора с отрядом цаннов в 500 человек. Отступление Мартина превратилось в бегство всех римских сил. По дороге армия растеряла значительную часть своего боевого снаряжения и, пройдя в один день более 150 стадий, вернулась в укрепленный лагерь в местности, которая носила название Острова. Северный приток Фазида, Докон, сближается в нижнем течении с Фазидом; римляне прокопали канал в узком месте и образовали остров.[408] Феодор собрал рассыпавшихся на грабеж и отставших солдат и с успехом прикрыл позорное отступление армии. Мермероис, дойдя до Горшечного рынка, не пошел дальше, а, устроив переправу через Фазид, усилил гарнизон Оногуриса и вернулся на свои стоянки в сердце Лазики. Вскоре он тяжко захворал, уехал в Месхиту (Μεσχιτά — Мцхета) и там скончался (осень 554 года). Его преемником был назначен знатный перс Нахораган.

Жалобы Губаза императору возымели наконец свое действие. Старый Бесса был отставлен, отдан под суд, сослан в заточение в Абазгию и подвергнут конфискации имущества. Главное командование было передано Мартину, а ближайшими к нему вождями были Юстин, сын Германа, и Буза. Так как Губаз в своих сообщениях императору позволял себе резкие суждения о поведении командиров, то многие из них питали на него обиду, и в их числе были главнокомандующий Мартин и казначей армии Рустик. Брат Рустика, Иоанн, отправился в Константинополь с доносом на Губаза, будто он хочет изменить империи и поддаться персам. Хотя Юстиниан и не поверил этому доносу, но дал письменный ответ и предложил вождям прислать Губаза в столицу. Во избежание тех разоблачений, которые мог сделать Губаз при личном свидании с императором, Мартин, Рустик и Иоанн решили убить его и исполнили этот злодейский замысел.[409] Лазы прервали всякие сношения с римлянами, и в стране началась агитация за то, чтобы подчиниться персам. Но старые связи с империей и единство веры оказались сильнее, и восторжествовала партия, стоявшая за союз с империей. Было наряжено посольство к Юстиниану с просьбой покарать убийц царя и прислать на царство проживавшего в Константинополе брата Губаза, Тцафия.[410]

Военные действия, которые предпринял в это время Мартин, задумавший овладеть крепостью Оногурисом, окончились неудачей и сопровождались большими потерями.[411]

Юстиниан милостиво принял посольство лазов и отпустил на царство Тцафия. Лазы и римские войска приняли его с подобающей честью. В свите нового царя прибыл сенатор Александр, которому было поручено расследовать дело об убийстве Губаза. Он немедленно заточил в тюрьму Рустика и Иоанна и начал следствие по их делу. Отпуская Тцафия из столицы, Юстиниан прислал большую сумму денег для раздачи союзным варварам. Сотерих, которому было поручено передать эти деньги по назначению, отправился с небольшой свитой в землю мисимиан, живших к северо-востоку от апсилов и соседивших с севера с аланами. Он остановился в крепости мисимиан, носившей имя Бухлоон, и предложил аланам прислать своих уполномоченных для получения денежных даров от императора для них и народов, живших в их соседстве. Среди мисимиан пошли слухи, будто Сотерих хочет сдать их крепость аланам. Их просьба покинуть Бухлоон была принята Сотерихом как обида; тогда они напали на дом, где он остановился, убили его, обоих его сыновей, истребили всю его свиту, овладели деньгами, которые он привез. Порвав свои добрые отношения с империей, мисимианы вступили в сношения с персами.[412]

Преемник Мермероиса Нахораган вступил в Лазику весной 555 года. Общую численность его сил Агафий исчисляет в 60 тысяч человек. Нахораган имел с собою много слонов и вез в обозе лодки для наводных мостов. Поместив свой штаб в Мухерезии, он стал в большом лагере неподалеку от Археополя. Первое предприятие нового главнокомандующего окончилось неудачей. Отряд деламитов хотел сделать ночью нападение на сабиров, стоявших неподалеку от Археополя. Но сабиры, предупрежденные одним туземцем, приготовились встретить неприятеля и нанесли деламитам тяжкое поражение, а подоспевший на шум битвы с конницей из Археополя Баба докончил разгром.[413]

Главные силы имперской армии под начальством Мартина стояли в укрепленном лагере на Острове. В сознании превосходства своих сил, Нахораган вступил в сношения с Мартином и на состоявшемся между ними свидании предложил ему очистить Лазику и предоставить ее персам. Мартин отказался, и Нахораган продолжал свой поход. Желая решительным ударом достигнуть более крупных результатов, Нахораган задумал овладеть главным городом страны Фазидом в низовьях соименной реки. Переправив свою армию на левый берег реки,

---

[406] Имя Телефа живет и поныне, на левой стороне Чхарулы, ниже Сканды, лежащей между Чхарулой и Зузой. *Brosset*, 104.
[407] *Agath.* 2, 19. Агафий передает название местности по-латыни словом Ollaria и по-гречески Χυτροπώλια. Это имя есть перевод туземного. По-грузински горшок — квеври и неподалеку от Телефы течет речка Квеврула. *Brosset*. 101.
[408] Докон-Техур. И поныне одно место в нижнем течении реки носит имя Изолети у туземцев и названо Изуля на карте генеральн. Штаба 1834 года. *Brosset,* 100. Но расстояние от Телефы не соответствует указанному у Агафия, а значительно больше.
[409] *Agath.* 3, 4.
[410] Ib. 3, 14.
[411] Ib. 3, 5—7.
[412] Ib. 3, 16. — Сотерих привез 400 фунтов золота в новой монете, не бывшей еще в употреблении, т. е. 28 800 номисм. Эти деньги были разысканы через два года.
[413] *Agath.* 3, 18.

Нахораган направился к городу Фазиду. Когда вожди, находившиеся на Острове, получили известие об этом, Мартин оставил в лагере Бузу, а сам поспешил по правому берегу реки в Фазид. Часть войск он посадил на суда. Но путь по реке был уже прегражден мостом на судах, который успел навести Нахораган ниже Острова. Два корабля попали в руки персов, но экипаж и солдаты спаслись вплавь на берег. Мартин поспел вовремя, и на охрану Фазида собрались значительные силы. Юстин занял цитадель, обращенную к морю, на охране стен стояли Мартин, Ангила с маврами, Феодор с ценнами, Филомафий с исаврами, Гибр с лангобардами и эрулами, Валериан с войсками из армии Востока. Когда Нахораган подошел к Фазиду, имперские войска были готовы отразить нападение. Персы приступили к правильной осаде. Они строили осадные орудия, подводили тараны к стенам, рыли укрепления. Когда все приготовления были закончены, персы пошли на приступ. Дикая храбрость и страсть к подвигам побудили лазов и мавров сделать вылазку, в которой принял участие и Феодор со своими ценнами. Они были окружены. Случай выручил их и решил судьбу битвы и осады. Один из слонов был ранен в глаз, пришел в бешенство, сбросил и растоптал сидевших на нем людей, разметал все кругом себя, расстроил персидскую конницу и вызвал всеобщее замешательство в рядах наступавших. Этим воспользовались римляне и перешли в наступление. Нахораган, не будучи в состоянии привести войска в порядок, дал сигнал к отступлению и сам бежал с поля битвы. Началось преследование и избиение бежавших. Погибло до 10 тысяч человек. Когда шел грабеж убитых, оказалось много трупов знатных персов, носивших золотые браслеты, кольца, серьги и дорогое оружие, украшенное золотом. Нахораган, приведя в порядок свою разгромленную армию, выставил деламитов в боевом строю, чтобы они прикрывали отступление, и отвел войска в Кутаиси. Часть своей конницы он оставил в Лазике под начальством вождя Вафиза и ушел с остальными войсками в Иверию.[414]

Так благополучно для лазов и империи кончилось грозное поначалу нашествие Нахорагана. Между тем, сенатор Афанасий, закончив следствие об убийстве Губаза, нарядил суд, обставив его с возможной торжественностью и всеми формальностями, какие применялись в судебной практике в Константинополе. Суд происходил публично, на глазах войска и лазов. В торжественном одеянии своего сана Афанасий сидел на высоком трибунале. Дело началось с чтения письма императора, присланного в ответ на донос Рустика и Иоанна. Затем выступили с речами обвинители со стороны лазов и Рустик держал речь в свое оправдание. В двух заседаниях шло обсуждение всех выяснившихся данных и затем был объявлен приговор. Рустик и Иоанн были признаны виновными в убийстве царя Губаза и приговорены к публичной смертной казни, которая и была совершена над ними. О причастности Мартина к этому убийству Афанасий постановил довести до сведения императора. Блестящая победа, одержанная Мартином, заставила императора замедлить с решением по этому делу.[415]

Против мисимиан, которые после убийства Сотериха отложились от империи, была снаряжена карательная экспедиция, затянувшаяся на два года. В 557 году имперским войскам удалось взять неприступную горную крепость Цахар. Но и после падения этого центрального опорного пункта мисимианы долго не сдавались. Войска совершали страшные жестокости и принудили мисимиан просить пощады и выдать заложников. Деньги, похищенные у Сотериха, были разысканы и возвращены полностью.

После поражения Нахорагана персы не предпринимали военных действий. Из занятых ими городов, Родополь, отстроенный и укрепленный Мермероисом, был захвачен гунном Эльминзуром и остался в руках имперских войск. Хосров, получив известие о поражении Нахорагана, вызвал его в столицу, разобрал дело, признал его виновным и покарал жестокой казнью: с живого человека сняли кожу. Юстиниан, получив донесение Афанасия, промедлил целый год и тогда только отрешил Мартина от командования и уволил его в отставку.[416] Ввиду истечения пятилетнего срока перемирия Издигуна опять побывал в Константинополе, и перемирие было продолжено на новый срок (557 г.).[417] Хосров, сознавая огромные затруднения, которые предъявляла ему война в отдаленной Лазике, и те преимущества, которые давало империи обладание Черным морем, отказался от агрессивных действий,[418] и оба государя отдали строжайший приказ своим вождям прекратить войну. Обе стороны оставались в обладании занятых ими местностей. Такое неопределенное положение длилось в течение пяти лет.

Главнокомандующим в северной части восточной границы империи был назначен Юстин, сын Германа. Он воспользовался прекращением военных действий с персами для утверждения римской власти в земле ценнов. — Хотя еще со времени командования в Армении Ситты ценны признали над собою власть императора и в их земле распространилось христианство, но в массе народ сохранял свои старые разбойнические инстинкты, и ценны нередко беспокоили своими набегами соседние с их землей области Армении как римской, так и персидской, и занимались грабежом на дорогах, ведущих в Трапезунт. В 558 году отряд римских войск под начальством Феодора вступил в землю ценнов и расположился в укрепленном лагере между крепостью Феодориадой и Ризеем. Завязав сношения с теми соплеменниками, которые хранили верность императору, Феодор старался воздействовать на мятежные элементы в стране. Но ему пришлось выдержать осаду от собравшихся в большом числе разбойников. Подойдя к лагерю Феодора, они заняли высоты и пошли на приступ. Феодор успешно отбился от нападения и водворил спокойствие в стране. Получив сведение об этом успехе, император приказал Феодору ввести в стране податное обложение, от которого ценны были дотоле свободны. Так водворена была окончательно власть императора в этой стране.[419]

Время командования Юстина ознаменовалось тяжкими притеснениями туземного населения от разных

---

[414] *Agath.* 3, 23—28.
[415] Ib. 4, 1—11.
[416] *Agath.* 4, 21.
[417] Ib. 4, 30.
[418] Так объясняет дело Агафий. Очевидно, в Византии ничего не знали о сношениях персидского двора с турками и совместных с ними военных предприятиях Хосрова против исконного врага персов, ефталитов.
[419] *Agath.* 5, 1—12.—Агафий поминает о новеллах Юстиниана, которыми он регламентировал положение ценнов. В сохранившемся сборнике новелл нет этих указов.

нечистых спекуляций, которые, с ведома Юстина, позволял себе некто Иоанн, африканец по происхождению. Свои вымогательства он распространил на все пограничные области, а в Лазике восстановил память Иоанна Тцибы. Взяв в свои руки доставку хлеба в Лазику, он скупал его по дешевым ценам и, доставляя морем, устанавливал по своему произволу высокие цены. Барышами от своих спекуляций он делился с Юстином, попускавшим его злоупотребления.[420]

Неопределенное положение в Лазике тянулось до конца срока заключенного с персами перемирия. В конце 561 года на границе между Нисибином и Дарой съехались уполномоченные от обоих держав для выработки условий мирного договора. То были лучший дипломат Юстиниана магистр Петр и Евсевий, а со стороны Персии — Издигуна, имевший тогда высокое звание «зиха» и «сурена».[421] При уполномоченных состояла большая свита, канцелярия и целый штат переводчиков.

В предварительных переговорах выяснилось принципиальное несогласие по некоторым пунктам. Издигуна поддерживал претензию Амра, сына и преемника Аламундара,[422] на то, чтобы в текст договора была внесена статья о денежных уплатах со стороны императора арабам. Петр не согласился на это и заявил, что те дары, которые посылал Юстиниан Аламундару, имели характер любезного внимания и являлись отчасти ответными. Со своей стороны Петр, ввиду согласия Хосрова на предоставление Лазики императору, хотел добиться того, чтобы персы отказались от Свании, которая до 551 года находилась под властью царя лазов. Издигуна возражал, что царь лазов владел некогда всей Иверией, которая, однако, принадлежит персам. Ввиду невозможности соглашения по этим двум вопросам, было решено не включать их в текст договора. Окончательное решение вопроса о Свании уполномоченные согласились предоставить Хосрову, повидаться с которым предполагал Петр после выработки мирного трактата. Издигуна со своей стороны дал клятвенное обещание содействовать ему перед Хосровом в его домогательствах насчет Свании. В обсуждении вопроса о размере уплат Персии со стороны империи уполномоченные сошлись на сумме 30 тысяч золотых в год, т. е. несколько более 400 фунтов.[423] Продолжительные споры вызвало обсуждение самой формы уплаты. Издигуна требовал, чтобы деньги были уплачены вперед на большое число лет. Согласились на том, что император уплатит сразу за семь лет вперед, т. е. 210 тысяч золотых, и выдаст Хосрову формальное обязательство уплатить в конце 7 лет за три года сразу, т. е. 90 тысяч. Согласившись на этом, уполномоченные приступили к выработке текста мирного договора. Менандр, пользовавшийся подробным изложением всего этого дела в сочинении самого Петра Магистра, сохранил перечисление всех 13 статей договорной хартии.

Персы принимали на себя охрану кавказских проходов и обязывались не пропускать на юг гуннов, алан и других варваров, со своей стороны империя обязывалась не подвигать к персидским границам своих войск ни в Лазике, ни в других местах (статья 1). Арабы, союзники той и другой державы, должны были оставаться в прежних условиях (2). Обе державы взаимно обязывались не нападать на племена или страны, находящиеся под верховной властью другой (9). Персия признавала существование Дары, но обе державы принимали обязательство не возводить новых укреплений в пограничных местностях (8).

Несколько статей трактата регулировали международный обмен. Как в договоре времен регентства Анфимия в начале V века, торговые караваны обеих держав вели обмен в двух пунктах: Нисибин на персидской стороне и Дара — на римской. Товар, переходивший границу, оплачивался здесь 10% таможенного собора от своей стоимости под надзором установленных властей (3). Было специально оговорено, что арабы и другие варвары не имеют права вести торговлю по другим путям, а должны держаться Нисибина и Дары. В случае нарушения этого условия, товар подлежал конфискации и виновные подвергались наказанию по суду (5). За послами и вестниками по международным сношениям сохранено старое право пользования государственной почтой, соответственно рангам отдельных лиц; товары, которые они везут с собой, свободны от пошлины (4).

Подданные той и другой державы, переходящие в чужие пределы в военное время, имеют право возвратиться по наступлении мира; во время мира такой переход не дозволяется и считается изменой; обе стороны обязуются не принимать изменников (6). В случае взаимных обид дело подлежит местному суду, причем допускается представительство потерпевшего доверенным лицом (7). В случае столкновения пограничных общин, дело разрешается на границе властями обеих держав. В случае недовольства со стороны потерпевшего, дело переходит на суд префекта, который обязан решить его в шестимесячный срок; а в случае неисполнения этого условия, дело переходит на суд государя страны, где находится обидчик (11).

В 12 статье договор поставлен под охрану богов, а в последней, 13-й, определен срок его действия, а именно 50 лет, причем год считается в 365 дней. — Таково было содержание главной хартии, не заключавшей в себе ни определений относительно Лазики, ни указания на размеры уплат. В дополнительной хартии были оговорены права христиан в Персии. Им предоставлялось право невозбранно отправлять свой культ, погребать умерших, но запрещалось распространять свое учение среди исповедующих религию магов. Христиане были свободны от принуждения принимать участие против собственного желания в культе персов.

Тексты были написаны в двух экземплярах на обоих языках. Первый подлинник на том и другом языке был подписан уполномоченными и скреплен их печатями, а также печатями 12 толмачей, по 6 от каждой стороны. Греческий текст Петр отдал Издигуне, а тот ему персидский. Копии взяли себе оба уполномоченные на своем родном языке.

Дело было кончено. Издигуна уехал, а Петр остался, чтобы отпраздновать в Даре праздник Рождества

---

[420] Ib. 4, 21—22.

[421] По свидетельству Менандра звание Ζιχ было самым высоким придворным саном персидского двора, и Менандр поясняет его термином Κουβικουλάριος. *Menandri* frg. 11, p. 206 м.

[422] Аламундар пал в июне 554 года во время междоусобной войны с Арефой в битве близ Халкиды (Киннешрин). *Nôldecke,* Tabari, p. 170. η. 1. — Эта дата имеет большую важность для установления хронологии династии этого царского рода в VI веке.

[423] Из фунта золота чеканилось 72 номизмы. Таким образом, 400 фунтов дают 28 800 номизм. Вероятно ради округления цифры сумма была увеличена до 30 тысяч. Рассуждения *Güterbock'a,* Byzanz und Persien, стр. 62—65, являются праздным домыслом.

Христова. После Богоявления он поехал к царю Хосрову. Свидание состоялось в городе Бифармаиде. В личных переговорах с Хосровом Петр старался убедить его отступиться от Свании и доказывал с документами в руках исконную связь этой страны с Лазикой. Хосров не уступал и со своей стороны указывал на претензии Амра к Издигуне за то, что тот не отстоял его интересов.[424] Свания осталась во власти персидского царя.[425] Петр вернулся в Константинополь много позднее: в июле 563 года.[426]

Так Юстиниан на склоне своих дней закончил прочным миром войну с персами и оставил для будущего вполне определенные и ясные, закрепленные в тексте договора, условия для мирного сожительства империи с исконным ее врагом. Денежные уплаты персам, которые принял еще Феодосий в договоре 422 года, оправдывались теми расходами, которые несла Персия по охране северных проходов от варварских вторжений, одинаково опасных как для Персии, так и империи. Эта точка зрения удерживалась и теперь по старой традиции, как и впоследствии, хотя обстоятельства значительно изменились и империя имела сама непрерывные сношения с аланами и гуннами-сабирами, племенами, сидевшими над проходами. В действительности, уплаты, которые принимала на себя империя, обеспечивали Армению, Месопотамию и Сирию от тех репрессий, которыми Хосров вынуждал уплату денег. Промышленное население этих областей давало большие доходы, и императорская казна могла принять на себя этот вынужденный расход. Вместе с обеспечением восточных областей империи, Юстиниан достигал и другого важного результата: сохранял за империей невозбранное господство в Черном море.

Еще при жизни Юстина были восстановлены старые связи центра империи с Боспором, представлявшим собою старый культурный центр с торговым населением, которое служило посредником в торговом обороте между империей и восточными странами. В первые годы своего правления Юстиниан имел случай ближе войти в заботы об этой далекой окраине. Из гуннской орды, кочевавшей на Таврическом полуострове, явился в Константинополь хан, по имени Грод, чтобы принять христианство. Император был сам его восприемником, щедро одарил своего крестника и отправил на родину, поручив блюсти интересы империи. С ним был послан на Боспор отряд имперской армии под начальством трибуна Далмация.[427] Отказавшись от старой религии, Грод стал переплавлять на металл золотых и серебряных идолов. Эта ревность прозелита вызвала восстание соплеменников. Грод был убит и его преемником был избран его брат Муагерий. Опасаясь мести римского гарнизона, гунны вторглись в город и перебили солдат вместе с командиром. Когда весть о том дошла в Константинополь, Юстиниан снарядил экспедицию морем под начальством бывшего консула Иоанна[428] и послал сухим путем большой отряд готов из Скифии под командой Годилы и Бадуария. Власть императора на Боспоре была прочно утверждена, и стены города были заново отстроены.

Такого же внимания со стороны императора был удостоен и Херсон, сохранявший непрерывно свою связь с центром империи и являвшийся также перегрузочным местом торговли с восточными странами.[429] Юстиниан заново отстроил его стены и усилил его оборонительные средства. Живые сношения с Херсоном привлекли внимание императора к готам, оставшимся в Тавриде с давних времен. Гунны, кочевавшие в черноморских степях, заняли также степную часть Тавриды, а готы удержались в горных местностях южного побережья. Христиане с давних пор, еще до начала арианства, таврические готы имели своего епископа, как было то и во время патриаршества Иоанна Златоуста. Когда ок. 548 года у них умер епископ, они обратились с просьбой к императору прислать им другого. Юстиниан исполнил их желание и, заинтересовавшись их судьбою, выстроил два укрепления на побережье их территории. Одно называлось Алустий (Алушта), другое Гурзувиты (Гурзуф). Живя в горах на плодородной и хорошо обогреваемой почве, готы занимались земледелием и разводили виноград. Они жили в открытых селениях и называли свою землю Дори (Δόρυ).[430] Как народ, принятый в союз с империей, они обязались военной службой императору и ставили, по сообщению Прокопия, ополчение в три тысячи человек.[431] Сохраняя свою политическую самостоятельность и национальное самосознание готы служили охраной Херсону от кочевавших в Тавриде гуннов. — Так широкий политический горизонт византийского двора при Юстиниане не упускал из вида столь важного интереса империи, каким явилось господство по всему побережью Черного моря.

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА ИМПЕРИИ. ОТНОШЕНИЯ К ЭРУЛАМ, ГЕПИДАМ И ЛАНГОБАРДАМ. СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ. ГУННЫ И ИХ НАБЕГИ

Блестящая по замыслу и результатам внешняя политика времени Юстиниана встречала тяжкие затруднения в тех бедствиях, которые переживали за это время ближайшие к столице области на территории Балканского полуострова. Северную границу империи составляло нижнее течение Дуная. Пограничным пунктом на западе был в начале правления Юстиниана Сингидон при впадении Савы в Дунай. Юстиниану удалось несколько отодвинуть границу к западу, и он гордо говорил о восстановлении провинции Второй Паннонии, не простиравшейся, однако, далее области одного лишь города Бассианы. Восстановление римской власти в Паннонии встретило отпор со стороны гепидов, которые опять овладели Сирмием после разгрома царства Теодориха.

Земли, лежавшие к западу от Сирмия, находившегося с 504 года под властью готов, до Истрия со старой военной дорогой через Сискию и Эмону на Аквилею, были давно отторгнуты от империи и находились в обладании надвинувшихся сюда германцев. За время господства готов в Италии сношения византийского двора с

---

[424] *Menandri* frg. 11.
[425] Ib. 12—13.
[426] *Theoph.* 239. 18.—Феофан прибавляет замечание, что он вскоре умер; но Novella CXXXVII, помеченная 565 годом 26 марта, адресована на имя Петра — магистра оффиций.
[427] *Malala,* 430; *Theoph.* 175.—У Феофана — Γορδάς.
[428] Иоанн был сын Руфина и внук Иоанна Скифа, полководца времен Зенона и Анастасия.
[429] *Jord.* Get. 37. Chersonam... quo Asiae bona avidus mercator importât.
[430] Искажение слова Tauria. Имя Δόρυ в форме Δόρος перешло на главный город области, который позднее назывался Θεοδορώ, и в турецкое время был переименован в Мангуп-кале.
[431] Сведения о таврических готах сохранил Прокопий, aed. 3, 7, p. 262.

равеннским шли на Диррахий (прежний Эпидамн) и Салону, а оттуда или морем в Равенну, или по побережью через Истрию и Венецию. Старая дорога не была восстановлена в своем значении и после разгрома царства остготов. Это видно из того, что Прокопий, столь хорошо осведомленный в географии разных стран, входивших в пределы империи, перечисляя народы, занимавшие территорию к востоку от Истрии, называет такие имена: сискии, свевы — «не те, которые подчинены франкам», карны и норики.[432] Если последние два имени весьма сомнительны в смысле этнических для тех времен, то народ сискии является искажением имени старой римской крепости Сискии. Заброшенность старой дороги и запустение тех мест уже в конце V века засвидетельствовано возникновением на ней организованного разбоя, который был представлен целым классом людей, обозначавшихся термином scamarae.[433]

По течению Дуная на охране империи стояли старые крепости: Виминаций, Рациария, Августы, Эск, Новы, Приста, Аппиария, Трамариска, Доростол, Новиодун. В заботах об усилении дунайской границы, Юстиниан восстановил укрепление Литтерату на левом берегу Дуная против крепости Новы, а также и другой пункт, ближе к западу, Рецидава. Называя эти укрепления в указе 535 года, император высказывал гордую уверенность в обладании обоими берегами реки. Хотя позднее, как видно из Прокопия, прибавился и третий пункт, Дафна напротив Трамариски, но Дунай не стал от этого римской рекой. Кроме названных больших крепостей Прокопий перечисляет в своем сочинении «О постройках» еще 75 укреплений в пределах провинций Скифии и Мезии на север от Балканского хребта и 100 укреплений к югу от хребта и в провинции Родопе.[434] Гораздо больше укрепленных мест было в средней полосе полуострова, северной части префектуры Иллирика. Прокопий дает 244 названия. В западной полосе, т. е. Эпир, Македония и Фессалия, он насчитывает 143 пункта.[435] По его словам, большая часть этих укреплений обязана Юстиниану капитальным ремонтом, а многие выстроены им вновь. Из сравнения этих цифр приходится заключить, что в большем запустении была восточная часть Балканского полуострова, нежели западная, несмотря на большую близость к столице. То был результат тяжких бедствий прежнего времени.

Ближайшая к Константинополю область, в пределах которой находилась Долгая стена Анастасия, носила имя Фракии, или Фракии-Европы. В 553 году Юстиниан сделал изменение в организации ее управления. Вместо презида и двух викариев, из которых один ведал военным делом, а другой гражданским управлением, во главе страны должен был стать новый сановник с титулом praetor Justinianus, соединивший в своих руках гражданские и военные полномочия.[436] Пошла ли эта реформа на пользу усиления охраны, об этом нет сведений; но к концу правления Юстиниана Долгая стена оказалась в полном запустении, как это ясно из описания событий набега Забергана в 559 году. Полувоенное население, ютившееся в крепостях и укреплениях, включало в себя значительный элемент готов, гуннов и других варваров, живших издавна в Фракийском диоцезе и сохранявших свое положение федератов. Варварский мир начинался еще по сю сторону Дуная. Его представляли эрулы, принятые Анастасием в империю в 512 году.

Дикие и воинственные, мало еще задетые христианством, эрулы были, по сообщению Прокопия, самым грубым из германских племен. В первое время после водворения в Дакии они причиняли немало беспокойств туземному населению и были укрощены военной силой в последние годы правления Анастасия. В первый год правления Юстиниана царь эрулов Гретис явился в Константинополь, чтобы принять крещение. Сам император был его восприемником и, после крещения, щедро одарил своего крестника, который должен был явиться проводником культурных начал в дикой среде своих соплеменников. Вместе с Гретисом приняли крещение 12 членов его свиты.[437] Наши источники не сохранили никаких сведений о судьбе Гретиса, но Прокопий, встречавшийся с эрулами в разных походах, сохранил свидетельство, что большая часть племени исповедовала арианство. Это указывает на другой источник христианского просвещения: воздействие готов на родственное им племя.

В начале правления Юстиниана в жизни этого дикого племени случилось событие, о котором сохранил память Прокопий. — Эрулы убили своего царя Охона (Όχών) и решили жить без царя. Вскоре, однако, выяснились большие неудобства нового свободного порядка, и они решили отправить посольство в Скандию, чтобы просить себе нового царя из царского рода у своих выселившихся туда соплеменников. Посольство эрулов достигло своей цели и получило нового царя, но по дороге назад этот царь умер. Послы вернулись в Скандию за другим. С ним — он назывался Тодасий — они благополучно вернулись в придунайские земли в Прибрежной Дакии. Эти скитания продолжались около двух лет. В это время эрулы, соскучившись ожидать царя и ничего не зная о судьбе посольства, обратились к Юстиниану с просьбой дать им царя из тех знатных эрулов, которые состояли на царской службе. Юстиниан прислал им Свартува (Σουαρτούα), который был принят соплеменниками и стал их царем. Но вскоре затем прибыл приглашенный из Скандии Тодасий. Эрулы стали покидать Свартува, и он бежал один в столицу. Юстиниан помышлял сначала воротить его силою на царство, но потом отказался от этого плана и предоставил ему впоследствии пост придворного магистра армии. Опасаясь гнева Юстиниана, большая часть эрулов перешла за Дунай и вступила в союз с гепидами. Эта часть эрулов сильно пострадала от римских войск, когда они однажды являлись туда на помощь лангобардам в предстоявшей им войне с гепидами. Что же касается эрулов, оставшихся на предоставленных им Анастасием землях в Прибережной Дакии, то хотя они и жили в пределах империи, но сближались в своем положении с задунайскими германцами. Не платя никаких повинностей, они получали ежегодно денежные дары от императора, отправляли от себя послов в столицу, и император считал себя обязанным давать подарки

---

[432] *Procop.* b. g. 1, 15.
[433] Этот термин впервые встречается у Евгиппия, vita s. Severini, c. 10; затем у Иордана, Get. 301 и Менандра, frg. 35. Он держался во Фракии и в VIII столетии. — *Theoph.* 436, 17.
[434] *Procop.* De aed. 4, 11.
[435] Ib. 4, 4.
[436] *Novella* XXVI.
[437] *Malala,* 427; *Theoph.* 174, 27.

послам.[438] Свои союзнические обязанности они исполняли и храбро проливали кровь на всех полях битвы во славу императора. Они выступали в поход под предводительством своих князей, и вызов их на службу совершался в форме отправления к ним посольства. Эту миссию однажды исполнял доверенный императора, евнух Нарзес, имевший с ними личные связи.

За Дунаем на верхней Саве, излучине Дуная и нижней Тисе жили издавна гепиды, племя родственное готам по крови и языку. Вытесненные Теодорихом из Сирмия, они воспользовались крушением его державы, чтобы воротить себе старые владения. Считаясь союзниками империи, эрулы получали от императора ежегодные денежные дары. Но грабежи, которые они себе позволяли в пограничных местах, вызвали гнев Юстиниана, и он лишил их своих милостей. Под 539 годом сохранилось свидетельство о большой войне с гепидами, которую вел магистр армии Иллирика Каллук, варвар, судя по имени, вероятно, гунн. Он имел сначала успех, но затем пал в кровавой сече.[439] Гепиды остались в обладании своих захватов.[440] Владея Сирмием, гепиды имели также переправы на Дунае и за деньги перевозили в империю других варваров.[441] Лишив их обычных подарков, Юстиниан вступил в сношения с лангобардами. Это германское племя, подвинувшееся в соседство с аламаннами на среднем Рейне в половине IV века, жило в начале VI к северу от гепидов, на широких равнинах нынешней Венгрии. Хотя Паннония и Норик давно были оторваны от империи, но Юстиниан считал их в круге своей власти и предоставил эти земли лангобардам. Он включил их в разряд союзников и, определив размер денежной дачи, предоставил им города Норика и Паннонии с обязательством охраны от других варваров. Переселившись на правый берег Дуная в древние места обитания остготов, лангобарды совершали грабительские походы в Далмацию и доходили до Диррахия, разоряя страну и уводя людей в рабство. Свою дерзость они доводили до того, что, ссылаясь на союз с императором, требовали бежавших от них пленников как своих рабов, доставшихся им по праву войны. Старая вражда лангобардов с гепидами еще более усилилась, когда они поселились в ближайшем к ним соседстве.

Царем гепидов был тогда Торизин, а лангобардов — Авдуин. Оба они достигли власти, устранив законных преемников своих предшественников: Авдуин — Ильдигискла, сына Ризиульфа, двоюродного брата царя Вахона, а Торизин — Устригота, сына царя Елемунда. Ильдигискл состоял одно время на службе императора, занимая пост командира одной из дворцовых схол. Существование обоих претендентов на власть явилось поводом пререканий и раздоров, и это разожгло старую вражду. Когда дело было близко к войне, оба царя просили помощи у императора, и так как Юстиниан имел основания гневаться на гепидов, то обещал поддержку лангобардам. Он послал армию в 10 тыс. человек под начальством вождей Константиниана, Бузы и Аратия, к которым присоединился Иоанн, племянник Виталиана, возвращавшийся тогда в Италию.[442] В этой армии были также эрулы в количестве 1500 человек с царем Филемутом. Римское войско вступило в землю гепидов и имело дело только с эрулами, переселившимися к гепидам со своим царем из Скандии, Тодасием. Эрулы потерпели поражение, и в битве пал брат их царя, Аорн. Гепиды поспешили заключить мир с лангобардами, и римская помощь оказалась излишней. Римские вожди попали в большое затруднение: они боялись, что соединившиеся варвары обратятся против империи и сделают вторжение в римские пределы. Они писали об этом Юстиниану и просили его указаний. Дело обошлось на этот раз без нашествия.[443]

Так как спор, который вели лангобарды и гепиды, не мог разрешиться мирным путем, то вскоре дело дошло до войны, и враждующие цари выступили с войсками друг против друга. Но случилось удивительное событие: обе стороны, не сойдясь лицом к лицу, бежали в паническом страхе. Никакие средства остановить бегущих лангобардов не помогли, и Авдуин, оставшись один со свитой, отправил к Торизину послов, чтобы заключить мир. Торизин им заявил, что его войска бежали. Послы лангобардов не скрыли от него того, что то же самое произошло и у них, и признали в этом знамение Божьей воли в охрану обоих народов. На два года было заключено перемирие, в течение которого предполагалось выяснить все спорные пункты, вызывавшие вражду.[444] Время, однако, шло, а спорные вопросы были таковы, что без войны их нельзя было решить. Опасаясь, что император и в этот раз окажет помощь лангобардам, гепиды обратились с просьбой о помощи к гуннам-кутургурам, как назывались улусы, кочевавшие от Дона до низовьев Дуная. Хан Хиниал немедленно явился с двенадцатитысячным войском. Так как истек только один год перемирия и до конца его был еще год, то гепидам было стеснительно содержать такое множество людей, и они предпочли переправить их за Дунай, чтобы дать им возможность поживиться за счет грабежа провинций империи.[445] Тем не менее гепиды в ожидании будущих событий отправили посольство к императору и просили его принять их в союз. Договор был заключен, Юстиниан принес клятву и, по желанию гепидов, такую же клятву дали также десять сенаторов.[446] Когда истек срок перемирия, лангобарды и гепиды решили свой старый спор кровавой войной.

На основании существовавшего договора с империей лангобарды просили Юстиниана оказать им помощь, и он послал войска под начальством Юстина и Юстиниана, сыновей Германа, перса Аратия и бывшего царя эрулов Свартува, занимавшего пост магистра армии. С ними вместе отправился Амалафред, сын сестры Теодориха Амалафреды и царя тюрингов Германафреда. Он приходился свойственником Авдуину, так как тот был женат на дочери царя тюрингов. Прибыв в Константинополь вместе с Витигесом в 540 году, он был назначен командиром одного из придворных полков. Римские войска должны были сделать остановку в Ульпиане (в провинции Дардании), так как там произошли беспорядки в связи с тогдашними религиозными разногласиями. До

---

[438] *Procop.* b. g. 2, 13—14; 3, 33.
[439] *Marc. Com.* s. a. (*Chr. min.* II 106); *Jordan.* Rom. 287.
[440] Выражения Прокопия — b. g. 3, 34, — вложенные в уста лангобардских послов, не настолько точны, чтобы можно было выяснить пределы этой территории.
[441] Так было однажды со славянами после нашествия. Гепиды брали по золотому за человека. *Procop.* b. g. 4, 25, 5.
[442] 545 или не позже весны 546 года.
[443] *Procop.* b. g. 3, 33.
[444] Ib. 4, 18, 1—11.
[445] *Procop.* 4, 18, 12—18.
[446] Ib. 4, 25, 7—9.

лангобардов дошел один Амалафред со своими людьми, который и принял участие в битве. После большого кровопролития победа осталась за лангобардами. Гепиды в ту пору были также в союзе с империей, как и лангобарды; но Юстиниан считал себя вправе нарушить данную их послам клятву, так как они уже после договора переправляли через Дунай славян, возвращавшихся с грабежа римских провинций. Понесенное гепидами поражение ослабило силы народа, но они сохранили свое царство. Авдуин, одержав победу, послал Юстиниану укоризненное письмо, упрекая его за то, что он не поддержал его в войне с противником, тогда как лангобарды недавно оказали ему деятельную помощь в походе Нарзеса против готов.[447] Дальнейшие перипетии вражды лангобардов с гепидами и гибель последних стоят в связи с появлением аваров, о чем придется излагать в другой связи.

Ближайшими соседями гепидов были в ту пору славяне, которые в начале VI века прочно осели по всей равнине левого берега Дуная до самого устья этой реки.[448] Прокопий знает два национальных имени славян: анты, Ἄνται, которое он присваивает восточной ветви славянского племени, и славяне, Σκλαβηνοί, под которым он разумеет западную ветвь. Это деление не было этническим, так как был один язык, одна религия и славяне не отличались от антов ни по образу жизни, ни по нравам. Имя антов Прокопий распространяет и на тех славян, которые жили в пределах нынешней России на север от гуннских кочевий, занимавших степи. Славяне жили разбросанными поселками, строили избы (καλύβαι) и занимали долину левого берега Дуная вперемежку с гуннами, которые, по свидетельству Прокопия, оказывали большое влияние на их образ жизни и нравы. Прокопий отмечает, что славяне были высокого роста, крепкого сложения, и цвет волос их был темно-русый. Они бились с врагом в пешем строю, употребляли метательные копья, не знали панциря, имели небольшие щиты, а часто принимали бой, ничем не прикрывая тела. Они почитали солнце как Бога, и приносили ему жертвы; было у них почитание рек и «нимф». Разбитые на множество племен, они не знали над собой общей власти, не имели в своей среде знати, часто воевали между собой, но иногда по общему соглашению предпринимали вторжения в пределы империи.[449]

В первые годы своего правления Юстиниан относился с большим вниманием к насущным интересам придунайских стран. Желание возвеличить место своей родины вызвало заботы об усилении охраны тех мест, и в 535 году император заявлял об обладании обоими берегами реки Дуная. Командовавший с 530 года во Фракии его оруженосец Хильбудий предпринимал в течение трех лет смелые походы за Дунай и разорял земли славян, предупреждая тем их нашествия. Но во время одного похода ему изменило счастье: его войско потерпело поражение и сам он пал в бою. С тех пор, по словам Прокопия, Дунай не являлся уже преградой для варварских вторжений и задунайские области были открыты для нашествий славян.[450] В своем сочинении «О постройках» Прокопий упоминает, что славяне нередко делали засады на дорогах к югу от Доростола (Силистрия), грабили путников и делали весьма затруднительными сообщения в тех местах. В Скифии они уничтожили укрепление Ультиму и в течение некоторого времени жили в пределах этой провинции как в своей земле, пока Юстиниан не отстроил вновь этого укрепления. Одновременно с тем было сооружено несколько новых укреплений, которые имели целью преградить доступ славян в эту область.[451] Нашествия славян, как и других варваров, сопровождались уводом людей в рабство, и выкуп пленных был постоянной заботой как правительства, так и местного населения. Многие благочестивые люди отдавали на это доброе дело свое состояние по завещаниям, отписывая свое имущество на церковь с указанием специальной цели пожертвования. Так как церковные имущества были признаны Юстинианом неотчуждаемыми, то в 538 году, узнав от епископа города Одисса о затруднениях, которые выходили отсюда для представителей местной церкви, император издал сепаратный указ на имя правителя провинции Мезии, в котором было допущено существенное изъятие из общего закона для этих пограничных областей, а именно: было разрешено продавать те имущества, которые не могли быть обеспечены верным доходом, чтобы исполнить тем волю завещателя, «так как выкуп пленных есть дело душеспасительное и угодное всемогущему Богу».[452]

Славяне в своем политическом быту не знали сильной царской власти и не имели аристократических родов, и это обстоятельство затрудняло сношения с ними правительства. В наших источниках отмечен только один случай, когда Юстиниан попытался применить к славянам ту форму отношений к варварам, которая действовала относительно германцев. Это было в 545 году. Император предложил славянам занять заброшенный старый город на левом берегу Дуная, Туррис, с тем, чтобы они приняли на себя обязательство охраны Дуная в тех местах от гуннов. Но дело, по-видимому, не сладилось. В посольстве, которое славяне отправили по этому поводу в Константинополь, находился один самозванец, выдававший себя за магистра армии Хильбудия, павшего в войне со славянами в 534 году, и Нарзес, встретивший это посольство по пути, вмешался в это дело, изобличил самозванца и отослал его в столицу.[453] По-видимому, в связи с этим делом славяне предприняли нашествие во Фракию. Но зимовавшие там эрулы, приглашенные Нарзесом на службу с тем, чтобы весною отправиться в Диррахий к Велизарию, разгромили их и освободили из неволи множество взятых в плен людей.[454]

В 547 году славяне сделали нашествие в Иллирик и прошли до Диррахия. Не встречая нигде сопротивления, они грабили и разоряли население, брали людей в плен, захватили несколько укреплений, и хотя вожди, командовавшие в Иллирике, располагали войском в 15 тысяч человек, но они ограничились тем, что следили за

---

[447] Ib. 4, 35, 10—15. — Упоминание о помощи, которую оказал Авдуин в походе против Тотилы, заставляет отнести это событие ко времени не раньше 553 года.
[448] См. мою статью: «Где начинается славянская территория по Иордану» *(Жур. Мин. Просв.* 1905, кн. 3).
[449] *Procop.* b. g. 3, 14.
[450] Ib. b. g. 3, 14. 1—6.
[451] Ib. aed. 4, 7, p. 292—293.
[452] Novella LXV.
[453] *Procop.* b. g. 3, 14, 31—36.
[454] Ib. 3, 13, 24—25.

грабителями, не решаясь дать им отпор.[455] Через два года случилось новое нашествие. Прокопий сообщает точную цифру насильников: их было 3 тысячи. Славяне прошли на реку Гебр (Марица) и здесь разделились на два отряда, в 1800 и 1200 человек, одни направились в Иллирик, другие — к столице. Вождь Асбад, стоявший с отрядом конницы в Цуруле, напал на них, но славяне разбили и разогнали его отряд, взяли в плен вождя и сожгли его живым. В дальнейшем движении они подошли к укреплению Топеру в 12 днях пути от Константинополя и хитростью овладели городом, перебили всех мужчин, а женщин и детей взяли в плен. В этот набег славяне усеяли трупами дороги во Фракии и Иллирике, избивая самым зверским образом всех встречных: одних сажали на кол, других привязывали к столбу и били по голове до смерти, иных сжигали живыми, запирая в домах.[456]

В 550 году, во время сборов Германа в поход против Тотилы, славяне перешли через Дунай в большой массе и дошли до Наисса. Попавшие в плен их лазутчики показали, что целью похода была Фессалоника. Юстиниан был очень обеспокоен этим известием и приказал Герману приостановить выступление и обратить свои силы на защиту угрожаемых областей. Но славяне, получив от захваченных ими в плен людей сведения о силах Германа, переменили направление своего похода и, пройдя через горы, ушли в Далмацию. Герман их не преследовал и продолжал свои сборы.[457] Когда, после смерти Германа, Иоанн увел войска из Сардики в Салону, славяне, перезимовав в Далмации и получив подкрепления из-за Дуная, двинулись на грабеж имперских областей и дошли до Адрианополя. Против них были направлены отряды многих вождей: Константиана, Аратия, Назара, Иоанна Фаги, под главным начальством придворного евнуха Схоластика. Обремененные добычей, славяне заняли позицию на горе, а римские войска расположились поблизости в долине. Подчиняясь настоянию солдат, вожди решились сделать нападение на неприятеля, но были отбиты с большими потерями и рассеяны. Знамя Константиана осталось в руках победителей. Славяне двинулись далее на запад, разграбили область Астику и дошли до Долгой стены. Когда они направлялись назад, то во время одного нападения имперским войскам удалось отбить часть их добычи и отнять потерянное в битве знамя Константиана.[458]

Так грабительские шайки славян бродили по римским областям до берегов Пропонтиды, и те крепости, которые в таком большом числе перечисляет Прокопий, являлись местом убежища для населения, но не составляли угрозы для варварских нашествий. За время после 550 года в наших источниках нет свидетельств о славянских вторжениях, но они не прекратились, и славяне являлись участниками тех вторжений, которые записаны в нашем предании как дело гуннов.

Широкий простор степей Черноморья от низовьев Дуная до предгорий Кавказа и дальше до Каспийского моря и течения Волги и за Волгу был заселен кочевыми ордами гуннов. Три этнических имени обнимали это море улусов: сабиры — в местностях прикаспийских, утургуры — в Приазовье и до течения Дона, кутургуры — от течения Дона до низовьев Дуная и дальше в равнинах нынешней Валахии, где гунны жили вперемежку со славянами. Из этих трех больших подразделений племен тюркского корня ближе стояли между собой утургуры и кутургуры.[459] Общее имя кутургуров покрывало собою и ту орду, которая носила имя болгар, занесенное в византийские летописи впервые при Зеноне, в пору соперничества за милости двора обоих Теодорихов остготских.[460] Кутургуры, как более близкие к империи, представляли большую опасность, и с ними существовали более тесные и давние отношения как союза, так и войны. Они чаще имели случай получать дары от империи и в большем количестве, чем их соплеменники утургуры. Но и эти последние находились в постоянных сношениях с империей и также получали дары от императора. Восстановление зависимости Боспора от империи, состоявшееся незадолго до 522 года при Юстине, содействовало оживлению сношений, и через Боспор шел живой торговый обмен с империей. Важную статью экспорта из земель утургуров составляли меха, и особенно ценились шкурки животных, которых Иордан зовет мышами.[461] Быть может, то был соболь, прибывавший к утургурам из далеких мест, заселенных их соплеменниками.

Плохая охрана границ, при малой населенности пограничных местностей, давала возможность гуннам переправляться через Дунай и совершать набеги в пределы империи. О нашествии во второй год правления Юстиниана было упомянуто выше.[462] В хронике Марцеллина под 530 годом записано, что Мунд, состоя магистром армии Иллирика, узнав о нашествии болгар во Фракию, пришел туда на помощь со своими войсками и разгромил насильников, положив на поле битвы 500 человек.[463] Дополнение к этому сведению дают Малала и Феофан. — Захватив в плен много болгар вместе с ханом, Мунд отослал их в столицу. Император показывал пленных народу на ипподроме, а затем направил их на службу в Армению и Лазику.[464] Энергичные действия Мунда и Хильбудия обуздали гуннов, но под 535 годом в хронике Марцеллина есть заметка о том, что находившийся тогда в столице Ситта был послан в Мезию, чтобы отразить болгар, и разбил их на реке Ятре (Янтра).[465]

Более грозное нашествие гуннов, кратко описанное Прокопием, относится к 540 году.[466] Перейдя в огромной

---

[455] Ib. 3, 29, 1—3.
[456] Ib, 3 , 38.
[457] Ib, 3, 40, 1—7.
[458] Ib. 3, 40, 31—45. — Имя Астики носила приморская область между городами Гераклеей на Пропонтиде и Аполлонией на Черном море. Позднее это имя распространяли на область между Адрианополем и Филиппополем.
[459] *Procop.* b. g. 4, 5. — Прокопий, производя имена племен от эпонимов, делает их братьями.
[460] См. 1 том.
[461] *Jordan.* Get. 37.
[462] См. выше, стр. 56.
[463] *Marc. Com. s.* a. (*Chr. min.* П 103).
[464] *Malala,* 451; *Theoph.* 219. — У Малалы событие отнесено к консульству Декия, т. е. 529 году.
[465] *Marc. Com.* s. a.
[466] Точная дата этого нашествия гуннов не сохранена преданием. Хотя Прокопий в своем кратком рассказе — b. p. 2, 4 — выставляет это нашествие чрезвычайно грозным, но в летопись оно не было занесено. Прокопий помещает это вторжение варваров немедленно вслед за упоминанием о появлении большой кометы, которая была видна в

массе через Дунай, гунны разлились широкой волной от Адриатического моря и до самого Константинополя. В Иллирике они взяли 32 укрепления, разрушили город Кассандрию (в древности Потидея) в Македонии и с огромным пленом вернулись назад. (Прокопий говорит о 120 тысячах человек). Один отряд прошел в Херсонес Фракийский, прорвал охрану и, воспользовавшись судами, переехал на азиатский материк из Седта в Абидос. Другая орда прошла через Фессалию до Фермопил и, найдя старую тропу Эфиальта, прошла в Грецию, пронося повсюду грабеж и разорение.[467]

Когда гепиды в своем раздоре с лангобардами вызвали во время перемирия кутургуров к себе на помощь и хан Хиниал явился слишком рано с 12 тысячами войска, гепиды, чтобы избавиться от неудобного соседства с гуннами, переправили их через Дунай на грабеж имперских областей. Не располагая достаточными силами для борьбы с нашествием, Юстиниан обратился с письмом к хану утургуров Сандильху, и, ссылаясь на давние отношения и милости, которыми пользовались от него утургуры, сообщил ему, что кутургуры получают ежегодно большие деньги и тем не менее постоянно грабят римские области. Утургуры позавидовали соплеменникам и, собравшись большим войском, перешли Дон и напали на становища кутургуров. Хотя те и поспешили собраться на защиту своих улусов, но утургуры были сильнее и после кровопролитной битвы угнали табуны своих соплеменников, взяли в плен их жен и детей.[468] Получив известие об успехе своего плана, Юстиниан поручил Аратию передать Хиниалу о нашествии на его землю и вступить с ним в соглашение. Кончилось тем, что Хиниал и его воины, получив щедрые денежные подарки от императора, заключили договор, по которому обязались уйти, не причиняя обид населению, и держать эту клятву на будущее время, если им можно будет остаться на родине. В противном случае император обязывался предоставить им земли во Фракии.

В числе пострадавших от нашествия оказался Синнион, сделавший с Велизарием африканскую кампанию. С разрешения императора он перешел с двумя тысячами соплеменников на правый берег Дуная и получил земли для поселения.[469] Весть об этой милости императора, оказанной тем самым кутургурам, на которых он сам натравлял Сандильха, была принята в обиду последним. Прокопий сохранил текст той жалобы, которую по этому поводу предъявил Сандильх. Щедрыми дарами Юстиниан смягчил гнев хана, и добрые отношения продолжались и в дальнейшее время.[470]

В 551 году, когда Нарзес собирался в свой поход в Италию, он вынужден был сделать остановку в Филиппополе, потому что по его пути рассеялись вторгшиеся гунны. Они грабили страну, не встречая отпора, а Нарзес, сберегая свои силы, выжидал в Филиппополе, пока грабительские шайки не очистили ему пути.[471]

Самое страшное или, может быть, наиболее полно описанное нашествие гуннов относится к 559 году. Зима была суровая, Дунай замерз, и гунны-кутургуры в значительной массе перешли в римские земли. В нашествии участвовали и славяне. Предлогом к вторжению гуннов послужило то, что их соплеменники с царем Сандильхом получали щедрые денежные дары, тогда как они были обойдены вниманием императора. Запустевшие от постоянных вторжений ближайшие к Дунаю местности Мезии и Скифии представляли полную возможность передвижения на юг, и гунны, пройдя через Мезию и Скифию, перешли через Балканы и вступили во Фракию. Часть их пошла на запад, в Македонию и Фессалию, а другие с ханом Заберганом во главе направились к Херсонесу Фракийскому. Этот полуостров был в самом узком месте отделен стеной от материка в целях охраны расположенных там портовых городов и доков. Вступив в более населенные местности на юг от Балкан, гунны производили страшные грабежи, брали людей в плен, разоряли монастыри, оскорбляли женщин, производили всякие неистовства и, не встречая противодействия, свободно хозяйничали в стране. Оставив часть своей конной силы под стеной Херсонеса, Заберган с семью тысячами всадников направился к столице. Долгая стена была в полном запустении и не представляла преграды нашествию. Гунны разбили свой лагерь близ города

течение 40 дней и вызвала толки об угрожающих миру бедствиях. Так как весною следующего года сделал свое страшное нашествие в Сирию Хосров, то ясно, что многие, и в том числе Иоанн Лидиец, уверовали в зловещее значение кометы (De ostentis c. 1, p. 273 Bon.). О времени появления кометы Прокопий не оговаривает, но в Эдесской хронике дана точная дата: 5 октября 13 года правления Юстиниана, т. е. от 1 апреля 539 года до 31 марта 540 (*Edessenische Chronik,* N° 96, p. 131, *H allier).*

Так как Прокопий, помянув о комете, говорит, что немедленно после ее появления (εὐδύς) гуннские полчища наводнили Фракию, то правильно будет заключить, что нашествие случилось осенью, а не весною следующего года, 540, как я полагал вместе с Мюральтом. (Клинтон не отметил этого события в своих Фастах.) Если бы нашествие произошло весною 540 года, то Велизарий на обратном пути из Италии имел бы случай ведаться с врагом, так как оказался бы на его пути. Но возвращение Велизария совершилось вполне благополучно, без всяких помех и затруднений. В подтверждение приурочения нашествия к 539 году, хотя бы и поздней осенью, говорит и то обстоятельство, что с бедствиями, которые тогда постигли Грецию, связаны те мероприятия, которые предпринял Юстиниан в отношении охраны Фермопил. Отправлявшийся в Италию Александр Псалидий, получивший пост начальника финансового управления отвоеванной от готов страны, посетил по пути Фермопилы, очевидно, уже после гуннского погрома, и по его инициативе охрана этого прохода подверглась существенным изменениям. До сих пор она лежала на обязанности местного сельского населения. Форсирование прохода гуннами доказало несостоятельность старого способа охраны, и в Фермопилах был поставлен отряд войска в две тысячи человек. Одновременно с этим существовавшие там укрепления были усилены. Таково сообщение Прокопия в его сочинении De aedificiis, 4, 2, p. 269—271. О том же событии, которое в этом сочинении выставлено как забота Юстиниана об общественной безопасности, Прокопий писал раньше, в своей «Тайной истории» — c. 26, 31—34, — в ином тоне, а именно: в осуждение Юстиниана за то, что на содержание охраны пошли общественные средства провинциальных городов, вследствие чего прекратилась возможность давать игры, и даже город Афины, родина театра, остался без сценических представлений.

Так как Александр был назначен в Италию до вступления Велизария в Равенну, то очевидно, его назначение и отъезд, также и посещение Фермопил относятся к концу 439 года. Таким образом, и гуннское нашествие будет правильнее отнести к поздней осени 539 года, после появления кометы, а не к весне 540 года.

[467] *Procop.* b. p. 2, 4.

[468] Ib. b. g. 4, 21.

[469] Синнион со своими людьми был поселен внутри страны, на юге от гор, на пути в Иллирик. Это следует из описания эпизода с Ильдигисклом, *Procop.* b. g. 4, 29, 10. — Во время своего бегства из столицы в Иллирик Ильдигискл разгромил гуннов Синниона.

[470] *Procop.* b. g. 4, 19 —речь послов Сандильха.

[471] *Theoph.* 233, 4 — Οὖννοι καί Σκλάβοι.

Мелентиады, в 150 стадиях (ок. 30 верст) от столицы на реке Афире. Население ближайших к столице мест бежало в город, стараясь увезти свое добро. Император распорядился, чтобы из ближайших церквей и монастырей свозили в город все более ценное имущество, и в столицу потянулись обозы; из прибрежных мест везли добро на лодках. На охрану городской стены были посланы дворцовые войска и ополчение столичных димов. В эту пору военный дух этих полков пал, и они наполнялись в большинстве людьми, покупавшими себе место службы ради тех блестящих придворных церемоний, в которых они принимали участие. Когда схоларии и димоты были разбиты, Юстиниан обратился к состарившемуся в бездействии Велизарию. Собрав остатки своей дружины, Велизарий присоединил к этому слабому отряду бежавших из окрестных мест селян, снабдив их оружием из арсеналов. С этим войском Велизарий вышел из города и стал лагерем в селении Хеттах. Окружив свой лагерь рвом и валом, он выслал разведчиков и, чтобы вызвать представление о большом числе войска, приказал зажечь на ночь огни в разных местах на широком пространстве. Двухтысячный конный отряд гуннов сделал нападение на лагерь Велизария; но, благодаря его искусству и умелому расположению засад, гунны были приведены в смятение, окружены и сбиты в кучу. Оставив на месте 400 убитых, они бежали в лагерь Забергана. Страх, который нагнала на них эта неудача, заразил других, и Заберган покинул свою стоянку и вышел за Долгую стену. Там с ним соединился отряд, ходивший в Фессалию. Стоявшая в Фермопилах охрана не пропустила его дальше на юг.

Одновременно с тем, как Заберган грозил Константинополю, оставленный им отряд под стеной Херсонеса употреблял все усилия, чтобы овладеть укреплением и проникнуть на самый полуостров. Но войска храбро отбивались и не сдавали своей позиции. Тогда гунны, вероятно, при помощи славян, задумали обойти укрепление с моря. Нарубив деревьев в окрестных лесах и связав их в плоты, они применили то приспособление, которым впоследствии пользовались наши предки в плавании по морю, а именно для большей устойчивости подвязали со всех сторон большие связки камыша. На этих плотах они дерзко пустились в море. Но военные суда, прибывшие из соседних гаваней, без труда разметали плоты и потопили много варваров. Эта неудача заставила гуннов отступить, и они ушли к Забергану.

Собравшись опять вместе, гунны и славяне разбили свой лагерь близ Аркадиополя (Леле Бургас) и Цурула. Юстиниан, отпраздновав Пасху в столице, выехал в Гераклею, чтобы оттуда руководить ремонтом укреплений Долгой стены, и оставался там до августа. Так как гунны захватили много пленных, то начались переговоры о выкупе, и Юстиниан заплатил выкуп. Гунны не уходили и торговались насчет размера денежных даров, которые они хотели получать от императора, как получали их соплеменники. Слух о том, что на Дунай посланы военные суда, которые могут отрезать им возвращение в их улусы, заставил их просить императора предоставить им свободное возвращение. Император согласился и отправил куропалата Юстина, своего племянника, на Дунай, чтобы распорядиться переправой. Дело было уже в августе, и гунны ушли на север.[472]

Так вел свою политику с варварами Юстиниан. Она встречала жесткое осуждение среди населения столицы, не находила сочувствия и у близких к нему людей, каков был куропалат Юстин, устраивавший беспрепятственную переправу гуннам по приказанию императора. В конечном результате Юстиниан достигал своей цели, воюя золотом, а не оружием. Но ближайшие к столице области приходили все в большее запустение и теряли свое земледельческое население. Прокопий, вероятно, впрочем, с большим преувеличением, исчисляет потери от каждого набега варваров в 200 тысяч человек.[473] Это замечание является отголоском тех недовольных политикой императора кругов, которые переживали события 550-х годов. Энергия завоевательной политики давно уже угасла у Юстиниана, а расстройство армии, причиной которого был постоянный недостаток в деньгах, не позволяло ему исправить давнее пренебрежение к судьбе придунайских областей.

Поход Забергана[474] был последним самостоятельным деянием кутургуров. В эту самую пору Юстиниан вел сношение с далекими еще тогда аварами, которые подчинили себе соплеменные им народы, раньше их явившиеся на берега Черного моря из азиатских степей, и начали новую эпоху в борьбе варварского мира с империей.

ТУРКИ И СНОШЕНИЯ ЮСТИНИАНА С АВАРАМИ

В половине VI века на далеком востоке, на пограничии с Китаем, в широком море монгольских и тюркских кочевых племен совершались события, коснувшиеся своими последствиями судеб европейских народов. Господствовавшее дотоле среди кочевых орд племя, которому китайцы давали имя жень-жень или яун-яун, подверглось разгрому от народа, тогда впервые выступившего на арену истории под именем ту-куэ, как писали его имя китайцы, турки, под каким узнали их вскоре в Константинополе. Недавно вышли на свет письменные памятники этого народа от начала VIII века, и мы знаем теперь, как в то время турки представляли себе начало своей истории: «Когда возникли голубое небо и под ним внизу темная земля, между ними явились люди. Над сынами человеческими воссел мой предок Бумын-каган... Заняв свое место, он держал родовую связь и верховную власть над турками и улучшил порядки. Народы четырех углов были ему враждебны, но он пошел на них с войсками, победил их силой, заставил их успокоиться, поникнуть головой и склонить колени... Его буйруки были разумны, были храбры, его беки и его народ хранили верность. Потому и держал он так долго родовой

---

[472] Подробный рассказ о нашествии Забергана см. *Agath.* 5, 12—15; краткое, но интересное и точное изложение того же события *Theoph.* 233, 4—234, 18. — Агафий рассказывает, что Юстиниан отомстил кутургурам, подняв против них Сандильха с его утургурами, и начавшаяся междоусобная война затянулась на несколько лет. Но тут мы можем поправить Агафия. Не утургуры отмстили за нашествие кутургурам, а новые союзники империи — авары.

От Агафия почерпнул это сведение Иоанн Антиохийский, *Johan. Antioch.* 217, p. 621—622 M.

[473] *Procop.* h. a. 18, 21.

[474] Поход Забергана ошибочно назван последним. Феофан — Chron. 236—237, 1 — сохранил сведение о нашествии гуннов в 562 году ранней весной. Гунны разбили выступившие против них из столицы войска, в марте взяли город Обасиполь (?), а в апреле с моря Анастасиополь в Родопе. О положении Анастасиополя см. *Procop.* aed. 4, 11, p. 303, 24—304. 8.—Быть может, это вторжение стояло в связи с передвижением аваров на запад.

союз, улучшил управление и скончался».[475] — Разгром жен-женей был началом большого завоевательного движения турок в среде родственных кочевых племен. В начале VII века в Византии знали, что грозный хан разгромил племя уйгуров, Ὀγώρ, жившее на реке Тиль, или Черной, и от этого разгрома бежали далеко на запад два улуса, называвшиеся по именам своих родоначальников — Вар, Οὐάρ, и Хунни, Χουννί. Они присвоили себе имя аваров, далекого могущественного народа, внушавшее ужас тем племенам, через которые они проходили в своем бегстве на запад. Хотя историк, сохранивший это сведение, называет их псевдаварами, но они совершили свою историю в Европе под именем аваров.[476]

Новейшие исследования тюрковедов установили положение, что турки в самом начале своей истории, распространив свое господство на запад, разделились на две державы, северо-восточную и западную.[477] Бумын-каган, создатель силы турок, окончил жизнь в 552 году. Ему наследовали один за другим три его сына (552—581), а младший брат его Шетиеми — или Истеми-каган — был владыкой западной державы. Он стал известен византийцам под именем Сильзибула, Σιλζίβουλος, слово, являющееся искажением его титула jabgu-kahan.[478] Распространяя свою власть на запад, турки вступили во враждебные отношения к державе ефталитов на верхнем течении реки Окса (Аму-Дарья), причинявших в течение целого столетия большие затруднения персам. Хосров вступил в сношения с турками, заключил с ними союз против ефталитов и скрепил добрые отношения браком с дочерью владыки турок. Сын от этого брака, Ормузд, стал впоследствии его преемником на троне (579 г.). Внутренние несогласия в царстве ефталитов и измена облегчили разгром их державы соединенными усилиями турок с севера и персов с юга.[479] Победители разделили между собой земли ефталитов, и Хосрову удалось довести северную границу своего царства до реки Окса. Эти новые заботы и были, по всему вероятию, причиной того, что Хосров прекратил войну в Лазике после 555 года, а потом и вовсе от нее отступился, предоставив эту страну императору. Византийский двор был в ту пору, по-видимому, мало осведомлен об этих событиях. Но владыка турок, раздвигая свой политический горизонт, сам отправил посольство в Константинополь. Под 563 годом в летописи было занесено свидетельство о прибытии в Константинополь посольства от царя эрмихионов, далекого народа, обитавшего поблизости от океана. В этом виде заметка перешла в летопись Феофана.[480] В отрывках Феофана Византийского, писателя времени имп. Маврикия, когда о турках знали больше, сохранилась заметка, что персы называли турок кермихионами.[481]

За несколько лет раньше того в кругозор византийской политики вступили авары. Хан бежавших от турок улусов, Баян, подвинувшись со своей ордой в прикавказские земли, вступил при посредстве царя алан Саросия в сношения с Юстином, командовавшим на северо-восточной границе империи, и просил разрешения отправить посольство к императору. После предварительных сношений с императором, Юстин дал согласие, и Баян отправил в Константинополь многочисленное посольство. Оно прибыло в столицу в самом начале 558 года. Столичное население, перевидавшее разных варваров на улицах города, толпами сбегалось смотреть на этих новых дикарей, впервые появлявшихся в Константинополе, и отметило одну особенность их внешнего вида — волнистые волосы, заплетенные в косы, рассыпавшиеся по плечам.[482] На приеме у императора посол хана, Кандих, превозносил силу и мощь своего племени, хвалился его боевыми подвигами и обещал от имени своего повелителя верную службу императору против всех его врагов за денежное вознаграждение и земли для поселения орды. Юстиниан обсудил предложение Баяна в заседании синклита и принял решение заключить союз с аварами. Послы были щедро одарены, и для заключения союза был отправлен с возвращавшимся посольством аваров оруженосец императора Валентин. Он привез хану щедрые подарки и скрепил отношения в личных с ним переговорах.[483]

Вступив в союз с империей, авары разгромили сабиров, утургуров и кутургуров, вторглись в земли антов и совершали там страшные и бесчеловечные жестокости. Менандр, наш единственный свидетель об этих событиях, не дает никаких указаний на территорию антов. Прокопий обозначает этим именем восточную часть славянских племен, надвинувшихся на Дунай, и прилагает то же имя к славянам, жившим к северу от гуннов, занимавших черноморские степи. Так как авары подвигались на запад через степи, занятые кутургурами, то можно предположить, что анты, в земли которых они проникли, жили по Днестру, Пруту и левому берегу нижнего Дуная к северу от Доростола. Анты отправили к Баяну послом Мезамира, сына Идаризия, брата Келагаста, поручив ему выкупить захваченных ими людей. Но посол своим гордым поведением оскорбил хана и был убит. После этого авары с еще большей жестокостью грабили и разоряли земли антов и уводили людей в рабство.[484]

В переговорах с новым посольством аваров, посетившим Константинополь в 562 году, Юстиниан предполагал предоставить им области, которые некогда занимали эрулы, когда часть этого племени переселилась за Дунай к гепидам. В связи с вопросом об устройстве аваров на новом месте состоялся перевод Юстина с востока на Дунай. Авары имели какие-то возражения против этой территории, и ему пришлось охранять переправы от их нашествия.[485] Авары прошли дальше на запад и вторглись в Тюрингию, принадлежавшую франкам. Сигиберт, сын Лотаря, унаследовавший от отца Австразию, отразил нашествие и вернулся назад в северную Галлию, чтобы

---

[475] Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. 1897. стр. 131.
[476] Theoph. Sim. 7,7—8.
[477] Chauannes, Documents sur les turcs occidentaux. 1903 (Сборник Трудов Орхонской экспедиции. VI) стр. 219—229.
[478] У Табари — Singibu.
У Табари читается «Синджибу», но буквы g с надстрочным знаком не оказалось в типографии. Это имя важно, так как в нем звучит турецкий термин jabgu-kahan.
[479] Noldecke, Tabari, 158—160. — Об измене некоего Катульфа знал впоследствии Менандр, frg. 18.
[480] Theoph. 239, 20—23. Имя царя записано в форме Ἀσκήλ. —Chauannes, o. c., 229 — отрицает принадлежность этого посольства туркам, но его доводы малоубедительны.
[481] Theoph. Byz. c. 2, p. 270 м.
[482] Theoph. 232, 6—10. Coripp. Laud. Just. 4. Ilia colubrimodis Avarum gens dura capillis.
[483] Menandri frg. 4—5.
[484] Menandri frg. 6.
[485] Ib. frg. 9.

охранить свой удел от захвата братом.[486] Авары вторглись опять в Тюрингию, и на этот раз Сигиберт потерпел жестокое поражение. Щедрыми денежными подарками он купил мир у Баяна, и в течение некоторого времени авары не покушались на его земли.[487] В 565 году посольство Баяна долго ожидало приема императором и было принято уже преемником Юстиниана на седьмой день его власти. Юстин II с позором изгнал послов, и они направились к хану в земли, находившиеся под властью франков. При Юстине авары водворились в придунайских землях и начали здесь свою тяжкую для империи историю.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

Поиски сближения с монофизитами. Новое вероисповедание. Патриарх Анфим. Папа Агапит в Константинополе. Смена патриарха в Александрии. Восстановление православия. Папа Вигилий. Низложение Феодосия. Павел и его низложение. Борьба с оригеистами в Палестине. Успехи монофизитов. Эдикт о трех главах. Папа Вигилий в Константинополе. Собор 553 года. Бедствия папы Вигилия. Упорство монофизитов. Эдикт о нетленности тела Христова

В сознании высоких обязанностей римского императора Юстиниан ставил на первое место заботу о делах церковных и начал свое правление с указа об едином истинном исповедании христианской веры. Тяжкие преследования еретиков и монофизитов, начавшиеся после устранения раскола с римским престолом, продолжались во все правление Юстина и первые годы единоличного правления Юстиниана. Монофизиты, имевшие в своей среде много образованных и авторитетных богословов, не сдавались на требования императора признать Халкидонский собор и предпочитали терпеть преследования и всякого рода угнетения, отстаивая истину своего учения.

В политике двора в отношении к монофизитам не было единства. Императрица Феодора твердо определила свое положение в этом вопросе и стояла на стороне монофизитов. К ней обращались с просьбой о заступничестве гонимые еще раньше того времени, когда она разделила с Юстинианом верховную власть.[488] Заняв место на троне, Феодора явилась убежищем для всех гонимых, поддерживала непосредственные сношения с авторитетными представителями движения и давала в своем дворце приют беглецам. Преследования на Востоке продолжались и вызывали кое-где кровавые события. Так, когда в 530 году в Антиохии был объявлен приказ, грозивший ссылкою за непризнание Халкидонского собора, в городе разыгрался бунт. Огромная толпа окружила дом патриарха и стала громить его камнями. Комит Востока вывел войска, усмирил бунт, перебил много народа и затем предал казни виновных в бунте.[489]

Бесцельность гонений сознавал Юстиниан, и в 531 году прекратил меры насилия и вызвал общим указом всех томившихся в изгнании исповедников, разрешив им вернуться в свои церкви и монастыри.[490] Глубоко посвященный в богословские вопросы и веривший в свое собственное искусство диалектики, император надеялся достигнуть церковного единства путем выяснения в личных собеседованиях пунктов разногласия. В изъяснении природы второго лица святой Троицы он стал на той точке зрения, которую впоследствии называли теопасхизмом, и имел на этой почве много единомышленников в среде признававших Халкидонский собор иерархов. Восточные епископы прислали ему свое изложение веры с указанием и изъяснением тех пунктов, которые, по их суждению, не позволяли им признать Халкидонский собор. Этот документ сохранил с некоторыми сокращениями Захария Ритор.[491] В Константинополе находилось много видных представителей монофизитской церкви, и Юстиниан задумал устроить собеседование между ними и православными. Он хотел залучить в столицу низложенного антиохийского патриарха Севера, скрывавшегося с 519 года в Египте, и пригласил его приехать, но тот отказался, ссылаясь на свои старческие недуги.[492] Наметив шесть видных представителей православной церкви, император предложил им вступить в собеседование с шестью представителями монофизитства. Во дворце Ормизда был отведен зал для собрания, и внешнее руководство делом было поручено Стратегию, комиту царских щедрот. В течение двух дней шло собеседование в присутствии многих членов клира. Спорные пункты были заранее намечены в изложении веры, которое получил император от восточных епископов, и объяснения со стороны православных давал образованный богослов Ипатий, епископ Эфеса.

Один из шести восточных епископов, Филоксен, сын сестры Ксенайи, ревностного борца против Халкидонского собора при Анастасии, убедился доводами Ипатия и воссоединился с господствующей церковью. На третий день Юстиниан пригласил к себе сначала православных и выразил им свою радость по поводу достигнутого успеха; затем были приглашены монофизиты. Заняв свои места на противоположных скамьях, епископы в присутствии императора и при личном его участии продолжали прения, и, по словам непосредственного участника этого диспута, Иннокентия, епископа Маронеи (в Родопе), император обнаружил «кротость Давида, терпение Моисея и благость апостолов».[493] Хотя пять участников собеседования остались при своем мнении, но многие из членов клира и монахов прекратили после этого свой раскол с господствующей церковью и вступили с нею в общение.

Точных указаний на время этого богословского диспута нет в наших источниках, но с большой вероятностью можно предположить, что он происходил зимою 532—33 года, или в самом начале 533, так как в

---

[486] *Greg. Turón.* H. F. IV 23.
[487] Ib. IV 29; *Menandri* frg. 23. Интересно отметить, что аварам приписываются какие-то magicae artes, благодаря которым они — diverseis fantasias ostendunt. В 515 году поражение армии Ипатия гуннами Виталиана объяснялось чарами шаманов, которые сумели навести темноту.
[488] *Johan. Ephes.* Comment, c. 13, p. 68.
[489] *Malala,* 468.
[490] *Zacharias,* 8,5, p. 160, 18—25.
[491] Ib. 9, 14, p. 189—196.
[492] Ib. 9, 16, p. 197—204.
[493] Единственным источником сведений об этом диспуте является краткий отчет о нем епископа Иннокентия: Collatio catholicorum cum Severianis. *Mansi,* 8, 817—836.

непосредственной связи с ним стоит издание Юстинианом нового указа о вере от 15 марта 533 года.[494] Указ обращен к населению Константинополя и главных городов империи: Эфес, Кесария, Кизик, Амида, Трапезунт, Иерусалим, Апамея, Юстинианополь, Феополь (т. е. Антиохия), Севастия, Тарс, Анкира.[495]

26 марта Юстиниан дал рескрипт с изложением вероучения на имя патриарха Епифания. Извещая его об издании вероопределения, имеющего целью «обличить безумие еретиков», император прибавляет, что он довел обо всем до сведения римского папы, так как «он есть глава всех святейших божьих священников» и всегда сдерживал авторитетом своего престола все ереси, возникавшие в восточных областях.[496] С изданием этого вероопределения Юстиниан связывал надежды на сближение с монофизитами, так как он включил в него одну новую формулу: τον σαρκω&έντα... καί 'ανανθρωπήσαντα καί σταυρωθέντα £να είναι της αγίας τριάδος — hominem factum et crucifixum unum esse sanctae et consubstantionalis trinitatis.[497] Эта формула имела свою историю в 519—20 году во время воссоединения с Римом.[498] Так как папские легаты ее не одобрили, то и сам Юстиниан отнесся к ней сначала с неодобрением и писал о том папе.[499] Вскоре, однако, он изменил свое отношение к ней и с видимым интересом просил папу решить этот вопрос и дать ему ответ через имперского агента Евлогия.[500] Папа отложил решение вопроса до возвращения своих легатов, а скифские монахи, ближайшие заинтересованные в этом деле, уехали тайком из Рима раньше их возвращения.[501] Эта формула послужила основой для того толкования природы второго лица святой Троицы, которое позднее называли теопасхизмом, и в этом смысле шла беседа православных участников диспута с монофизитами.

В своем увлечении богословскими вопросами Юстиниан сочинил церковное песнопение: «Единородный Сыне и слове Божий...», которое было тогда же введено в богослужение.[502] Акимиты, считавшие себя призванными охранять чистоту веры, восстали против новой формулы, основываясь на том, что папские легаты в 519 году ее не одобрили и признавали излишней. Они решили перенести дело на суд папы и отправили от себя посольство в Рим.[503] Узнав об этом, император со своей стороны снарядил посольство к папе и поручил его исправление Ипатию Эфесскому, главному участнику недавнего диспута, и Димитрию, епископу Кесарии Палестинской. Сокращенное изложение своего эдикта о вере на латинском языке (подписанное 6 июня 533 года) Юстиниан послал папе, удержав в его тексте выражение, вызывавшее протест монахов. На римском престоле сидел тогда Иоанн II. На поместном соборе епископы обсуждали формулу Юстиниана и протест акимитов и приняли решение привлечь к этому вопросу суждение пользовавшегося тогда большим авторитетом в богословских вопросах дьякона карфагенской церкви Ферранда. Запрошенный по этому вопросу, он признал формулу Юстиниана православной.[504] Тогда при повторном обсуждении дела в соборе при папе «вера императора» была одобрена и протест акимитов осужден. Ответное послание папы императору датировано 25 марта 534 года. Юстиниан поместил его в новое пересмотренное издание Кодекса, изданное в свет в конце этого года.[505] Одновременно с посланием к императору папа извещал о своем решении римских сенаторов, находившихся в Константинополе, и, осуждая протест акимитов, внушал им не иметь с ними общения.[506]

Надежды, которые Юстиниан возлагал на прения о вере и свой эдикт, оправдались лишь в весьма малой степени. Монофизиты укреплялись в своем протесте против Халкидонского собора, и число исповедников росло в самой столице. Императрица оказывала им явное покровительство и предоставила для жительства пришельцам дворец Ормизда, который был даже перестроен для нового своего назначения согласно потребностям новых обитателей. Монофизиты вели широкую пропаганду, особенно в знатных домах, крестили младенцев, свободно отправляли богослужение. Однажды, вследствие чрезмерного стечения молящихся, во время церковного служения провалился пол, и то обстоятельство, что никто не был задавлен насмерть, было истолковано как знамение божьего благоволения и свидетельство истины монофизитского учения о втором лице святой Троицы.[507] В Сикках монофизиты имели свой многолюдный монастырь, где проживал пламенный и фанатичный монах Зоора, пользовавшийся вниманием и расположением императрицы. Проявляя крайнюю нетерпимость, Зоора подвергал вторичному крещению всех, кого ему удавалось отторгнуть от господствующей церкви.[508] Число монофизитов множилось в столице, где было легче жить под покровом императрицы, чем на родине. В ноябре месяце 533 года случилось поздно вечером большое землетрясение. Население города сбежалось на Форум Константина. Люди молились и взывали: «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, распятый за нас, помилуй нас». Всю ночь длились эти моления и возгласы, а рано утром, когда уже прекратились колебания почвы, народ устроил демонстрацию. Раздались крики: «Счастье христиан побеждает! Распятый, спаси нас и город! Юстиниан август, твоя победа! Уничтожь, сожги постановление (τόμον),

---

[494] *Loofs* в своем исследовании Leontioz von Byzans (*Texte und Untersuchungen,* 3) отстаивает 531 год, хотя эта датировка ровно ничего не уясняет в личной истории монахов. Лоофс отождествляет Леонтия, помянутого в отчете о диспуте, с тем скифским монахом, который ездил в Рим вместе с другими в 519 г. Промежуток оказывается все-таки весьма продолжительным, и раньше 533 года мы не имеем указаний на интерес к этой формуле со стороны Юстиниана.
[495] *Cod. Just.* 1, 1, 6. — В *Chr. Pasch.* 630—633, воспроизведен этот указ полностью, причем отмечено, что он был разослан по всей империи и был повсюду выставлен в церквах, а в Александрии это случилось 20 ноября.
[496] *Cod. Just.* 1, 1, 7, 2.
[497] Ib. 1, 1, 6, 6 - s. f.; 1, 1, 8, 14.
[498] См. выше стр. 25.
[499] *Mansi,* 8, 483, B.
[500] Ib. 8, 884.
[501] Ib. 8, 478, A.
[502] *Theoph.* 216, 23.
[503] *Liberati* Brev. c. 20 — Послы акимитов, Кир и Евлогий, были в Риме, когда там находился Либерат.
[504] *Fulgentii Ferrandi* Ep. 3 (P. L. 67, 889—908).
[505] *Cod. Just.* 1, 1, 8, 31.
[506] *Mansi,* 8, 802—806.
[507] *Johan. Ephes.* Comm. c. 47, 154—157.
[508] *Mansi,* 8, 899. — Коллективная жалоба монахов папе Агапиту.

составленное отцами Халкидонского собора».[509] Летописец не сохранил свидетельства о том, как отнесся император к этой демонстрации, свидетельствовавшей о многочисленности монофизитов в столице и их успехах среди населения. 20 лет тому назад при Анастасии Трисвятое с монофизитской прибавкой вызвало кровавые столкновения в храмах и на улицах города. Теперь все обошлось мирно.

Патриарх Епифаний старился, и преемником ему был заранее намечен Анфим, епископ Трапезунта, проживавший в столице. Продолжая свои сношения с монофизитами, Юстиниан настаивал на приезде Севера, и тот прибыл в Константинополь в 534 году.[510] Когда 5 июня 535 года умер Епифаний, его кафедру занял Анфим. Не нарушая установившегося согласия с Римом, Анфим внес в церковные диптихи акты всех четырех соборов и томос папы Льва и обменялся синодальными посланиями с антиохийским и иерусалимским патриархами, твердо стоявшими за Халкидонский собор. Разгром царства вандалов и утверждение власти императора в Африке дали возможность не делать больше изъятия для ариан, которых отстоял в 525 году Теодорих, и в указе 535 года (от 1 августа) на имя Соломона Юстиниан распространил на африканских ариан запретительные законы. Церкви ариан подлежали закрытию, их священники лишались права крестить кого-либо в свое исповедание, церковные имущества подлежали конфискации, государственная служба на всех постах была для них закрыта. Арианам предоставлен был один выход из бесправного положения: приносить раскаяние в своих заблуждениях и воссоединяться с господствующей церковью. Державшиеся еще в Африке от старых времен донатисты были поставлены в такое же бесправное положение, как и ариане.[511] На ариан, проживавших в Константинополе, преследования не распространялись, и только уже в 538 году их церкви были закрыты и воспрещено отправление культа.[512]

Подготовленное заранее возведение Анфима на константинопольскую кафедру вызывало подозрения в среде константинопольского монашества, относившегося с недоверием к его правоверию. Монахи имели сведения о его сношениях с монофизитами. Они потребовали от него публичного исповедания веры по Халкидонскому вероопределению, но Анфим не удовлетворил их желания. С находившимся в столице Севером он обменялся синодальной грамотой, и Захария сохранил нам текст его письма и ответ Севера.[513]

Одновременно с тем, как произошла перемена на константинопольской кафедре, сменился и римский папа, и преемником Иоанна II стал Агапит (3 июня 535 г.). Юстиниан поспешил отправить к нему свое исповедание веры и получил от него одобрение.[514] Неудовлетворенные Анфимом в своем требовании монахи отправили к нему жалобу на зловерие патриарха.[515] Осведомленный обо всем происходящем в столице, антиохийский патриарх Ефрем послал также от себя папе извещение о том же через одного известного тогда на Востоке врача и священника, человека очень образованного и красноречивого, Сергия, из города Ретайны в Месопотамии.[516]

В начале 536 года произошла перемена и на троне св. Марка. Патриарх Тимофей IV, занимавший кафедру с 518 года, скончался 10 февраля. Александрийская церковь была резко разделена на два враждебных лагеря по вопросу о признании тленным или нетленным тела Христова. Представитель партии, единомышленной с Севером, т. е. признававший тело Христа тленным, был посвящен в епископы при ближайшем участии кубикулария императорского двора Калотиха. По старому обычаю преемник почившего александрийского патриарха должен был стать у гроба почившего и возложить себе на голову его руку, а совершив погребение, возложить на себя омофор св. Марка. В ночь по смерти Тимофея Феодосий стоял у его гроба и принял посвящение. Но противная партия, к которой принадлежало большинство монахов, не допустила его совершить погребение и провозгласила патриархом Гайяна, который и занял кафедру. По поручению императрицы в Александрию прибыл Нарзес разобрать дело и признал права Феодосия. Но ему пришлось действовать оружием и только после большого кровопролития удалось отстоять права Феодосия. Гайян просидел на престоле 103 дня и был сослан в Карфаген, а затем на остров Сардинию. Положение нового патриарха было очень трудно среди тяжко пострадавшей мятежной паствы.[517] Север и Анфим обменялись с Феодосием синодальными посланиями, и между тремя патриархами установилось церковное единение на почве непризнания Халкидонского собора.[518] Но это торжество монофизитов было лишь знаменем борьбы, а не реальной силой, так как Анфим был скоро низложен. Случайное стечение обстоятельств ускорило победу православия.

Царь Феодагат, желавший всеми мерами предупредить войну, когда Велизарий захватил Сицилию, а Мунд занял Далмацию, потребовал, чтобы папа отправился послом к императору и ходатайствовал о мире. Папа должен был собраться очень спешно, не получил от царя денег и вынужден был занять их под залог священных сосудов.[519] 20 февраля 535 года он прибыл в Константинополь. В политическом отношении его посольство не имело никакого значения, но его приезд оказался роковым для той примирительной религиозной политики, которую под покровом строгого православия вел в течение нескольких лет Юстиниан. Заранее обо всем оповещенный папа Агапит не допустил к себе представителей патриарха Анфима и потребовал от императора немедленного удаления его на кафедру города Трапезунта, которую он раньше занимал. С формальной стороны это требование не подлежало спору, так как каноны Никейского собора воспрещали переход епископа с одной кафедры на другую. Тщетно императрица прибегала ко всяким способам воздействия на папу; он остался непреклонен.[520] Юстиниан подчинился авторитету папы и предоставил ему избрать и посвятить преемника

---

[509] *Malala,* 478; *Chr. Pasch.* 629.
[510] *Zacharias,* 9, 15, p. 204. 16—18.
[511] *Novella* XXXVII.
[512] *Malala,* 379, 13.
[513] *Zacharias, 9,* 21—22, p. 212—222.
[514] *Mansi,* 8, 845—847.
[515] Ib. 8, 406.
[516] *Zacharias, 9,* 19, p. 208—209; *Barhebr.* Chr. 206—207; *Mich. Syr.* II. 199.
[517] *Liberati* Brev. c. 20.
[518] *Zacharias,* 9, 23—25, p. 222—236.
[519] *Cassiod.* Var. 12, 20, p. 376.
[520] *Liberati* Brev. c. 21; *Malala,* 479, 7.

Анфима. Агапит остановил свой выбор на пресвитере Мине, занимавшем пост начальника странноприимницы Самсона, и его посвящение состоялось 3 марта 536 года. Чтобы очистить себя в глазах папы, император представил ему новое исповедание веры, помеченное 18 марта.[521] Папа строго упрекал императора за потворство Зооре и позвал его на свой суд, но Зоора не явился, ссылаясь на то, что был Великий пост, когда монах не должен выходить за стены монастыря.[522] Папа вместе с новым патриархом принялся разорять «монофизитское гнездо», свитое в Константинополе, но скоро заболел и умер (22 апреля 536 г.).

Чтобы закрепить победу православия, патриарх Мина собрал поместный собор, который открылся под его председательством 2 мая с участием в его заседаниях четырех западных епископов и двух дьяконов, прибывших с папой Агапитом. В пяти заседаниях — заключительное происходило 4 июня — были заслушаны и обсуждены все жалобы монахов, как поданные Агапиту, так и новые, представленные императору и переданные им в собор. Решение собора было принято единогласно. Анфим, Север, Петр, епископ Апамеи, и монах Зоора были преданы анафаме.[523] Юстиниан, для которого такой исход дела был крушением его надежды восстановить на Востоке церковное единство, утвердил низложение Анфима и спустя некоторое время изрек от себя анафему на осужденных собором еретиков.[524] Зоора был сослан в крепость Деркос, и пробыл там некоторое время, поддерживая непрерывные сношения со своими единомышленниками в столице и на Востоке.[525] Анфима скрыла императрица в своем дворце, и он жил там неведомо для всех до самой смерти Феодоры, последовавшей в 548 году.[526] Север еще раньше уехал в Египет и продолжал свою скитальческую жизнь до смерти (540 год).[527]

На Востоке опять начались преследования монофизитов при ближайшем участии в этом деле антиохийского патриарха Ефрема. На него было возложено поручение объехать восточные области и с поддержкой военной силы устранять врагов Халкидонского собора с занимаемых ими кафедр. Он посетил Верою, Батну, Эдессу, Сергиополь, Ретайну, Константину, Амиду и повсюду низложил монофизитских епископов. Он действовал увещанием, обещаниями царских милостей, застращиванием, применял изгнания и лишение царских щедрот, предоставленных отдельным церквам и монастырям, и имел некоторый успех. Во многих местах ему удалось склонить членов клира признать Халкидонский собор, но большинство оставалось твердо в своем исповедании. Знаменитый в летописях монофизитской церкви Иоанн, епископ Константины, попал в руки Ефрема, был увезен в Антиохию, подвергнут пытке и умер в заточении.[528] Особенное упорство оказывали монахи. Они предпочитали бежать в пустыню, как было то уже раньше при Юстине. Так как зима 536—37 года отличалась особенной суровостью, то исповедники монофизитства подвергались тяжким лишениям и страдали за веру, укрепляясь в сознании истины своего исповедания.[529]

Хотя Юстиниан отрекся от Севера и Анфима и встал на сторону врагов монофизитства, но он не терял надежды преодолеть сопротивление римского престола. Когда в Рим пришло известие о смерти Агапита, на его место был избран Сильверий, сын папы Гормизда. По условиям того времени, избрание совершилось без всякого воздействия со стороны константинопольского двора и было утверждено Феодагатом. Новый папа держался политики своих предшественников и выказал свое настроение отказом утвердить постановление константинопольского собора о предоставлении прав митрополита в северной части Иллирика епископу города Первой Юстинианы, не желая изменять давно сложившиеся отношения и уменьшать прерогативы епископа Фессалоники, пользовавшегося титулом викария святейшего престола. Так как папа Сильверий мог явиться серьезным противником в осуществлении заветной мечты Юстиниана о воссоединении монофизитской церкви, то в византийском дворе стали искать подходящего кандидата на папский престол. Таким оказался дьякон Вигилий. Принадлежавший по происхождению к римской знати, человек большого честолюбия, Вигилий уже давно мечтал занять папский трон, но это ему не удалось, и он состоял при дворе Юстиниана апокрисиарием папы. Он сумел войти в доверие к императору и императрице и был готов купить тиару ценой уступок в вопросе о монофизитах. Его современник, дьякон Либерат, приписывает главную роль в этом предварительном соглашении императрице, которая предложила Вигилию семь кентенариев золота за обещание, в случае избрания его папой, вступить в церковное общение с Анфимом, Севером и Феодосием. Он уехал в Италию и передал Велизарию, находившемуся тогда в Неаполе, поручение императрицы возвести его на папский престол, пообещав ему за помощь два кентенария золота. Велизарий замедлил с исполнением этого поручения. По словам Либерата, он пытался сначала побудить Сильверия к большей уступчивости в отношении к желаниям императора, но тот не шел ни на какие сделки, и пришлось прибегнуть к более простому средству. Во время осады Рима Витигесом у Велизария оказались в руках письма папы, якобы уличавшие его в предательских сношениях с готами. Он был приглашен во дворец, обвинен в измене, без суда немедленно низложен и отослан на Восток (18 ноября 537 года). На следующий день Велизарий созвал представителей римского клира, объявил о низложении папы за измену и провел затем избрание Вигилия (22 ноября).

Водворившись на римском троне, Вигилий сделал некоторые уступки императору. Он отказался от требования анафемы на Евфимия, Македония и Флавиана, ограничившись одним Акакием, и удовлетворил тщеславное желание императора возвысить положение епископа города Первой Юстинианы. Но в остальных вопросах, более важных, он не отступал от политики своих предшественников, и его синодальные грамоты,

---

[521] *Collectio Avel.* 89 (1, 338—340).
[522] *Johan. Ephes.* Comm. p. 11.
[523] Деяния этого собора см. *Mansi,* 8, 873—1150.
[524] Novella XLII, от 13 авг. 536 г.
[525] *Johan. Ephes.* Comm. p. 14; 114.
[526] Ib. p. 243.
[527] *Barhebr.* Chr. p. 212.
[528] Ib. p. 112.
[529] Ib. p. 121—123; *Zacharias,* 10, 1, p. 237.
Ib. следует переделать на *Johan. Ephes.* Comment., так как перед этой сноской оказался Barhebraeus. В дополнение следовало сослаться на главу 24, стр. 108—113, где живыми красками описаны жестокости, совершавшиеся во время преследования монофизитов.

посланные императору и патриарху, имели строго православный характер.[530] Сильверий, сосланный в Ликию, встретил в городе Патаре почет и сочувствие и был отпущен назад в Италию. Вигилий, для которого его возвращение было угрозой, вступил в сношения с Велизарием, и тот выдал ему Сильверия, которого он заточил на острове Пальмарии, где он и скончался в 540 году.[531] В исполнение своего обещания императрице Вигилий послал через Антонину, жену Велизария, письмо к патриархам Феодосию, Анфиму и Северу и в приложении к нему свое исповедание веры, заканчивавшееся анафематствованием Павла Самосатского, Диоскора, Феодора, Феодорита и «всех тех, кто чтили или чтут их положения». Это послание имело характер тайны, что и оговорено в его тексте.[532]

Если возведением на римский трон Вигилия, с которым существовало тайное соглашение, Юстиниан подготовлял почву для дальнейших исканий сближения с монофизитами, то официально в Византии царило православие, и этот тон поддерживал дьякон Пелагий, апокрисиарий Вигилия при особе императора. Доселе Египет со времен Анастасия оставался вне всякого воздействия в своем отчуждении от господствующей церкви; но внутренний раздор в александрийской церкви делал положение Феодосия не столь прочным, как то было раньше. По настоянию Пелагия, патриарх Феодосий был вызван в столицу в 538 году, и ему было предъявлено требование признать Халкидонский собор. Он отказался изменить своим убеждениям. Дело затянулось на два года, и в 540 году он был объявлен низложенным и сослан в Деркос. Вскоре, однако, он был возвращен в столицу и жил в Сикках до самой своей смерти, последовавшей в начале правления Юстина II.[533]

Преемником Феодосия был Павел. То был монах из Тебенны, приехавший в столицу по личному делу, будучи изгнан другими монахами ввиду разногласия по догматическим вопросам. Пелагий познакомился с ним и указал на него императору. Посвящение Павла совершил патриарх Мина в 540 году. Приняв на себя обязательство водворить в Египте признание Халкидонского собора, Павел отбыл в Александрию. Одновременно с тем префектом Египта был назначен Родон, финикиец по происхождению, которому было приказано оказывать патриарху всякое содействие в его мероприятиях. В числе доверенных лиц при Павле находился Арсений, сын Сильвана, сожженного в Скифополе в 530 году. В своих стараниях добиться признания Халкидонского собора в Александрии Павел имел некоторый успех даже в среде монахов. Но в 543 году он был низложен. Поводом к его низложению послужило следующее обстоятельство. — Павел, устраняя из Египта лиц, которых считал опасными для успеха своей миссии, имел в виду удалить магистра армии Илию. С ним состоял в личной дружбе эконом патриаршей церкви, дьякон Псой. Узнав о замыслах патриарха, он отправил к Илие курьера с письмом на туземном языке, в котором извещал его об опасности. Но письмо попало в руки Павла, и тот принял свои меры. Он привлек Псоя к ответственности по расходованию церковных денег, отрешил его от должности и отдал на суд префекта, известив обо всем императора. По каким-то личным мотивам в это дело вмешался Арсений. Псой был подвергнул пытке и умер в тюрьме. Родственники погибшего дали делу широкую огласку, и в печальной судьбе Псоя приняла живейшее участие императрица. В Александрию был немедленно отправлен римский сенатор Либерий, остававшийся в Константинополе со времени своего посольства, которое он исправлял по поручению Феодагата. Разобрав дело, Либерий отрешил от должности Родона и отправил его на суд императора, а Арсения казнил рабской казнью. Родон предъявлял в свое оправдание письма императора, в которых ему было приказано оказывать всякое содействие Павлу; но, после расследования дела в суде, он был казнен. Имущество обоих казненных было конфисковано.[534] Хотя Павел мог доказать свою непричастность к убийству Псоя, но многочисленные жалобы на него из Египта имели своим последствием то, что император поручил рассмотреть его дело в специальной комиссии из патриархов антиохийского, Ефрема, иерусалимского, Петра, влиятельного епископа Евсевия, Ипатия Эфесского и дьякона Пелагия, пользовавшегося в ту пору большим влиянием при дворе. Комиссия имела свои заседания в Газе и, разобрав жалобы на Павла, приговорила его к низложению (543 г.).[535]

Одновременно с тем как началось водворение православия в Египте, палестинские монахи привлекли внимание императора к старому спорному в восточной церкви вопросу об учении знаменитого христианского философа III века Оригена. Он волновал палестинскую церковь в конце IV и начале V века, когда там жил и действовал блаженный Иероним, и ожил опять в начале VI века. В Новой Лавре св. Саввы оказались монахи, разделявшие еретические мысли Оригена. Спор шел теперь не об отрицании человеческого образа Бога, как было в конце IV века, а о другом — учении Оригена о воскресении и загробной жизни, отрицании вечных мук грешников. Пока был жив Савва, он ревностно вел борьбу против оригенистов и изгонял из своих монастырей монахов, придерживавшихся воззрений Оригена, а во время своей поездки в Константинополь в 530 году просил императора об искоренении этой ереси. После смерти Саввы (532 г.) оригенизм оживился и в числе его приверженцев были видные люди, достигшие епископских кафедр, — Дометиан в Анкире и Феодор Аскида в Кесарии Каппадокийской; последний был лично известен при дворе, пользовался расположением императора и вызвал против себя нерасположение Пелагия. Один из ближайших учеников Саввы, Геласий, начал борьбу против оригенистов и выгнал их из Великой Лавры: но они нашли убежище в Новой Лавре, и в недрах палестинского монашества началась ожесточенная борьба. Когда патриарх Ефрем и Евсевий, направляясь в Газу на

---

[530] *Collectio Avel*. 92 (1, 248—354), 93 (354—356).

[531] *Lib. Pont.* Texte, p. 293.—...misit eum (Vigilius) in exilio ad Pontias et sustentavit eum panem tribulationis et aqua angustiae. Точное указание места ссылки и смерти Сильверия дает Либерат, Brev. c. 22.

[532] *Liberat.* Brev. c. 22. — Для чести папы Вигилия это письмо обыкновенно признают подложным.

[533] *Johan. Ephes.* Comm. p. 113—114; Vict. *Tonn.* s. a. 540, 2 (Chr. min. II 199). *Gutschmid,* Verzeichniss der Patr. v. Alex. Kl. Sch. II 460—467.

[534] *Liberati* Brev. c. 23; *Procop*. h. a. 27.

[535] Феофан сохранил свидетельство, будто главная вина Павла состояла в том, что он хотел восстановить память Севера, умершего в 540 году. *Theoph.* 222, 18. — По сообщению Прокопия — h. a. 27 — Павел старался впоследствии получить назад свою кафедру и предлагал императору 700 фунтов золота. Юстиниан готов был согласиться, но против этого восстал папа Вигилий, и дело не устроилось.

рассмотрение дела Павла, посетили Иерусалим, оригенисты принесли Евсевию жалобу на притесенения и были восстановлены в своих правах.[536] Это еще более ожесточило борьбу. Сознавая свое бессилие успокоить волнение, патриарх Петр решил перенести дело на суд императора. Пелагий заинтересовался этим делом во время пребывания в Газе, посетил Иерусалим на обратном пути, и вместе с ним прибыло в Константинополь посольство Петра. Недоброжелательство между Пелагием и Феодором Аскидой имело тоже свое значение, и Пелагий поддержал перед императором ходатайство Петра. Увлекавшийся богословскими вопросами Юстиниан ревностно занялся изучением творений Оригена и сочинил ученый трактат, в котором осудил его учение как еретическое.

Это произведение учености императора было облечено в форму послания на имя патриарха Мины с предписанием рассмотреть дело в собрании епископов и монахов, осудить отдельные пункты учения Оригена и анафематствовать вместе с «безбожным Оригеном» всех его единомышленников.[537] Собор состоялся в 543 году. Под изложением императора подписались патриарх Мина и другие епископы его собора, а затем дали свою подпись патриархи Александрии, Рима, Антиохии и Иерусалима.[538] Волнения в Палестине и внутренняя борьба в монастырях не прекратились. Феодор Аскида, хотя и подписал осуждение оригенизма, продолжал поддерживать борьбу против православных монахов, и дело доходило нередко до кровавых столкновений на улицах Иерусалима. Такое тревожное состояние длилось в течение десяти лет, и только строгие меры правительства после собора 553 года положили конец волнениям.

Православие торжествовало, и император в своих эдиктах, касающихся ограничений в правах еретиков, поминал наряду с несторианами евтихиан, акефалов, севериан.[539] В указе к населению Константинополя от 544 года воспрещены были церковные собрания и отправление культа всем еретикам, и их церкви признаны подлежащими уничтожению.[540] Но одновременно с тем как в Константинополе, так и по всему Востоку монофизитская церковь не только продолжала свое существование, но ожила с новой силой, благодаря деятельному покровительству императрицы Феодоры. Дворец Гормизда был по-прежнему полон монахами, а также и большой монастырь в Сикках. Объявленный низложенным александрийский патриарх Феодосий вернулся в Константинополь из ссылки, проживал в Сикках и поддерживал сношения со своей александрийской паствой. Павел и его преемник монах Зоил были патриархами мельхитов, как называли в Александрии признававших Халкидонский собор, т. е. разделявших веру императора (мелех—царь). Благодаря покровительству и помощи императрицы, монофизитская церковь в Египте сделала большое приобретение на юге страны. Царь племени набатеев обратился с просьбой к императору прислать проповедников христианской веры. Из кружка лиц, близких к Феодосию, был избран пресвитер Юлиан, и, по приказанию императрицы, дукс Фиваиды задержал миссионеров, которых послал Юстиниан. Предупредивший их Юлиан крестил царя и набатейскую знать и организовал здесь церковь, признававшую своей главой Феодосия (540 г.). Когда прибыли миссионеры императора, царь принял подарки, но отказался принять проповедников, заявив, что принадлежит к церкви Феодосия.[541]

В Сирии, где патриарху Ефрему удалось мерами насилия ослабить монофизитскую церковь, число монофизитских епископов значительно сократилось. Низложенный еще в 519 году Север продолжал считаться представителем сирийской монофизитской церкви, а по его смерти в Константинополе был посвящен преемник ему в лице строгого подвижника Сергия, родом из Теллы, который из столицы поддерживал сношения со своей паствой до самой своей смерти.[542] Сирийские арабы твердо стояли на стороне монофизитов, и царь их Арефа, сын Габалы, просил императрицу прислать на Восток новых епископов (542 г.). Константинопольские монофизиты выдвинули двух лиц: Феодора и Якова Барадея. Первый был посвящен в епископы Бостры, второй — Эдессы. Проявляя пламенную веру и воодушевление, Яков обошел все восточные области и повсюду восстановлял расстроенный преследованиями и отпадениями клир монофизитских церквей. Вернувшись в Константинополь для свидания с Феодосием, Яков отправился в Александрию, и с соизволения Феодосия были посвящены в Египте два епископа, Конон и Евгений, первый для Тарса, второй для Селевкии в Киликии. Феодосий посвятил в Константинополе двенадцать епископов для разных городов Египта, а Яков Барадей ставил новых епископов для восточных областей.[543] Так в течение нескольких лет возродилась новая иерархия монофизитской церкви по всему Востоку, и разномыслие в религиозных вопросах между Юстинианом и Феодорой создавало действительность, полную противоречий.

Юстиниан не терял надежды найти путь примирения и восстановить единство исповедания веры в империи. Покончив свои занятия оригенизмом, он принялся за составление трактата, в котором хотел изобличить заблуждения акефалов и добиться соглашения с ними. Близкий ко двору Феодор Аскида обратил внимание императора на другую более простую тему, которая, по его мнению, могла скорее и легче привести к той же цели. — В пору борьбы Кирилла против Нестория, Феодорит выступал защитником Нестория. Это не помешало ему, однако, быть принятым в число отцов Халкидонского собора, после того как он произнес публично анафему на Нестория. Его еретические сочинения не подверглись осуждению. Точно так же на этом соборе было доложено явно еретическое письмо Ивы Эдесского к персу Марису. Хотя оно было признано содержащим ересь, но не вызвало осуждения со стороны собора. Наконец, собор 451 года не произнес никакого суждения о творениях учителя Нестория, Феодора, епископа Мопсуестии, совершенно несогласных с учением Кирилла. Сочинения этих писателей ревностно распространялись по Востоку в видах полемики против Халкидонского собора. Феодор Аскида внушил императору мысль, что осуждение этих сочинений и их авторов устранит для

---

[536] Житие св. Саввы, гл. 85.
[537] *Justiniani imperatoris* Liber adversus Origenem (P. G. 86, p, 845—993).
[538] *Liberati* Brev. c. 23.
[539] *Novellae* 109 (от 541 г.) и 131 (от 545).
[540] *Nov.* 132.
[541] *Johan. Ephes.* Kirchengeschichte, 4, 6—7, p. 141—144; *Barhebr.* Ch. 230—234.
[542] *Johan. Ephes.* Comm. 159.
[543] *Liberati* Brev. c. 24.

монофизитов самую возможность нападок на Халкидонский собор и тем самым будет содействовать воссоединению их с господствующей церковью. Императрица поддержала эту мысль, и Юстиниан ревностно принялся за новый ученый труд.[544]

Разобрав творения Феодора Мопсуестийского, письмо Ивы и полемические сочинения Феодорита Кирского против Кирилла, Юстиниан признал в них еретическое учение, осудил его и анафематствовал в эдикте, изданном на имя патриарха Мины. Мина принял эдикт о трех главах, как его стали называть,[545] без возражения, свою подпись дали также патриархи Антиохии, Александрии и Иерусалима. Но протест против него был заявлен немедленно в самом Константинополе апокрисиарием папы Стефаном и епископом Медиолана Дацием. Пелагий, находившийся тогда в Риме, отнесся с осуждением к произведению богословской учености императора и обратился с запросом к известному западному богослову, диакону карфагенской церкви Ферранду. В своем ответе Ферранд резко возражал против эдикта, признав в нем скрытое желание пошатнуть авторитет Халкидонского собора, и отрицал смысл и надобность обличать заблуждения и анафематствовать людей, умерших в мире с церковью.[546] Папа Вигилий стоял заодно с общим суждением западных епископов. Так как восточные патриархи приняли эдикт о трех главах, то Юстиниан желал завершить свое дело одобрением со стороны римского престола. Чтобы иметь возможность оказать воздействие на Вигилия, связавшего себя разными обязательствами ради достижения папской тиары, он потребовал его приезда в Константинополь. Вигилий медлил и дождался того, что его схватили в церкви св. Цецилии (на правом берегу Тибра) во время церковного служения и увезли из Рима в Сицилию (ноябрь 545), где он оставался целый год и имел совещания с африканскими епископами по вопросу об эдикте императора.

Покоряясь необходимости, Вигилий отправился в Константинополь и прибыл туда 25 января 547 года. Встреча сопровождалась большою торжественностью, император и папа облобызались на глазах огромной толпы, которая сопутствовала папе в храм св. Софии с пением гимна: Ecce advenit dominator dominus.[547] Папа прибыл с большим штатом западных епископов и клириков и был тверд в своем настроении, враждебном эдикту. Это выразилось в том, что он отрешил Мину от церковного общения за признание эдикта. Мина ответил ему тем же и исключил его имя из церковных диптихов своей церкви. Раскол продолжался до 29 июня, праздника Петра и Павла, когда совокупными усилиями императора и императрицы удалось смягчить папу.[548] По настоянию императора Вигилий организовал в начале 548 года заседания собора западных епископов, находившихся в Константинополе, в числе которых был африканский богослов Факунд, епископ Гермианы. Обсуждение шло с большими затруднениями. Папа прекратил заседания и предложил всем участникам собора высказать свои мнения письменно. Согласия достигнуто не было, но папа покорился воле императора и 11 апреля 548 года издал от своего имени за подписью членов своего клира осуждение трех глав в виде послания на имя патриарха Мины. Этот документ получил название Judicatum. В благодарность за эту уступку имя папы было поставлено на первое место в диптихах Константинопольской церкви.[549] Judicatum был прочтен во всех церквах империи и выставлен во всеобщее сведение. То было последнее торжество Феодоры: 28 июня 548 года она скончалась.

Добившись согласия папы на осуждение трех глав, Юстиниан приступил к выполнению того, что являлось главной целью его стремлений. Он обратился к проживавшему в Константинополе представителю монофизитской церкви, Иоанну Эфесскому, с предложением отправиться на Восток и пригласить в Константинополь наиболее видных представителей сирийского монашества для личных переговоров. На расходы по этому делу император готов был предоставить большие денежные средства. Но Иоанн отказался от этого предложения, считая дело безнадежным. Так как смерть Феодоры ослабила монофизитскую партию, то император надеялся на успех своего предприятия и нашел других лиц, которые исполнили его поручение. В Константинополь съехалось до 400 видных представителей монашества со всего Востока. Обширное здание, носившее имя Исидора, было отведено для их обитания.[550] Монофизитский съезд вызвал большое оживление в столице и продолжался более года. Хотя император принимал личное участие в собеседованиях, но монахи выказали большое упорство, и цель не была достигнута.[551]

Одновременно с тем на западе началась усиленная агитация против эдикта императора и декрета папы. Самым авторитетным противником явился Факунд, епископ Гермианы. Он издал в свет обширный полемический трактат под заглавием: «В защиту трех глав», в форме обращения к императору. Факунд подробно разобрал вопрос, очень строго осуждал папу за его Judicatum, хвалил отношение к церковным вопросам императоров Маркиана и Льва, резко осуждал Юстиниана и, в заключение, советовал ему последовать примеру Феодосия, который отступился от своего суждения по делу Эфесского собора 449 года и подчинился авторитету папы.[552]

В Африке на соборе в Карфагене в 550 году под председательством Репарата все епископы единогласно восстали в защиту трех глав и отрешили от церковного общения папу Вигилия за его Judicatum, пока он не принесет покаяния.[553] Епископы Иллирика также отказались принять Judicatum, составили определение в защиту трех глав и низложили епископа Первой Юстинианы Бенената за то, что он принял эдикт императора.

---

[544] *Liberati* Brev. c. 24.
[545] Словом κεφάλαιον, capitulum, обозначали краткую формулировку анафематствуемого положения. Таковы были 12 «глав» Кирилла против Нестория. Но в данном случае понимали под главами трех авторов.
[546] *Fulgentii Ferrandi* Ep. 1 (P. L. 67, 921—928).
[547] *Lib. Pontif.* p. 297—298.
[548] *Theoph.* 225 , 27.
[549] Феофан относит это событие к январю 550 года. — *Chr.* 227, 2—4.
[550] *Theoph.* 226, 8. —То была странноприимница, выстроенная Юстинианом, см. *Procop.* aed. 1, 2, p. 183, 13.
[551] *Johan. Ephes.* h. fr. III D, p. 246—247.
[552] *Facundi* Pro defensione trium capitulorum concilii Chalcedonensis libri XII ad Justinianum imperatorem (P. L. 67, 527—852). — Подробный разбор сочинения Факунда см. *Доброклонский.* Сочинение Факунда, еп. Гермианского, в защиту трех глав. Москва. 1888.
[553] *Vict. Tonn*, s. a. (Chr. min. II 202).

Отдельные епископы присылали из разных мест от себя лично императору протесты и осуждения.[554]

Оказавшись в столь трудном положении, папа желал взять назад свой декрет, чтобы поставить вопрос на обсуждение собора. Император дал на это свое согласие лишь после того, как Вигилий принес в присутствии свидетелей клятву на четырех евангелиях и гвоздях креста Христова в том, что он приложит все старания к тому, чтобы осуждение трех глав было изречено всей церковью. Клятва была дана 15 августа 550 года в присутствии римского сенатора Цетега и епископа Феодора Аскиды.[555] Но вопрос о созвании собора затянулся, и Юстиниан предпочел, под воздействием Феодора Аскиды, более простой путь и издал в 551 году свой второй эдикт в осуждение трех глав, текст которого дошел до нас.[556] Одновременно с тем начались преследования упорствующих. Вызванный из Карфагена епископ Репарат был низложен и сослан в Евхаиты, где скончался через несколько лет.[557] Помимо несогласия с эдиктом против Репарата было возбуждено обвинение в причастности к убийству Ареобинда.[558] Один из находившихся в столице диаконов карфагенской церкви признал эдикт о трех главах и был посвящен в епископы Карфагена, но его водворение на кафедру сопровождалось кровопролитием в самой церкви.

Папа чувствовал себя пленником во дворце Плацидии и, опасаясь за свою жизнь, сделал попытку бежать в храм Петра во дворце Ормизда. В церковь явился отряд солдат, чтобы извлечь папу из его убежища. Окруженный своими клириками, он ухватился за колонны престола. Разогнав клириков, солдаты тащили папу за ноги и за бороду, но он так крепко держался, что самый престол едва не провалился под ним. Сбежавшийся на шум и смятение народ прекратил эту дикую сцену насилия. Инцидент был кое-как улажен, и папа вернулся во дворец Плацидии. Вскоре после того папе удалось бежать ночью 23 декабря 551 года в Халкидон, где он нашел убежище в храме св. Евфимии, том самом, где некогда происходил Халкидонский собор. Твердый и готовый претерпеть всякое насилие, он был теперь силен в своем несчастном положении. Рим был в руках Тотилы, и это обстоятельство создавало необходимость для Юстиниана мириться с тем папой, какой был налицо. Посольства из придворной знати, являвшиеся к Вигилию и предлагавшие всякие ручательства и клятвы, не имели успеха, а когда Юстиниан оскорбил папу еще раз в письме, то он подписал и издал свою энциклику (5 февраля 552 года), обращенную ко всему христианскому миру — universo populo Dei — с повествованием о всех своих страданиях и унижениях.[559] Переговоры были поставлены на церковную почву, папе дано было удовлетворение, которое он признал достаточным, чтобы вернуться в столицу. Вскоре затем скончался патриарх Мина, и его преемником стал Евтихий.

Император согласился на созвание вселенского собора, и по всей империи были разосланы епископам приглашения приехать в Константинополь. Но многие из приглашенных боялись явиться и под разными предлогами отказывались. Собор состоялся в мае 553 года. Большинство участников было с Востока, западных епископов было очень немного, и папа, несмотря на все настояния со стороны императора, не явился на собор. Когда собор приступил к своим занятиям, папа издал 14 мая декрет, получивший название Constitutum. То был весьма пространный и разработанный трактат, в котором папа и епископы западной церкви, находившиеся с ним в Константинополе, подробно мотивировали свое принципиальное несогласие с императором. Относительно еретического учения Феодора Мопсуестийского папа утверждал, что оно осуждено на Халкидонском соборе, и заявлял, что считает неуместным поднимать вопрос о Феодорите и Иве ввиду того, что отцы Халкидонского собора не вменили им в вину отклонения от православной веры в их литературном прошлом.[560] Таким образом, вместо содействия анафематствованию трех глав, о чем Вигилий дал страшную клятву в 550 году, он являлся теперь противником всего этого дела. Собор исключил его имя из диптихов Константинопольской церкви и продолжал свои заседания. Император представил в соборе целый трактат, в котором изобличал еретический характер учения Феодора Мопсуестийского.[561]

Обсудив вопрос о трех главах, собор занялся также рассмотрением учения Оригена и с полным единодушием согласился с выводами, какие раньше сделал император. В анафематствованиях, в которых были сформулированы заключения соборного обсуждения спорных пунктов учения о воплощении Иисуса Христа, было возведено в значение догмата положение, что как чудеса, так и страдания принадлежат одному Иисусу Христу, воплотившемуся Слову. Сочетание двух естеств определено как соединение (ἕνωσις) Бога-Слова с плотью одушевленной, душой разумной и умственной (λογική και νοερά) по ипостаси. «Ипостась одна — Иисус Христос, един от святыя Троицы».[562]

В такой формулировке этих положений Юстиниан надеялся устранить те препоны, которые воздвиглись между православными и монофизитами и разослал от своего имени пространное изъяснение вопросов, обсуждавшихся на соборе, с подробной критикой анафематствуемых учений.

Униженный и непрерывно оскорбляемый папа оставался в Константинополе. Его друзья в Риме давно хлопотали за него перед императором и просили отпустить его к пастве, которую он вынужден был покинуть еще в 545 году. Когда в 552 году в Константинополь направлялось посольство франков, представители римского клира вручили ему послание с подробным изложением злоключений папы и просили похлопотать о том, чтобы император отпустил из столицы как его, так и епископа Медиолана Дация, который покинул свою паству уже 16

---

[554] Епископ Понциан разъяснял императору, что в Африке никогда не знали творений Феодора Мопсуестийского и что анафематствовать давно умершего человека бесполезно и недопустимо. P. L. 67, 995—998.
[555] Протокол присяги — *Mansi*, 9, 363.
[556] *Mansi*, 9, 537—582.
[557] *Vict. Tonn.* s. a. 51.
[558] См. выше стр. 138.
[559] Epistola encyclica ad universam ecclesiam (P. L. 69, 55—59): Epistola legatis Francorum, *Mansi*, 9, 151—156, — где подробно, со ссылками на очевидцев рассказан эпизод, имевший место в храме Петра.
[560] *Coll. Avel.* 83 (I 230—320).
[561] Justiniani imperatoris ad sanctam Synodum epistola de Theodoro Mopsuesteno el reliquis. (P. G. 86, 1, 1035—1096); *Chron. Pasch.* 635—684.
[562] *Mansi*, 9, 377.

лет тому назад.[563] Когда Нарзес после победы при Тегинах вступил в Рим, весь римский клир обратился к нему с просьбой ходатайствовать перед императором о возвращении папы Вигилия и всех задержанных в Константинополе епископов и клириков.[564] Все ходатайства и настояния были тщетны, и папа томился в тяжкой неволе. После окончательного разрыва с императором во время собора, папа и члены его клира были отправлены в ссылку. Местом заточения Вигилия был остров Проконнес. В конец надломленный и страдавший уже смертельной болезнью, папа не выдержал и уступил. Он издал эдикт, получивший название Constitutum, в котором утвердил постановления собора 553 года и произнес осуждение трех глав. Дата документа 8 декабря 553 года.[565] Из Рима явилось новое посольство с просьбой к императору отпустить папу и не задерживать в столице остальных епископов и клириков. Папа был более не нужен и в августе 554 года отпущен в Италию. Но тяжкий недуг подточил его силы, и он умер в Сицилии, не доехав до Рима. Преемником Вигилия был поставлен, по желанию императора, диакон Пелагий. В последний год жизни папы Пелагий был в Константинополе, подвергся ссылке и был из нее вызван, когда согласился подписать осуждение трех глав. В Риме у него было много врагов, обвинявших его в бедствиях и смерти папы Вигилия, и осуждение трех глав сделало его положение еще более трудным. От обвинений относительно Вигилия он оправдался торжественным принесением клятвы в присутствии всего клира в базилике св. Петра, а по вопросу об осуждении трех глав ему пришлось вести борьбу с епископами северной Италии. Митрополиты Аквилеи, юрисдикция которых простиралась на Венецию и Истрию, и Медиолана, в зависимости от которого состояли другие епископы северной Италии, высказались на поместном соборе против осуждения трех глав и оказались в расколе с папским престолом. Пелагий просил содействия Нарзеса в борьбе с непокорными епископами,[566] но раскол продолжался и по смерти Пелагия (560 г.) и был окончательно устранен уже только в начале следующего столетия, благодаря усилиям папы Григория Великого.

По окончании собора 553 года Юстиниан, опираясь на его вселенский авторитет, начал преследование упорствующих. Митрополит Иллирика Фронтин был вызван в Константинополь и сослан в Египет, в город Антинополь в Фиваиде.[567] В числе пострадавших был епископ Тоннена Виктор, составитель дошедшей до нас хроники. Он занес в нее под 555 годом свидетельство о вынесенных им тяжких побоях, заточении и ссылке сначала на Балеарские острова, а затем в Египет, где он встретил много других сосланных туда епископов.[568] Многие бежали, предваряя ссылку, и в числе их был авторитетный богослов Ферранд.

Карая упорствующих, Юстиниан продолжал отстаивать свою правду и словом. На одно коллективное послание епископов в защиту трех глав, полученное им вскоре по окончании собора, он ответил весьма пространным посланием, в котором подробно опровергал аргументы противников и отстаивал правильность соборных решений. Текст петиции не сохранился, и мы не знаем, кто были ее авторы, но ответ Юстиниана дошел до нас.[569]

Надежды, которые возлагал Юстиниан на осуждение трех глав в отношении Востока, не оправдались. Монофизиты по-прежнему не хотели знать Халкидонского собора. Яков Барадей продолжал свою энергичную деятельность и в год собора (553) поставил на антиохийскую кафедру епископом Павла, родом из Александрии, который был синкеллом Феодосия.[570] Тщетно правительство изощрялось в способах оградить восточные области от миссионерской деятельности Якова. По примеру апостолов, он ходил пешком по всему пространству своей огромной паствы, появлялся везде и повсюду — был неуловим. За все время своей деятельности он посвятил 27 епископов и более 100 тысяч пресвитеров и диаконов.[571] Так, наряду с господствующей церковью появилась другая, которая получила от имени главного деятеля название яковитской. Кроме монофизитов, воинствующих и резко отделявших себя от господствующей церкви, которую они считали еретической, повсюду на Востоке было много людей и общин, которые оставляли Халкидонский собор под сомнением. Их называли термином διακρινόμενοι (haesitantes, колеблющиеся).[572]

Так уже при Юстиниане церковь на Востоке разделилась на господствующую, продолжавшую пребывать в единстве с Римом, и монофизитскую. В Константинополе монофизиты были пришлым элементом, Иллирик и Греция находились под юрисдикцией римского престола и здесь господствовало православие, а Восток пребывал в разделении. Кафедра св. Марка в Александрии имела официального главу, пребывавшего во вселенском единстве. После низложения Зоила в 550 году, кафедру занял Аполлинарий, переживший Юстиниана на четыре года. В резком антагонизме против «царской» церкви стояла туземная. Низложенный Феодосий жил в Константинополе и сохранял за собою звание, снятое с него правительственной властью. Но монофизитская церковь Египта была по-прежнему разделена на два враждебных лагеря по вопросу о природе тела Христова: одни придерживались мнения Севера, другие Юлиана. Первые считали своим патриархом Феодосия, вторые от имени соперника Феодосия, Гайана, назывались гайанитами. В последний год жизни Юстиниана гайаниты возымели смелость поставить себе патриарха в лице Эльпидия. Юстиниан приказал схватить его и в цепях доставить в столицу. По дороге на острове Лесбос он умер.[573]

На почве разногласий между православными и монофизитами по всему Востоку возникали время от времени столкновения, оканчивавшиеся нередко кровавыми беспорядками. Такой случай имел место в Антиохии в 562 году. Комит Востока Зимарх по приказу императора применял разные меры воздействия: отправлял в ссылку,

---

563 Mansi, 9, 377
564 *Lib. Pontif.*, p. 299.
565 *Mansi, 9,* 413—420.
566 Epp. Pelagli, 2, 3, 4, 5 — *Mansi*, 9, 714—717.
567 *Vict. Tonn*, s. a. 554 (*Chr. min.* II 203).
568 Ib. s. a.
569 *Mansi*, 9, 589—646.
570 *Johan. Ephes.* Kir.-Gesch. 1, 41, p. 38.
571 *Johan. Ephes.* Comm. p. 162—164.
572 *Leont. Byzant.* De sectis, 6, 6 (P. G. 86, 1, 1227).
573 *Theoph.* 241, 6—13.

производил конфискацию имуществ, применял членовредительные наказания.[574]

Юстиниан, все более отдаваясь своей страсти к богословствованию, обрабатывал трактаты во вразумление монофизитов, и один из них, обращенный к монахам Египта, дошел до нас.[575] Веря в свое искусство диалектики, он устраивал богословские прения, придавая им наиболее широкую форму. Проживавший в Константинополе монофизит Иоанн Эфесский сохранил свидетельство о таких прениях в 558 и 560 году. Из Египта были вызваны не только монахи, но также ученые, схоластики, грамматики и представители корпорации мореходов, возивших хлеб в столицу. Будучи надолго задержаны в Константинополе, деловые люди стали тяготиться бесцельным занятием и бежали на родину.[576]

В самом конце своего правления Юстиниан, под воздействием окружавших его людей, заинтересовался тем вопросом, который разделил некогда александрийскую церковь на два враждебных лагеря, и склонился на сторону гайанитов. Изложив учение о нетленности тела Христова в эдикте на имя патриарха, он потребовал от него подписи.[577] Тщетно патриарх Евтихий просил императора взять назад свой еретический эдикт. Юстиниан твердо стоял на своем и, встретив отпор со стороны патриарха, низложил его и сослал в Амасию.[578] Его преемником был поставлен схоластик Иоанн.[579] Особенно резкий и внушительный протест оказал патриарх антиохийский Анастасий, который держал весьма убедительные и ученые проповеди в своей церкви в опровержение этой ереси.[580] Смерть императора, последовавшая 14 ноября 565 года, спасла церковь от новых тревог. Представитель латинской поэзии того времени Корипп, проживавший в Константинополе, дал свидетельство о тяжких невзгодах политической жизни империи вследствие увлечения императора богословием. Казна была пуста, военная сила в полном расстройстве, повсюду царил произвол, старец-император пребывал всеми своими помыслами в горнем мире.

Nulla fuit iam cura seins: iam frigidus omnis
Alterius vitae solo fervebat amore.
In caelum mens omnis erat. Iam corporis huius
Immemor hanc mundi faciem transisse putabat.

«Ни о чем уже не заботился старец. Холодный ко всему, он пламенел лишь вожделением к другой жизни. Все помыслы его были обращены к небу. Забывая о теле, он мнил, что лик мира уже преобразился».[581] Эти слова вложены в уста преемнику Юстиниана в его речи к сенату. В Константинополе в широких кругах общества сказывалось большое раздражение и в 562 году созрел заговор на жизнь императора. Покушение, подготовленное на 23 ноября, открылось и было предупреждено лишь благодаря неосмотрительности заговорщиков. Во время разбирательства дела было брошено подозрение на Велизария, который был лишен своего положения и свиты и пробыл под домашним арестом в течение более полугода, когда последовало помилование.[582] Так в увлечении богословскими и церковными вопросами Юстиниан дожил свой век.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЮСТИНИАНА В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Создатель «храма римской юстиции» после завершения своего великого дела продолжал законодательствовать в течение всего своего продолжительного правления. Дошедший до нас сборник его «новых законов», являвшихся дополнением к кодексу права, позволяет заключить, что законодательная деятельность Юлиана шла с особым напряжением сразу же после издания кодекса, с 535 по 539 год, была довольно обильна в период времени с 541 по 544 год и заметно сократилась в последующие годы правления, когда император стал заниматься богословскими вопросами и положил все свои силы на достижение увлекавшего его идеала водворения единства исповедания христианской веры во всей империи. Огромное большинство его новелл относится к области государственного управления. В многочисленных указах 535 и 536 года император констатирует весьма печальное состояние провинциального управления в восточных областях государства. Правители провинций позволяли себе повсюду самые ужасные злоупотребления и вымогательства. В Ликаонии, Ликии, Фригии, Каппадокии, Понте царил разбой; крупные собственники применяли насилие в отношении мелких землевладельцев и округляли за их счет свои владения; от захватов не были свободны и церковные имущества;[583] солдаты имперской армии, проходя через провинции, причиняли разного рода обиды и насилия местному населению; начальники провинций под предлогом ремонта стен, дорог, водопроводов производили жестокие вымогательства; городские милиции, содержавшиеся в разных местах, грабили население хуже разбойников; взимание налогов давало повод к самым вопиющим вымогательствам. Все эти бедствия имели своим последствием бегство в столицу пострадавших с жалобами на претерпеваемые ими беды.[584]

---

[574] Ib. 235, 12—15.
[575] *Justiniarii imperatoris* Tractatus contra monophysitas (P. G. 86, 1, 1104—1146).
[576] *Johan. Ephes.* hist. frg. III. G. H. p. 248—249.
[577] *Evagr.* 4, 39.
[578] Подробное описание борьбы с патриархом см. *Vita Eutychii* c. 31 (P. G. 86, 2, 2317).
[579] Иоанн был родом из селения Сирима в округе Кинегии, входившем в территорию Антиохии. *Evagr.* 4, 38.
[580] Ib. 4, 40. — Эта проповедь была предназначена к публикации, но смерть Юстиниана сделала это излишним, с. 41.

Михаил Сириец сохранил письмо к Юстиниану от собора 195 епископов, собравшихся в Антиохии, где им был объявлен эдикт императора о нетленности тела Христова. Епископы отказались принять его и в очень ученой форме изложили свои аргументы. Вероятно, редакция ответа принадлежит Анастасию. *Mich. Syr.* IX 34, p. 273—281.
[581] *Corippi* In laud. Iustini, II 265—268.
[582] *Malala*, 493—495; *Theoph.* 237—238; 239, 17.
[583] В деревне Али-Фарадж в древней Писидии найдена надпись, содержащая рескрипт Юстина и Юстиниана от 1 июня 527 года в защиту имущественных прав церкви св. Иоанна от захватов соседей. *Bull, de Corr. Hell.* 1893, 501—520.
[584] Nov. VIII, praef., p. 66. Fugaeque fiunt ex provinciis et confluunt hie omnes ingemiscentes, sacerdotes et curíales et officiales et possessores et populi et agricolae iudicum iurta merito et iniustitias accusantes.

В Новелле от 539 года — LXXX, в предисловии Юстиниан в скорбных словах жалуется на те же самые

Одну из причин такого тяжкого состояния государственного управления Юстиниан видел в старом грехе имперской администрации — покупке должностей. Императоры Маркиан и Анастасий боролись с этим злом и, по свидетельству современников, достигали благих результатов. Но старая язва постоянно возрождалась, и при Юстиниане дело обстояло в этом отношении весьма неблагополучно. В оплате административных постов различали два вида: обычай, συνήθεια и суффрагий, δόσις χρυσίου. Первый исчислялся по доходности поста и рассматривался как плата за диплом на должность, второй являлся подкупом лиц, от которых зависело назначение. Сознавая на себе долг улучшить нравы администрации и облегчить положение подданных, Юстиниан издал 1 мая 535 года весьма пространный эдикт на имя префекта претория (Nov. VIII). Констатируя тяжкие грехи администрации, император воспретил на будущее время суффрагий и установил точную таксу на то, что носило имя обычая. От назначения на административные посты имели свои доходы три ведомства: 1) управление царских покоев, sacrum cubiculum, 2) нотария и императорские канцелярии и 3) канцелярия префекта претория, officium.

Плата за диплом распределялась так: хартулариям придворного ведомства комит Востока и проконсул Азии платили по 63 солида, а правители провинций — по 9; нотарии и императорская канцелярия взимали — с комита Востока — 50 солидов, с проконсула Азии — 40, с правителей провинций —с одних по 24, с других по 15; кроме того, помощник примицерия нотариев-трибунов получал со всех по 3 солида особо; канцелярия префекта взимала в свою пользу по 80 солидов с комита Востока и проконсула Азии и по 40 или 36 — с правителей провинций. Установленная в 535 году такса значительно выше той, которую за год до того Юстиниан определил в эдикте о восстановлении гражданского управления в Африке, где диплом на звание правителя провинции оплачивался 6 солидами в управлении царских покоев и 12 — в канцелярии префекта претория.[585] Африканские дуксы, кроме этих сборов, должны были платить по 12 солидов в канцелярию магистра армии.[586] — Узаконив «обычай» и установив для него таксу, Юстиниан тем самым создавал возможность возрождения «суффрагия».

Государственная служба была доступна только для правоверующих, и назначение на должность сопровождалось принесением присяги на четырех Евангелиях в присутствии свидетелей. Формулу присяги Юстиниан опубликовал в том же эдикте, в котором была определена такса за дипломы. Присяга приносилась на имя императора и императрицы и давалась в том, что получающий назначение будет неукоснительно заботиться об интересах фиска и приложит всю свою энергию (σφοδρότης) к исправному поступлению налогов и податей, взимаемых с населения. Она заканчивалась накликанием кары Божьей на Страшном суде и всяких бед в жизни.[587]

Одновременно с эдиктом, узаконившим таксу на дипломы на должность правителей провинций и определившим формулу присяги, Юстиниан издал другой, общего содержания, на имя квестора двора Трибониана, получивший в сборнике новелл заглавие: De mandatis principum (Novella XVII). В многословной и расплывчатой форме законодатель касается разных сторон компетенции правителей провинций и, кроме общих внушений, дает несколько более точных указаний обязательного для них отношения к частным вопросам. Так, правитель обязан не допускать захвата богатыми землевладельцами мелких хозяйств (с. 13), увода чужих колонов (с. 14), не имеет права назначать себе заместителей (с. 10) и т. п. Не заключая в себе никаких существенно новых положений, определяющих права и обязанности высших чинов имперской администрации, этот эдикт был, очевидно, недостаточен в глазах самого императора в смысле уврачевания тех ужасных неправд и злоупотреблений, которые он сам констатировал в обоих эдиктах от 1 мая и в течение того же года за ними последовал целый ряд указов на имя префекта претория Иоанна касательно отдельных провинций Востока.

В реформах Диоклетиана и Константина гражданская власть была отделена от военной. Этот порядок имел в своей основе представление об армии как боевой силе, не имеющей отношения к жизни провинции, стянутой в пограничные области и из года в год снаряжающейся в поход против внешнего врага. Уже во второй половине IV века, как видно из повествования Аммиана Марцеллина, отдельные военные части оказывались в положении местных гарнизонов в пределах провинций. Но старое деление гражданского и военного управления за некоторыми изъятиями, как Исаврия и Аравия, сохранялось в силе. В 535-36 году Юстиниан издал целый ряд указов об отдельных провинциях, в которых он, изменяя старые названия начальников на новые, соединял высшие полномочия военной и гражданской власти в одном лице.[588] Это было сделано относительно Писидии (Nov. 24), Ликаонии (25), Геленопонта (28), Каппадокии (30) и Пафлагонии (29), а на европейском материке — Фракии-Европы (26).[589] На будущее время правители провинций Писидии, Ликаонии, Пафлагонии и Фракии получали титул претора, начальник Понта — модератора, Каппадокии — проконсула. В указах, касавшихся трех из названных провинций, определены были новые штаты правителю, его помощнику и канцелярии. Не ограничиваясь указанием на сущность реформы, Юстиниан распространялся в каждом отдельном указе об обязательных для правителя заботах, разных сторонах жизни населения и всяких могущих случиться затруднениях.

Длинные рассуждения императора о новых преторах, модераторе, проконсулах не объединены никакой ясной и определенной идеей, и нельзя поэтому говорить, как делают некоторые исследователи, об административной реформе, предпринятой Юстинианом в 535 году.[590] Неизвестно и то, остались ли в силе новые полномочия и титулы, которые ввел Юстиниан в своих указах 535 года. Один из них, помеченный 1 августа 535 года, посвящен новой организации области в 13 городских общин, которые император желал объединить под

бедствия.
[585] *Cod. Just.* 1, 27, 1.
[586] Ib. 1, 27, 2.
[587] Nov. VIII s. f.
[588] Sub una namque magistratione causam colligimus in provincia, ut non dilacerata claudicet. Nov. 30, 6, 2 s. f.
[589] Сюда же следует прибавить Палестину и Аравию. В Палестине был восстановлен проконсул — Nov. 103, от 536 года, а правитель Аравии получил титул модератора — Nov. 102, от того же года.
[590] Разумеем изложение Диля в его прекрасной монографии: Justinien et la civilisation byzantine an VI sfecle. Paris. 1901.

именем Геленопонта.[591] Но через несколько месяцев, 1 апреля 536 года, был издан указ об организации Армении, в котором многие города Геленопонта и притом наиболее важные приморские, оказались входящими в состав Первой и Второй Армении.[592] Таким образом, приходится заключить, что организация Геленопонта в том виде, как ее давал указ 535 года, вовсе не существовала и, быть может, проект указа лишь по ошибке попал в сборник новелл.

Добрые пожелания императора воздействовать на дурные нравы имперской администрации, которые он так многословно высказывал в своих указах, ограничивались бесплодными рассуждениями.[593] Исконная цель провинциального управления сводилась по-прежнему на исправное поступление доходов в казну. Широкая политика государя, его внешние войны, строительство, охватывающее всю империю, расточение денег на уплаты варварам по всем границам государства, роскошная жизнь двора, все это требовало денег, и во главе правительства стоял Иоанн Каппадокиец, который не останавливался ни перед какими ужасами насилия, чтобы добыть нужные средства. Преследуя одну цель — обогащение казны и собственную наживу, Иоанн позволял себе страшные злоупотребления во время своих объездов восточных провинций. Тяжелые картины пыток и самоубийств совершались на глазах Иоанна Лидийца, и он с ужасом рассказывает о них, а также о диких сценах разврата, которые позволял себе Иоанн во время своего пребывания в Азии.[594]

Застаревшие дурные нравы имперской администрации были гораздо сильнее доброжелательных рассуждений и внушений императора, как видно из эдикта 545 года на имя префекта претория Востока Петра Варсимы (Nov. 128). Юстиниан повествует о тех же самых неправдах правителей и бедствиях провинциального населения, о которых он с ужасом говорил в эдиктах 535 года. Та же самая картина бедствий восстает в эдикте 556 года на имя префекта города Мусония (Nov. 134), в котором Юстиниан, исходя из частного вопроса о назначении заместителей, вдается в разнообразные наставления правителям провинций о том, что они должны делать и чего не имеют права допускать. На всем законодательстве Юстиниана относительно администрации лежит печать бессилия в борьбе с застарелыми дурными нравами, и главной причиной этой немощи было его собственное попустительство к самым наглым нарушениям справедливости, которые позволяли себе его ближайшие слуги.

В бессильной борьбе с дурными нравами имперской администрации, Юстиниан обратил свое внимание на тот орган местной власти, который имел своим ближайшим назначением охрану низшего класса населения городских общин от обид со стороны представителей государственной власти, местных управлений и сборщиков податей. То был защитник общины, defensor civitatis, существовавший со времен Валентиниана и Валента. Назначаемые сначала префектом претория из декурионов или бывших членов канцелярий правителя провинции и имперских агентов, дефензоры стали впоследствии избираться населением общины из своей среды. Их непосредственные функции осложнились присоединением судебной власти в известном круге компетенции, но первоначальная обязанность защиты слабого и обиженного оставалась на первом плане.[595] Дефензор имел право личных обращений ко всем высшим чинам правительства.[596] Хотя при Анастасии положение и права дефензора вновь подверглись регламентации,[597] но ко времени Юстиниана этот орган местной жизни пришел в расстройство как вследствие того, что правители провинций позволяли себе разные злоупотребления, так и того, что местные люди уклонялись от принятия на себя этого звания. В 535 году Юстиниан издал специальный закон о дефензорах (Nov. XV). Воспрещая уклоняться от этого звания представителям провинциальной знати, Юстиниан определил двухлетний срок службы вместо действовавшего прежде пятилетнего, положил плату за диплом в 4 или 3 солида, смотря по важности города, и воспретил правителям провинций смещать дефензоров по своему произволу. Из текста указа приходится заключить, что в ту пору на первый план в деятельности дефензоров выступили судебная и административная функция, и вместо печальника об интересах низшего класса населения, дефензор являлся прежде всего представителем местной администрации и был обязан оказывать содействие правителю провинции в его общем надзоре за ходом местной жизни. В соответствии с этим он именуется index civitatis, по аналогии с положением правителя провинции, index provinciae. Какое значение имела эта реформа в общем укладе отношений того времени в жизни общин, трудно судить, ввиду скудости известий о живых событиях местной жизни.

Большое значение в организационном смысле имела та часть законодательства Юстиниана, которая относилась к церковному строительству. Сюда относятся, кроме указов, вошедших в кодекс, его новеллы: 3, 5, 6, 7, 11, 16 (от 535 г.), 55, 56, 57, 58 (537 г.), 86 (539 г.), 131 (545 г.), 123 (546 г.), 137 (565 г.). Признавая постановления вселенских соборов имеющими силу закона,[598] Юстиниан продолжал на их основе дело церковного строительства по требованиям жизни, в связи с выходившими наружу нарушениями права и справедливости.

По аналогии с гражданским ведомством плата за назначение существовала и в церковном. Поборы епископов за посвящение давно вошли в обычай, и только такие строгие ревнители чистоты христианской церкви, каким был Иоанн Златоуст, видели в них симонию и применяли кары в отношении виновных. Но нравы были сильнее добрых желаний ревнителей, и плата за посвящение в сан епископа и в члены клира держалась повсеместно; наряду со старым обычаем, действовал также и суффрагий. Этим вопросом Юстиниан занялся позднее и в 546 году издал эдикт (Nov. 123), в котором воспретил суффрагий и таксировал обычай. Патриархи всех пяти тронов уплачивали за поставление 20 фунтов золота. Плата за поставление в епископы определялась в соответствии с доходностью кафедры. Митрополиты и епископы, посвящаемые патриархом, должны были платить по 100

---

[591] *Nov.* 28.
[592] *Nov.* 31.
[593] Определенное сведение об отмене самим Юстинианом проведенной им же реформы мы имеем относительно поста викария Понтийского диоцеза, обнимавшего северо-восточные области Малой Азии. В 535 году этот пост был упразднен, но в 548 году Юстиниан восстановил его вновь в борьбе с разбоем, принявшим страшные размеры, наряду с другими настроениями в жизни тех областей. *Just. XIII edicta.*, VIII, p. 768—772 *Schöll.*
[594] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 54—61.
[595] *Cod. Just.* 1, 55, 4 (от 385 г.).
[596] Ib. 1, 55, 8 (от 409 г.).
[597] Ib. 55, 11 (от 505 г.).
[598] Nov. 131 praef. τοὺς κανόνας ὡς νόμους φυλάττομεν.

золотых за акт поставления и по 300 — в канцелярию патриарха. Эта сумма обязательна в том случае, когда доход церкви не меньше 30 фунтов золота. При меньшей сумме дохода цифра соответственно понижается. Если доходность не выше 2 фунтов золота, то плата падает до 12 золотых за поставление и 6 — на канцелярию. Доходность кафедры ниже двух фунтов золота освобождает кандидата от всякого взноса (с. 3). Точно так же клирики всех рангов, пресвитер, диакон, иподиакон, платят «обычай» в размере не больше, суммы годичного дохода (с. 16). Определяя приведенные суммы как максимум, законодатель грозит взысканием втрое за повышение размера взиманий, полагающихся по обычаю.

Избрание епископов Юстиниан подвергал рассмотрению в 535 году, в другой раз в 546 и в третий — в 565. Избрание епископа есть дело общины; оно происходит в собрании клира и знатнейших граждан. По общему согласию собрание должно избрать трех кандидатов, но допускается избрание двух и даже одного. Приговор об избрании должен быть скреплен подписями избирателей и клятвой в том, что данное лицо намечается в епископы ввиду его нравственных качеств и что в выбор не примешаны никакие личные мотивы. Посвящение епископа принадлежит митрополиту данной области. Митрополитов избирает патриарх. Патриарха избирает император, а рукополагают все епископы патриархата. Принимающий посвящение должен принести клятву в том, что он не прибегал к подкупу, изложить исповедание веры и обязаться соблюдать церковные правила.

В пресвитеры допускаются люди не моложе 35 лет, а в диаконы — 25. Женщины могут принимать посвящение диакониссы не моложе 40 лет. Брак для лиц, принявших посвящение, безусловно воспрещен. За нарушение этого запрета виновный подлежит исключению из клира и зачисляется в курию. Епископ, который дозволит себе допустить брак духовного лица, подлежит отрешению от кафедры. Посвящение в клир не подлежит оплате, но «обычай» применяется и здесь в размере не свыше суммы годичного дохода. Рабы могут принимать посвящение только с разрешения господина, а куриалы — после выдачи части имущества курии и фиску. В образе жизни все члены клира должны соблюдать благопристойность; им воспрещается не только посещение общественных игр, но также и игра в кости. За нарушение последнего запрещения грозит заключение в монастырь на три года, причем допускается сокращение срока наказания.

Епископы обязаны оставаться в пределах своей епархии и объезжать ее. С разрешения высшей власти они могут являться в столицу. В пределах провинции они должны каждый год собираться в синоды. Суду епископа подлежат все члены клира по всем делам, какие могут быть предъявлены к ним частными лицами. Только в случае несогласия одной стороны на приговор епископа дело переходит на суд правителя провинции. Кроме своих прямых обязанностей, епископ, как самый видный представитель общины, имеет право вмешательства и контроля во всех делах самого разнообразного характера.

Епископы и члены клира могут принимать на себя опеку частных лиц, но им воспрещается занимать должности сборщиков податей, брать на откуп денежные сборы, аренды общественных и казенных имуществ.

Монашество, в ту пору привлекавшее очень многих, было при Юстиниане окончательно введено в состав духовного класса. Оно было подчинено епископу. Без разрешения епископа никто не мог открывать монастыря. Никаких предварительных условий для поступления в монахи не требовалось, но пострижению предшествовал трехлетний срок испытания, который мог быть и сокращен. Рабы могли поступать в монастырь только с согласия своих господ. Родители не имели права препятствовать своим детям в их желании принять ангельский чин и лишать их за это наследства. Семейные люди могли принимать монашество по взаимному соглашению. Миряне допускались в монастырь только с особого разрешения, и притом мужчины — только в мужской монастырь, а женщины — в женский. Монастыри окружались стенами, и их внутренний обиход был определен точными и строгими правилами. Оставление своего монастыря рассматривалось как проступок, подлежавший каре.

В эдикте 545 года (Nov. 131) Юстиниан коснулся вопроса о ранговом отношении между патриархами и признал первенство за представителем трона апостола Петра, а вторым в ранге патриарха Константинополя и тем порешил вопрос, который был предметом, спора сто лет тому назад после окончания Халкидонского собора.[599] Порядок чести остальных трех патриархов был давно установлен жизнью: Александрия, Антиохия, Элия, как назывался тогда Иерусалим. В том же эдикте Юстиниан подтвердил права митрополита за епископом Первой Юстинианы, точно определив территорию, на которую простиралась его духовная юрисдикция, а также и верховные права епископа Карфагена в латинской Африке (с. 3 и 4).

Обширное и разнообразное законодательство Юстиниана по церковным вопросам было приведено в систему патриархом Иоанном Схоластиком, занявшим трон в последний год жизни Юстиниана. Практический юрист в молодые годы (отсюда прозвище схоластик), Иоанн принял духовный сан и был пресвитером в Антиохии. На нем остановил свой выбор Юстиниан, когда решил низложить патриарха Евтихия за его протест против эдикта о нетленности тела Христова. Заняв патриарший престол в апреле 565 года, Иоанн остался на нем до смерти, последовавшей в 578 году. Еще будучи пресвитером в Антиохии, он составил сборник узаконений, относящихся к организации церкви, в 50 главах. Позднее, вероятно уже по смерти Юстиниана, он извлек из его новелл узаконения церковного характера, привел их в более или менее систематический порядок и составил цельный сборник. Это произведение Иоанна вошло впоследствии в нашу Кормчую, как заключительная ее часть, с заголовком: «От книг божественных повелений божественной кончины Юстиниана».[600]

ФИНАНСЫ И ФИНАНСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ ЮСТИНИАНЕ

Состояние казны в начале правления Юстиниана. Иоанн Каппадокиец. Отрешение и восстановление его во власти. Способы обеспечения поступления налогов. Монополии. Откуп таможенных сборов. Падение Иоанна. Его преемник Феодот. Чума и ее последствия. Петр Варсима, его мероприятия и монополия на шелк. Сокращение расходов. Расстройство финансов в конце правления Юстиниана.

[599] См. 1 том.
[600] *Бенешевич.* Древнеславянская Кормчая. СПб. 1906, 739—837. — Текст Иоанна Разделен на 103 главы.

Имп. Анастасий, опытный администратор, водворивший строгую отчетность в расходовании государственных средств, оставил своему преемнику огромный по тому времени фонд в 320 тысяч фунтов золота (ок. 140 миллионов золотых рублей). Блестящее состояние финансов позволило Юстиниану, когда он встал у кормила правления при своем немощном дяде, дать государственной политике более широкий полет и, по свидетельству Прокопия, средства, скопленные Анастасием, были израсходованы еще в правление Юстина.[601] В первые годы своего единовластия Юстиниан поддерживал традиции старого доброго времени Анастасия, и Малала занес в свою хронику сведение об отмене одного налога, носившего имя: «готское дерево-масло», Ξυλέλαιον Γοτδκόν.[602] По всему вероятию, то был местный налог, взимавшийся в Сирии, и восходил он к тому времени, когда Феодосий I, изыскивая способы устроить готов в империи, увеличил обложение в восточных областях.[603] Когда в том же году тяжкое землетрясение вновь посетило Антиохию, причем погибло пять тысяч человек, а также Лаодикею, где было семь тысяч жертв, и Селевкию, Юстиниан освободил пострадавшую область от всех налогов и податей на три года, как то делалось обыкновенно при Анастасии, и отпустил 200 фунтов золота на отстройку пострадавших городов. Одновременно с тем он возводил общественные сооружения в столице и простер свою щедрость на Александрию, которая получила новый водопровод.[604] Когда в 529 году страшное восстание самаритян и кровавое его подавление принесло Палестине неисчислимые бедствия и страна потеряла, по приблизительному счету Прокопия, до ста тысяч из числа своего населения, иерусалимский патриарх снарядил послом к императору знаменитого главу палестинского монашества, Савву. Император дал согласие на сбавку 13 кентенариев золота (ок. 600 тыс. золотых руб.) с разделением этой суммы на два года, девятый и десятый индикт (т. е. с 1 сентября 530 по 1 сентября 532 г.), поручив епископам Аскалона и Пеллы объехать пострадавшие местности и определить, где именно должно быть оказано снисхождение и допущена сбавка с податного оклада. Епископы исполнили возложенное на них поручение и Первой Палестине, в пределах которой лежала вся Самария, отвели 12 кентенариев, а округу города Скифополя и окрестным местностям, как менее пострадавшим, дали льготу в один кентенарий.[605] Прокопий, писавший свою «Тайную историю» в 550 году, утверждает, будто Юстиниан не сделал никакой сбавки с податного оклада Палестины после постигшего страну тяжкого внутреннего кровопролития и что положение землевладельцев-христиан стало еще тяжелее, когда им пришлось вносить полностью оклад за запустевшие земли.[606] Очевидно, он перенес и на эти годы правления Юстиниана то отношение правительства к бедствиям провинциального населения, какое проявлялось позднее, когда нужда в деньгах стала хроническим недугом государственной жизни. Это бедствие Юстинианова режима лишь начиналось в то время. Шли переговоры о мире с персами, который нужно было купить за большие деньги, предстояла экспедиция в Африку, пугавшая ближайших советников императора необходимостью колоссальных расходов, как было выяснено по архивным справкам из времени Льва.[607] Префектура претория, превратившаяся к концу правления Анастасия в высшую апелляционную инстанцию и замещавшаяся выдающимися юристами,[608] должна была изменить свой характер и стать по-прежнему ближайшим органом государя для извлечения доходов из провинций.[609] Ведомство по взысканию налогов, занявшее полусамостоятельное положение под начальством главного логофета (rationalis), как стал в ту пору называться этот сановник, вошло опять непосредственно в сферу ведения префекта претория. В 531 году пост префекта занял человек весьма невысокого образования, Иоанн, каппадокиец по происхождению. В молодые годы он состоял скриниарием в ведомстве магистра армии, сумел войти в доверие у государя, стал одним из логофетов, удостоен был сана иллюстрия и занял пост префекта.[610] Прокопий, при всем нерасположении к нему, называет его, однако, самым сильным по уму человеком из всех тех, кого приходилось ему встречать в своей жизни.[611] Дворец префекта претория стал местом заточения для недоимщиков и тех, кого привлекали к ответственности за недобор повинностей; пытки и истязания, каким их подвергали, кончались иногда смертью.[612] В короткий срок нескольких месяцев Иоанн Каппадокиец успел вызвать такое возбуждение против себя общественного мнения, что Юстиниан вынужден был пожертвовать им в первые дни бунта «Ника» и дал ему отставку. Его преемником был назначен заслуженный сановник из старой чиновной знати, Фока, сын Кратера, внук Сальвия, обладавший большим состоянием, отзывчивый на чужую беду и крупный благотворитель.[613] Лестно охарактеризовав Фоку и рассказав, с какой радостью встретил его народ во время первого его выезда на колеснице, Иоанн Лидиец отмечает, как его заслугу, то, что он для начала сооружения храма св. Софии немедленно представил императору 4 тысячи фунтов золота.[614] По свидетельству Прокопия, из всех лиц, занимавших при Юстиниане (до 550 года) пост префекта претория, только Фока и Басс (в 547 году) были люди бескорыстные, не пользовавшиеся своим

---

[601] *Procop.* h. a. 19, 7—8.
[602] *Malala,* 437.
[603] См. том 1.
[604] *Malala,* 445.
[605] *Cyril. Scythopol.* v. S. Sabae, c. 73 и 75.—В переводе проф. Помяловского (*Палест. Патерик,* вып. 1, стр. 115) допущена ошибка: и слово συγχωρῆσαι переведено «взять», что совершенно искажает смысл распоряжения императора.
[606] *Procop.* h. a. 11, 24—30.
Неправильно понята льгота, которой добился Савва, у г. Панченко в его исследовании о «Тайной истории» Прокопия. Он полагает — *Виз. Врем.* III стр. 309, — будто Савва «выхлопотал единовременное прощение казенной недоимки за 9 и 10 индикт». Но дело шло не о недоимке, а о сбавке с канона предстоявших 9 и 10 индиктов.
[607] См. 1 том.
[608] См. 1 том.
[609] Свидетельство об изменении характера префектуры дают жалобы Иоанна Лидийца на падение заработка адвокатов — De mag. 3, 66—67.
[610] 20 февраля 531 года пост префекта занимал Юлиан — *Cod. Just.* 2, 58, 2, а 30 апреля того же года издан указ на имя Иоанна — ib. 4, 37, 6.
[611] *Procop.* b. p. 1, 24, 12.
[612] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 57. — Иоанн называет своего знакомого, некоего Антиоха, который умер на пытке.
[613] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 72—76.
[614] Ib. 3, 76, p. 271.

положением в целях личного обогащения.[615] Но этот честный, верный долгу и милостивый к людям сановник не удовлетворял колоссальным запросам, которые предъявлял к государственным средствам Юстиниан, и оставался на этом посту очень недолго. В октябре того же 532 года пост префекта был вновь предоставлен Иоанну Каппадокийцу.[616]

Главным источником доходов казны была искони поземельная подать. Сумма поступлений исчислялась в канцелярии префекта претория и распределялась им по диоцезам и провинциям. Взимаемые налоги в общей сумме поступали в кассу префектуры.[617] Иоанн умел собирать поземельную подать не только полностью, согласно росписи, которая публиковалась от имени императора, но и со значительным излишком. Этот добавочный доход, достигавший, по сообщению Прокопия, трех тысяч фунтов золота в год, Иоанн[618] называл словом ἀερικόν от ἀήρ, что значит воздух, т. е. как бы подарок с неба.[619] Успешность взыскания податей достигалась личным воздействием на посредствующие в этом деле органы и на самих плательщиков через агентов префекта, из числа его скриниариев. Иоанн Лидиец с ужасом рассказывает о тех жестокостях, какие позволял себе в Лидии один из таких агентов, также каппадокиец и соименник префекта, и называет имена пострадавших от него лиц.[620] Справедливость его сообщений подтверждает указ Юстиниана от 1 сентября 535 г., который сохранился не в главном сборнике новелл, а в другом, носящем заглавие: Justiniani XIII edicta.[621] Двенадцатый из этих эдиктов озаглавлен: De Hellesponto. Помянув о жалобах из провинции Геллеспонт на скриниария Иоанна, который, по словам императора, «не останавливался перед самыми жестокими грабежами и вернулся в этот счастливый город (т. е. столицу) преисполненным золота, а области Геллеспонта оставил в крайней бедности», Юстиниан выражает соболезнование населению и, не оговариваясь насчет кары, которая, казалось бы, должна была постигнуть виновного, и не касаясь вопроса о возмещении убытков потерпевшим, повелевает правителям провинций на будущее время проверять полномочия чиновников, являющихся из столицы, и признавать только такие командировки (formae), которые исходят непосредственно от императора.[622]

Заведенный сирийцем Марином при Анастасии способ взыскивать подати с мелких собственников при помощи откупа продолжал действовать при Юстиниане, но применялся далеко не повсеместно. Виндики вызывали против себя большие нарекания, и сам император признавал жалобы на виндиков вполне основательными. В указе на имя Иоанна Каппадокийца от 535 года, Novella XXXVIII, Юстиниан констатирует оскудение в составе городских курий и изыскивает способы пополнить число куриалов, предупреждая возможность уклонения от этих обязанностей местных людей. О виндиках император говорит с большим презрением — τούς ολέθριους μισθωτάς, οὓς βίνδικας καλουσι (вредоносные откупщики, которых называют виндиками). В чем собственно грешны виндики, это не высказано в указе. Несмотря на столь резкий отзыв, Юстиниан однако удержал в силе это учреждение, как видно из его указов от 545 и 556 годов.[623]

Взыскание поземельной подати было главной обязанностью президов провинций, как это ясно выражено в самой формуле присяги, изданной Юстинианом в 535 г. (Nov. 8). Упомянутые выше указы Юстиниана от 535/6 года имели одну общую цель: обеспечить для правителей провинций возможность исполнить их главную обязанность. Сообщая им новые, более почетные титулы, возводя их в высший чиновный ранг, увеличивая оклад их жалованья, император предоставлял им власть над военными отрядами, обязанностью которых было содействие гражданской власти в ее трудах по взысканию налогов с населения. В наиболее откровенной форме и без всяких прикрас, запутывающих истинный смысл «реформы», подлинные мысли императора сохранились в указе на имя Иоанна Каппадокийца, изданном между 1 сентября 538 и 31 августа 539 г. Он дошел до нас в помянутом выше «Сборнике 13 эдиктов» на последнем месте под заглавием: «О городе Александрии и провинциях Египта».[624] В этом обширном тексте император не раз повторяет, что недочеты в полной сумме сбора, как она указана в росписи, грозят правителю не только отрешением от должности, но и возбуждением против него иска, который, в случае смерти ответчика, переходит на всех его наследников и не может быть прекращен, пока казна не будет удовлетворена полностью. Чтобы побудить солдат ревностно содействовать правителю провинции в исполнении его главной обязанности, император грозит за нерадение переводом целой военной части в негостеприимные земли на дунайской границе или ссылкой на край земли, в Севастополь и Питиунт на Кавказском побережье. В указе о восстановлении прежде существовавшего титула проконсула Палестины, исчезнувшего со времени деления этой области на три провинции, Юстиниан оговаривает, что

---

[615] *Procop.* h. a. 21, 6.

[616] Указ на имя Иоанна в звании префекта претория от 18 октября 532 года — *Cod. Just.* 3, 10, 8. В согласии с этим находится свидетельство Прокопия — h. a. 21, 7, — что Фока (как позднее Басс) не пробыл в должности целого года. Алеманн в своих примечаниях к тексту «Тайной истории» принял 534 год, как дату возвращения Иоанна на прежний его пост, не представив никаких доказательств. Проф. Диль в своей монографии о Юстиниане — стр. 107 франц. издания (110 — рус. перевода) — повторил утверждение Алеманна и сделал ссылку на один указ 534 года (6, 23, 30).

[617] Старый, давно действовавший порядок составления росписи и ее публикации (см. т. I) был вновь регламентирован Юстинианом в эдикте от 545 года. *Novella* 128.

[618] Не Иоанн, а сам Юстиниан.

[619] *Procop.* h. a. 21, 1—2. — Алеманн в своих примечаниях изъяснил ’αερικόν как особый налог, и по его ложному следу идут доселе ученые. Надеемся разъяснить этот вопрос в специальном исследовании.

[620] *Johan. Lyd.* De mag. 2, 59—60.

[621] См. в приложении к Новеллам в издании *Schöll·я,* стр. 759—795.

[622] *Nov. Just.* 128, с. 5 и 134. с. 2.

[623] Прокопий, в изыскании всех грехов Юстинианова режима в деле взыскания налогов и обогащения казны за счет бедствий населения, поминает о «наемниках», μισθωτοί, которые за известную плату брали на себя обязательство доставить императору все сборы полностью, — *τά φώρια πάντα.* Этот способ он противополагает сдаче на откуп (οϋκέτι ’απεμπολεΐν ἔγνω ὴπερ τα πρότερα). Выходит, как будто эти μισθωτοί коренным образом отличны от μισθωταί , т. е. vindices, бравших сбор податей на откуп (h. a. 21, 20). Прав ли Прокопий в своем утверждении, или же он допустил здесь некоторое смешение и проявил недостаточную осведомленность об организации дела взыскания налогов, этот вопрос требует специального исследования.

[624] *Nov. Just.* p. 780—795. — *Zachariae von Litigenthal* в специальном издании этого указа: Lex de dioecesi Aegyptiaca ab imp. Justiniano lata (Lipsiae. 1891) относит его издание к 554 году. С этой датировкой нельзя согласиться.

откомандированные в распоряжение нового проконсула солдаты выходят тем самым из-под власти магистра армии Востока и местного дукса и не могут быть отозваны от своей новой службы по охране порядка и помощи проконсулу в его обязанности взыскивать повинности в предоставленной в его управление области.[625] То же самое повторено и в указе о модераторе Аравии.[626]

Опираясь на военную помощь, правители провинций ревностно исполняли свои обязанности, и Иоанн Каппадокиец доставлял в казну не только все по росписи обложения, но и значительный излишек. Если три тысячи фунтов золота поступали в казну в виде добавки к общей сумме налога по всей империи, то помимо того много денег застревало в руках самого префекта, который скопил себе колоссальное состояние, раздражавшее его врагов и императрицу Феодору.

Поземельная подать была главным ресурсом казны. Хотя она поступала даже с излишком против росписи, но Юстиниан постоянно нуждался в деньгах, и Иоанн Каппадокиец умел изобретать новые источники доходов. Таковыми были, по свидетельству Прокопия, монополии на хлеб и предметы первой необходимости. За отсутствием свидетельств об этом новшестве в других источниках, кроме Прокопия, вопрос *о* монополиях остается не вполне ясным.

Старая идея о праве державного римского народа в центре державы на даровой хлеб из хлебородных провинций породила весьма сложное и дорого стоившее учреждение, организацию которого дал Август. Оно носило имя annona (хлеб) и непрерывно действовало в Риме до начала V века. Чтобы достойно обставить новую столицу империи, Константин перевел на службу Новому Риму александрийский хлебный флот, оставив Риму африканский.[627] Дело было организовано не вдруг, и только через два года после открытия новой столицы часть ее населения стала получать даровой хлеб.[628] Точных и вполне ясных свидетельств о том, как было организовано это дело, нет в нашем предании ни от времени Константина, ни его ближайших преемников. Несомненно однако, что право части населения на даровой хлеб сохранялось в силе до времени Ираклия, когда сначала персы, а вскоре затем арабы отняли Египет и взяли Александрию. Даровой хлеб получила, по-видимому, лишь незначительная часть населения огромного города. Торговля хлебом не была монополизована до времен Юстиниана, и Анастасий в указе о снабжении хлебом захудалых местностей Фракии, где приходилось содержать значительное число гарнизонов, предоставлял дело хлебной торговли частной инициативе. При Юстиниане торговля хлебом в столице была монополизована в руках правительства, как об этом с полной определенностью говорит Прокопий,[629] и префект города, заведовавший подвозом хлеба, мог по своему усмотрению устанавливать цены и увеличивать тем самым доходы казны. По словам Прокопия, казна получала от продажи хлеба беднейшему населению 300 фунтов золота в год чистого дохода.[630] По примеру столицы, тот же порядок был водворен в Александрии. Это было делом Гефеста, адвоката по профессии, который достиг поста префекта-августала. Сосредоточив продажу хлеба в своих руках, он произвольно повышал цены и делился доходами с двором, за что пользовался милостью императора. Еще со времен Диоклетиана в Александрии отпускалось известное количество хлеба из государственных запасов для даровой раздачи беднейшему населению. Гефест сократил эту дачу, удержав из нее 200 тысяч медимнов.[631] В Лазике, где хлеб и соль были предметами ввоза, водворил монополию Иоанн Тциба и своими вымогательствами так раздразнил население, что лазы завели сношения с Хосровом и отпали от империи.[632] Не довольствуясь установлением монополии на продажу хлеба в столице, Иоанн Каппадокиец, по свидетельству Прокопия, простер ту же систему на другие продукты пропитания и предметы первой необходимости. Существовавший с давних пор в столице сановник, носивший имя νυκτέπαρχος, ночной префект, соответствовавший римскому префекту пожарных (praefectus vigilum), получил новое звание — praetor plebis, народный претор.[633] В его заведовании находился рынок. По словам Прокопия, он облагал торговцев особым налогом и предоставлял им право устанавливать по взаимному соглашению цены.[634] Трудно сказать, прав ли Прокопий в своих нападках, и была ли действительно монополизирована торговля предметами первой необходимости в ущерб населению. В своем Кодексе Юстиниан воспроизвел указы имп. Льва от 473 года и Зенона — от 483 г. со строгим запретом монополий и угрозами тяжких наказаний за попытки подобного рода.[635]

Таким же способом увеличить доходы казны была сдача на откуп таможенных доходов. Еще древний Византий богател от пошлин, которые взимались за проход через пролив кораблей с торговым грузом, и за обладание проливами спорили в свое время македонские и сирийские цари. Пошлина с привоза имела также исконную давность, и в проливах было два пункта для ее взимания: Абидос в Дарданеллах и Иерон при выходе в Черное море.[636] Правительственные чиновники, назначавшиеся в эти пункты, вели регистрацию судов и следили за тем, чтобы купцы не возили к варварам оружия и других товаров, которые оказывались под запретом по тем или иным мотивам. При Юстиниане в обоих этих пунктах взимание пошлин сдавалось на откуп капиталистам, которые в видах наживы причиняли всякие притеснения, обиды и затруднения купцам, так что многие разорялись и оставляли торговлю. Новая таможня возникла в самом Константинополе, она была также отдана на откуп и ее держал сириец Аддей, по-видимому тот самый, который был в начале 50-х годов префектом

---

[625] *Nov.* 103, c. 3 (от 536).
[626] *Nov.* 102, c. 2 (от 536).
[627] См. 1 том.
[628] *Chr. Pasch.* 531.
[629] *Procop.* b. a. 22, 24.
[630] Ib. 26, 22.
[631] Ib. 26, 35—44.
[632] См. выше, стр. 125.
[633] Указ о переименовании «ночного эпарха» и функциях власти «народного претора» сохранился: *Nov.* 13.—Здесь перечислены только полицейские обязанности этого сановника.
[634] *Procop.* h. a. 20, 1—8; 26, 19.
[635] *Cod. Just.* 3, 59, 1—2.
[636] *Arriani Peripl.* § 37: Εκ Κυανεων ’επί το ‘Ιερόν τυῦ Διος του Ούριου, ίναπερ το στόμα του Πόντου στάδιοι τεσσαράκοντα. От этого пункта до Константинополя насчитывали 120 стадий.

претория. Введение откупов, стеснявшее торговый оборот, отразилось, по словам Прокопия, на ценах и вызвало вздорожание в столице привозных товаров.[637]

Изыскивая всякие способы увеличить доходы казны, Иоанн восстановил старое зло суффрагия, столь многословно осужденное Юстинианом в эдикте 535 года, изданном на его имя (Novella VIII). Хотя в формулу присяги, которую приносили правители провинций, было включено клятвенное обязательство не платить никому за полученный пост, но, по словам Прокопия, не прошло и года после издания эдикта, как стала действовать беззастенчивая продажа должностей, и те, кто рассчитывал на свое искусство и умение обогащаться за счет провинциального населения, покупали должности, обременяя себя долгами в смелой уверенности покрыть их из будущих доходов.[638]

Вечно нуждаясь в деньгах, император попускал всякого рода злоупотребления Иоанна, и тот продолжал пользоваться неизменным его расположением. На 538 год он был удостоен консульства, сохранявшего свое значение высшего сана ввиду связанного с ним увековечения имени в текущей хронологии. Иоанн имел много врагов, в числе их была и сама императрица Феодора; но он был необходим Юстиниану и держался на своем посту до середины 541 года, когда против него была подстроена очень сложная интрига в угоду императрице и не без ее участия.[639] Колоссально обогатившийся Иоанн был суеверен, водился с чародеями, открывавшими будущее, и на основании их предсказаний мечтал о достижении верховной власти. Его личные отношения к Юстиниану были настолько близки, что он позволял себе резкие суждения об императрице и противодействие ей. Так как Юстиниан ничем не почтил Велизария за его победы в Италии и привезенные им сокровища Витигеса, то он мог перейти на сторону недовольных. Его жена Антонина, опытная и беззастенчивая интриганка, стала заводить с дочерью Иоанна Евфимией разговоры о возможности устроить государственный переворот в армии, если в Константинополе окажется сильный человек, который примкнет к этому движению. Загадочные речи Антонины Евфимия передала своему отцу, и он пожелал иметь свидание с Антониной, которая в ту пору собиралась ехать к мужу на театр военных действий на персидской границе. Свидание было назначено в предместье Руфинианах на азиатской стороне Босфора, где Велизарий имел свою виллу. Участвовавшая в интриге императрица отправила туда заранее верного евнуха Нарзеса и племянника Юстиниана, Марцелла, занимавшего пост комита экскувитов. Они явились с военной силой и имели поручение убить Иоанна в случае явных доказательств его измены. Свидание Иоанна с Антониной было устроено в ночное время, и Антонина дала возможность Нарзесу и Марцеллу слышать ее разговоры с Иоанном. Попытка арестовать Иоанна не удалась, так как подоспевшая военная свита выручила своего господина. Во время этого замешательства Марцелл был ранен. Иоанн бежал в Константинополь и вместо того, чтобы немедленно повидаться с Юстинианом, который вполне ему верил и даже предупреждал насчет опасности свидания с Антониной, искал спасения в церкви, чем и подтвердил свою вину. Юстиниан не мог уже более отстаивать его от наветов Феодоры. Иоанн был отрешен от должности, перевезен в Кизик и посвящен в пресвитеры. Имущество его было конфисковано, но значительную часть его император сохранил за ним, так что он мог жить на свободе и в роскоши. Враги Иоанна, т. е. прежде всего сама императрица, как утверждает Прокопий, не успокоились и сумели доконать его. — Через два года после падения Иоанна был убит в Кизике епископ Евсевий, с которым Иоанн был во вражде. По делу об убийстве епископа была наряжена следственная комиссия из чинов синклита.[640] По ложному доносу Иоанн был привлечен к ответственности и обвинен в соучастии с убийцами. Его подвергли пыткам, конфисковали имущество и сослали в город Антинополь в Египте.[641] Путешествие это он совершил как нищий, в рубище и питался подаянием. По смерти императрицы (548 г.) Юстиниан вызвал Иоанна в столицу, но не дал ему официального положения.[642]

Преемником Иоанна был Феодот, занимавший пост префекта претория Востока с конца 541 по 543 год. Во время его префектуры империю обошла чума, занесенная из Индии в 541 году. Она прошла по Нилу через весь Египет и особенно долго держалась в дельте Нила.[643] С особенной силой она свирепствовала в Александрии и уносила огромное число жертв. Случаи молниеносного действия эпидемии были так часты, что никто не выходил из дому, не навязав на руку записки с обозначением своего имени и места жительства на случай внезапной смерти. Из Египта чума прошла сначала на восток, распространилась по Финикии, Палестине, Аравии, прошла в Сирию, Месопотамию. В 542 году она свирепствовала в столице империи, в 543 прошла в персидские пределы, а на запад распространилась в Африке, обошла Италию, захватила и дальнейшие области Западной Европы.

Относительно опустошений, которые произвела чума в восточных областях, некоторые сведения сохранил Иоанн Эфесский. На своем пути в 542 году из Палестины через Сирию, Месопотамию и области Малой Азии он видел много вымерших селений, усеянных трупами, которых никто не убирал, так как уцелевшее от эпидемии население в ужасе разбежалось, кто куда мог. Во многих местах он встречал одичавшие стада домашнего скота, виноградники, в которых никто не собирал богатого урожая, нивы с осыпавшимся давно поспевшим хлебом. Многие станции государственной почты (cursus publiais) были заброшены и стояли пустые. Тот же автор записал чудесные рассказы о явлении демонов, или, напротив, ангелов под видом человека, каравших тех, кто пытался

---

[637] *Procop.* h. a. 21, 16—19.
[638] Иоанн Лидиец в своих жалобах на злодейства Иоанна высказывает уверенность, что император ничего о них не знал.
[639] Подробный рассказ об интриге, погубившей Иоанна, дан Прокопием b. p. 1, 25 и дополнен в «Тайной истории» — 2, 15—16; 16, 39—45. — Краткое упоминание о падении Иоанна: *Malala,* 480, 16—481, 2.
[640] *Malala,* De ins. c. 47, где названы имена членов комиссии.
[641] *Malala,* 483, 17—21. Суд над убийцами происходил в 547 году. Они были приговорены к отсечению руки, Прокопий к своему изложению о падении Иоанна сделал дополнение в «Тайной истории» с. 17, 38—45. По его словам, пострадавшие были два прасина, которых Феодора склоняла дать ложное показание против Иоанна. Один из них выдержал пытку, но не дал показания.
[642] *Procop,* b. p. 2, 30, 49—53.
[643] Прокопий чуму ведет из Пелузия — b. p. 2, 22.

поживиться на чужой беде.[644] Неизбежным последствием чумы должны были оказаться колоссальные недоимки, и агенты правительства по взысканию повинностей были бессильны исполнить свой долг перед государством. Никаких мер общего характера для облегчения податного бремени не было принято правительством в ту пору. Вспоминая о том времени приблизительно через восемь лет после того, Прокопий в своей «Тайной истории» хвалит доброе старое время Анастасия, который с таким вниманием относился к населению в случаях нашествия варваров и стихийных бедствий и слагал все подати на три и более года. При Юстиниане разорения, причиненные войной, вызывали, по словам Прокопия, сложение податей только на данный год, и за все время от начала правления Юстиниана и до 550 года (время написания «Тайной истории») не было ни одного общего эдикта о сложении недоимок.[645] Это последнее свидетельство Прокопия находит свое подтверждение в эдикте Юстиниана на имя префекта претория Ареобинда от 553 года.[646] Очевидно, никакие усилия органов власти не могли очистить недоимок, вызванных чумой, и император решил облегчить счетоводство единовременным сложением их за 22 года, начиная с 522 и до 545.

В годы после чумы финансы империи находились в весьма трудном положении. По всему вероятию, именно в финансовых затруднениях лежала причина того, что Юстиниан затягивал восстановление перемирия с Хосровом до 545 г., хотя дал формальное обязательство в 540 г. в Антиохии через своих уполномоченных и подтвердил его письмом к Хосрову, которое тот получил под стенами Эдессы.[647] Та же причина вызвала, очевидно, и столь продолжительное небрежение о делах в Италии, когда наконец Юстиниан послал туда Велизария, то не предоставил ему ни армии, ни денежных средств.

Феодот, по суждению Прокопия, человек далеко не чистых нравов, «но все же не настолько дурной, какого нужно было Юстиниану и Феодоре»,[648] не справлялся с трудной задачей наполнять казну императора для его широких замыслов и грандиозных строительных предприятий. Нужен был новый финансовый гений, и такой оказался в лице сирийца Петра Варсимы. На него указала императрица, питавшая к нему, по словам Прокопия, большое расположение, что и вызывало в кругах недовольных режимом Юстиниана разные зложелательные толки. Промышлявший в свои молодые годы ремеслом менялы, Петр Варсима привел постепенно в порядок состояние государственного казначейства. Пост префекта он занимал два раза: с 543 по 546 и с 555 по 559.[649] В первую его префектуру значение общественного бедствия получил старый способ обеспечения взыскания налогов полностью с населения, который носил имя «прикидки», ἐπιβολή.[650] Поземельная подать рассчитывалась по областям по количеству единиц обложения. Еще в пору Константина финансовое ведомство принимало меры к тому, чтобы запустевшие или оставшиеся безхозяйственными участки не пропадали для казны. При Анастасии около 512 года, когда префектом был Зотик, было разногласие между ним и другими заинтересованными в этом деле членами администрации, о применении «прикидки» запустевших участков соседям. Префект стоял, по-видимому, на той точке зрения, что «прикидка» должна совершаться в пределах земельных владений, составлявших прежде одну хозяйственную единицу (ὁμόδουλα), другие желали распространить прикидку на пределы всего податного округа (ὁμόκησα).

Страшные опустошения, причиненные чумой по всем областям империи, создали необходимость применения этого старого способа обеспечивать доходы казны. Прокопий, мало знакомый с историей учреждений, возлагает на Юстиниана вину изобретения этого отягчения бремени, лежавшего на плательщиках. Правительство относилось с осторожностью к применению этого способа, и в указе Юстиниана на имя Петра Варсимы от 545 года признается право опротестования «прикидки» и устанавливается обязательность взноса повинностей только с момента формального признания компетентной властью этого обязательства для данного владельца.[651]

В прямой связи с убылью населения, причиненного чумой, стояло удорожание жизни в столице и повышение цен на труд ремесленников, матросов и сельских рабочих. Император и его советники видели в этом бедствии проявление корыстолюбия, обуявшего этот класс населения. В указе от 544 года на имя префекта претория и столицы император строго осуждает рабочих людей за корыстолюбие и требует возвращения прежних цен. Он повелевает «хранить старый обычай» (τήν ἀρχαῖαν συνήδειαν φυλαττειν) и грозит виновным штрафом в пользу фиска в тройном размере повышения против старых цен. Указ оканчивается обычной угрозой канцелярии префектов в случае непринятия ими мер к исполнению этого закона.[652] — Более чем вероятно, что угроза осталась пустым звуком, и экономическая жизнь шла своим путем по закону спроса и предложения, вне воздействия желаний императора вернуть в оборот прежние нормы.

Деньги были страшно нужны, и все законные способы обеспечения получения с населения доходов, к которым принадлежала и «эпиболе», были недостаточны. Петр Варсима для увеличения доходов казны допускал самую беззастенчивую продажу административных постов, связанных с взиманием податей. Предприниматели, внесшие правительству вперед сумму налога с данной местности, действовали затем совершенно безнаказанно, собирая путем насилия и вымогательств деньги на покрытие понесенных ими расходов. Император, столь красноречиво громивший в 535 году суффрагий и выяснявший его тяжкие последствия для провинциального населения, терпел вящее ухудшение старого зла. Состав администрации резко ухудшился, так как только корыстные предприниматели могли идти на такое дело. То, что совершалось в ведомстве префекта претория, распространялось на два другие, имевшие отношение к взиманию податей: комитов царских щедрот и домен (τὰ

---

[644] *Johan. Ephes.* Commen. 231—231; о Иерусалиме — p. 228.
[645] *Procop.* h. a. 23, 1—6; 20.
[646] *Novella* 147.
[647] См. выше стр. 123.
[648] *Procop.* h. a. 22, 2.
[649] В промежутке между 546 и 555 годом сменилось три лица на этом посту: Басс, Аддей и Ареобинд.
[650] *Procop.* h. a. 24, 15—22.
[651] *Novella* 138, c. 7—8. — Вопрос о «прикидке» подробно трактован в специальном исследовании французского юриста *Monnier,* Nouv. Rev. du droit fr. et etr. 1892—1904 и также у *Zachariae von Lingenthal,* Gesch. des byz. Rechts, 3-te Aufl. § 58, 228—236.
[652] *Novella* 122.

πριβάτα).[653]

Прокопий с большим раздражением сообщает о разного рода спекуляциях, которые Петр Варсима делал на торговле хлебом из государственных магазинов. Негодный хлеб он сбывал городам Востока по высоким ценам, когда была в нем нужда, а хороший продавал по двойной цене против оценки, по какой его принимали в платеж повинностей. Когда однажды оказался недостаток в египетском хлебе, Петр вышел из затруднения, переложив на натуральные повинности денежные уплаты в провинциях Вифинии, Фригии и Фракии, и обязал население доставлять хлеб в портовые города и везти его в столицу.[654]

За три года своей префектуры Петр успел вызвать против себя всеобщее неудовольствие в среде служащих всех ведомств (στρατευόμενοι), которым он не выплачивал жалованья. Жалобы поступали к императору отовсюду. Хотя императрица упорно отстаивала своего фаворита, но Юстиниан был вынужден уступить всеобщему негодованию и отставил в 546 году Петра от его должности.[655] Преемником его был Басс,[656] человек безукоризненной честности, который, однако, недолго удержался на своем посту.[657] А Петр Варсима вскоре после отставки занял пост комита царских щедрот, сменив на этом посту некоего Иоанна, палестинца по происхождению, человека, пользовавшегося большой популярностью.[658] В этом звании Петр провел реформу в системе денежного обращения. До сих пор один солид в размене давал 210 фоллов. Теперь отношение между золотой монетой и разменной было установлено иначе, и один солид стал равен 180 фоллам. Так как жалованье служащих (annonae) исчислялось на золотые солиды, то повышение цены медной разменной монеты должно было отразиться в виде уменьшения размера окладов. Прокопий выставляет дело так, что золотая монета была уменьшена в своем весе.[659] Очевидно, у Прокопия здесь грубое недоразумение. Разменный курс золотого солида вообще колебался. При Анастасии он был исчислен так, что один золотой превращался в размене в 8750 медных динариев, т. е. 68$^4/_7$ золотого динара были равны 100 медным динариям. Юстиниан восстановил старый курс 7500 медных динариев на один солид, т. е. уравнял 80 золотых динариев 100 медным. Очевидно, с этим новым курсом должен был измениться и чекан медной монеты.[660]

Важную услугу государственному казначейству оказал Петр Варсима, занимая пост комита царских щедрот, водворением монополии на торговлю шелком, находившим большое потребление в империи. — Шелк-сырец шел из Китая через Персию, и в Даре совершалась оптовая продажа прибывавших с востока транспортов этого продукта. Покупщиком являлась казна, которая затем перепродавала от себя сырой продукт на фабрики. С давних пор производство шелковых тканей сосредоточилось в Финикии, в городах Берите и Тире. Перерабатывая шелк на пряжу и окрашивая его в разные цвета, фабриканты пускали товар на рынок. Цену на шелк-сырец определяло правительство, в частности ведомство комита царских щедрот, в соответствии с количеством привоза и ценами, по каким совершалась покупка. Военные осложнения на персидской границе затрудняли этот торговый оборот, а быть может, и прерывали его, что должно было отражаться на цене продукта. Юстиниан делал попытку найти другой путь, помимо Персии, и вступал еще в начале своего правления в сношения с химьяритами. Но химьяриты не могли помочь в этом деле, и шелк по-прежнему шел через Персию.[661] Петр Варсима, занимая пост комита царских щедрот, довел до разорения финикийские фабрики шелка и сосредоточил в руках правительства все дело производства и торговли этим продуктом. Цены на шелковые ткани страшно поднялись. Прокопий не щадит слов порицания Юстиниану и особенно Феодоре, которая будто бы несла главную вину в этом деле.[662] Вскоре после водворения монополии условия торговли шелком должны были существенно измениться. Два сирийских монаха побывали в Китае, присмотрелись к разведению шелковичного червя и принесли в Константинополь коконы в полых палках. Это событие относится к 552 году.[663] С тех пор культура шелка стала туземной в Европе, и преемник Юстиниана имел удовольствие удивить турецкое посольство, прибывшее в Константинополь в 568 году для переговоров о новом, помимо Персии, пути для караванной доставки шелка, показав им разведение шелковичного червя в своей столице.[664]

Взыскание налогов с помощью военной силы, «прикидка» запустевших участков, поборы с претендентов на посты правителей провинций и предоставление им самим изыскивать способы возмещения своих затрат, командировка скриниариев, назначение виндиков, новые источники доходов, которые умели изыскивать такие люди, как Иоанн Каппадокиец и Петр Варсима, все это оказывалось недостаточным, и Юстиниан вечно нуждался в деньгах и запаздывал с необходимыми расходами. В эдикте на имя Петра Варсимы во вторую его префектуру, от 556 года, мы слышим о новом способе обеспечения взимания налогов полностью. Презид провинции перед вступлением в должность обязывался самолично или через посредство доверенного лица вносить залог трем сановникам, в кассы которых поступали сборы: префекту претория, комиту царских щедрот и комиту домен. Такое обеспечение применялось в тех местностях, где не действовали скриниарии и виндики, которые, как выражается законодатель, — «производят взыскание под личной ответственностью» (proprio periculo exactionem

---

[653] *Procop.* h. a. 22, 7—13.
[654] Ib. 22, 14—18.
[655] Ib. 22, 20—32.
[656] Басс оставил по себе память в Константинополе сооружением храма Богородицы. Кодин, — De aed. p. 90 — сохранил сведение, будто он был казнен по приказанию императрицы. Это маловероятно, так как Прокопий, не раз помянувший с похвалой о Бассе в своей «Тайной истории», ничего не сказал о его гибели, хотя писал уже по смерти Феодоры.
[657] Ib. 21, 6.
[658] Ib. 22, 33—35.
[659] Ib. 22, 36—38.
[660] *Mommsen*, Das römische Münzwesen, стр. 847.
[661] *Procop.* b. p. 1, 20.
[662] Id. h. a. 25, 13—26
[663] Id. b. g. 4, 17, 1—8.
[664] *Menandri* frg. 18. О торговле шелком в империи см. *Zachariae von Lingenthal*, Eine Verordnung Justinians iiber den Seidenhandel aus den Jahren 540—547. (*Mém. de l'Akad. de S.-Petersb.* 7 sér., t. IX, 1866); *Хвостов*, История восточной торговли греко-римского мира. Казань, 1907, 146—157.

faciunt).[665]

Не сводя расходов с доходами, запаздывая со срочными уплатами, Юстиниан прибегал к разным способам сокращения расходов и допускал самый опасный вид экономии: сокращал расходы на армию и тем содействовал расстройству военной силы государства. Отлагая рассмотрение этой стороны дела до дальнейшего, отметим некоторые виды сокращения расходов из числа тех, которые указаны у Прокопия.

Государственная почта (cursus publicus) имела две линии в восточных областях: одна шла на персидскую границу, заканчиваясь в Даре, другая отклонялась к югу и через Антиохию шла в Египет.[666] Первую из них, имевшую политическое значение, Юстиниан заботливо поддерживал за все время своего правления и еще в 560 году воздвигал на реке Сунгарии каменный мост на пяти быках вместо деревянного, служившего раньше.[667] На ближайшем к столице участке этой дороги, от Дакивизы до Халкидона, Юстиниан заменил сухопутное сообщение морским,[668] но почтовую дорогу на юге в Египте совершенно забросил. Тогда как в прежнее время на один день пути приходилось от 5 до 8 станций, на которых содержалось по 40 лошадей; теперь же осталось по одной станции и вместо лошадей было лишь по несколько ослов. Вместе с тем, по словам Прокопия, окрестные землевладельцы потеряли верный и постоянный доход от доставки провианта для казенных лошадей. Иоанн Лидиец вменяет эту реформу в вину Иоанну Каппадокийцу и выясняет неудобства для окрестных земледельцев в том смысле, что повинности, которые они несли натурой на содержание почты, были переложены на золото, а так как хлеб продавать было негде, то землевладельцы терпели от этого большие убытки и разорение.[669]

В Риме сохранялись в пору готского владычества остатки придворного штата, имевшего здесь такую большую давность. Хотя Рим и перестал быть резиденцией, которая была перенесена в Равенну, но по-прежнему из государственных средств получали свой оклад силенциарии, доместики, схоларии. Юстиниан сократил этот расход, и Рим навсегда утратил свое значение императорской столицы. Старое право римского населения на даровой хлеб получило с течением времени другой характер, и во время господства готов из государственных хлебных магазинов отпускалось 3000 модиев хлеба храму св. Петра, который расходовал их на содержание беднейшей части населения. Прокопий сохранил свидетельство, что Юстиниан, по совету Александра, первого организатора финансового ведомства в Италии после водворения в ней власти императора, сократил этот расход.[670] Римская церковь, обладавшая огромными земельными имуществами в Италии и Сицилии, имела возможность продолжать дело благотворения в широких размерах, как имеются о том прямые свидетельства от времени папы Григория, современника императора Маврикия.

Такой же экономией, коснувшейся не только Рима, но и Константинополя, было прекращение консулата с 541 года. Консул этого года, Василий, оказался последним, и долго после того считали годы — post consulatum Basilii, с указанием на то, какой по числу год идет с тех пор. Как магистратура, консульство давно потеряло всякое значение, но по-прежнему считалось высшим чиновным рангом и оставалось, по древней традиции, единственным способом обозначения текущей хронологии. Отправление консульства сошло на ряд блестящих и дорогих церемоний и всенародных празднеств. Император Маркиан сделал в свое время попытку направить эти расходы на общественные нужды;[671] но нравы брали свое, и во время Юстиниана консульство было очень дорогим учреждением. Хотя заминки в назначении консулов происходили несколько раз в начале правления Юстиниана, но, по своей склонности все регламентировать, Юстиниан издал 1 января 537 года, когда не было консула, эдикт, в котором закреплял обычай семи консульских выездов и обязательных для консула ристаний и игр.[672] По свидетельству Прокопия, нормальная сумма расходов на консульство доходила до 200 фунтов золота; часть ее покрывал сам консул, а остальное было щедротой императора, удостоившего этой высокой чести заслуженного сановника. После 541 года Юстиниан не назначал консулов, но исчезновение их в смысле эпонимов года не прекратило существования консуларов, ἀπὸ ὑπάτων, как почетного ранга в составе сената, и император по-прежнему мог заменять действительное консульство титулярным. Прокопий имел случай назвать двух таких консулов: Юстина, сына Германа, и Артабана, удостоенного этой чести за убиение Гонтарида.[673] Являясь отголоском тех зложелательных толков, которые вызывало исчезновение эпонимного консульства в широких кругах населения столицы, Прокопий корит Юстиниана за то, что он лишил город великолепных увеселений 1 января и в другие узаконенные незадолго до того самим Юстинианом сроки. Мысль о новой датировке годов в замену старого консулата была у Юстиниана уже в то время, когда он давал регламентацию числа консульских выездов. Это видно из того, что в тот самый год он издал указ, в котором вводил новый способ датировки официальных документов, а именно: предписывалось ставить впереди имени консула имя императора с обозначением года его власти.[674] Этот способ обозначения года не вошел, однако, в обиход при Юстиниане и остался в силе прежний со счетом годов от Василия. Но впоследствии он вошел в общее употребление, как можно заключить по датировкам Феофилакта Симокатты, составлявшего свой исторический труд в первые годы правления Ираклия.

Эти и другие сокращения расходов, которые в прежнее время без затруднения несла государственная казна, мало помогали делу. Нужда в деньгах была хроническим бедствием в правление Юстиниана. Увлекаясь все более церковными и религиозными вопросами, потеряв интерес к судьбе воссоединенных с империей областей,

---

[665] *Nov.* 134, c. 2.
[666] Она существовала, и почтовое сообщение на ней действовало уже при Феодосии II, как видно из предложения Несторию ехать в Антиохию морем или сухим путем. См. т. I. — *Mansi,* 3, 798—799.
[667] *Theoph.* 234, 15.
[668] *Procop.* h. a. 30, 1.
[669] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 61.
[670] *Procop.* h. a. 26, 26—30. — В прагматической санкции (Pro petitione Vigilii) Юстиниан сохранил оклады медикам, учителям грамматики, риторики и права в Риме, как они существовали при Теодорихе, с. 22.
[671] См. т. I.
[672] *Nov.* 105.
[673] *Procop.* h. g. 3, 31, 10; 32, 38. — Ср. *Bury,* The imperial administrative system in the ninth century. London. 1911, 25—26.
[674] *Nov.* 47.

откупаясь от ближайших варваров, Юстиниан к концу своего правления запустил государственное управление, обременил казну огромными долгами у частных лиц и оставил финансы в полном расстройстве. Публичное заявление об этом сделал его преемник Юстин в своем эдикте о сложении недоимок по случаю вступления на царство. — «Мы нашли казну обремененной и доведенной до крайнего расстройства множеством долгов и обеспечили ее положение, приняв ее долги на свои личные средства».[675] — Так, во славу себе, отзывался Юстин о состоянии финансов после блестящего правления своего дяди. Но то обстоятельство, что он мог уплатить из личных средств огромные государственные долги, является отчасти объяснением самого существования этих долгов. Корыстолюбие и нажива лиц близких к особе императора и сановников высокого ранга — старое бедствие империи — с особенной силой проявлялись при Юстиниане. Царственная чета была окружена огромным числом родственников, которые пользовались своим высоким положением в интересах личного обогащения. Современник Юстиниана, переживший и его преемника, Иоанн Эфесский, в случайном упоминании о судьбе состояния Марцелла, брата Юстина, которое Маврикий предоставил своему брату Петру, свидетельствует, что дворцы Марцелла с их обстановкой и гардеробом и имения его могли равняться с целым царством. В предисловиях ко многим своим новеллам Юстиниан скорбно жаловался на грабежи и вымогательства, которые позволяют себе чины администрации, но сам же он оказывал поддержку этому общественному бедствию попустительством вопиющих злодейств и неправд. Самое преследование по суду виновных в вымогательствах сановников и знатных лиц имело при Юстиниане деморализующий характер, так как в применении этого способа карать виновных искали не восстановления правды и справедливости, а часто лишь обогащения двора.[676] Административные посты замещались не лучшими людьми, а теми, кто, обогащая казну, умел составлять себе состояние. Государственная власть была бессильна против них и попускала всякие злоупотребления. Резкий тон Прокопия в его суждениях об администрации является отзвуком того бессильного негодования, в котором жили лучшие люди того времени, не умея разобраться в той тине всякой лжи и неправды, которая опутывала современную им действительность.

АРМИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО ПРИ ЮСТИНИАНЕ

Внешняя политика Юстиниана представляет в целом поразительный контраст силы и бессилия. Сокрушитель германских царств, восстановитель единства империи в бассейне Средиземного моря, истощался в бесплодной борьбе с персами, откупал у них мир за большие суммы денег и на склоне своих дней признал за себя и своих преемников даннические отношения империи к персидскому царю на 50 лет вперед. Такое же бессилие проявляла империя при Юстиниане в отношении северных варваров. Непрерывные их вторжения весьма редко встречали отпор, никогда не вызывали карательных экспедиций и, оставаясь безнаказанными, приносили насильникам денежные дары императора вдобавок к награбленной ими добыче. Это резкое противоречие между смелой завоевательной политикой на западе и бессилием на восточной и северной границах империи с наглядностью свидетельствует, что успехи Юстиниана на западе никак не могут служить указанием на новый расцвет военной мощи империи. Военная сила империи находилась при Юстиниане в полном упадке, и он сам немало содействовал тому своим отношением к армии.

Состояние военного дела при Юстиниане является результатом предшествовавшего развития. Старая организация римской армии, как ее дал в свое время Август, переживала многообразные изменения, и армия времен Константина Великого имела уже совершенно иную и новую организацию. Ее деление на пограничную и действующую, проникновение варваров в ее состав, наследственность военного звания, все это содействовало тому, что военная сила государства превращалась в сословие военных людей. Это сословие не было замкнуто, так как существовал набор в виде обязательной для землевладельцев поставки рекрутов по требованию правительства по расчету количества земельных владений. Знаменательной эпохой в судьбах армии для восточной империи, было водворение готов в придунайских областях в конце IV века. Воинственный народ, живший в условиях своего племенного быта, водворился в империи как новое военное сословие в составе ее населения. Германские нравы оказали самое решительное воздействие на армию прежнего состава, и уже в начале V века институт букелляриев получил всеобщее распространение. При Феодосии Младшем продолжала еще существовать старая армия с ее делением на полки, из которых многие носили старые исторические имена, как свидетельствует об этом единственный в своем роде памятник, Notitia dignitatum utriusque imperii.[677] Процесс разложения армии шел быстро в последующее время, и явления столь различного порядка, как организованная армия и народ-воин, быстро сближались в своем существе и общем характере. Те армии, которые посылал Анастасий для борьбы с исаврами и на персидскую границу, состояли уже не из полков со старыми именами, а из дружин со своими вождями, и самая видная роль в военных действиях принадлежала готам. Командиры отдельных частей были подчинены главнокомандующему, но он нередко бывал бессилен заставить их подчиниться своим распоряжениям. Типичным представителем нового порядка в военных отношениях был Виталиан, сын Патрикиола, участвовавший в персидской войне вместе со своим отцом и впоследствии, на посту комита федератов в Скифии, создавший столько затруднений Анастасию в конце его правления.

При Анастасии еще поддерживалась личная связь императора с армией, как в виде донатива солдатам при вступлении на царство, τα Αὐγουστιακά, так и в повторениях его каждое пятилетие власти.[678] При Юстине вышел из обихода обычай донатива в пятилетия и пришел затем в полное забвение. Прокопий в своей «Тайной истории» резко порицает Юстиниана за это умаление прав римской армии;[679] но то обстоятельство, что отмена

---

[675] *Nov.* 148, praef.

[676] *Procop.* h. a. 8, 9—11; 13, 21—22; 14, 7—10; 19, 11—12.

[677] См. т. 1.

[678] *Marc. Com.* s. a. 496. *(Chr. min.* II 94). Augastatico suo dudum Anastasius militibus praestito donativum quoque hoc fratre (Paulo) consule tulit. *Zacharias,* 7, 8, p. 124, 12, где помянуто о выдаче донатива по окончании третьего пятилетия (511 г.).

[679] *Procop.* h. a. 24, 27—29. *Haury* в своих Procopiana доказал, что 32 года правления Юстиниана, о которых

старого обычая не вызвала никакого протеста в среде армии, является само по себе свидетельством тех глубоких внутренних изменений в организации военной силы государства, которые окончательно определились ко времени Юстиниана. Вознесенный над миром наместник Христа на земле считал армию лишь орудием своих велений для достижения практических целей. Старое право армии давать императора римскому миру на Военном поле, как было при Валенте и Феодосии Старшем, потеряло свою силу и значение вместе с перенесением этой церемонии на ипподром, где наряду с военными людьми было и народное представительство в своеобразной организации димов. Право армии превращалось в простую видимость, когда та же церемония происходила внутри дворца, как принял царский венец Юстиниан. Ни один из императоров, начиная с Аркадия, не принимал самолично командования над армией, и это отдаление особы государя от военного дела лишь возвышало ореол, окружавший императора, не делившего, как прежде, с армией ее бранных трудов.

Общим термином для людей военного звания оставалось старое слово miles, которое передавалось греческим στρατιώτης. Юстиниан в одном указе ранней даты (так как он вошел в Кодекс) писал так: milites autem appellamus eos, qui tam sub excelsis magistris militum tolerare noscuntur militiam, quam qui in undecim devotissimis scholis taxati sunt nec non eos, qui sub diversis optionibus foederatorum nomine sunt decorati.[680] Здесь даны три разряда военных людей: 1) солдаты, числящиеся в полках, состоявших под общим начальством магистров армии, которых было пять: два — in praesenti, т. е. придворные, и четыре — территориальные: Иллирика, Фракии, Востока и Армении, 2) люди, состоящие в 11 схолах, т. е. дворцовых полках, которые находились в ведомстве магистра оффиций,[681] и 3) федераты, состоявшие под начальством офицеров, называвшихся оптионами. Термин optio, оптион, имел исконную давность в армии и употреблялся некогда для обозначения помощника центуриона. Теперь это были офицеры, являвшиеся посредниками между правительством и массой федератов, состоявших на учете. В этом перечислении вовсе не упомянуты экскувиты, военный отряд, состоявший при особе императора, как его личная охрана.[682] Командир экскувитов, называвшийся comes excubitorum, являлся ближайшим военным человеком при особе государя и сопровождал его на всех выходах в непосредственной близости к его особе.[683] Опущение экскувитов объяснялось тем, что они составляли постоянный военный корпус определенного состава, и в этом была их противоположность тем трем разрядам военных людей, которые перечислил Юстиниан в своем определении. Солдаты, подведомственные магистрам армии, схоларии и федераты представляли собою не определенные в своем составе военные части, а лишь кадры. Они числились в списках, κατάλογοι, которые велись в центральных управлениях. Во времена Юстиниана мы уже не слышим имен полков, как было при Феодосии Младшем, а знаем лишь один общий термин для их обозначения: слово numerus, ἀριθμός . Общим термином для командира полка уже давно служило слово трибун, tribunus. Полки имели свои стоянки в отдельных городах с давнего времени и срослись с ними. Они не выступали в поход во всем своем составе, в виде строевых частей, как было в прежние времена; теперь на войну шли отдельные люди по вызову или назначению, и их командир мог даже не участвовать в походе. Большинство солдат, штаб части, πρίορες τοῦ ἀριθμοῦ, и сам командир оставались на месте. Новелла 542 года, по вопросу о вступлении во второй брак вдовы, содержит очень ясные указания на эту сторону дела. Оставшаяся на месте жительства солдата, вызванного на войну, его жена пользуется от казны содержанием за все время отсутствия мужа, сколько бы лет ни продолжалось его отсутствие. Если жена получала известие о смерти мужа на войне, она должна обращаться для проверки этого сведения к трибуну, если он налицо, а за его отсутствием — в штаб полка и к писарям (priores et chartularii). В случае официального подтверждения известия, вдова пользуется в течение целого года правом на содержание и только после истечения года, а никак не раньше, получает право вступить в новый брак.[684]

Один указ Юстиниана от первых годов его единоличного правления дает свидетельство, что солдаты имели земельное имущество на месте своего жительства и пользовались своим привилегированным положением, чтобы обогащаться арендой чужой собственности (ad conductiones alienarum rerum prosilire) и позволяли себе притеснения соседей и тех, кто попадал в зависимость от них (contra vicinos et forsitan adversus ipsos miseros colonos, quos procurandos susceperunt). Юстиниан воспретил на будущее время военным людям промысел аренд под угрозой исключения из военного звания с лишением права вновь вернуть себе приобретенный на службе чин в своей части. Чтобы сделать эту угрозу еще сильнее, император ограничивает собственное право помилования провинившегося воина и запрещает правителю провинции, от которого данный воин зависит по месту своего жительства (vel permissu iudicis, sub quo tolerandam sortiti sunt militiam), возвращать виновных в прежнее их звание.[685] В 535 году к Юстиниану поступили жалобы из Мезии на то, что кредиторы захватывают за долги, сделанные в неурожайный год, землю должников, и разоренные земледельцы (coloni) покидают свои участки и гибнут. Законодатель заступается за пострадавших и разрешает, как максимум процентов за долг, одну восьмую, т. е. 12%.—Указ был дан на имя презида провинции, но дословно воспроизведен также на имя префекта претория Иллирика с приказанием внушить солдатам, что за самовольное отнятие земли за долг они будут подвергаться исключению из военного звания.[686]

В прежнее время существовало резкое различие между солдатами действующей армии (comitatensis и palatini), и пограничниками (limitanei). Первые — стояли на зимовках в городах, вторые — сидели на земле, предоставленной им от государства в собственность с обязательством наследственной службы на месте. Эти земли находились под особой охраной закона, и на захват их частными лицами не простиралось право давности. Теперь эта грань стирается. Все солдаты имеют свои земельные имущества на месте своего жительства и принадлежат, таким образом, к классу possessores. Один случай из истории войны в Италии иллюстрирует эту

Прокопий ведет речь в своей «Тайной истории», обнимают все правление Юстина.

[680] *Cod. Just.* 4, 65, 35, 1.

[681] С семи до одиннадцати число схол увеличил Юстиниан еще в правление Юстина, о чем будет речь дальше.

[682] στρατιῶται οἱ τήν ἐν Παλατίῳ φρουράν ἐ'χοντες — *Procop.* h. a. 14, 13.

[683] См. т. 1.

[684] *Nov. Just.* 117, c. 11.

[685] *Cod. Just.* 4, 65, 35, 1.

[686] *Nov. Just.* 33.

связь солдата с землей. — Солдаты из Иллирика, прослужившие несколько лет в Италии, куда их увел магистр армии Виталий, были поставлены гарнизоном в Бононии, которую захватил от готов Велизарий в 545 году. До них дошла весть о нашествии гуннов в места их жительства, и они немедленно ушли на родину, бросив на произвол судьбы Бононию, чтобы защищать свои семейства и имущество.[687] Таким образом, состав отдельных полков, числившийся в списках, которые вела канцелярия магистра армии, представлял собою не военную часть, готовую по приказу выступить со своим начальником на войну в боевом снаряжении, а людей военного звания, которые составляли часть землевладельческого населения данной городской общины. Превращение армии из прежнего ее боевого состава в класс военных людей совершалось под воздействием водворившихся в империи федератов.

Прошло то время, когда федераты составляли инородное тело в недрах империи, как было еще во время соперничества за милости двора и сан магистра армии между двумя Теодорихами из рода Амалов. Оставшиеся в империи после выхода Теодориха в Италию готы и другие обжившиеся на местах своего поселения варвары не подлежали никаким налогам и повинностям, кроме военной службы, и представляли в своем целом военное сословие. Так как главную массу в составе этого населения составляли готы, исповедовавшие арианство, то им предоставлено было изъятие от действия запретительных законов против еретиков.[688] Федераты состояли на учете в списках военного ведомства и имели общего начальника, который носил название комита федератов. В 548 году это звание было предоставлено армянину Артабану в воздаяние его заслуг в подавлении «тирании» Гонтарида в Африке.[689] В 562 году эту должность занимал Евсевий.[690] В места жительства федератов назначались офицеры, имевшие звание оптиона, optio, ὀπτίων, которые заведовали выдачей жалованья. Жены федератов, в случае получения известия о смерти мужа на войне, должны были обращаться за проверкой к оптионам и пользовались теми же правами, как и жены солдат.[691] По своему этническому составу федераты представляли смешанное население. То были готы, гунны, аланы и другие племена, в разное время переходившие отдельными группами в империю и селившиеся на римской земле, но преобладающим элементом были готы. В наибольшей массе федераты жили в областях Фракийского диоцеза. Этим объясняется тот торжественный тон, с которым Юстиниан в своем указе о новом титуле правителя Фракии говорит о силе и мощи фракийского населения.[692] В военном отношении федераты представляли гораздо более надежный элемент, чем военное сословие туземцев. Старые традиции поддерживали военный дух в этой массе. Среди них появлялись люди, чувствовавшие призвание к военному делу. Они собирали вокруг себя свою дружину и содержали ее на свой счет. Отношения между вождем и его дружиной основывались на присяге; но эту последнюю дружинники приносили не только на имя вождя, вокруг которого группировались и в военные способности которого верили, но также и императора, как верховного начальника военной силы империи.[693] Для обозначения дружины применялся термин οικία, дом. Заведовавший содержанием дружины назывался в прежнее время доместиком, а позднее — оптионом, ὁπτίων, как и правительственные агенты, заведовавшие выдачей жалованья федератам.[694] Самым видным специалистом военного дела при Юстиниане был Велизарий. В свои молодые годы он состоял оруженосцем Юстиниана, когда тот занимал пост магистра армии после убийства Виталиана. Он имел уже дружину, когда Юстиниан послал его на Восток вместе с Ситтой. В 529 году Велизарий был назначен магистром армии Востока. В пору своей славы Велизарий содержал до 7 тысяч дружинников из всех воинственных племен империи: готов, вандалов, исавров, мавров, гуннов из разных улусов.[695] Представляя значительную военную силу, дружина только во время похода была в сборе. Часть дружинников находилась постоянно на личной охране вождя, остальные распределялись в отдельных отрядах по разным местам. Много дружинников растерял Велизарий в Италии. После неудачного похода в персидские пределы в 541 году, его дружина (δορυφόροι καί ὑπασπισταί) зимовала в Киликии.[696] Когда Велизарий по подозрению в измене был отозван в столицу в 542 году, его дружина осталась на месте военных действий, а во время постигшей его опалы она была распределена между разными высокими сановниками и придворными евнухами.[697] Отправляясь в Италию в 544 году, Велизарий мог взять с собой лишь немногих своих людей, большинство оставалось на Востоке, где продолжалось военное положение. Так как Юстиниан не предоставил ему ни армии, ни денег, то он отправился во Фракию и набирал там себе войско. Многие из поступавших под его знамя были недостаточно обучены ратному делу, и Велизарий по пути в Равенну сделал остановку в Истрии, чтобы дать военную выправку своим людям.[698]

Такими же вождями дружин были Бесс, начавший свою боевую службу в персидской войне Анастасия, Буза, Куца, сын Виталиана, рано погибший, Деменциол, Иоанн, племянник Виталиана, Иоанн Фага, Мартин, Киприан и многие другие, названные по именам у Прокопия в описании войн Юстиниана. При такой организации военного дела в государстве император не мог иметь личной связи с армией, но он должен был, в видах личной безопасности, иметь связь со специалистами военного дела. В частности, относительно Велизария Прокопий сообщает, что он был связан с Юстинианом клятвой не покушаться на царский венец, пока будет жив

---

[687] См. выше, стр. 142.
[688] *Cod. Just*, 1, 5, 12, 17 (от 527 г.).
[689] *Procop.* b. g. 3, 31, 10. Одновременно с тем Артабан был назначен командиром полков, находившихся в Константинополе, и возведен в ранг консула. Прокопий называет его ἄρχων τῶν φοιδεράτων.
[690] *Malala*, 493, 14.
[691] *Nov. Just.* 117, c. 11.
[692] *Nov. Just.* 26, praefacio... Si quis Thracum nominaverit regionem, mox simul aggreditur menti et quaedam fortitudo et militaris multitudinis atque bellorum pugnaeque cogitatio.
[693] *Procop.* b. v. 2, 8, 16. Ὃν τοινυν εὖΗσμενον ἁπασι Ρωμαιοις ἑκ παλαιού μηδένα δορυφόρον των τίνος 'αρχόντων καδίστασθαι, ην μή δεινοτάτους πρότερον δρκους παρεχόμενος τα πιστά δοίη της ἐς αὐτόν τε καί τον βασιλέα 'Ρωμαίων ευνοίας.
[694] *Procop.* b. p. 4, 17. ος ἐπεμελεΓτο της περ'ι την οικίαν δαπάνης, ὁπτίωνα τούτον καλούσι 'Ρωμαίοι.
[695] *Procop.* b. g. 3, 1, 10.
[696] Id. h. a. 3, 5.
[697] Id. h. a. 4, 13.
[698] См. выше, стр. 142.

Юстиниан.[699] Велизарий сдержал свою клятву, но Юстиниан не раз подозревал его в злых умыслах.

Так военное дело обращалось в специальную профессию и промысел. Одновременно с этими глубокими и коренными изменениями в организации военной силы в отношении ее состава и характера произошли изменения в военном строе и тактике. Мощное воздействие в этом отношении оказали гунны, пехота и пеший строй потеряли свое старое значение, и первенство на поле битвы получил конный стрелок. Все дружины федератов состояли из наездников, и главным оружием стал лук. Искусство стрельбы было доведено до высокой степени совершенства, и обучение воина состояло прежде всего в приобретении этого искусства. Прокопий, сделавший не одну кампанию с Велизарием, в общих размышлениях в начале своего первого сочинения, т. е. в первой главе первой книги «Войны с персами», останавливается на глубоком различии тактики боя в настоящем по сравнению с прошлым. Воин должен быть наездником и прежде всего уметь стрелять на всех аллюрах и во все стороны. При стрельбе он натягивает тетиву до самого правого уха. Его доспехи составляют панцирь и поножи, закрывающие ногу до колена. Так как в правой руке у него лук, а левой он достает стрелы из колчана и натягивает тетиву, то он не может закрываться щитом; щит его без ручки укреплен на доспехах и закрывает часть его лица и шею. На правом боку у него колчан, на левом меч, и лишь у некоторых есть еще копье.[700] Таков этот царь боевого момента. Он ведет и решает бой. Пехота имеет служебное значение и в бою является лишь прикрытием для кавалерии. Пехотинец — тоже прежде всего стрелок. По возможности он также превращается в кавалериста, как это случилось у Велизария в Риме, когда его пехота раздобыла себе коней у готов.[701]

Кроме двух указанных составных частей боевой армии, федератов и людей, числившихся в полках, была с давних времен и третья, приобретавшая при Юстиниане все большую важность и значение. То были ополчения, являвшиеся на службу императору из среды варварских племен, не состоявших в подчинении императору и живших за пределами империи. Они назывались союзниками, σύμμαχοι, и приглашались за деньги путем дипломатических сношений с главой племени. Таковы были прежде всего гунны, являвшиеся со своими племенными начальниками в составе боевых дружин. В большом числе гунны участвовали во всех войнах времени Юстиниана, в Лазике, на восточной границе, в Африке и в Италии. Такие же дружины вербовались из славян, гепидов, а также и эрулов. Хотя эрулы были приняты в империю на правах федератов в конце правления Анастасия, но в отношении к ним действовали иные условия, и приглашение их к участию в походе совершалось в форме посольства от императора к их царям и вождям. Помощь лангобардов в походе Нарзеса имела вид услуги союзного с империей государства; но и лангобарды также служили империи в виде дружин, как помянул об этом Агафий в описании битвы с Нахораганом в Лазике под стенами города Фазида. Варваризация действующих армий усиливалась в течение правления Юстиниана, как легко то признать из сравнения состава армии Велизария в его походе против вандалов с подробным перечислением сил и вождей той армии, которую повел с собою в Италию Нарзес против Тотилы в 552 году.

Такой состав армий, который посылал Юстиниан для покорения Африки и Италии, делает понятным и те ужасные военные нравы, о которых Прокопий сохранил столько свидетельств. Делом величайшего искусства было держать такую армию в повиновении. Люди шли на войну в надежде на добычу и наживу. Эта надежда одушевляла не только простых воинов, но также и вождей. Велизарий составил себе колоссальное состояние; его огромное богатство вызывало немало зложелательных толков, а также и подозрительность императора. Прокопий знал, что немалая часть сокровищ Гелимера и Витигеса осталась в руках Велизария.[702] В пору его первой опалы Феодора конфисковала у него 30 кентенариев золота.[703] Нуждаясь в деньгах во время своего второго пребывания в Италии, Велизарий проявлял, по словам Прокопия, страшное корыстолюбие и грабил все, что мог, в Сицилии и Равенне.[704] Требование, предъявленное Велизарием не вовремя Иродиану, верному некогда сподвижнику, о возвращении большого долга повело к тому, что Иродиан сдал Тотиле Сполетий и перешел к нему на службу.[705] В общей характеристике поведения всех вождей в Италии Прокопий ставит им в упрек заботу о собственном обогащении.

Каковы были вожди, таковы были и солдаты. После каждой победы все рассыпались на грабеж, и Велизарий не раз переживал большие тревоги в опасении того, что неприятель, оправившись в беспрепятственном бегстве, соберет свои силы и вырвет у него победу. Вступая в города мирного и дружественного населения, солдаты позволяли себе всякие бесчинства, грабеж и насилие. Чтобы не рисковать успехом своей кампании в Африку, Велизарий задержал свою армию перед открытыми воротами Карфагена и всякими мерами воздействия старался предупредить возможность грабежа и внушить правила дисциплины. Лагерь противника, если он обещал наживу, приходилось предоставлять на разграбление солдатам. Так поступал Велизарий, ему следовал и Герман в борьбе со Стотцой.

Солдаты армии, сокрушившей вандальское царство, переженившись на вдовах вандалов, пришли к естественной для них мысли устроиться в Африке на правах владения страной и ее богатством, и соединились с вандалами, которых они недавно побеждали на поле битвы. Как Теодорих, сын Теодемира, не мирился в свое время с мыслью остаться генералом императора и желал быть сам царем и повелителем римлян, так и Стотца со своими дезертирами и примкнувшими к ним вандалами надеялся стать властителем Африки. Ему это не удалось. Но Гонтарид осуществил эту мечту, правда, лишь на краткое время, пока зависть и свои дальновидные расчеты армянина Артабана не положили конца его «тирании».

Таковы были те армии, при посредстве которых Юстиниан совершал свои великие предприятия. Процесс, который так бесповоротно изменил состав и характер военной силы империи, продолжался помимо всяких предначертаний императора. Достигая непосредственного результата в своих завоевательных замыслах по

---

[699] *Procop.* b. g. 2, 29, 30.
[700] Id. b. p. 1, 1, 12—15.
[701] Id. b. g. 1, 28, 21.
[702] *Procop.* h. a. 4, 33—36.
[703] Ib. 4, 31.
[704] Ib. 5, 4—5.
[705] Id. b. g. 3, 12, 13—16; h. a. 5, 5—6.

отношению к западу, Юстиниан, как и его современники, не понимал той опасности, какую создавала для государства замена организованной военной силы дружинами специалистов военного дела и варварскими ополчениями, и проявлял в отношении армии старого состава большое пренебрежение. Закончив в 532 году войну с Персией и откупившись от Хосрова деньгами, Юстиниан ревностно заботился о сооружении крепостей на Востоке и их усилении, но жалованья солдатам он не выплачивал. Такое небрежение о военных людях, состоявших на службе, не могло не отразиться на настроении солдат. Велизарий, занимавший пост магистра армии Востока, совершал в этом звании походы в Африку и Италию, а военная сила на Востоке таяла в своем составе от небрежения императора. Когда Хосров вторгся в пределы империи в 540 году, города откупались от неприятеля, а гарнизон Берои, давно не получавший жалованья, перешел после гибели этого города на службу к персидскому царю и ушел с ним в Персию.[706] Буза, магистр армии в Армении, получил приказ заменить отсутствовавшего Велизария. Он явился на театр военных действий, но при слабости наличных сил не мог ничего предпринять. Только патриотическое воодушевление антиохийцев создало военную обстановку в этом городе, но дело окончилось гибелью столицы Востока.

Неисполнение правительством своих обязательств в отношении армии вызывало бегство из ее рядов, переход солдат на частную службу, искание других способов устроить свою жизнь и обеспечить свое существование. Свидетельство об этом дает эдикт Юстиниана от 542 года на имя префекта претория Феодота.[707] Угрожая тяжкими взысканиями правителям провинций за попустительство, император повелевает им всемерно заботиться о том, чтобы покинувшие свои полки солдаты и своих оптионов федераты были водворены на место своей службы, и, запрещая всем держать таких солдат в своих домах или имениях (κτήσεσι), приказывает уклоняющимся от военной службы вернуться назад в 30-дневный срок в свои части.[708] Нельзя не усомниться в том, что этот эдикт возымел свое действие и бегство из армии прекратилось.

Задержка в уплате жалованья практиковалась не только в местностях, состоявших на мирном положении, но также и в отношении к войскам, находившимся на театре военных действий. В Африке только приезд Германа, явившегося с большими денежными средствами, поправил положение армии, и щедрая уплата запоздавшего жалованья вернула многих дезертиров под знамена императора.[709] Точно так же в Италии, после отъезда Велизария с Витигесом в Константинополь, император вовсе не заботился об оставшейся там армии, полагая, что местные доходы обеспечат ее содержание. Но между вождями и представителями финансового ведомства, вновь назначенными в Италию, вышли несогласия и раздоры, вожди и солдаты грабили население и подрывали тем то настроение, с которым оно встретило армию освободителей от власти готов. Не получая жалованья, солдаты еще при Ильдибаде стали переходить на службу к готам, а при Тотиле дезертирство еще более усилилось. Направляясь в Италию в 544 году, Велизарий рассчитывал на обаяние своего имени среди своих бывших соратников, служивших Тотиле. Но он явился без денег, не мог их добыть у Иродиана, и его люди остались под знаменами Тотилы.

Когда в 548 году гарнизон имперских войск в Риме, имея справедливые претензии к своему командиру Конону, убил его, солдаты отправили к императору посольство из среды римского клира с требованием, чтобы это убийство осталось безнаказанным и им было выслано давно задержанное жалованье, грозя в противном случае перейти на службу к Тотиле и сдать ему город. Император исполнил требование солдат, и убийцы Конона не понесли наказания.

В распоряжение Германа, когда ему была поручена война в Италии, были предоставлены большие средства не только на сформирование армии, но и на уплату давно задержанного жалованья солдатам, служившим в Италии. На отпуске больших средств на ту же статью смог настоять, по словам Прокопия, и Нарзес, когда он взял на себя войну с Тотилой.

Воины, числившиеся на учете в отдельных полках, терпели и другие обиды от небрежения императора и недобросовестности своего начальства. Жалованье должно было повышаться в размерах с выслугой лет, и выслужившие свой срок солдаты имели право на единовременное вознаграждение. Об этих давних привилегиях говорят нам указы времен Константина, сохранившиеся в Феодосиевом кодексе. Прокопий свидетельствует, что эти права действовали и во время Юстиниана. Но те чиновники, которые ведали выдачей оклада, его повышением и привилегиями за выслугу срока, не переводили людей на высший оклад, не замещали вакансий, происходивших от естественных причин и бегства со службы, не вознаграждали ветеранов и хлопотали только о сокращении расходов и собственной наживе.[710] Прокопий прибавляет, что Юстиниан вовсе не ценил «греков» в качестве солдат, считая их вообще непригодными для военного дела. Специальные агенты из корпуса экскувитов разъезжали по всем концам империи для проверки пригодности солдат к службе, отнимали военные дипломы и лишали военного звания состарившихся людей. Многие обращались в нищих, выпрашивавших себе пропитание из милости, другие откупались от исключения из военного звания.[711] Пограничные солдаты (milites limitanei), которых в прежние времена было много на восточной границе, перестали получать жалованье после заключения мира с Персией, а впоследствии (еще до 550 г.) Юстиниан лишил их военного звания.[712]

Последствием такого отношения Юстиниана к армии было значительное сокращение военных кадров. Продолжатель Прокопия, Агафий, в общих соображениях, на которые его вызвало сделанное им описание набега на столицу Забергана, ставит в вину Юстиниану колоссальное сокращение военных сил империи и

---

[706] См. выше стр. 120.
[707] *Nov.* 116.
[708] ib. ...quoniam aliqui... milites et foederatos ...praesumunt subtrahere et in privatas suas occupare utilitates.
[709] См. выше стр. 133. — Но и в бытность Германа в Африке бывали затруднения — b. v. 2, 18, 9 — эпизод во время подавления бунта Максимина.
[710] *Procop.* h. a. 24, 1—6; 30—33. Прокопий дает этим чинам имя логофетов, т. е. перевод латинского rationalis, и приписывает их введение Юстиниану. Это неверно. См. замечания г. *Панченко* в его исследовании о «Тайной истории» Прокопия, *Виз. Врем.* III (1896) стр. 467 и сл.
[711] Ib. 24, 7—8.
[712] Ib. 24, 12—14.

приводит цифры. По его словам, армия в тех пределах, какие имела империя в конце правления Юстиниана, должна была иметь численность в 645 тысяч человек, а на деле в это время она не превышала 150 и была рассеяна на огромном пространстве всех границ государства.[713] Мы не можем отнестись с полным доверием к цифрам Агафия. Что касается первой, то она могла быть вычислена по какому-нибудь памятнику вроде не раз упомянутой Notitia dignitatum utriusque imperii. Вторая цифра, по общему тону Агафия, не представляется точным свидетельством, восходящим к какому-нибудь официальному источнику, а лишь обобщением сведений, какие понаслышке и общим соображениям имел автор. Принимая обе цифры лишь как приблизительные, мы имеем однако основания признать справедливым упрек Юстиниану за сокращение военной силы государства. Преемник Юстиниана в своем указе о податных льготах населению засвидетельствовал о полном расстройстве военных сил империи,[714] и печальная судьба Италии в первые годы правления Юстина доказала справедливость этого свидетельства.

В дополнение к изложенному о судьбах военных сил при Юстиниане остается отметить сохраненные преданием того времени свидетельства о том разряде гвардии, который носил название схол. Вытесненные с первого места при особе государя экскувитами, схолы остались в своем старом значении гвардии императора и имели свою особую стоянку в передней части здания дворца за тем входом в него, который носил имя Халки. При Феодосии Младшем число схол было семь, по 500 человек в каждой, и, таким образом, общее число схолариев представляло корпус в 3500 человек. По словам Прокопия, в схолах служили некогда преимущественно знатные армяне. При Зеноне допускались туда все без разбора, а позднее даже рабы (?) покупали зачисление в схолы за деньги.[715] Юстиниан во время правления Юстина принимал на службу в схолы всех желающих за большие деньги и организовал целый корпус сверхкомплектных схолариев, ὑπεράριθμοι. Так составились новые четыре схолы в дополнение к старым семи, и в упомянутом выше указе Юстиниана общее число схол оказывается 11.[716] Схолы находились в ведении магистра оффиций, и в указе на имя Тациана, занимавшего эту должность в начале 530-х годов, зачисление в схоларии поставлено как личное дело императора.[717] В схолы может поступать только тот, кто получил на то личное разрешение императора. Магистр оффиций должен каждые четыре месяца представлять список схолариев в ведомство о производстве в чины (scrinium laterculi).[718] Служба в схолах была, очевидно, весьма почетным положением, и сюда поступали весьма состоятельные люди. Это можно заключить из того, что Юстиниан грозит штрафом в 20 фунтов золота тем лицам, которые добьются зачисления в схолы без личного императорского рескрипта. Состояние при дворе, участие в придворных торжествах и приемах, блестящая форма и другие преимущества привлекали на службу в схолах людей разного общественного положения. Водворенная Юстинианом система замещения вакансий коренным образом изменила состав схол и превратила их из отборного войска, каким они были когда-то, в парадную обстановку дворца. От назначения в поход схоларии откупались тем, что представляли свой оклад императору и служили без жалованья.[719] Пользуясь в интересах личной наживы отсутствием военного духа в этих парадных войсках, Петр, занимавший пост магистра оффиций, наживался, по словам Прокопия, за счет их жалованья.[720] Но очевидно, не все схоларии уклонялись от деятельной военной службы, так как в помянутом уже указе 542 года о вторых браках солдатских жен Юстиниан определенно ставит три категории военных людей, солдат, состоящих в заведовании магистров армии, федератов и схолариев.

Командирами схол нередко бывали германские герцоги и принцы. Таков был эрул Свартуя, которого Юстиниан посылал на царство над его соплеменниками и впоследствии сделал магистром армии; таковы были, далее, Амалафред, племянник Теодориха остготского, прибывший с Велизарием из Равенны в 540 году, а также родственник царя лангобардов Вахона, отстраненный от наследования Авдуином, по имени Ильдигискл, который, прослужив несколько лет в Византии, бежал со своими людьми за Дунай и нашел приют у славян.[721]

Во время набега Забергана в 559 году ничтожество схолариев в смысле военной силы сказалось самым оскорбительным для их чести образом. Хотя этот корпус, усиленный ополчением обоих димов, имел достаточную численность, чтобы справиться с ордой Забергана, но их выступление окончилось полным поражением, и только состарившийся в бездействии Велизарий сумел внушить некоторый страх варварам, а деньги сделали остальное.

На охране дворца стояла лишь часть корпуса схолариев. Остальные имели свои стоянки в разных городах Малой Азии: Наколии, Кие, Прусе, Кизике, Котиэе, Дорилее. В феврале 562 года, когда гунны опять проникли в местности недалекие от столицы, император вызнал всех схолариев на европейский берег Босфора и приказал им расположиться на стоянки в Гераклее на Пропонтиде. Через месяц после этого схоларии взбунтовались против своего комита за неисправность в платеже «обычаев», как выражается Феофан, сохранивший это сведение.[722] Сын Петра Магистра, Феодор Кондохер, заменявший отца в его отсутствие, сумел успокоить волнение угрозой строгих наказаний. Против гуннов они, по-видимому, не выступали, и те взяли и ограбили в марте город Анастасиополь в Родопе.[723]

---

[713] *Agath.* 5, 13. — Ср. *Johan. Antioch,* frg. 218, где даны те же цифры. Очевидно, это заимствование из Агафия.
[714] *Nov.* 148, praef. — rem militarem rerum necessariarum penuria iam dilapsam, ita ut respublica barbarorum invasionibus inruptionibusque infinitis labefactaretur... quoad eius facere potuimus, idonea emendatione dignamur.
[715] *Procop.* h. a. 24, 17.
[716] *Cod. Just.* 1, 31, 5. — Прокопий, — h. a. 24, 19, — утверждает, будто Юстиниан, став императором, сразу уничтожил всех сверхкомплектных; но это стоит в противоречии со свидетельством Кодекса (см. след. прим.).
[717] Ib. 4. 65, 35.
[718] Эта срочная подача заявлений по всему вероятию стоит в связи с тем обстоятельством, что римские солдаты в старое время получали денежное жалованье три раза в год.
[719] *Procop.* h. a. 24, 21.
[720] Ib. 24, 22—23.
[721] Этот интересный эпизод рассказан у Прокопия —b. g. 4, 27, 1—18. Бегство Ильдигискла стоило жизни заслуженным вождям Аратию, Рекифангу, Леониану и Аримуфу, на которых он напал на своем пути в Иллирик.
[722] *Theoph.* 236, 17—24.
[723] Ib. 237, 1. — Об Анастасиополе см. *Procop.* aed. 4, 11, p. 303—304.

Помимо схол и экскувитов, при дворе состоял еще один класс военных людей, то были — доместики и протекторы. В старое время это был рассадник офицеров, и туда попадали сыновья военных людей высокого ранга и знатные германцы. По сообщению Прокопия, этот корпус имел при дворе свое представительство, а значительная часть его была расквартирована с давних пор в Галатии и других местах. По словам Прокопия, задержка в уплате жалованья простиралась и на этот привилегированный класс военных людей, и деньги оставались в пользу императора.[724]

Так разлагалась и слабела военная сила империи в правление Юстиниана, который никогда не чувствовал личной связи с армией и постепенно все более терял интерес к насущным потребностям жизни государства в увлечении богословскими и церковными вопросами, которым он придавал первенствующее значение.

ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ

Заботы Юстиниана о благочинии в городе. Общественные бедствия: чума, землетрясения, пожары. Борьба партий ипподрома. Строительство Юстиниана

В первые годы правления Юстиниана жизнь столицы текла в блеске роскошных празднеств, которыми император умел веселить свой народ. С восшествием на трон Юстиниан отстранился от того слишком близкого и непосредственного участия в борьбе партий, которое позволял себе раньше, особенно в первые годы правления Юстина, но оживление старого соперничества димов продолжалось. Случайные, неблагоприятно сложившиеся обстоятельства вызвали в начале 532 года крайнее ожесточение общественного раздражения, которое разразилось страшным бунтом «Ника». Соединившиеся тогда обе партии тяжко пострадали во время кровавого усмирения мятежников, и долго потом ипподром бездействовал, и вовсе не было всенародных увеселений. Юстиниан отдался со всей силой своей энергии строительству храма св. Софии. Золото текло рекой, и сооружение великолепного храма было событием, захватившим внимание всех жителей столицы. С отстройкой погоревшего ипподрома жизнь города потекла опять полным руслом. Строительство не прекращалось и после сооружения св. Софии, и приток денег в среду рабочего люда поднимал пульс общественной жизни.

Многолюдство в столице и наплыв пришлого люда имели и другие причины. Об этом засвидетельствовал сам Юстиниан в предисловии к своей VIII Новелле. В столицу направлялись из провинций все, кто не находил правды или терпел преследования и обиды на месте жительства от представителей административной власти или сильных людей. В этой огромной массе пришлого населения были представители клира и куриалы, оффициалы и землевладельцы (possessores), димоты (низший класс городского населения) и колоны. Это постоянное многолюдство пришлых людей вызывало большие нестроения и нарушало мирное течение жизни столицы. Впадая в нищету, многие из пришельцев снискивали себе пропитание нищенством и являлись бременем для столицы. Хотя Юстиниан горько сетовал на это бедствие в 535 году, но и четыре года спустя дело не стало лучше, как видно из пространного предисловия к 80-й Новелле, изданной в 539 году, где император вновь свидетельствует о чрезмерном наплыве в столицу людей из провинций.[725] Осенью того же года, когда была издана 8-ая Новелла, Юстиниан издал специальный указ о переименовании ночного эпарха в народного претора и точнее определил его функции и обязанности по водворению благочиния в столице (Nov. XIII). Очевидно, префект города и народный претор не справлялись с лежащими на них обязанностями, и в 539 году была создана новая административно-полицейская инстанция в лице сановника, который получил название quaesitor (следователь). По аналогии с другими инстанциями, ему был назначен советник (consiliarius) и особый штат канцелярии. Внушая принципы бескорыстия новому сановнику, Юстиниан назначил ему оклад в 10 фунтов золота в год, его советнику в 100 солидов и канцелярии — 330.

Первой и главной обязанностью квезитора было следить за всеми приезжими из провинций; он должен был наводить обо всех их точные справки, направлять их дела в подлежащие инстанции, содействовать скорейшему их разрешению, сноситься с представителями власти на местах их жительства и выселять из города праздный люд. Он был облечен самостоятельной судебной властью в отношении людей, виновных в проступках, противных христианской нравственности, и мог своим судом строго карать виновных. Ему было предоставлено ведать все дела о подлогах (πλαστογραφία). Праздных людей, прибывавших в столицу в надежде на легкий заработок, он мог брать на общественные работы в пекарнях, садах и огородах, если они годились для этого по своим физическим качествам, или же водворять их на места их жительства. Беглых рабов, которые оказывались в массе пришлого люда, он должен был возвращать их господам и всякими мерами воздействия прекращать нищенство и разные виды легкой наживы. — Таковы были обязанности нового сановника. Предание наше не сохранило свидетельств о том, в какой степени квезитор оправдал возлагавшиеся на него надежды императора по

---

[724] *Procop.* h. a. 24, 24—29.

[725] *Nov. LXXX.* praef. — Invenimus enim, quia paulatim provinciae quidem suis habitatoribus spoliantur, magna vero haec civilas nostra populosa est turbis diversorum hominum, et maxime agricolarum, suas civitates et culturam relinquentium. — c. 10. Haec omnia sancimus nostrorum subiectorum curam habentes, ut non suas provincias deserentes hic atterantur et moriantur forsan propriis privati et neque paternis fruentes sepulturis, eo quod et ante nos ponentibus leges et rempublicam constituentibus haec non transitorio studio fuerunt, sed et pigritiae fuit quaedam scriptura et peregrinos omnes perscrutabantur.

О стечении в столицу множества обиженных людей из провинций упоминает Иоанн Лидиец, De mag. 3, 70 p. 264, 24—265, 3. Оно имело последствием увеличение числа всевозможных преступлений, что и побудило императора вызвать к жизни «бывших раньше в пренебрежении... преторов и квезиторов». Наказания стали строже, и ожесточившийся народ ответил на это пожаром города. — Автор разумеет бунт Пика, как это видно из дальнейшего изложения. — Устанавливаемая автором связь событий не выдерживает проверки ввиду наличности точных данных о времени бунта Ника и издания указов о народном преторе и квезиторе (532, 535, 539 годы). Автор обобщал все свои воспоминания о пережитом им времени префектуры Иоанна Каппадокийца и закончил свое изложение рассказом о пожаре столицы и назначении Фоки на пост, который должен был покинуть Иоанн в январе 532 года. Так как автор знал о приезде в Константинополь Витигеса и нашествии Хосрова в Сирию в 540 году, то он писал, очевидно, после этой даты. По-видимому, его сочинение осталось незаконченным.

водворению благочиния в столице, а Прокопий в своей озлобленной «Тайной истории» отмечает с упреком Юстиниану, что суд квезитора, как и народного претора, обходился без всяких обычных формальностей, совершался без вызова свидетелей и имел характер произвола и грубого насилия, преследуя цели наживы.[726] Прав ли Прокопий в своих суждениях, это не подлежит выяснению за отсутствием других более беспристрастных свидетельств.

Новое страшное бедствие посетило Константинополь в 542 году,[727] то была чума, обошедшая в течение трех лет всю империю. Повсюду она производила ужасные опустошения, но определенные данные сохранились только для Константинополя, Александрии и отчасти Сирии;[728] для других местностей мы имеем только краткие летописные заметки. — Опустошив Александрию, эпидемия проникла в Константинополь и поражала сначала низшие классы населения. Страшная смертность и разнообразие проявления болезни вызывали панику и ухудшали бедствие. Наряду с молниеносной формой была и затяжная. Многие впадали в безумие. Врачебное искусство того времени оказалось бессильным и совершенно беспомощным в борьбе с эпидемией. По словам Прокопия, предсказания врачей никогда не оправдывались: когда они предвидели выздоровление, больной умирал, а в случаях, когда они теряли надежду, болезнь изменяла свое течение, и больной выздоравливал. В разгар эпидемии умирало в день по пяти и даже десяти тысяч человек. Люди вымирали целыми семействами, не было кому ходить за больными и хоронить умерших. Оставшиеся без призора больные, часто пораженные безумием, выползали на улицу, умирали в страшных мучениях, или, томясь жаждой, ползли к морю и тонули. Торговый оборот и ремесленная жизнь приостановились. Это внесло разорение в рабочий люд и голод, который содействовал большей смертности. У кого были дома запасы, те запирались и жили в одиночку. Трупы, валявшиеся во множестве на улицах, распространяли страшное зловоние, которое затрудняло обитание во многих кварталах. Необходимы были чрезвычайные меры для борьбы с этими ужасами. Император поручил заботу о погребении умерших референдарию Феодору, предоставив в его распоряжение отряд войск и большие денежные средства. Несмотря на все усердие и рвение этого человека и его команды, их усилия были недостаточны даже для того, чтобы подбирать всех умерших на улице и очищать от трупов опустевшие жилища. Заказано было 600 носилок, и нанятые за деньги люди сносили трупы на берег моря. Там их грузили на корабли и отвозили для погребения в общих ямах на противоположном берегу Золотого Рога. За большие деньги склоняли всех помогать общей беде, нанимали телеги для подвоза трупов к ямам. Цена за этот труд росла, иные проявляли большую жадность. Иоанн Эфесский рассказывает такой случай: три человека, заработавшие вместе 450 динариев, делили их, сидя на ступенях какого-то сооружения. Они вдруг ослабли и их застигла смерть, а на месте остались три кучки денег, которые они делили.[729]

Несмотря на все чрезвычайные меры, множество трупов оставалось без погребения: их бросали в море, и волны уносили мертвецов. В Сикках для ускорения дела сняты были крыши с двух башен стены и туда, как в готовые ямы, бросали трупы, пока не переполнили их до верха. Один монофизитский диакон, добровольно явившийся на помощь Феодору, во время обхода домов видал и такие, где было по 20 совершенно разложившихся трупов, и стоило огромных усилий найти людей, которые соглашались за щедрую плату разобрать эти трупы, обернуть их во что-нибудь и вынести на носилках. Случалось, что в вымершем доме находили среди трупов живых младенцев, ползавших среди умерших. В богатых домах, которые в обыкновенное время бывали переполнены рабской прислугой, не оказывалось никого при господах, которые по необходимости сами себе прислуживали и ходили за больными слугами. Ужасы эпидемии и страх смерти действовали различно на людей: одни вели разгульную жизнь и предавались всяким излишествам, другие, загрубевшие в пороках, становились благочестивыми и искали опоры в религии. Во дворце, где обычно царило многолюдство, являлись на выходы лишь немногие. Не избег эпидемии и сам император, как об этом было уже помянуто выше.[730]

Эпидемия свирепствовала с особенной силой в течение четырех месяцев, а затем начала постепенно ослабевать. Город потерял значительную часть своего населения, но непрерывавшееся строительство Юстиниана привлекало новые силы на пополнение убыли, и ужасы того страшного времени отступили в прошлое. Обойдя всю империю, чума прекратилась, но не исчезла окончательно, и время от времени, как сообщает Агафий, появлялась в разных местах. В феврале 558 года она вновь стала свирепствовать в столице и держалась до июля. Внешним ее выражением был сильный жар и бубоны в разных местах на теле. Она поражала преимущественно молодых людей. Нередко она принимала молниеносный характер, и люди умирали как бы от апоплексического удара. Нормальный срок течения болезни был пять дней.[731]

Хроническим бедствием, от которого страдал Константинополь, были землетрясения. Первый случай за время правления Юстиниана записан в хронике под 533 годом. Землетрясение случилось поздно вечером и сильные удары так напугали население, что все покидали свои жилища и проводили ночь на открытых местах; но все обошлось благополучно, и пострадавших не было. Следующее землетрясение приключилось 16 августа 542 года. От сильных сотрясений почвы развалилось много церквей и домов, пострадала городская стена поблизости от Золотых ворот, у статуи Константина, стоявшей на Форуме, выпало из рук копье; статуя Аркадия на Ксеролофе потеряла правую руку. Много людей погибло под развалинами и в городе было большое смятение.[732] В 543 году землетрясения были во многих местах и особенно тяжко пострадал город Кизик, в котором провалилась средняя часть.[733] В 545 году, который ознаменовался недородом хлеба и вина, в довершение

---

[726] *Procop.* h. a. 20, 12.
[727] *Marc. Com.* s. a. (Chr. min. II 102). В летописи Феофана — Chronogr. p. 222, 22 — начало чумы неправильно отнесено к октябрю 15 года правления Юстиниана (с 1 апреля 541 по 31 марта 542 года), т. е. 541.
[728] *Procop.* b. p. 2, 22—23; *Johan. Ephes.* Hist. frag. 231—240.
[729] *Johan. Ephes.* p. 239.
[730] См. стр. 125—126.
[731] *Malala,* 489, 15—18 (февраль VI индикта); *Agath.* 5, 12; *Theoph.* 232, 15.
[732] *Malala,* 478; *Theoph.* 222, 25—30.
[733] *Malala,* 482, 12; *Theoph.* 224, 11.

бедствий случилось землетрясение.[734] В феврале 548 года колебание почвы вызвало страшную панику по всему городу, и на открытых местах совершались всенародные моления. Дело обошлось благополучно, и жертв не было.[735]

Незримая работа подземных стихий отклонилась к югу, и в 551 году страшное землетрясение прошло в июле месяце по всей Финикии, Палестине, Аравии, Сирии и Месопотамии. Тяжко пострадали города Тир, Сидон, Берит и особенно Бостра. Повсюду было очень много человеческих жертв. В Бостре море отхватило часть материка и образовало большую гавань, так что город стал приморским. Император подавал щедрую помощь на отстройку пострадавших городов.[736] 15 августа 553 года началось землетрясение в Константинополе, и удары продолжались в течение 40 дней. Обвалилось много церквей, общественных зданий, бань, вновь пострадала стена около Золотых ворот и погибло много народа. На улицах шли торжественные всенародные моления. В память этого землетрясения установлена была лития в Евдоме. Тогда же сильно пострадал город Никомидия.[737] В следующем году землетрясение посетило город 11 июля.[738] В апреле 556 года было опять землетрясение, вызвавшее большую тревогу, не причинившее, однако, никаких бедствий.[739] В октябре 557 года были сильные подземные удары, а через два месяца, 14 декабря, началось страшное землетрясение, длившееся десять дней. Пострадали стены города на протяжении от Золотых до Русейских ворот, развалилась церковь Самуила и Богородицы в квартале Паталах. От того же землетрясения упала статуя Аркадия на площади Тавра, порфировая колонна, стоявшая перед дворцом Юкундианы, исчез в развалинах город Регий, вторая от Константинополя станция старой дороги на запад. Население совершало всенародные моления, император в течение 40 дней не возлагал на себя венца и не сделал исключения для праздника Рождества Христова. Отменены были царские обеды в зимний сезон в зале экскувитов, и назначенные на них деньги были розданы в пособие бедным.[740]

Другим стихийным бедствием, нередко посещавшим Константинополь, были пожары. В страшных пожарах во время бунта «Ника» пострадала лучшая часть города, которую вновь отстроил Юстиниан, и с тех пор в течение долгого времени город был довольно благополучен в этом отношении. Но в самые последние годы правления Юстиниана есть в летописях записи о страшных опустошениях от огненной стихии. В декабре 560 года огонь начался в гавани Юлиана и дошел до дома Проба, уничтожая все на своем пути.[741] В октябре 561 года новый пожар опустошил опять ту же часть города. Он начался от дворца Кесария и прошел полосой до местности «Омфакеры», причем сгорели все лавки Тавра.[742] В 563 году сгорел отстроенный после бунта «Ника» странноприимный дом Сампсона и целый ряд общественных зданий до храма св. Софии.[743]

Таковы были стихийные бедствия, постигавшие столицу за время правления Юстиниана. Кроме них город немало страдал от других, где причиной была злая воля человека. Почвой для злодейств и кровопролитий были соперничество и вражда партий ипподрома. Обозревая темные стороны того времени, от 518 до 550 года, Прокопий делает общее замечание в таких словах: «Если свести в одно то, что совершалось в Византии и всех городах империи вследствие борьбы партий, то, полагаю, погибло не меньше людей, нежели от внешних войн. Так как в отношении виновных не было равенства, а одна из двух партий была привержена императору, то обе они не вели себя спокойно, но одна, ввиду немилости государя, а другая, ввиду его благоволения, доходили до безумной дерзости и, то выступая друг против друга в полном составе, то сражаясь кучками, то один на один, если представлялась к тому возможность, и устраивая засады, не упускали ни одного случая за все 32 года и совершали друг против друга ужасные злодейства. Нередко подвергались они казням от префекта города, впрочем, кара за проступки по большей части обращалась на прасинов».[744]

Таким образом, Прокопий свидетельствует о непрерывности тревог в общественной жизни столицы на почве борьбы и соперничества партий ипподрома. Но после страшных бедствий во время бунта «Ника», при подавлении которого пострадали обе партии, летопись долго не знает случаев, омрачавших спокойное течение жизни столицы. Записи о тревогах и волнениях начинаются с 547 года. 11 мая во время обычных ристаний в день рождения города произошло кровавое побоище между синими и зелеными. Разнять ожесточившихся димотов были посланы экскувиты. Много народа задохнулось в давке.[745] В июле следующего года беспорядки приняли вновь тревожный характер. Во время побоища был сделан поджог здания, носившего имя Парда. Пожар распространился, сгорело много домов и было много людских жертв.[746]

16 апреля 549 года димы пришли в большое возбуждение на вечернем представлении на ипподроме. Одолев зеленых, синие проникли в помещение циркового имущества противной партии и произвели жестокий грабеж. Перебито было много народа.[747] Префект города, Иоанн Коккоробий, принял строгие меры, как следует заключить из того, что в течение долгого времени после того не было никаких беспокойств, и только в мае 556 года летописец занес свидетельство о новых тревогах. Запасы хлеба в столице истощились, хотя все другие продукты были в изобилии. Народ встречал императора криками: «Владыка, изобилие городу!» А во время ристаний 11 мая, когда на ипподроме присутствовало персидское посольство, народ разгромил дом префекта города,

---

[734] *Malala,* 483, 21; *Theoph.* 225, 4.
[735] *Theoph.* 226, 5.
[736] *Malala,* 485, 16; *Theoph.* 227 , 21—228 , 4; *Johan. Ephes.* Hist. frg. 241—242.
[737] Ib. 486; ib. 229.
[738] *Theoph.* 229, 30.
[739] *Malala,* 488; *Theoph.* 231, 1. (5 индикт).
[740] *Malala,* 488, 20—489, 10; *Theoph.* 231, 18—232, 6.
[741] *Theoph.* 235, 9.
[742] Ib. 235, 26—27.
[743] Ib. 240, 18.
[744] *Procop.* h. a. 18, 32—34.
[745] *Malala,* 483, 9—13; *Theoph. 225,* 20—226, 2.
[746] *Malala,* 484, 6—8. В октябре того же года прибыл слон из Индии, а в марте 550 года он причинил большие беды: вышел из своего стойла и перебил много народа. — Ib. 484, 9; *Theoph.* 227.
[747] *Malala,* 484, 14—16; *Theoph.* 227, 6—10.

Музония. Император был очень разгневан особенно тем, что эти беспорядки произошли во время пребывания персидского посольства. Музоний принял строгие меры, и были казнены некоторые видные члены партии венетов. Недостача хлеба ощущалась в течение трех месяцев.[748]

В 559 году после ристаний в день рождения города, который на этот раз был отпразднован 13, а не 11 мая, на возвращавшихся прасинов сделали нападение венеты. Кровавые схватки произошли в разных местах города. Переправившись через Золотой Рог из Сикк, венеты подожгли склады товаров в гавани Неории и не позволяли тушить пожар. Кровавая свалка разыгралась на главной улице города, Средней (Μέση) ; там был тоже сделан поджог, от которого сгорел дом префекта претория Варсимы и расположенный в соседстве с ним портик. Огонь дошел до Тетрапила. Схватки и побоища длились двое суток, и только на третий день усилиями комита экскувитов Марина и куропалата Юстина с отрядом войск удалось подавить разбушевавшиеся народные страсти. Префект города Геронтий начал следствие, длившееся 70 дней. Много людей было арестовано и некоторые казнены. В июне месяце того же года борьба партий разразилась большими беспорядками в городе Кизике. Погибло много людей, пострадали также и здания в местностях, где происходил бой.[749]

В ноябре 561 года соперничество партий в столице вызвало опять тяжкие бедствия. В день ристаний, еще до выхода императора на ипподром, прасины сделали нападение на венетов. Взойдя на кафизму и увидев свалку, император отдал приказ комиту экскувитов Марину и куратору дворца Кесария разнять бушевавших димотов. В свалке и во время вмешательства военной силы было много убитых и раненых. Венеты проникли в конюшни прасинов и грозили поджечь их. Прасины звали своих на Среднюю улицу на грабеж венетов. На рассвете следующего дня (то было воскресенье) прасины произвели грабеж достояния венетов. Император приказал обуздать виновных мерами строгости, и много людей погибло разными видами казни. Спасаясь от кары, прасины бежали в храм св. Евфимии в Халкидоне, а виновные венеты — в храм Богоматери во Влахернах. Префект города вывел прасинов из убежища и многих из них казнил. Жены арестованных явились толпою к императору и просили о помиловании своих мужей; но их разогнали палками, и до самого дня Рождества Христова император не давал прощения прасинам.[750]

В октябре следующего года (562) в партии венетов произошли внутренние раздоры, окончившиеся кровавым побоищем близ Питтакий. Малала, сохранивший краткое свидетельство об этом событии, называет имя одного человека, который потерял в этой схватке обе руки.[751] В отрывках из полного текста Малалы сохранилось известие, к сожалению, без точной даты, о следующем событии, в котором обе партии действовали заодно. — Один прасин был приговорен к казни за то, что обесчестил дочь куратора Акакия.[752] По обычаю, его возили с позором по городу, раньше чем вести на казнь. В Питтакиях его отбили венеты и укрыли в храме св. Софии, где и произошли большие бесчинства и беспорядки. Император помиловал преступника, а виновных в бесчинстве венетов водили в течение двух дней с позором по улицам столицы.[753] В ноябре того же года город сильно страдал от бездождия и оскудения водных источников, что вызывало свалки у водоемов, сопровождавшиеся кровопролитием. В отягчение этого бедствия с начала августа месяца дул только северный ветер, и суда с египетским хлебом не могли подходить к Константинополю. Населению грозил голод, и патриарх Евтихий устраивал торжественные всенародные моления.[754] Конец ноября ознаменовался дерзким покушением на жизнь императора, которое было организовано заговорщиками из среды банкиров (ἀργυροπράται).[755] Опасность была предупреждена, и один из трех заговорщиков лишил себя жизни во дворце. Так как показания схваченных заговорщиков обнаружили, что офицер дружины Велизария знал о заговоре, то после разбирательства дела в заседании всего синклита Велизарий был подвергнут опале, и император отнял от него всю дружину. Лишь полгода спустя Юстиниан снял опалу с заслуженного и верного слуги.[756] Конец года ознаменовался торжественным вторичным освящением храма св. Софии после восстановления упавшего купола.

В апреле следующего года прасины произвели большие беспорядки. Когда вновь назначенный префект Андрей, сменивший в этой должности Прокопия, ехал из дворца от Халки в преторий на колеснице, прасины встретили его около дворца Лавса с криками и поношением и стали бросать в него камни. Венеты вступились за префекта, и на главной улице города (Μέση) произошла между димами кровавая свалка. Она длилась до десятого часа, т. е. до вечера. Император приказал куропалату Юстину разогнать бушевавших буянов. После недолгой передышки, свалка возобновилась в 12 часу. Виновные в этих бесчинствах были арестованы, и много дней их водили с позором по улицам. Тем, кто был схвачен с оружием, были в наказание отрублены пальцы на руках.[757]

Крупными беспорядками был отмечен последний год правления Юстиниана. Префект Зимарх послал своих коментарисиев вместе с солдатами арестовать некоего Кесария, имевшего место жительства в квартале Мезенциола. Соседи не выдали его, и в происшедшей свалке было много убитых. Кровавые беспорядки длились два дня. Император приказал послать значительный отряд солдат и экскувитов. Ожесточившиеся прасины не уступали, и разгоревшаяся кровавая борьба продвинулась до Тетрапила и здания претория. Много прасинов было убито, но в числе павших было также немало солдат. В дело вмешались и венеты, которые также бились против солдат и экскувитов. В тот же день было кровавое побоище и в местности Стратигия. Зимарх, отправлявший тогда префектуру во второй раз, был смещен, и на его место назначен референдарий Юлиан.

---

[748] *Malala,* 488, 6—12; *Theoph.* 230, 17—25.
[749] *Malala,* 490—491.
[750] *Theoph.* 235, 30—236, 16.
[751] *Malala,* 492, 7—10 (*Theoph*. 237, 6). — Питтакии — близ нын. фонтана Ахмета.
[752] Кураторами назывались заведующие дворцами сановники.
[753] *Malala,* De ins., c. 50. — Упоминание имени Питтакий заставляет отнести оба свидетельства к одному событию.
[754] *Malala,* 492, 11—16 (*Theoph.* 237, 7—12).
[755] См. выше стр. 215.
[756] *Malala,* De ins. c. 49. *Короче - Chron.* 493—495 (*Theoph*. 237, 15—238, 18).
[757] *Theoph.* 239, 6—17. — Следуем старому тексту, затрудняясь понять поправку *De-Boor'a.* — Дворец Лавса находился на Средней улице между площадью Августея и форумом Константина на северной ее стороне. См. *Беляев,* Храм Богородицы Халкопратийской в К-ле. (Лет. И. Ф. О. при Н-р. Унив. т. II, стр. 103).

Вступив в отправление должности, Юлиан в течение десяти месяцев производил строгое следствие и, разыскивая среди димотов воров, грабителей и убийц, предавал их разным видам казни. Свой гнев он обращал преимущественно на прасинов. Благодаря этой строгой экзекуции, в городе водворилось спокойствие и полная общественная безопасность.[758]

Так тяжко отражалось на жизни столицы существование этой своеобразной организации народного представительства, но ни один император не пытался наложить руку на прочно сложившееся учреждение, имевшее свои корни в далеком прошлом. То обстоятельство, что возможны были кровавые побоища между военной силой и димами, свидетельствует, что димы имели свою военную организацию. Со времен Юстиниана сохранились свидетельства, которые подтверждают это предположение. Так, во время бунта «Ника» 250 прасинов в полном боевом вооружении (λωρικάτοι) явились на ипподром с целью попытаться, сломав ворота дворца, провести туда Ипатия и водворить на царство после провозглашения. Когда семь тысяч конников под начальством хана Забергана подошли к предместьям Константинополя, Юстиниан увеличил численность димотов (ἐδημώτευσε πολλούς) и послал их вместе со схолами на охрану Долгой стены.[759] Очевидно, димы имели значение городской милиции, к помощи которой прибегали в случаях крайней опасности. Наряду с этим димы являлись представительством народа в разных дворцовых церемониях, уже слагавшихся во время Юстиниана в определенные формы, которые нам известны лишь из более позднего времени, благодаря «Обряднику» Константина Багрянородного.

Своими заботами об украшении своей столицы, центра христианского мира, Юстиниан в течение своего продолжительного правления высоко поднял значение Константинополя. В его строительной деятельности принимала живое участие и его царственная супруга. Живой и глубокий личный интерес императора к художественному творчеству открывал широкий простор талантам, а чувство грандиозного, которым так щедро был одарен Юстиниан, не знало пределов в расходах. Золото текло рекой и вызывало напряженную творческую деятельность во всех видах искусства. Религиозное настроение того времени обращало искусство на службу церкви. Храм св. Софии явился высшим созданием того времени. Он еще не был закончен, когда императрица Феодора начала воздвигать храм св. Апостолов. Кроме этих двух наиболее знаменитых храмов, Юстиниан отстроил с большим великолепием храм св. Ирины, сгоревший в 532 году, храм Богородицы «у источника» за Золотыми воротами и во Влахернах, церковь св. Анны во втором регионе города, Петра и Павла во дворце Ормизда, Сергия и Вакха на берегу моря неподалеку от дворца, св. Ирины в Сикках, архангела Михаила на том и другом берегу Босфора и еще много других. Чины придворной знати, следуя примеру царственной четы, умножали церкви и монастыри в столице и ее окрестностях. Так шло непрерывно обогащение Константинополя памятниками искусства. Освящение вновь отстроенных храмов и их открытие ознаменовывалось всенародными торжествами, для которых выработался великолепный ритуал, являвший пленительное зрелище для всего населения столицы. Освящение храма сопровождалось водворением мощей, и патриарх в великолепном облачении, близком к императорскому, ехал в царской колеснице, держа на коленях священные останки в блиставших золотом и драгоценными камнями раках, а сам император шествовал в сопутствии блестящей свиты и всех чинов двора среди ликующих кликов своего народа. Летопись сохранила дни некоторых из этих торжеств: 28 июля 549 года — день освящения храма Апостолов,[760] в сентябре 551 — церкви св. Ирины в Сикках,[761] в августе 562 года — церкви мученицы Феодоры «близ моста», сопровождавшееся иллюминацией города,[762] а 24 декабря — вторичное освящение храма св. Софии.[763]

Кроме храмов Юстиниан воздвигал и другие сооружения и прежде всего отстраивалось в более роскошном виде то, что погибло в пожарах 532 года. Так, был отстроен парадный вход во дворец с роскошным порталом, носивший имя Халки. Здание было закончено постройкой в 538 году.[764] Стены портала были украшены мрамором разных цветов и мозаиками, на которых были изображены славные победы Юстиниана. Прокопий сохранил свидетельство, что там было изображение Юстиниана и Феодоры, Велизария, плененных им царей и привезенных им сокровищ.[765]

На площади, носившей имя Августей, воздвигнута была конная статуя Юстиниана в облачении античного героя, Ахилла, как тогда говорили, с державой и крестом в правой руке. Открытие этой статуи в 543 году сопровождалось, по старым обычаям, великолепными торжествами.[766] В роскошном портике, обращенном к Пропонтиде, к югу от дворца была сооружена статуя императрицы, бессильная, по словам Прокопия, передать ее дивную красоту.[767] Столица империи являлась при Юстиниане центром художественного творчества во всех сферах искусства; создания Юстиниана заслонили собою все славные памятники прежнего времени, и волны того движения, которое совершалось в Константинополе, расходились по всему миру. Старый Рим ослабел и пал в тяжких борениях готской войны и под воздействием духа времени стал превращаться в город монастырей и монахов. Константинополь не имел соперника.

От всего блеска и роскоши богатого творчества в сфере искусства того времени в Константинополе уцелел до наших дней только храм св. Софии, и то лишь как памятник архитектуры. Более благоприятная судьба выпала на долю Равенны, которая и после падения готского царства удержала за собою значение административного и культурного центра. Уцелевшие в этом городе великолепные храмы являются и поныне живыми свидетелями о

---

[758] *Malala,* De ins. c. 50. — Хронологию события дает Виктор Тонненский в своей хронике — *Chr. min.* II 205. — Стратигий находился на северном склоне Акрополя, где в настоящее время станция железной дороги.
[759] Theoph. 233.
[760] *Malala* 484, 16—24.
[761] Ib. 486, 1—7 (*Theoph.* 228, 6—13).
[762] Ib. 492, 3—6.
[763] Ib. 495, 9—16.
[764] Ib. 479, 15—18.
[765] *Procop.* aed. 1, 10, p. 204.
[766] *Maiala,* 482, 14 (*Theoph.* 224, 15). *Procop.* aed. 1, 2, p. 182.
[767] *Procop.* aed. 1, 11, p. 205—206.

высоком развитии искусства в блестящий век Юстиниана.

В течение почти полвека судьбы империи направлял Юстиниан; простой селянин, выросший в сельской обстановке в западной области империи, он воспринял через школу идею римского миродержавия и достойно носил императорский венец. Первым важным делом общего значения, с которым он связал свое имя, было устранение раскола с римской церковью и восстановление церковного единства. То была реакция против политики Анастасия, который проще понимал реальные интересы своего царства и считался с условиями настоящего. Идеал церковного единства пленял Юстиниана, как и многих его современников, являясь отображением в религиозной сфере римской идеи миродержавия.

Первым великим делом его единоличного правления была кодификация римского права. В основе самого расположения материала в его Кодексе лежит идея мирового христианского государства с единым исповеданием единой истинной веры и единым истинным богопочитанием. В дополнение к этому памятнику правосознания современности кодификация действующего права была завершена сводом материала римской юридической мысли. Как бы в предвидении грядущего оскудения духовной жизни и упадка просвещения Юстиниан спас этим для будущего великие плоды творчества римского народа в сфере правового сознания. Эта заслуга делает его имя навеки великим. Западные народы, по мере выхода из варварства, проникались идеей правового государства и закончили рецепцией римского права.

Сознательно отдавая первое место в трудах императора делам христианской церкви, Юстиниан с самого начала своего правления изыскивал пути к устранению внутреннего раскола в восточной империи между приверженцами Халкидонского собора и его ожесточенными противниками. Найдя формулу вероопределения, которая могла примирить монофизитов с господствующей церковью, и добившись одобрения ее со стороны высшего церковного авторитета, римского папы, каким его признавали восточные иерархи, Юстиниан с не покидавшей его до конца настойчивостью и энергией ревностно трудился над преодолением тех преград, которые ставила ему живая жизнь в его стремлении водворить церковное единство в своей империи. Сознавая себя, как христианский император, наместником Христа на земле, и будучи глубоко посвящен в богословские споры того времени, он увлекся с начала 540-х годов на путь богословствования и, невзирая на все разочарования, какие давала ему действительность, неутомимо продолжал свои труды, оставаясь верным своему идеалу церковного единства до конца своих дней, когда, по слову поэта, он был уже чужд всему мирскому и мнил себя перенесенным в вечность.

Преисполненный сознания величия идеи императорской власти, Юстиниан мирился с признанием персидской державы «другим оком мира» и, не располагая достаточными военными силами для успешной войны с гордым и властным царем Хосровом, следовал политике, которую применял в свое время Феодосий Младший; но, откупаясь от войны деньгами, он выступал, как глава христианского мира, верховным заступником за христианских подданных персидского царя. Иную внешнюю политику вел Юстиниан в отношении запада. Сознавая в себе верховные права римского миродержца, закрепленные в официальном титуле, который продолжал применяться по старой традиции, Юстиниан отвоевал два германских царства, образовавшиеся на развалинах западной империи, утвердил свою власть на побережье Испании в царстве вестготов и в пору расцвета своих духовных сил помышлял о войне с франками за римское наследие. Эта мечта высказана в предисловии к одной новелле от 536 года и оглашена его современником, Иоанном Лидийцем.[768] Вражда персидского царя и грозные набеги варваров с севера заставили его бросить эти мечты, и он утвердил за царем франков заальпийские области, принадлежавшие раньше царству Теодориха остготского.

Великие задачи, которые ставил себе Юстиниан, требовали для своего осуществления страшного напряжения сил государства, и финансовое управление при Юстиниане изыскивало новые способы увеличить сумму доходов казны, чтобы удовлетворить нужду в деньгах, которую постоянно испытывал Юстиниан. Имперская администрация шла по старым путям и в старых формах. Империя состояла, по историческим условиям своего возникновения, из самостоятельных и самоуправляющихся городских общин. Исконная цель имперской администрации была — извлечение доходов из подвластных империи областей. Хотя многословное и обильное административное законодательство Юстиниана скрашено с внешней стороны заботой императора о благе населения и облегчении тяжкого бремени, которое возлагало на него государственное единство, но, по существу, Юстиниан не внес никаких новых начал в организацию государственного управления, и фискальные цели, направлявшие его действия, в значительной степени ухудшили самый состав администрации. Об этом ухудшении засвидетельствовал Прокопий. Изливаясь в жалобах на страшное отягощение плательщиков и большую неправду администрации, он резко упрекал Юстиниана и его царственную супругу за то, что они поощряли злоупотребления в интересах личных выгод. Жалобы Прокопия являются отголоском тех стонов, которые тогда повсеместно раздавались под гнетом жестокого режима финансового управления.

Деньги, которых так много нужно было Юстиниану, шли на роскошь и блеск двора и всенародных увеселений в столице, лежавших на обязанности государя. Довольствовавшийся самым простым столом, невзыскательный в личных потребностях, Юстиниан понимал великолепие как долг императора, и эти его вкусы разделяла его царственная супруга. Деньги нужны были для войн, которые вел Юстиниан, и еще больше на выкуп мира как у персов, так и огромного множества варваров, с которыми империя была в союзе. Маврские цари на южной границе, арабы на восточной, гунны и германцы на северной — все получали от императора денежные дары и платили нашествиями за их запоздание. Замена оружия войны расточением денег вызывала большие нарекания на Юстиниана при его жизни,[769] и его преемник, вступая па трон, мнил отказаться от этого способа действий и

---

[768] *Johan. Lyd.* De mag. 3, 56.
Nov. XXX, c. 11, 2... et in bellis maximis, per quae dedit nobis deus et apud Persas agere pacem Vandalosque et Alanos et Maurusios religare et Africain universam et Siciliam possidere, et spes habere bonas, quia etiam reliquorum nobis detentionem annuet deus, quam prisci Romani usque ad utriusque oceani fines tenentes sequentibus negligentiis amiserunt.

[769] *Procop.* h. a. 14, 7—8.

поднять престиж империи иными путями. Но то был старый способ, практиковавшийся в течение веков римскими императорами, и если Юстиниан вызывал нарекания, то, быть может, лишь потому, что с расширением политического горизонта случаев уплаты варварам должно было являться больше.

Колоссальные суммы затрачивал Юстиниан на свою строительную деятельность. Императрица разделяла эту его страсть и много сделала от себя. Строительство имело своим первым объектом храмы, и любовь к роскоши и великолепию и чувство грандиозного, отличавшие Юстиниана, не знали здесь пределов. Святая София была чудом света, и ее сооружение повлияло на подъем всех видов искусства и художественного творчества. Непрекращавшееся с тех пор строительство отовсюду стягивало в столицу таланты и возбуждало творчество. С этих пор Византия стала на целый ряд веков царицей искусства и из нее исходили лучи, будившие дремавшие еще инстинкты варварского и варваризованного запада. По всей империи Юстиниан строил крепости и порты. Первое являлось делом тяжкой необходимости, хотя и не спасало от внешних опасностей, второе — было мудрым делом великого правителя. Прокопий резко порицал его за то, что он бессмысленно бросал деньги в море. Но Юстиниан знал, что делал. Он обеспечивал господство византийской морской торговли в Средиземном море, которое он вновь обратил в римское озеро, и византийский флот удержал свое господство на море в течение веков после Юстиниана.

Великие дела Юстиниана имели и свою обратную сторону. Так, его самоотверженная и напряженная деятельность по изысканию способов водворить единство исповедания веры в империи не только не достигала своей цели, но вносила вражду, раздор и ожесточение в жизнь христианской церкви. Восточные области империи и Египет, где преобладало монофизитство, внутренне отъединялись и обособлялись от империи, чему содействовали время от времени происходившие тяжкие и даже кровавые преследования упорствующих. Так как по языку и племени туземцы не были греками, то эта вражда будила народное самосознание и создавала политическую опасность, которая сказалась в полной силе при пятом преемнике Юстиниана, когда на арену истории выступили арабы. Борьба, возгоревшаяся из-за осуждения «трех глав», тяжко отразилась на Африке и затемнила престиж «свободы», которую возвещал Юстиниан томившемуся под игом ариан римскому населению этой страны.

Страшное напряжение податных сил населения империи, которое позволял себе Юстиниан за все время своего правления, вечно нуждаясь в деньгах для своих великих дел и широких замыслов, подрывало силы государства, и исключительно фискальный дух его режима являлся элементом, деморализовавшим администрацию, которая понизилась при нем в своем моральном уровне.

Императорский двор был окружен широким кругом знатных родов, возвышавшихся преимущественно путем государственной службы. Этот класс пополнялся в значительной степени из провинциальной аристократии отдельных городских общин, из которых многие были жизненны и мощны в ту пору. Бунт «Ника» тяжко отразился на столичной аристократии. Много знатных лиц было казнено и еще большее число подверглось конфискации имущества. Процессы, навлекавшие в виде кары конфискации, были явлением издавна обычным в империи.[770] Система эта действовала и при Юстиниане и вела к скоплению в личную казну государя огромных земельных владений и больших капиталов. Мало знакомый с историей римских учреждений Прокопий возлагает на Юстиниана и особенно Феодору много тяжких грехов в этом отношении.

Поразительная деловитость Юстиниана и желание всем лично руководить и все решать усилила автократический момент государственной организации, давила придворную аристократию, которая не дала за его время ни одного видного и крупного деятеля, способного помочь императору в его великом служении на пользу государства.[771] Если Анастасий своими заботами о просвещении и своей терпимостью в смутной религиозной борьбе содействовал тому, что Юстиниан мог найти надежных помощников в великом деле кодификации права и при нем оживилось литературное творчество, то Юстиниан оставил империю своим преемникам в оскудении и духовном обеднении. Сотрудники Юстиниана были люди далеко небезупречные в моральном отношении. Дурные нравы и застарелые грехи имперской администрации упрочились при Юстиниане, и горизонт будущего омрачился. Конец своих дней Юстиниан провел в полном духовном одиночестве и от сознания этого его спасало не покидавшее его до смерти увлечение догмой христианского вероучения.

Ближайшие преемники Юстиниана не стояли на высоте сознания, которая была ему доступна, и римская империя стала превращаться в греческое национальное государство, удерживавшее по традиции старое свое наименование. При третьем его преемнике на папском троне оказался человек, потомок старой римской знати, который сумел в тогдашних условиях жизни народов запада явиться осуществителем римской миродержавной идеи в сфере церковных отношений и на почве идей Августина положить основание нового римского единства мира помимо императора. Восточная империя не давала более таких людей, и «мудрейший Юстиниан», как звали его в течение долгих веков юристы, явился последним римлянином на троне императора.

---

[770] Тацит для первого века, Аммиан Марцеллин и Зосим для четвертого дают о том живые и полные свидетельства.

[771] *Procop.* h. a. 14, 7—8 — о безгласии сенаторов в заседаниях. За извращение идеала πολιτεία Ῥωμαίων Прокопий резко корит Юстиниана, h. a. 13 , 24—25; 32; 14, 14.

ЮСТИН II

ВСТУПЛЕНИЕ НА ЦАРСТВО. НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ

Юстиниан и Феодора были окружены множеством родственников. Имея полную возможность обеспечить преемство власти одному из них, Юстиниан оставлял, однако, вопрос о преемнике открытым до конца своих дней. В последние годы его правления ближе других к особе государя был его племянник Юстин, сын его сестры Вигилянции,[772] занимавший пост куропалата.[773] Он был женат на племяннице Феодоры, Софии, женщине весьма честолюбивой и властной. София разделяла монофизитские убеждения, но честолюбивые помыслы заставили ее отступиться от монофизитства, чтобы тем устранить преграду к достижению верховной власти. Она вступила в церковное общение с господствующей церковью за несколько лет до смерти Юстиниана, но слухи о ее принадлежности к монофизитскому исповеданию ходили и после, когда ей удалось осуществить свои честолюбивые надежды.[774] Двойное родство Юстина, с Юстинианом и Феодорой, повышало его шансы на преемство власти, а пребывание в столице при особе императора давало ему возможность упрочить свое положение. По сообщению Евагрия, близкого по времени свидетеля, Юстиниан колебался в своем выборе между Юстином, сыном Вигилянции, и Юстином, сыном Германа. Так как он сам не решал вопроса, то оба Юстина заключили между собой договор, что тот из них, кто окажется на троне, предоставит другому первое после себя место в государстве.[775] Юстин, сын Германа, сделал военную карьеру и в последние годы жизни Юстиниана находился на Дунае во главе военных сил, охранявших северную границу империи от той опасности, которую представляли авары в своем грозном передвижении на запад с берегов Черного моря. Юстин, супруг Софии, имел полную возможность обеспечить частными соглашениями и другими способами воздействия настроение влиятельных лиц среди столичной знати, снискать согласие патриарха, а также расположение придворных военных людей и таким образом подготовить свое избрание. Официальной записи о венчании на царство Юстина не дошло до нас, но весьма полную и ясную картину этого события дает поэма Кориппа, известного африканского поэта того времени, который был очевидцем знаменательного для Юстина торжества.

Корипп начинает свое повествование с видения, которое предварило Юстина о предреченной ему судьбе. — Ночью в полусне предстала пред ним дева — Sacra Pietatis imago — и возвестила ему волю Отца небесного — pater omnipotens — и умершего дяди, чтобы он вступил на царство. Немедленно вслед за тем раздается стук в двери его дворца. То прибыл весь синклит с патрицием Каллиником во главе, чтобы просить его принять верховную власть в осиротевшем государстве. Юстин и его супруга выслушивают просьбу сановников. Юстин колеблется. Сенаторы падают к его ногам, умоляют снизойти на их просьбу, и Юстин дает согласие. На дворе глубокая ночь. Приняты меры, чтобы весть о смерти государя не разнеслась немедленно по городу. Об этом позаботился комит экскувитов Тиверий. Юстин и София в сопровождении синклита направляются во дворец. Во время шествия поют петухи, предваряя грядущий день. Стража встречает Юстина и его супругу пожеланием счастливого царствования.[776] Войдя во дворец, Юстин и София оплакивают почившего государя на одре смерти, и София возлагает на его труп покров, на котором вышиты все его славные победы.

Между тем, в городе распространяется весть о смерти императора, и весь народ спешит на ипподром, разделяясь там по партиям. Уже раздаются возгласы: tu vincas Iustine. Под утро Юстин молится в храме Архангела Михаила, а София с дочерью — в церкви Пресвятой Девы Марии. Они возвращаются в тронный зал, и здесь происходит церемония венчания на царство. Юстина облачают в царские одежды.[777] Солдат возлагает ему на голову свою шейную цепь, Юстин возводит его в чин трибуна[778] и четыре воина поднимают Юстина на щите.

Патриарх дает свое благословение и возлагает на избранника царский венец. Раздаются радостные клики в честь Юстина и Софии. Юстин вступает на трон и обращает первые слова к народу с обещанием править по разуму и правде.

Шествие направляется на ипподром. Царственную чету сопровождает брат Юстина Марцелл и зять Бадуарий.[779] Собравшийся на ипподроме народ приветствует царя и царицу нескончаемыми возгласами. Выждав время, Юстин держит речь к народу и дает обещание справить консульство в ближайшее 1 января. Тут из толпы выступает группа людей и падает ниц перед троном. Это кредиторы казны, которые давно ждут уплаты по своим поставкам. Юстин повелевает открыть свою казну: рабы несут мешки с золотом и удовлетворяют всех. Следом за кредиторами являются толпы женщин. Они молят о милосердии государя к своим мужьям, томящимся в заточении. Император дает приказ освободить заключенных и затем отпускает народ. Шествие направляется во дворец.

После полудня происходит погребение почившего Юстиниана в храме св. Апостолов. Когда печальная

---

[772] Имя сохранил Корипп, Ladd. Just. 1, 8.
[773] Сановник этого звания заменил собою того, который раньше назывался castrensis sacri Palatii. На нем лежало общее заведование дворцами и новые сооружения. На выходах он шел непосредственно перед императором с золотым жезлом в руках. Ср. *Cassiod.* Var. 7, 5, Formula curae Palatii (диплом на звание).
[774] *Johan. Ephes.* 2, 10, p. 54.
[775] *Evagr.* 5, 1 s. f. Евагрий издал свою историю в 12 год правления Маврикия, т. е. 594 г., как сам указал в заключительной главе шестой книги.
[776] *Corip.* 1, 202—214.
Excubiae primum, quae summa palatia servant,
Imperium felix dominis intenlibus optant,
Et cunctos aditus armato milite valiant,
Ne quis in Augustam contrarias audeat aulam
Infensum conferre pedem...
Omnia disponens munivit pvovidus arcem
Tiberius, domini semper cui maxima cura
Utilitatis erat...
[777] Ib. 2, 100—125.
[778] Ib. 2, 130—136.
[779] Ib. 2, 283—284.

церемония закончена, весь город украшается зеленью, цветами, коврами, и всюду раздаются радостные клики в честь нового императора и его супруги. Возвратившись с похорон, царственная чета садится за обеденный стол, блистающий роскошью яств со всего мира. После пира Юстин и София удаляются во внутренние покои дворца.[780]

В этом описании очевидца с полной ясностью выступают некоторые особенности этой церемонии по сравнению с теми, какие даны нам в официальных записях, сохраненных Константином Багрянородным о других венчаниях на царство. Принятие сана, облачение в царские одежды, возложение венца — произошло не на Военном поле в Евдоме в присутствии армии и всего народа, как было раньше, и даже не на ипподроме, как во время избрания Юстина I и Анастасия, а внутри дворца в тесном кругу единомышленников. Из многочисленной родни Юстиниана и Феодоры присутствовали только брат Юстина Марцелл и зять его Бадуарий. Комит экскувитов Тиверий, имевший давние личные связи с Юстином, принял все меры к тому, чтобы известие о смерти престарелого государя не проникло в город, и партия, которую успел подготовить себе Юстин за время болезни Юстиниана, немедленно провела его избрание, устранив возможность выступления других кандидатов. Характер сговора единомышленников, боявшихся за успех своего предприятия, отмечен и в кратком изложении Евагрия об этом событии.[781] В летописных записях отмечена другая черта, характеризующая тогдашние отношения, а именно, что Юстин сделал щедрые вклады в храмы и монастыри, созданные Юстинианом, и увеличил число принадлежавших им имуществ.[782]

В числе тех текущих дел, которые давно ожидали своего решения вследствие болезни одряхлевшего императора, был прием посольства от хана аваров. Оно было прислано с тех новых мест на Дунае, куда прошли авары, разгромив и подчинив себе кутургуров. Сослужив службу императору ослаблением этих ненадежных союзников империи, хан требовал себе уплаты тех денег, которые получали ежегодно утургуры и кутургуры. Исполнение условий заключенного с аварами договора и предоставление им земель в пределах бывших провинций империи, занятых другими варварами, вызывало опасения вторжения их в пределы империи, и Юстин, сын Германа, находился на Дунае в предупреждение возможных осложнений. Многочисленное аварское посольство долго ожидало приема. Он состоялся на седьмой день правления Юстина, т. е. 21 ноября 565 года. По описанию Кориппа, прием состоялся во всей торжественной обстановке царского великолепия.

Юстин и София восседали на тронах, окруженные чинами двора и военной свитой в блиставших золотом доспехах. Представшие перед очами государя послы пали ниц и по полу рассыпались их волосы, заплетенные в косы. Когда император повелел им подняться, старший член посольства Таргитай в дерзкой речи славил подвиги и грозную мощь своего народа и предъявлял требование своего повелителя уплаты ежегодных денежных даров. Юстин в гордых выражениях отказался на будущее время от всяких уплат и грозил смирить хана войной. Послы с позором удалились из дворца.[783] Гордый тон ответа императора и грозный отказ в уплате денег знаменовали собою новую эру в политике правительства относительно варваров, и так именно поняли современники слова императора.

По старой традиции Юстин принял консульство на ближайший год после вступления на царство. Не действовавшая в течение 25 лет церемония, в которую превратился консулат, была совершена с полной торжественностью и великолепием. Описание ее дал тот же Корипп. Поэт рассказывает сначала о тех приготовлениях, которые спешно шли в центре столицы в ожидании консульского выезда императора. Префект города отвел места для устройства помостов для народа и торжественных арок. По всем лесам в окрестностях города шла работа дровосеков, дерево доставлялось в город, спешно шла работа плотников, и когда леса и арки были готовы и все приведено в порядок, временные сооружения были богато украшены гирляндами из зелени, коврами и тканями. С появлением на небе солнца 1 января начался консульский выход. Все чины двора, все придворные службы и военная охрана особы императора разместились в торжественных костюмах с инсигниями своих санов и чинов на заранее определенных местах, а народ наполнил все ступени огромных помостов, воздвигнутых на Средней улице. Заранее сложены были огромные груды щедрых подарков из драгоценных металлов, которые должен был раздать всем чинам новый консул. На богато украшенном помосте стоял золотой трон. Император вышел из дворца, воссел на трон, и началась раздача подарков. Вызывали по списку, составленному по рангам, и каждый поднимался на ступени трона и получал свой подарок. В эту пору ораторы славили императора в речах на обоих языках империи.[784] После членов синклита получали свои подарки чины всех царских служб по группам. Император знал каждого в лицо и каждому из них говорил ласковое слово. Когда эта часть церемонии была закончена, началось приготовление к шествию. Блиставший пурпуром и золотом помост с троном был поднят на плечи подобранных по росту людей в пурпурных одеждах.[785] Все чины выстроились по своим рангам. Глашатаи назначали место всякой группе чинов, за ними встали отряды войска, по обеим сторонам трона выстроились экскувиты, за императором построились протекторы с игравшим на солнце золотым оружием. Шествие двинулось по Средней улице,[786] среди лесов, с которых народ восторженными кликами приветствовал императора, и все получали свою долю щедрот государя. Шествие направилось в храм св. Софии, где император молился и принес свое пожертвование на храм.[787] Затем следовала еще какая-то публичная церемония, в которой император выступал окруженный ближайшими и доверенейшими сановниками; но в чем она состояла, остается неясным, так как текст четвертой песни поэмы

---

[780] Ib. 3, 85—150.
[781] *Evagr.* 5, 1.
[782] *Theoph.* 242.
[783] *Corip.* Laud. Just. 3, 300; *Menandri* frg. 14; *Johan. Ephes.* 6, 24, p. 253—254. Иоанн сообщает, что посольство аваров состояло из 300 человек и что они некоторое время содержались под стражей в Халкидоне.
[784] *Corip.* Laud. Just. 4, 154 и след.
[785] Sella gestatoria римского папы во время его выходов из внутренних покоев является продолжением той давней старины.
[786] *Corip.* Laud. Just. 4, 149.
[787] Ib. 4, 316.

Кориппа дошел до нас не в целом виде. День закончился, по всему вероятию, роскошным пиром.

Хотя восшествие на престол Юстина обошлось без всяких затруднений и противодействия с чьей-либо стороны, но как он сам, так, по-видимому, более чем он, его супруга, питали подозрение против другого Юстина, сына Германа, человека, имевшего военное имя. Он был отозван со своего военного поста на Дунае, и подозрительность в отношении к нему нового двора выразилась в том, что он был постепенно лишен всей своей дружины. Высокое назначение на пост префекта-августала Египта было только предлогом удалить его из столицы. Следом за ним были посланы наемные убийцы, которые и сделали свое темное дело. Голова убитого была препровождена к царственной чете, которая успокоилась в своей ненависти только после того, как могла попрать ногой мертвую голову.[788]

Вскоре после того в среде сената созрел заговор на жизнь Юстина. К ответственности были привлечены два видных сенатора времени Юстиниана, Эферий и Аддей. Оба они были приговорены к смертной казни. Первый сознался в замысле отравить императора, второй отрицал и перед самой казнью свою виновность во вмененном ему преступлении, но принял казнь как справедливое возмездие за другое злодеяние, совершенное в более раннее время, когда он погубил чародейством префекта претория Феодора.[789]

Положение государственного казначейства в начале правления Юстина было очень тяжко. Это засвидетельствовал сам Юстин в указе о сложении недоимок по поводу начала нового правления. Срок, с которого они были объявлены не подлежащими взысканию, восходил к 8 году предшествующего индикта, т. е. 560. Чтобы возвысить в глазах подданных значение этой льготы, император свидетельствует о крайней скудости средств государственного казначейства и большой его задолженности, а также о полном расстройстве военных сил государства.[790]

Феофан в своей хронике под 566 годом сохранил свидетельство о властном вмешательстве императрицы в кредитные дела того времени в столице империи. Призвав во дворец всех менял и ростовщиков, София потребовала от них выдачи всех векселей и залогов и возвратила их по принадлежности должникам. За эти дела она заслужила себе, по словам летописца, большую хвалу во всем городе.[791] Были ли при этом удовлетворены кредиторы и из каких источников, об этом ничего не сказал Феофан, и самый факт остается, таким образом, весьма неясным. Задолженность частных лиц высокого положения привлекала к себе внимание высшей власти и в прежнее время, как бывало при Анастасии, когда император брал иногда на себя эти долги.

Закоренелое зло имперской администрации — покупка постов правителя провинции, с которым лишь на словах боролся Юстиниан, держалось все время его правления и прочно вошло в современные нравы. Указ Юстина от 569 года о полной отмене всяких поборов при назначении на должность правителя не возымел действия, как и указы его предшественника. Жалобы из провинций на злоупотребления правителей, назначаемых от двора, побудили императора придумать новый способ назначения: рекомендация кандидата епископом и знатнейшими гражданами. Вряд ли, однако, эта попытка изменить старые условия вошла в силу, так как рекомендуемый кандидат должен был внести залог и поручиться за исправное поступление податей в полной сумме положенного канона.[792] Преемник Юстина Тиверий в своем указе, изданном еще при жизни Юстина, заявлял о бедствиях, которые терпит население вследствие продажи постов правителей,[793] а в одной позднейшей обработке истории Византии, у Никифора Каллиста, сохранилась заметка, что это зло с особенной силой действовало при Юстине и распространилось при нем также на церковные посты.[794]

РАЗГРОМ ЦАРСТВА ГЕПИДОВ. УТВЕРЖДЕНИЕ АВАРОВ В ПРИДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ. ЛАНГОБАРДЫ В ИТАЛИИ. ДЕЛА В АФРИКЕ И ИСПАНИИ

В первый год правления Юстину пришлось вмешаться в старый спор двух германских народов, состоявших в союзе с империей, лангобардов и гепидов. К прежним причинам вражды между ними присоединилось новое обстоятельство. Преемник Авдуина, Альбоин, влюбился в дочь царя гепидов Кунимунда, Розамунду, и похитил ее. Это оскорбление имело своим последствием войну, в которой победа досталась лангобардам. Разбитый Кунимунд обратился к императору с просьбой о помощи и давал обещание за поддержку в предстоявшей войне отказаться от земель во Второй Паннонии с городом Сирмием. Юстин принял предложение Кунимунда, и Бадуарий, зять императора, собрал войска в Скифии и Мезии, чтобы идти на помощь гепидам. Альбоин, предупреждая вмешательство имперских войск, искал примирения с Кунимундом, посылал ему щедрые дары и давал обещание сделать Розамунду своей женой.[795] Но его старания были тщетны, война началась, и счастье битвы оказалось на этот раз на стороне гепидов. Лангобарды понесли тяжкое поражение, и поле битвы осталось за гепидами. Своего обещания относительно Сирмия Кунимунд не исполнил.

Желая отомстить за поражение, Альбоин искал союзников и обратился с просьбой о помощи к аварскому

---

[788] Агафий знал о гибели Юстина и видел в ней праведную кару гнева Божия за те неправды, которые он допускал в отношении лазов — 4, 22. Он поминает о его заслугах на Дунае в успешной борьбе с варварами. О его смерти Агафий надеялся сказать в описании событий соответственного года, но дошедшее до нас его сочинение не идет дальше описания гуннского нашествия 559 года.

[789] *Evagr.* 5, 2—3. — Иоанн Бикларийский *(Chr. min.* II 212) поместил оба события во второй год правления Юстина. — Феофан—*Chronog.* 242, 9 — казнь Эферия и Аддея отнес ко времени раньше консульства Юстина, а гибель Юстина в Египте к 570 году. — Поэт Корипп составил свое описание консульства Юстина, очевидно, тогда, когда уже было известно о печальной судьбе его одноименника, выставляя это убийство как бы заветом Юстиниана. В речи умирающего императора к Каллинику с поручением устроить возведение на трон Юстина, сына Вигилянции, есть такие слова:

...Erit unius utile multis
Exitium, cessantque doli, dum poena timetur (IV 361).

[790] *Novellae just.* 148, praef. (*Zachariae,* Jus graeco — romanum, 3, p. 3—5).

[791] *Theoph.* 242, 22—27.

[792] *Zachariae von Lingenthal,* Jus gr.—rom. III, Nov. Jus. V.

[793] Ib. Nov. IX (от 574 г.), p. 19.

[794] *Nicephor. Call.* 17, 33.

[795] *Theoph. Sim.* 6, 10, 8—15.—Павел Диакон ничего не знает о похищении Розамунды.

хану. Около этого времени Баян вторгся в удел франкской державы, доставшийся Сигиберту после смерти Лотаря. Авары внесли страшное разорение в Тюрингию, и Сигиберт после неудачных попыток сопротивления заключил союз с ханом и склонил его к отступлению щедрой выдачей провианта его орде.[796] Альбоин отправил послов к хану с предложением заключить союз для войны с гепидами, и союз был заключен на следующих условиях: лангобарды, в случае победы над гепидами, должны выдать аварам четвертую часть своего скота, вся земля гепидов и половина добычи от войны переходят в собственность хана. Кунимунд, не сдержавший своих обещаний, которые он давал императору, вновь просил о помощи; но Юстин решил остаться свидетелем предстоящей борьбы и затягивал отправку войск заявлением, что они рассеяны в разных местах и не могут быть скоро собраны в поход. Со своей стороны лангобарды также просили императора оказать им содействие, но успеха в своем ходатайстве не имели.[797] В тщетной надежде на помощь императора Кунимунд готовился к войне; но когда он выступил против лангобардов, в его землю вторглись авары. Битва с лангобардами была очень упорна и кровопролитна и окончилась полным разгромом гепидов, авары докончили дело, и с тех пор гепиды перестали существовать как самостоятельное царство. Кунимунд пал в битве, и Альбоин сделал из его черепа чашу для вина на своих пирах.[798] Командиры задунайских областей следили за ходом событий. Арианский епископ Тразарик и племянник Кунимунда Рептилон спасли царские сокровища Кунимунда и доставили их в Константинополь.[799] Город Сирмий был занят римскими войсками и стал опять служить свою старую службу пограничного опорного пункта империи. Так как гепиды с давних пор находились в сношениях с двором, то многие члены их знати нашли приют в столице вместе со своими людьми, остальные попали в зависимость от лангобардов и аваров,[800] и от позднейшего времени есть свидетельства об их поселках среди славян и аваров. — Разгром царства гепидов и политическая смерть этого народа относится к 567 году.

Водворение аваров в землях, которые раньше занимали гепиды, явилось тяжкой угрозой для империи. Так как гепиды владели Сирмием, который теперь отошел к империи, то хан Баян заявил свои претензии на этот город. Для переговоров по возбужденному вопросу Юстин отправил к хану толмача Виталиана с другим уполномоченным лицом по имени Комита. Но Баян вместо переговоров заточил посланных императора, сделал вторжение в отошедшую к империи область и осадил Сирмий. На свидании с начальником гарнизона в Сирмии, Боном, хан жаловался на обиды со стороны императора, требовал выдачи бежавшего в Константинополь гепида Устибада и за отступление от Сирмия желал получить денежный выкуп, серебряную чашу и шелковый плащ. Получив отказ, он послал десять тысяч кутургуров на грабеж Далмации, а сам, переправившись через Дунай, ушел на свои стоянки. Вскоре затем он задумал отправить посольство к императору для переговоров и потребовал у Виталиана денег за прекращение военных действий на время переговоров. Префект Иллирика прислал 800 солидов, и хан удовольствовался этой суммой. Исправление посольства Баян поручил Таргитаю. Вместе с Таргитаем отправился и Виталиан, отпущенный ханом. Ссылаясь на то, что авары покорили утургуров и кутургуров, хан потребовал уплаты денежной дани в той сумме, какую получали вместе оба эти народа, а как покоритель гепидов, заявлял свои права на город Сирмий и требовал выдачи Устибада. Юстин отверг эти требования, грозил войной и заявлял о своем праве требовать от хана тех гепидов, которые, состоя в союзе с империей, оказались под его властью.[801] Баян вновь предъявил свои требования через того же Таргитая, но Юстин не уступал и для выяснения отношений на месте обещал прислать Тиверия, снабдив его широкими полномочиями.[802] В этих переговорах прошло два года. Хан опять подступил к Сирмию, но Бону удалось отстоять город и отразить нашествие.[803] В переговорах Тиверия с уполномоченными хана речь шла о признании со стороны императора аваров законными обладателями занятых ими земель на условии выдачи заложников. По мнению Тиверия, заложники из знатных аварских семейств в достаточной степени гарантировали мир; но Юстин настаивал на том, чтобы хан отдал своих детей. Так как хан на это не согласился, то Юстин приказал Тиверию начать военные действия против аваров. Исход войны не оправдал смелых надежд Юстина. Тиверий потерпел тяжкое поражение и едва избег гибели.[804] Одержав блистательную победу, хан отправил посольство к императору, а Тиверий послал от себя таксиарха[805] Дамиана с точным отчетом о происшедшем. Мир был заключен на унизительном для империи условии: уплаты 80 тысяч солидов ежегодной дани. Событие относится к 570 году.[806] Сирмий остался за империей, и хан мирился с этим в течение десяти лет. В это время он был, повидимому, занят утверждением своей власти над славянскими племенами к северу и востоку от той территории, где были главные становища аваров в степных пространствах теперешней Венгрии.

Соседство с аварами оказалось весьма тяжким для лангобардов, и у Альбоина созрел план искать в Италии более удобного местожительства, чем какое представляла Паннония. Первое знакомство с Италией лангобарды сделали в походе 552 года в армии Нарзеса. План переселения созрел быстро. Не чувствуя себя достаточно сильным для захвата новой страны, Альбоин искал союзников, и к нему присоединилось 20 тысяч саксов, живших по соседству в Норике. Кроме саксов к нему примкнуло много болгар, славян, свевов, туземцев из Паннонии и Норика, а также и гепидов из тех, которые подпали под власть лангобардов после роковой битвы 567 года.[807] За

---

[796] *Greg. Turón.* 6, 22; 29; *Menandri* frg. 23; *Paul. diac.* 4, 10.
[797] *Menandri* frg. 24—25.
[798] *Paul. diac.* 1, 27, p. 69. — Павел отмечает, что чаша (patera) называлась по-лангобардски scela. Он видел этот кубок (1, 28).
[799] *Johan. Bicl.* s. a. 572 (Chr. min II 212).
[800] *Paul. diac.* 1, 27. Sed universi, qui superesse bello poterant, aut Langobardis subiecti sunt, aut usque hodie Hunnis eorum patriara possidentibus duro imperio subiecti gemunt.
[801] *Menandri* fra. 28.
[802] Ib. 29.
[803] Ib. 31.
[804] *Evagr.* 5, 11.
[805] Т. е. командира пехотного полка.
[806] *Menandri* frg. 35; *Evagr.* 5, 11; *Theoph.an.* 247 (событие помянуто под 573 годом, когда была взята Дара).
[807] *Paul, diac.* 2, 36: Certum est autem tunc Alboin multos secum ex diversis quas vel alii vel ipse ceperat gentibus ad Italiani adduxisse. Unde usque hodie eorum in quibus habitant vicos Gepidos, Vulgares, Sarmatas, Pannonios, Suavos,

зиму были сделаны приготовления, и 2 апреля 568 года, на второй день Пасхи, Альбоин двинулся в путь со своим народом и присоединившимися к нему союзниками. Путь для собравшихся полчищ лежал через проход, носящий в настоящее время имя Forli-Pass. Свою землю лангобарды предоставили аварам, обеспечив договором возвращение ее назад в случае, если бы им не удалось устроиться на новом месте.

Ближайшая провинция Италии была Венеция, обнимавшая поморье и область до реки Адды на юго-западе; укрепление Форум Юлия (Forum Iulii) являлось пограничным пунктом. Овладев им без сопротивления, Альбоин предоставил его своему племяннику Гизульфу, имевшему звание конюшего (marpalis) при царе. Под его начальство было поставлено известное число родов (farae), которые и поселились в этой области. Ему оставлена была также часть табунов, которые гнали с собою лангобарды. Двигаясь беспрепятственно дальше и не покушаясь на приморские города, Альбоин захватил Виченцию, Верону и другие города Венеции, кроме Патавии и Мантуи. Епископ Тарвизия Феликс сдал Альбоину свой город, выговорив неприкосновенность церковных имуществ, на что и получил от царя хартию.[808] Легкость, с какой лангобарды утверждали свою власть в стране, объясняется отчасти тем страшным ослаблением населения, которое было последствием чумы, незадолго перед тем посетившей северную Италию, о чем сохранил свидетельство Павел Диакон. Овладев большей частью провинции Венеции, Альбоин перешел в сентябре 569 года границу Лигурии и стал подчинять себе города этой области. 3 октября ему открыл свои ворота Медиолан. Под властью императора осталось побережье, отстаивал себя и город Тицин (Павия). Его осада затянулась на три года. Вступив в него, Альбоин пощадил население и основал здесь свою столицу. За то время, пока шла осада Тицина, отдельные отряды лангобардов проходили на юг, захватывали города в Тусции, овладели Сполетием и, пройдя в Самний, утвердились в Беневенте.[809] Так в короткое время значительная часть Италии была отторгнута из-под власти императора.

Беспомощность, проявленная императорским правительством в отношении лангобардов, послужила поводом к возникновению слухов о предательстве со стороны того заслуженного деятеля, который закончил войну с готами и очистил Италию от франков с аламаннами. Эти злые толки сложились в последовательный рассказ, занесенный Павлом Диаконом в его «Историю лангобардов». — Разделявший общий порок евнухов, корыстолюбие, Нарзес скопил себе огромные сокровища, вызывавшие всеобщую зависть, и жалобы на его корыстолюбие неслись в Константинополь. Император послал ему приказ вернуться в столицу и отправил в Италию на смену ему Лонгина. Императрица София со своей стороны прибавила к отставке оскорбление, заявив, что она поставит Нарзеса надсмотрщиком за пряжей, занятием своих рабынь в гинекее. В ответ на оскорбление Нарзес пригрозил, что он поднесет царице такую прялку, с которою она не справится за всю свою жизнь, и перед отъездом из Рима в Неаполь отправил Альбоину приглашение вступить в Италию и завладеть ею. Посланные Нарзеса привезли ему в подарок великолепные яблоки и другие образцы произрастающих в Италии плодов и овощей. Альбоин с радостью принял приглашение и стал собираться в поход.[810]

Этот рассказ не заслуживает никакого доверия в смысле исторического свидетельства. Какие мотивы вызвали отозвание Нарзеса и замену его другим лицом, об этом не сохранило свидетельств историческое предание. Быть может, главной причиной был преклонный возраст, которого достиг Нарзес. Повинуясь приказанию императора, Нарзес покинул Рим и собирался в морское путешествие из Неаполя. Но когда в Рим пришло известие о нашествии лангобардов, папа немедленно поспешил к Нарзесу с просьбой вернуться ввиду грозной опасности с севера. Нарзес уступил настояниям папы, вернулся в Рим и занялся приготовлением к отпору; но среди этих забот скончался. Прах его в свинцовом гробу и принадлежащие ему сокровища были отосланы в Константинополь. Проживавший в столице империи Иоанн Эфесский описал в своей истории торжественную встречу праха Нарзеса, в которой принял участие сам император, и помянул о том, что останки Нарзеса были водворены на вечное упокоение в созданном им монастыре в Вифинии. Нарзес основал его еще до похода в Италию и намеревался окончить в нем свою жизнь. В окрестных местностях он скупил много земель и щедро обставил свой монастырь.[811]

Преемник Нарзеса в управлении Италией, Лонгин, основал свою резиденцию в Равенне, которая с тех пор стала центром императорской власти в стране. Явившись в Италию без войска, Лонгин оказался безучастным свидетелем совершавшегося на его глазах утверждения лангобардов на севере страны в ближайшем соседстве с Равенной и проникновения варваров за Апеннины. Это бездействие продолжалось в течение пяти лет и прервано было романтическим эпизодом, героиней которого была Розамунда, дочь царя гепидов. — Альбоин был женат на дочери Лотаря, царя франков, Хлотсвинте. Когда Хлотсвинта умерла, он женился на похищенной им Розамунде. На одном пиру в Вероне, когда вино подняло общее настроение пировавших, Альбоин пил из чаши, сделанной из черепа Кунимунда, и заставил выпить из нее и свою жену. Оскорбленная этим издевательством Розамунда устроила заговор на его жизнь с его молочным братом Гельмехисом, который состоял в числе его оруженосцев. Не покушаясь сам на борьбу с Альбоином, Гельмехис указал Розамунде на знаменитого силача по имени Передео. Но тот не хотел идти на преступление, и Розамунда вынудила его к тому ценою своего целомудрия. Удалив заранее из спальни супруга всякое оружие, кроме меча, висевшего над ложем, который она крепко подвязала, Розамунда ввела ночью убийцу, и тот покончил с безоружным врагом, долго отбивавшимся от него скамьей.

Надежда Гельмехиса самому сделаться царем не оправдалась, и ему пришлось спасаться бегством от мести соплеменников. Розамунда просила Лонгина прислать корабль и вместе с Гельмехисом, который стал ее супругом, и дочерью Альбоина, Альбсвинтой, бежала в Равенну, захватив с собою царские сокровища. Лонгин склонил Розамунду на новое злодеяние. Он предложил ей выйти за него замуж и для этого отравить Гельмехиса.

Norìcos sive aliis huiuscemodi nominum appellamus.

[808] *Paul. diac.* 2, 12.

[809] Ib. 2, 14; 25—27.

[810] *Paul. diac.* 2, 5, p. 75.

[811] *Johan.Ephes*. 1, 39, p. 37.

Однажды, когда Гельмехис выходил из бани, Розамунда подала ему кубок с ядом. По первым глоткам он понял, что это яд, и, обнажив меч, заставил Розамунду допить то, что оставалось в кубке. Так погибли оба убийцы Альбоина. Лонгин отослал в Константинополь Альбсвинту с сокровищами Альбоина к императору. Прославленный силач Передео, убийца Альбоина, также попал в Константинополь, и с его именем связалась легенда, сближавшая его судьбу с библейским Самсоном.[812]

По смерти Альбоина лангобарды избрали царем Клефа, но его правление продолжалось только полтора года. Клеф жестоко обращался со знатными соплеменниками, многих казнил, других изгнал и сам был убит своим оруженосцем. После смерти Клефа лангобарды не избрали себе нового царя и в течение десяти лет обходились без царской власти. Герцоги устраивали себе самостоятельные владения в областях отдельных городов, перешедших под власть лангобардов. Павел Диакон сохранил имена герцогов Тицина, Бергама, Бриксии, Триента и Форума Юлия. Кроме них было много других самостоятельных владельцев, разделивших области, завоеванные Альбоином, и отдельные герцоги распространяли господство лангобардов на новые территории. То было время тяжких бедствий для туземных землевладельцев. Лангобарды отнимали от крупных собственников треть их земельных владений, а мелких обращали в своих данников. Тяжкие бедствия туземцев осложнялись и тем, что лангобарды были ариане, а поэтому не щадили церквей и церковных имуществ.[813]

Около того времени, когда был убит Клеф, Юстин снарядил экспедицию против лангобардов. Во главе военных сил был поставлен зять императора Бадуарий. Византийские источники не сохранили свидетельств об этом событии, и наши сведения о нем исчерпываются краткой заметкой испанца Иоанна Бикларийского, который записал в своей хронике под 573 годом: «Зять Юстина, Бадуарий, терпит поражение в битве с лангобардами в Италии и вскоре затем кончает свою жизнь».[814] Одновременно с тем началась война на восточной границе империи, и византийский двор надолго остался безучастным свидетелем сокращения владений империи в Италии и бедствий итальянского населения.

Провинция Африка, в которую по традиции вандальских времен были включены острова Сардиния и Корсика, удостоилась в начале правления Юстина особых забот правительства. Поэт Корипп в панегирике Анастасию по случаю назначения его на пост квестора, воздает хвалу его заботам о благоденствии своей родины.[815] Вновь назначенный гражданский правитель Фома прилагал живые заботы к усилению охраны страны, воздвигал новые укрепления, и свидетельство об этих его заботах сохранили надписи.[816] Племена гарамантов в Феццане и маккуритов в Мавритании приняли христианство и тем самым вступили под более тесное воздействие культуры.[817] В новеллах Юстина того времени видна живая забота об интересах подданных и желание исправить упущения прежнего времени. Но вскоре наступившие тяжкие бедствия положили конец осуществлению надежд, которые выражены в красноречивых стихах Кориппа, и о жизни Африки мы имеем самые скудные известия в виде записей испанского летописца. В 569 году пал в борьбе с маврами префект Африки Феодор, в 570 году разбит маврами и пал в бою магистр армии Феоктист, в 571 — магистр армии Амабилис. Их общий победитель, царь мавров Гармул, невозбранно сохранял свою независимость до 578 года. Краткость летописных заметок не позволяет судить о размере бедствий, постигших Африку. Расстройство военной силы империи сказалось в этих тяжких ударах славе римского оружия. От нашествий мавров и неудачных войн с ними страдало земледельческое население, и это отражалось самым ощутительным образом на доходах фиска. Изыскивая способы помочь землевладельцам, император вел закрепощение земледельческого населения дальше, чем делал это Юстиниан. В указе 570 года Юстин повелевал, чтобы потомство от брака между лицом, приписанным к хозяйству (adscriptitius), и свободной женщиной, сохраняя права на личную собственность, оставалось в положении колона и не могло покинуть тягла, к которому был привязан отец.[818]

Во время правления Юстина империя понесла тяжкие утраты в Испании, где при Юстиниане власть императора была восстановлена в целом ряде приморских городов. Вестготский царь Леовегильд старался воротить их под свою власть. В 570 году он опустошил области городов Малаки и Бастеты; в 571 захватил при помощи одного предателя город Асидону и перебил много граждан; в 572 году отвоевал Кордубу с окрестными поселениями.[819] Так при Юстине умалялось достояние империи в этой латинской стране.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ С ПЕРСАМИ И ТУРКАМИ. ПОКОРЕНИЕ ХОСРОВОМ ЮЖНОЙ АРАВИИ. ВОССТАНИЕ В ПЕРСИДСКОЙ АРМЕНИИ. ВОИНА С ПЕРСАМИ И ВЗЯТИЕ ДАРЫ ХОСРОВОМ. БОЛЕЗНЬ ЮСТИНА

Юстиниан оставил своему преемнику империю в мире с исконным ее врагом, персидской державой, и обеспечил этот мир на 50 лет вперед по договору, вступившему в действие с 562 года. Мир был обусловлен уплатой ежегодной дани под видом возмещения расходов, которые несла Персия на общую пользу обоих государств по охране кавказских проходов. Юстин не одобрял политики своего дяди и тяготился обязательством, которое принял Юстиниан. Неудовольствия между византийским и персидским дворами начались с первого года правления Юстина.

По установившимся обычаям международных отношений, Юстин отправил к Хосрову посольство с извещением о своем вступлении на царство и исправление этого посольства поручил Иоанну Коменциолу. Кроме официальной части поручения, посол должен был сделать попытку достигнуть разрешения вопроса о положении Свании, которая оставалась под властью персидского царя. Попытка не удалась и встретила

---

[812] *Paul. diac.* 2, 28—30.
[813] Ib. 2, 32.
[814] *Johan. Bicl.* s. a. (Chr. min. II 214).
[815] О том же Анастасии сохранился совсем другой отзыв современника Иоанна Эфесского (2, 29), окрашенный, впрочем, разномыслием на почве религии.
[816] *C. I. L.* 8, 2434.
[817] *Johan. Bicl.* ib.
[818] Jus g-r. III. Novellae, p. 13—14.
[819] *Johan. Bicl.* s. a. (*Chr. min.* II 212; 213).

контрманевр со стороны персидских дипломатов. Они поставили вопрос об обиде арабов, интересы которых не были приняты в соображение в договоре, заключенном Петром Магистром.[820] Юстин был очень недоволен неудачей, постигшей его посла, и когда получено было предварительное сообщение о предстоящем приезде в Константинополь ответного посольства, которое было поручено Издигуне, то от имени Иоанна Коменциола было послано письмо через магистриана Тимофея с целью отклонить приезд посла. Посланный застал Издигуну уже на пути, в Низибисе, где тот сделал остановку по болезни. Болезнь оказалась смертельной. Хосров поручил исполнение посольства Мебоду, сыну Сурены. В большой его свите находилось посольство от арабов в количестве 40 человек. Юстин отклонил обсуждение вопроса о Свании и отказался принять посольство арабов. На усиленные настояния Мебода он согласился принять лишь главу арабского посольства. Арабы обиделись и отказались от приема. Преемник Аламундара Амр отомстил за обиду тем, что приказал своему брату Кабусу сделать набег на римских арабов.[821]

При заключении мира Юстиниан уплатил вперед за семь лет и выдал письменное ручательство в единовременной уплате денег за три года. Так как мир с Персией продержался десять лет, то, очевидно, деньги были заплачены в 569 году, хотя в наших источниках нет прямого упоминания об этом.[822]

Одновременно с тем, как утверждение аваров в придунайских областях вызвало большие тревоги и затруднения для византийского двора, политический горизонт империи расширился на дальнем востоке. — Турки, разгромив державу ефталитов, оказались в обладании Согдианы с ее промышленным населением и караванными путями с востока. Население Согдианы было знакомо с производством шелка, и турецкий хан, по совету местных людей, отправил посольство в Персию с просьбою разрешить согдаитам свободную продажу этого продукта в пределах Персии. Хосров купил привезенный товар и сжег его на глазах посольства. Узнав об этом, хан отправил новое посольство с тем же поручением. Не желая делиться выгодами от торговли шелком с турками, Хосров приказал отравить послов и, сообщая хану об их смерти, объяснял это воздействием жаркого климата Персии на людей другого края, привычных к холодам и снежным зимам. По сообщению Менандра, хан узнал об истинной причине смерти своих послов, и дружественные прежде отношения между Персией и турками сменились враждебными. Бывалый человек из согдаитов, Маниах, подал хану мысль искать другой рынок для шелка, где этот продукт имел широкое применение, и посоветовал отправить посольство к императору в Константинополь. Хан снарядил посольство и отправил Маниаха к императору с письмом, написанным «скифскими письменами»,[823] и большим количеством шелка. После долгого путешествия посольство прибыло через степи к Кавказским горам, при содействии алан совершило переход через горные проходы и благополучно явилось в Константинополь. Император принял послов хана весьма благосклонно. Ведомство международных сношений, состоявшее при магистре оффиций, постаралось разузнать от них о состоянии державы турок, и послы сообщили, что царство разделено на четыре области (ἡγεμονίαι) и верховная власть принадлежит хану Сильзибулу.[824] На вопрос о численности аварской орды, бежавшей от турок, послы сообщили, что бежало около 20 тысяч. Естественно предположить, что разумелось число кибиток, как считают себя и поныне кочевые населения турецкой расы. После обсуждения разных вопросов, было решено заключить союз с новым далеким владыкой, и договор был скреплен клятвами с обеих сторон.[825] Послы хана с удивлением видели культуру шелковичных червей в Константинополе, которая возникла при Юстиниане.[826]

Для скрепления новых отношений Юстин распорядился отправить ответное посольство и поручил его исправление комиту Востока Зимарху, киликийцу по происхождению. Снаряжение посольства в столь отдаленные земли требовало больших приготовлений, и в августе 569 года Зимарх вместе с Маниахом покинули столицу. Хосров, осведомленный о сношениях турецкого хана с императором, отнесся к этому с большим неудовольствием и старался воздействовать деньгами на царя алан Саросия, чтобы он захватил посольство во время перехода через его землю и перебил всех его членов. Но Зимарх благополучно прошел через Кавказ. Совершив большой путь через неведомые страны, Зимарх дошел до места стоянки хана на Золотой горе, Эктаг,[827] как записал имя места Менандр. Далекий посол был допущен к хану после разных обрядов окуривания и прохождения через огонь.[828] Прием состоялся в роскошной палатке, украшенной шелками разных цветов; хан сидел на троне с двумя колесами и для перемены места впрягали одну лошадь, которая перевозила трон вместе с ханом. После обмена приветствий хан пригласил Зимарха к своему столу и за обедом вместо вина подавали особый напиток (βαρβαρικόν γλεῦκος). На следующий день прием состоялся в другой ставке, украшенной также шелками. В ней были различные фигуры идолов. Хан возлежал на золотом ложе, а посредине ставки стояла золотая бочка для воды и золотые чаши для питья. Хан вновь угостил посла обедом. На третий день посол был принят в третьей палатке, где были деревянные столбы, обитые золотыми пластинами, и золотая кровать, ножки которой заменяли четыре золотых павлина. У входа в ставку стояла кибитка, наполненная золотой и серебряной посудой, тонкой и весьма искусной работы, ничем не отличавшейся от современных византийских изделий, как записал об этом Менандр со слов Зимарха.

---

[820] *Menandri* frg. 15—16.
[821] Ib. 17. — В эту пору был еще жив Арефа, сын Габалы, имевший титул патриция. Но Менандр называет царем римских арабов Мундара, сына Арефы. *NÖldecke*, Gassan. p. 23, — высказывает предположение, что Мундар еще при жизни отца принял власть в свои руки.
[822] Ib. 36, p. 238.
[823] Теперь, когда стали достоянием науки Орхонские надписи, мы можем догадываться, какое это было письмо.
[824] По-видимому, следует предпочесть форму Сильзибул, как Менандр называет великого хана в отрывке 10-м, другой — Дизабул, как он называет его в дальнейших упоминаниях.
[825] *Menandri* frg. 18.
[826] *Theoph. Byz.* c. 3, p. 270 м.
[827] Менандр дает две формы имени местности, где была резиденция великого хана: Эктаг — и Эктель — гора, и поясняет, что это значит Золотая гора. Но имя Ak-tag значит Белая гора. Общепринято в науке мнение, что резиденция ханов была на Алтае, Алтын-даг, т. е. Золотая гора. *Chavannes*, p. 236, дает другую локализацию и помещает столицу хана в долине Юльдуз в бассейне реки Или к северу от города Куча.
[828] Так было и в XIII веке. *Плано-Карпини*, Ист. Монг. 9, 10.

Хан собирался в поход на Персию и пригласил сопутствовать Зимарха с 20 людьми его свиты. Остальных он отпустил, сделав им подарки. Они отправились в землю холиатов и там должны были ожидать Зимарха. На пути похода в местности Талас (Τάλας)[829] хана встретило персидское посольство. Хан принял посла и пригласил его к своему столу, отведя Зимарху более почетное место. В противоположность персидскому этикету царского стола, где обед проходил в молчании, как то знали римляне, хан сам много говорил, высказывая разные свои обиды на Хосрова, и упрекал персов. Посол ему возражал и позволял себе резкие выражения, которые переводили Зимарху его толмачи. Отпустив персидское посольство, хан продолжал свой поход и вскоре отпустил Зимарха к ожидавшим его спутникам. Вместе с ним он снарядил новое посольство к императору, и так как Маниаха уже не было в живых, то поручил исправление посольства Тагману, имевшему звание тархана. Сын Маниаха был назначен вторым после Тагмана членом посольства. Из главного города холиатов Зимарх отправился на запад и, пройдя через реку Оих (Яксарт, Сыр-Дарья), дошел до области больших болот (Аральское море?). Отсюда он послал одного из своих людей, Георгия, с 12 турками через пустыню более кратким путем, а сам с остальной своей свитой и турками направился по степным местам на запад. После переправы через реку Даих (Яик, Урал) Зимарх прошел на реку Атель (Волга) и вступил в земли, занятые кочевьями уйгуров (Οὐγοῦροι), подвластных великому хану. От них Зимарх узнал, что четыре тысячи персов высланы Хосровом с целью захватить посольство.[830] Запасшись водою для прохода через безводные пустыни, послы прошли в болотные местности, «где кончается, смешиваясь с ними, река Кофен». Предпринятые разведки не подтвердили сведений о присутствии персов на пути, и посольство с большими предосторожностями прошло в землю алан.[831]

Саросий встретил с почетом Зимарха, но потребовал от сопровождавших его турок выдачи оружия. Три дня шли препирательства; наконец, Зимарху удалось убедить турок подчиниться требованию Саросия. Зимарх узнал, что персы поджидают его в Свании, и направил по обычной дороге через землю мисимиан десять вьючных лошадей, нагруженных шелком, — подарок хана, а сам с турками и остальной частью обоза направился через Апсилию (дорога названа именем Δαρεινή), оставив по левую сторону область мисимиан, и в порте Роготорий сел на суда.[832] Заехав по пути в Фазид, он переправился затем в Трапезунт, откуда благополучно вернулся в Константинополь.[833]

Так, одновременно с началом дружественных сношений между турками и империей началась у них вражда с персами. Поход хана, предпринятый, очевидно, в направлении Гурджана (область на юго-восточной оконечности Каспийского моря), был для турок удачен. Хан жестоко разгромил Персию.[834] У Феофилакта Симокатты в рассказе о позднейших событиях есть упоминание о том, что персы платили турецкому владыке четыре тысячи фунтов золота в год.[835] Вероятно, эта дань была результатом этого похода турок. Позднейший арабский писатель, Табари, сохранил рассказ о гордых требованиях турецкого владыки и его походе, предпринятом с огромной армией в 110 тысяч человек в направлении кавказских проходов. Так как Хосров был уверен в надежной охране своих границ с этой стороны, то не исполнил требований хана, а этот последний, получив точные сведения о персидских укреплениях в проходах, не делал попытки проникнуть в Персию и вернулся назад в свои кочевья.[836] Это сообщение Табари следует сблизить со свидетельством Менандра о том, что в ту пору турки перешли на правый берег Волги, где их видел Зимарх на своем обратном пути к кавказским горам.

Хосров относился с большим опасением и неудовольствием к непосредственным сношениям императора с турецким владыкой. Отместкой императору с его стороны было подчинение своей власти христианского царства химьяритов в южной Аравии. Представителем державшейся там абиссинской (аксумитской) династии, поддерживавшей сношения с империей, был в ту пору Масрук, сын Авраама.[837] В среде туземной знати были люди, тяготившиеся властью иноплеменников. Один из них, по имени Сейф, покинув родину, попытался сначала вызвать неудовольствие императора против Масрука, а когда это оказалось тщетным, отправился к царю персидских арабов, Аламундару, чтобы при его посредстве вызвать вмешательство Хосрова. Вместе с Аламундаром он побывал у царя и своими рассказами о богатстве родного края вызвал у него желание овладеть им. Под начальством вождя Вариза была снаряжена морская экспедиция на южный берег Аравии. Незначительные силы персов были поддержаны туземцами, и в происшедшей битве пал царь Масрук. Царская власть над химьяритами была предоставлена Сейфу, но он был скоро убит пощаженными им абиссинцами. Хосров снарядил новый поход сухим путем и отправил четыре тысячи воинов под начальством того же Вариза. Абиссинцы были истреблены, и страна приведена в непосредственную зависимость от персидского царя с уплатой ему дани. Такое положение осталось в силе до времен Магомета.[838]

Подчинение христианского народа, поддерживавшего дружественные сношения с империей, было принято в Константинополе как прямая обида. Наличие нового союзника на далеком востоке, великого хана турок, который был во вражде с персами, поднимала настроение императора, и он верил в возможность не только прекратить унизительную для империи уплату ежегодной дани, но и сокрушить силу персидского царя. В

---

[829] Аулие-ата. *Бартольд,* Отчет о командировке в Средней Азии. *Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ.* VIII (1894), 343.

[830] С этим свидетельством о персидском отряде в 4 т. человек нельзя не сопоставить свидетельства Табари о том, что хан Синджибу узнал во время своих сборов на войну с персами, что на армянской границе стояло 5 т. персидского войска. *Tabari,* p. 160.

[831] *Menandri* frg. 20—21. По-видимому, имя Кофена (Кубани) дано Маныч.

[832] Менандр называет мисимиан миндимианами. Их область представляется лежащей к юго-западу от Свании. По-видимому, это та дорога, которая в настоящее время называется Военно-Сухумской. Имя Δαρεινή Клапрот в свое время сближал с Дариалом. Это, конечно, ошибка. Где искать Рогаторий, неизвестно, но, очевидно, к северу от Сухуми.

[833] Ib. frg. 22.

[834] Ib. frg. 32.

[835] *Theoph. Sim.* 3, 6, 10.

[836] *Nöldecke,* Tabari. 159—160. Над усилением крепостей в Дербентском проходе трудился Пероз, после него Кавад, а затем и Хосров. Укрепления воздвигали из камня, который ломали в Гурджане и возили морем.

[837] Это имя дает ему Табари. Феофан Византийский называет его Σανατοῦρκης.

[838] *Theoph. Byz.* c. 3, p. 171 u *Noldecke,* Tabari, p. 220—227; примечание бар. Ровена к переводу Дестуниса «Персидских войн» Прокопия, b. p. 1, 20, примеч. 14, стр. 281—283.

последний год оплаченного уже десятилетия мира с Персией случились неожиданные события в персидской Армении, которые привели отношения к полному разрыву и возобновлению войны на восточной границе империи.

Царь Хосров, чуждый вообще религиозной нетерпимости, близко знакомый с разными религиями, какие исповедовали подчиненные ему народы, задумал, по внушению магов, соорудить в столице персидской Армении, городе Двине (Δούβιος), храм огня.[839] Исполнение этого дела он поручил Сурене и послал его в Армению с двумя тысячами войска. Армянский патриарх употреблял все усилия отклонить Сурену от исполнения возложенного на него поручения и напоминал о печальных последствиях такой же попытки, сделанной царем Шапуром двести лет тому назад, когда дело окончилось тяжкой войной, длившейся семь лет. Сурена не внял этим настояниям и заложил храм. В Армении началось восстание, во главе которого стал Вардан Мимиконид.[840] Собрав большие силы, он пошел на Двин, взял этот город и разрушил начатый постройкой храм огня. Голову Сурены армяне отослали магистру армии Юстиниану, находившемуся тогда в Феодосиополе.

Патриарх и представители армянской знати решили обратиться к императору с просьбой принять их землю под свою верховную власть, и посольство с патриархом во главе явилось в Константинополь. Юстин отнесся к этому делу с большой горячностью. Члены посольства были щедро одарены и взысканы всякими милостями, персидская Армения была объявлена присоединенной к империи с освобождением от всяких податей на три года, и император принес публично клятву в том, что он приложит все старания отстоять Армению от персов. Это событие относится к 571 году.[841]

Между тем, Хосров, ввиду приближения срока платежа по истечении первого десятилетия мира, отправил в Константинополь своим послом знатного перса Себохта. Менандр сохранил свидетельство, что то был человек большого разума и высоких нравственных качеств. Юстин, мечтавший в то время о разгроме Персии при помощи турок, принял посла весьма высокомерно. Одно мелкое обстоятельство во время первого приема посольства, а именно то, что при первом земном поклоне посла с его головы свалилась тиара, было истолковано в смысле дурного предзнаменования для персов. Юстин гордо отказался платить Персии какую-либо дань и хотя посол не касался вопроса об Армении, как бы не зная о том, что произошло в этой стране, Юстин сам заявил, что он уже принял Армению под свою власть и не уступит этой христианской страны Хосрову. Себохт предостерегал императора от тяжких последствий возобновления войны между державами для местного христианского населения, но Юстин отверг его советы.[842]

Восстание в Армении разгоралось. В союз с армянами вступили иверы, также отпавшие от персов. Римские войска под начальством вождей Феодора и Курса вступили в Армению и прошли в Албанию (на нижнем течении реки Куры), чтобы завязать сношения с аланами и сабирами. Оба народа откликнулись на призыв императора и для скрепления союза выдали заложников.[843]

Скоро однако положение дел в Армении изменилось. Вардан справился с первой персидской армией, которая вступила в Армению, чтобы покарать страну за восстание. Но Хосров послал большие силы под начальством вождя из рода михранов, и Вардан бежал в Константинополь. Персы жестоко расправлялись с армянами за измену, а Юстин не располагал достаточными силами, чтобы оказать деятельную помощь стране, которую он так решительно принял под свою власть.[844]

Раньше чем началась война между империей и персами, шли кровавые столкновения между арабами, в которые не вмешивались обе державы. В 569 году умер после 40-летнего царствования Арефа, сын Габалы, царь римских арабов. Узнав об этом, персидские арабы сделали набег на кочевья своих соплеменников и угнали табуны их верблюдов. Мундар,[845] сын Арефы, собрал весь свой род и врасплох напал на арабов Кабуса. Кабус бежал с немногими, и оставил на произвол судьбы свои стоянки (570 г.). Мундар поселился в его становище, разыскивал его родных и старейшин, заключал их в оковы, уничтожал, что мог, предавал смерти воинов Кабуса и с большой добычей вернулся в свои стоянки. Кабус, собрав свои силы, пошел на Мундара. Но и на этот раз его постигла неудача. Его войско было разбито и рассеяно. Мундар известил о своих успехах Юстина и просил его прислать денег, чтобы наградить свое войско. Но Юстин принял это в обиду, возымел против него какие-то подозрения и сделал вскоре попытку устранить этого предприимчивого и казавшегося ему опасным шейха.[846]

Главнокомандующим на восточную границу был назначен родственник императора Маркиан. Он отправился на театр военных действий с весьма незначительными силами. Лето было уже на исходе, и он направил в соседнюю область Персии, Арзанену, трехтысячный отряд под начальством вождей Сергия, Феодора и дукса Халкиды Ювентина. Население было захвачено врасплох, римские войска, не встречая сопротивления, грабили и жгли имущество туземцев и с богатой добычей вернулись назад. Так прошел 572 год. К этому или началу следующего года относится одно событие, имевшее весьма тяжкие последствия. Юстин написал приказ на имя Маркиана, чтобы он вызвал к себе Мундара и убил его, а Мундару послал приглашение явиться к Маркиану. Случайно ли, или намеренно, письма были перепутаны и попали не по адресу. Мундар получил приказ, адресованный Маркиану. Опасаясь за свою жизнь, Мундар прекратил всякие сношения с двором, откочевал в

---

[839] О близком знакомстве Хосрова с христианством и непосредственном интересе к нему сохранил свидетельство Иоанн Эфесский, 6, 20 p. 247—248. На востоке ходило сказание, будто Хосров перед самой смертью принял крещение, втайне от магов. Его занесли в свои повествования Иоанн Эфесский и Себеос (стр. 30).
[840] *Theoph. Byz.* с. 3, p. 291 — названы два лица: Вардан и Вард.
[841] *Evagr.* 5, 7; *Johan. Ephes.* 2, 18—2, p. 2 60—64. Армянский историк Асохик сохранил не только имя вождя, но и точную дату события: взятие Двина Варданом произошло 30 марта 571 года.
[842] *Menandri* frg. 36.
[843] Ib. frg. 42.
[844] *Себеос,* История Иракла, перевод Патканова, отд. 3, гл. 2, стр. 30—31.
[845] Точная транскрипция имени Мундара и его титул сохранены в одной подписи (Vaddington, 2562 с.) Φλ(άβιος) Ἀλαμούνδαρος ὁ πανεύφημος πατρίκιος καί φύλαρχος. Имя Флавий носили императоры по фиктивному усыновлению в доме Константина Великого. Его принимали также и цари варваров, признанные в своем царском достоинстве императором: Феодорих остготский, Автарих лангобардский, Рекаред, царь вестготов.
[846] *Johan. Ephes.* 6, 4, p. 219—220.

глубь своих пустынь, воспретил под страхом смерти являться кому бы то ни было из пределов империи в его область и отстранял всякие попытки примирения. Это отъединение арабов от империи продолжалось в течение трех лет.[847]

Ранней весною 573 года Маркиан выступил из Дары и встретил персов под начальством Михрама близ укрепления Саргафа. Битва была неудачна для персов: они потеряли 1200 человек убитыми и 70 пленными; потеря римлян была 7 человек. После этой победы Маркиан подступил к укреплению Фебеф, но осада, длившаяся десять дней, была безуспешна, и он вернулся в Дару. Юстин требовал решительных действий, и Маркиан, отпраздновав Пасху, выступил опять в поход и направился к Нисибину. Его силы были далеко недостаточны для осады этой сильной крепости и, по сообщению Иоанна Эфесского, персы отнеслись к нему с презрением: при его приближении не закрыли даже ворот. Маркиан укрепил свой лагерь и принялся строить осадные машины.[848]

В начале того же года Хосров, собрав большое войско,[849] выступил из Ктесифона, переправился через Тигр и через пустыню прошел на реку Аборру (Хабур). Пользуясь тем, что глава римских арабов, Мундар, находившийся в раздоре с императором, откочевал в глубь своих пустынь и уклонился от всякого участия в войне, Хосров послал шеститысячный отряд под начальством Адармана на грабеж Сирии. Адарман переправился близ Киркезия через Евфрат и вторгся в римские земли. Слабые гарнизоны пограничных крепостей и укреплений прятались за стенами, а Адарман со своей легкой конницей грабил и разорял страну и дошел до самой Антиохии. Этот набег вызвал страшную панику среди населения столицы Востока. Бежали все кто мог; бежал и епископ Григорий, увезя с собою церковные сокровища.[850] Не покушаясь на взятие города, Адарман повернул назад, сжег город Гераклею (Гальгалика) и прошел с грабежом до Апамеи. Епископ и члены городской знати вышли ему навстречу, поднесли подарки и вступили в переговоры о сумме выкупа. Адарман обманом вступил в город, предал его огню, взял в плен жителей и быстро ушел с огромной добычей в персидские пределы.[851]

Хосров долго простоял на своей стоянке в крепости Амбаре, отстоявшей на пять дней пути к северу от Киркезия,[852] и двинулся на выручку Нисибина. Раньше чем он подошел, Нисибин оказался свободным от всякой опасности по вине Юстина. Заподозрив Маркиана в измене, Юстин прислал на смену ему другого главнокомандующего, Акакия,[853] сына Архелая.[854] Когда тот явился в армию под стенами Нисибина и предъявил Маркиану приказ передать ему командование, Маркиан просил его дать ему срок довести до конца осаду. Но Акакий, исполняя приказ Юстина отнять командование от Маркиана, «хотя бы он одной ногой стоял уже в Нисибине», применил насилие, снял с него пояс, т. е. осуществил его отставку, и оскорбил его публично ударом в лицо. Знамя Маркиана, как главнокомандующего, было снято с его палатки. Насильственные действия Акакия в отношении главнокомандующего и снятие знамени вызвали замешательство в лагере. Солдаты отказались подчиняться новому начальнику и стали собираться к отступлению. Гарнизон Нисибина, видевший со стены то, что происходило в римском лагере, сделал вылазку и ударил на врага. Началось беспорядочное бегство, во время которого наиболее пострадала пехота. Успевшие бежать заперлись в крепости Мардах и остались там вместе с начальником интендантской части Магном безучастными свидетелями всех последовавших затем тяжких для империи событий.[855]

Евагрий в кратком изложении этих событий рассказывает, что антиохийский патриарх Григорий вел в ту пору живые сношения с епископом Нисибина, который писал ему, что силы Маркиана совершенно недостаточные для того, чтобы взять такую сильную крепость, и предупредил о возможности печального исхода этого предприятия. Григорий сообщил об этом Юстину; но последний, со свойственным ему высокомерием, пренебрежительно отнесся к сообщению епископа и ограничился тем, что прислал нового главнокомандующего.[856]

Получив известие об освобождении Нисибина, Хосров подступил к Даре и, перевезя из-под Нисибина брошенные римлянами осадные орудия, обложил город. Начальниками гарнизона состояли Иоанн, сын Тимострата, и Сергий. Город был сильно укреплен и снабжен всем нужным для того, чтобы выдержать осаду. Один из вождей, Сергий, был вскоре убит, но население разделяло бодрое настроение гарнизона. Против самой большой башни городской стены, которая носила имя Геркулеса, Хосров поставил на высоком месте башню, с которой можно было видеть, что делается внутри крепости. Осада грозила затянуться, время шло к зиме. Хосров заболел и, желая поскорее покончить дело, предложил осажденным прислать кого- нибудь для переговоров. Был отправлен известный толмач по имени Комит. Хосров предложил городу откупиться от осады за пятьсот фунтов золота. Но уверенность в том, что крепость устоит, была так сильна и настроение гарнизона и жителей таково, что Комит побоялся огласить предложение царя. В ожидании ответа Хосров продолжал усиливать свою башню. Осада длилась более пяти месяцев. Настала зимняя стужа, и гарнизон, обманутый бездействием Хосрова, ослабил свою бдительность. Воины стали спускаться со стен, чтобы согреться и поспать. Зорко за всем наблюдавшие персы воспользовались этим, влезли в одном месте на стены и спустились в город. Когда раздались крики, что персы в городе, солдаты сбежались из своих помещений, и так как ключи от ворот были спрятаны у начальников и нельзя было бежать, то отчаяние удвоило силы. В течение семи дней шли на улицах побоища, и

---

[847] *Johan. Ephes.* 6, 2, p. 217—219.
[848] Ib. 6, 2, p. 217; *Johan. Epiphan.* c. 4; *Evagr.* 5, 8.
[849] *Theoph. Byz.* c. 4, p. 271 — утверждает, что у Хосрова было 40 тысяч конницы и 100 тысяч пехоты.
[850] *Evagr.* 5, 9.
[851] *Johan. Epiph.* c. 4; *Johan. Ephes.* 6, 6, p. 228.
[852] *Nöldecke,* Tabari, p. 57 n. 5.
[853] Феофан Византийский, в противоречии с другими источниками, дает другое имя вождю, посланному на смену Маркиана. Он называет его Феодором, сыном Юстиниана, по прозвищу Цирон, Τζίρων. *Theoph. Byz.* c. 4, p. 271 M.
[854] Вероятно, то был сын того Архелая, который действовал с Велизарием в Африке. — Иоанн Эфесский объясняет причину гнева Юстина тем, что Маркиан не казнил Мундара.
[855] *Johan. Ephes.* 6, 6, p. 228; *Theoph. Sim.* 3, 10; *Evagr.* 5, 9—10.
[856] *Evagr.* 5. 9.

персы пошли на хитрость, предложив солдатам прекратить битву и поделить добычу. Бой прекратился, но персы обманули римских солдат, и большинство из них перебили, а затем стали грабить город. Хосров приказал всем жителям выдать ему все свое ценное имущество и оказался обладателем ста или двухсот кентенариев золота, т. е. в 20 или 40 раз больше той суммы, за которую он соглашался снять осаду. Узнав, что его предложение не было передано населению, он приказал разыскать Комита и в наказание ослепил его. Спасшихся от истребления жителей Хосров увел в плен, поставил в Даре сильный гарнизон и с остальными войсками направился в Персию.[857] Пленники были уведены в крепость Забвения, куда персидский царь ссылал неугодных ему лиц, оставляя их там до самой смерти.[858] Так пала твердыня римской власти на восточной границе, созданная Анастасием после войны с царем Кавадом. Событие это относится к зиме 573—74 года.

Сирийские авторы сохранили рассказ о том, будто Хосров отобрал из пленных, взятых в Даре и Апамее, две тысячи девиц и, снабдив их роскошными одеждами, послал в подарок властителю турков. Два марзбана с отрядом войска назначены были сопровождать пленниц. Они должны были беречь их в пути, чтобы сделать достойный подарок великому хану. Но пленницы предпочли умереть и, не дойдя несколько парасангов до границы турецкой державы, все утопились в глубокой и быстрой реке во время купанья, которое разрешила им стража.[859]

Тяжкие неудачи, постигшие империю в Италии, на Дунае и на Востоке отозвались самым роковым образом на здоровье императора. Предававшийся разным излишествам и давно страдавший подагрой, всегда неровный в своем настроении и резко переходивший от высокомерия к трусости, Юстин совершал поступки, которые вызывали опасение психического заболевания. В летописи Феофана под 572 годом сохранилась запись об одном семейном скандале во дворце, происшедшем в октябре месяце. Рассердившись за что-то на своего зятя Бадуария, император приказал кубикулариям бить его и тащить в силенций. Императрица была очень встревожена этим диким поступком мужа и убедила его примириться с зятем. Так как тот по своим придворным обязанностям находился в дворцовой конюшне, то опомнившийся император отправился туда и стал искать обиженного и оскорбленного зятя. Бадуарий бегал от стойла к стойлу и прятался от императора. Наконец Юстин поймал его и стал просить прощения. Бадуарий пал к его ногам со слезами и, признавая за императором право карать своих подданных, считал однако его поступок с ним требующим извинения в присутствии сената, который был его свидетелем. Примирение состоялось, и Бадуарий обедал в тот день за императорским столом.[860]

Крушение гордых надежд, с которыми Юстин начинал войну с персами, в конец надломило его здоровье, и он стал впадать в периодическое безумие, к которому скоро присоединились и тяжкие внутренние болезни.[861] Императрица хотела удержать власть в своих руках. Бадуарий погиб в Италии, и ближайшим лицом к трону был комит экскувитов Тиверий, пользовавшийся с давнего времени личным расположением императрицы. Хосров облегчил положение тем, что прислал от себя в это время послом врача Якова с письмом, исполненным самых резких упреков императору. Письмо было прочитано в сенате в присутствии императрицы, от имени которой и был дан ответ. Извещая Хосрова о тяжком положении Юстина, София просила его прекратить военные действия до его выздоровления и напоминала ему о том, как при Юстиниане ездил к нему во время его болезни врач, к которому он имел доверие. Письмо царицы повез в качестве её посла придворный врач Захария, а вместе с письмом 45 тысяч золотых монет, как цену перемирия. Получив деньги, Хосров согласился на перемирие на годичный срок, но выговорил себе свободу действий в Армении.[862] Желание Софии управлять царством не было уважено, и по настоянию синклита она должна была разделить власть с другим лицом в звании кесаря, т. е. наследника. Выбор кесаря совершился в старой форме усыновления.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА. ЖИЗНЬ СТОЛИЦЫ

В ту пору, когда Юстин вступил на царство, церковь переживала тревогу, вызванную эдиктом Юстиниана о нетленности тела Христова. В Константинополь было собрано много епископов, вызванных из разных мест в целях склонить их к признанию учения, изложенного в эдикте. Юстин поспешил отпустить всех задержанных в их паствы и предал забвению самый эдикт.[863] Смена лица на троне императоров оживила надежды на возможность примирения старого раскола. Проживавший в Константинополе давно низложенный александрийский патриарх Феодосий явился к императору, был милостиво принят и слышал от него заверения в искреннем желании водворить мир в церкви. Сохранившие это сведение монофизитские источники утверждают, будто Юстин помышлял возвратить Феодосия на его кафедру в Александрию, но осуществлению этого намерения помешала смерть Феодосия, последовавшая в первый год нового правления. На торжественном погребении престарелого иерарха держал надгробную речь Афанасий, сын дочери императрицы Феодоры,[864] и как ревностный приверженец монофизитства, громил ненавистный Халкидонский собор. Вступление на престол нового императора и смерть Феодосия вызвали приезд в столицу многих видных епископов монофизитской церкви, чаявших наступления лучших времен. В числе других прибыл и Яков Барадей. Он повидался с императрицей,

---

[857] *Johan. Ephes.* 6, 5. p. 224—227.

[858] Аммиан Марцеллин 3, 85 (27, 12, 3) дает сведения об этой крепости, которую называет Агабана. Прокопий поминает о ссылке в «Замок Забвения» царя Кавада, которому удалось, однако, бежать оттуда при помощи жены (b. p. 1, 6). Феофилакт Симокатта знает ее под именем Гелигерд.

[859] *Johan. Ephes.* 6, 7, p. 221—231.

[860] *Theoph.* 246.

[861] *Johan. Biclar.* s. a. Just. VII—mo; Justinus imperator gravi infirmitate concutitur, quae infirmités ab allis qnidem cerebri motio, ab aliis daemonum vexatio putabatur. — Позднейший ученый историк, Павел диакон, видит в безумии Юстина кару Божию: hie cum a divinis mandatis aurem cordis averteret, iusto Dei iudicio rationis intellectu amens effectus est. — Hist. Lang. Ill, 11, p. 97. — Главный грех Юстина — ненасытное корыстолюбие.

[862] *Menandri* frg. 38. Никифор Каллист — 17, 39, воспроизводя материал дошедших до нас источников, допускает ошибку и делает послом императрицы Траяна. У Менандра дело представлено иначе.

[863] *Evagr.* 5, 1.

[864] Афанасий в очень юном возрасте был, по выбору Феодоры, женихом дочери Велизария Иоаннины — ***Proc.*** h. a. 4, 37, но Антонина по смерти императрицы расторгла этот союз — ib. 5, 23.

отклонил ее предложение явиться к императору и отбыл в свою паству.[865]

Юстин считал своей обязанностью издать эдикт о правой вере, обязательной для всей церкви. С этим актом связывалась надежда создать почву для прекращения раскола, и в этих видах устроены были совещания епископов, как православных, так и монофизитов под председательством патриарха Иоанна. Дело затянулось на долгое время, так как император выезжал на теплые воды в сопровождении чинов двора и просил епископов дождаться его возвращения. Отсутствие императора продолжалось целый месяц. Проект эдикта был сообщен заинтересованным лицам через придворного врача Захарию. Монофизиты имели свои сомнения и хотели видеть в тексте эдикта прямое осуждение Халкидонского собора. Шли споры и препирательства, и когда текст появился, пройдя через квестора двора, монофизиты нашли, что их замечания не уважены. Вероопределение было составлено в духе постановлений последнего Вселенского собора 553 года в очень осторожных выражениях.[866] Упоминание о соборах в частности, как делал это Юстиниан, было вовсе опущено, и в заключение император обращался с просьбой ко всем вступить в единую католическую и апостольскую церковь и запрещал «препираться о лицах и слогах». Под «лицами» разумелись Феодор Мопсуестийский, Феодорит Кирский и Ива Эдесский, а под «слогами» спор о тленности или нетленности тела Христова. Монофизиты не приняли эдикта ввиду того, что Халкидонский собор не был осужден, как они того хотели.

В эту пору Юстин собирался отправить посла к Хосрову с оповещением о своем вступлении на царство и обещал монофизитским епископам, что его посол на обратном пути из Персии вступит в личные сношения с ними на месте. Юстин хотел послать вместе с Коменциолом Иоанна Эфесского, человека примирительного образа мыслей, но тот уклонился от этого поручения, ссылаясь на дела по крещению язычников, которые были возложены на него с давних пор Юстинианом.[867] В ожидании приезда царского посла на Восток в церкви Якова Барадея был выработан текст ответа на эдикт императора в примирительном тоне с указанием на необходимость осудить Халкидонское вероопределение и восстановить память Севера. Хотя главный пункт несогласия был выражен очень определенно и текст ответа был принят на соборе в монастыре св. Закхея в городе Каллинике, но из среды монашества раздался резкий протест, и некто Косьма из монастыря Кира в Каллинике разорвал составленную и принятую в собрании грамоту. Монахи грозили Якову анафемой, если он не отречется от этого акта. Яков уступил и уклонился от встречи с царским послом, который был уполномочен устроить совещание в Даре.[868] Другие епископы подали, тем не менее, Коменциолу записку, составленную в тоне уничтоженного документа. Ввиду протеста монахов и уклонения Якова от переговоров, посол мог убедиться в бесцельности своих стараний содействовать водворению церковного мира, о чем он и привез известие Юстину. Таким образом, церковь, признававшая своим главой Якова Барадея, осталась в прежнем отделении от господствующей.

Вскоре затем в недрах монофизитской церкви вышли раздоры на почве толкования догматического учения. Инициатива в этом деле принадлежала Иоанну, по прозвищу Аскоснагу (дно меха). Свое богословское образование Иоанн получил в школе известного на Востоке наставника Петра, который держал школу в Ретайне (в Месопотамии**).** Унаследовав по его смерти школу, Иоанн начал развивать особое учение о лицах св. Троицы, которое впоследствии получило название тритеизма.[869] Феодосий, на суждение которого было представлено это учение, усмотрел в нем ересь. Но оно нашло себе почву и встретило ревностных приверженцев в лице Конона и Евгения, епископов Тарса и Селевкии исаврийской, первых по времени ставленников Якова Барадея. Афанасий, внук Феодоры, переслал весь литературный материал по этому вопросу известному александрийскому философу и ученому Иоанну Филопону, как прозвали его **за** трудолюбие.[870] Занявшись этим вопросом и внеся в богословские рассуждения принципы логики Аристотеля и Платона, Филопон составил большой трактат, в котором развил новое учение в целую систему. Свой труд он прислал Афанасию, который стал его верным последователем. Монофизитская церковь разделилась на два враждебные лагеря: одни принимали учение тритеитов, другие обличали его как ересь. Участие в этом споре Афанасия, имевшего придворные связи и большое состояние, усилило это движение. Ожесточенные споры монофизитских епископов привели их к мысли перенести дело на суждение императора, а тот предоставил рассмотрение дела патриарху Иоанну. Вызвав к себе представителей обоих направлений, Иоанн устроил собеседование.[871] За тритеизм стояли Конон и Евгений, его противниками были Павел Антиохийский, Иоанн Эфесский, Лонгин и Стефан. Длившиеся несколько дней прения не привели к соглашению, и учение тритеитов было признано ересью с высоты престола. Конон и Евгений были сосланы в Палестину и заточены в монастыри. Их увез туда Фотий, сын Антонины, пасынок Велизария, имевший тогда особую миссию в Палестине. Некогда человек военный, Фотий принял монашество и, ввиду волнений самаритян в Палестине, получил от Юстина поручение блюсти интересы православия в этой стране и укрощать самаритян. По словам Иоанна Эфесского, Фотий, имевший под своей командой военную силу, действовал очень круто и, пользуясь своим положением, облагал епископов разными поборами, а доходами делился с императором. Его деятельность в Палестине продолжалась 12 лет, до самой его смерти.[872]

Виновные в тритеизме пробыли в ссылке три года; затем Конон вернулся в Константинополь, где и пропагандировал свое учение. Иоанн Филопон написал другой трактат в двух книгах, в котором разбирал вопрос о воскресении мертвых и, сближаясь с учением Оригена, отрицал воскресение человеческого тела для вечной жизни. Это новое развитие тритеизма раскололо партию на два лагеря. Конон и его приверженцы не признали нового трактата Филопона, но Афанасий стал на сторону Иоанна. Единомышленные недавно Афанасий и Конон

---

[865] *Mich. Syr.* X, 1, p. 283.
[866] Полный текст эдикта см. *Evagr.* 5, 4.
[867] *Johan. Ephes.* 1, 19—27, p. 18—28.
[868] *Mich. Syr.* X, 1—2, p. 283—290.
[869] *Barhebraei* Chr., p. 224.
[870] В 1907 году издан большой трактат Филопона: De opificio mundi libri VII. (Scriptores sacri et profani ... almae matris Jenensis, fase. 1).
[871] *Johan. Ephes.* 1, 31—32, p. 31—33.
[872] *Johan. Ephes.* 5, 1—12, p. 196—204.

анафематствовали друг друга.

В завещании, которое составил Афанасий, он вписал кроме императора и императрицы, как главных наследников, Конона. Ему было предоставлено получить из состояния Афанасия десять фунтов золота и затем получать ежегодно по два фунта. Когда они разошлись, Афанасий хотел переделать завещание, но скоропостижно умер, не успев привести этого в исполнение. Конон получил отписанные ему деньги. Свидетелем по делу о завещании был вызван Иоанн Эфесский, который воспользовался этим случаем, чтобы сделать Конону внушение, оставшееся бесплодным. Конон и его приверженцы действовали весьма энергично, и по всему Востоку и в Александрии шла борьба между партиями, оспаривавшими друг у друга истину.[873] Так монофизитская церковь разлагалась на секты, враждебные друг другу и проявлявшие свою нетерпимость в ожесточенной борьбе.

Патриарх Иоанн в своих сношениях с монофизитами питал надежду склонить их к воссоединению с господствующей церковью и общению в таинстве евхаристии. Павел Антиохийский и Иоанн Эфесский дали себя уговорить и вступили в общение; но немедленно затем отказались, и Павел бежал из Константинополя, так как его пребывание превратилось в заключение.[874] Измена Павла вызвала против него большое негодование в церкви Якова Барадея, и хотя он опять отрекся от общения с «синодитами», но это не помогло, и в Сирии начался раздор между павлитами и яковитами, который длился до самой смерти Якова Барадея, последовавшей в 578 году, продолжался же и потом.

Раздражение на почве религиозного разногласия, которое захватывало прежде всего монахов, а также и толпу, не могло не выразиться в актах насилия в столице. На шестой год правления Юстина в Лазарево воскресенье все монофизитские храмы, в которых издавна невозбранно собирались молящиеся, были закрыты по распоряжению патриарха, уничтожались портреты столпов монофизитства Севера и Феодосия, подвергались разорению и разогнанию монастыри. Патриарх привлек к участию в посещении монастырей императора и императрицу.[875] Когда в 571 году в столицу прибыло армянское посольство искать помощи у императора, то армянский патриарх не был осведомлен о расколе, разделявшем церковь, и в течение двух лет имел церковное общение с патриархом Иоанном. Только позднее, войдя ближе в местные отношения, армяне отделились и соорудили себе свою церковь в доме одного богатого соплеменника.[876] Из того обстоятельства, что армяне могли так долго быть в неведении об истинном положении дела, следует заключить, что преследования не имели особенно резкого характера.

Хотя Иоанн Эфесский много рассказывает о разных бедствиях «православных», т. е. монофизитов, и утверждает, что насилия совершались и в провинциях по распоряжению из столицы,[877] но от него же мы слышим, что еще при жизни патриарха Иоанна монофизитские церкви опять открылись и многие богато украсились.[878] Тяжкая болезнь и смерть в страданиях патриарха Иоанна (31 августа 577 года), а равно болезнь императора и разорение церквей православных во Фракии во время варварских нашествий выставлены у этого автора как праведный гнев Божий за те бедствия, которые терпели монофизиты.[879] Слава гонителя осталась за Юстином и в позднейшем историческом предании у сирийских писателей.

Жизнь столицы шла при Юстине гораздо спокойнее, чем при Юстиниане. Император не становился в близкие отношения ни к той, ни к другой партии, и хронисты сохранили лишь одну заметку об обострении отношений между прасинами и венетами в третий год правления Юстина. Предупреждая возможность столкновения, император сказал, обращаясь к венетам: «Царь Юстиниан для вас умер», а к прасинам: «Царь Юстиниан для вас жив». Поняв угрозу, димоты присмирели.[880]

Поддерживая традиции Юстиниана, Юстин все время своего правления предавался строительству. В 567 году он расширил и украсил дворец в квартале близ гавани Юлиана, в котором жил, когда занимал пост куропалата. В этом дворце была церковь архангела Михаила, в которой был погребен его сын. Это послужило поводом к украшению ее драгоценным мраморным убранством. Дворец получил имя супруги Юстина Софии, и весь тот квартал стал называться Софианами. Это имя перешло и на гавань, хранившую дотоле память Юлиана.[881] На следующий год Юстин начал постройку двух дворцов, одного в окрестностях столицы, другого — на острове Принкипо, а кроме того, церкви во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана в квартале, носившем имя Дария. Он отстроил заново бани Тавра и дал им новое имя Софиевых (Σοφιαναι).[882] В 571 году он начал сооружение церкви во имя апостолов Петра и Павла в приюте для сирот и другой, во имя св. апостолов в Триконхе, которая сгорела во время давнего пожара в правление Зенона. Тогда же были предприняты большие перестройки в храме Богоматери во Влахернах; ему был дан крестообразный вид и на алтарной стороне

---

[873] Ib. 2, 1—8, p. 41—51.

Злоключения Павла в первые годы правления Юстина подробно рассказаны Иоанном Эфесским, Kirchen-Geschichte, 2, 1—3, 8. Его общение с синодитами в таинстве евхаристии патриарх Иоанн обставил так, что дело получило большую огласку и вызвало против него большое раздражение в Александрии, откуда он был родом. Так как он был человек выдающихся дарований, то скоро получил влияние у императора и вызвал зависть у патриарха Иоанна, который завел речь с Юстином о назначении его на какую-либо вакантную кафедру. Надзор за Павлом был ослаблен, и он, воспользовавшись этим, бежал из патриархии и долго скрывался в городе, а затем нашел приют у Мундара. Иоанн Эфесский провел в заточении и ссылке около 4 лет, но остался тверд и в общение с господствующей церковью не вступал, несмотря на все настояние друзей и угрозы правительства (ib. 2, 5—7). Когда Тиверий стал кесарем, Иоанну было разрешено вернуться в столицу, где он и проживал под надзором полиции, который был снят с него по смерти патриарха Иоанна в 577 году. Очень сожалею, что допустил в своем тексте ошибку относительно Иоанна Эфесского и присоединил его к Павлу.

[874] Ib. 1, 5, p. 6; p. 8—9; 2, 27, p. 69.

[875] Ib. 2, 33, p. 65.

[876] Ib. 2, 17, p. 60.

[877] Ib. 1, 38, p. 36.

[878] Ib. 2, 25, p. 67; 2, 30, p. 70.

[879] *Theoph.* 243, 4—9.

[880] Ib. 243, 10—14.

[881] *Theoph.* 243, 17—34.

Гавань Юлиана была расчищена и заново отстроена. *Pat. Const.* III 37, p. 229—230.

[882] Ib. 244, 7—12.

пристроены две абсиды.[883] Во второй части города, поблизости от бань Зевксиппа, Юстин воздвиг статуи, свою и императрицы, на высоких пьедесталах. Ураган опрокинул статуи, и современники увидели в этом дурное предзнаменование. В 572 году были предприняты большие работы по расширению водопровода Валента, который стал давать значительно больше воды на пользу населения. В 573 году Юстин приказал снести иудейскую синагогу в квартале Халкопратиев и построил на ее месте большую церковь во имя Богородицы, которая, таким образом, оказалась поблизости от храма св. Софии.[884] На берегу моря он заложил большую башню для маяка. Сооружение потребовало весьма крупных предварительных затрат. Во время постройки на нем стали появляться пасквили, авторы которых давали совет Юстину поскорее довести эту башню до должной высоты, чтобы увидеть оттуда одну лишь картину разорения империи, в какую сторону ни направить взор. Сооружение не было закончено, когда Юстина постигла тяжкая болезнь, и власть перешла к Тиверию. София настаивала на продолжении постройки, но Тиверий считал излишними большие расходы, которых требовала эта затея Юстина. Он прекратил постройку и впоследствии употребил свезенный для нее материал на другие сооружения.

[883] Ib. 248, 3—8.
[884] *Johan. Ephes.* 3, 24, p. 118—119
О храме Богородицы Халкопратийской см. исследование Беляева, помещенное во 2 т. *Летописи Ист. Фил. Общ. при Новороссийском Университете Виз. отд. 1 (Одесса, 1892).* Автор отстаивает положение, что этот храм был сооружен Пульхерией и отстроен заново Юстином.

ТИВЕРИЙ

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ТИВЕРИЯ КЕСАРЕМ. СЕМЕЙНЫЕ ЕГО ОТНОШЕНИЯ. НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ

Заместителем больного Юстина был Тиверий. В свои молодые годы он состоял при нем в должности секретаря, а в конце правления Юстиниана, когда Юстин был куропалатом, занимал пост комита экскувитов и в этом влиятельном положении обеспечил переход верховной власти к Юстину. Красавец собой, фракиец по происхождению, он пользовался большим расположением императрицы Софии. Выбор состоялся с согласия Юстина и при непосредственном его участии. 7 декабря 574 года совершилась церемония провозглашения Тиверия кесарем, описание которой сохранил современник, Иоанн Эфесский, на основании официальной записи, составленной придворными нотариями.[885] В присутствии патриарха, высших чинов и войска в тронном зале дворца Юстин держал речь к своему будущему преемнику. Признавая свои страдания и тяжелую немощь проявлением праведного гнева Божия, больной император предостерегал Тиверия от несправедливых и злых поступков в высоком положении правителя государства и от внушений дурных и своекорыстных советников. Растроганный Тиверий пал к ногам государя. Эта тяжелая сцена вызвала слезы, стоны и возгласы сочувствия и сострадания к Юстину у всех присутствующих. Когда Тиверия подняли с земли, Юстин внушал ему относиться с почтением к его новой матери и преподал еще несколько советов. Затем Тиверий был облечен в царские одежды, патриарх прочел молитву и возложил на него царский венец. Юстин нарек Тиверию имя Константина, чтобы это славное имя послужило добрым знамением для предстоящего правления. Тиверий принял это имя и на официальных документах именовался Imp. Caesar Tiberius Constantinus.

Как сын императора и объявленный его наследник, Тиверий выступал на придворных торжествах вместе с Юстином, когда то позволяло состояние его здоровья; а чаще заменял его, ввиду постепенного ухудшения гнездившейся в нем болезни. Человек открытого характера, щедрый и смелый, располагавший к себе всех своей прекрасной наружностью, Тиверий прекратил многие злоупотребления, водворившиеся издавна, отменил обязательные взносы за назначения на должности, с царской щедростью облегчил податное бремя местностей, пострадавших в 573 году от персидского нашествия в Сирии.[886] Императрица София, не желавшая поступаться своим положением и с неодобрением смотревшая на некоторые новшества, которые имели вид исправления прежней системы государственного управления, добилась того, что Тиверию был назначен определенный бюджет, из которого он не должен был выходить.

Дни св. Пасхи первого года своего правления (575) Тиверий ознаменовал милостивым эдиктом о податных льготах и сложении недоимок. Указав во вступлении на большие затруднения в удовлетворении насущных нужд государства, Тиверий в ознаменование святых дней объявил о сложении со всех земельных собственников одного годичного оклада (canon) с разделением его на четыре части. Льгота входила в силу с ближайшего индикта и простиралась на четыре дальнейшие года. Недоимки за прошлое время были сложены до истекшего пятого индикта, т. е. 575 года.[887]

Тиверий был женат на вдове одного сенатора и имел от нее двух дочерей. Жена его проживала во Фригии в городе Дафнудии. Юстин считал более правильным, чтобы супруга кесаря пользовалась своим положением во дворце; но София не желала делиться почетом, и когда Тиверий привез свою семью в столицу, то для его жены и дочерей не оказалось места в царских палатах. Семья кесаря поселилась во дворце Ормизды. Жены сановников, имевшие по рангу мужей приезд ко дворцу и придворные обязанности около особы императрицы, не смели оказать внимание жене кесаря, не получив раньше разрешения от Софии. Ревниво относясь к своему праву на первое место, она не дала разрешение придворным дамам являться к жене Тиверия, и та предпочла уехать в Дафнудий, где и проживала, не пользуясь ничем от высокого положения своего мужа. — Таково сообщение Иоанна Эфесского.[888]

Здоровье Юстина все более расстраивалось. Периоды помешательства затягивались и реже становились светлые промежутки. К психическому расстройству присоединились и тяжкие физические страдания от болезни, требовавшей серьезных хирургических операций, которым подвергали императора врачи. В своих страданиях Юстин видел праведный гнев Божий за излишества, которые он себе раньше позволял. Когда уже можно было предвидеть скорый конец страдальческой жизни Юстина, София, желая сохранить за собою прежнее положение, завела переговоры с патриархом о том, чтобы Тиверий развелся со своей женой и женился на ней по смерти Юстина. Но Тиверий отказался. Так как ее дочь была в ту пору вдовою, то София была готова уступить своей дочери честь быть женой императора. Но и это было отвергнуто.[889]

Когда Юстин почувствовал приближение смерти, он венчал Тиверия царским венцом. Это случилось 26 сентября 578 года. Современники не сохранили описания этого события, а лишь точную его дату.[890] Ввиду болезненного состояния государя, церемония совершилась в стенах дворца в упрощенной форме, как было то во время венчания на царство Юстиниана незадолго до кончины его дяди. После венчания Тиверия на царство Юстин прожил 9 дней и умер 4 октября. Так как планы Софии породниться с Тиверием не увенчались успехом, то по смерти мужа она собиралась покинуть царский дворец и переселиться в тот, в котором жила, когда Юстин состоял в сане куропалата. Но Тиверий удержал ее в главном дворце и сохранил за ней прежнее ее положение августы.[891] Он просил у нее разрешения перевезти во дворец свою супругу с дочерьми. София не могла этому противиться, тем более, что в это семейное дело вмешалось общественное мнение. Во время ристаний в

---

[885] *Johan. Ephes.* 3, 5, p. 97—100. Короче — *Theoph. Sim.* 3, 11; *Evarg. 5*, 13; *Theoph.* 248—249 (ошибочно приурочивающий речь Юстина к венчанию Тиверия на царство). Ср. *Nic. Call.* 17, 40. *Chron. Pasch.* 689, дает другую дату—7 сентября 574 года.
[886] *Evarg.* 5, 13.
[887] *Nov. Just.* 163 (*Jus. gr.-rom.* III, p. 21—24).
[888] *Johan. Ephes.* 3, 8, p, 103.
[889] Ib. 3, 7, p. 101—102.
[890] Ib. 3, 6, p. 101; *Chron. Pasch.* 689.
[891] Ib. 3, 10, p. 104—105.

присутствии императора раздались крики: «Да увижу я августу римлян». Тиверий ответил на это, что имя его жены то самое, что и церкви в банях Дагисфея. Народ стал кричать: «Анастасия августа, твоя победа! (tu vincas). Спаси Господи тех, кому повелено царствовать!» Немедленно было отправлено за новой императрицей посольство из сенаторов с префектом города во главе в Дафнудий, чтобы составить ей почетный кортеж при переезде в столицу. Но скромная жена Тиверия предпочла уклониться от этой чести и тайком от ожидавшей ее свиты проехала морем в Константинополь. Во дворец явились приветствовать ее патриарх, высшие чины, весь синклит. Ее облекли в царские одежды и провозгласили августой. Вслед затем состоялся выход в храм св. Софии, причем царицу несли на царских носилках. По дороге в храм димы возглашали имя новой августы, венеты величали ее Анастасией, а прасины — Еленой. Препирательство димов вызвало большие замешательства, напугавшие царицу. После совершения молений в храме шествие направилось обратно во дворец.[892]

Обычный донатив солдатам по случаю восшествия на престол Тиверий выдал весьма щедро. На раздачу его войскам, воевавшим тогда на персидской границе, было послано 800 фунтов золота.[893] Помимо разных придворных чинов, Тиверий выдал донатив всему классу схоластиков в усиленном размере, наградил им также и столичных менял. Соблюдая старые традиции, Тиверий отпраздновал свое консульство, и современный свидетель этого события свел его в своем изложении на то, что представляло непосредственный предмет всеобщих ожиданий, вызываемых этим событием. Не поминая ни одним словом о торжестве вступления Тиверия в сан консула, Иоанн Эфесский говорит только о щедрых раздачах императора, который издержал на консульство 72 кентенария золота, не считая серебра и шелковых одежд. Вдовствующая императрица восставала против такого расточения государственных средств, скопленных Юстином при ее участии в государственном управлении, но Тиверий ей возразил, что он расточает то, что скоплено неправдами, грабежами и вымогательством, и не хочет оставить в своем дворце никакого остатка от такого имущества.[894] Он отменил некоторые стеснительные налоги, какова была пошлина на прибывавшие в город продукты, вино, масло.[895]

Пока Тиверий был в звании кесаря, он занимал только флигель дворца и довольствовался сравнительно тесным помещением. Когда же стал императором и затем через некоторое время в столицу переехала его жена с двумя дочерьми, то во дворце стало тесно, так как София занимала значительную его часть, сохраняя весь свой, принадлежащий ей как августе и матери августа, придворный штат. Тиверий был вынужден начать расширение здания. Сломана была северная стена дворца, уничтожен сад, который находился внутри дворца и служил для прогулок императора и его родственников, и сооружены большие пристройки для жилых помещений, а также баня и конюшни. Таково сообщение Иоанна Эфесского.[896] Феофан в своей хронике дает иную версию. Согласно его источнику, София переселилась во дворец, носивший ее имя, и в этом дворце сделаны были большие перестройки и воздвигнута баня.[897]

Об интригах Софии против Тиверия ходили разные толки, разраставшиеся в целые легенды, которые занес в свое повествование западный современник, Григорий Турский.[898] Так, рассказывали, будто София хотела возвести на престол племянника Юстина, Юстиниана; но тот сам уклонялся от этой чести, а благородный Тиверий питал к нему искреннее расположение и держал в ближайшем своем окружении. Однажды во время обычного отъезда императора в Евдом на время сбора винограда, София завела свои интриги так далеко, что Тиверий был вынужден спешно воротиться в столицу. Он арестовал царицу, конфисковал ее сокровища и, отпустив весь ее штат, приставил другой из верных и надежных людей, чтобы положить конец ее предприятиям и коварным замыслам. Если в этих рассказах не все истина, то во всяком случае общий их тон сходится с тем, что писал современник, Иоанн Эфесский, близко наблюдавший события того времени.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ С ПЕРСАМИ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ. СМЕРТЬ ХОСРОВА И ВОЦАРЕНИЕ ОРМУЗДА. ХОД ВОЙНЫ ПОД НАЧАЛЬСТВОМ МАВРИКИЯ

После своего провозглашения кесарем Тиверий оповестил об этом Хосрова. Посольство исправлял патриций Траян, занимавший пост квестора; вторым лицом посольства был врач Захария, побывавший недавно у Хосрова с письмом от царицы. Сознавая недостаточность военных сил империи не только для наступательных действий, но и для обороны, Тиверий рассчитывал поправить дело в трехлетний срок и поручил своим послам заключить перемирие на три года с обязательством уплаты по пяти кентенариев золота в год. По обычаю послы привезли Хосрову богатые подарки. С персидской стороны был уполномочен для переговоров Мебод. Он настаивал на пятилетием сроке, но Тиверий подтвердил своим послам свое решение, и после долгих препирательств дело было улажено.[899]

Слабость военных сил империи не дала возможности Юстину осуществить обещания, данные армянам, и страна оставалась в неопределенном положении. Вожди Курс и Феодор совершили поход внутрь страны, завязали сношения с аланами и сабирами и взяли от них заложников. Но сабиры оказались весьма ненадежными и, жертвуя своими заложниками, возобновили свой союз с персами.

Приняв верховную власть, Тиверий приказал Курсу и Феодору поправить начатое ими дело, и они вновь

---

[892] Ib. 3, 9, p. 103—104; *Theoph.* 249, 22—250, 5.
[893] Так как обычный размер донатива в старое время был 5 солидов, а 800 фунтов золота составляют 57500 солидов, то общее число получивших донатив будет 11500 человек.
[894] Ib. 3, 14, p. 108, 109; 6, 20, p. 211. У Феофана (250, 5) краткая заметка: ἐρριφεν ὑπατειαν πολλήν.
[895] С бочки масла взималась одна бутылка.
[896] *Johan. Ephes.* 5, 23, p. 117—118. Это показание современника делает несомненным, что роскошная часть дворцовых зданий, носившая имя Хрисотриклина, была созданием Тиверия, а не Юстина II, как это общепринято в настоящее время в научной литературе по топографии Константинополя. См. *Richter,* Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte, 315 и след. Та же точка зрения удержана в новейшей авторитетной работе по топографии дворца: *Ebersolt,* Le grand Palais de Constantinople. Paris, 1910, ch. VIII, p. 75—92.
[897] *Theoph.* 250, 8—13.
[898] *Greg. Tur.* 5, 30, p. 223; *Paul. diac.* 3, 12, p. 99 (из Григория Турского).
[899] *Menandri* frg. 39.

прошли с войсками в Албанию.[900] Магистром армии Востока был назначен Юстиниан, сын Германа, имевший репутацию отличного полководца, как его отец и погибший в Египте брат Юстин. Дело по каким-то причинам затянулось, и Юстиниан замедлил свой отъезд на место военных действий. Тиверий деятельно готовился к войне и не щадил средств на вербовку новых отрядов, набирая людей из воинственного населения Исаврии, Фракии и Иллирика, а также и из среды задунайских варваров.[901] Находившийся в ту пору в Константинополе епископ города Герунды в Испании, вестгот по происхождению, Иоанн, оставшийся в истории под именем Бикларийского, от названия основанного им монастыря, видел германцев, прибывавших в столицу империи из-за Дуная и под 9-м годом Юстина (575) занес в свою хронику сведение, что то были храбрецы, называвшие себя германским термином herinam, т. е. arimani, как назывался разряд военных людей у лангобардов.[902] Вновь формируемые отряды были спешно направляемы на Восток. Об отправке войск из столицы было известно в персидском дворе во время пребывания там Траяна, и слухи о новых грозных силах, которые направлялись на Восток, широко распространились и подбодрили настроение. Когда к стенам города Телы (Константины) подступил Тамхосров, население заявило ему, что Юстиниан ведет с собою 60 тысяч лангобардов.[903] Вероятно, в Месопотамии вовсе не знали, что главная масса этого народа перешла уже давно в Италию.

Явившись на театр военных действий, Юстиниан сумел наладить вновь добрые отношения с арабами, которые были испорчены в бытность главнокомандующим Маркиана. После предварительных сношений Мундар решился на свидание с ним, которое произошло у гроба мученика Сергия, пользовавшегося всеобщим почитанием на Востоке. Здесь произошел обмен верительных грамот и восстановились старые отношения. Первым последствием этого был набег Мундара на Хиру с целью отнять у персидских арабов добычу, которую они успели награбить в римских областях, пока он сам бездействовал. Время было выбрано удачно, и Мундар, разбив свою палатку в центре Хиры, провел там пять дней, грабя и разоряя все, кроме церквей, которых он, как христианин, не трогал. Ему досталась вся добыча, увезенная арабами из набегов на Сирию, а также и то, что можно было увезти из достояния соплеменников. Иоанн Эфесский с радостью говорит о его успехе и оправдывает это чувство тем, что Мундар был другом монастырей и проявлял большую щедрость к бедным.[904]

Между тем Хосров, в осуществление своих верховных прав над Арменией, самолично собрался в поход в эту страну. Он выступил ранней весной 576 года и распорядился, чтобы посол императора, которого он ожидал, был препровожден из Дары в его лагерь. Тиверий поручил исправление этого посольства Феодору, сыну Вакха,[905] который застал Хосрова уже в области Васпуракана.[906] Присоединив посла к своей свите, Хосров продолжал свой путь по Армении. Население принимало его всюду как своего повелителя и только уже в области Тарона было полное безлюдие, так как жители, покидая свои дома, спасались в горные трущобы.[907] Так Хосров дошел до границы римской Армении, которую составляла река Бадиана, и, перейдя реку, продолжал свой путь по римской территории в направлении Феодосиополя. Посол просил царя не допускать грабежей на имперской территории. Вместе с Хосровом он имел долгую остановку в виду Феодосиополя. Город был сильно укреплен и снабжен всем нужным, чтобы выдержать осаду. Хосров делал смотры своим войскам, объезжал, несмотря на свои старые годы, верхом на коне ряды своих солдат и заводил с послом разговоры о том, каким из двух городов труднее овладеть: Феодосиополем или Дарой? Долго продержав посла под стенами Феодосиополя, царь отпустил его в столицу с письмом к Тиверию, в котором заявлял о своем желании быть в мире с империей, поносил Юстина и давал уверение, что он не выступил бы в поход, если бы Феодор прибыл раньше. Он обещал, по возвращении в Персию, назначить уполномоченных в комиссию, которая, съехавшись в пограничном пункте, должна будет разобрать спорные вопросы и выработать условия мира.[908]

В то самое время, когда Хосров совершал свой поход через Армению, в Константинополь явилось посольство от алан и сабиров, как результат второго похода Курса и Феодора в Албанию. Тиверий милостиво принял послов, осведомился о размере вознаграждения, какое платит Хосров, и обещал им платить за союз с империей вдвое более.[909]

Путь от Феодосиополя на Евфрат Хосров совершил через имперские области. По сообщению Иоанна Эфесского, он направлялся на Кесарию. Население в страхе перед персами разбегалось и покидало города. Римские войска вступили в Каппадокию и заставили его изменить направление пути. В персидском войске началось недовольство против царя. Предав огню город Севастию, Хосров направился на восток к Евфрату. В горных теснинах он был окружен и потерял весь свой обоз вместе **с** царской палаткой с полным снаряжением и священным огнем, который персидские цари брали с собой в поход. Римлянам досталось много слонов. Хосров

---

[900] Ib. frg. 41.

[901] *Evagr.* 5, 14. Плохо знакомый с географией северных стран, Евагрий называет территории по обе стороны Альп и поминает имя Рейна.

Иоанн Ефесский—K. G. 6, 28, p. 259—позволяет дополнить сведения, сохраненные Менандром, сообщением о походе Иоанна и Курса (который в этом месте назван Киром) в персидскую Армению, причем Курсу удалось нанести персам решительное поражение.

[902] *Johan. Bicl.* s. a. *(Chr. min. 11* 214). ...Iustinianus dux romanae militiae ...habens secum gentes fortissimas, quae barbaro sermone Herinam nuncupantur, memoratum iraperatorem bello superat. — Моммзен и Schrader дали приведенное в тексте объяснение сохранившегося в рукописи чтения Herinam. — *Theoph.* 251, 25—28.

[903] *Johan. Ephes.* 6, 13, p. 240—241. Этот набег имел характер угрозы во время переговоров, и Траяну удалось задержать его. Иоанн Эфесский называет персидского вождя Адарманом, у Менандра — это Тамхосров, что более вероятно.

[904] *Johan. Ephes.* 6, 4, p. 220—224. — 6, 4, p. 220—124. — Позволю себе отметить ошибочную датировку этого события в почтенном исследовании *Rothstein,* Die Dynastie der Lachmiden. 1899, стр. 104, который относит примирение к 578 году, когда Юстиниана уже не было на востоке.

[905] Иоанн Эфесский дает ему чин силенциария (6, 8, p. 231).

[906] *Menandri* frg. 41. κλίμα τῶν λεγομένων Ἀρεστῶν χαι Μαρεπτικῶν — Ришгуния и Мардпетакан, области Васпуракана. *Адонц,* Арм. в эп. Юстин., стр. 8.

[907] ἐν τῶ κλίματι Μακροβανδῶν καί Ταριννῶν — области Багреванд и Тарон. Это последнее имя было известно уже Тациту. Tac. ann. 14, 24: regio Taura nitium. — Местность нынешнего Баязета.

[908] *Menandri* frg. 41.

[909] Ib. frg. 42.

изменил направление пути и двинулся на Мелитену, чтобы затем форсировать переправу через Евфрат. Среди римских вождей начались разногласия, и Юстиниан не поддержал общего плана действий. Это спасло Хосрова. Чувствуя себя окруженным римскими войсками близ Мелитены, он готов был принять битву и строил сам свои войска. Но битвы не было, так как римляне не переходили в наступление. Хосров поджег Мелитену и направился к Евфрату. Переправа стоила ему больших потерь, как ввиду высокого уровня воды в реке, так и благодаря тому, что римляне напали на его арьергард и перебили много народа. Иоанн Эфесский приводит в своем рассказе об этих событиях текст укоризненного письма, которое римские вожди послали Хосрову по поводу сожжения Мелитены.[910]

Богатую добычу, и в числе ее слонов, Юстиниан отослал в столицу, и слоны забавляли народ, совершая крестное знамение, когда проходили пред церквами, и преклоняясь пред императором во время игр на ипподроме.[911] Не продолжая преследовать отступавших персов, Юстиниан вступил в Армению, остался там на всю зиму и вернулся назад только весною следующего года. По словам Иоанна Эфесского, римские войска вели себя хуже персов. Они грабили и разоряли мирное население отдавшейся императору страны, подвергали пыткам даже отшельников, оскверняли монахинь, рубили детей и, подбрасывая их вверх, ловили на копья, а разрубленные члены бросали собакам.[912] Быть может, эти зверства имели своей причиной присутствие в армии отрядов, вновь сформированных из задунайских германцев.

В следующем году (577) Хосров, в ответ на посольство Феодора, отправил в Константинополь посла Надоя, который был весьма милостиво принят Тиверием.[913] Дело о назначении комиссии было слажено, и после отъезда посла были назначены уполномоченные. То были комит царских щедрот Феодор, сын Петра Магистра, патриции Петр и Иоанн, состоявшие в консульском ранге, родичи имп. Анастасия, и врач Захария. С персидской стороны был уполномочен Мебод. Члены комиссии съехались на границе. Долго шли препирательства о выборе места для совещаний; наконец, решили избрать город Афраил, неподалеку от Дары. Мебод предъявил такие требования: уплата императором ежегодной дани в пять кентенариев золота, отказ от Армении и Иверии и выдача бежавших в Константинополь армян, виновников восстания. Уполномоченные императора устраняли вопрос об уплате дани в какой бы то ни было сумме. Что же до отказа от Армении и Иверии и восстановления власти персидского царя в этих странах, то Тиверий готов был на это согласиться, но не считал себя вправе выдать бежавших армян, свидетелей клятвы Юстина. Со своей стороны, Тиверий настаивал на возвращении Дары. Уполномоченные сносились со своими дворами, и это затягивало ход переговоров. Наконец Хосров смягчился и отказался от требования ежегодных уплат. Он согласился даже возвратить Дару, и посол Захария имел частное совещание с Мебодом о тайной уплате выкупа за Дару.[914] Дело близилось к благоприятному концу, но тут случилось неожиданное событие, положившее конец переговорам. Тамхосров с 30-тысячной армией вступил в Армению. Хотя римские войска, стоявшие там, значительно превосходили численностью персидскую армию, но отсутствие дисциплины, распущенность и привычка к грабежу сказались в падении воинского духа солдат. Неожиданным нападением Тамхосров вызвал панику; бежали все, кто куда мог, загоняя насмерть коней, сбрасывая доспехи, кидая по дороге оружие. Пересеченная горная местность еще ухудшила дело. Тамхосров набрал груды оружия и предметов воинского снаряжения. Потери римлян были весьма значительны.[915] Страшный разгром армии, стоявшей в Армении, изменил общее положение дела. Теперь Хосров находился уже в обладании тех областей, уступки которых он требовал от императора, и отказался возвратить Дару, ссылаясь на то, что этот город принадлежит ему по праву войны. Он грозил даже воротить полученные деньги за остававшееся еще время перемирия и немедленно начать войну. Уполномоченные разъехались, и за 40 дней до истечения срока перемирия Тамхосров сделал набег в римскую Армению от крепости Кифариза.[916]

После разгрома армии Юстиниана в Армении на пост главнокомандующего был назначен Маврикий, состоявший при дворе в звании комита экскувитов, помощник Тиверия в организации новых военных частей из задунайских варваров. Маврикий не имел боевого прошлого, но как человек, серьезно относившийся к своим обязанностям и исполнительный, чуждый высокомерия и гордости, умевший сочетать авторитет начальника и ласковость в обращении с подчиненными, оказался на высоте положения. Ему удалось поднять военный дух армии и дисциплину, вновь водворить старый обычай окапывать и укреплять лагерь на каждой стоянке, который вышел из употребления по лености солдат и небрежности военачальников.[917] На театр военных действий он прошел через Каппадокию, долго пробыл в главном ее городе, Кесарии, и пополнил там кадры своих войск. Сборным пунктом для похода он назначил Кифариз. Когда войска собрались и прибыл сам Маврикий с

---

[910] *Johan. Ephes.* 6, 8—9, p. 231—235&— Иоанн Эфесский является в данном случае наилучшим и наиболее осведомленным нашим источником. Для некоторых деталей своего описания он ссылается на рассказы тех людей, которые служили у персов в качестве толмачей во время этого похода. Феофилакт Симокатта—3, 12— 14, — который также рассказывает о победе римлян, не знает, как попал Хосров на римскую территорию и ведет его на Евфрат вслед за римлянами, которые вторглись в Армению. Армянский историк Себеос, писавший в середине VII века, представляет дело так, что Хосров вступил в Армению, чтобы покарать за измену Вардана Мимиконяна. Оставив в стороне Феодосиополь, он подался к югу. Здесь и произошла большая битва между персами и армянами, окончившаяся разгромом персов и взятием царского лагеря с его ставкой и священным огнем. Персы бежали к Евфрату и укрепились близ него. Переправу через реку войск затруднил высокий уровень воды, и сам Хосров едва не попал в плен. Обратный путь Хосрова лежал через область Агезник, т. е. Арзанену (Отд. 3, гл. 2).— Так как город Мелитена пострадал о Хосрова, и переправа имела место поблизости от этого города, то Хосров, раньше чем попасть в Арзанену, должен был пройти через принадлежащие империи армянские области. Участие армянских войск в этой битве вполне естественно по самому ее месту; но странно, что Себеос приписывает все дело армянам, не поминая вовсе о присутствии имперских войск и главнокомандующего.

[911] *Johan. Ephes.* 2, 48, p. 87. Иоанн Бикларийский (*Chr. min.* II 214) записал в свою хронику, что слонов было 24.

[912] Ib. 6, 10, p. 237. ср. *Theoph. Sim.* 3, 15, 1—2; *Theoph.* 250, 25—251, 15 (сокращение сведений Феоф. Симокатты).

[913] *Menandri* frg. 46.

[914] *Johan. Ephes.* 4, 35, p. 166; 6, 12, p. 238 —240; *Theoph. Sim.* 3, 15.

[915] *Johan. Ephes.* 6, 10, p. 235—237.

[916] *Menandri* frg. 50—53; *Johan. Ephes.* 6, 13, p. 240—241; *Theoph. Sim.* 3, 15, 5—7.

[917] *Menandri* frg. 56; 58.

большими силами, Тамхосров покинул свои стоянки в Армении и, обойдя Кифариз, прошел грабительским походом через Софену мимо Мартирополя до Амиды, разоряя все на своем пути. Под Амидой он простоял три дня, требуя выкупа, и, не получив его, сжег все загородные храмы и монастыри. Свой набег Тамхосров сделал в 15 дней. Не успев предупредить набега, Маврикий со всеми своими силами вступил в Арзанену. Христианство было здесь господствующим исповеданием, и население выходило навстречу римским войскам с крестами, священными сосудами и Евангелием и просило о милосердии. Маврикий дал три дня срока и предложил всем желающим собрать свой скот и имущество и приготовиться к выселению в пределы империи. Переселенцев оказалось до 10 тысяч человек.[918] Они были направлены на запад и поселены на острове Кипр.[919] Отправив переселенцев, Маврикий принялся грабить и разорять страну. Ему удалось взять крепость Афум. Оставив в ней гарнизон, Маврикий покинул Арзанену, увозя богатую добычу, и направился в область Нисибина. Главный лагерь был разбит на Тигре, и легкие отряды, под начальством вождей Курса и Романа,[920] переправились за Тигр на грабеж и разорение персидских областей.[921] Так прошло лето 578 года. Осенью войска разошлись по своим зимовьям.

Успешные действия Маврикия побудили Тиверия сделать новую попытку добиться мира. Он отправил к Хосрову послом врача Захарию, который имел уже большой опыт в сношениях с персами и личные знакомства, и Феодора, побывавшего с Хосровом в Армении в 576 году. Для придания посольству большого значения Захария был возведен в ранг консула, а Феодор — магистра армии. В письме к Хосрову Тиверий изъявлял готовность отказаться от Армении и Иверии, а также от захваченной Маврикием в Арзанене крепости Афума, отсылал всех пленных персов и просил об одном: возвратить империи Дару. Когда послы были в пути, в Константинополь прибыл посол Хосрова Ферогдат, отправленный из Персии уже в начале зимы. В своем письме Хосров настаивал на том, чтобы Тиверий выдал ему виновников восстания в персидской Армении, которых он желал повесить на границе владений обеих держав, и предлагал вновь назначить комиссию для выработки на месте условий прочного мира. Тиверий дал знать своим послам, чтобы они задержались в пути и не посылали извещения персидскому двору о своем приезде, пока он не покончит переговоров с Ферогдатом. Но раньше, чем эти совещания были закончены, пришла весть о смерти Хосрова (февраль 579 года). Отпустив персидского посла, Тиверий приказал Захарию и Феодору продолжать свой путь и передать преемнику Хосрова то, что было предназначено для почившего царя. Относительно срока перемирия для переговоров император считал достаточным дать три месяца, чтобы затяжка не пошла на пользу усиления средств войны.[922]

Послы были встречены в Нисибине с большим почетом, так как возвращение без выкупа пленных, среди которых были люди царского рода, произвело большое впечатление на персов; но на дальнейшем пути послов ожидали большие затруднения. Два раза их останавливали посланные от персидского двора, требовавшие от них, чтобы они сообщили сущность возложенного на них поручения. Послы не удовлетворили этого требования и заявили, что свои поручения изложат лично царю. Тогда пошли задержки: послов направляли не по кратчайшему пути, заставляли ждать на остановках и всякими обидными для них способами затягивали их путь в столицу. Впоследствии выяснилась причина этих проволочек: шла усиленная доставка провианта в Нисибин и Дару, а также и в укрепления в областях за Тигром, где, кроме разорения, внесенного Маврикием в прошлом году, саранча истребила все посевы.

Преемником Хосрова на троне Сассанидов был его сын от брака с турчанкой, Ормузд IV, человек гордый и надменный. В первый день по приезде в столицу послы были, по обычаю, удостоены приглашения к царскому столу. Но персидский этикет не допускал за столом никаких разговоров, и свидание с царем ограничилось передачей письма Тиверия и выдачей пленных. На следующий день послы на свидании с Мебодом узнали, что никаких переговоров о мире не будет. Когда вскоре затем последовал парадный прием посольства царем, Ормузд заявил, что он считает своим долгом не умалять отцовского наследия, не допускает поэтому мысли об уступке Дары и предварительным условием мира считает уплату дани, в том размере, как было то установлено при Юстиниане. После этой аудиенции послы прожили при дворе три месяца. Их содержали не как послов дружественной державы, а как пленников, в дурном помещении, лишая их самых необходимых удобств, и обратный путь их сопровождался такими же обидными задержками, как и проезд от Нисибина до столицы.[923]

Маврикий с начала весны находился в армии, но военных действий в том году не было.[924] Весною следующего 580 года он послал в грабительский наезд за Тигр легкую конницу под начальством вождей Романа, Теодориха и Мартина,[925] а сам опять вступил в Арзанену и осадил крепость Хломар. Командир гарнизона, Биган, христианин, как и все население Арзанены, послал для переговоров с Маврикием епископа и просил прекратить осаду, приняв в виде выкупа все золото и серебро, каким обладает город, и не навлекать на себя вины в пролитии

---

[918] Феофилат Симокатта (3, 15, 15) дает точную цифру 10090 человек и видит в них пленников.
[919] *Johan. Ephes.* 6, 14—15, p. 241—243; 6, 27, p. 258; 6, 34, p. 264; *Theoph Sim.* 3, 15—16.
[920] Роман был сын Анагаста, т. е. очевидно славянин. Сведение это сохранил Иоанн Бикларийский под 10-м годом Юстина (*Chr. min.* II 214).
[921] Феофилакт Симокатта говорит о взятии Маврикием Сингары, но из рассказа Менандра о свидании римских послов с Ормуздом в 579 году видно, что Сингара оставалась в руках персов.
[922] *Menandri* frg. 54.
[923] *Menandri* frg. 55; *Johan. Ephes.* 6. 22, p. 250—251; *Theoph. Sim.* 3, 16.
[924] Я позволил себе утверждение, что 579 год прошел без военных действий на основании следующих соображений. — Хосров умер в начале февраля 589 года. В эту пору его посол Ферогдат находился еще в Константинополе и послы Тиверия были задержаны на пути. Персы затянули путешествие *послов в столицу, и* послы прожили в Ктесифоне более трех месяцев. Назад они ехали с задержками. Таким образом, они могли вернуться не раньше осени, когда военные действия обыкновенно прекращались. Но так как в этой пограничной войне бывали и осенние набеги, то возможно, что набег Романа, Теодориха и Мартина за Тигр и осада Хломара Маврикием относятся к поздней осени 589 года. В таком случае поход Маврикия с Мундаром через пустыню придется отнести к ранней весне 580 года, а возобновление мирных переговоров к весне 581. Иоанн Эфесский — K. G. 6, 26, p. 256, — помещает битву, в которой пал Тамхосров, на июнь месяц 892 селевкидской эры. Годы ее считаются с 1 октября, 892 будет соответствовать времени с 1 октября 580 по 30 сентября 581.
[925] *Theoph. Sim.* 3, 17.

христианской крови. Щедрыми обещаниями всяких милостей от императора Маврикий склонял Бигана изменить персидскому царю. Биган не поддался на его уговоры и прислал Маврикию все драгоценные церковные сосуды города. Маврикий не принял такого выкупа и прекратил переговоры. Когда епископ вновь явился к нему, он его заточил и продолжал осаду. Дело не увенчалось успехом, и Хломар остался в руках персов.[926]

Еще менее успешны были военные действия Маврикия в следующем году. Вступив в сношения с Мундаром, он сделал попытку проникнуть в центральные области персидского царства через пустыню. Суда с хлебом спустились по Евфрату в Киркезий. Соединившись с арабами Мундара, Маврикий благополучно совершил поход через пустыню; но мосты оказались разобранными, и смелое предприятие окончилось ничем. Маврикий обвинил в неудаче этого набега Мундара, заподозрив его в том, что он выдал соплеменникам направление задуманной экспедиции.[927]

Вернувшись назад Маврикий получил известие о вторжении Адармана в римские приделы. Он сжег свои суда с хлебом на Евфрате и поспешил на охрану Месопотамии. Но Адарман успел уже сжечь и опустошить все, что мог, в богатых окрестностях Телы и Ретайны, и отошел в область Эдессы. Маврикию не удалось настигнуть неприятеля, который успел уйти, захватив всю награбленную добычу и уведя пленных.[928] Персидские арабы воспользовались выходом Мундара и сделали набег на его стоянки; а Мундар по возвращении собрал свои силы и отплатил им тем же.[929]

В 582 году враждебные державы сделали еще раз попытку прийти к соглашению, и опять начались переговоры. Уполномоченным с римской стороны был тот же Захария, а с персидской — Андиган.[930] Свидание уполномоченных состоялось в местности между Дарой и Мардами. Персы не отступались от требования ежегодной дани. Пока шли переговоры, враждебные армии стояли неподалеку друг от друга. Поблизости от Дары имел свою стоянку Тамхосров, а близ Телы в богатых водой и растительностью местах стоял в укрепленном лагере Маврикий. Центром его позиции была крепость Монокарт. Совещание не привело ни к какому соглашению, и Тамхосров начал наступление. Но он пал в кровопролитной битве, и это обстоятельство отдало римлянам победу. Иоанн Эфесский сохранил слухи, ходившие среди военных людей о том, что смерть Тамхосрова была подвигом вождя Константина. Разузнав раньше от одного пленника о месте в строю, где становился Тамхосров, он подскакал к нему и, соскочив с коня, ударил пикой в грудь персидского вождя. Свита изрубила Константина, но смерть Тамхосрова остановила пыл персов, и поле битвы осталось за римлянами.[931] Около того же времени потерпел тяжкое поражение Адарман, но Мундар и Теодорих дали ему уйти. Таково свидетельство Евагрия.[932]

Сражение близ Константины было последним военным делом Маврикия на Востоке. Император вызвал его в столицу и отпраздновал его победы триумфом.[933]

ДЕЛА НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. НАШЕСТВИЕ СЛАВЯН В ПРИДУНАЙСКИЕ ОБЛАСТИ. СНОШЕНИЯ С АВАРАМИ. УТРАТА СИРМИЯ. СНОШЕНИЯ С ТУРКАМИ. ДЕЛА В ИТАЛИИ И АФРИКЕ

Печальная для империи необходимость сосредоточить свои военные силы на восточной границе имела тяжкие последствия для судеб ближайших к столице областей Балканского полуострова. Усиленная отправка войск на Восток ослабила охрану придунайских стран, и этим воспользовались задунайские варвары. В третий год правления Тиверия в звании кесаря (577) славяне в огромной массе—100 тысяч человек, по свидетельству Менандра, — переправились через Дунай, наводнили Фракийские области, перешли на юг и грабили и разоряли «Элладу», т. е. Македонию и Фессалию, как тогда называли эти области.[934] Не располагая военными силами для отражения нашествия, Тиверий пришел к мысли воспользоваться против славян аварами, с которыми империя состояла в союзе на условии уплаты ежегодной дани в 80 тысяч номизм, и приказал Иоанну, магистру армии Иллирика, предложить хану сделать вторжение в землю славян, чтобы тем заставить их вернуться назад на защиту своей земли. Становища аваров находились тогда в Паннонии на правом берегу Дуная. Иоанн явился к Баяну и передал просьбу императора. У хана были в ту пору свои причины питать злобу против славян. Считая их в числе подвластных ему народов, он незадолго до того отправил к ним посольство с требованием дани. Но славянский князь Даврита (Δαυρίτας) отверг его требования, и горячие объяснения с послами дошли до свалки, в которой послы хана были перебиты. Лишь много времени спустя хан узнал о печальной судьбе своего посольства. Таким образом, для хана поход против славян был делом личной мести. Он согласился на предложение императора, и огромные силы аваров, 60 тысяч человек, были переправлены на лодках через Саву и, вступив на римскую территорию, прошли затем по римским дорогам вдоль течения Дуная до места переправы в области, заселенные славянами. Корабли сторожевого флота, так наз. «двухкормные», перевезли аваров на левый берег реки. Вторгшись в земли славян, хан грабил и разорял покинутые своими обитателями селения. Славяне укрывались в лесах и пещерах. Впоследствии хан хвалился, что он освободил из неволи очень много пленных римлян, которых славяне держали в рабстве. Наш источник об этом событии, Менандр, не давая

---

[926] *Menandri* frg. 57. В отрывке Менандра нет сведений о конце этого предприятия, но через несколько лет ту же крепость неудачно осаждал Филиппик.
[927] *Johan. Ephes.* 6, 16, p. 244.
[928] Ib. 6, 17, p. 244—245; *Theoph. Sim*. 3, 17.
[929] Ib. 6, 18, p. 245.
[930] По сведениям Иоанна Эфесского в переговорах принимали деятельное участие епископы Нисибина и Ретайны.
[931] *Menandri* frg. 60—61, *Johan. Ephes.* 6, 25, p. 256—257 ; 6, 35, 264; *Theoph. Sim*. 3, 18. — Римские войска были разбиты, как это видно из текста отрывка Менандра, а также из намеренного умолчания Евагрия. Но смерть Тамхосрова превратила поражение в победу. Менандр не знал, кто убил Тамхосрова, и отметил это в своем упоминании о его смерти.
[932] *Evagr*. 5, 20.
[933] *Theoph.* 251, 32.
[934] *Johan. Ephes.* 6, 25, p. 255 —третий год Тиверия, *Menandri* frg. 47—κατά το τέταρτον έτος.

точных указаний на территорию, помещает переправу в Скифии, т. е. на нижнем Дунае. Отсюда можно заключить, что славяне заселяли тогда восточные области нынешней Румынии.[935]

Нашествие аваров на славян не облегчило, по-видимому, положения империи, и вторжение славян не оказалось преходящим бедствием, как то бывало при Анастасии и Юстиниане. Иоанн Эфесский, современник этих событий, занес в свое повествование свидетельство о страшном разорении православных церквей, в чем монофизиты видели проявление гнева Божьего за претерпеваемые ими гонения и, отмечая 583 год своей записи об этом событии, сделал общее замечание такого рода: «Будучи весьма слабо вооружены — двумя- тремя метательными копьями, славяне взяли много укрепленных городов на своем пути, обосновались на захваченных территориях, обжились на новых местах, владеют большими стадами, стали богаты, имеют золото и серебро, обзавелись оружием. Для поселения они предпочитают лесистые местности, представляющие большие удобства для укрывательства от неприятеля».[936] Весьма вероятно, что именно с этой поры началось прочное заселение славянами Македонии и Фессалии, которое было уже совершившимся фактом в конце правления Маврикия.

В начале 580 года в столицу явился посол хана Таргитай и получил условленную сумму поминок. Сделав разные покупки в столице, он уехал назад. Мир казался обеспеченным; но, получив деньги, хан собрал войска и двинулся с ними на Саву. Став лагерем в местности между Сирмием и Сингидоном, он начал строить мост на реке. Одновременно с тем по Дунаю спустилась флотилия речных судов и, обойдя Сингидон, вошла в низовья Савы. Суда были более простой конструкции, чем та, которую знали тогда римляне, но были достаточно вместительны и могли служить для военных целей. Командовавший в Сингидоне начальник, по имени Сиф, признавая в этом нарушение мира, заявил хану претензию за его враждебные действия. В происшедших переговорах хан объяснил, что он собирается в поход на славян тем же путем, какой он сделал два года тому назад, и для этой цели строит мост, не питая никаких враждебных намерений против империи.[937] Для оповещения императора об этом походе он желал отправить к нему посольство и заявлял готовность подтвердить клятвой чистоту своих намерений. Сиф принял это предложение, и хан принес в присутствии свидетелей клятву. На обнаженном мече он накликал на себя и аваров всякие несчастия, если он замышляет что-либо злое против римлян при сооружении моста. Не довольствуясь клятвой по обычаям своей религии, хан выразил готовность присягнуть во второй раз на том, что считают святым римляне. Епископ прислал Евангелие, и хан, сойдя с трона, опустился на колени и, выражая внешним образом благоговение, поклялся, что он не питает злых умыслов и говорит правду. После этого Сиф отправил послов хана в Константинополь.

Император видел в постройке моста через Саву враждебные намерения хана и опасался за судьбу Сирмия. Он заявил послу, что считает несвоевременным поход хана на славян и полагает, что для самих аваров это будет опасно, так как турки будут поставлены в известность о местонахождении аваров и легче их настигнут. Таким образом, посол получил отказ, но увез щедрые дары, которыми наградил его, по обычаю, император. На обратном пути посол хана был застигнут славянами, разбойничавшими в Иллирике, и убит. От хана явился в столицу другой посол, по имени Солах. Хан успел уже выстроить мост и был уверен в успехе своего предприятия; его посол держал пред императором дерзкую речь, требовал передачи Сирмия, ссылаясь на то, что он принадлежал прежде гепидам, и указывая на невозможность для императора подать помощь городу. Он откровенно изъяснял мотивы хана: покончив дела с персами, император направит все свои силы против аваров; а потому хан должен обеспечить себя, заняв важную крепость, которая, оставаясь в руках римлян, является для него угрозой. Посол просил императора приказать гарнизону и населению очистить город, увезя все свое имущество, и предоставить голые стены аварам. Император заявил, что он лучше выдаст за хана одну из своих дочерей, чем отдаст ему Сирмий, и после отъезда посла отправил приказ командиру гарнизонов в Иллирике и Далмации оказать помощь Сирмию.[938]

Для переговоров с ханом был послан уполномоченный, по имени Феогнид. Его свидание с ханом подробно описано у Менандра. Подъехав к условленному месту, хан сошел с коня и сел на золотой трон. Его окружила свита и против груди хана держали щит в предупреждение предательского выстрела. Хан настаивал на необходимости для него занять Сирмий, и возражения Феогнида не имели никакого успеха. Вскоре началась осада города, которая затянулась на два года.[939] Император снарядил военную помощь и отправил евнуха Нарзеса, снабдив его деньгами для воздействия на настроение близких к хану людей. Нарзес ехал морем. Корабль с деньгами погиб в пути. Нарзес высадился в устьях Дуная, расхворался и умер.[940] В Сирмии настал страшный голод; тем не менее, гарнизон храбро держался до последней крайности. Феогнид, разделявший бедствия осады, довел до сведения императора о крайнем положении города, и Тиверий прислал к хану префекта претория Каллиста, чтобы условиться насчет сдачи Сирмия.[941] Хан согласился разрешить населению и гарнизону выйти из города, оставив все свое имущество, и требовал уплаты дани за три года, так как она была прекращена с начала военных действий. Город был сдан, деньги уплачены, и вожди, покидавшие крепость, должны были, по требованию хана, дать ему клятву в том, что ему будет выдан один перебежчик, если он окажется в пределах империи.[942] Иоанн Эфесский сохранил свидетельство, что авары выказали сострадание к изголодавшемуся населению, кормили и поили его; но эта забота не послужила на пользу, так как многие, набрасываясь на пищу

---

[935] *Menandri* frg. 48. Что касается места переправы, то позднейшие сообщения о военных действиях против славян римских полководцев при Маврикии позволяют локализовать ее в Дуросторе (и. Силистрия).
[936] *Johan. Ephes.* 6, 25, p. 255. Иоанн Бикларийский под третьим годом Тиверия, который соответствует 577, записал следующее: Avares a finibus Thraciae pelluntur el partes Graeciae atque Pannoniae occupant, a под 579—Sclavinorum gens Illyricum et Thracias vastat.
[937] Иоанн Эфесский — 6, 24, p. 253—259, сохранил свидетельство, что мост строили римские инженеры, вынужденные к тому ханом. Они были присланы к нему еще при жизни Юстина для сооружения дворца и бани в его столице.
[938] *Menandri* frg. 64.
[939] Ib. frg. 65.
[940] *Johan. Ephes.* 6, 30—31, p, 261—262.
[941] Ib. 6, 32, p. 262.
[942] *Menandri* frg. 66.

после долгого голода, тут же умирали.[943] Так был потерян Сирмий и его область, остаток старой провинции Вторая Паннония. С тех пор крайним пограничным пунктом стал опять Сингидон, при впадении Савы в Дунай.

Во время переговоров после сдачи Сирмия хан выразил желание, чтобы император прислал ему слона. Самый большой слон из числа имевшихся в столице совершил путешествие на Дунай и после осмотра его ханом вернулся назад. Затем хан потребовал от императора, чтобы тот прислал ему золотую кровать. Император приказал изготовить ее и послал хану. Но тот остался недоволен этим подарком и отослал его назад. Эти наглые требования исполнял уже не Тиверий, а его преемник.[944]

Сношения византийского двора с турецким владыкой не прекратились на посольстве Зимарха. Хан прислал своим послом Ананкаста,[945] а император отправил в ответ посольство Евтихия и Валентина. После этого было посольство Иродиана и Павла Киликийца. Менандр в сохранившихся отрывках дает лишь перечисления послов без указания точной даты.[946] Турки предлагали императору начать в союзе с ними военные действия против персов. Свое первое посольство к владыке турок с извещением о вступлении во власть Тиверий снарядил в 576 году. Послом был назначен Валентин, ездивший к аварам в 558 году, а затем к туркам после Зимарха. К императорскому посольству присоединилось 106 человек турок, которые задержались в столице по разным делам. Валентин отплыл на быстроходных судах обычным в ту пору и позднее путем на Синоп, оттуда в Херсон, а затем на нын. Таманский полуостров. Дальнейший путь лежал через степи в северо-восточном направлении. Пройдя много степных и болотных мест, Валентин имел остановку в улусе, находившемся под властью женщины, по имени Аккага (Ἀκκάγα), которую утвердил в ее царском достоинстве хан утургуров Анагей.[947] Вскоре затем Валентин прибыл в места кочевий турок и имел свидание с Турксанфом, одним из восьми князей, подчиненных власти великого хана.[948] На приеме Валентин объявил Турксанфу о перемене, происшедшей на византийском троне, и выразил надежду, что при Тиверии продолжатся установившиеся раньше добрые отношения с ханом и Турксанф выступит против персов, которые находятся в войне с империей. В ответ на приветствие посла Турксанф разразился грубым упреком римлянам за то, что император, состоя в союзе с турками, поддерживает в то же время союзные отношения с вархонитами, грозился растоптать последних копытами своих коней, хвалился разгромом и покорением алан и утургуров, упрекал римлян за то, что его посольство в столицу было направлено по трудному горному пути через Кавказ, тогда как существует известная ему прямая дорога через степи, с переправами на реках Днепре, Истре и Гебре (Марица). Смиренным тоном своих возражений Валентин старался смягчить настроение гневного хана. Так как в эту пору Турксанф справлял поминки по умершем отце, то он потребовал, чтобы посол императора и его свита разделили его траур и изрезали себе в кровь щеки. Валентин подчинился этому требованию. В один из дней траура послы были свидетелями, как Турксанф приказал зарезать коней своего отца и четырех пленных гуннов, чтобы они возвестили почившему о его скорби. После поминок Турксанф вел долгие совещания с Валентином и отпустил его дальше на пути следования на гору Эктель (Эктаг), местопребывание великого хана. В числе других ханов, к которым направлялся Валентин, назван единокровный Турксанфу хан Тарду. Об этом хане имеются с 582 г. свидетельства в китайских летописях, где он носит имя Ta-t'eou. Он заменил в верховном звании своего отца и был самым могущественным ханом западных турок до 603 года.[949]

В отрывках Менандра не сохранилось сведений о дальнейшем пути посольства Валентина и его возвращении; но есть еще одно интересное и важное сведение, а именно: в то самое время, как посольство находилось у Турксанфа, хан утургуров Анагей осаждал город Боспор, восстановивший свою старую связь с империей при Юстине I. В угрозу Валентину Турксанф послал на помощь Анагею отряд турок под начальством Бохана (Βώχανος). Город был взят, и это было как бы началом открытых военных действий со стороны турок против империи.[950]

Сношения с турками не прерывались, и император был осведомлен об их движениях в черноморских степях. Когда в 580 году аварский хан собирался в поход на славян, Тиверий старался удержать его угрозой близости турок, которые тогда были неподалеку от Херсонеса. Византийский двор следил за судьбой отдаленных культурных центров Черноморского побережья, поддерживавших свои связи с империей. Херсонес уцелел от нашествия, а Боспор оказался опять под властью императора. Начавшиеся вскоре внутренние несогласия среди турецких ханов и война с персами в 589 году заставили турецкую волну отхлынуть на восток. Одна известная надпись, найденная в 1803 году, дала ясное свидетельство о том, что в 590 году дукс римской армии в звании стратилата сидел в Херсонесе и по его приказанию строилось какое-то здание в Боспоре (Керчь).[951]

---

[943] *Johan. Ephes.* 6, 32, p. 263.
[944] *Theoph. Sim.* 1, 3.
[945] Имя Ананкаст *Marquardt* исправляет в Анагей, Ἀναγαίης, и видит в нем князя уйгуров, сидевших на Волге. Hist. Glossen zu den altturk. Inschriften, p. 193.
[946] *Menandri* frg. 43.
[947] Менандр называет Анагея ханом «утигуров». *Marquardt*, Die Chronologie der altturkischen Inschriften, p. 81, n. 4 — предлагает поправку Οὐιγούρων, т. е. видит в этом племени тех самых уйгуров, которых застал на правом берегу Волги Зимарх на своем обратном пути. Утургуры после разгрома со стороны аваров не могли уже иметь большого значения, а уйгуры составляли часть новой надвинувшейся турецкой массы.
[948] Послы хана в 568 году сообщили о четырех областях державы хана. Удвоение числа подначальных князей (шадов, как они назывались) является указанием на расширение власти хана над своими соплеменниками.
[949] Сопоставление данных см. *Chavannes*, p. 48, n. 5.
[950] *Menandri* frg. 43; 45.
[951] *Латышев*, Христ. надписи юга России, 99.

Эта надпись была предметом ученого спора между мной и акад. В. В. Латышевым на страницах *Византийского Временника.* В первом томе Этого журнала акад. Латышев поместил свое объяснение надписи, а в третьем я представил свое толкование ее со стороны содержания и резко разошелся с почтенным исследователем в понимании свидетельств этого текста. Проф. Бьюри сделал мне честь, отметив мои замечания в своих примечаниях к IV тому издания «Истории Византии» Гиббона. Акад. Латышев возражал мне в 21 томе *Записок Имп. Одесского Общества Истории и древностей* (1898 г.) и перепечатал как свою статью о надписи Евпатерия, так и дополнение к ней, в сборнике *Pontika* (Пет. 1909), стр. 201—217. Я имел случай высказаться по основному предмету спора в моей статье «К истории готской епархии (в Крыму) в VIII веке» *(Жур. Мин. Просв.* 1898, февраль) и

Жизненные интересы империи были сосредоточены на востоке, и византийский двор мало уделял внимания западным областям, воссоединенным с империей при Юстиниане. В Италии лангобарды продолжали распространять и утверждать свое владычество. Римский сенат, ослабленный в своем составе и значении, храня воспоминания о великом прошлом, считал себя центральным органом государственной жизни страны и в этом сознании взывал к императору с просьбой прислать военную силу для борьбы с варварами. Чтобы помочь со своей стороны императору в снаряжении войска, сенаторы обложили себя чрезвычайными сборами, и один из них, по имени Памфроний, отвез в Константинополь три тысячи фунтов золота (578 год). Но Тиверий не считал возможным вмешаться в дело охраны Италии вооруженной рукой и отослал деньги обратно в Рим, предложив употребить их на вербовку лангобардов для войны с персами. Он рассчитывал таким путем уменьшить количество бродивших в Италии буйных дружин и облегчить положение страны. В случае неудачи этой попытки он советовал употребить эти деньги на то, чтобы поднять франков против лангобардов.[952]

Еще на старых местах своего жительства лангобарды не имели добрых отношений с франками и не поддержали коварных замыслов Теодеберта против империи при Юстиниане. После водворения в Италии они и их союзники, прибывшие вместе с ними в Италию саксы, предпринимали нашествия через альпийские проходы в южную Галлию. Эти походы, разорявшие цветущие области, находившиеся во владении франков, оканчивались каждый раз неблагополучно для нападавших, а когда саксы задумали вернуться на старые места своего жительства через владения франков, то были истреблены в прирейнских областях.[953] Византийская политика была осведомлена о взаимной вражде лангобардов и франков и постаралась учесть это обстоятельство в своих интересах. Тиверий отправил посольство к царю франков Хильперику, и тот ответил ему посольством в Константинополь, которое совершило свой путь через Карфаген. Послы Хильперика были приняты с почетом и увезли с собой большой груз новых золотых монет с надписанием имени Тиберия и его императорского титула.[954] На повторные посольства сената Тиверий направил в Италию небольшую военную помощь и в то же время старался воздействовать денежными подачками на настроение отдельных лангобардских герцогов. Сохранивший это сведение Менандр свидетельствует, что старания императора не были безуспешны.[955] Лангобарды сражались на далекой персидской границе во славу империи, но это не облегчило положения Италии.

Более благоприятно шли при Тиверии дела в Африке в борьбе с ненадежными и изменчивыми в своем настроении маврскими племенами. В 578 году магистром армии в Африке был назначен Геннадий. Грозный враг империи, Гармул, победитель трех армий при Юстине, был разбит в большой битве, и Геннадий убил его своей рукой. Сведение об этом успехе римского оружия исчерпывается краткой летописной заметкой испанского монаха.[956] Тот же источник сохранил свидетельство об успехе римского оружия и в Испании в 576 году. Магистр армии Роман, сын Анагаста, захватил в плен царя свевов, подчинил его земли императору и отослал в Константинополь царя с его семейством и сокровищами.

ПАТРИАРХ ЕВТИХИИ. ЭДИКТ ТИВЕРИЯ О ЕРЕТИКАХ. ДЕЛО О ЯЗЫЧНИКАХ. БОРЬБА В НЕДРАХ МОНОФИЗИТСКОЙ ЦЕРКВИ. ЦАРЬ МУНДАР. СМЕРТЬ ЕВТИХИЯ. СМЕРТЬ ТИВЕРИЯ

Призванный к власти в ту пору, когда империю постигли тяжкие удары со стороны Хосрова, Тиверий считал заботу о войне своей первой обязанностью и отдавал ей все свои силы. Не желая втягиваться в религиозные споры, столь тяжко отражавшиеся на общественной и государственной жизни того времени, он относился с большим неодобрением к преследованиям монофизитов, которые начал патриарх Иоанн при Юстине, и, став кесарем, настойчиво советовал патриарху не брать на себя роли Диоклетиана и не преследовать христиан, каковыми считал монофизитов и сам патриарх.[957] 31 августа 576 года скончался после тяжкой болезни патриарх Иоанн, и на константинопольскую кафедру решено было возвратить Евтихия, занимавшего ее в течение 12 лет при Юстиниане до насильственного смещения 12 апреля 565 года. Строгий монах и аскет, Евтихий провел годы изгнания в своем монастыре в городе Амасии. Его репутация, как человека святой жизни, выросла за время его изгнания. В столице он был встречен с большим торжеством и через два месяца по смерти Иоанна вновь занял кафедру (октябрь 577 года).[958] Так как он был низложен, а патриаршество Иоанна считалось законным, то возникал канонический вопрос, может ли он вновь занять кафедру без соборного осуждения почившего патриарха. Заявление в этом смысле было сделано апокрисиарием римского паны при константинопольском дворе, но его не уважили, и Евтихий вступил в отправление полномочий своего сана. В отношении к своему предшественнику он ограничился тем, что приказал уничтожить все его портреты, как тот уничтожал изображения монофизитских епископов; все родственники Иоанна, занимавшие разные посты по церковному управлению, были удалены в отставку.[959] За время своего изгнания Евтихий продолжал свою литературную деятельность и, водворившись опять на кафедре, стал рассылать представителям знати свои творения, написанные на тему о двух естествах во Христе. По свидетельству современного монофизитского автора, писания Евтихия не встречали сочувствия, а напротив, вызывали протест даже в среде епископов его собственной партии, и старый патриарх получал предостережения в том смысле, что его писания могут вызвать новое волнение в

пользуюсь этим случаем, чтобы взять назад свои сомнения насчет того, что восстановляемое в тексте надписи имя Μαυρίκις не относится к императору Маврикию. Кое-что в вопросе о тогдашних условиях жизни на Боспоре остается для меня и поныне не совсем ясным, но в главном и по существу я совершенно согласен с акад. Латышевым.

[952] *Menandri* frg. 49.
[953] *Paul. diac.* 3, 3—8.
[954] Ib. 3, 13. Павел Диакон занес в свой текст легенду монет.
[955] *Menandri* frg. 62.
[956] *Johan. Bicl.* s. a. (Chr. min. II 215).
[957] *Johan. Ephes.* 1, 37, p. 35.
[958] Ib. 3, 31, p. 74; *Theoph.* 248, 13.
[959] *Johan. Ephes.* 2, 32—34, p. 74—76.

церкви и усилить раздор.[960]

Приближенные к патриарху люди, извлекавшие выгоды от преследования монофизитов, побуждали его продолжать применение тех мер, которые допускал Иоанн. Но Тиверий, к которому обратился по этому делу Евтихий, отвечал ему так же, как и его предшественнику, что с него довольно войны с персами, чтобы не желать другой, внутренней, и предложил патриарху ограничиться мерами убеждения, если он вообще намерен поднимать спор с монофизитами. Дух времени был сильнее доброй воли государя, и самый путь убеждения имел особый характер. Так, в начале 578 года, в одно воскресенье, когда монофизиты собрались на богослужение в свой храм, находившийся во дворце Марины, в церковь ворвалась толпа, все разграбила, издевалась над портретами Севера и Феодосия и отвела тех, кого удалось захватить, в заточение, где уже сидели их, единомышленники. Патриарх вызывал их в епископию, вел с ними беседы в течение долгого времени и, ничего не добившись, отпустил.[961] В мае месяце того же года прибыли в Константинополь, по распоряжению правительства, представители монашества из Александрии. Распоряжение было сделано по настоянию покойного патриарха Иоанна. Евтихий принял их очень немилостиво и потребовал, чтобы они иступили в церковное общение с синодальной церковью. Они отказались и были заточены. Их не раз вызывали для увещания, но они соглашались вступить в собеседование только при участии императора и синклита. Пока монахи сидели в заточении, скончался их архимандрит, и его смерть еще более затруднила дело. Они были отпущены только в 580 году по ходатайству царя Мундара.[962]

Перед самым праздником Рождества Христова 578 года попал в заточение вместе с другими членами своей церкви Иоанн Эфесский, многократно подвергавшийся этой мере внушения. Он провел вместе со своими клириками праздник Рождества Христова в доме предварительного заключения (cancelli). После 1 января их перевели в тюрьму, откуда водили в течение 18 дней на увещание. Наконец он был отпущен и должен был покинуть столицу. Хотя он страдал подагрой, но у него отняли его осла, чем сделали еще более бедственным его положение. Потерпевший приписывает эту обиду лично патриарху.[963] Скоро, однако, Иоанн был опять в столице и вел сношения с Мундаром. По-видимому, насилия над монофизитами и ограбление их церквей в столице были скорее делом народной ярости, чем результатом распоряжений правительства. Пример столицы вызывал подражание в провинциях.

Хотя Тиверий был против всяких преследований за веру, но ему пришлось с самого же начала правления подчиниться духу времени и издать эдикт о преследовании еретиков разных наименований, не только ариан, которые были представлены готским элементом, но и других старых, над которыми давно было изречено запрещение. Поводом послужило следующее обстоятельство. — Формируя войска для отправки на Восток, он вызывал в столицу много готов и других варваров, исповедовавших арианство. Вместе с воинами являлись и их семейства, и жены солдат просили императора предоставить церковь для отправления культа по арианскому исповеданию. Среди фанатического населения столицы пошли слухи, что Тиверий втайне разделяет арианские заблуждения. Когда после венчания на царство Тиверий совершал свой выезд в храм св. Софии, церковные сторожа, находившиеся в толпе, из которой неслись по обычаю восторженные клики в честь нового императора, кричали ему: «Да будут извергнуты кости ариан! Да извергнутся кости еретиков и язычников! Да будет прославлена христианская вера!» Тиверий слышал эти крики и был очень недоволен и огорчен ими. Он приказал арестовать виновных и в объяснениях с ними заявлял о своем православии. Оставив их без наказания, он, однако, не решился предоставить храм для арианского культа в столице. Не ограничившись этим, он издал указ об аресте и заключении в тюрьму повинных в ереси ариан, манихеев, самобратиан. Этот указ был выставлен во всеобщее сведение в разных местах столицы. Начались аресты, многие откупались от заточения, преследования простерлись и на монофизитов.[964]

Весною 580 года в Константинополе разыгрались большие волнения на почве возбуждения народной ярости против язычников. — От христианского населения города Гелиополя (Бельбек) пришли жалобы на вызывающее поведение местных язычников. Тиверий направил туда некоего Феофила, который еще при Юстине был послан в Палестину для подавления беспорядков, вызванных самаритянами и иудеями. Он действовал жестоко и многих предавал казни. Получив приказание разобрать жалобы христиан в Гелиополе, Феофил отправился туда, арестовал много язычников, произвел строгое следствие и многих предал жестокой казни распятия. Показания попавших под следствие указали Феофилу на принадлежность к язычеству некоего Руфина, который состоял нотарием префекта претория Востока. Феофил послал позвать его на следствие; но оказалось, что он уехал в Эдессу к заместителю префекта, Анатолию.[965] Феофил отправился сам в Эдессу и по прибытии туда получил известие, что у Руфина собрались язычники и совершали там жертву Зевсу. Стража окружила дом. Ее увидали и все разбежались. Остался один Руфин, который, видя себя в безвыходном положении, лишил себя жизни жертвенным ножом. Аресты лиц по подозрению в приверженности к язычеству дали Феофилу доказательство участия в этом деле Анатолия. То был человек простого происхождения, из класса ремесленников, который сумел подняться до высокого служебного ранга и занимал видное положение при комите Востока. Чтобы придать себе больше значения, он поддерживал живое общение с патриархом Григорием и пользовался его расположением. Феофил арестовал его и заставил дать поручительство в том, что он явится на суд в Антиохию. Арестованный нотарий Анатолия показал под пыткой, будто Анатолий совершил однажды ночью в Дафне, предместье Антиохии, заклание младенца. На обыске в доме Анатолия найдено было изображение Христа с приделанной к нему статуей Аполлона. На пытке, которой подвергли Анатолия, он признался во всем, в чем его обвиняли. Анатолия и всех привлеченных к суду по этому делу Феофил распорядился препроводить в столицу.

---

[960] Ib. 3, 18, p. 133.
[961] Ib. 3, 16, p. 111.
[962] Ib. 4, 37—38, p. 168.
[963] Ib. 3, 15, p. 110.
[964] Ib. 3, 13, p. 107—108; 3, 26, p. 120—121.
[965] Юстиниан, в эдикте 556 года (Novella XXXIV, c. 1), запрещая правителям провинций и префектам назначать заместителей, кроме экстренных случаев и военного времени, делал изъятие для Осроены и Месопотамии.

Когда это дело огласилось, в столице началось страшное возбуждение. Император распорядился назначить комиссию из членов синклита для суда над язычниками, а сам уехал в Евдом. Разбор дела затянулся, и судьи склонялись к тому, чтобы применить к обвиняемым низшую меру наказания, ссылку, а не смертную казнь. Слухи о снисходительности суда вызвали злые пересуды и раздражение в народе, которое разразилось бунтом. Огромная толпа собралась на главной улице Константинополя и с криками: «Да будут извержены кости судей», «Да будут извержены кости язычников», направилась в храм св. Софии. Весь город пришел в волнение, лавки в соседних кварталах закрылись, и все население приняло участие в демонстрации. Ворвавшись в церковь, толпа стала осыпать бранью патриарха, обвиняла его в потворстве язычеству и прикосновенности к нему, грозя ему за это смертью. Евтихий старался успокоить толпу. Патриарший дом был окружен со всех сторон. Раздавались возгласы, приглашавшие поджечь его; но близость храма удержала толпу, так как побоялись, что в огне окажется и св. София. Один член клира едва ушел от смертельной опасности. Оставив патриархию, толпа двинулась к дворцу Плацидии, где происходили заседания суда над язычниками; толпа обыскала все здание, нашла двух заключенных и, приняв их за язычников, решила подвергнуть их казни. То были женщина и мужчина. Их приволокли на берег моря, бросили в лодку, подожгли ее и пустили в море. В лодку и в огонь был брошен и палач, но он успел выпрыгнуть в море и спастись. Полюбовавшись зрелищем гибели в море несчастных жертв своей ярости, толпа двинулась к тюрьме, сломала ворота и выпустила всех заключенных с криками: «Язычников отпускают, так к чему же держать в заточении христиан!» Затем толпа направилась к преторию народного претора (никтепарха), сломала ворота дома предварительного заключения, выпустила всех заключенных, опустошила канцелярию, и, сделав свое дело, направилась к преторию префекта города. Он сумел воздействовать на толпу тем, что стал сам кричать: «Да будут извергнуты кости язычников! Да прославится вера христианская!», хвалил народ за его благочестивое настроение и объяснил, что дело о язычниках изъято из его ведения. Это воздействовало на толпу, и она оставила свои мысли поджечь преторий и звала префекта идти вместе к императору в Евдом.

Префект не успел облачиться в парадные одежды своего сана и пошел в толпу. Выбравшись из нее, он приказал подать себе лодку и поехал морем, чтобы предупредить императора. С грозными криками толпа окружила дворец. Император объявил через глашатаев свой приказ, в котором обещал немедленно вернуться в город, строго разобрать дело о язычниках и покарать их. Раздражение стихло, и толпа рассеялось. Этот взрыв народной ярости произошел 18 апреля 580 года.

Тиверий сделал распоряжение усилить городской гарнизон и вернулся в столицу. Префект Севериан был отставлен и на его место назначен Юлиан. Он получил приказание арестовать и наказать зачинщиков бунта. Так как в этом движении принимали участие иудеи, самаритяне и всякие еретики, то префект арестовал некоторых из них, производил допрос и, установив их виновность в бунте, подвергал смертной казни. Эти казни не вызывали никакого протеста в христианской и правоверной массе населения, а напротив, принимались как должное возмездие за вмешательство иудеев и еретиков в дела правоверных христиан. Когда черед дошел до христиан, то в отношении к ним префект был мягче и ограничивался сечением, — в особенности, если то были малолетки, которые также принимали участие в буйствах, — или же с позором возил виновных по городу на осле. Наконец префект счел нужным просить императора дать амнистию христианам за бунт, и Тиверий дал разрешение прекратить взыскание.

В то же время во дворце Плацидии начались заседания суда над язычниками. Виновность Анатолия была доказана и его приговорили к страшной казни: после пыток он был брошен на арену к диким зверям, которые его истерзали, а затем его распяли на кресте. Жестоким пыткам подвергнут был также близкий к Анатолию Феодор, у которого вырвали признание в разных демонских делах. Он скончался в тюрьме, но его труп все-таки был сожжен. Следствие и суд продолжались и после этих казней, и много людей потерпели разные мучения как в столице, так и в других местах.[966]

Дело о язычниках создало большие затруднения антиохийскому патриарху Григорию. Так как Анатолий пользовался его расположением, то нашлись ревнители православия, обвинившие патриарха в прикосновенности к этому делу. Подвижное антиохийское население возгорелось ненавистью к своему духовному главе, и на улицах раздавались крики: «В огонь его!» Григорий имел знакомства с влиятельными людьми при дворе и, располагая большими церковными средствами, отправился в столицу. По сообщению монофизитского писателя, он задарил членов синклита и родных патриарха, который был вначале против него, но не устоял пред его подношениями. Будучи принят при дворе и укрепив свои связи в столице, Григорий вернулся с почетом в Антиохию и, чтобы расположить к себе население, исхлопотал у императора пособие на постройку ипподрома. Рассказывали, что он сам привез из Константинополя мимов, чтобы веселить народ в дни игр. Ревнители христианского благочестия осуждали Григория и применяли к нему слова Евангелия: «Если соль обуяет, то чем осолится».[967]

Раскол в недрах монофизитской церкви продолжался и осложнялся в правление Тиверия. Новый трактат Иоанна Филопона расколол партию Конона, Евгения и Афанасия на два враждебных лагеря. Конон остался при первоначальной формулировке тритеизма, но значительная часть его приверженцев отделилась от него. Скоро явилась и третья секта, главой которой был Стефан. Она получила название агноитов (незнающих).

Среди сирийских монофизитов длился прежний раскол между паствой, оставшейся верной Якову Барадею, и теми, которые считали своим главой Павла и назывались павлитами. Видные члены столичной знати, Иоанн и Петр из дома Анастасия, во время своего пребывания на Востоке в 577 году приняли живое участие в этом деле и прилагали все старания примирить раздор между павлитами и яковитами. По всем городам, где им приходилось останавливаться, они делали собрания в интересах установления согласия. Сами они стояли за Павла. Все их усилия остались тщетными.[968] Обе партии искали поддержки в Египте и соглашения с частью

---

[966] *Johan. Ephes*. 3, 27—34, p. 121—131; *Evagr*. 5, 18; *Mych. Syr*. II 318 сл.
[967] *Johan. Ephes.* 5, 17, p. 208.
[968] Ib. 4, 45—46, p. 176—178.

тамошних разбившихся на два главных течения монофизитов, феодосиан и гайанитов. Одно время соглашение казалось достигнутым и обе эти церкви считали своим патриархом Петра-яковита, с 576 по 578 год. Но единство не удержалось, и в Александрии скоро явилось три патриарха, не считая патриарха мельхитов, Иоанна IV (с 569 по 579 год).[969] В июле 578 года во главе партии яковитов, т. е. феодосиан, в Александрии стал энергичный и предприимчивый Дамиан, деятельность которого внесла новое ожесточение в старую борьбу. Все эти патриархи, оспаривавшие друг у друга правую веру, имели общим центром борьбы Константинополь. Самым постоянным обитателем столицы был Иоанн Эфесский, стоявший между двумя сирийскими партиями, Якова Барадея и Павла. Он старался воздействовать умиротворяющим образом на обе стороны, с ним вели переписку и просили его посредства представители обеих, и он дал в своем сочинении скорбное сознание беспомощности в близком его сердцу деле единства церкви, осуществление которого стало теперь еще труднее, чем то было при Юстиниане.[970]

Раскол между сирийскими монофизитами отражался на арабах. Христианство было уже давно господствующей религией у тех племен, которые признавали над собой власть императора. Оно проникало также и в среду персидских арабов, имевших свой центр в Гире. Юстиниан со своим вселенским идеалом верховной власти императора, единого на земле главы христианского мира, захватывал в свой кругозор и персидских арабов, вступил в сношения с царем Аламундаром и своими дарами, которые посылал время от времени, завязывал тот узел, который в его мыслях должен был подчинить идее империи и эту часть племени. Но его преемник посмотрел иначе на дело и отказался от всяких сношений с персидскими арабами, что имело своим последствием усиление вражды между ними и римскими их соплеменниками.

Когда Яков Барадей осуществил свое тяжкое дело, отторжение Востока от столицы на почве религиозного раскола, христианские арабы оказались на его стороне, и царь Мундар твердо и решительно стал на сторону монофизитов. Раздор между яковитами и павлитами поставил его в затруднение, и он со своей стороны ревностно старался примирить враждующие партии. Его усилия были безуспешны, и он прибег к новому способу воздействия, перенеся свои старания в столицу, куда сходились все нити имперской политики. Пока был жив Юстин, который оттолкнул его от себя и даже поставил во враждебные отношения, Мундар держался в стороне и в течение нескольких лет вовсе не принимал участия в войне римлян с персами. Когда же Юстин скончался и на престоле сидел Тиверий, Мундар сам явился в столицу. 8 февраля 579 года он был принят с большой честью императором, который обласкал его милостивым вниманием и, с целью привлечь его к себе и иметь в нем опору в борьбе с персами, предоставил ему новые почести. Мундар, как и его отец Арефа, пользовался титулом патриция. Как царь арабов, он носил диадему. Тиверий предоставил ему равный с собою почет: возложил на него царский венец и предоставил это отличие двум его сыновьям, которых тот привез с собою в Константинополь.[971]

В своих заботах о восстановлении церковного единства на Востоке, Мундар вступил в сношения с представителями монофизитской церкви, проживавшими в Константинополе, и прежде всего Иоанном Эфесским. 2 марта произошло совещание между представителями павлитов и яковитов при участии Иоанна Эфесского. На совещание были привлечены также и представителе александрийской церкви, находившиеся в столице. Отправив вместе богослужение, члены совещания, по настоянию Мундара, пришли к соглашению, отказавшись от резких взаимных нападок, и приняли решение воздействовать на свои церкви в примирительном смысле. Собрание разошлось в радужных надеждах на возможность наступления лучших времен и «все славили Бога и славного Мундара».[972] Но за мудрыми и спокойными людьми, представлявшими свою партию, была толпа непримиримых фанатиков, веривших только в свою истину и добивавшихся торжества над противниками. К таким нетерпимым людям принадлежал Дамиан. Его посвящение, совершившееся в июле 578 года, было в противоречии с канонами, так как в ту пору обе партии, феодосиане и гайаниты, признавали своим патриархом Петра, посвященного в епископы в 576 году. Яков Барадей сначала не признавал Петра, обличал его и анафематствовал, но затем переменил свое отношение и вступил с ним в общение. Примирение Якова с Петром послужило к вящему соблазну и раздору в церкви. В 578 году Яков предпринял путешествие в Египет; но не доехав до Александрии, скончался и был погребен в монастыре Кассиана.[973]

В ту пору, когда в Константинополе шли совещания, дававшие надежду на умиротворение разорванной на партии монофизитской церкви, Дамиан вознамерился посвятить на антиохийскую кафедру нового патриарха вместо Павла, с которым враждовал раньше Яков и стоявшие за ним месопотамские монахи. Павел не был смещен соборным определением и хотя в эту пору он где-то скрывался, — по слухам, он находился в Исаврии, — но его приверженцы считали неправильным давать ему заместителя при жизни. Подкупив синкелла церкви Кассиана за 18 золотых монет, Дамиан и сопровождавшие его монахи готовились посвятить на антиохийскую кафедру некоего Севера. Все было готово, но кто-то из несочувствовавших этому нарушению канонов довел об этом до сведения православного патриарха Антиохии, Григория, имевшего по своему положению право прибегать к содействию светской власти. Явилась военная сила, и заговорщики бежали. Несколько монахов было захвачено, а Дамиан успел уйти.[974] Так не удалась эта затея, и раздор стал еще ожесточеннее.

В своих сношениях с Тиверием Мундар, знавший, как обстоит дело борьбы православных с монофизитами на Востоке, убедил императора издать указ о приостановке всяких преследований за религиозные разномыслия. Фанатические приверженцы господствующей церкви стали интриговать против Мундара при дворе за его вмешательство, но Тиверий был тверд в своем нежелании допускать религиозные преследования.[975] Мундар

---

[969] *Gutschmid,* Verzeichniss der Patr. v. Alexandrien *(Kl. Schr.* II 469; 438).
[970] Ib. 4, 21, p. 167; 4, 36, p. 167.
[971] *Johan. Ephes.* 4, 39, p. 169—170; о приезде Мундара в Константинополь записал в свою хронику Иоанн Бикларийский под десятым годом Юстина (*Chr. min.* II 214).
[972] *Johan. Ephes.* 4, 40, p. 170—171.
[973] Ib. 4, 33, p. 165.
[974] Ib. 4, 41, p. 171—172.
[975] *Johan. Ephes*. 4, 42, p, 174.

уехал в свое царство. Узнав о предприятиях Дамиана в Антиохии и о тех писаниях, которые он распространял в своей борьбе с Павлом, Мундар писал с своей стороны участникам совещания, состоявшегося в Константинополе, и старался поддержать среди них установившееся тогда примирительное настроение.[976]

Смерть Павла, постигшая его в Константинополе, где он скрывался в последние годы жизни, не внесла успокоения в среду монофизитов. Попытки примирения враждовавших между собою партий не приводили ни к какому соглашению, а только усиливали взаимное ожесточение и раздор. Скорбные свидетельства об этом сохранил в своих писаниях Иоанн Эфесский.[977]

Так шло и продолжалось разложение монофизитства на враждующие секты, и не было силы, способной остановить это движение.

Патриарх Евтихий в своих приемах борьбы не стоял выше своих современников и был вообще неудачлив. Он возобновил борьбу против прибавки к Трисвятому слов «распныйся за ны» и брал обязательство *с* епископов при посвящении, что они не будут терпеть ее в своих епархиях.[978] Введенный им новый текст антифонного пения на праздник Вознесения встретил резкий протест в местном клире и жалобы на патриарха императору, который вмешался в это дело и запретил патриарху вводить новшества.[979] Гораздо более важное значение имела другая неудача Евтихия. Человек уже преклонных лет, много размышлявший о смерти, он сочинил большой трактат на тему о том, что тела, которые воскреснут для вечной жизни, будут не те же самые, в каких живут люди, а другие, новые. Это учение вызвало большой соблазн в церковных кругах. В спор вмешался апокрисиарий папского престола Григорий, будущий папа. Его настойчивые возражения, равно как и осуждение патриарха в церковных кругах Византии, имели своим последствием то, что Тиверий признал заслуживающим сожжения сочинение патриарха. Долго спорившие между собою по этому вопросу Евтихий и Григорий оба заболели после рокового решения вопроса, и патриарх не встал с постели.[980] Он скончался 5 апреля 582 года. Преемником его был Иоанн по прозвищу Постник.

Император не надолго пережил патриарха. Хотя он не был стар годами, но тяжкие труды по направлению государственного корабля надломили его силы. Он впал в меланхолию и чувствовал приближение смерти. Сына у него не было, обе дочери были еще в юном возрасте. Вызвав весною 582 года с Востока Маврикия, он помолвил с ним свою старшую дочь, Константину, а младшую Харито — с Германом.[981] 5 августа, проживая в Евдоме, куда императоры обыкновенно уезжали на время сбора винограда, Тиверий объявил Маврикия своим кесарем. Вскоре состояние здоровья Тиверия резко ухудшилось вследствие случайного отравления. Чтобы обеспечить преемство власти, Тиверий провел венчание на царство Маврикия. Ввиду болезненного состояния императора, церемония произошла в упрощенной форме, не на трибунале, который был близко от дворца, где жил Тиверий, а во внутреннем дворе дворца. Туда явились патриарх, синклит, придворные войска. Императора вынесли на носилках, его сопровождала старшая дочь, невеста Маврикия. Тиверий уже не мог говорить от слабости, и речь от его имени была произнесена квестором Иоанном. Передавая царство преемнику, Тиберий устами Иоанна внушал ему, что скипетр и порфира являются символом не свободы и безнаказанности поведения, а рабства долгу. После речи Маврикий с обычными церемониями при кликах в его честь был облечен в царские одежды и патриарх возложил на него царский венец. На следующий день Тиверий скончался (14 августа). Прах его был торжественно перенесен в город и предан погребению в храме св. Апостолов.[982]

Современник этих событий, Григорий Турский, переживавший их в далекой Галлии, получал довольно точные сведения о том, что происходило в Константинополе, и, вероятно со слов тех знатных галлов, которые являлись послами от царя франков к византийскому двору, занес в свою «Историю франков» известие, что императрица София принимала участие в решении вопроса о преемнике Тиверия и будто бы сама указала на Маврикия, как человека достойного занять императорский трон.[983] О самом Тиверии Григорий говорит с теплым чувством уважения, свидетельствуя о его справедливости, доброте, милосердии, твердой и чистой вере. Эту характеристику воспроизвел позднее Павел Диакон в своей истории лангобардов, прибавив к ней и легенды о кладах, открывавшихся Тиверию, которые он расточал на нищих и убогих.[984]

Благородный характер Тиверия стяжал ему широкую популярность, которой он пользовался и в Египте, находившемся тогда в разобщении с империей под воздействием религиозного раскола. Летописец Иоанн Никиуский, недалекий по времени свидетель, относится к Тиверию с большой похвалой, защищает его от обвинений в приверженности к «несторианству», свидетельствует о чистоте его веры и видит кару за грехи мира в том, что его правление было столь непродолжительно.[985]

---

[976] Ib. *4*, 43, p. 175.
[977] Ib. 4, 57—60, p. 190—191.
[978] Ib. 2, 52, p. 90; 3, 19, 114—115.
[979] Ib. 2, 40, p. 81.
[980] Ib. 2, 35—37, p. 76—78; 2, 51, p. 89; *Gregorii Moralia* 14, 72—74.
[981] Кто был этот Герман, неизвестно; но можно догадываться, что то был сын Германа, брата Юстиниана от его второго брака с внучкой Теодориха Метасвинтой, вдовой Витигеса.
[982] Хотя Феофан — 252, 3 — свидетельствует об объявлении двух лиц кесарями, но в действительности было, очевидно, не так, и кесарь был один. В собрании новелл византийских императоров есть один указ от 582 года: *Zachariae,* Jus gr.-roman. III. Nov. XIII, p. 30, в заголовке которого поставлено два имени — Тиверия и Маврикия. Первый носит титул Imperator Caesar, а второй обозначен так: Flavius Nob. Tiberius Mauritius felicissimus Caesar. — Написанное в сокращении слово nobilissimus известно из более позднего времени в смысле титула, который получали царские дети. Это древнейший, по-видимому, пример употребления этого термина. В Александрии также ничего не знали о втором кесаре — *Chr. Pasch.* 690. Иоанн Никиуский — 522—523 — сообщает, будто Тиверий хотел назначить кесарем Германа, но тот по скромности отказался.
[983] *Greg. Tur.* VI 30, p. 269.
[984] *Paul. dial.* Ill 11—12; 15.
[985] *Chronique de Jean de Nikiou,* p. 521—522.

МАВРИКИЙ

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МАВРИКИЯ. БРАКОСОЧЕТАНИЕ, КОНСУЛАТ, РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА. СЕМЕЙСТВО ИМПЕРАТОРА. СООРУЖЕНИЯ МАВРИКИЯ

Маврикий происходил из знатного рода каппадокийского города Арависса. Туземное население этой области составляли армяне, и к ним, по всей вероятности, принадлежал и род Маврикия. Но услужливые генеалоги прикрыли его неримское происхождение, и Евагрий записал в свою историю свидетельство, что его род в давнее время переселился в Арависс из Рима. В этом желании дать новому императору римское происхождение сказалась живучесть старых идей в сознании тогдашних поколений.

Первым делом нового императора был вызов в столицу отца, по имени Павла, матери, брата Петра и обеих сестер. Одна из них, Феоктиста, была уже вдова, другая, Гордия, состояла в замужестве с Филиппиком. Маврикий возвел своего отца в сан патриция и сделал его первым членом сената. Сан патриция получил и брат императора Петр, которому было передано все огромное состояние Марцелла, брата Юстина II, равное, по словам Иоанна Эфесского, целому царству; зять императора Филиппик занял пост комита экскувитов и получил дворец в квартале Зевгма. Вдовой сестре Маврикий отдал дворец, принадлежавший некогда Петру Варсиме, префекту претория при Юстиниане. Всех своих родственников он щедро оделял и предоставлял им разные видные посты. Весьма влиятельным лицом при новом дворе стал Домициан, епископ города Мелитены в Армении, приходившийся близким родственником императору. Маврикий сблизился с ним во время пребывания на Востоке и пользовался его советами по всем важным делам внешней политики.[986]

Щедрость к своим близким Маврикий простер на родной город Арависс. Он посылал туда мастеров и художников, богато украсил главный храм, снабдил его великолепными серебряными и золотыми церковными сосудами, устроил киворий с драгоценными шелковыми покрывалами, какие были до того только в храме св. Софии. Стены города были заново отстроены. В городе было воздвигнуто много новых зданий и в их числе страннопримимный дом, облицованный мрамором, базилики и дворец. На следующий год после начала этих работ землетрясение превратило город в развалины. Император удвоил свои щедроты и довел задуманное предприятие до конца.[987]

Заботы Маврикия о своих людях и родном городе вызывали недоброжелательные толки, и это тем более, что государственная казна была в весьма трудном положении.[988] Огромные расходы на организацию и снаряжение армии для войны с персами поглощали государственные доходы, и Тиверий, щедрый по характеру и не имевший склонности накоплять сокровища, израсходовал за время своего правления и то, что было скоплено при Юстине. Испытывая затруднение в деньгах, Маврикий старался сократить расходы на армию, а также отменил многие торжества и празднества, привившиеся в прежнее время. Так как он в то же время проявлял щедрость в отношении к своим людям, то пошли насмешливые прозвища по его адресу скупца и брадобрея. Свидетельство об этом сохранил Иоанн Эфесский, остановившийся в своем повествовании о текущих событиях на первых годах правления Маврикия (585 год).

Начало своего правления Маврикий не ознаменовал никакими льготами по взиманию податей, как делали то его предшественники. У Феофилакта Симокатты, который отделен от Маврикия несколькими десятилетиями, есть упоминание о том, будто Маврикий сбавил подати на одну треть; но это сообщение имеет вид скорее слуха, чем прямого свидетельства, и притом сделано не в рассказе о первом годе правления, а среди общих замечаний о его правлении после описания его ужасной кончины, вместе с упоминанием о том, что Маврикий отпустил 30 фунтов золота на расширение водопровода в столице.[989]

Первый год правления Маврикия был отмечен двумя тяжкими бедствиями, постигшими Константинополь. В апреле был большой пожар, начавшийся на Форуме Константина при сильном ветре, а в начале мая землетрясение, которое помешало отпраздновать ристание в день рождения города.[990]

Антиохиец Евагрий, имевший случай посетить столицу в 588 году и лично обязанный Маврикию, дает лестную характеристику его, как человека и правителя. По его словам, Маврикий был чрезвычайно прост и нетребователен в частной жизни, не признавал никакой роскоши стола, была весьма исполнителен и аккуратен во всех делах, не любил пышности и роскоши, избегал торжественных выходов и приемов, принимал сановников по делам в одиночку и старательно вникал в каждое дело, руководясь во всем интересами государства, очень опасался всяких наветов и был всегда настороже.[991] Эта характеристика, опубликованная еще при жизни государя и в ту пору, когда прекращение войны с Персией подняло его авторитет, верна лишь в том смысле, что император хотел слыть таким, каким его изображал историк.

Радостным событием в жизни двора и столицы в первый год нового правления было бракосочетание императора со старшей дочерью почившего Тиверия. Оно совершилось по миновании траура уже в 583 году. Венчал новобрачных патриарх Иоанн. На торжестве присутствовали отец и мать Маврикия. Церемония совершилась в зале дворца, носившем имя Августея. Высшие сановники и весь синклит в парадных одеждах своего сана с факелами в руках пели брачные гимны во славу царственной четы. При восторженных кликах народа, собравшегося огромной толпой пред входом во дворец, император вышел в пропилеи и, воссев на трон, принимал поздравления и раздавал подарки. Императрица также вышла показаться народу в роскошном царском одеянии, блиставшем золотом и драгоценными камнями. Она встала со своего трона, когда к ней подошел ее супруг, окруженный блестящей свитой. Димы пели гименей в честь новобрачных. Препозит, евнух

---

[986] Домициан был двоюродным братом Маврикия по отцу — *Chron. de Jean de Nikiou*, p. 527. О семейных отношениях Маврикия и его щедротах к своим родственникам см. *Johan. Ephes.* 5, 18—19, p. 209—210.
[987] *Johan. Ephes.* 5, 22—23, p. 213—214.
[988] Ib. 5, 20, p. 211: «найдя дворец как бы выметенным метлою».
[989] *Theoph. Sim.* 8, 13, 17,—О расширении водопровода упоминает Иоанн Никиуский как заслуге своего земляка Аристомаха, который занимал пост префекта города, p. 525.
[990] *Theoph.* 252, 27—31.
[991] *Evagr.* 5, 19. (*Nic. Call.* 18, 8).

[1] ***Johan. Antioch.*** De ins. c. 108, p. 149, 1.

Маргарит, поднес новобрачным чашу с вином, которую они разделили на глазах ликующей толпы.

Столица праздновала радостное событие в царской семье в течение целой недели. На ипподроме шли ристания, в театрах представления. Все веселились, во всех домах угощали и угощались люди всех состояний. На столах была лучшая посуда, всюду блистало золото и серебро, по всему городу раздавалась музыка на всяких инструментах. Во дворце шли обеды, на которые приглашались высшие чины.[992] Событие имело исключительный характер, так как царской свадьбы не переживала столица со времени Феодосия II.

В год своего бракосочетания Маврикий принял консульство на следующий год. Забвение старого смысла этого учреждения сказалось в том, что церемония консульского выезда совершилась не 1 января 584 года, а 25 декабря 583.[993] Царскую колесницу везли не лошади, а тащил на себе сам народ. Новый консул раздавал подарки, и народ славословил его за щедрость в ликующих кликах.[994] 26 сентября 585 года случилось радостное событие в царском семействе: родился сын первенец, наследник престола. Царственная чета и современники вспомнили при этом событие 400 года, когда у Аркадия и Евдоксии родился сын Феодосий, и новорожденному было наречено то же самое имя.

Современный свидетель, Иоанн Эфесский, отмечает, что это событие вызвало большую сенсацию в столице. В среде столичной знати были люди, надеявшиеся впоследствии достигнуть трона, и рождение наследника положило конец их честолюбивым мечтаниям. Народ на ипподроме приветствовал радостными кликами счастливого отца и взывал: «На счастье Бог дал тебе сына! Ты нас освободил от рабства многим». Все члены знати, мужчины и женщины, несли подарки и щеголяли друг перед другом их роскошью и великолепием, желая затмить друг друга.[995] Когда наследнику исполнилось четыре с половиной года, Маврикий торжественно венчал его царским венцом. Событие совершилось 26 марта 590 года, в день Пасхи, и было отпраздновано с подобающим торжеством.[996] Принятие царского титула младенцем не имело своим последствием внесения его имени, как соправителя, в акты, исходившие от имени императора, которые по-прежнему подписывались одним именем Флавия Тиверия Маврикия.[997]

Брак Маврикия и Констатины был благословлен потомством: у них было шесть сыновей — Феодосий, Тиверий, Петр, Павел, Юстин и Юстиниан, и три дочери: Анастасия, Феоктиста, Клеопатра. Когда Феодосию исполнилось 16 лет, он был обвенчан с дочерью Германа, и это событие было также отпраздновано с подобающей торжественностью.[998]

Добрый семьянин и нежный отец, Маврикий отличался искренним благочестием. Он неукоснительно исполнял свои религиозные обязанности, ходил в положенные дни в публичных всенародных молениях вместе с толпою по улицам города и ввел в церковный обиход новый вид молений Богородице во Влахернском храме.[999]

По старой традиции он веселил народ ристаниями и играми на ипподроме и, как все предшественники, старался увековечить свое имя сооружениями храмов и общественных зданий. В пятый год своего правления он воздвиг во Влахернах новый портик и общественные бани. На стенах портика были расписаны картины, на которых были изображены события личной жизни императора, начиная с его детства и до того времени, когда он достиг трона.[1000] На 8-м году правления была окончена постройка церкви 40 мучеников на главной улице города, на том месте, где был некогда преторий. Постройка была начата еще Тиверием и теперь благополучно доведена до конца.[1001] На 14-м году был сооружен новый портик во дворце Магнавре и в нем поставлена статуя императора.[1002] В Тарсе Маврикий соорудил храм св. Павла. Брат Маврикия Петр построил храм св. Богородицы, получивший имя Ареобинда, вероятно, по имени местности, и богато украсил его разноцветным мрамором. Здание было закончено отделкой в 598 году.[1003] Зять императора Филиппик основал большой монастырь во имя Богоматери на азиатском берегу Босфора в Хрисополе и построил дворец для приема императорского семейства.[1004]

ДЕЛА НА ВОСТОКЕ

Раздор с арабами. Военные действия в 583 году. Филиппик и его командование. Приск. Бунт в армии. Герман и его военные успехи. Война персов с турками. Восстание Бахрама-Чобина против Ормизда. Низвержение Ормузда. Хосров. Его бегство в пределы империи. Союз с империей. Возвращение Хосрова на царство. Восстание Бистама. Отношения между Персией и империей. Судьба Армении.

Наиболее тяжкой заботой из тех, которые унаследовал Маврикий вместе с царским венцом, и наиболее ему близкой по прежней деятельности была война на персидской границе. Общее положение дел на Востоке он сам ухудшил своим отношением к арабам. Неудача совместного похода в 581 году вызвала ссору между ним и Мундаром, и оба они жаловались друг на друга императору. Тиверий старался примирить их, но и в следующем

---

[992] *Johan. Ephes.* 5, 14, p. 205—200; *Theoph. Sim.* 1, 10; *Evagr.* 6, 1.
[993] *Theoph.* 253, 24. В официальных документах последующего времени это консульство явилось новой отправной датой. Папа Григорий в дарственной записи от 28 декабря 587 года так обозначил год — Imperatore domino Mauritio Tiberio perpetuo Augusto anno sexto et post: consulatum eiusdem domini nostri anno quarto, indictione sexta. *Greg.* ,Epp. App. 1, II p. 476.
[994] *Theoph.* 253, 25.
[995] *Johan. Ephes.* 5, 14, p. 206. — Дата рождения Феодосия показана неверно: 4 *августа 894 года*, т. е. 582-3. — *Theoph.* 254, 24.
[996] Ib. 267, 27.
[997] *Chron. Pasch.* 691.
[998] *Theoph.* 284, 1—3 — в ноябре. — *Theoph. Sim.* 8, 4, 10.
[999] *Theoph.* 266, 1—2.
[1000] Ib. 261, 13—16.
[1001] Ib. 267, 29—31.
[1002] Ib. 274, 22.
[1003] Ib. 277, 14—17.
[1004] Ib. 274, 22—26.

году против Мундара было вновь возбуждено подозрение в том, что он выпустил Адармана. Будучи вызван в столицу, Маврикий убедил императора в виновности Мундара, и тот приказал сирийцу Магну, занимавшему видные должности с давних пор на Востоке, схватить Мундара и доставить его в столицу. Дело требовало большой осторожности, и Магн, имевший давнее знакомство и дружбу с Мундаром, сумел его устроить. Он пригласил Мундара на церковное торжество в город Гурин (между Дамаском и Пальмирой). Там предстояло освящение новой церкви, для чего туда прибыл вместе с Магном патриарх Григорий из Антиохии. Не подозревая злого умысла, Мундар явился, как настаивал на том Магн, с небольшим отрядом войска. Магн сумел выслать из города и этих людей и, подготовив заранее вооруженный отряд, арестовал Мундара и под сильным эскортом препроводил его в столицу. Поджидавшие царя за стенами крепости арабы заподозрили недоброе. Они подступили к стенам, но, будучи в небольшом числе, не решились на насильственные действия против римского гарнизона. Мундар с женой, двумя сыновьями и дочерью прибыл в столицу, и ему было предоставлено то самое помещение, где он жил в прошлый свой приезд. Император не давал ему аудиенции, и его проживание в столице превратилось в арест.

Узнав о вынужденном отъезде отца в столицу, арабы под начальством старшего сына Мундара, Наамана, сделали нападение на ту крепость, где был схвачен Мундар, и ограбили все достояние жителей; свои грабежи они продолжали дальше и, наконец, в огромном множестве явились под стенами города Бостры. Они требовали выдачи сокровищ отца. Дукс Бостры сразился с ними, но они были сильнее. Дукс пал в бою, и граждане Бостры выдали Нааману сокровища его отца. Получив известие об этих событиях, Тиверий опять послал Магна на Восток, приказав ему передать царское достоинство брату Мундара и схватить Наамана. Когда Маврикий стал императором, он сослал Мундара с женой и детьми на остров Сицилию, где тот и дожил свой век.[1005]

Брат Мундара принял царскую власть над соплеменниками, но вскоре умер. Попытка захватить Наамана не удалась, но через некоторое время он сам явился в столицу, был принят императором и утвержден в царском достоинстве с обязательством охранять римские области от нападений персидских арабов. Его пребыванием в столице правительство хотело воспользоваться в смысле воздействия на монофизитов и склонить его к воссоединению с господствующей церковью. Но Нааман остался тверд в своих религиозных убеждениях. Он уехал из Константинополя, но по дороге назад был схвачен и препровожден также в Сицилию, где проживал его отец. Ссылка Мундара и Наамана имела своим последствием то, что арабы разделились между четырьмя филархами, а то раздражение, которое было вызвано всем происшедшим, повело к тому, что большая часть арабов, признававших раньше своим повелителем римского императора, сблизилась с персидскими соплеменниками.[1006] Так было разрушено великое дело Юстиниана, сумевшего объединить значительную часть арабских племен под властью национального царя-христианина в целях не только создания противовеса царству Аламундара, с центром в Хире, но также и сближения их с империей. Причуды больного Юстина и недальновидные действия Маврикия отторгли арабов от империи, обособили их в их национальном сознании, разорвали и ту могучую связь, какую представляло воспринятое ими христианство. Так были облегчены пути грядущему основателю ислама, Магомету.

Когда Маврикий в 582 году оставил театр военных действий, главнокомандующим был назначен Иоанн Мистакон (усатый), стоявший раньше во главе военных сил в Армении. Персидская армия состояла под начальством вождя, имевшего титул хардаригана. Враждебные войска встретились в местности впадения Нимфия в Тигр и выстроились на битву по обычным тогда правилам тактики в три отряда, составлявшие одну боевую линию. Иоанн командовал центром, его ипостратиг Курс — правым крылом, а Ариульф — левым. Из недоброжелательства к Иоанну Курс не принял участия в общем наступлении. Сначала персы подались назад, но когда наступавшие две римских колонны заметили, что правое крыло осталось на месте, в рядах армии началось замешательство, а затем паника и бегство на соседние горные высоты. Пользуясь превосходством своей конницы, персы бросились преследовать отступавших, разогнали и рассеяли противника.[1007] В тот же год Иоанна постигла и другая неудача. Персы осадили крепость Афум в Арзанене, отвоеванную Маврикием, а римляне одновременно с тем сделали попытку взять укрепление Акбу, расположенное на крутой скале в ближайшем соседстве с Мартирополем на персидской стороне реки Нимфия. Пользуясь высоким положением крепости, гарнизон дал сигнал с зубцов своих стен товарищам, осаждавшим Афум. Подоспевшие на выручку персы напали на римлян врасплох и загнали их в теснины. Многие бросались в реку с высоты и гибли, другие сдались в плен, и лишь немногие успели благополучно спуститься к реке и, переплыв ее, уйти на римскую сторону.[1008]

Неудачные действия Иоанна побудили Маврикия заменить его другим лицом, и в год своего консульства (584) он послал на восточную границу своего зятя Филиппика, который имел репутацию человека, специально изучавшего военное дело. Филиппик остался на этом посту в течение четырех лет, и ход войны за это время подробно, хотя и далеко неясно описан в сочинении Феофилакта Симокатты. Прибыв на место военных действий, Филиппик занялся усилением оборонительных средств сооруженного Маврикием укрепления Монокарта, который был тогда же переименован в Тивериополь в память почившего императора, при котором он возник. Он был расположен в предгорьях хребта, носившего имя Айсума (н. Караджа-даг), неподалеку от Телы (Константины). Пройдя затем, уже осенью, на Тигр, Филиппик грабил персидские области, подходил на север через хребет Изалу к пограничной с Персией реке Нимфия и ушел от преследовавших его персов, разделив свои войска на два отряда. С одним из них он благополучно перешел границу; другой отряд отклонился к югу, попал в безводные местности и, перебив всех своих пленных, выбрался на реку Аборру к городу Феодосиополю (Ретайна[1009]). На следующий год Филиппик предпринял вторжение в Арзанену, но впал в тяжкую болезнь и уехал лечиться в Мартирополь, сдав командование своему ипостратигу гунну Апсиху и бывшему оруженосцу

[1005] *Johan. Ephes.* 3, 40—43, p. 136—140; *Evagr.* 6, 2.
[1006] Конец третьей книги Иоанна Эфесского не дошел до нас, сохранились только оглавления от 44 до 56. Его сведениями пользовался Михаил *Сириец* в своей хронике. *Mich. Syr.* p. 350.
[1007] *Theoph. Sim.* 1, 9; *Theoph.* 233, 14—20.
[1008] *Theoph. Sim.* 1, 12.
[1009] *Theoph. Sim.* 1, 13.

Тиверия Стефану. Персы в этот год сделали вторжение в римские пределы. Монокарт, укрепления которого были усилены в прошлом году, им взять не удалось, а в окрестностях Мартирополя они разрушили знаменитый монастырь Иоанна в 12 милях от города. Осенью Филиппик распустил войска на зимние стоянки и сам уехал в Константинополь.

Ранней весной следующего года он был в Амиде, где был назначен сборный пункт для экспедиционной армии. Здесь он имел свидание с Мебодом, командиром гарнизона в Нисибине, который явился для мирных переговоров.[1010] Филиппик препроводил персидские предложения к Маврикию, но они были отвергнуты.[1011] Набег, который предпринял затем Филиппик в персидские земли, окончился битвой на равнине Солах, в недалеком расстоянии от Дары.[1012] Когда войска были уже построены на битву, Филиппик приказал носить по рядам образ Нерукотворного Спаса, пользовавшийся большим уважением в Месопотамии. Битва была упорна и окончилась победой римлян. После этой победы Филиппик вступил в Арзанену. Население, привычное к нашествиям, попряталось в пещеры и подземелья; но солдаты скоро ознакомились с приметами таких мест, выводили людей из убежищ, избивали их и брали в плен. Попытка Филиппика осадить крепость Хломар, лежавшую далее к востоку от Афума, отвоеванного Маврикием, была неудачна. Отряд, высланный вперед для захвата другого пункта, под начальством Ираклия, отца будущего императора, попал в трудное положение, и Филиппик, оставив осаду Хломара, пошел на его выручку. Свой лагерь он вынужден был разбить на виду неприятеля. Среди солдат начался ропот и поднялось грозное неудовольствие против вождя. С большими затруднениями, потеряв весь свой обоз, Филиппик отступил к Афуму и под напором персов совершил переправу через Нимфий. Затем он ушел в Амиду и занялся укреплением фортов в горах Изалы. Ираклий с отрядом конницы сделал набег в персидские области на Тигре, и обходя крепости, грабил и разорял страну.[1013]

На следующий год Филиппик не брал на себя командования и предоставил действовать своим подначальным, которые имели некоторый успех в своих предприятиях.

Так прошло четыре года в мелких пограничных набегах и взаимном грабеже. Недовольный безуспешностью военных действий Маврикий отнял командование от Филиппика и назначил магистром армии Востока Приска. Император был занят в ту пору пересмотром законов о военных людях и в видах сокращения расходов предполагал уменьшить солдатское жалованье. Филиппик знал об этом и опасался последствий этой меры. Покинув армию, он написал об этом Ираклию и давал ему совет сдать командование Нарзесу, дуксу Константины, и уехать на родину в Армению. Ираклий последовал его совету, а проникшие в армию слухи о предстоящем сокращении окладов вызвали брожение.[1014]

Весною следующего года Приск прибыл в Антиохию и послал оттуда приказ войскам собираться в Монокарт. Дальнейший путь Приска лежал через Эдессу. Там он встретил Германа, дукса Дамаска.[1015] Герман поспешил в армию, и войска, узнав о приезде нового главнокомандующего, вышли, по старому обычаю, ему навстречу за три мили от лагеря. Приск не сошел с коня и не приветствовал солдат ласковым словом. Это нарушение обычая усилило раздражение в армии, которое вызвали слухи о сокращении жалованья. Наступивший праздник Пасхи задержал взрыв. Приск привез с собой епископа из Эдессы, чтобы торжественно справить праздник. На четвертый день святой недели всеобщее возбуждение приняло грозный характер, и солдаты стали бросать камни в палатку вождя. Приск приказал носить по лагерю образ Нерукотворного Спаса; но это не успокоило волнения, и камни полетели в самый образ. Приск вскочил на первого попавшегося коня и ускакал в Константину. После бегства главнокомандующего солдаты разграбили его палатку и имущество. Многие офицеры, опасаясь за свою жизнь, бежали. Оставшись без начальства, солдаты овладели особой Германа, и предложили ему принять начальство. Герман долго отказывался, но вынужден был уступить. Чтобы успокоить настроение солдат, Приск прислал в армию письмо с извещением, что император отказался от своего намерения, и жалованье останется в прежнем размере. Письмо привез епископ. Но солдаты не хотели ничего слышать о Приске и кричали епископу, чтобы он поскорее удалил Приска из своего города. Против Маврикия неслись грубые крики, его обзывали торгашом, низвергли его статуи, уничтожали надписания его имени, где оно стояло. Приск переехал в Эдессу и обратился к содействию епископа. Взбунтовавшиеся солдаты послали депутатов в Эдессу с отказом от имени армии признавать Приска своим начальником. Объяснение Приска с депутатами не помогло, и на Эдессу двинулся отряд в пять тысяч человек. Предупреждая катастрофу, Приск поспешил оставить город и уехал в столицу. Взбунтовавшиеся солдаты выбрали себе новых офицеров и организовались под главным начальством Германа. С местным населением они обращались своевольно, не соблюдая никаких установленных законом положений о размерах довольствия.

Персы, узнав о беспорядках в римском лагере, сделали набег на Константину. Но Герман, принявший начальство над армией, отразил с тысячью человек их нападение и, сформировав затем отряд в четыре тысячи, сделал сам удачный набег в персидские пределы. Центром расположения армии стал Мартирополь. Туда прибыл посланец от императора и привез деньги. Это смягчило настроение солдат. Персидский вождь Маруза, предполагая застать римское войско в расстройстве, напал на него. Но солдаты дрались храбро, разбили противника, взяли в плен три тысячи человек, и только одна тысяча успела уйти в Нисибин. Маруза пал в бою. Раздражение против императора улеглось, и армия отослала ему знамена, захваченные в битве, голову Марузы и часть добычи. С этим успехом Германа совпало другое событие. В области Бизаке, близ города Бендосаборы, лежала крепость Гилигерд, которая носила имя «места забвения». Туда персидские цари ссылали опальных

[1010] Феодосиополь сооружен Феодосием Старшим в 380 году *(Chron. Edess.* № 35 *Hallier).* Юстиниан заново отстроил его стены и в ближайших окрестностях воздвиг новые укрепления — *Procop.* aed. 2, 2 и 6.
[1011] Город этого имени был родиной Соломона, сподвижника Велизария.
[1012] *Theoph. Sim.* 1, 14—15.
[1013] Ib. 2, 8—10, 5.
[1014] Евагрий, обеляя Филиппика, излагает эти обстоятельства иначе.
[1015] По всему вероятию, это тот самый Герман, земляк императора Юстиниана, который отличился в 559 году во время нашествия Забергана, когда он, будучи совсем молодым человеком, состоял в числе командиров в Херсонесе. *Agath.* 5, 5, 21—23.

людей, остававшихся там до самой смерти. Там находились римские пленники, взятые Хосровом в Даре в 573 году. Им удалось уйти оттуда, перебив стражу, и невозбранно пройти далекий путь в римский лагерь под Мартирополем.[1016]

После вынужденного отъезда Приска в столицу, Маврикий вновь предоставил пост главнокомандующего Филиппику. Бежавшие во время бунта офицеры вернулись в армию с посланным от императора Андреем, одним из его оруженосцев. Но солдаты их не приняли. Раздражение против Филиппика продолжалось, и все участвовавшие в бунте связали себя клятвой не признавать Филиппика своим командиром. Филиппик явился было в Берою, но не был принят солдатами и уехал в Тарс. Ввиду трудности положения, император обратился к помощи антиохийского патриарха Григория, который незадолго до того вернулся из Константинополя, вновь упрочив свое пошатнувшееся было положение. — Личные его враги, а в числе их один банкир, пустили против него разные сплетни о безнравственных поступках и неправильном расходовании церковных денег. Комит Востока Астерий стал на сторону его врагов, и городские димы требовали смещения его с занимаемого им трона. Григорий был вызван в столицу на суд императора, и его дело рассматривалось в полном собрании сената с участием митрополитов. Григорий сумел оправдаться, и его главный враг, банкир, был подвергнут публичному бичеванию за клевету. Четыре месяца спустя после его возвращения в Антиохии произошло страшное землетрясение, поглотившее множество жертв и в числе их нерасположенного к нему Астерия. Сам патриарх спасся чудом.[1017]

Приняв на себя поручение императора воздействовать в примирительном духе на армию, Григорий разослал от себя вестников к отдельным гарнизонам с приглашением представителей военных частей в город Литарбы в 300 стадиях (около 50 верст) от Антиохии. Собралось до двух тысяч человек. Григорий держал к ним речь и убеждал подчиниться воле императора. На их заявление о присяге, которую принесла вся армия, не принимать Филиппика, он объявил, что, как епископ, снимает с них клятву. То был день Воскресения Лазаря. Воины приняли причастие от епископа, затем последовало угощение в обстановке лагерной жизни. Вызвав Филиппика из Тарса и оповестив обо всем императора, Григорий уехал в Антиохию. Солдаты встретили Филиппика с раскаянием и извинениями, и он вновь вступил в командование.[1018]

Герман и некоторые другие офицеры из его штаба еще раньше отбыли в столицу. Там была наряжена судебная комиссия. Хотя судьи высказывались за присуждение Германа к смертной казни, но император посмотрел на дело иначе и не только не осудил Германа, но щедро его одарил.[1019] Так прошел 588 год.

Зимою этого года или в начале следующего случилось весьма тяжкое для империи несчастие: крепость Мартирополь, около которой сосредоточивались военные действия в течение всех этих лет, оказалась в руках персов. Некто Ситта, состоявший в составе низших офицеров одного из полков, завел сношения с персами и составил план выдачи крепости. 400 персидских воинов бежали к командиру гарнизона под предлогом измены своему царю. Отнесясь с доверием к их заявлению, он принял их на службу императора и оставил в составе гарнизона. Действуя весьма осторожно, мнимые изменники улучили время и овладели крепостью. Филиппик пошел отбивать Мартирополь, но встретил большие силы персов под начальством Мебода, на поддержку которому явился Афраат из персидской Армении. Битва была упорна, римляне были разбиты, и Мартирополь остался за персами, которые ввели в него большой гарнизон.[1020]

Узнав об утрате Мартирополя, Маврикий отставил Филиппика и прислал на смену ему Коменциола. Вступив в командование, Коменциол имел битву с персами близ укрепления Сисавра, неподалеку от Нисибина. Победа была блестящая, пал Афраат, и римляне, захватив несколько знамен, сняли с убитых много золотых, усыпанных жемчугом, поясов, мечей, тиар, а на следующий день взяли персидский лагерь и овладели богатой добычей. Феофилакт приписывает честь победы Ираклию, а не Коменциолу, который будто бы упал с конем во время битвы, был спасен от гибели оруженосцами и бежал вместе со своим отрядом.[1021] Остатки персидского войска укрылись в Нисибин. Чтобы использовать победу, Коменциол двинулся к Мартирополю и обложил этот город. Оставив большую часть армии под его стенами, он сам с небольшим отрядом пошел на приступ укрепления Окбы, воздвигнутого персами на крутой горе на персидском берегу реки Нимфия. Усилия его увенчались успехом, он взял и разрушил Окбу, которая и раньше испытывала такую же судьбу.[1022] Весть об этом успехе была с ликованием встречена в Константинополе, и Маврикий отпраздновал ее роскошными ристаниями на ипподроме.[1023]

В ту пору когда совершались эти события, произошел крупный и важный по своим последствиям переворот в персидских делах: восстание Бахрама против царя Ормузда.

Добрые отношения между персами и турками не раз омрачались со времени их совместных действий против ефталитов. Если можно верить сообщению Феофилакта Симокатты, то мир поддерживался тем, что персы платили туркам дань в 40 тысяч золотых монет.[1024] Турки, по словам Феофилакта, потребовали увеличения дани, и Ормузд ответил на это войной. Командиром персидских войск был Бахрам-Чобин, из рода Михранов, действовавший раньше в Армении. Феофилакт не имел ясного представления, где происходила эта война; но

[1016] *Theoph. Sim.* 3, 5, 1—7.
[1017] *Evagr.* 6, 10.
[1018] *Evagr.* 6, 11—13; *Theoph. Sim.* 3, 5, 9—10.
[1019] *Evagr.* 6, 10.
[1020] *Theoph. Sim.* 3, 6, 11—16.
[1021] *Theoph. Sim.* 3, 6, 1—4; *Euagr.* 6, 15. Феофилакт писал при Ираклии, и в его изложении нередко проскальзывает лесть его отцу.
[1022] Об этих предприятиях Коменциола не поминает не расположенный к нему Феофилакт, но сведение сохранил Евагрий, 1. с.
[1023] *Theoph. Sim.* 3, 6, 5. Кроме ристаний, он поминает о плясках димов по поводу победы.
[1024] *Theoph. Sim.* 3, 6, 10. Несколько сомнительным является это сообщение, потому что Феофилакт объясняет этой данью богатство турок золотом. Но турки владели золотыми россыпями Алтая, и Зимарх описал роскошь обстановки великого хана.

армянские и арабские писатели единогласны в своем свидетельстве, что война велась за рекой Оксом (Аму-Дарья) в землях, составлявших прежде царство ефталитов. Блестящие победы, одержанные Бахрамом, сделали его героем эпических сказаний.[1025] Он разбил царя, которому Табари дает имя Шаба, затем осадил его сына Пармуду в крепости, куда тот бежал и упорно защищался. Взяв крепость и пленив Пармуду, Бахрам овладел богатой добычей и отослал ее царю Ормузду в Ктесифон. Событие это относится к 11 году правления Ормузда, т. е. 588—589.[1026]

Разбитый Бахрамом царь Шаба не был, по-видимому, великим ханом западных турков. Но в связи с этой войной движение турок на запад было задержано и осталась не исполненной угроза, которую слышал посол императора Валентин от Турксанфа, растоптать аваров копытами своих коней и пройти в империю через Днепр и Дунай. У турок вскоре начались, по-видимому, внутренние замешательства, и несколько турецких улусов бежали на запад и соединились с аварами, увеличив турецкий элемент державы Баяна.

В следующем году победитель турок восстал на своего повелителя и вызвал низвержение царя Ормузда. Причиной восстания Бахрама явилась обида, нанесенная ему царем. Армянский историк Себеос и арабский — Табари согласны в своем рассказе.[1027] — Ормузд заподозрил, что ему прислана только часть добычи. Он лишил Бахрама командования и послал своих людей отнять то, что присвоил себе и раздал воинам Бахрам. В армии произошло возмущение, и она, отложившись от Ормузда, присягнула Бахраму. Вельможа Сарам, присланный Ормуздом заменить Бахрама в звании главнокомандующего и отослать его в оковах в столицу, был брошен на растоптание слонам и его свиту перебили.[1028] Войдя в соглашение с турками и пополнив свои силы их контингентами, Бахрам двинулся в поход против Ормузда. Так как Ормузд вызвал против себя большую ненависть в среде знатных персов, то Бахрам мог надеяться встретить сочувствие и поддержу в среде персидской знати. Его агенты стали склонять к отпадению от царя персидские гарнизоны в разных местах, и войска, стоявшие в Нисибине, поколебались в своей верности законному царю.

Спустившись на реку Заб, приток Тигра, Бахрам занял все дороги на юг, чтобы не допускать никаких сношений царя с северными областями. Ормузд выступил из Ктесифона и послал против него войска под начальством ферохана — должность, соответствовавшая римскому магистру армии, приказав ему освободить из заточения Задеспру, командира гарнизона Мартирополя, который был за что-то в опале, и вместе с ним выступить против Бахрама. Но когда войска сошлись, Задеспра перешел на сторону Бахрама. Бахрам обличал Ормузда в разных неправдах и жестокостях и тем воздействовал на настроение войска. Ночью вождь деламитов, Зоанаб, и другой вождь, Сарам-младший, убили ферохана, разграбили его добро и перешли на сторону Бахрама. Получив известие об измене войска и убийстве ферохана, Ормузд вернулся в столицу и стал собирать войска для личной охраны. В эту пору томился в заточении брат жены Ормузда, Биндой. Брат его Бистам освободил его из тюрьмы, и тот стал во главе заговора против царя. Под его предводительством во дворец порвались солдаты, и Биндой, изобличив царя в разных злодействах, при полном сочувствии присутствовавших знатных персов, стащил его с трона, снял царскую тиару и облачение и отдал под стражу. Хосров, один из сыновей Ормузда, племянник Биндоя по матери, хотел бежать в Атропатену, боясь за свою жизнь. Но Биндой воротил его назад и убедил принять царство. Церемония провозглашения царем совершилась в обычном порядке, и Хосров принял от всех присягу.

Ормузд был выведен из заточения и, после разных оскорблений, подвергнут ослеплению и потом убит.[1029] Хосров щедро одарил сановников, возведших его на царство, и открыл тюрьмы, в которых томилось множество узников, заточенных его свирепым отцом. Оставалось уладить дело с Бахрамом. Хосров послал ему письмо с приглашением прибыть в столицу и обещал ему первое после себя место в государстве. Вместе с письмом посланные привезли ему роскошные дары. Но Бахрам ответил на любезность царя дерзким письмом, в котором отказывался от даров, предлагал Хосрову снять и возложить в храме царскую тиару, а затем явиться к нему, обещая предоставить ему место правителя в одной из областей царства. Хосров ответил Бахраму, продолжая называть его своим другом, и с достоинством выставлял свое высокое положение. Но Бахрам был уверен в победе, и переговоры прекратились.

Хосров собрал войска и вышел навстречу Бахраму. Враждебные армии встретились близ Нисибина. В течение нескольких дней шли переговоры, затем начались военные действия, не имевшие решительного характера. Бахрам оказался сильнее, а в войсках Хосрова обнаружилась измена. Ночное нападение Бахрама на лагерь Хосрова решило дело. Хосров бежал в Ктесифон, и большая часть его войска перешла на сторону Бахрама. Не располагая силами для борьбы с Бахрамом, Хосров покинул свою столицу и с малой свитой бежал через пустыни к римской границе. Приблизившись к Киркезию, он дал знать дуксу Пробу о своем прибытии, и тот встретил его с подобающей честью. В Киркезии Хосров написал императору письмо, в котором просил его помочь вернуться на царство, предлагал союз и давал щедрые обещания за помощь. Проб переслал письмо магистру армии Коменциолу, находившемуся в Иерополе, и тот отослал его в столицу.

После бегства Хосрова, Бахрам вступил в Ктесифон. Во все стороны были разосланы отряды ловить Хосрова, но розыски остались тщетными. Биндой был схвачен и посажен в тюрьму. Щедрыми дарами Бахрам сумел приобрести расположение персидской знати и во время одного праздника принял внешние отличия царского сана. Получив сведение о пребывании Хосрова на римской земле, он обращался с просьбой к императору не оказывать ему поддержки, но получил отказ.

Хосров готов был самолично отправиться в Константинополь к императору, но Маврикий отклонил это намерение, указав ему на опасность затягивать его дело, чтобы не дать врагу собраться с силами. Коменциол

[1025] *Noldecke*, Tabari, 271; 474 и след. Бахрам начал свою боевую деятельность во время взятии Дары. *Theoph. Sim*. 3, 18, 10.

[1026] Годы правления Ормузда считаются с 30 июня.

[1027] *Себеос*, отд. 3, гл. 2, стр. 31; *Noldecke*, Tabari, 269. — Феофилакт Симокатта дает иную версию рассказа об обиде, но она заключает в себе явные несообразности.

[1028] *Theoph. Sim*. 3, 8, 12.

[1029] Раньше чем ослепить Ормузда, на его глазах зарезали его жену и десятилетнего сына. *Theoph. Sim*. 4, 6.

получил приказ устроить прием Хосрову в Иераполе и окружить его подобающей ему обстановкой. Посольство от Хосрова отправилось в Константинополь и на третий день по приезде было принято императором в полном заседании синклита. Многие из членов собрания высказывались против союза с Хосровом, но Маврикий принял решение оказать помощь Хосрову и начать войну с Бахрамом.[1030] Получив формальное уведомление об этом, Хосров вместе с Коменциолом направился в Константину. Туда же прибыли, по распоряжению императора, Домициан, епископ Мелитены, и антиохийский патриарх Григорий. Епископы старались оказать воздействие на Хосрова в его религиозных воззрениях и склонить к принятию христианства. Усилия их оказались безуспешными, но Хосров за это время уверовал в чудодейственную силу св. Сергия и впоследствии отблагодарил его.[1031]

Между тем Бахрам успел восстановить против себя многих членов персидской знати. На его жизнь составился заговор, но попытка захватить его во дворце не удалась, и он жестоко расправился со своими врагами. Томившийся в заточении Биндой был освобожден друзьями и бежал в Армению, где уже находился его брат Бистам. Биндой вступил в сношения с командиром римских войск в Армении Иоанном Мистаконом и узнал от него о состоявшемся союзе императора с Хосровом. Иоанн получил приказ от Маврикия действовать в согласии с друзьями Хосрова в Армении и вести свои войска на соединение с армией, которая формировалась в Константине под начальством Коменциола. Находившийся в Константине Хосров через доверенных лиц старался воздействовать на настроение гарнизона Нисибина и соседних арабов, и его старания были успешны.

В ожидании вступления Хосрова в персидские пределы Бахрам выслал вперед два отряда: один в направлении Киркезия в крепость Анафан, другой — в сторону Нисибина. Командовавший в Нисибине Солхан, приняв посланных от Задеспраты, возведенного Бахрамом в звание ферохана, заковал их в кандалы и отослал к Хосрову. Начальник отряда, который был выслан Солханом как бы для того, чтобы соединиться с Задеспратой, захватил его обманом, убил и голову отослал Хосрову в Константину (февраль 591 года). Другой отряд, посланный Бахрамом в Анафан, также изменил ему, убил своего вождя и отослал его голову Хосрову.

Хосров готовился в Константине вступить в свое царство. Он просил у императора денег взаймы для нужд войны. Деньги были присланы, и Коменциолу отдан приказ сопровождать царя в Персию. Согласно своему обещанию Хосров сдал римским вождям Мартирополь. В числе персидских офицеров, прибывших из Мартирополя в Константину, оказался Ситта, предавший этот город персам. По требованию епископа Домициана он был выдан Коменциолу и немедленно казнен жестокой смертью на костре. Были разысканы и другие виновные в предательстве и также казнены.[1032]

Раньше чем началось выступление, Хосров рассорился с Коменциолом и просил Маврикия назначить другого командира. Маврикий передал командование Нарзесу, одному из оруженосцев Коменциола. Патриарх Григорий простился с Хосровом в Константине и уехал в Антиохию. Приняв начальство над армией, Нарзес перешел в крепость Марды, отстоявшую в трех парасангах от Дары (ок. 18 верст). Войска, расположенные в укреплениях близ Нисибина, стали на сторону Хосрова, и арабы близлежащих пустынь признали его своим царем и выдали ему заложников. Следующим пунктом на пути была Дара. В заботах о том, чтобы Хосров был окружен царской роскошью соответственно его положению в своем царстве, Маврикий прислал ему золотую, украшенную драгоценными камнями перевязь, царскую тиару, золотую посуду, такое же ложе и прикомандировал к нему своих оруженосцев. Хосров сдал Дару римским вождям и, скрепив подписью дарственную запись, отправил с нею к Маврикию знатного перса Долабзу с ключами крепости. Маврикий со своей стороны подтвердил заключенный договор и нарек Хосрова своим сыном.[1033]

Приближаясь к персидской территории, Хосров отослал своих жен под охраной Мебода в Сингару, сильную крепость, окруженную болотами, затруднявшими к ней доступ. Мебод имел поручение, устроив царских жен в Сингаре, проникнуть затем в столицу Персии.

На линии старой границы в 2'½ верстах от Дары, близ укрепления Аммодия, епископ Домициан сказал войскам напутственное слово, простился с Хосровом и уехал назад. Армия подвигалась медленно, поддерживая сношения с войсками, двигавшимися из Армении, которые должны были к ней присоединиться. Во время остановки на реке Забе Хосров задал большой пир, на который были приглашены все римские и персидские офицеры. По персидскому этикету за обедом в присутствии царя все хранили молчание. Торжественность этого пира Хосров ознаменовал казнью перса Бризакия. Он был послан Бахрамом следить за движением армии Хосрова, но был схвачен, изуродован и в этом виде послан к Хосрову. Его водили по обеденной зале, и Хосров немым жестом приказал его убить.

Между тем Мебод, устроив царских жен в Сингаре, захватил город Селевкию и вошел в сношения с населением Антиохии, выстроенной Хосровом для уведенных в плен в 540 году антиохийцев неподалеку от Ктесифона. Антиохийцы выдали ему присланный Бахрамом гарнизон, и Мебод одних убил, других подверг членовредительным казням и отослал к Хосрову. В Антиохии и других городах этой местности жило много иудеев. Занимаясь торговлей и обладая большими капиталами, они оказали Бахраму поддержку деньгами.

[1030] Египетский летописец Иоанн Никиуский занес в свое повествование рассказ о том, что на предварительном совещании, которое император устроил у патриарха Иоанна, патриарх выставлял на вид вину Хосрова в отношении своего отца и высказывал сомнение насчет того, сохранит ли Хосров верность империи. *Chr. de Jean de Nik.*, p. 528. Армянский историк Себеос в своем описании событий рассказывает, что на совещании по вопросу об обращении Хосрова к императору и предложении союза, члены синклита высказались в том смысле, что персы — бесчестный народ, могут при изменившихся условиях изменить своим клятвенным обещаниям, и так как они причинили империи много тяжких бед, то ослабление их вследствие внутренних раздоров пошло бы на пользу империи. Но император не внял этим советам и отправил своего зятя Филиппика к Хосрову с благоприятным ответом. *Себеос*, стр. 35.

[1031] Домициан сообщил о своих стараниях папе Григорию, и тот его одобрил. *Greg.* Epp. 4, 14. В Испанию дошли слухи о принятии Хосровом христианства, и Иоанн Бикларийский записал в свою хронику под 540 годом: imperator Persarum Christi suscepil fidem. *Chr. min.* II 219.

[1032] *Theoph. Sim.* 4, 15.

[1033] *Theoph. Sim.* 5, 3.

Расплата последовала от Мебода. Он разыскивал кредиторов Бахрама и предавал их казни.[1034] Бахрам уже вышел из Ктесифона и Мебод беспрепятственно занял столицу. Утвердив власть Хосрова, он выслал ему всю царскую обстановку.

Бахрам со своими войсками спешил на север, имея в виду отрезать армию, сопровождавшую Хосрова, от двигавшегося из Армении римского войска и армян под начальством Иоанна Мистакона.[1035] Это ему не удалось. Нарзес поддерживал сношения с Иоанном, и обе армии соединились раньше, чем подоспел Бахрам. Настал решительный момент, и противники на виду друг друга выстроились на битву. Но сильная позиция, которую занял Бахрам, защищала его от возможности нападения, и Нарзес не вступал в битву. Желая ускорить дело, Хосров послал персов на приступ; но они были отбиты и отступили с большими потерями. Как опытный полководец, Бахрам перешел в местности, неудобные для действий конницы, составлявшей главную силу римлян, и занял позиции поблизости от Гензака.[1036] Римские войска двинулись за ним, и здесь дана была большая битва. Лозунг римской армии, который приняли и персы, был в этот день — «Богородица Мария».[1037]

Битва была очень упорна и кровопролитна. Победа осталась за римлянами. Бахрам бежал на север, имея в виду пробраться к туркам. Он был с ними в сношениях, и в его войске был вспомогательный турецкий отряд. В числе пленных оказались после битвы и турки, обратившие на себя внимание тем, что на лбах у них было изображение креста. Хосров отослал их Маврикию.[1038]

Царская ставка Бахрама с его женами и всем царским снаряжением и драгоценным имуществом досталась победителям.[1039] Преследовать Бахрама был снаряжен Марин, дукс Халкиды, с 10 тысячами конницы, но ему не удалось его настигнуть. На следующий день после битвы армия продвинулась дальше на восток, так как трупный запах затруднял пребывание в тех местах. Хосров вступил в город Гензак и отпустил отсюда римское войско. Хотя римляне отвоевали трон Хосрову, но между случайными союзниками не было единодушия и взаимного доверия. Рассказывали, будто однажды был подсыпан яд в котлы мяса, варившегося в римском лагере. Нарзес обнаружил предательство, бросив кусок мяса собакам, которые тут же околели. Рассказ этот обошел всю империю и был известен и в Египте.[1040]

Хосров благодарил римлян за помощь, но денежная награда, которую он выдал, не была признана достаточной, и вожди, направляясь назад, оставили Хосрову запись, в которой просили его не забывать о той помощи, которая была ему оказана. Хотя Хосров после бегства Бахрама и разгрома его сторонников был признан законным царем во всех областях Персии, но он не чувствовал себя вполне безопасным и просил Маврикия прислать ему охрану. Маврикий отправил к нему тысячу воинов, которые составили его личную гвардию.

Утвердившись на троне отца, Хосров позаботился прежде всего о том, чтобы устранить тех представителей высшей знати, которые принимали участие в низвержении и убийстве его отца. Ему удалось путем каких-то воздействий побудить турок убить бежавшего к ним Бахрама. Остатки разбитой армии Бахрама нашли себе убежище в земле деламитов. Двое дядей Хосрова по матери, Биндой и Бистам, которым он был обязан возведением на царство, стали теперь для него подозрительными. Биндой оставался при дворе на высоком и приближенном к особе царя посту, а Бистам был вознагражден предоставлением ему в управление Хорасана, Гурджана и Табаристана. Персидские цари имели обычай переезжать ранней весной в Мидию. Во время этого путешествия Хосров нашел предлог разгневаться на Биндоя за нежелание исполнить его приказ и предал его жестокой смерти. Желая разделаться с Бистамом, он вызвал его к себе. Бистам был уже на пути, когда узнал о смерти Биндоя и злоумышлении на него Хосрова. Он вернулся назад, вступил в сношения с остатками армии Бахрама и искал себе союзников среди персидской знати. Скоро он собрал большое войско, провозгласил себя царем и женился на сестре Бахрама. В течение шести лет он удерживал свое положение, и монеты с его именем, на которых идет счет от 2 года до 6-го, определяют продолжительность того срока, в течение которого персидская держава была разделена на два царства. В 595 году началась война между Бистамом и Хосровом. Военное счастье оказалось на стороне последнего, а предательское убийство Бистама закончило дело. Так, персидская держава вновь объединилась.[1041]

За время пребывания в империи и близкого общения с епископами Хосров, который был, по всему вероятию, не чужд знакомства с христианством и раньше, возымел особое уважение к мученику Сергию. В трудную пору до начала военных действий, когда он находился в Теле, он дал 7 января обет пожертвовать золотой крест Сергию, если увенчается успехом одно предприятие, которое он тогда начинал. 9 февраля исполнилось то, чего желал Хосров. Храня в памяти этот обет, он приказал сделать золотой крест, приделал его к другому большому золотому кресту, который был увезен из Сирии его дедом в 540 году, и с письмом на имя антиохийского патриарха Григория отослал эти кресты на гроб мученика Сергия. В числе жен Хосрова была христианка по имени Ширин (Сира). Отдавая ей предпочтение в своем гареме, Хосров желал иметь от нее сына, и когда это желание осуществилось, он послал Сергию богатые дары с письмом на его имя, в котором излагал мотивы своего приношения. Письмо было написано по-гречески, и текст его сохранили Евагрий и Феофилакт Симокатта.[1042] Положение христиан в Персии изменилось к лучшему. Хосров издал повеление, которым воспретил менять религию всем своим подданным, как исповедующим маздеизм, так и христианство. В окрестностях столицы

[1034] Ib. 5, 7, 5—10.
[1035] По сообщению Себеоса (стр. 38), в войсках, стоявших за Хосрова, было 15 тысяч отборного армянского войска под начальством Мушега. Бахрам пытался переманить армян на свою сторону, но не имел успеха.
[1036] Битва произошла на реке Баларате, притоке Тигра. Помянутый у Феофилакта Гензак следует отличать от того Гензака, где было главное святилище огня. *Nöldecke,* Tabari, p. 100, p. 1.
[1037] *Theoph. Sim.* 5, 10, 5.
[1038] Ib. 5, 10, 15. Выяснилось следующее. — В местах их жительства была во время их детства чума. Находившийся среди них христианский проповедник спасал людей от смерти знамением креста, и матери, желая спасти своих детей от морового поветрия, знаменовали крестом своих младенцев.
[1039] Себеос рассказывает, что римские солдаты разграбили большую часть сокровищ — стр. 44; 43.
[1040] *Jean de Nik.* p. 528—529.
[1041] *Evagr.* 6, 21; *Theoph. Sim.* 5, 13, 4—6.
[1042] *Evagr.* ib. *Theoph. Sim.* 5, 14, 2—11.

Ширин основала монастырь и построила церковь, на что были отпущены средства из государственной казны. В Лазарево воскресение шла из монастыря процессия к воротам дворца, там читалось Евангелие, и царь давал подарки членам клира.[1043]

Хотя между Персией и империей установились добрые отношения, но взаимного доверия не было. Это видно из ходивших тогда рассказов, занесенных Феофилактом Симокаттой в свое сочинение. — Еще в то время, когда римские войска вели Хосрова на царство, вождь армии, пришедшей из Армении, Иоанн Мистакон, упрекал по какому-то поводу царя за дурные обычаи и поступки. Приняв слова Иоанна в обиду, Хосров отвечал, что Иоанн позволяет себе делать ему замечания потому, что персидские дела находятся в дурном положении, и тут же прибавил предсказание, что через трижды семь лет персы овладеют державой римлян, а через пять раз семь римляне поработят персов, после чего настанет день без вечера, когда исчезнет все дурное и настанет лучшая жизнь. Вскоре потом, когда Хосров утвердился на престоле, к нему прибыл послом от императора Проб, епископ Халкидона. Во время приема царь попросил его показать ему образ Богоматери. Епископ исполнил его желание, и Хосров открыл ему, что Богородица являлась ему в эту ночь и сказала, что она даст ему победы Александра Македонского.[1044]

Мир между державами едва не был нарушен в 600 году. Повод дали арабы, признававшие над собой власть императора, своим опустошительным нашествием в персидские пределы. Хосров принял это как повод к войне. В предотвращение этого бедствия Маврикий поспешил отправить послом к нему префекта претория Востока Георгия. Хосров долго не давал ему аудиенции; наконец смягчился, выслушал объяснения посла и подтвердил мир. Георгий, по возвращении в столицу, хвалился, что опасность для империи была предупреждена его искусством в переговорах с царем и навлек тем на себя гнев Маврикия.[1045] Мир с Персией продержался все время, пока на византийском престоле сидел Маврикий, названный отец Хосрова.

Прекращение старого раздора между империей и персидской державой отразилось на судьбах Армении и Иверии. Клятва Юстина освободить армян от персов осталась без исполнения; Хосров восстановил свою власть в отпавших от него областях и жестоко покарал население. После разгрома армии Юстиниана Тамхосровом имперские войска в течение нескольких лет, по-видимому, вовсе не вступали на территорию персидской Армении, и только от 590 года есть известие об осаде Двина Иоанном Мистаконом.[1046] Получив известие о восстании Бахрама-Чобина, Иоанн прекратил осаду и ушел в Армению. Биндой и Бистам, имевшие давние отношения к персидской Армении, собрали войско из армян, выступившее под начальством своего вождя Мушега Мимиконида, вместе с Иоанном Мистаконом на помощь Хосрову.[1047]

Утвердившись на отцовском троне, Хосров во исполнение своих обещаний отдал Маврикию значительную часть Армении, а именно области Арзанену, Тарон и Айрарат, а также и всю Иверию с городом Тифлисом. За Персией осталась лишь восточная область Армении, Васпуракан, и главный город персидской Армении Двин, оказавшийся теперь в непосредственной близости к границе. Перемена верховной власти в присоединенной к империи части Армении не обошлась без тревог и волнений. Армянская знать ближайших к Персии областей вступила в сношения с персидским двором и, по сообщению Себеоса, Хосров поддержал это движение. Восстание началось с предательского убийства Иоанна, магистра армии в Армении. Маврикий послал в Армению Доменциола,[1048] который сумел справиться с восстанием и захватил в плен руководителя движения, Сумбата Багратуни. В Константинополе был наряжен над ним суд, приговоривший его к жестокой казни — растерзанию дикими зверями но время игр. Император помиловал его в последний момент, и народ славил его за милосердие.[1049] Сумбат был отослан в Африку на службу в тамошних войсках.[1050]

Нуждаясь в военной силе для борьбы с аварами, Маврикий требовал вспомогательных контингентов от армян, что и вызывало неудовольствие в стране. Себеос занес в свое повествование рассказ об участии армян под начальством вождя Мушега Мимиконида в одной победе, одержанной имперскими войсками над аварами, и о последовавшем вскоре поражении, когда Мушег попал в плен и был убит.[1051] Новое требование армянского контингента на запад вызвало восстание, которое было усмирено совместными действиями римских и персидских войск. Вождем римлян был Ираклий, отец будущего императора.[1052] В последний год своего правления Маврикий сделал новую попытку вызвать из Армении значительную военную силу, и для осуществления этого предприятия был отправлен лучший полководец того времени Приск. Весть о восстании фракийской армии заставила Приска поспешно вернуться в столицу, не доведя до конца этого дела.[1053]

В заботах о водворении единства исповедания веры в империи Маврикий принимал меры к тому, чтобы заставить армян признать Халкидонский собор. Его старания увенчались некоторым успехом, но имели своим последствием разделение армянской церкви на два патриархата. В Двине, оставшемся во власти персидского царя, имел свою кафедру католикос Моисей, не допускавший общения с «синодитами», а другой католикос, по имени Иоанн, перенес свою кафедру в Феодосиополь и находился в общении с господствующей церковью. По сообщению Себеоса, Иоанн перевез из Двина в Феодосиополь все более ценное церковное имущество.[1054]

[1043] *Себеос,* гл. 4, стр. 50.
[1044] *Theoph. Sim.* 5, 14, 3—10.
[1045] Ib. 8, 1, 1—8.
[1046] *Себеос,* гл. 2, стр. 33.
[1047] *Себеос,* гл. 3, стр. 39—49, рассказывает, будто Бахрам старался переманить армян на свою сторону обещанием восстановить их царство; но армяне не поддались на его увещания.
[1048] Позволю себе высказать догадку, что имя вождя неверно передано в тексте Феофилакта и что следует читать: Коменциола.
[1049] *Theoph. Sim.* 3 , 8 , 4 —5. Феофилакт в своем изложении неправильно поместил это событие в 590 год.
[1050] *Себеос,* гл. 10, сохранил легендарный рассказ о том, как Сумбат убил медведя, быка и льва, после чего был помилован императором.
[1051] *Себеос*, гл. 8.
[1052] Ib. гл. 7.
[1053] Ib. гл. 21.
[1054] Ib. гл. 9.

Административное деление армянских областей подверглось некоторым изменениям. Источником сведений об этом является список епархий Константинопольского престола, составленный Георгием Кипрским.[1055]

Четвертая Армения, организованная Юстинианом из пяти сатрапий, была разделена на две провинции, и обе они сохраняли название Четвертой Армении, но южная называлась также Верхней Месопотамией. Главным городом ее осталась Амида. Кроме митрополии, в ее пределах было два города, Мартирополь и Дара, остальная территория представлена 26 укреплениями (κάστρον). К Верхней Месопотамии была присоединена область Арзанена с шестью укреплениями. Восточная граница этой провинции доходила до озера Ван. Имя Четвертой Армении в старом смысле слова принадлежало области, лежащей к северо-западу от Месопотамии. Митрополией ее был не Кифариз, а город Дадим. На ее территории находились города Арсамосата, Кифариз, Хозан, четыре укрепления и восемь округов (κλίμα). Вновь приобретенные области Тарон и Айрарат были присоединены к Первой Армении с главным городом Феодосиополем, и вся страна называлась Великой Арменией. Общее число городов, укреплений и округов в этой области Георгий определяет цифрой 200. Армянская церковь сохранила свою самостоятельность и оставалась независимой от константинопольского патриарха.

Что касается Иверии, то хотя не подлежит сомнению подчинение ее с этого времени императору, но в нашем предании не имеется никаких сведений о судьбе этой земли от времени правления Маврикия.

ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ К АВАРАМ. ПОХОДЫ НА СЛАВЯН ЗА ДУНАЕМ

В то время как война с Персией сосредотачивала на себе главное внимание императорского двора, росла опасность для империи с севера, от аварского хана. Не довольствуясь данью в 80 тысяч номизм, хан прислал в мае месяце 583 года посольство с требованием прибавки в 20 тысяч.[1056] Император отказал, и хан во время сбора жатвы сделал нашествие в пределы империи. Плохо снабженный средствами обороны Сингидон был взят, такую же участь имели города Виминакий (Костолац) и Августы. Перейдя через Балканы, хан дошел до Анхиала и сделал здесь остановку.[1057] Маврикий отправил к нему послом сенатора Ельпидия, бывшего претора Сицилии, к которому присоединил своего оруженосца Коменциола. Хан принял послов очень грубо и грозил разметать Долгую стену, внешнюю защиту столицы. Когда на его резкие слова Коменциол дал смелый ответ, хан заключил его в тюрьму и хотел даже казнить, но ближайшие советники удержали его от такого нарушения международных обычаев.[1058] Дальше Анхиала хан не двинулся и воротился назад, взяв, по всей вероятности, щедрый выкуп. Пострадавшие подунайские крепости были восстановлены и служили и впоследствии свою сторожевую службу.

На следующий год Маврикий опять отправил к нему послом того же Ельпидия для переговоров о возобновлении мирного договора на прежних условиях. Но хан не внял настояниям посла и, отпуская его в обратный путь, отправил вместе с ним Таргитая с требованием прибавки. Угроза войны в случае отказа заставила императора уступить, и он согласился увеличить дань до ста тысяч номизм. Мир был восстановлен, но он продержался недолго. Славяне в огромном множестве появились во Фракии, и их грабительские шайки доходили до Долгой стены. Император выступил самолично на ее охрану и поручил борьбу с варварами Коменциолу. Встретившись со славянами на реке Ергинии (?), он одержал над ними большую победу и был вознагражден назначением на пост придворного магистра армии. В этом звании он продолжал очищать ближайшую к столице область от бродячих шаек грабителей и направился к Адрианополю. В окрестностях этого города разбойничал князь Ардагаст. Близ укрепления Ансина Коменциол разбил и прогнал его, овладев огромной добычей. Подвигаясь дальше к западу, он очистил от славян область Астику, как называлась в ту пору местность к северу от реки Гебра (Марицы) между Адрианополем и Филиппополем.[1059] Нашествие славян приписывали в Константинополе воздействию хана. Ближайшим поводом к нарушению мира с аварами послужило следующее обстоятельство. — Один шаман навлек на себя гнев хана, вступив в связь с одной из его жен. Он бежал к туркам, но был захвачен на Дунае римским сторожевым постом и отослан в столицу. О дальнейшей его судьбе нет сведений. По-видимому, он не был выдан хану. Когда же явился в Константинополь Таргитай за получением денег, император заточил его на острове Халкиде на Пропонтиде и продержал в течение шести месяцев. Хан ответил на это вторжением за Дунай и прошел с грабежом и разорением Мезию и Скифию. Пострадал целый ряд крепостей: Бонония (Виддин), Рациария, Аквы, Доростол, Зальдапа, Панноза, Трофей Траяна и Марцианополь.

Весною следующего года Коменциол назначил сбор войскам в Анхиале. Под его начальством оказалось до десяти тысяч человек. Коменциол отобрал из них более надежных воинов шесть тысяч, остальных оставил в лагере на его охране. Разделив армию на три отряда по две тысячи человек, он стал сам во главе одного и назначил командирами двух других офицеров Каста и Мартина. Ближайшая задача состояла в том, чтобы выследить, где находится неприятель. Каст пошел в направлении Зальдапы и наткнулся на шайку безоружных варваров, очевидно, славян, оседавших тогда в запустевших придунайских землях. Перебив много народа, Каст взял в плен остальных и направился с добычей в лагерь. Но по дороге славяне устроили засаду и отбили пленных. Мартин сделал разведку в направлении крепости Новы и получил сведение от лазутчиков, что в тех местах стоял лагерем сам хан. Внезапным нападением он заставил аваров укрыться на остров реки. Каст и Мартин после своих разведок соединились в назначенном месте и ожидали содействия со стороны командира; но тот не рискнул пуститься на разведку и прошел лишь до Марцианополя. Каст и Мартин направились к нему и вместе с ним отошли в местность Sabulente Canalin в предгорьях Балкан.[1060] Простояв там два дня, Коменциол организовал

[1055] *Gelzer*, Georgii Cyprii descriptio orbis Romani. Lips. 1890.
[1056] *Theoph.* 252, 28.
[1057] По сообщению Феофилакта, ханским женам очень понравились теплые ванны в устроенном близ Анхиала лечебном заведении на минеральных источниках. *Theoph. Sim.* 1, 4—6, 3.
[1058] *Theoph. Sim.* 1, 4—6, 3.
[1059] Ib. 1, 7; *Theoph.* 254, 3—13.
[1060] Ib. 2, 11, 4—8.—Подробное описание роскошной природы этой местности, сделанное с претензией на

охрану деревянного моста на реке (вероятно, Камчии). Мартин охранял мост, а Каст должен был следить за приближением неприятеля. Авары подошли к мосту ночью, разбили и разогнали отряд Каста и взяли его самого в плен. Армия рассеялась и открыла проход аварам. Пройдя через перевал, авары рассыпались на грабеж фракийских местностей. Кроме Каста в плен попал и Ансимут, начальник отряда, который шел на защиту Долгой стены.

Пока хан грабил Фракию, Коменциол собрал свои разбежавшиеся войска и составил план ночного нападения на аварского хана. В боевом строю, соблюдая все предосторожности, он подходил к тому месту, где надеялся захватить хана. Но в ночь накануне предполагаемого нападения случилось мелкое обстоятельство, расстроившее это предприятие. — Во вьючном обозе, проходившем через место расположения войска, свалился с одной лошади вьюк и заметившие это погонщики стали кричать ушедшему вперед товарищу: retorna, retorna, frater (вернись, вернись, братец). Этот возглас был подхвачен другими, разнесся в ночной тишине по лагерю, и все поняли его как предостережение от неожиданной опасности. Началась паника и всеобщее бегство. Авары с ханом, находившиеся очень близко от стоянки Коменциола, заслышали крики и топот множества коней и, не разобрав, в чем дело, также бежали.[1061] Победа, о которой мечтал Коменциол, ускользнула из его рук.

Коменциолу не удалось уже собрать своих рассыпавшихся всадников, а хан подступил к городу Берое (Эски-Загра). Гарнизон храбро отбивался, и хан отступил, удовольствовавшись выкупом. Неудачно было также нападение на Диоклетианополь и Филиппополь, и хан, пройдя через Астику, подошел к Адрианополю. Гарнизон и жители оказали ему и здесь храброе сопротивление.[1062]

Приближение аваров к Константинополю вызвало панику среди населения и весьма резкие манифестации против императора. Маврикий поспешил выслать против аваров полководца Иоанна Мистакона (неудачно воевавшего с персами в 583 году) и дал ему в помощники смелого и предприимчивого лангобардского герцога Дроктульфа, находившегося тогда в столице.[1063] Умелый маневр Дроктульфа доставил победу имперским войскам. Авары бежали, а слабые числом римские силы не отважились преследовать их.

После этого набега авары в течение нескольких лет не причиняли никаких тревог империи. Вероятно, в это время хан имел другие заботы, быть может, воевал со славянами, расширяя свое господство. Память о насилиях, которые совершали авары, сохранилась в чешском и польском языках в словах: olbrim, olbrzym, которые значат — великан, нечто свирепое и дикое, и наша русская летопись знает о зверствах обров над дулебами.[1064] Угрозы турок истребить бежавших от них аваров не осуществились, так как их движение на восток приостановилось, вероятно, в связи с той победоносной войной, которую вел против них Бахрам-Чобин в 589 году на верхнем течении Аму-Дарьи. После поражения от персов у них начались междоусобицы и внутренние войны. Несколько улусов из племени уйгуров бежали на запад к своим соплеменникам и усилили тюркский элемент царства Баяна. Их было, по сообщению Феофилакта, 10 тысяч и их родовые имена он записал так: Ταρνιάχ, Κοτζαγηροί, Ζαβενδέρ.[1065]

Неожиданный переворот в судьбах персидского трона превратил враждебные дотоле отношения между империей и Персией в дружественные, и Маврикий, став названным отцом царя Хосрова, получил возможность ослабить охрану персидской границы и перевести часть войск на Дунай. Он надеялся начать наступательную войну с аварами и весной 592 года решил предпринять поход из столицы, приняв лично начальство над армией. В придворных кругах видели в этом нарушение старых традиций, и императрица упрашивала своего супруга отказаться от этого предприятия. Ее просьбы были тщетны, как и патриарха. Император настоял на своем и начал поход с выезда в Евдом. В этот день случилось затмение солнца. Вернувшись в город, чтобы принять персидского посла, Маврикий провел ночь в храме св. Софии, а потом целый день — в пригородном храме Богоматери Живоносного Источника. Оттуда он опять прибыл в Евдом и двинулся в Регий. Раздав там щедрую милостыню огромной толпе убогих, император на рассвете следующего дня выступил дальше уже во главе своей армии. Перед ним несли крест, утвержденный на длинном древке копья. Случилось опять дурное предзнаменование: огромный кабан бросился под ноги императорского коня. Тот поднялся на дыбы, но император усидел и, справившись с конем, продолжал путь. Прибыв в Гераклею, Маврикий пожелал ехать дальше морем. Но разразилась буря, и 50-весельный корабль с трудом пристал в гавани Даония. Проведя там ночь, Маврикий вернулся верхом в Гераклею. Подле города был храм св. Гликерии, ограбленный и сожженный аварами. Император сделал распоряжение об отстройке и украшении его и выступил дальше. На ночевку войска стали близ одного незначительного городка. Там случилось новое тяжкое предзнаменование: у одного местного человека родился ужасный урод. Император осмотрел его и приказал убить. Миновав по пути город Энат (Девятый — очевидно, от милевого столба), армия стала на ночевку, и тут пал от внезапной болезни лучший конь императора. На следующий день навстречу проходившим выскочило стадо оленей. Люди свиты государя бросились их преследовать, и без вести пропал при этом один из царских оруженосцев. Коня с седлом привел в лагерь поселянин и вместо награды был подвергнут пытке на следствии по делу об исчезновении ездока. На следующий день привели к императору трех странных людей. Большого роста, безоружные, они имели с собой только лютни (κιθάρας). Из расспросов выяснилось, что они были посланы к аварскому хану от далекого

поэтические краски, не дает, к сожалению, возможности точно локализовать ее на современной карте. По-видимому, эта местность лежала неподалеку от Анхиала и восточного прохода через Балканский хребет.

[1061] Ib. 2, 12, 5—15, 12. У Феофана (258, 16) τόρνα.

[1062] Ib. 2, 17, 1—4. — Феофилакт вставляет раньше упоминания о Берое подробное описание взятия Аппиарии. Но так как этот город лежал далеко на нижнем Дунае, то, очевидно, взятие его может относиться разве только к началу похода, а не к тому времени, в которое его поместил автор. — В хронике Феофана воспроизведено в сокращении сообщение Феофилакта, p. 258—259.

[1063] Ib. 2, 17, 5—13. Дроктульф помянут у Павла Диакона, h. L. III, 18—19. Феофилакт называет его Дроктоном.

[1064] *Marquardt*, Osteuropâische und ostasiatische Streifzüge, стр. 127 *сл.* Считая вероятным вместе с Шафариком, что авары прошли через земли дулебов на Буге во время своего передвижения на запад, Марквард предполагает, что часть племени была выселена аварами в пределы нынешней Чехии и в Паннонию, где аварам нужен был земледельческий народ, чтобы служить прикрытием от лангобардов.

[1065] *Theoph. Sim.* 7, 8, 16—17.

славянского народа, жившего на берегах океана. Свое путешествие они совершили в 15 месяцев. Хан прислал щедрые дары их князю и просил оказать военную помощь. Князь принял дары, но отказался прислать воинов ввиду отдаленности своего местожительства. Исправление посольства он поручил пленникам, которые должны были заявить хану об его отказе от союза. Хан их задержал и не пускал назад; они прослышали, что есть могущественный и богатый народ римский, и направились во Фракию. Они говорили, что в их стране нет железа, что живут они в глубоком мире и занимаются музыкой. Император обласкал их и отослал в Гераклею. — Таков рассказ Феофилакта.[1066] Позволительно догадываться, что послами далекого славянского народа были цыгане, уже в то время скитавшиеся среди европейских народов.

На дальнейшем пути в направлении к Анхиалу вышло замешательство при переправе через реку. Император сошел с коня и с жезлом в руках сам налаживал порядок. В Анхиале войско стало лагерем. Император провел там 15 дней и, получив известие о прибытии посольств от франков и персов, вернулся в столицу.[1067]

Приведенное описание похода с наглядностью свидетельствует о том, в каком запустении была область, ближайшая к столице. Огромный кабан, испугавший императорского коня, стадо оленей, наскочившее из леса на всадников, — признаки весьма малой населенности и отсутствия земледельческого населения в стране. Если так было в непосредственной близости к столице, то, очевидно, дальше, в горах Балкан и волнистых равнинах по Дунаю, дело обстояло еще хуже. Разбросанные на далеком расстоянии крепости вмещали скудное население, издавна привыкшее к военным тревогам. В запустевшей стране явился новый вид промысла — разбой. Выделившиеся из общественного союза люди собирались в ватаги, бродили по дорогам, грабили проезжавших и оставались неуловимы для преследования. Еще в конце V века разбойники представляли, как на то уже было указано выше,[1068] целый класс населения в обезлюдевших областях, вышедших из кругозора представителей администрации. Для обозначения этой вольницы явился термин скамары (scamarae). В правление Тиверия скамары ограбили однажды послов аварского хана, возвращавшихся с данью из Константинополя. Часть их добычи была потом разыскана и возвращена по принадлежности.[1069]

Поход императора, окончившийся в Анхиале, был вызван враждебными действиями хана, который требовал вновь увеличения дани. Ввиду нежелания императора удовлетворить это требование, хан принялся сооружать суда для устройства переправы неподалеку от Сингидона. Подвластные хану славяне занялись заготовкой корабельного леса. Гарнизон делал вылазки и поджигал заготовленный материал. Славяне, оставив судостроение, обложили город. Хан распорядился прекратить осаду, взяв с города выкуп: две тысячи золотых монет, окованный золотом стол и одежды (στολή).[1070] После этого хан отошел к городу Мурсе [1071] на Драве и приказал славянам устроить переправу на Саве неподалеку от Сингидона. Когда мост на судах был готов, хан перевел по нему свои войска и на пятый день достиг Бононии (Виддин). Командование над армией после отъезда императора принял Приск. Он назначил своим помощником Сальвиана и послал его с тысячью всадников захватить перевал, которому Феофилакт дает имя Проклианы. Можно догадываться, что он разумел самый восточный перевал через Балканы по пути в Марцианополь. Скоро авары появились перед перевалом; Сальвиан отразил их и не пропустил в проход. Узнав о неудаче своих передовых отрядов, хан двинул восьмитысячный конный отряд под начальством вождя Самура. Но Сальвиан выдержал и этот натиск и не сдал позиции. Узнав о поражении Самура, хан подошел со всем своим войском. Ввиду огромных сил противника Сальвиан ночью покинул свои позиции и ушел на соединение с Приском. Хан узнал о том, что перевал свободен, только на четвертый день и на пятый вступил в горы. Через три дня он достиг местности, которой Феофилакт дает имя Сабуленте Каналин, и затем подступил к Анхиалу. Покидая эту стоянку, он сжег церковь св. Александра и, продвигаясь затем на юг, захватил римский сторожевой пост. Не добившись от пленных сведений о том, где находится армия противника, он дошел до Дризиперы, простоял восемь дней под стенами этого города и, оставив начатую осаду, спустился до Гераклеи на Пропонтиде. Приск не подвергал себя риску сражения с превосходящими силами хана. Он укрылся сначала в укреплении Дидимотих, а затем ушел в Цурул. Хан подступил к Цурулу и осадил эту крепость. По сообщению Феофилакта, Приска спасла хитрость, придуманная императором. Получив известие о трудном положении Приска, он послал письмо на его имя, в котором предлагал ему задержать хана на месте, так как из столицы посланы морем войска, чтобы захватить семейства кочевников в их стоянках (τάς φαμιλίας). Посланный должен был попасться в руки аваров, что он и исполнил. Ознакомившись через переводчиков с содержанием письма, хан вступил с Приском в переговоры и за незначительный выкуп увел свои полчища на север. Ввиду позднего времени Приск распустил войска на зимние стоянки и сам уехал в Константинополь.[1072]

Так описан у Феофилакта этот грозный набег хана. Был ли Баян так напуган письмом императора, что ограничился малой суммой выкупа, это не подлежит выяснению; но во всяком случае мир был восстановлен. За зиму в Константинополе был выработан план военных действий против славян, живших на север от нижнего Дуная. Весною следующего года Приск назначил сборным пунктом для войск город Гераклею. Сформировав действующую армию, он принял начальство над конницей, а начальником пехоты назначил Генцона. Простояв 7 дней в Гераклее, войска прошли в четыре перехода в Дризиперу, где простояли 15 дней, а затем в 20 переходов прошли на Дунай в Доростол. Хан был встревожен этим походом и отправил к Приску посла по имени Коха, который предъявил протест. Приск стоял на том, что мирный договор, существующий между империей и аварами, не касается славян. Отклонив вмешательство хана, Приск в 12 дней снарядил переправу через Дунай.

Ближайшая к Доростолу область на левом берегу Дуная находилась под властью царя Ардагаста. Первая

[1066] *Theoph. Sim.* 6, 2, 10—16.
[1067] Ib. 6, 3.
[1068] См. стр. 176.
[1069] *Menandri* frg. 35. Профессиональный разбой держался под этим термином и в VIII веке, как видно из упоминания Феофана об одном эпизоде из времени войны Константина V с болгарами. *Theoph.* 436. 17.
[1070] Вероятно, то были церковные драгоценности.
[1071] Очевидно, этот старый город следует разуметь под именем Μίρσιον у Феофилакта, который указал и расстояние: 5 парасангов, ок. 30 верст.
[1072] *Theoph. Sim.* 6, 4—5.

встреча со славянами окончилась тяжким их поражением, и царь бежал. Множество славян попало в плен, и Приск хотел отправить пленников в дар императору. Но солдаты рассматривали пленников как принадлежащую им добычу, и в армии началось брожение. Приск сумел успокоить солдат и отослал пленных в столицу под охраной отряда в 300 человек, начальником которого был назначен Татимер. По дороге, по-видимому уже во Фракии, славяне едва не отбили своих соплеменников. Но на помощь подоспела пехота, славяне были отбиты, добыча уцелела и прибавилось еще 50 человек к общему числу пленных. Получив ценную добычу, император возблагодарил Господа Бога за победу торжественными всенародными молениями.[1073]

Отослав пленных, Приск продолжал свое дело разгрома славян. Один из его офицеров по имени Александр переправился через реку Иливакию (Ἡλιβακία), но попал во время преследования бежавших славян в болотистую местность и едва не погиб со своим отрядом. В трудном положении Александра выручил один перебежчик, гепид по племени, помнивший, что он был когда-то христианином. Он сообщил Александру, что славяне, которых он преследовал, были высланы царем Мусокием выслеживать движения войска. Александр вернулся в главный лагерь с пленниками, которых успел захватить, и Приск, пользуясь указаниями и предательской помощью гепида, организовал поход на Мусокия. Гепид убедил Мусокия послать 150 лодок как бы на спасение славян Ардагаста. Лодками овладели римляне и, переправившись через реку Паспирий (?), сделали в глубокую ночь нападение на Мусокия. Много людей было перебито и еще больше взято в плен. Эти легкие победы и большая добыча имели своим последствием то, что солдаты на обратном пути плохо держали сторожевую службу, и во время одного ночного нападения отряд оказался в весьма опасном положении. Распорядительный Генцон поправил дело, и Приск строго наказал виновных.[1074]

Когда Приск собирался закончить свою экспедицию, из столицы прибыл в лагерь Татимер с приказом от императора, чтобы войска остались на зимовку за Дунаем. Оглашение этого приказа вызвало большое неудовольствие в армии, и Приск с трудом справился с возбуждением солдат. Он не считал возможным задержать армию за Дунаем и скоро стал собираться в обратный путь. Хан, допустивший разгром славян, стал грозить отрезать Приску переправу. Для переговоров с ним Приск отправил врача Феодора. Хан смягчился, но продолжал настаивать на том, что Приск разграбил земли, принадлежащие к его державе, и требовал своей доли в добыче. Приск имел об этом совещание с офицерами, и ему стоило большого труда убедить солдат поделиться с ханом. Он отослал ему всех пленных славян, не простирая дележа на остальную добычу. Хан удовлетворился этим, и Приск беспрепятственно переправился через Дунай.[1075]

Император остался недоволен действиями Приска и вменил ему в вину дележ военной добычи с ханом. Отстранив его от командования, он назначил на его место своего брата Петра и одновременно с тем предоставил пост комита экскувитов своему зятю Филиппику. Считая себя специалистом военного дела, Маврикий занялся после окончания войны с персами пересмотром законов, которыми определялось положение военного сословия в империи. В заботах о сокращении расходов на армию он вознамерился уменьшить размеры солдатского жалованья и, подвергнув вопрос общей регламентации, внес изменения в положения о правах выслуживших свой срок солдат, точнее определив их права и преимущества. К сожалению, до нас не дошла сделанная им новая общая редакция военных законов; впрочем, возможно и то, что она осталась в проекте и получила лишь частичное осуществление. Заместив важные военные посты близкими себе людьми, Маврикий надеялся при их помощи провести свои новые законы, и Петр взял на себя эту заботу в отношении придунайской армии, главнокомандующим которой он был назначен.

Вступив в командование, Петр назначил сборным пунктом город Одисс (Варну), куда и явился весною.[1076] Он был встречен с обычным почетом и на четвертый день по прибытии объявил на сходке некоторые новые указы императора. Войска встретили их ропотом, и всеобщее недовольство грозило разразиться бунтом. Собравшиеся из разных мест отряды покинули стан вождя и стали лагерем поблизости от его стоянки. Чтобы не дать бунту разгореться, Петр сохранил в тайне все то, что могло усилить недовольство, и, явившись в лагерь, объявил только то, что свидетельствовало о заботах императора о личной судьбе солдат, а именно: права и привилегии окончивших срок службы.[1077] Настроение солдат изменилось, и они выразили благодарность за заботы государя. Таким образом, Петру не удалось исполнить возложенного на него поручения.

Отправив императору донесение обо всем происшедшем, Петр двинулся в Марцианополь. Его передовой конный отряд в тысячу человек наткнулся на славян, которые успели ограбить города Зальдапу, Аквы и Скопы и с большой добычей продолжали свой путь. Завидев римское войско, славяне перебили всех мужчин, какие были в числе пленных, и обложились табором из телег, взяв в середину женщин и детей. Всадники спешились и прорвали табор. Тогда славяне перебили женщин и детей, храбро бились с врагом, и лишь немногие успели бежать. Обрадованный этим успехом Петр выдал щедрые награды победителям. На этом и закончился поход Петра. На охоте, которая в ту пору была постоянным занятием военных людей и, по-видимому, восполняла недочеты организации провиантской части, он расшиб себе ногу и лежал больной. Получив известие о бездействии армии, император выразил Петру свое неудовольствие, и тот, еще не оправившись от ушиба, двинулся дальше. Вскоре вышла опять задержка, так как из столицы пришел приказ Петру не покидать Фракии

[1073] *Theoph. Sim*. 6,8,8.

[1074] Ib. 6, 9.

[1075] *Theoph. Sim.* 6, 11. — В изложении Феофилакта поход Приска за Дунай имеет обычную для того времени продолжительность, т. е. заканчивается осенью. По другой версии, сохранившейся в хронике Феофана, Приску удалось, несмотря на протест солдат, перезимовать за Дунаем; но когда Маврикий потребовал этого вторично, Приск не исполнил приказания и, не дождавшись приезда нового главнокомандующего, Петра, брата императора, собрался в обратный путь и, уладив затруднение с ханом, перешел на римский берег Дуная (*Theoph.* 272,17—19). Нельзя не признать, что годичный срок похода является более вероятным. Феофан относит эти события к 11 и 12 годам правления Маврикия, т. е. с 14 августа 593 по 13 августа 595 года.

[1076] Ввиду неясности в главном нашем источнике, трудно сказать с уверенностью, было ли это в 594 или 595 году.

[1077] Феофилакт говорит о праве отставных на содержание на счет государства и о зачислении солдатских детей в военные списки.

ввиду слухов о том, что славяне большой массой подходят к Долгой стене.

После новой остановки Петр направился на запад. Его путь лежал на города Зальдапу и Приску. Перейдя Ятру (Янтра), он подошел к Новам. Население вышло навстречу войскам и просило Петра провести в городе местный праздник в день памяти св. мученика Лупа (23 августа). Проведя там два дня, Петр направился дальше на запад по Дунаю. Путь его шел на Секуриску и Асим. Гарнизон Асима вышел в боевом снаряжении навстречу Петру вместе с представителями от городского населения. Видя исправность снаряжения и хорошую выправку людей, Петр задумал присоединить этот отряд к своей армии. Но сделанная им попытка вызвала весьма возбужденный протест всего населения, и Петру пришлось отойти от города под крики брани на него со стен укрепления.[1078] На дальнейшем пути передовые отряды Петра наткнулись на болгар, которые спокойно передвигались в стране, считая себя в полной безопасности, ввиду существования мирного договора хана с римлянами. Но Петр посмотрел на дело иначе, и не приняв представленных ими объяснений, отдал приказ сделать на них нападение. Болгары отбились и обратили римлян в бегство. Узнав об этом столкновении, хан потребовал от Петра удовлетворения, и тот откупился подарками и оправдывался тем, будто нападение совершилось без его ведома.

С самого начала похода Петр имел в виду переправиться на левый берег Дуная, чтобы громить славян. Высланные им лазутчики в количестве 40 человек были захвачены славянами. Такую же неудачу потерпел отряд в тысячу всадников, которые были переправлены через Дунай. Когда Петр перешел через Дунай со всей своей армией, славяне были разбиты и вождь их Пирогост пал в бою. Продвигаясь дальше в глубь страны, армия попала в безводное место, а добравшись до реки Иливакии, потерпела тяжкий урон и принуждена была отступить.[1079]

В такой последовательности излагает военные события под начальством Петра Феофилакт Симокатта и оставляет у читателя представление, что речь идет о походе одного года. Но в конце рассказа он делает общее замечание хронологического характера, которое переносит последнюю неудачу Петра в 597 год.[1080] Феофан отнес в своей хронике важнейшие из рассказанных здесь событий к 14 и 15 годам правления Маврикия, т. е. от 14 августа 595 до 13 августа 597 года.[1081]

Один агиографический источник, а именно «Чудеса св. Димитрия Солунского», позволяет констатировать далеко не полную осведомленность наших главных источников о тяжких бедствиях 597 года, стоявших в непосредственной связи с отношениями империи к аварам. — Центр административного управления префектуры Иллирика, город Фессалоника, подвергся в сентябре 597 года страшному нашествию славян. Неожиданно явившись в огромной массе под стенами юрода в половине сентября, славяне обложили Фессалонику по всему протяжению ее стен от моря и до моря и начали правильную осаду, применяя к делу всякого рода осадные орудия. Положение города было тем труднее, что префект претория Иллирика был в ту пору в Константинополе, часть гарнизона отлучилась по делам «в Грецию», т. е. очевидно в Фессалию, и много горожан было в отсутствии, так как приспело время сбора винограда, и владельцы разъехались по своим хозяйствам. Гарнизон храбро оборонялся и делал вылазки. Осада длилась в течение шести дней, а на седьмой — то было воскресенье 22 сентября — в 8 часу дня все множество осаждавших без всякой видимой причины бежало в горы. Население наблюдало это бегство со стен и башен и дивилось. Изумление граждан было еще сильнее, когда оказалось, что варвары, вернувшись ночью в свой лагерь, захватили лишь часть своего добра и, бросив на месте осадные орудия и много имущества, поспешно отступили. Спасение города было приписано чудесному заступничеству патрона города Фессалоники, св. Димитрия, выступившего против врага с невидимой ратью. — Так описал это событие епископ Фессалоники Иоанн почти столетие спустя в своем сочинении о чудесах св. Димитрия.[1082] Точное указание даты освобождения города — воскресенье 22 сентября — делает несомненным, что это нашествие славян относится к 597 году.

Если славяне могли покуситься на осаду такого большого и укрепленного города и располагали для этого осадными орудиями, то, очевидно, то были не шайки грабителей из той славянской массы, которая проникла в те места еще при Тиверии, а большая организованная сила, направленная сюда предприимчивым аварским ханом. Около того же времени тот же хан посылал славян на помощь лангобардам, и они разоряли Истрию.[1083] Имперские войска в своих действиях против аваров держались на линии Дуная. Очевидно, в ту пору все пространство от Сингидона и до Фессалоники пришло в окончательное запустение. Романское население держалось по берегу моря в городах, а вся горная область от Филиппополя и до городов побережья вышла из-под всякой зависимости от центральной власти, запустела и представляла широкий простор для славянской колонизации.

Наш главный источник для истории времени Маврикия ничего не знает о судьбе Фессалоники и в рассказе о событиях 597 года следит только за действиями Петра, сводя при этом свой рассказ как бы к одному непрерывному походу.

Неудачные действия Петра заставили Маврикия отнять от него командование и вновь призвать Приска на его прежний пост. На следующую весну (598 г.) Приск назначил сборный пункт для армии в Астике. Явившись в лагерь, он убедился в огромной убыли в военных кадрах и хотел довести об этом до сведения императора; но ближайшие к нему лица удержали его. Сформировав действующую армию из явившихся на сборный пункт контингентов, что было по тогдашним условиям обязанностью главнокомандующего, Приск двинулся на север. В 15 переходов он достиг Дуная и, переправившись через реку, занял старое заброшенное укрепление на левом берегу Дуная, которому Феофилакт дает имя — Верхние Новы. Хан считал эту территорию принадлежащей к его

[1078] Ib. 7, 3.
[1079] Ib. 7 , 4 - 5.—Какую реку следует понимать под именем Иливакии или Элибакии, об этом не решаемся гадать.
[1080] *Theoph. Sim.* 7, 6, 1.
[1081] *Theoph.* 274—276.
[1082] *Johannis.* Vita S. Demetrii, *Acta, SS.* Octobris, IV, cap. 13—14, p. 107—148.—Дата указана два раза, в параграфах 111 и 143.
[1083] *Paul. diac.* 4, 24.

державе и заявил протест; но Приск ему возражал и оправдывал свое пребывание в тех местах удобствами, какие они представляли для охоты и пастьбы коней.[1084] Не удовлетворившись объяснением Приска, хан осадил Сингидон и предложил жителям переселиться во внутренние области его царства. Приск поспешил на защиту города. Посадив войска на корабли, он оставил их на острове в 30 римских милях от Сингидона, а сам поднялся вверх по Дунаю до старой крепости Констанциолы, находившейся в обладании хана. Здесь состоялось его свидание с ханом. Оставаясь на корабле, Приск переговаривался с ханом, который восседал на троне на берегу. По описанию Феофилакта, переговоры ограничились взаимными упреками. Приск отдал приказ своему ипостратигу Гудуину вступить в Сингидон. Когда Гудуин подплыл к городу по реке и беспрепятственно высадился на берег, осаждавшие город войска хана закрылись табором из телег. Гудуин смело пошел на приступ. Опасаясь одновременной вылазки из города в тыл их позиции, варвары бежали. Вступив в город, Гудуин занялся прежде всего укреплением стен.

Считая действия Приска нарушением мирного договора, хан отправил свои войска на грабеж Далмации. Приск послал туда же Гудуина с двухтысячным отрядом. Выслеживая движения неприятеля обходными путями по горным тропам, Гудуин выведал от попавшихся в плен, где находился центральный лагерь для склада добычи. Хан взял крепость, которой Феофилакт дает имя Βάλκεις (Валки, по Феофану),[1085] разграбил 40 селений в ближайшей области и отослал добычу в лагерь. Гудуин напал на охрану врасплох, перебил ее и овладел всем награбленным добром, которое и препроводил в распоряжение главнокомандующего. Эта неудача заставила хана покинуть Далмацию.[1086]

Летом того года, когда происходили эти события в придунайских областях (598 г.), в Константинополь прибыло посольство от великого хана турок. Хан извещал Маврикия, как своего союзника, о том, что ему удалось после долгой кровавой борьбы восстановить свое властное положение, и он именовал себя «великим повелителем семи колен и господином семи климатов вселенной».[1087] Внутренние междоусобицы заставили турецкую волну отхлынуть на дальний восток внутрь азиатских степей, где и разыгрались кровавые битвы, обеспечившие вновь верховную власть хану. Феофилакт не дает нам его имени, но весьма вероятно, что то был брат Турксанфа, Тарду, Та-te-ou, как называли китайцы самого могущественного властителя турок в это именно время. Это обращение хана к императору было последним событием в ряду сношений, начавшихся в конце правления Юстиниана, и только уже при Ираклии империя вновь вступила в сношения с выделившимися из великой турецкой державы хазарами.

Успешные действия Приска в 598 году не имели характера войны с аварами, и мир, по словам Феофилакта, держался затем в течение 18 месяцев. Зимой 599 года хан сделал поход в Скифию и расположил свой лагерь около города Том (Кюстендже). Приск в предупреждение опасности, грозившей Томам, двинул войско в том же направлении и расположил свой лагерь неподалеку от места стоянки аваров. Не нападая друг на друга, войска простояли здесь всю зиму. Когда близились дни Пасхи, приходившейся в тот год на 10 апреля, в римском лагере обнаружился недостаток провианта, и хан выразил готовность оказать помощь союзной армии. Большой обоз с хлебом вступил в римский лагерь, и на время дней Пасхи водворился полный мир и свободное общение между войсками. Приск, со своей стороны, прислал хану перцу, который тогда получался из Индии, лаврового листа и других пряностей. Когда миновали дни Пасхи, войска разделились; хан вскоре покинул свои стоянки близ Том и двинулся по линии Дуная на запад к Никополю.[1088]

Так рассказан этот интересный эпизод у Феофилакта и воспроизведен у Феофана. Внимание хана к нуждам римского войска и уважение к дням христианского праздника является мало понятным, равно как остается неясной цель зимовки хана в столь далекой от его земли местности.[1089] Как бы то ни было, самая возможность добрых отношений между римским полководцем и ханом свидетельствует о том, что существовал и действовал мирный договор, связывавший обе стороны, и что в войске хана были христиане. Это могли быть гепиды, лангобарды, а также и римские пленники из придунайских областей, обжившиеся на чужбине.

Поход хана к Никополю был вызван полученным им известием, что римские войска под начальством Коменциола направляются с юга. Во время остановки на реке Ятре хан оказался поблизости от римского лагеря. Наш главный источник Феофилакт так излагает разыгравшиеся тут события. — Около полуночи Коменциол послал к хану вестника с письмом и одновременно с тем отдал приказ по войскам вооружиться, не предварив, что предстоит битва. Солдаты поняли этот приказ в том смысле, что главнокомандующий хочет сделать смотр в походе, как то было в обычае, и вооружались для смотра, а не для боя. Но когда рассвело, они увидели перед собой аваров в боевом строю. По всему войску раздавалась брань на командира за его предательство, но авары не нападали, и солдаты имели возможность вооружиться и построиться в боевой порядок. Коменциол своими бестолковыми распоряжениями о перестановке отдельных частей вызвал полный беспорядок, а войскам правого крыла дал тайный приказ бежать, собрав свой багаж. Это вызвало еще большее замешательство. Авары не нападали и оставшиеся на месте войска вернулись вечером в свой лагерь. Ночью Коменциол выслал из лагеря часть войск, как бы на разведку, а наутро сам покинул лагерь под видом охоты. Когда выяснилось бегство вождя, оставленные им войска перешли через Ятру и бежали. Авары заняли проход (клисуры). Построившись тесным строем, римляне пробились и, оставив много убитых, рассеялись. Авары прошли через перевал и дошли до города Дризиперы, взяли его, разграбили церковь мученика Александра и выбросили его мощи.

За нечестивым поступком аваров последовала кара. В лагере вспыхнула чума и стала свирепствовать со

[1084] *Theoph. Sim.* 7, 7, 3—5; *Theoph.* 276—277.—У Феофана этот поход помещен под 16 годом Маврикия, т. е. от 14 августа 597 г. по 13 августа 598 г. — Войну в Далмации (о чем дальше) он помещает под 17 годом Маврикия.

[1085] Шафарик высказывал догадку, что следует разуметь нынешний город Беляй к югу от Карлштадта.

[1086] *Theoph. Sim.* 7, 10—12, 9; *Theoph.* 277—278.

[1087] Ib. 7, 7, 8.

[1088] Ib. 7, 13.

[1089] Почему хан избрал местом зимовки Скифию, это также не совсем понятно. Быть может, он нуждался в пастбище для табунов.

страшной силой. В числе жертв было семь сыновей хана.[1090] Это бедствие задержало дальнейшее движение аваров.

Когда в Константинополе стало известно, что авары взяли Дризиперу, началась страшная паника. Население собиралось бежать на азиатский берег Босфора. Маврикий распорядился выслать на охрану Долгой стены экскувитов, пешие войска, какие оказались в столице, и димотов. На восьмой день после этого сенат в заседании убедил императора отправить к хану посольство. Его исправление было поручено Арматону.[1091] Хан правил траур по погибшим детям и принял посла только на 12-й день по его прибытии. В гневе на императора за нарушение мира, он долго отказывался принять присланные ему дары. Посол сумел, однако, успокоить гнев хана, и переговоры закончились заключением мира на следующих условиях: император обязывался увеличить дань на 20 тысяч золотых,[1092] а хан — признавать границей империи течение Дуная и право римлян переходить за Дунай для войны со славянами. С горьким упреком императору хан повторял слова: «Пусть Бог будет судьей между Маврикием и ханом, между римлянами и аварами». По заключении мира хан увел свои войска за Дунай.

Феофан, заимствовавший сведения об этих событиях из Феофилакта, дополняет их эпизодом, которого нет в его источнике. — Хан предложил Маврикию выкупить пленных по номизме (золотому) за человека. Маврикий отказался. Хан два раза сбавлял цену — на половину и на четверть, 4 кератия. Маврикий не принял и этой цены. Тогда хан перебил всех пленных.[1093] Наряду с этой версией эпизода избиения пленных есть другая, сохранившаяся для нас в фрагментах писателя более ранней даты, Иоанна Антиохийского, которая гласит так. — Маврикий знал о ненависти к нему солдат фракийской армии за то, что он не выкупил пленных у хана, а потому, в предупреждение бунта, он послал тайный приказ Коменциолу предать хану своих солдат. Дело, однако, получило огласку. Солдаты овладели личностью своего командира, заставили его выдать тайный приказ и с тех пор искали случая убить Маврикия.[1094] Таким образом, по свидетельству Иоанна Антиохийского, гибель пленных относится к более раннему времени, чем договор, заключенный в Дризипере. Тот же автор сообщает, что Коменциол был отрешен от командования и на его место был назначен Филиппик. Другие наши источники не знают этой подробности.

В армии было страшное раздражение против Коменциола, которого обвиняли в предательстве, и в столицу явилась депутация, которая потребовала предания его суду. Она была принята в заседании синклита в присутствии императора. В числе депутатов был сотник Фока. Он держал себя так дерзко, что один сенатор оттягал его за бороду и выбранил за неуважение к особе императора. Фока смолчал и только грозно поглядел на обидчика.[1095] По делу Коменциола была наряжена следственная комиссия. Она признала его невиновным, и за ним было сохранено командование.[1096] Феофилакт, наиболее подробно изложивший ход событий, упустил, очевидно намеренно, эпизод о гибели пленных, хотя и помянул о депутации от армии с жалобой на Коменциола и отметил оправдание его по суду и сохранение за ним его поста. Число погибших пленных дано у Георгия Монаха, а именно: 12 тысяч человек, т. е. по условиям того времени — целая армия.[1097] Не подвергая сомнению эпизода о гибели пленных вследствие нежелания Маврикия выкупить их по самой низкой цене и не придавая значения сохраненной у Георгия Монаха точной цифре, нельзя не признать, что дунайская армия имела весьма основательные мотивы питать враждебные чувства к Маврикию.[1098]

Мир с аварами был возобновлен, но, по словам Феофилакта, Маврикий пожелал его нарушить.[1099] На следующую весну Коменциол, за которым было сохранено командование, явился в сборный пункт, назначенный для армии. Ему удалось примириться с солдатами.[1100] Пройдя с армией на Дунай, он соединился с Приском. По приказанию императора Приск объявил армии на сходке о расторжении мира с аварами. Вожди вступили в Виминакий, чтобы оттуда организовать переправу на вражескую территорию. Охрану места переправы хан поручил своим четырем сыновьям. Преодолев оказанное сопротивление, войска высадились на левом берегу Дуная, заняли сильные позиции и укрепили лагерь. Коменциол захворал и остался в Виминакии. Получив известие, что варвары собираются напасть на римский лагерь с большими силами, Приск поспешил к армии. Все суда он отослал на правый берег Дуная, чтобы отрезать возможность бегства для своих солдат. Варвары сделали нападение на лагерь, но римские войска дали отпор, и битва закончилась для них очень счастливо: римляне потеряли только 300 человек, а варваров легло на поле битвы 4 тысячи. На третий день варвары собрались еще в большей массе и пошли на приступ. Победа осталась за римлянами, и варваров легло 9 тысяч человек. На следующий день повторился приступ, и варвары уже не делились на отряды, а напирали всей массой. Приску удалось не только отразить их, но и загнать в болота. В числе погибших в этой битве были сыновья хана. Общая цифра потерь варваров доходила до 15 тысяч человек.

Хан бежал на Тису и собирал там новые силы для борьбы с римлянами. Приск последовал за ним, и на 30-й день после первой победы одержал новую. После этого он выслал за Тису четырехтысячный отряд, который наткнулся на три селения гепидов, разгромил их и вернулся в главный лагерь с большой добычей. 20 дней спустя произошла большая битва на Тисе, окончившаяся новой победой римлян. В числе взятых в плен было 3 тысячи аваров, 6 тысяч «других варваров», т. е. вероятно гуннов, и 8 тысяч славян. Приск препроводил пленных под сильной охраной в Томы. Но раньше чем Приск успел сообщить императору о своих успехах, хан отправил в

[1090] Ib. 7, 14—15.
[1091] У Феофана — ‘Αρματζων.
[1092] У Феофана — 50 тысяч.
[1093] *Theoph.* 289, 2—20.
[1094] *Johan. Antioch.* De ins. c. 106, p. 147.
[1095] *Johan. Antioch.* De ins. c. 106, p. 148; *Theoph.* 289, 2—20.
[1096] *Theoph. Sim.* 8, 1.
[1097] *Georg. mon.* De ins. c. 36, p. 183.
[1098] Проф. Бьюри делает догадку в оправдание Маврикия, что то были дезертиры. *Bury,* Lat. Rom. Emp. II 86.
[1099] Ib. 8. 2, 1.
[1100] Ib. 8, 1, 11: κκὶ τῶν Ρωμαίων περὶ τῆς λύπης διαλυσαμένων τῶ στρατηλῶ. Термин ‘Ρωμαίος употреблен в значении солдата, как у Иешу Стилита и Иоанна Эфесского.

Константинополь посольство с настойчивым требованием выдать ему попавших в плен аваров. Император приказал Приску исполнить волю хана, и пленные авары были отосланы к их повелителю.

Коменциол, остававшийся все время в Виминакии, в конце лета прошел в Новы. Так как уже наступали зимние холода, то он хотел скорее вернуться в Константинополь и искал проводников, которые могли бы его провести по старой дороге, носившей имя Траяна. Еще 90 лет тому назад эта дорога была заброшена. Коменциол сделал попытку разыскать ее. По пути войско сильно страдало от холодов и большая часть вьючных лошадей пала. Добравшись с большими затруднениями до Филиппополя, он провел там зиму и только весною вернулся в столицу.[1101]

В 602 году Маврикий назначил главнокомандующим своего брата Петра. По слухам о том, что хан хочет захватить дунайские пороги, Петр прошел с войсками на Дунай в местности близ впадения Эска (Искер) в Дунай. Центром расположения войск был город Паластол.[1102] Дело ограничилось переговорами между Петром и полководцем хана Апсихом. Войска вернулись в Адрианополь, но Маврикий приказал Петру организовать экспедицию за Дунай. Петр поручил это дело своему ипостратигу Гудуину и прибывшему из столицы скривону Бонозу. Под их начальством войска переправились через Дунай в земли славян, грабили и разоряли их селения.

Успешные действия имперских войск за Дунаем возымели свое действие на славянские племена, и анты, более отдаленные от аваров восточные славянские племена, вступили в союз с империей. Чтобы покарать их за измену, хан направил в их земли своего военачальника Апсиха. Где и как действовал Апсих, об этом нет сведений в наших источниках; но Феофилакт вслед за упоминанием об этом походе прибавляет интересное сведение, что в эту пору было большое бегство от аваров на службу императора. Хан был этим очень обеспокоен и всякими мерами старался вернуть к себе перебежчиков.[1103] Были ли перебежчики авары или славяне, признававшие хана своим повелителем, об этом Феофилакт ничего не сказал, и эпизод этот остается неясным. Во всяком случае переход в подданство императору от хана являлся грозным симптомом и свидетельством успеха политики Маврикия в перенесении войны за Дунай. Гудуин и Боноз после удачного набега на славян переправились на римский берег Дуная. Но Маврикий потребовал от Петра, чтобы войска перезимовали на славянской земле. Исполняя волю императора, Петр назначил местом переправы город Секуриску и направился навстречу войскам, возвращавшимся из похода. Миновав укрепление Асим (у впадения Осьмы в Дунай), войска подошли к Секуриске. Опасаясь враждебного настроения солдат, Петр не решился ехать в их лагерь, а остановился со своим штабом в 20 милях от лагеря армии. Сюда к нему явилась депутация от войска, в которой был и будущий император Фока, с настоятельной просьбой прекратить поход и распустить войска на зимние стоянки. Петр вовсе не одобрял распоряжения императора, осуждал и самые мотивы его требования, а именно: желание освободить казну от расходов на содержание армии, которая будет кормиться за счет грабежа во вражеской земле; но он считал своим долгом исполнить волю императора и обещал депутатам завтра явиться к армии в лагерь. В беседе с Гудуином он осуждал императора и скорбел о том, что план этот внушен ему корыстными соображениями. Явившись в лагерь вместе с посланным от императора, он объявил самый приказ. Среди солдат началось страшное возбуждение. Выйдя из лагеря, они собрались на сходку. Петр и многие офицеры вместе с ним покинули лагерь. На следующий день солдаты подняли на щит Фоку и предоставили ему власть над собою. Петр, узнав об этом, бежал в Константинополь и привез туда известие о бунте.

ДЕЛА В АФРИКЕ И ИТАЛИИ

Жизнь областей латинского языка и культуры, воссоединенных с империей при Юстиниане, мало привлекала к себе внимание византийцев. От времени Маврикия сохранилось только одно свидетельство летописца под 587 годом и краткое сообщение Феофилакта Симокатты о событиях 596 г. Летописная заметка ограничивается упоминанием общего характера о больших тревогах, которые в тот год причиняли мавры в Африке и лангобарды в Италии,[1104] а Феофилакт помянул о блестящих успехах магистра армии в Африке Геннадия в 596 году. — Несметные полчища мавров подступили к самому Карфагену и повергли в ужас население. Не располагая достаточными силами для открытой борьбы с насильниками, Геннадий вступил в переговоры и согласился на все их требования. Когда же они стали праздновать пиром свой успех, он вероломно напал на них, произвел страшное избиение, отнял награбленную ими добычу и рассеял тех, кто уцелел от побоища.[1105]— Этими двумя заметками исчерпывается то, что дают византийские источники за время Маврикия о жизни западных областей империи.

Помянутый выше Геннадий действовал в Африке при Тиверии. Маврикий послал его вновь в Африку, быть может, в связи с теми тревогами, которые причинили мавры в 587 году. При Тиверии Геннадий состоял в звании магистра армии, и первенство в ранге оставалось за префектом претория, как то засвидетельствовано в указе от 582 года.[1106] При Маврикии он прибыл в Африку с новым титулом экзарха, ἔξαρχος. Слово *экзарх* употреблялось в официальных документах времени Юстиниана в общем значении офицера в противоположность к солдатам.[1107] При Маврикии этот термин стал применяться в значении наместника сначала в Италии, а затем и в Африке. Он встречается впервые в письме папы Пелагия II от 583 года.[1108] Эту реформу в системе администрации вызвали тяжкие условия, в которых оказалась Италия после утверждения в ней лангобардов. Диль в своем исследовании о

[1101] Ib. 8. 4.
[1102] Очевидно, тот самый город, который у Прокопия носит название Polatiolon, место переправы на Дунае, где тогда на левом берегу было римское укрепление Сикибида. *Procop.* De aed. 4, 6, p. 291.
[1103] Theoph. Sim. 8, 6, 1.
[1104] *Theoph.* 261, 27—29.
[1105] *Theoph. Sim.* 7, 6, 6—7.
[1106] *Jus gr.-rom.* III. Nov. 13.
[1107] *Nov. Just.* 103, c. 1, 5, 6— τοις ἐξάρχοις και τοις στρατιώταις. — Также и у Малалы, напр. 373, 1. У Феофана слово экзарх употребляется уже в значении главнокомандующего: стратиг и экзарх флота Василиск (115, 29), Нарзес — экзарх римлян (228, 19).
[1108] *Pelagii* Epp. 1. (P. L. 72, 704).

Равеннском экзархате делает весьма вероятное предположение, что слово экзарх в новом значении вошло в жизнь еще при Юстине II, когда в Италию был отправлен зять императора и вероятный наследник его престола, Бадуарий.[1109] Но в сохранившемся материале источников только при Маврикии употребляется этот термин в значении наместника в западных областях империи. Живые факты и свидетельства современников, и прежде всего папы Григория, с полной определенностью выясняют, что экзарх был не только главнокомандующим военной силы в стране, но и верховным начальником гражданского управления.

Геннадий оставался во главе управления Африки, по-видимому, до самой смерти, последовавшей не раньше 598 года.[1110] Его сменил на этом посту Ираклий, земляк Маврикия, отличившийся в персидской войне. Вместе с Ираклием прибыл в Африку его брат Григорий, занявший пост его помощника по военной части.

Ближайшим последствием утверждения лангобардов в Италии было изменение старых административных делений страны. Целый ряд областей вышел из-под власти императора и вместо прежних административных центров должны были возникнуть новые. Город Рим окончательно потерял свое значение столицы еще при Юстиниане, а одновременно с отозванием Нарзеса его преемник Лонгин, вероятно ввиду вторжения лангобардов, основался в Равенне, которая получила значение административного центра Италии. Истрия, прежде соединенная с Венецией, является отдельным от Венеции управлением.[1111] Кампания разделилась на две части: одна тяготела к Риму, другая — к Неаполю. Аримин, бывший прежде в единстве с Равенной, составил также самостоятельное управление. Самний после утверждения лангобардов в Беневенте должен был исчезнуть как административная единица, но в письме папы Григория от 592 года помянут judex Samnii (который, впрочем, находился тогда в Сицилии). С течением времени территория Италии разделилась в административном отношении на следующие части: Истрия, Венеция, Равенна с Калабрией, Пентаполь, Рим, Неаполь с Бруттием и Лигурия. Остров Сицилия не входил в экзархат и составил со времен Юстиниана особую административную единицу под начальством претора.[1112]

После смерти царя Клефа лангобарды обходились без царя и занятые ими области Италии разделились на 36 самостоятельных герцогств. Независимые друг от друга и не объединенные властью царя, герцоги предпринимали со своими дружинами грабительские походы по стране. Так прошло десять лет. В 583 году лангобарды восстановили у себя царскую власть и избрали царем Автариха, сына Клефа.[1113] Так как имя Флавий принимали по давней традиции византийские императоры и его присвоил себе в свое время Теодорих остготский, то его принял также и Автарих, как претензию на самостоятельную верховную власть в стране.

Рим был лишен военной охраны, и папа Пелагий II приказывал своему нунцию при императорском дворе, которым был тогда диакон Григорий, будущий папа, настоятельно просить у императора о присылке войска для охраны Рима, так как экзарх не обладал достаточными силами, чтобы охранять ближайшую к Равенне область.[1114] Война на восточной границе лишала императора возможности оказать помощь Италии. Опасаясь оживления агрессивных действий со стороны лангобардов, Маврикий отправил посольство к франкскому царю Хильдеберту и послал ему 50 тысяч золотых, чтобы склонить его предпринять поход в Италию. Хильдеберт исполнил волю императора и перешел через Альпы с большими силами. Но лангобарды откупились от него, и он заключил с ними мир. Узнав об этом, Маврикий стал требовать обратно свои деньги, но их не получил.[1115] Автарих осадил город Брикселл. Гарнизон храбро отбивался под начальством герцога Дроктульфа, который раньше того перешел на службу императора. Аламанн по крови, выросший среди лангобардов, Дроктульф достиг положения герцога и по каким- то личным мотивам перешел на службу императора. Осада закончилась тем, что Автарих предоставил гарнизону почетное отступление в Равенну с оружием и занял город.[1116]

Лангобарды свободно хозяйничали в Италии, нередко угрожали Риму и прерывали сообщение с Равенной.[1117] В своих походах на юг страны Автарих дошел до города Регия и въехал в море, чтобы тем символически отметить, что он взял под свою власть весь материк.[1118] Византийский двор продолжал сношения с франками; Хильдеберт со своей стороны отправил посольство в Константинополь, которое совершило свой путь через Карфаген.[1119] В исполнение обязательств, принятых на себя перед императором, Хильдеберт сделал три похода в Италию. Первый не имел никаких последствий, так как франки и аламанны, принявшие в нем участие, рассорились между собой и повернули назад.[1120] Второй был, по свидетельству Павла Диакона, весьма неудачен для франков (588 г.), а третий (590 г.), во время которого франки пробыли в Италии три месяца, окончился для них весьма несчастливо, так как они сильно пострадали от повальных болезней.[1121]

Поздняя осень 589 года ознаменовалась большими бедствиями от наводнения, как в северной Италии, так и в Риме. Тибр вышел из берегов и затопил город; много зданий было подмыто и рухнуло. Когда вода спала, началось другое бедствие: эпидемические болезни, сопровождавшиеся страшной смертностью. В начале эпидемии умер папа Пелагий II (8 февраля 590 года). Клир и народ сошлись на одном выдающемся человеке,

---

[1109] *Diehl,* Eludes sur l'administration byz. dans l'Exarchat de Ravenne, p. 17—18.
[1110] *Greg.* Epp. 9, 9; 11 —от 598 г.
[1111] *Greg.* Epp. 9, 93.
[1112] *Nov. Just.* 104 (75). К претору Сицилии обращено письмо папы Григория от 590 года, Epp. 1 , 1 .
[1113] *Paul. diac.* 3, 16.
[1114] *Pelagii* Epp. (P. L. 72, 704—705).
[1115] *Paul. diac.* 3, 17. Об этом походе знал Иоанн Бикларийский — *Chr. min.* II 217—quae res utrique genti non parva intulit damna.
[1116] *Paul. diac.* 3, 18—29.
[1117] *Paul. diac.* 3, 24.
[1118] Ib. 3, 32.
[1119] Письма Хильдеберта и Брунхильды к императору, императрице, патриарху, епископу Домициану и некоторым сановникам сохранились, см. *Dom Bouquet,* Recueil, IV. — Посольство от франков побывало в Константинополе в 592 году. По сообщению Феофилакта (6, 3, 6—8), франки предлагали Маврикию союз для войны с аварами, но требовали за это определенной платы, и Маврикий отказал им.
[1120] *Greg. Tur.* 8, 18; *Paul. diac.* 3, 22.
[1121] Ib. 9, 3; ib. 3, 31.

который давно успел стяжать себе всеобщее признание. То был диакон Григорий. По своему происхождению он принадлежал к самому знатному римскому рода Аниciев, приходился правнуком папе Феликсу, владел крупным состоянием и в молодые годы начал служебную карьеру. В 573 году он достиг сана префекта Рима.[1122] Но энтузиазм к монашеству, увлекавший в ту пору в Италии очень многих, охватил и его. Отказавшись от мира, он посвятил себя созерцательной жизни и в своих владениях в Сицилии основал шесть монастырей, превратил в монастырь и свой дом в Риме. Углубив свое знакомство со Священным Писанием и творениями Августина, Григорий стал выступать в качестве проповедника и стяжал себе большую популярность как живым словом, так и широкой благотворительностью. Папа Бенедикт назначил его членом коллегии семи диаконов, ведавших дело благотворения римской церкви, а папа Пелагий отправил в 579 году в Константинополь в качестве своего нунция. На этом посту Григорий пробыл до 585 года. Находясь в постоянном общении с двором, он завязал близкие отношения с членами императорского дома, сестрой Маврикия Феоктистой, епископом Домицианом, полководцем Нарзесом, которые поддерживал и впоследствии в переписке. Вернувшись в Рим, он исполнял обязанности настоятеля в своем монастыре и в то же время принимал живое участие в делах церковного управления. Когда скончался папа Пелагий II, Григорий был самым видным лицом в Риме, и все сходились в единодушном желании предоставить ему папский престол. Но сам он решительно отказывался и, когда совершилось избрание, написал письмо императору, прося его не утверждать этого выбора. Письмо было перехвачено префектом, и выбор был утвержден. Желая выставить с похвалой смирение Григория, его биограф рассказывает, будто он пытался бежать из Рима, но был силой возвращен. 3 сентября состоялось его посвящение, и римская церковь получила в его лице сильного и властного главу, который посвятил на служение ей всю свою богатую энергию, все силы своего большого ума и пламенного итальянского патриотизма.

Избрание Григория на папский престол было встречено с радостью расположенными к нему людьми в Константинополе. Он получал приветствия и поздравления и отвечал на них. Синодальную грамоту с исповеданием веры к восточным патриархам он послал только уже в феврале 591 года.[1123] В заключении послания Григорий заявил, что признает все пять вселенских соборов и для ясности своего отношения к пятому перечислил писания трех авторов, осужденных на этом соборе. В ту пору в Италии еще не улеглось то волнение, которое вызвали в свое время указы Юстиниана о «трех главах», и папе Григорию пришлось не раз возвращаться к разъяснению широко распространенного недоразумения, будто Халкидонский собор умален в своем значении и достоинстве осуждением трех глав.

В том же 590 году, когда Григорий вступил на папский престол, умер 5 сентября царь Автарих. Эту неожиданную смерть могучего героя объясняли отравлением. Немедленно после смерти царя лангобарды отправили посольство к Хильдеберту с извещением об этом событии и просьбой о мире. За несколько месяцев до смерти Автарих женился на дочери царя баварцев Гарибальда, Теоделинде. Она умела сыскать расположение лангобардской знати, и ей было предоставлено право избрать себе мужа. Она выбрала тавринского герцога Агилюльфа. Брак был отпразднован в ноябре, а в мае 591 года, когда герцоги съехались в Медиолан, было совершено торжественное провозглашение Агилюльфа царем.[1124] В первые годы правления новому царю пришлось подавлять восставших против него герцогов в Северной Италии.[1125] Так в Италии в одно и то же время произошла смена на папском троне и лангобардском престоле. Теоделинда была воспитана в православной вере, и это обстоятельство сумел использовать папа Григорий.

Первые заботы папы были обращены на имущественные дела римской церкви. Со всей своей энергией Григорий принялся за упорядочение недочетов управления и водворил строгий контроль. Значительная часть его огромной переписки относится именно к этой стороне обязанностей преемника св. Петра. Правильное хозяйство обеспечивало доходы святейшего престола, а деньги были нужны на все и в частности на военное дело.

Глава западной церкви считал своим долгом борьбу с ересями. Лангобарды, плохие тогда христиане, исповедовали арианство, и Автарих в последний год своей жизни издал повеление, которым он воспрещал лангобардам крестить детей у православных священников. В январе 591 года Григорий издал циркулярное повеление всем епископам Италии всякими способами стараться крестить лангобардов и превращать их тем самым в чад своей церкви. В смерти Автариха он видел проявление праведного гнева Божьего за этот указ.[1126] То обстоятельство, что царица Теоделинда была воспитана в православии, давало папе поддержку в его заботах об искоренении арианства среди лангобардов. С 593 года он вступил в письменные сношения с царицей,[1127] которые не прерывались до самой его смерти. Папа поставил себе целью подчинить лангобардов своей церковной власти и мог впоследствии гордиться успехом. Но в самом начале своего правления он имел и другую более настоятельную заботу.

Лангобарды распространяли свое господство, бродили по Италии вооруженными шайками, совершали насилия и грабежи. Силы, которыми располагал экзарх, были ничтожны по числу и имели довольно дела на севере поблизости к центру лангобардского царства. Рим был уже давно предоставлен сам себе и охрана его огромных стен лежала на обязанности только одного полка, который носил имя «солдат Феодосия», Theodosiaci. Их было далеко недостаточно для охраны стен, но как писал папа летом 592 года, остальные войска были уведены из Рима для охраны других важных пунктов. Нераспорядительность правительства проявлялась и в том, что солдаты не получали полагавшегося им жалованья (roga). Области, прилегающей к Риму, которая позднее получила имя Ducatus Romanus, а тогда еще не имела специального названия, угрожал с севера герцог Сполетия Ариульф, а с юга герцог Беневента Арихис.[1128] Весною 592 года Агилюльф сам подступил к Риму и безжалостно убивал и

[1122] *Greg.* Epp. 4, 2. Ewald принимает чтение *praetura*, но этот сан в Риме уже исчез к тому времени. Ср. *Diehl*, Ex. de Rav. p. 127, п. 4 и *Hodgkin*, Italy and her invaders, V, 288. Год его префектуры точно не засвидетельствован.
[1123] *Greg.* Epp. 1, 24.
[1124] *Paul. diac.* 3, 35.
[1125] Ib. 4, 3.
[1126] Ib. 1, 17.
[1127] Ib. 4, 4.
[1128] Герцогство было ему предоставлено Агилюльфом в 591 году по смерти Цоттона. Он происходил из Форума-

калечил людей. В то же время Арихис теснил Неаполь. Папа писал экзарху, поручал воздействовать на него епископу Равенны, сообщал об опасном положении Неаполя.[1129] Но его воззвания оставались тщетными. Папа сам посылал военных командиров для действий против Ариульфа, давал им приказы,[1130] а в то же время вступил в личные сношения с врагом и заключил с ним сепаратный договор. В Неаполь он от себя послал трибуна Константия, чтобы руководить делом защиты города, и известил об этом население.[1131] Вероятно, соглашение с Ариульфом не обошлось без денежных затрат, хотя позднее папа заявлял, что дело было слажено без всяких издержек со стороны государства.[1132]

Сепаратный мир, заключенный папой, не встретил одобрения со стороны правительства. Экзарх Роман прошел с войском в Рим, был встречен с подобающей честью и занял помещение в старом дворце императоров на Палатине. Оставшись в Риме очень недолгое время, он двинулся назад в Равенну и с целью обеспечить сообщение занял целый ряд городов: Сутрий, Полимарций (Бомарцо), Горта (Орте), Тудер (Тоди), Америя, Луцеолы (Кантиано) и Перузия. Этот последний город был ему сдан Мавризионом, который предпочел перейти на службу к императору. Узнав о походе Романа, Агилюльф выступил из Тицина, отвоевал Перузию, казнил Мавризиона и пошел на Рим. Папа принимал меры по организации обороны в сотрудничестве с префектом города Григорием и магистром армии Кастом.[1133] Агилюльф совершал под Римом зверства всякого рода, и папа сам видел, как уводили связанных за шею пленных. Папа знал, что их ведут на продажу во Францию.[1134] По всему вероятию, между папой и царем состоялось частное соглашение, так как Агилюльф покинул римскую область и вернулся в Тицин.

Политика папы в отношении лангобардов совершенно не сходилась с действиями экзарха. В 595 году папа вел переписку с экзархом через его схоластика и сам писал императору, что Агилюльф готов заключить прочный мир с империей.[1135]

Отношения с лангобардами за эти годы оставались в прежнем виде. Лангобарды продолжали грабить и захватывать города. Папа считал своей обязанностью выкупать пленных, и это поглощало большие суммы.[1136] На это благочестивое дело папа получал приношения от церкви и частных лиц. В одном письме от 597 года к сестре Маврикия Феоктисте папа дает отчет об израсходовании полученных от нее 30 фунтов золота. Половина пошла на улучшение жилища монахинь, а другая на выкуп пленных, захваченных год тому назад во взятом лангобардами Кротоне.[1137]

Мысль папы о необходимости заключить прочный мир с лангобардами не встречала сочувствия при дворе, так как там жила, по-видимому, надежда вытеснить их из Италии. Экзарх Роман был против мира, и папа считал его главным противником своей идеи и частичного ее исполнения. Смерть Романа в конце 596 года облегчила положение. Его преемником был Каллиник.[1138] При нем начались переговоры с Агилюльфом, но дело затянулось надолго. Григорий был искренне рад приближению исполнения своего заветного желания, но отказался от подписи, которой требовал на тексте договора Агилюльф.[1139] Мир был заключен на два года в 599 году. По этому поводу Григорий писал радостные и благодарственные письма Агилюльфу и Теоделинде, которой вменял в большую заслугу ее искреннее участие в ускорении дела и прекращении непрерывного кровопролития.[1140]

Когда желанный мир настал, Григорий проявил огромную деятельность по возобновлению отношений к тем местностям, с которыми прежде затруднены были сношения. Внешнее свидетельство о его усиленных трудах дает следующее наблюдение над составом его переписки: из общего числа писем 851, 238 приходятся на один год от 1 окт. 598 г. по 1 окт. 599 г.[1141]

Когда срок перемирия истек, экзарх захватил дочь царя Агилюльфа с ее мужем и отправил их в Равенну. Со своей стороны Агилюльф осадил Патавий (Падуя). Имперские войска храбро вели оборону, но Агилюльф поджег город и выпустил храбрый гарнизон в Равенну.[1142]

Поддерживая союзные отношения с аварами, Агилюльф послал хану по его просьбе корабельных мастеров для его военных предприятий против империи.[1143] Хан со своей стороны прислал на помощь лангобардам славян, вместе с которыми они вторглись в Истрию и подвергли страну страшному опустошению.[1144] В борьбе со славянами Каллиник имел некоторый успех, и папа поздравлял его с победой. Военные действия с лангобардами продолжались вблизи Равенны, и Каллиник потерпел поражение. В ноябре 602 года произошло низвержение Маврикия, и императорский престол занял Фока. Папа Григорий, питавший в своем сердце глубокую обиду на Маврикия за бедствия Италии, радостно встретил перемену на троне и приветствовал убийцу как избавителя от тех зол и бедствий, которые терпела империя при его предшественнике.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

В сфере церковной политики правление Маврикия проходило в относительном мире. Император строго

Юлия, и приходился в родстве с Гизульфом. *Paul. diac.* 4, 18.
[1129] Ib. 2, 4 (июль).
[1130] Ib. 2, 32, 33.
[1131] Ib. 2, 34.
[1132] Ib. 5, 36, p. 319, 9.
[1133] *Paul. diac.* 4, 8.
[1134] *Greg.* Epp. 5, 36.
[1135] Ib. 5, 34; 36.
[1136] Ib. 6, 32 (весна 596 г.)
[1137] Ib. 7, 23. Ср. письмо к Рустициане; 8, 22 от 598 г.
[1138] Первые о нем упоминания в письмах Григория от мая и июня 597 г. —7, 19; 26.
[1139] Ib. 9, 44, октябрь 598 г.
[1140] Ib. 9, 65 и 67.
[1141] На это указал *Hodgkin,* V 425.
[1142] *Paul. diac.* 4, 23.
[1143] Ib. 4, 20.
[1144] Ib. 4, 24.

держался православия и все четыре патриарших трона на Востоке имели своих представителей, находившихся во взаимном общении и в единении с римским папой. Трон св. Марка еще при Тиверии (580 г.) занял Евлогий, переживший Маврикия. Антиохийский престол занимал Григорий, сменивший в 570 году Анастасия, который был низложен за расточение церковных средств и оскорбление императора.[1145] Григорий пользовался милостивым вниманием двора и оказал большую услугу императору своим умелым участием в умиротворении бунта 588 года. Он умер в 594 году, и Анастасий вновь занял свою кафедру. Папа Григорий, имевший возможность за время своего пребывания в Константинополе близко ознакомиться с отношениями восточной церкви, продолжал признавать низложенного Анастасия законным епископом и свое синодальное послание 591 года обратил к пяти патриархам, а не к четырем.[1146] Возвращение Анатолия на его кафедру папа радостно приветствовал своим посланием.[1147]

Православная церковь в Египте и Сирии была лишь господствующей и наряду с ней стояла враждебная и непримиримая монофизитская церковь, имевшая свою иерархию. Раздор в недрах монофизитов продолжал свое разрушительное действие и разлагал церковь на секты.[1148] Внутренняя вражда и раздоры привели некоторых монофизитских епископов к воссоединению с господствующей церковью. Родственник императора Домициан, епископ Мелитены, пользуясь своим влиятельным положением, принимал решительные меры воздействия в Месопотамии, но, по свидетельству монофизитских источников, не имел успеха и вызывал еще большее ожесточение.[1149] По сообщению Евагрия, Григорий Антиохийский, водворив в Сергиополе кресты, присланные Хосровом, объезжал с миссионерскими целями пограничные области своей паствы и имел некоторый успех.[1150] Мундар, ревностно стоявший на стороне монофизитов, был тогда уже в далекой ссылке, и император пожелал использовать это обстоятельство в целях утверждения церковного единства. О воссоединении части армянской церкви было упомянуто выше.[1151]

Единомыслие с римским престолом, который занял с 590 года Григорий, два раза за время правления Маврикия резко нарушалось. В 593 году Маврикий издал эдикт, имевший целью ограничить право поступления в монастыри. Стремление к монашеству было в ту пору знамением века. Наряду с людьми призвания, было много других, для которых монашество являлось удобным способом уклонения от обязанностей. Маврикий запретил всем состоявшим на службе чиновникам соединять со службой духовное звание и принимать монашество, самовольно оставляя службу. Это касалось прежде всего людей военного звания, которым и было запрещено поступать в монахи раньше выслуги срока службы. Папа восстал против этого эдикта всей силой своего авторитета и в длинном послании к императору излагал свои мысли о неприемлемости нового закона.[1152] Одновременно с тем он обращался с посланиями к влиятельным людям при дворе с просьбой со своей стороны подействовать на императора.[1153] Протест папы возымел свое действие, и Маврикий отказался от намерения упорядочить дело поступления в монахи.

Два года спустя явился новый повод для разногласия, в котором папа проявил большую настойчивость и раздражение. Самый вопрос имел уже некоторую давность и восходил ко времени папы Пелагия II, предшественника Григория. Константинопольский патриарх Иоанн принял титул вселенского (οικουμενικός) на основании решения поместного собора в 587 году. Папа Пелагий опротестовал это новшество и, высказывая свое смирение, стал именовать себя рабом рабов, servus servorum. В 595 году этот спор опять оживился, и папа Григорий вел его с большой настойчивостью и раздражением. В обширном послании к императору он разъяснял мотивы своего протеста,[1154] писал о том же императрице,[1155] восточным патриархам [1156] и самому Иоанну.[1157] В письме к своему апокрисиарию при императоре, Сабиниану, Григорий принимал очень резкий тон, приказывал ему бороться всеми способами против недостойной претензии Иоанна и в конце письма заявлял, что «согласиться на это преступное словечко не что иное, как потерять веру», а потому запрещал ему продолжать с Иоанном церковное общение.[1158] Спор закончился со смертью патриарха Иоанна (2 сентября 595 года). Преемником Иоанна был Кириак, который состоял в добрых отношениях с Григорием, когда тот жил в Константинополе. Папа дружески отозвался к Кириаку,[1159] а одновременно с ответным письмом на его синодальное послание[1160] писал императору, одобряя с большой хвалой его выбор.[1161] Папа был в точности осведомлен о том, как произошло посвящение Кириака, и счел нужным сделать замечание епископам Эллады, состоявшим под его юрисдикцией, за то, что они вместе с другими возглашали при выходе Кириака слова псалма: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он». Он находил этот почет чрезмерным и осуждал то, что епископы в своем донесении ему писали, что Кириак «появился, как солнце». Папа

1145 *Evagr.* 5, 5.
1146 *Greg.* Epp. 1, 24.
1147 Ib. 5, 42 (595 г.).
1148 Из текста писем папы Григория, 3, 61 и 64, можно извлечь формулировку некоторых пунктов этого указа: ne quis ad ecclesiasticum efficium venial implicatus publicis administrationibus; *ut* nullus *qui* actionem publicam egit, nul)us qui optio vel manu signatus vel inter milites fuit habitus, ei in monasterio converti liceat, nisi forte si militia eius expleta fuerit.
1149 *Mich. Syr.* X. 23, p. 371—373.
1150 *Evagr.* 6, 22.
1151 См. стр. 359.
1152 *Greg.* Epp. 3, 61.
1153 Ib. 3, 64.
1154 Ib. 5, 37.
1155 Ib. 5, 39.
1156 Ib. 5, 41.
1157 Ib. 5, 44.
1158 Ib. 5, 45.
1159 Ib. 7, 4.
1160 Ib. 7, 5.
1161 Ib. 7, 6.

внушал им большую осмотрительность в суждениях о человеке, который только начинал свою деятельность.[1162] Скоро, впрочем, Кириак навлек на себя неудовольствие папы. Он не отказывался от титула вселенский, который носил его предшественник, и это обстоятельство вызвало новый протест со стороны папы. Император поддерживал патриарха, и это усилило раздражение против него папы, которое имело еще и другой источник в тогдашних политических отношениях Италии.

НИЗВЕРЖЕНИЕ МАВРИКИЯ

Благочестивый, многосемейный и чадолюбивый Маврикий не владел умением располагать к себе людей. Проявив с самого начала своего правления большую заботу об обогащении своей родни и затратив большие суммы на украшение родного города, он вызвал уже тогда зложелательные толки и получил презрительные клички, которые записал современник. Нашествие аваров в 588 году, когда враг был так близко от стен Константинополя, вызвало дерзкие манифестации против императора со стороны столичного населения и дало свидетельство о его непопулярности. Попытка сделать экономию на сокращении жалованья военным людям в начале того же года вызвала открытый бунт армии, воевавшей с персами, который однако, благодаря Герману и помощи патриарха Григория, благополучно закончился. Когда прекратилось военное положение на восточной границе и правительство могло сосредоточить свои заботы на охране придунайских областей, Маврикий занялся пересмотром военных законов и вторично сделал попытку сократить солдатское жалованье. И на этот раз ему не удалось сделать экономию, и он лишь вызвал против себя раздражение в дунайской армии. Репутация алчного к деньгам и скаредного человека, не брезгавшего никакими способами в целях обогащения, прочно утвердилась за Маврикием. Папа Григорий, лично знавший Маврикия в первые годы его правления, когда он состоял при константинопольском дворе в звании апокрисиария римского престола, находившийся затем непрерывно в деловых сношениях с двором, когда стал папой, получавший денежные пособия от жены императора и его сестры Феоктисты на благотворительные цели, заклеймил в резких выражениях этот порок Маврикия в своем письме к его кровавому убийце. Приветствуя Фоку по поводу его вступления на царство, папа выражает свои надежды на лучшее будущее в таких словах: «Да прекратятся злоумышленные посягательства на завещания, любезность дарений, насильственно отнимаемых. Да вернется для всех уверенность в обладании собственным имуществом, чтобы все могли без опасений испытывать чувство радости владеть тем, что приобретено без обмана».[1163] Другое столь же резкое свидетельство сохранил египетский летописец Иоанн Никиуский. Он утверждает, что Маврикий принимал ложные доносы на богатых людей, возбуждал на их основании процессы, кончавшиеся конфискацией имуществ, и обвиняет его также в предосудительных спекуляциях с египетским хлебом как в самом Египте, так и в столице, которые будто бы продолжались за все время его правления. «Все его ненавидели, — так заканчивает свой отзыв Иоанн, — и говорили, как может Константинополь терпеть такого дурного императора! Возможно ли, что он — отец пяти сыновей и двух дочерей, он, который применяет такую тиранию до конца своего царствования».[1164] Историк Феофилакт Симокатта, писавший с очевидным сочувствием к Маврикию, вложил в уста брата императора Петра тяжкое осуждение Маврикия за его алчность к деньгам.[1165]

Скромный провинциал, вознесенный прихотью судьбы на трон императоров, Маврикий засвидетельствовал узость своего кругозора и скудность понимания своего высокого жребия в своем завещании, которое он составил в 597 году во время тяжкой болезни, угрожавшей опасностью жизни. Этот документ был найден несколько лет спустя после его трагической кончины и не был, по-видимому, известен при его жизни. Рассматривая империю как свое достояние, он хотел ею распорядиться как своим семейным добром. Старшему сыну Феодосию, который был уже в младенчестве объявлен императором, он отписал Константинополь и восточные области, второму, Тиверию, — Рим, Италию и острова, остальные области распределились между младшими сыновьями, которые были еще в младенческом возрасте. Так как в ту пору Феодосию шел 13-й год, то общим опекуном был назначен епископ Домициан.[1166] Плану Маврикия разделить империю на царства не суждено было осуществиться. Он оправился от болезни и завещание осталось неизвестным. Императорский сан редко переходил по наследству за протекшие века существования империи и по своей идее не подлежал кровному наследованию. Константин Великий, сокрушивший искусственную систему Диоклетиана, сделал впервые попытку разделить империю на уделы между сыновьями и племянниками. Но это дробление не осталось в силе, и идея императорской власти, сочетавшись с христианством, выросла в своем содержании и прочно утвердилась в сознании тогдашних поколений. Юстиниан своим продолжительным и настойчивым трудом собирания утраченных римских областей, своим законодательством, своей религиозной политикой придал новый блеск и мощь старой идее. Маврикий, который был отделен от Юстиниана лишь небольшим промежутком времени в 17 лет, остался на троне провинциалом с узким кругозором бережливого и пекущегося о своих детях отца и доброго родственника. Между ним и его великим современником, папой Григорием, лежала целая пропасть. Члены придворной знати со своими родовыми традициями и опытные в делопроизводстве канцелярии держали на относительной высоте государственное управление, которое шло в старых формах; но такой император не мог быть популярен в этой среде, как не был он популярен и в среде столичного населения, которое, вероятно, имело смутное чувство несоответствия узкого кругозора Маврикия с тем образом императора, какой жил в сознании народных масс.

[1162] Ib. 7, 7.

[1163] *Greg.* Epp. 13, 34. Quiescat felicissimis temporibus vestris universa respublica prolata sub causarum imagine praeda pacis. Cessent testamentorum insidiae, donationum gratiae violenter exactae. Redeat cunctis in rebus propriis secura possessio, ut sine timore habere se gaudeant, quae non sunt ab eis fraudibus acquisita. Так писал Григорий Фоке в мае 603 года.

[1164] *Chron. de Jean de Nik.,* p. 526. Число детей Маврикия не соответствует действительному, но это, быть может, даже подтверждает достоверный характер заметки о враждебных толках. Младшие дети Маврикия в год его низвержения были еще младенцы, а эти осуждения ходили раньше и были записаны каким-нибудь современником, от которого и заимствовал Иоанн это сведение.

[1165] *Theoph. Sim.* 8, 8, 2.

[1166] Ib. 8, 11, 7—11.

Конец правлению Маврикия положил военный бунт, подготовлявшийся в течение нескольких лет в дунайской армии. Свойственная людям всех времен вера в предзнаменования отразилась в записях хронистов, сохранивших такой рассказ. — В марте месяце 601 года вдовствующая императрица София, удержавшая и при Маврикии свой сан августы, и жена Маврикия, Константина, поднесли императору новую великолепную корону как подарок в день Пасхи. Вместо того чтобы возложить ее на себя, Маврикий повесил ее в храме св. Софии над престолом. Обе императрицы увидели в этом дурное предзнаменование, и Константина провела Пасху в раздоре с супругом.[1167]

Хотя в тот год Приск поднял славу римского оружия в вероломной войне с аварами, но популярность императора падала все ниже. Это сказалось в двух эпизодах, занесенных в хроники. — Однажды какой-то человек в монашеском одеянии прошел по людным улицам от Форума до Халки с палкой в руках, изображавшей меч, и предсказывал смерть от меча императору и его семейству. В ноябре во время одной умилостивительной процессии, когда император шел в толпе без обуви вместе со своим сыном Феодосием, и шествие достигло квартала Карпиан, кто-то бросил в Маврикия камнем, и за первым полетело много других. Герман закрыл своего зятя Феодосия плащом и увлек его из толпы, император бежал и едва укрылся в Влахернском храме. А толпа, выискав человека, похожего на императора лицом, набросила на него черный плащ, посадила на осла и водила с издевательством по городу, в грубых шутках издеваясь над многочисленностью детей императора. Хронист прибавляет, что было много арестов и казней. Феофилакт, также занесший этот эпизод в свою историю, свидетельствует, что император покарал нескольких виновных ссылкой, но скоро вернул их из изгнания. Он дает также и объяснение причины народного раздражения против императора: в столице в ту пору был недостаток в хлебе.[1168]

Через год после того разыгрался бунт в армии, о чем было изложено выше в другой связи. Когда Петр привез в столицу известие о бунте, Маврикий, как бы не придавая этому значения, стал чаще обычного давать ристания на ипподроме. Так как слухи о бунте проникли в столицу, то на ипподроме было сделано через глашатаев объявление успокоительного характера. Венеты, партия императора, кричали: «Бог, повелевший тебе царствовать, положит под ноги твои всякого, кто восстает на твою державу. Если римлянин (т. е. солдат) восстает на тебя, Господь покорит его без пролития крови». Прасины кричали: «Господь, творец всяческих, покорит тебя всякого врага, своего и чужого, без крови». Император сказал в ответ: «Пусть вас не тревожит своеволие и бесчинство солдат». На четвертый день после этого, император вызвал представителей димов и справился насчет численности димотов. Сергий представил ему список 1500 членов партии зеленых, Косьма — 900 синих.[1169]

Между тем Фока во главе восставшей армии продвигался к городу. Маврикий отправил к нему послов, но Фока отпустил их без ответа. Охрану стен города император поручил димам. В это время наследник престола Феодосий выехал по приглашению своего тестя в пригородное имение, где была устроена для него охота. Из мятежного стана ему было доставлено письмо с предложением или самому принять верховную власть, или предоставить ее Герману, так как армия отказывается признавать императором Маврикия. Обеспокоившись известием об этом, Маврикий вызвал сына в столицу и назначил начальником охраны города Коменциола.

Мятежники, приближаясь к столице, захватывали по дороге конские табуны, принадлежавшие императору или частным лицам, но не посягали на табуны Германа. Это обстоятельство вызвало у Маврикия подозрение в соучастии Германа в восстании. На следующий день по его возвращении в Константинополь Маврикий пригласил его во дворец и в присутствии Феодосия начал его упрекать в измене. Герман оправдывался, но не мог разубедить императора. Видя раздражение отца против своего тестя, Феодосий вышел его проводить и шепнул ему на ухо, что ему грозит смертельная опасность. Вернувшись к себе домой по главной улице города, Средней, Герман вечером того же дня бежал в церковь Богородицы, носившей имя Кира. Узнав о его бегстве, Маврикий послал евнуха Стефана, воспитателя своих детей, с приказанием вывести Германа из убежища. Но оруженосцы заступились за своего господина и с бранью выгнали Стефана из церкви. Когда совсем стемнело, Герман бежал в храм св. Софии. Маврикий был страшно разгневан и избил палкой Феодосия, считая его виновником бегства Германа. Герман оставался в храме, окруженный вооруженными телохранителями. Маврикий послал экскувитов взять его. Возбуждение в городе росло. Герман, не зная за собой никакой вины, готов уже был выйти из церкви; но из толпы, набившейся в преддверии храма, некто Андрей, член клира, закричал во всеуслышание: «Беги Герман, спасай свою жизнь, над тобой витает смерть». Герман убежал во внутренние части храма, и в городе разразился бунт. Целый поток брани сыпался на Маврикия, и среди возгласов раздавался и такой: «Пусть сорвут с того кожу, кто любит тебя, Маврикий маркианист». Последнее слово оживляло память о ереси старых времен. Димоты, сторожившие стены, оставили порученную им охрану и вернулись в город, чтобы принять непосредственное участие в бунте против государя. Прасины подожгли дом Константина Ларда, сенатора, близкого к особе императора и пользовавшегося его особым доверием и расположением.

Бунт населения и то страшное ожесточение, которое видел кругом себя Маврикий, побудили его покинуть столицу. Сняв царские одежды, он со своей семьей и верным ему Константином Хардом бежал на корабль, чтобы переехать на другую сторону Босфора. На море была буря, корабль страшно трепало, и с большим трудом удалось пристать в бухте около городка Пренета близ храма мученика Автонома. Разыгравшаяся подагра заставила императора слечь в постель. В Константинополе всю ночь бушевала толпа, поносила Маврикия, а также и патриарха Кириака. Не располагая никакими силами для борьбы с восстанием, Маврикий решил отправить Феодосия к Хосрову, своему названному сыну, которому он оказал помощь в такое же трудное время. Феодосий быстро собрался в путь и уехал в сопутствии Константина Ларда в Никею; но здесь его нагнал посланец

[1167] *Theoph.* 281, 13—20.

[1168] *Johan. Antioch.* De ins. c. 107, p. 148; *Theoph. Sim.* 7. 12, 10; 8, 4, 11—5, 4; *Theoph.* 283, 7—12. *Niceph. Call.* 18, 28 — относит этот случай к празднику Рождества Христова и поминает о чуме, которая посетила город в эту осень. Свидетельство о чуме сохранил также Михаил Сириец — X, 23, p. 373—374, — но он относит ее к более раннему году.

[1169] *Theoph. Sim.* 8, 7, 11.

от отца с приказанием воротиться назад.

Между тем Герман, оставшийся в столице, пришел к мысли использовать в своих интересах создавшееся положение. Он вступил в сношения с Фокой и обратился к содействию димов. Принадлежа сам к партии венетов, он был уверен в их сочувствии своей кандидатуре на престол. Но нужно было заручиться согласием прасинов. Герман обратился к димарху прасинов Сергию с просьбой поддержать его кандидатуру. Посредником в этих сношениях был некто Феодор, агент Фоки, возведенный войском в звание силенциария. Щедрые обещания всяких милостей не склонили прасинов в пользу Германа, так как они не верили, что он изменит своей партии. Отвергнув предложения Германа, прасины вышли навстречу Фоке и с радостными кликами сопутствовали ему до Евдома. Сделав здесь остановку, Фока послал Феодора с грамотой, которую тот должен был прочесть в храме св. Софии. Фока приглашал к себе в Евдом патриарха, синклит и димы. Все подчинились повелению бунтовщика.

Патриарх потребовал от Фоки ручательства, что он будет блюсти чистоту веры и спокойствие церкви. В заседании, которое составили все чины, Фока поставил вопрос об избрании на царство Германа. Но так как Герман начал с отказа, а димы усиленно выкрикивали имя Фоки, то собрание склонилось к тому, чтобы предоставить ему верховную власть. Избрание было завершено шествием в храм св. Иоанна Предтечи, расположенный поблизости от трибунала. Фока прожил два дня в Евдоме и затем совершил с подобающим великолепием торжественный въезд в столицу в царской колеснице. По пути он бросал в народ золотые монеты из царских сокровищ, а на следующий день выдал солдатам обычный донатив.

На пятый день его жена Леонтия была провозглашена августой. Это событие было отпраздновано великолепным выходом. Из-за спора о месте, где кому стоять, между димами вышло столкновение и началась свалка. Один из близких к Фоке офицеров, по имени Александр, которому было поручено усмирить димотов, толкнул и выругал димарха венетов Косму. Обидившись на грубое обращение, Косма сказал: «Потише! Не умер ведь еще Маврикий». Это слово побудило Фоку распорядиться арестовать Маврикия и его семейство. Низложенного императора привезли в Халкидон, и Фока поручил производство казни низверженного государя своему доверенному человеку, по имени Лилий. Казнь совершилась публично на глазах толпы на моле Евтропия в Халкидоне. Несчастный отец должен был пережить казнь своих пяти сыновей, из которых младший был еще младенцем. Кормилица хотела подменить его своим ребенком, но Маврикий воспротивился этому и имел решимость сам указать, где находится его сын. Свидетели казни были поражены спокойствием Маврикия в эти ужасные минуты конца его жизни и слышали, как он часто повторял про себя слова: «Праведен еси, Господи, и прав суд Твой». После детей казнен был отец. Тела казненных были брошены в море, которое прибило их к берегу, а головы Лилий принес Фоке, и они были выставлены на Военном поле перед трибуналом как трофеи победы.

После Маврикия с сыновьями казнены были брат его Петр, Коменциол, доместик Петра Презентин, ипостратиг Филиппика Георгий и тот сенатор, который таскал Фоку за бороду.[1170] Филиппик принял пострижение в основанном им монастыре в Хрисополе и остался жить.[1171] По сообщению одного позднейшего сирийского писателя, почерпывавшего свои сведения из более древних источников, Филиппик искал сближения с Фокой и предлагал ему свою службу, но был отвергнут как предатель, после чего и удалился в свой монастырь.[1172]

Феодосий, которого отец отозвал с пути на восток, вернулся и, узнав об ужасной кончине отца, искал спасения в церкви св. Автонома. Убить его был послан Александр, один из близких людей Фоки. Он убил Феодосия, а также и верного его спутника Константина Ларда. Голова Феодосия не была выставлена на Военном поле, и это вызвало впоследствии слухи, будто Александр пожалел Феодосия и дал ему возможность бежать на восток. Эти слухи обошли всю империю. Вдова Маврикия, императрица Константина, была развенчана и помещена вместе с тремя дочерьми в частном доме, где и жила под строгой охраной.[1173]

Жестокая гибель Маврикия и проявленная им сила духа в грозный час кончины вызвали впоследствии сострадание к нему, а кровавое правление Фоки усилило жалость к погибшему. Под влиянием этого настроения сложились легенды, которые нашли себе место в повествованиях историков. Иоанн Антиохийский рассказывает о видении, посетившем Маврикия. — Ему привиделось, что он стоял в зале Халки, украшенной пурпурным мрамором и Божий глас спросил его, где он хочет получить возмездие за грехи, в этой ли жизни, или будущей? Маврикий пожелал возмездия в этой жизни и услышал в ответ, что он будет выдан воину Фоке.[1174] Этот простой рассказ является у Феофана в обширной мотивированной разработке. — Смерть пленных, которых Маврикий отказался выкупить, была сознана им как великий грех, и он начал усердно молить Бога о том, чтобы кара постигла его в этой жизни. Чтобы вымолить у Бога эту милость, Маврикий разослал всем патриархам и монастырям грамоту, составленную в этом смысле, и щедро дарил золото, воск и ладан, прося молитв о себе пред Господом. Однажды после горячей молитвы он имел ночное видение. Ему казалось, что он стоит пред иконой Спасителя на медных воротах дворца и кругом множество народа. Из иконы раздался голос самого Иисуса Христа: «Дайте мне Маврикия». Служители подвели его к Господу, и Он спросил его, в какой жизни он желает возмездия. На ответ Маврикия, что в этой, божественный голос приказал выдать его, жену и детей воину Фоке. Проснувшись, Маврикий приказал препозиту опочивальни позвать Филиппика, который содержался под стражей по подозрению в злых умыслах и покушении на трон. Препозит отправился к Филиппику, разбудил его и потребовал к императору. Филиппик и его жена Гордия решили, что Маврикий зовет его на казнь. Жена разразилась рыданиями, Филиппик собрался в последний путь и, представ перед императором, бросился к его ногам. Вместо гневных слов, которых он ожидал от Маврикия, он услышал просьбу простить его, а когда вышел

[1170] *Johan. Antioch.* De ins. c. 108, p. 149, 1.
[1171] Ib. p. 148, 34.
[1172] *Mich. Syr. X*, 25, p. 379.
[1173] Подробное изложение обстоятельств, сопровождавших восшествие Фоки на престол, дано у Феофилакта Симокатты — 8 , 7 , 8—13; 15, 1. У Феофана — 284—290 — гораздо короче, но с некоторыми дополнениями.
[1174] *Johan. Antioch.* De ins. c. 108, p. 148.

препозит, Маврикий сам пал к ногам Филиппика, просил простить его за дурные о нем мысли и спросил, знает ли он, кто такой Фока. Оказалось, что Филиппик знает, что это человек дерзкий и трус. Маврикий прибавил: «Если трус, то и убийца», и открыл зятю свое видение. В эту самую ночь на небе заблистала комета. На следующий день вернулся в Константинополь магистриан, побывавший в монастырях пустыни с грамотой императора и привез ответ от святых отцов в таких словах: «Господь, приняв твое раскаяние, спасает твою душу и упокивает тебя со святыми, но ты теряешь царство с позором и опасностью». Услышав это, Маврикий возблагодарил Господа за милосердие.[1175]

Впечатление ужаса, который переживали свидетели гибели Маврикия, вызвало рассказы о чудесных явлениях, случившихся в то время. Так, Феофилакт Симокатта сообщает, что в день этого страшного события епископ Халкидона собрал на мощах св. Евфимии, покоившихся в храме ее имени, свежую кровь на губке, которой он их обтирал. Истечение свежей крови из этих мощей было чудом, в которое верили в то время. С полной верой и очень подробно рассказал о нем антиохиец Евагрий, когда в своем изложении о Халкидонском соборе помянул о храме св. Евфимии. Он имел случай посетить этот храм и дал точное его описание и вид аркосолия, в котором покоились мощи, описал также и способ, каким происходило чудо.[1176] Феофилакт сообщает, что император Маврикий не верил в это чудо и в 12-й год своего правления приказал опечатать мощи св. Евфимии. Но в день его смерти чудо произошло на глазах многих лиц, и свежая кровь была выжата из губки в стеклянный сосуд.[1177] В Александрии, родном городе Феофилакта, произошло также чудо. Один ученый человек, проведший ночь на пиру у приятеля, который праздновал по александрийскому обычаю седьмой день по рождении сына веселой пирушкой, затянувшейся на всю ночь, возвращаясь домой через площадь, где стояли статуи, увидел, что они двигаются и услышал от них весть о гибели Маврикия. На следующее утро он сообщил об этом префекту Египта Петру, который приходился родственником автору, и тот, подивившись чуду, приказал ему молчать до времени. Когда на девятый день после того было получено известие о том, что произошло в Константинополе, префект позвал к себе того человека и заставил его при свидетелях рассказать, что ему сказали статуи.[1178]

Начавшееся с кровавых ужасов правление Фоки, вознесенного на трон сцеплением роковых случайностей, имело такое же кровавое течение. Придворная знать старалась к нему примениться и в первое время это кое-как удавалось. Но вскоре грубый солдат, почувствовавший власть в своих руках, отплатил ей за это кровью и вписал свое имя в скрижали истории страшными несчастьями, постигшими империю за краткое время его правления.

[1175] *Theoph.* 284, 21—285, 14.
[1176] *Evagr.* 2, 3.
[1177] *Theoph. Sim.* 8, 14. — Никифор Каллист — 18, 31 — представляет дальнейшую разработку этого мотива, заставляя самого Маврикия убедиться в реальности чуда, в которое он не верил.
[1178] Ib. 8, 13.

ДОПОЛНЕНИЯ

ЭКСКУРС К КРИТИКЕ СВЕДЕНИЙ О ВОССТАНИИ БАХРАМА-ЧОБИНА

Феофилакт Симокатта мотивирует восстание Бахрама-Чобина в таком рассказе. — От щедрых уплат, которые турки получали от персидского царя, они так разбогатели, что стали изготовлять из чистого золота кровати, столы, посуду, кресла (θρόνους), конскую сбрую. Не довольствуясь прежними размерами дани, они стали требовать ее увеличения. Это повело к войне, в которой турки потерпели поражение и сами превратились в данников персидского царя. Ормузд получил от добычи огромное множество всяких сделанных из чистого золота предметов обстановки и убранства. После блестящей победы Бахрама, одержанной в войне с турками, Хосров послал его в Сванию, κατά Σουανίας. Он разграбил эту страну и овладел знатной добычей, которую и отослал в Ктесифон. Покинув разграбленную Сванию, Бахрам направился назад и вышел на реку Аракс.

В эту пору в Лазике не было римских войск, так как все силы были сосредоточены на персидской границе. Император, получив сведения о действиях Бахрама в Свании, направил в Лазику вождя Романа. Прибыв в Лазику и обсудив положение дел с местным епископом, Роман отправился в Албанию.

Таково вступление Феофилакта в описании главного события. Из него видно, что автор не имел никакого представления о том, где именно действовал Бахрам против турок, и сближал эту местность с Кавказом. Он знал, что в соседстве Колхиды или Лазики (он употребляет оба имени) лежала область Свания. В эту страну он ведет Бахрама непосредственно после его победы над турками. Смутность географических представлений о Кавказе сказывается и в том, что, по его словам, Бахрам, ограбив Сванию, переходит немедленно на Аракс, направляясь, очевидно, в Атропатену, ближайшую область персидского царства. Если Хосров Ануширван в переговорах с Юстинианом и Юстином как будто придавал значение тому, что население Свании признавало свою зависимость от персов, то во всяком случае не потому, чтобы он мог дорожить обладанием этой запертой в горах области, населенной диким племенем, получавшим хлеб из Лазики. По миру 562 года, эта область перестала быть даже доступной для персов. Отсюда следует, что сообщение Феофилакта о походе Бахрама в Сванию является лишь недоразумением. Очевидно, Феофилакт здесь что-то перепутал. Он смешал имена Свании и Сунии. Под этим последним именем разумелась область к востоку от Арарата, в пределах которой лежало Гехамское море или Севанское озеро, ныне носящее имя Гокча, Siunikh у Моисея Хоренского, Sisagan у Захарии Ритора.[1179] Эта область отграничивается от Атропатены рекой Араксом. Переход с верхнего течения реки Окса по трудным горным дорогам в обход Каспийского моря в Атропатену и оттуда в пределы Сунии, потребовал бы много времени, и расстояние настолько велико, что вряд ли возможно допустить вероятность того, что Бахрам, справившись с турками на Оксе, в тот же год прошел в Атропатену и Сунию. Очевидно, в источнике, которым пользовался Феофилакт, театр войны с турками был перенесен на север от Кавказских гор. Отсюда представление, что Суния лежала на пути Бахрама, когда он возвращался с похода. Грабеж этой страны, совершенный будто бы по приказанию Хосрова и доставивший огромную добычу, является, очевидно, измышлением самого Феофилакта или его источника. Эта область принадлежала к составу Персидской Армении и никаких поводов опустошать ее персы иметь не могли. Хосров покарал в свое время армян за измену и переход под власть императора в 571 году. Но это кара касалась, по-видимому, больше всего Тарона, области, ближайшей к римской границе, население которой разбежалось в страхе перед Хосровом, когда он прошел через Армению в 579 году. Так как мы знаем, где Бахрам сражался с турками лучше, чем знал то Феофилакт, то и можем считать праздным вымыслом весь его рассказ о походе Бахрама в Сунию. Позволю себе высказать догадку об источнике этого вымысла. — Бахрам был начальником карательной экспедиции персов в Армению после измены 571 года. Быть может, в то время, т. е. 573—575 годов, он побывал в Сунии и приводил эту область на верность Хосрову. Об этом могли сохраниться рассказы, которые потом были приведены в связь с мнимым походом его за Кавказские горы против турок.

Свой рассказ о событиях Феофилакт продолжает так. — Бахрам хотел встречи с римской армией, и узнав о выступлении Романа против него, отошел в Гензак, чтобы заманить римлян в персидские области. Роман не желал продолжать похода и хотел вернуться назад; но солдаты рвались в бой с персами. Роман выслал вперед 40 разведчиков, чтобы следить за персидской армией. Разведчики были обмануты двумя персидскими лазутчиками и попали в руки Бахрама, все, кроме трех, которые дали знать Роману о несчастии своих товарищей. Подвергнув пытке разведчиков, Бахрам узнал, что силы Романа весьма слабы. Он перешел опять через реку (очевидно, Аракс) и двинулся против римлян. Роман отступил, отобрал лучших людей, оставил слабых на охране лагеря и двинулся против Бахрама с 10-тысячной армией. Две тысячи лучших воинов, составлявших передовой отряд, встретились с персами, напали на них, разбили и гнали до самого персидского лагеря. Эта удача подняла настроение войск Романа. Он решил дать сражение, и войска сошлись на Араксе. Места их расположения были разделены рекой. Вожди переговаривались между собой с противоположных берегов, и все были готовы испытать счастье боя. Битва произошла на пятый день. Обе армии были построены в трех колоннах. Вознамерившись расстроить центр боевой линии противника, Бахрам усилил свой центр за счет левого крыла. Римляне воспользовались этим, разгромили левое крыло и зашли в тыл неприятелю. В персидских рядах началась паника и всеобщее бегство. Римляне бросились преследовать и одержали блестящую победу.[1180]

Получив известие о поражении Бахрама, Ормузд пришел в страшный гнев. Он отставил его от командования и прислал ему женское платье. Гордый победитель турок не снес этой обиды и ответил ему оскорбительным письмом с надписанием: «Ормузду, дочери Хосрова». Знатного перса Сарама, который был прислан, чтобы принять командование над армией и отослать Бахрама в цепях в столицу, Бахрам предал жестокой казни, бросив его на растоптание слонам. Он отложился от царя и стал собирать войска для похода против Ормузда.

Так мотивировано восстание Бахрама. Весь рассказ о битве на берегах Аракса является вымыслом. Он сплетен

[1179] Прокопий—b. p. 1, 15, 1 — называет население этой области Σουνῖται.

[1180] *Theoph. Sim.* 3,7.

из солдатских рассказов об отдельных эпизодах битвы на реке Баларате близ Гензака, в которой Бахрам потерпел поражение от римских войск под начальством Нарзеса и Иоанна Мистакона. Эта историческая битва перенесена на берега Аракса, где Роман никак не мог оказаться, если он был послан в Лазику, как утверждает Феофилакт. Как возник этот рассказ и кто его сочинил, это не поддается выяснению, равно как и то, что именно прибавил от себя витиеватый Феофилакт ради мнимой ясности и последовательности рассказа.

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Научный редактор:

Грушевой А. Г.

Художественный редактор:

Кучукбаев В. С.

Корректор:

Абышко Л. А.

Кулаковский Юлиан Андреевич
«История Византии», том второй
(серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования»)

ЛР № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»
Санкт-Петербург, Конногвардейский бульвар, д.6, кв. 30
Телефон издательства: (812) 219-4670

Сдано в набор 20. 10. 1995 г. Подписано в печать 25.08. 1996 г. Гарнитура «Академическая». Бумага офсетная. Формат 60x90'/16. Печать офсетная. Объем 25 п. л. Тираж 3000. Заказ № 3220.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии №1 РАН «Наука» 199034, 9 линия, д. 12.